

1854

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

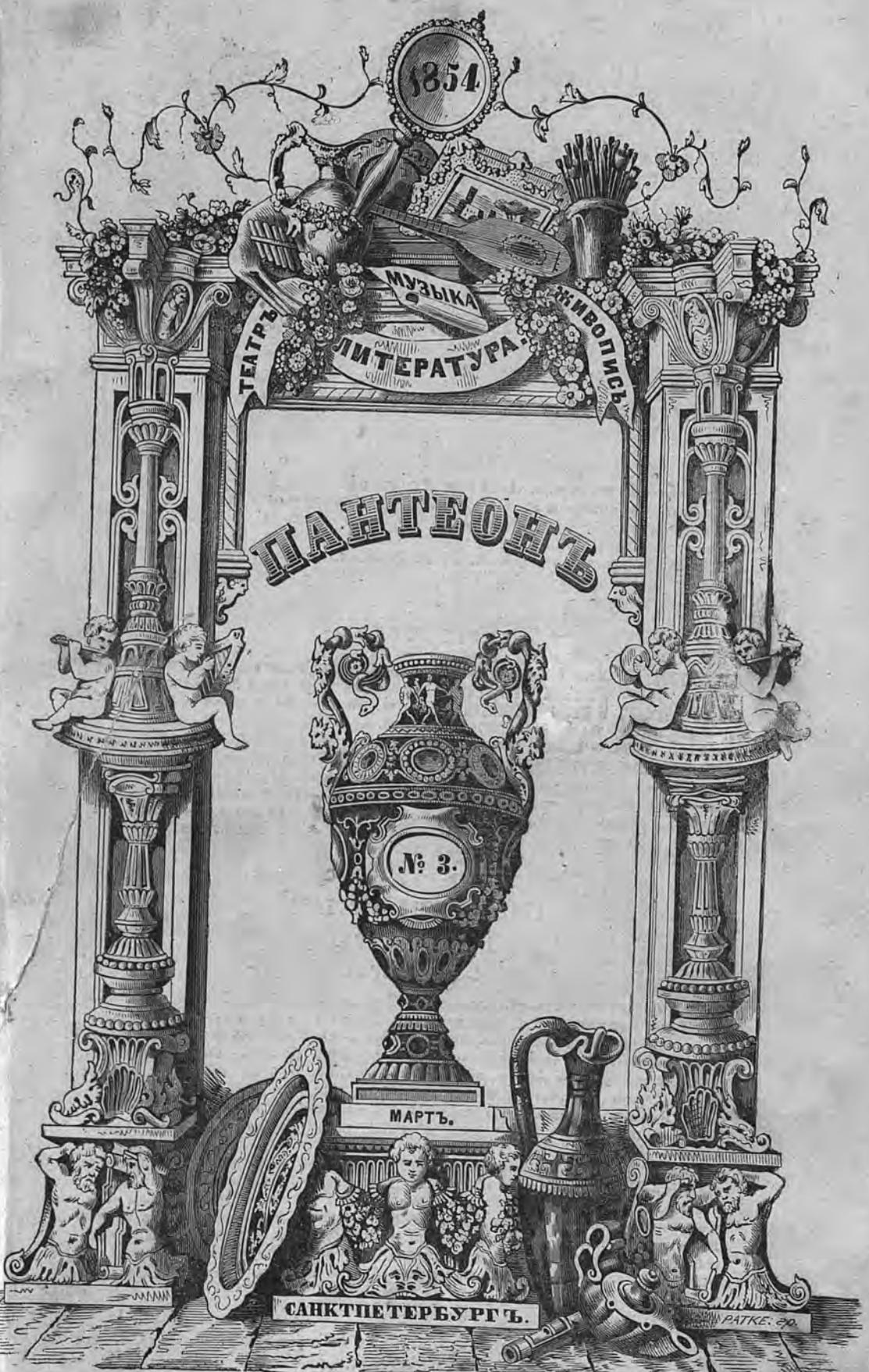
ПАНТЕОНЪ

№ 3.

МАРТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТКЕ. 20.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТІЙ КНПЖКЪ:

I.

СОСЪДКА. Часть 2-я. Романъ А. С. Чужбинскаго.
СТИХОТВОРЕНІЯ. Николая Щербины.

1. ЖЕНСКІЯ РЪЧИ.
2. ОСЕННЯЯ ЭЛЕГІЯ.
3. БЕЗМОЛВІЕ.
4. ЖЕНЩИНА.
5. МІРА.
6. МУЗЫКАЛЬНОЕ ЧУВСТВО.

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИС-ВА.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЖИВОПИСЬ ОТЪ ЕЯ НАЧАЛА ДО НЫНѢШНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

III. СМЕСЬ

1. Христофоръ Колумбъ. Альфонса Ламартина.
2. Питаніе чловѣка и животныхъ. В. И. Перекрестова.
3. Ловенскіе рассказы о Каспійскомъ рыболовствѣ. П. П. Небольсина.
4. Солдатское письмо съ Азіатско-Турецкой границы. В. И. Савкина.
5. Дневникъ уѣзднаго туриста. В. В. Толбина.

IV.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Жасмень и провансальская поэзія. — Германъ Мельвиль, сѣверо-американскій писатель. **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА:** Новая комическая опера Мейербергера. **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Оболочки, составляемыя инфузоріями вокругъ себя. — Наблюденія надъ болыною растеній въ 1853 году. — Происхожденіе Басковъ. — Еще польза отъ пчель. — Вліяніе воли на электричество. **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТЯ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Чудеса растительнаго царства въ Австраліи. — Египетскій разбойникъ Салемъ. — Золотые росыши на берегахъ Амазонской рѣки. — Памятникъ негру. — Ртутныя руды въ Калифорніи. — Столѣтняя годовщина вѣнской Академіи восточныхъ языковъ. — Экзерциція голландскаго войска на конькахъ. — Золотая бузда Карла IV. — Французскіе протестанты въ Европѣ. — Моя обезьяна (рассказъ).

V.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

1. ЖУРНАЛИСТИКА.

Три книги «Современника». — Стихотворенія. — Лермонтовъ, Майковъ, Некрасовъ, Фетъ. — Романъ г. Станицкаго. — «Два пріятеля» И. С. Тургенева. — «Дельвингъ». — Странное мнѣніе о гладкости стиховъ. — Рецензія дамскаго альбома. — Семь главныхъ поэтовъ, по мнѣнію «Современника». — Что такое поэзія? — Рашель и господинъ Панаевъ. — Возрожденіе иногороднаго подписчика. — Литературный ералашъ. — Стихи и проза ералашныхъ писателей. — Пародія на стихи г. Фета, напечатанная вмѣстѣ съ его стихами. — Біографія Н. В. Гоголя, и метафоры біографа. — Дополнитель біографіи г. Лонгиновъ. — Статья г. П. А.—ва, по поводу простонародныхъ рассказовъ, упомянутая по поводу неправильнаго языка. — Иногородный Подписчикъ и милые ему писатели. — Литературные гномы и знаменитая артистка». — Легкость составленія подобныхъ портретовъ. — Литературныя приличія. — Что думаетъ о нихъ Иногородный подписчикъ. — Десяносто два стихотворенія г. Тютчева, и одно князя Вяземскаго. — «Муму», повѣсть Тургенева. — Мартовская книга «Отечественныхъ Записокъ». — Стихи и проза Фета. — Стихи Майкова. — «Женнихъ изъ ножовой линіи». — Ученый языкъ критическихъ статей. — Нѣсколько словъ рецензентамъ статьи «Павелъ Андреевичъ Федотовъ» въ Отечественныхъ Запискахъ и Петербургскихъ вѣдомостяхъ. — Журналистика и Петербургскія Замѣтки.

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

Путевыя замѣтки. Повѣсти Т. Ч. Выпуски 1-й и 2-й. — Рассказы профъзаго, Павла Небольсина.

II. ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВА.

1. БАЛЕТЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Вліяніе моды на сценическія зрѣлища.—Бѣглый взглядъ на исторію нашего балета.—Новера и Дидло.—Марія Гальони.—Балеты ея отца.—Андреянова.—Новое направленіе балетовъ.—Фанни Эльслеръ.—Карлотта Гризи.—Мазилье.—Перро и его балеты.—Pas d'actions.—Тандорки прошлаго сезона.—Статистика балетныхъ спектаклей.—*Фаустъ*.—Содержаніе балета.—Сцены очарованія и семи главныхъ грѣховъ.—Драматическія сцены.—Шабашъ на Блоксбергѣ.—Послѣдняя сцена балета.—Г-жа Телла.—*Мефистофѣла*, программа балета, составленнаго Генрихомъ Гейне.—Будущность балетовъ.

2. ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Дѣятельность французской группы въ прошломъ сезонѣ.—Вліяніе Рашели на французскіе спектакли.—Замѣчательныя драмы и комедіи, данныя въ послѣднее время.—*Элоиза и Абельаръ*.—*Безприданницы*.—*Маріонетки доктора*.—*Невинныя шутки*.—*Честь семейства*.—*Донъ Цезарь-де-Базанъ*.—Характеръ героя пьесы въ драмѣ Гюго и у новыхъ авторовъ.—Страшныя замѣстоуванія.—*Честь и деньги*, комедія Понсара.—Характеры и стихи этой пьесы.—Другія комедіи.—Мариво и его пьесы.—Драматическія поговорки.—Октавъ Фелье и его *Партія въ шашки*.—*Вальнежскія сиротки*.—Французскія пѣсни на Петербургской сценѣ.—Хорошіе водевилы.—Водевилы плохіе.—*Драматическія шалости* и успѣхъ этой пародіи.—Общій выводъ изъ французскихъ спектаклей прошлаго театральнаго года.

3. НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Появленіе первой весны. — Послѣдніе отголоски Итальянской оперы, гг. Тамберликъ, Медори, Ронconi, Лаблашъ, г-жа де-Ларанжъ. — Развлеченія Петербурга. — Катанье на тройкахъ.—Загородныя пикники. — Концерты Гг. Давида, г-жи Ингеборгъ—Штаркъ, Кавалини, Чіарди и Рубинштейла. — Безплатный концертъ съ лотерей-аллегри и подобный же раугъ. — Механическая кукла въ Пассажѣ.—Концертъ любителей въ Царскомъ Селѣ.—Концертъ въ пользу Инвалидовъ. — Живыя картины. — Профессоръ Эдуардъ Разими. — Нѣчто объ имени и названіи. — Нѣчто о лотерейномъ счастіи. — Артистическія ожиданія и утраты: С. В. Самойлова. — Г. Арну.—Г. Белингъ.—Музыкальныя и литературныя новости. — Изданіе новаго любопытнаго Сборника. — Учрежденіе новой полезной компаніи, или нѣтъ болѣе въ Петербургѣ холода. — Наряды.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Еще Рашель. — Мѣлныя рго и contra — Русскій театръ. — Содержаніе комедіи «Бѣдность не порокъ.» — Благотворительный концертъ. — Картина Синопскаго сраженія. — «О познѣ», сочяненіе Аристотеля — въ переводѣ г. Ордынскаго. — Мѣлныя Лессинга объ Аристотелѣ. — «Раугъ», сборникъ г. Сушкова. — «Пробѣздъ черезъ Ковно.» — Нобисское на масленицѣ. — Концертные гости.

ВѢСТИ ИЗЪ ВНУТРЕННЕЙ РОССИИ.

Красная пушка. — Саранскія увеселенія. — Открытіе театра въ Симбирскѣ. — Новый театръ и клубъ въ Черниговѣ. — Собранія въ Самарѣ и Житомирѣ. — Театральныя, промышленныя и литературныя новости Одессы. — Митавскія ученныя новости. — Новое филантропическое заведеніе въ Ригѣ. — Замѣчательное извѣстіе изъ области естественной исторіи. — Змѣнная яма и медвѣжьей корень. — Панорама Кіева во время контрактовъ и Крещенской ярмарки. — Лица, лавки, движеніе. — Кіевскій театръ. Балетъ. Русская и польская труппы. — Спектакли въ Пензѣ.

VI.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 3.

ВЪРОЧКА. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе *М. П. Яцевича*.

ПРИЛОЖЕНІЯ: — *ОТСУТСТВУЮТЪ*

1. Портретъ композитора *Антоня Рубинштейна*.
2. Музыка: **НОВОЕ ПОПУРИ**, изъ мазурокъ **ШОПЕНА** для фортепьяно и пѣнія. *В. М. Кажинскаго*.

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ФЕДОРЪМЪ КОНИ.

ТОМЪ XIV.

❖ МАРТЬ. — КНИЖКА ТРЕТЬЯ. ❖

1854.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Апрѣля 1 го 1854.

Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

СОСѢДКА.

РОМАНЪ

А. С. ЧУЖБИНСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

—

XI

Семейство Блонскихъ почти безвыгздно жило въ Благодаровкѣ. Болѣзнь Вѣры была продолжительна и медленно выздоровленіе. Едва только къ концу января больная могла вставать съ постели; но время, когда уже ей можно было сидѣть и разговаривать, для бѣдняжки было необыкновенно пріятно: Ольга и Кренскій были при ней неотлучно, и разговоры шли одинъ другаго пріятнѣе, одинъ другаго разнообразнѣе.

Постоянная блѣдность Вѣры, яркій блескъ глазъ, и удовольствіе видѣть вокругъ себя искреннее участіе—придавали ей чрезвычайно много интереса.

Все это время Кренскій былъ въ какомъ-то странномъ положеніи. Онъ очень хорошо чувствовалъ, что пустота души его начинала наполняться, хотя и не могъ еще отдать себѣ отчета ка-

кое именно чувство просилось въ его одинокое сердце: участіе ли, дружба, или, можетъ быть и та прекрасная страсть, которой онъ въ себѣ не предполагалъ, но которая нерѣдко еще развивается въ его лѣта. Кренскій какъ-то оригинально смотрѣлъ на любовь, и всегда неохотно высказывалъ о ней свое мнѣніе, не желая въ этомъ случаѣ итти противъ большинства, утверждающаго, что человѣку въ извѣстномъ возрастѣ, слѣдуетъ на это чувство смотрѣть иными глазами, обсуживая и измѣряя его, какъ обстоятельство, имѣющее приложеніе къ практической жизни. Другія, суетныя страсти, порожденіе цивилизованнаго вѣка, развивающіяся въ зрѣломъ возрастѣ, не уничтожили въ немъ первоначальнаго юношескаго понятія о возвышенномъ и благородномъ чувствѣ, а глубокія страданія, испытанныя имъ послѣ встрѣчи съ легкомысленною Шарлотой, образовали въ немъ и укрѣпили то понятіе о любви, котораго онъ даже не рѣшался высказывать. Ему казалось страннымъ смотрѣть на женщину, не предполагая въ сближеніи съ нею эстетически высокихъ наслажденій; безнравственно грѣшнымъ казалось ему искать въ связи съ нею вещественныхъ благъ, случайно съ ней соединенныхъ. Это были для него главные вопросы жизни, такъ разнообразно разрѣшаемые каждый день человѣчествомъ, но ежедневно наводившіе на него печальное раздумье.

Общее мнѣніе безусловно отдастъ любовь извѣстной эпохѣ молодости, невольно наводя на мысль, что въ молодости человѣкъ несовершенно еще передѣланъ въ моральномъ отношеніи, и способенъ оцѣнить высокое чувство, для котораго юноша, изъ самыхъ чистыхъ, безкорыстныхъ видовъ, готовъ пожертвовать будущностью и жизнью, что самое сдѣлаетъ и серьезный, опытный человѣкъ, только изъ видовъ чувствительности. Можетъ быть, природа, внушеній которой не въ состояніи прослѣдить умы гениальные, облекла любовь юноши въ какую-то мечтательную поэтическую форму, нарочно для того, чтобъ это восторженное безгрѣховное чувство подавляло крѣпкую, свѣжую силу его и спасало отъ разврата, который былъ бы слѣдствіемъ молодости безъ этой невидимой, но поэтически-прекрасной власти. Когда же человѣкъ, мало-по-малу отряхаетъ съ себя юношескія фантазіи, и въ слѣдствіе условій общества, или въ силу своего характера, отрѣшается постепенно отъ своихъ прежнихъ благодатныхъ убѣжденій, прилѣпляется къ вещественному и становится серьезнымъ, тѣмъ не менѣе остается въ немъ любовь, не лишенная поэтическихъ фантазій, а чаще принимающая, хотя и

естественный, однако рѣзкій характеръ. Значить, напрасно отдають, любовь одной юности: она длится въ человѣкѣ до послѣдняго истощенія силъ, оставаясь даже и въ дряхлости, въ слабомъ воображеніи старика, но уже какъ что-то грустное, тихо пробѣгающее по охладѣвшимъ нервамъ... Разница только томъ въ что юноша дѣлаетъ глупости явно, не краснѣя; за одно пожатіе руки, за одинъ поцѣлуй готовъ на всевозможныя пожертванія, въ слѣдствіе несчастной любви; а зрѣлый человѣкъ въ состояніи исполнить все тоже что и юноша, но только тайно, не признаваясь что пружиною всѣхъ его козней—женщина, обладаніе которой кажется ему выше всѣхъ наслажденій въ мѣрѣ.

Но случается, что люди долго сохраняютъ въ себѣ юношескія понятія о любви, долго не расстаются, можетъ быть, и съ неправильнымъ, но тѣмъ не менѣе поэтическимъ вѣрованіемъ объ этомъ чувствѣ, и конечно, боятся подавать свое мнѣніе, отъ боязни насмѣшекъ тѣхъ изъ своихъ сверстниковъ, которые, считая себя разумными, серьезными, посмѣются надъ страданіями любви, а черезъ часъ незадумаются соблазнить какое нибудь бѣдное беззащитное созданіе.

Перейдя уже далеко за тридцать, Кренскій принадлежалъ къ числу людей, смотрящихъ на женщину съ возвышенной и благородной точки, за что и прослылъ у знакомыхъ поэтомъ, а извѣстно, что у насъ титулъ поэта дается тѣмъ, кого сумасшедшимъ назвать не рѣшаются, а дуракомъ не имѣютъ права. Слово «онъ поэтъ», произнесенное различнымъ тономъ, чрезвычайно многозначительно. Названія *приличный и порядочный*, принимая болѣе и болѣе тѣсное значеніе въ обществѣ, какъ-то рѣзче опредѣляютъ и это выраженіе «онъ поэтъ», если только оно дается не какъ названіе въ истинномъ значеніи этого слова. Самый безграмотный, невѣжественный франтикъ, пользующійся виднымъ мѣстомъ въ обществѣ, можетъ безнаказанно употреблять это слово въ отношеніи къ человѣку, который въ чемъ нибудь не подчинился обычаю, принятому въ околоткѣ. Наконецъ было бы грустно исчислять всѣ случаи, когда человѣка называютъ поэтомъ: ихъ столько найдется въ теченіи однообразной, рассчитанной свѣтской жизни, что, право, надо бы придумать другое слово для опредѣленія настоящаго *поэта*. Впрочемъ и доля послѣдняго чѣмъ же завидна въ обществѣ?

Правильны или не правильны были убѣжденія Кренскаго, но

онъ имъ слѣдовалъ, и счастье жизни основывалъ на строгомъ исполненіи своихъ благородныхъ вѣрованій.

Пріѣздъ Блонскихъ, какъ я сказалъ уже, имѣлъ вліяніе на жизнь добровольнаго отшельника. Но Кренскій колебался сознать въ себѣ чувство сколько нибудь больше—удовольствія быть въ обществѣ образованныхъ женщинъ, и колебался тѣмъ болѣе, что блистательная красота Ольги и свѣтлый умъ, доброта и гармоническій голосъ Вѣры, держали его въ равновѣсіи. Неопредѣленное желаніе понравиться закрадывалось къ нему въ душу; но самое это желаніе не склонялось еще на сторону той или другой дѣвушки, и онъ былъ равно любезенъ съ обѣими, показывая одинаковое удовольствіе въ бесѣдѣ съ Ольгой и Вѣрой. Иногда, повѣряя свои чувства, онъ припоминалъ малѣйшія обстоятельства съ перваго знакомства съ интересными сестрами, перебиралъ всѣ разговоры, и не находилъ чтобы которая нибудь изъ Блонскихъ оказывала ему больше вниманія: обѣ одинаково милы, обѣ одинаково ласковы. Слова нѣтъ, что преимущественно онъ старался бесѣдовать съ Ольгой; но послѣдняя находилась довольно въ грустномъ положеніи по случаю сватовства Сурмина, слѣдовательно требовала большаго участія, и, кто знаетъ, можетъ быть и помощи.

Въ послѣднее время, и именно въ роковой день трагическаго катанья, онъ вѣхалъ въ Дубровницы какъ-то веселѣе обыкновеннаго, съ мыслью извѣдать поглубже сердце Ольги—не затаилась ли въ немъ какая нибудь прежняя страсть, и совершенно ли свободна молодая дѣвушка. Ему хотѣлось спасти Ольгу; казалось ему, онъ даже былъ готовъ, въ случаѣ необходимости, употребить всѣ зависѣвшія отъ него средства, неисключая и пожертвованія своею свободой. Постигая характеръ Марьи Петровны, которая во-что бы то ни-стало, хотѣла доставить дочери 2000 душъ, Кренскій разсуждалъ и очень справедливо, что если уже Ольгѣ суждено быть выданной замужъ не по любви, то во всякомъ случаѣ, выйдя за него, она выиграла бы, во-первыхъ, избавясь отъ несноснаго стараго мужа, каковъ Сурминъ, во-вторыхъ имѣла бы большую возможность найти счастье въ жизни. Надо однако жъ отдать справедливость Кренскому, что мысль эта не была его господствующею мыслью, а являлась такъ какъ надежное средство спасенія для молодой дѣвушки, въ случаѣ, если бѣ мать принуждала ее къ ненавистному замужству. Для Марьи же

Петровны было все равно, думалъ онъ, за кого бы ни выдать Ольгу, лишь бы за богатаго человѣка.

И когда обѣ сестры бросали жребій кому съ кѣмъ ѣхать кататься, Кренскій какъ-то болѣзненно вздрогнулъ, услышавъ что Ольга выпало на долю катанье съ Сурминымъ; словно предчувствіе намѣкнуло душѣ его, что прогулка эта можетъ имѣть важныя послѣдствія, какъ и часто случается, что великія дѣла происходятъ отъ незначительной причины.

Какъ мы видѣли, предчувствіе его не обмануло. Пустой случай, непредвидѣнная встрѣча двухъ лошадей въ полѣ, толчокъ, опрокинувшій санки, чуть не стоили жизни милой, доброй дѣвушкѣ, такъ охотно ввѣрившей себя Кренскому и предавшейся невинному удовольствію. Послѣ этого событія, благородная, впечатлительная душа Кренскаго постоянно была мучима упреками совѣсти, и небыло жертвы, которой бы не принесъ онъ, чтобъ загладить свой невольный проступокъ. Предоставляю читателю судить о положеніи Кренскаго въ первые дни болѣзни Вѣры, пока не миновала опасность.

Въ это время тѣснѣе сблизился онъ съ Ольгой, но, казалось, позабылъ свои прежнія намѣренія испытать ея сердце, а всѣми способностями души предавался отчаянію и былъ очень счастливъ, получивъ позволеніе прійти въ комнату Вѣры, когда послѣдняя почувствовала облегченіе.

Ольга была задумчивѣе обыкновеннаго; болѣзнь сестры, конечно, имѣла вліяніе на эту задумчивость; но и она была точно въ такомъ положеніи какъ Кренскій, нѣсколько дней тому назадъ: она колебалась рѣшить чувствуетъ ли искреннюю пріязнь къ образованному сосѣду, или чувство гораздо сильнѣйшее заговорило въ ея сердцѣ. Бываютъ минуты этого неопредѣленнаго, неяснаго состоянія сердца человѣческаго, а тѣмъ болѣе встрѣчаются подъ вліяніемъ любви, которая возникаетъ, Богъ ее знаетъ, изъ какого источника и является совершенно неожиданно тамъ, гдѣ ее не предвидятъ, и не раждается тамъ, гдѣ казалось бы необходимо ей вспыхнуть. Сердце Ольги было свободно, потому что нельзя назвать серьезными мгновенныхъ прихотливыхъ фантазій, посѣщавшихъ ее въ Петербургѣ, гдѣ водоворотъ свѣта разнообразно увлекалъ ея безопытную молодость. При первомъ знакомствѣ съ Кренскимъ, она пожалѣла, что онъ не такъ молодъ; но, бывъ преемлемъ Сурминимъ, и найдя въ Арсеніи Андреичѣ образованнаго и благородно-мыслящаго человѣка, она какъ-то снисхо-

дительно начала смотрѣть на возрастъ Кренскаго, и болѣе и болѣе находила удовольствія въ обществѣ и бесѣдѣ добровольнаго отшельника. Но эта маленькая склонность къ расположенію любви, по мнѣнію Ольги, не находила никакого ободренія со стороны Кренскаго; ей даже казалось, что онъ находитъ больше удовольствія въ обществѣ Вѣры; и Ольга, не поддаваясь вполнѣ чувству и не много досадуя на стеченіе обстоятельствъ, была не по прежнему равна въ обращеніи съ Кренскимъ и сестрою.

Роковое происшествіе быстро однако жъ подѣйствовало на добрую душу Ольги: жаль ей было и сестру, и сосѣда, и какое-то странное предчувствіе шепнуло ей въ свою очередь, что пустой, непредвидѣнный случай будетъ имѣть вліяніе на судьбу многихъ.

Въ такомъ положеніи находились особы, исполняющія довольно важныя роли въ предлагаемой повѣсти.

Когда Вѣрѣ было уже гораздо лучше, т. е. когда опасность миновалась, и больная только чувствовала еще слабость, но уже могла вставать съ постели, Марья Петровна вздумала навѣстить Дубровницы вмѣстѣ съ Сергѣемъ Антоновичемъ.

Быстро неслась зимняя карета по укутанной дорогѣ, и однообразный скрипъ полозьевъ навелъ раздумье на обоихъ супруговъ. Сергѣй Антоновичъ, прислонясь въ уголъ экипажа, думалъ: нельзя ли изобрѣсть какое нибудь средство улучшить имѣніе до такой степени, чтобъ снова переселиться въ Петербургъ, и строилъ воздушные замки. Улучшеніе хлѣбопашества, фабрики, заводы, все это мелькало въ головѣ его, то рисуя просторныя роскошныя залы англійскаго клуба, то великолѣпныя машины, выписанныя изъ за границы, то блистательную славу великаго агронома. Цѣль задумчивости Марьи Петровны стремилась тоже къ жизни въ Петербургѣ, но только надежды ея были построены болѣе на прочныхъ основаніяхъ: замужство Ольги почти было рѣшено въ умѣ ея, да и на счетъ обезпеченія Вѣры мелькали уже хотя и смѣлыя, однако сбыточные предположенія.

- Serge, каковъ тебѣ кажется Кренскій? спросила она.
 - Какимъ казался всегда: уменъ, добръ, благороденъ.
 - И человѣкъ съ тактомъ и вкусомъ.
 - Онъ мнѣ чрезвычайно нравится.
 - Какъ ты думаешь, прекрасная была бы партія для Вѣры!
- Сергѣй Антоновичъ приподнял голову.

— Неужели ты фантазируешь объ этомъ? спросилъ онъ съ улыбкой.

— И, если не ошибаюсь, ни одна еще изъ моихъ фантазій не осуществлялась такъ скоро.

— Развѣ онъ говорилъ съ тобою?

— Ни со мной, ни даже, можетъ быть, еще съ самимъ собой; но супружество это такъ естественно, что, если бъ у васъ, милый мой, было побольше соображенія, вы ни на минуту не усомнились бы въ возможности моей надежды.

— Ничего не вижу....

— Пока не раскроютъ вамъ глазъ: вѣдь это постоянно съ вами случается. Ну, слушай же внимательнѣе. Кренскому далеко за тридцать. Всѣ толки о его женитьбѣ—вздоръ, какъ я узнала самымъ основательнымъ образомъ: его одну связь принимали за неудачное супружество. Быстрая переменна образа его жизни послѣ знакомства съ нами и короткость его съ нашими дочерьми наводятъ уже на мысль, что Кренскій не прочь отъ женитьбы. Не спорю, можетъ быть, ему даже понравилась Ольга; но извѣстный случай на катаньи, болѣзнь Вѣры, присутствіе ея у него въ домѣ, а къ тому же и поэтическое настроеніе Кренскаго....

— Ахъ, ma chere amie!

— Увѣряю тебя, Serge, что рано или поздно Кренскій сдѣлаетъ предложеніе. Сегодня, если не ошибаюсь, начало будущаго счастья нашей дочери. Послѣ болѣзни она сдѣлалась интереснѣе; Кренскому дано позволеніе войти къ ней... Чувство состраданія... однимъ словомъ, Вѣра подхватитъ жениха, если только не вмѣшается Ольга, чего я впрочемъ не полагаю....

— Ахъ, Мари, мнѣ кажется, у тебя ничего нѣтъ святаго!

— Не прикажете ли мнѣ лицемѣрить передъ вами? Конечно, я боюсь чтобъ не вмѣшалась Ольга, тогда успѣхъ былъ бы сомнителенъ, потому-что Вѣра чрезвычайно глупа, если дѣло коснется до самопожертвованій; она готова для сестры отказаться отъ собственнаго счастья. Впрочемъ, я надѣюсь на Ольгу: она слишкомъ горда.

— Зачѣмъ ты не родилась мужчиной, ты далеко бы ушла!

— Я и сама не разъ жалѣла объ этомъ. Однако, Serge, если удастся выдать обѣихъ дочерей замужъ, вѣдь мы можемъ каждый годъ ѣздить въ Петербургъ.

— Надѣ все поручить Богу...

Но мнѣ странно, что ты все еще надѣешься выдать Ольгу

за Сурмина, а между-тѣмъ я говорилъ съ нею объ этомъ откровенно, и она со слезами на глазахъ сказала мнѣ что терпѣть его не можетъ.

— Сергій Антонычъ! Неужели ты опять съ своими нѣжностями мѣшаешься въ это дѣло?

— Я сказалъ одинъ разъ и навсегда, что не соглашусь принудить дочь.

— Что же по твоему: пускай состарѣтся въ дѣвушкахъ!

— Пусть состарѣтся!

— Вы, кажется, умничаєте? спросила Марья Петровна, гордо посмотрѣвъ на мужа.

— Я отецъ.

— Изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Кажется и я мать Ольгѣ, и повѣрьте, если захочу, поставлю на своемъ.

Сергій Антонычъ молчалъ.

— Я не потерплю, чтобъ дочери мои остались въ дѣвушкахъ, или сдѣлали какія-нибудь незначительныя партіи... Сурминъ и Кренскій—зятья, лучше какихъ и желать не надо.

— Что касается Кренскаго, я ни слова: это было бы истинное счастье для Ольги; а Сурминъ...

— Что, Сурминъ? Въ чемъ же по-вашему заключается счастье?

— Счастье?.. Это трудно рѣшить... то-есть въ согласіи...

— А если при этомъ согласіи нѣтъ куска хлѣба? Знаешь, другъ мой, ты вѣдь далъ слово не мѣшать мнѣ; поудержись еще нѣсколько времени, и увидишь какъ сыграемъ двѣ свадьбы.

Блонскій не отвѣчалъ ни слова, и закутавшись въ шубу задумался. Но воздушные замки его не удавались, и какъ-то грустно фантазіи смѣнялись однѣ другими...

Въ комнатѣ больной сидѣли Ольга и Кренскій.

— Мнѣ хотѣлось бы послушать какую-нибудь хорошенькую пьесу, сказала Вѣра.

— Ничего нѣтъ легче, отвѣчалъ Кренскій: сію же минуту перенесутъ сюда фортепяно, и Ольга Сергѣевна сыграетъ что угодно.

— Если вы уже такъ добры, то велите поставить фортепяно въ другой комнатѣ, потому-что я боюсь: въ состояніи ли вынести слишкомъ громкіе звуки.

— А, въ-самомъ-дѣлѣ! отозвалась Ольга: гораздо лучше, если Вѣра будетъ слушать музыку издали.

И чрезъ нѣсколько минутъ фортепяно было перенесено въ сосѣдную комнату.

Ольга отыскала нѣсколько хорошенькихъ пьесъ, и усѣлась за инструментъ, извлекая изъ него тихіе, задушевные звуки.

Въ покойномъ креслѣ, въ бѣломъ пеньюарѣ сидѣла Вѣра, закинувъ назадъ головку и упираясь ножкой въ маленькую бархатную скамеечку. Отливъ заходящаго солнца обливалъ ее совершенно, и она походила на какое-то неземное созданіе.

Кренскій сидѣлъ возлѣ больной, и облокотясь на руку, вслушивался въ трогательные звуки, то выражавшіе грустное томленіе, то говорившіе о какомъ-то неясномъ счастіи. Передъ нимъ необыкновенно явственно обрисовывалась жизнь Вѣры съ ея прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ. Обогативъ эту дѣвушку чудною душой, превосходнымъ сердцемъ и свѣтлымъ умомъ, природа дала ей некрасивую наружность, какъ бы въ насмѣшку надъ людьми, которые не узнаютъ алмаза подъ грубой оболочкой... И Кренскому пришла мысль: какъ должна страдать Вѣра, понимая свѣтъ и зная, что изъ всѣхъ ея знакомыхъ никто не хотѣлъ оцѣнить ее по достоинству; и ему стало жаль бѣдную дѣвушку.

— Сколько разъ я думала, Арсеній Андреичъ, и все не рѣшалась спросить: какъ вамъ должно быть скучно видѣть лазаретъ въ своемъ домѣ?

— Откровенность за откровенность. Мнѣ не одинъ разъ приходило на мысль, но я все нерѣшался умолять васъ простить меня: моя неосторожность была причиною вашей болѣзни.

— О, я ни сколько васъ не обвиняла, отвѣчала Вѣра, слегка покраснѣвъ: я сама виновата, потому-что не должна была ѣхать съ вами.

— Почему же? я не понимаю.

— Потому-что мнѣ очень желалось... прокататься на вашемъ рысакѣ, а я привыкла вѣрить, что не суждено сбываться ни одному моему желанію.

— Но вы простили меня...

Вѣра протянула Кренскому руку, которую Арсеній Андреичъ поднесъ къ устамъ и подержалъ нѣсколько минутъ въ своей рукѣ, отчего дѣвушка покраснѣла.

— Вы не можете себя представить, Вѣра Сергѣевна, какъ я мучился во все это время. Никогда бы я непростилъ себя, еслибъ болѣзнь ваша не окончилась такъ счастливо.

— Какъ же я рада, что скоро выздоровѣла. А знаете ли, мнѣ теперь странно будетъ возвратиться въ Дубровницы...

И Вѣра вдругъ задумалась.

Кренскій молчалъ въ свою очередь, но не спускалъ глазъ съ дѣвушки, которая пришла отъ чего-то въ замѣшательство.

— А вы думаете, мнѣ будетъ весело, сказалъ онъ, оставаться одному послѣ такого милаго, пріятнаго общества?

— Пріѣзжайте почаще къ намъ, сказала Вѣра слабымъ голосомъ.

— Это исполнится, безъ сомнѣнія; но долго мнѣ будетъ грустно входить на эту половину.

— Кажется, вы хотѣли ѣхать въ Петербургъ? спросила Вѣра, не поднимая глазъ.

— Да... нѣкоторыя дѣла призывали меня; но я уже распорядился... впрочемъ, можетъ-быть и поѣду со временемъ.

— Ольга, душенька, повтори еще эту пьесу, сказала Вѣра.

— Боюсь чтобъ вы съ Арсеніемъ Андреичемъ не расчувствовались, сказала Ольга изъ другой комнаты.

И снова раздались меланхолическіе звуки, а Кренскій и Вѣра взглянули другъ на друга. Дѣвушка грустно улыбнулась, Кренскій отвѣчалъ тѣмъ же.

— Ольга считаетъ насъ дѣтьми.

— Я за себя не ручаюсь, Вѣра Сергѣевна.

— Вы?

— Да. Но и вы, кажется любите сочувствовать прекрасному.

— Конечно. Знаете ли, Арсеній Андреичъ, у меня будетъ къ вамъ просьба.

— Что прикажете?

— Подарите мнѣ на память этотъ розанъ, который третьяго дня принесли изъ оранжереи: мнѣ показалось что съ его появленіемъ, я почувствовала себя совершенно здоровою.

— Я самъ привезу его. Но что же вы оставите мнѣ на память?

— Я, право, не знаю... Мнѣ кажется, что присутствіе больной не можетъ оставить пріятнаго воспоминанія.

— Вотъ и вы въ свою очередь, Вѣра Сергѣевна, ждете отъ меня одной изъ тѣхъ фразъ, о которыхъ такъ невыгодно отзываетесь.

— О, совсѣмъ нѣтъ... Я знаю что вы добры, искренно жалѣли обо мнѣ... Что же, въ самомъ дѣлѣ, я оставлю вамъ на память?..

— Дружбу.

— Вы давно имѣете ее, отвѣчала Вѣра, наклоня голову: а хотѣлось бы вамъ оставить какую-нибудь вещь, которая напоминала бы вамъ обо мнѣ... Развѣ это колечко?..

И, снявъ гладкое золотое кольцо, Вѣра протянула руку, желая отдать его Кренскому; но Кренскій, взявъ кольцо, удержалъ и руку смущенной дѣвушки.

— Мало мнѣ кольца, сказалъ онъ тихимъ голосомъ: если вамъ въ-самомъ-дѣлѣ хотѣлось бы оставить что-нибудь драгоценное, оставьте мнѣ себя на память!

Вѣра хотѣла освободить руку.

— Арсеній Андреичъ! мнѣ что-то невѣрится.

— Напрасно невѣрится, Вѣра Сергѣевна! Если только вы свободны и скольконибудь чувствуете ко мнѣ привязанность, не отказывайте составить счастье челоуѣка, который много перенесъ въ своей жизни.

Вѣра вздохнула свободнѣе, и тихо сжала руку Кренскому.

— Это вашъ отвѣтъ? спросилъ Кренскій.

Вѣра еще разъ пожала ему руку и, запрокинувъ голову, закрыла глаза, изъ которыхъ тихо потекли слезы, сверкая отъ отблеска вечерняго зарева.

А въ другой комнатѣ Ольга продолжала грустную и мелодическую фантазію.

XII.

Сбылось предсказаніе Марьи Петровны: Кренскій сдѣлалъ предложеніе.

Изъ цѣлаго семейства Блонскихъ, казалось больше всѣхъ Ольгу обрадовало это событіе: Сергѣй Антоновичъ принялъ его съ улыбкой, но безъ восторга; Марья Петровна съ удовольствіемъ, но какъ обстоятельство ея предсказанное; Вѣра съ какою-то робкою недовѣрчивостью, а Ольга со слезами на глазахъ и съ чувствомъ искренней признательности сжала руку жениху Вѣры.

Выздоровленіе послѣдней шло быстрыми шагами, даже быстрѣе молвы о ея замужствѣ, разносившейся по окрестности.

На первыхъ порахъ, какъ бы недовѣряя возможности своего счастья, Вѣра была грустнѣе чѣмъ можно было предполагать; но мало-по-малу, освоившись съ мыслью, что она сговорена за Кренскаго, она предалась живости своего характера. И тогда-то Ар-

сеній Андреичъ первый разъ увидѣлъ, сколько доброты, любезности и остроумія заключалось въ этой милой но некрасивой дѣвушкѣ.

Въ концѣ января Вѣра могла уже переѣхать въ Дубровницы, и лишнимъ будетъ рассказывать, что Кренскій не только бывалъ ежедневнымъ посѣтителемъ Блонскихъ, но даже оставался у нихъ по нѣсколько дней сряду. По общему желанію жениха и невесты, а равно и по расчетамъ Марьи Петровны, свадьба отложена была до апрѣля, во-первыхъ потому, что въ томъ году масляница приходилась довольно рано, а во-вторыхъ оттого, что приданое Вѣры небыло готово. Марья Петровна, можетъ быть, и согласилась бы на желаніе Кренскаго, который просилъ ее не беспокоиться на счетъ послѣдняго обстоятельства, но крестная мать Вѣры обѣщала заняться приданнымъ на свой счетъ, и даже обѣщала сама пріѣхать, *если будетъ можно*, что значило въ переводѣ: если будутъ здоровы ея моськи и компаньонки, которыхъ былъ у нея полонъ домъ. Впрочемъ, старушка написала Вѣрѣ довольно нѣжное письмо и, казалось, непритворно радовалась счастью своей крестницы.

Каждый день пріѣзжалъ кто-нибудь въ Дубровницы съ поздравленіемъ; но Блонскіе, отговариваясь слабостью Вѣры, не посѣщали сосѣдей, у которыхъ, по обыкновенію, веселости продолжались своимъ чередомъ, хотя тамошнія дѣвицы и пріуныли немножко, по случаю неожиданнаго ухода гусарской дивизіи. Снова мѣстные лвы поднялись на нѣсколько процентовъ, и знакомый нашъ Луцкій и братья Жиленковы дошли уже до того, что выписывали изъ губернскаго города дюжинами бѣлыя и палевыя перчатки.

Мѣсяць съ небольшимъ оставался до великаго поста, и въ окрестности столько было предположено баловъ и маскарадовъ, столько веселыхъ катаній, что торговцы уѣзднаго города боялись за свои запасы винъ, стеариновыхъ свѣчей и другихъ потребностей, а комиссіонеръ приказа общественнаго призрѣнія послалъ нарочнаго привезть огромное количество картъ, которыхъ расходилось въ уѣздѣ необыкновенно много.

Помѣщики играютъ постоянно; случается даже, хотя и рѣдко, что если у многихъ нѣтъ наличныхъ денегъ, играютъ на водку, пшеницу, на ленъ, и тогда призы считаются не копѣйками, но количествомъ хлѣба или мѣрою водки. Играютъ богатые, играютъ люди средняго состоянія, играютъ и бѣдные, всѣ, какъ говорятъ, для препровожденія времени, но каждый и каждая съ надеждою на

выигрышъ; хотя и есть, такъ называемыя семейныя партіи, гдѣ играть на мѣлокъ, чисто для препровожденія времени.

Въ деревняхъ время преслѣдуютъ самымъ жестокимъ образомъ: его хватаютъ, держать за полы и избобрѣтаютъ для него тысячи казней, изъ которыхъ самая страшная медленная и мучительная—за карточнымъ столикомъ на мѣлокъ. Одинъ процессъ игры, съ которой не связано ровно никакого интереса, служить четверемъ особамъ орудіемъ для убійства несноснаго скучнаго времени. Что же дѣлать, въ-самомъ-дѣлѣ, въ длинные осенніе или зимніе вечера? О чемъ говорить? Все переговорено; читать,—нѣтъ книгъ, а если случится, кто нибудь напомнить, что книги можно выписывать, вамъ докажутъ, какъ дважды два четыре, что гораздо лучше употребить деньги на какую-нибудь полезную вещь. И въ-самомъ-дѣлѣ, какъ рѣшиться бросить нѣсколько десятковъ рублей на книги, которыя прочелъ и бросилъ, между-тѣмъ какъ за эти деньги можно купить нѣсколько паръ платья, или наигратъ до-сыта въ преферансъ по маленькой, для препровожденія времени. Книгу можно достать гдѣ-нибудь *почитать*ся, а нѣтъ,—мало ли средствъ убить время! «Еще пожалуй, въ книгахъ, особенно въ романахъ, написано Богъ знаетъ что!» восклицаютъ чадолюбивыя матушки, и тутъ же при дочеряхъ передаютъ другъ другу уѣздныя сплетни. А между-тѣмъ для приличія вездѣ жалуются на недостатокъ книгъ, не замѣчая, что неприличнѣе всего жаловаться на это, какъ было бы неприлично жалѣть вслухъ о недостаткѣ чаю и сахару, или другой домашней провизіи. Не говорю что каждый долженъ имѣть библіотеку; но рѣшительно каждый могъ бы отложить небольшую сумму въ годъ, и имѣть хоть два, три вечера въ недѣлю, проведенныхъ въ семейномъ кругу, не прибѣгая къ преферансу на мѣлокъ, или на орѣхи, за которымъ даже маленькія дѣти имѣютъ больше способствъ ссориться между собою за ренонсъ, или за неправильный выходъ. Но и это старая пѣсня, которую можно повторять, но сомнительно чтобъ можно было ожидать отъ нея пользы.

Вечеромъ семейство Блонскихъ сидѣло въ кабинетъ Сергѣя Антоновича. Марья Петровна улеглась въ креслѣ противъ пылавшаго камина; Блонскій сидѣлъ за своимъ рабочимъ столомъ; Вѣра съ женихомъ на небольшой софѣ, а Ольга стояла у окна и смотрѣла на мѣсяцъ, тихо плывшій по безоблачному небу и озарявшій густой садъ, покрытый инеемъ. Обстоятельство это, однако жъ не даетъ никакого права упрекать Ольгу въ излишней наклонности къ мечтамъ при лунѣ, такъ преслѣдуемымъ въ настоящее время, хотя

я не знаю, что можетъ быть неприличнаго или предосудительнаго любоваться чудными и неподражаемыми красотами природы. Если артистическая кисть художника вѣрно набросила на кусокъ полотна картину вечера, и вы не умѣете найти въ ней совершенства, васъ назовутъ профаномъ, но если вы засмотрѣлись на чудное созданіе рукъ Божіихъ, надъ вами начнутъ смѣяться. А между тѣмъ могъ ли хоть одинъ изъ геніяльныхъ живописцевъ восвыситься до воспроизведенія великолѣпныхъ и столь обыкновенныхъ чудесъ природы! Впрочемъ была причина зачѣмъ Ольга пристально всматривалась въ мѣсяць: она должна была отворотиться, чтобъ скрыть слѣды волненія, отразившіяся на лицѣ ея.

Утромъ Марья Петровна говорила ей о Сурминѣ, а вечеромъ завела тотъ же самый разговоръ при Кренскомъ, считая послѣдняго членомъ своего семейства. Кренскій помогаль Сергью Антоновичу и держалъ сторону бѣдной дѣвушки, что, конечно, привело Марью Петровну въ дурное расположеніе духа. Ольгу тронуло это благородное участіе, и она отворотясь къ окну, засмотрѣлась на картину зимняго вечера.

— Желала бы я знать, говорила Марья Петровна Кренскому: если бѣ у всѣхъ, подобно вамъ, были горячія головы, если бѣ всѣ смотрѣли на супружество съ такой точки, какъ вы смотрите, больше ли выиграло бы общество?

— Не знаю, выиграло ли бы оно въ матеріальномъ отношеніи, но увѣренъ, что на свѣтѣ было бы меньше грустныхъ сценъ, повторяющихся ежедневно.

— Поэзія и поэзія, mon cher monsieur Кренскій! Теперь, когда скоро буду имѣть лестное право назвать васъ своимъ сыномъ, я могу говорить съ вами откровенно: внушайте свои правила, сколько угодно, Вѣрѣ, но, Бога ради, не портите Ольгу этими романтическими идеями.

Въ этомъ мы никогда не сойдемся съ вами, уважаемая Марья Петровна; добро и зло мы понимаемъ совершенно различно; и тамъ, гдѣ я вижу вредъ, вы находите пользу, а я никогда не былъ въ состояніи дѣйствовать противъ своего убѣжденія. Да и позвольте васъ спросить: какая важная необходимость заставляетъ васъ желать этого супружества для Ольги Сергѣевны?

— Послѣ этого я уже не знаю, что отвѣчать вамъ, сказала Марья Петровна съ неудовольствіемъ.

— И я тебѣ повторю вопросъ Арсенія Андреича, сказалъ Блонскій.

— Вы бы могли побережь его для себя, потому-что это не преферансъ, въ которомъ вы вѣчно проигрываете, и не агрономія, которой ни на волосъ не понимаете.

— Э, матушка, играй я въ преферансъ неудачнѣе Дормидона Ивановича, и не понимай совершенно агрономіи, тѣмъ не менѣе, могу видѣть, что нѣтъ никакой необходимости...

— Хотя вы съ своими разсужденіями оставьте меня въ покоѣ!

И Марья Петровна отворотилась къ камину, а Сергій Антоновичъ развернулъ интересную статью о томъ, какимъ образомъ и въ какую пору сѣять грѣчиху.

— Мама разсердилась, шепнула Вѣра Кренскому.

— Это пройдетъ, отвѣчалъ послѣдній тихимъ голосомъ.

Марья Петровна позвонила, но человѣкъ уже входилъ и безъ призыва.

— Вели давать чай!

— Готовъ-съ. — Приѣхали гости.

— Кто? спросилъ, оборотясь съ живостью, Сергій Антоновичъ.

— Г. Сурминъ и Иванъ Яковлевичъ.

Марья Петровна съ улыбкой встала съ своего мѣста; Сергій Антоновичъ нахмурился не много; Вѣра и Кренскій взглянули другъ на друга, а Ольга пристальнѣе начала всматриваться въ картину луннаго зимняго вечера.

— Ольга! пора чай наливать, та сѣге, сказала Марья Петровна.

Ольга отошла отъ окна, приблизилась къ Кренскому и шепнула ему:

— Бога ради, не оставляйте меня одну сегодня.

Въ залѣ уже слышался богатырскій смѣхъ Петра Мартыновича, и вскорѣ все семейство вышло навстрѣчу неожиданному гостю. Едва успѣвъ раскланяться, Сурминъ обратился къ Ольгѣ.

— А знаете ли новость, Ольга Сергѣевна? спросилъ онъ.

— Сядемъ прежде за столъ, и за чаемъ вы мнѣ ее расскажете, отвѣчала Ольга.

Съ одной стороны возлѣ нее помѣстился Кренскій, съ другой Сурминъ, который въ тотъ вечеръ былъ одѣтъ необыкновенно щеголевато. Иванъ Яковичъ то же былъ въ новомъ сюртукѣ, но неизвѣстно почему всѣмъ казалось, что сюртукъ этотъ прежде былъ сшитъ на человѣка огромнаго роста: пуговицы назади тор-

чали чрезвычайно низко, а сѣуженные рукава у плечъ были обыкновенно широкаго размѣра.

— Такъ вамъ угодно, Ольга Сергѣевна, выслушать новость? спросилъ Сурминъ.

— Съ удовольствіемъ.

— Не слушайте, Ольга Сергѣевна, говорилъ Рябко: рѣшительно ничего нѣтъ интереснаго, и половина, знаете того—не люблю, не слушай...

— Каково? сказалъ Сурминъ, захохотавъ во все горло такъ, что собачка Марьи Петровны залаяла съ перепугу.—Каковъ Иванъ Яковлевичъ?.. Третьяго дня у Петра Петровича собрались гости...

— Кто же этотъ Петръ Петровичъ? спросилъ Блонскій.

— Мой сосѣдъ, Морецкій. Вотъ, знаете, собрались гости, и Иванъ Яковлевичъ пожаловалъ въ своемъ *новомъ голубомъ фазтонъ*. (Послѣднія слова Сурминъ произнесъ съ особеннымъ удареніемъ). Послѣ вкуснаго обѣда, за которымъ и выпито было безъ хитрости, Иванъ Яковличъ началъ что-то рассказывать о женѣ итальянскаго посланника, съ которою онъ былъ очень близокъ...

— Извините, о женѣ испанскаго посланника, перебилъ Рябко.

— Ну, да, это, братъ, все равно, потому-что и ту и другую ты выдумалъ. И, какъ мы уже слышали этотъ рассказъ, кто-то и попросилъ чего-нибудь поновѣе. Иванъ Яковлевичъ надулся и замолчалъ. Петръ Петровичъ и говорить:—Когда же это вы бывали при дворѣ, Иванъ Яковлевичъ? Вѣдь кажись мы въ одно время жили въ Петербургѣ, и вы мнѣ тамъ объ этомъ не рассказывали, да и я, служа въ гвардіи и бывая на придворныхъ балахъ, ни разу васъ тамъ не замѣтилъ. А Иванъ Яковличъ отвѣчаетъ: гдѣ же какому-нибудь прапорщику замѣтить челоуѣка, постоянно разговаривавшаго или съ министрами, или съ первѣйшими аристократками. Петръ Петровичъ усмѣхнулся.—А помните, Иванъ Яковлевичъ, говорить, какъ двѣ недѣли вы сидѣли безъ сапоговъ, потому-что Ротшильдъ не присылалъ вамъ въ срокъ процентовъ? Иванъ Яковлевичъ нахмурился и отвѣчалъ:—Кто старое вспомнить, тому глазъ вонъ! Но меня удивляетъ, продолжалъ Петръ Петровичъ: какъ, живя на чердакѣ, вы попадали на придворные балы, а что вы жили на чердакѣ, это мнѣ извѣстно также, какъ и то, что вы ѣздили съ порученіемъ отъ губернскаго предводителя на счетъ устройства желѣзной дороги. Какъ взбѣлится мой Иванъ Яковлевичъ! Я, говорить, не позволю издѣваться надъ собою: еслибъ, говорить, не у васъ въ домѣ, я, знаете, что сдѣлалъ бы съ вами!

Мнѣ стоитъ только съѣздить къ генераль-губернатору. — Не по желѣзной ли дорогѣ? спросилъ Петръ Петровичъ. Иванъ Яковлевичъ не выдержалъ. Вы дорого мнѣ заплатите, г. Морецкій! сказалъ онъ: я полагаю, что, какъ благородный человекъ, вы не откажете дать мнѣ удовлетвореніе. — Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ хозяинъ. Часъ и мѣсто? проговорилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Предупреждаю, перебилъ Рябко, что послѣднее все выдуманно Петромъ Мартыновичемъ для утѣшенія публики; онъ иногда для краснаго словца не пожалѣетъ и роднаго отца! Это было вотъ какъ...

— Твоя рѣчь впереди, любезный другъ, ты, братъ, не увертывайся! Вотъ Иванъ Яковлевичъ и говоритъ: часъ и мѣсто? А Петръ Петровичъ отвѣчаетъ:—Надѣюсь, что вы позволите не смущать сегодняшняго дня, а завтра въ восемь часовъ, не угодно ли пожаловать ко мнѣ, а оружіе будетъ готово. Всѣ гости расхохотались...

— Видите, Петръ Мартыновичъ, а здѣсь никто и не расхохотался: значить, выдумка ваша не занимательна.

Каждый занялся своимъ чаемъ, а Иванъ Яковлевичъ смотрѣлъ вокругъ торжествующимъ взоромъ, когда глаза его встрѣчались съ глазами Ольги, наерошивалъ чубъ и поправлялъ туго накрашенные воротнички.

— А я къ вамъ съ просьбой, сказалъ Сурминъ, обращаясь къ Марьѣ Петровнѣ.

— Чѣмъ могу служить?

— Въ субботу день моего рожденія, и я рѣшился у себя дать балъ, продолжалъ Сурминъ, посматривая на Ольгу: знакомыя дамы обѣщали пріѣхать, такъ позвольте уже надѣяться, что и вы не откажете пожаловать съ семействомъ въ Заключинцы.

— Намъ очень пріятно.

— Надѣюсь, что ваше превосходительство будете такъ милостивы и посѣтите меня, сказалъ Сурминъ Сергѣю Антоновичу.

— Если не помѣшаетъ что нибудь особенное.

— Что же можетъ помѣшать? А ты, братъ, Арсеній?

— Съ удовольствіемъ.

Сурминъ потиралъ руки отъ радости.

— Знаете ли, давно уже эта мысль пришла мнѣ въ голову, продолжалъ онъ, думаю себѣ: ну, что же, въ-самомъ-дѣлѣ, чертъ возьми, нашему брату значить тысяча цѣлковыхъ! И чѣмъ же мы

не люди, въ-самомъ-дѣль? Музыка своя, овса и сѣна, слава Богу, довольно, ха, ха, ха, будетъ чѣмъ угостить на славу!..

Ольга улыбнулась.

— То-есть я говорю на счетъ лошадей, поправился Сурминъ: а что касается до угощенія, такъ ужъ вѣрно не ударимъ лицомъ въ грязь, съ тѣмъ, что извольте, ха, ха, ха!..

— Жаль, что ушли гусары: мало будетъ танцующихъ кавалеровъ, сказала Вѣра.

— Обойдемся и безъ гусаръ, Вѣра Сергѣевна! Гдѣ только можно будетъ достать танцующихъ кавалеровъ, достанемъ: развѣ не Иванъ Яковлевичъ чтобъ не отрылъ гдѣ нибудь.

— Да, я писалъ уже ко многимъ, сказалъ Рябко, разваливаясь на стулъ: и если состоится одно предположеніе, въ кавалерахъ не будетъ недостатка.

Въ это время вошелъ слуга и подаль на серебряномъ подносѣ нѣсколько писемъ и конвертовъ съ газетами.

— Привезли изъ города, сказалъ онъ подавая все это Сергѣю Антоновичу.

— Если не ошибаюсь, Маріе, тебѣ есть письмо отъ двоюроднаго брата, сказалъ Сергѣй Антоновичъ, подавая женѣ письмо: только странно, что штемпель не петербургскій.

— Братъ безпрестанно имѣетъ порученія.

— И Марья Петровна съ любопытствомъ распечатала письмо, а по мѣрѣ того какъ читала, краска удовольствія выступала на лицѣ ея.

— Могу сообщить интересную новость, сказала она: двоюродный братъ мой въ *** въ, уже пріѣхалъ и проситъ насъ къ себѣ провестъ остатокъ зимы.

— Въ-самомъ-дѣль? спросила Ольга.

— Вотъ, послушайте! «Занимаемый мною домъ настоящій дворецъ, прекрасно меблированъ и такъ обширенъ, что мы съ женой бродимъ въ немъ, словно въ лабиринтъ. Надѣюсь, милая кузина, что вы съ семействомъ не откажете провести остатокъ зимы съ нами, что для меня и для жены будетъ настоящимъ праздникомъ. У насъ приготовляются всевозможныя разнообразныя удовольствія, и я увѣренъ, что милыя племянницы найдутъ здѣсь развлеченіе послѣ деревенской скуки. Я знаю, милая кузина, что вы тоскуете въ деревнѣ; и хотя городъ нашъ далеко не похожъ на Петербургъ, однако мы постараемся разсѣять васъ въ сферѣ губернскаго свѣта. Вы увидите здѣсь много

дивнаго, много занимательнаго. Я и позабылъ сказать, что князь Б..., проводя здѣсь лѣто, въ деревнѣ, заболѣлъ и не могъ возвратиться въ Петербургъ; княгиня пожертвовала собой и осталась на эту зиму въ провинціи: вотъ вамъ на первый разъ и петербургскіе знакомые. Уговорите и жениха Вѣрочки, которую отъ души поздравляю, пріѣхать вмѣстѣ съ вами. Авось какъ нибудь пройдетъ пріятно время.»

— Что вы на это скажете? спросила Марья Петровна, обращаясь къ Кренскому.

— Заранѣе соглашаюсь на все, отвѣчалъ Кренскій.

— Теперь, Serge, за тобою только остановка.

— Надо, милая, подумать объ этомъ.

— Что тутъ думать! Расходы будутъ небольшіе, туалеты наши еще очень хороши, а остальное вздоръ.

— А я же какъ буду? спросилъ Сурминъ, съ неудовольствіемъ посматривая на Ольгу, которая не могла скрыть своей радости: неужели мой балъ такъ и пропадетъ за даромъ?

— О, нѣтъ, мы въ субботу ваши гости; намъ нельзя еще такъ скоро выѣхать, сказала Марья Петровна.

— Далеко отсюда *** въ? спросилъ Сергій Антоновичъ.

— Съ небольшимъ двѣсти верстъ. Городъ порядочный, отвѣчалъ Кренскій.

— Давно уже я тамъ не былъ, отозвался небрежно Рябко: а лѣтъ семь тому назадъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Общество было не хуже столичнаго.

— Что же ты, братъ, тамъ дѣлалъ? спросилъ Сурминъ.

— Что дѣлалъ? Танцевалъ, игралъ въ карты, жуировалъ.

— И такъ, Serge, рѣшено? спросила Марья Петровна.

— По мнѣ, пожалуй.

— Надѣюсь, Петръ Мартынычъ, что и вы, какъ добрый сосѣдъ, пріѣдете въ *** въ взглянуть на своихъ добрыхъ знакомыхъ.

— Признаться вамъ откровенно, я не слишкомъ-то жалею городъ; впрочемъ, прибавилъ Сурминъ, прищуриваясь на Ольгу: я за вами готовъ хоть въ петлю.

— Благодарю васъ.

— Да и чортъ ли мнѣ станется отъ этого? Эка важность бросить тысячь пять цѣлковыхъ! Найму первый домъ этакъ этажа въ два, приведу четверни три лошадей, привезу музыку, и покажу, что значитъ деревенскій помѣщикъ! Не остановимся ли вмѣстѣ, братъ Арсеній?

— Посмотримъ, Петръ Мартыновичъ.

— Неудобно ли, господа, ко мнѣ въ кабинетъ покурить, сказалъ Сергѣй Антоновичъ.

Мужчины отправились курить, а Марья Петровна, почувявъ близость удовольствій, хотя въ губернскомъ свѣтѣ,—пришла въ отличное расположеніе духа и была довольна тѣмъ болѣе, что могла удержать Сурмина на привязи, который, во многихъ случаяхъ, могъ быть ей полезенъ.

ХІІІ.

Много на Руси губернскихъ городовъ, и каждый изъ нихъ какъ по наружности, такъ и по образу внутренней жизни отличается одинъ отъ другаго, имѣя только ту общую многимъ провинціальнымъ городамъ черту, что подражаніе столицѣ играетъ важную роль въ сферѣ общественной жизни. Жители раздѣляются на нѣсколько болѣе или менѣе обширныхъ круговъ, изъ которыхъ самый малый, но самый блистательный кругъ такъ называемыхъ губернскихъ *аристократовъ*; потомъ слѣдуетъ среднее общество, нѣсколько чиновныхъ кружковъ, и наконецъ общество купеческое. Губернскіе аристократы немногочисленны, хотя въ этотъ кругъ и легко попасть, то-есть или занимать значительную должность, или имѣть хорошее состояніе; наконецъ не имѣя ни того ни другаго, довольно быть переведеннымъ изъ Петербурга, побольше покричать о себѣ, о своихъ связяхъ, имѣть порядочный костюмъ, болтать по-французски, и даже позволяется жить на чужой счетъ, но только прилично, и поддерживать славу *d'un homme comte il faut*, то-есть бывать только въ извѣстныхъ 7 или 9-ти домахъ, на остальное человечество не обращать вниманія, стараться выписывать платье изъ Петербурга и говорить о какомъ нибудь своемъ путешествіи, хотя бы его въ дѣйствительности и совсѣмъ не было. А если при этомъ вести большую игру, хотя и нераспачиваясь при проигрышѣ, да заказать нѣсколько разъ завтракъ въ лучшей рестораціи, хотя бы и въ долгъ, слава губернскаго льва упрочена, развѣ уже ни одинъ сапожникъ не сошьетъ въ долгъ лакированныхъ сапоговъ, и ни въ одномъ магазинѣ не повѣрятъ пары перчатокъ. Невѣсты-аристократки губернскаго города, конечно, съ исключеніями, очень хорошо знаютъ о состояніи молодыхъ и не молодыхъ холостяковъ, появляющихся въ обществахъ; между ними встрѣчаются даже и такія, которыя разговариваютъ вслухъ о состояніи того или

другаго изъ знакомыхъ, не стараясь скрыть корыстолюбія, съ малолѣтства въ нихъ вселяемаго. Здѣсь есть, впрочемъ, своя логика: попадая въ высшій губернской свѣтъ, человѣкъ безъ большихъ средствъ воспитываетъ дѣтей сообразно съ условіями круга, котораго онъ членомъ; а дѣти, выростая, воспитанныя и привыкшія къ образу жизни сверхъ состоянія, должны искать или выгодной женитьбы, или выгоднаго замужства, чтобъ въ свою очередь произвести на свѣтъ десятки подобныхъ себѣ существъ, не могущихъ обойтись безъ паркета, безъ парижскихъ перчатокъ, безъ кареты на лежачихъ рессорахъ, безъ неоплатныхъ долговъ и безъ напыщенности. Въ первой молодости, когда еще рѣзкіе примѣры не успѣли испортить сердца дѣвушки, она и не прочь бы выйти за того или другаго изъ вздыхателей; можетъ-быть, съ своимъ умомъ, при порядочномъ содержаніи мужа, она могла бы прожить безбѣдно и счастливо; но мысль, что скажутъ? и важное условіе *mesalliances* или толкають ее выйти замужъ за пожилаго холостяка, или, заставивъ ее израсходовать сотню паръ башмаковъ и парижскихъ перчатокъ на вечерахъ и балахъ, постепенно вытѣсняють ее изъ круга молодости и помѣщаютъ въ различныя категоріи пожилыхъ дѣвушекъ.

Въ этомъ кругу даются роскошныя обѣды, частыя вечера, ярко освѣщенные балы; въ домахъ этого круга все прилично и пристойно; въ обществѣ людей все подражаетъ столицѣ, хоть иногда къ несчастью очень слѣпо, ни сколько не примѣняясь къ необходимымъ мѣстнымъ условіямъ. Въ высшемъ губернскомъ свѣтѣ прорываются иногда и таланты въ музыкѣ, пѣніи, легкой живописи; встрѣчаются иногда и литераторы.

Какъ водится—карты и въ губернскихъ городахъ помогаютъ человѣчеству убивать время, и есть мѣста, гдѣ зараза эта развита до такой степени, что и молодыя дѣвушки играютъ въ преферансъ или ералашъ, не находя другаго развлеченія.

Набрасывая общій очеркъ провинціальной жизни и касаясь губернскаго аристократическаго круга, дѣлаю это съ намѣреніемъ дать столичнымъ читателямъ вѣрное понятіе о многочисленныхъ губернскихъ обществахъ, повторяя, что много найдется пріятныхъ исключеній изъ этого общаго правила.

За кругомъ аристократовъ слѣдуетъ среднее общество, состоящее болѣе или менѣе изъ достаточныхъ людей, но занимающихъ не такъ видныя мѣста. Здѣсь найдете вы тоже образованіе, что и въ высшемъ кругу, тѣже костюмы, но меньше претензій, часто

большіе промахи противъ условій свѣта; а львы средней руки, появляющіеся на крашенныхъ полахъ и на паркетахъ этого общества, далеко отстали отъ львовъ того заповѣднаго круга, куда на торжественные балы допускаются иногда дамы средняго класса, но кавалеры ни въ какомъ случаѣ. Русскій языкъ здѣсь въ большемъ ходу, хотя молодое поколѣніе и старается офранцузить себя, что крайнѣ нелѣпо и смѣшно; визиты соблюдаются самымъ точнымъ образомъ; но помѣщенія не представляютъ особенныхъ выгодъ для приѣма гостей, и нерѣдко горничная снимаетъ съ вась пальто въ передней и докладываетъ о вашемъ приѣздѣ. Вечера и балы средняго общества, не смотря на нѣкоторыя несоблюденія свѣтскихъ условій, довольно шумны, веселы и оживлены по большей части, чему много способствуетъ отсутствіе безвременной сухости въ молодыхъ дѣвушкахъ, которыя съ живостью предаются удовольствіямъ возраста.

Смотря по городамъ, купеческое общество тоже имѣетъ свои подраздѣленія, но вообще перенимаетъ то, что дѣлается въ высшемъ кругу и въ среднемъ обществѣ.

Безспорно, одинъ изъ лучшихъ и обширнѣйшихъ городовъ Имперіи *** въ раскинулся на чудесномъ мѣстоположеніи. Прекрасныя зданія, красивыя улицы, многочисленныя храмы и тѣнистые сады разнообразятъ виды на каждомъ шагу и доставляютъ много удовольствій приѣзжему путешественнику, который, переходя изъ одной части въ другую, любитъся и удачно сгруппированными массами зданій, и необыкновенно живописными ландшафтами, неожиданно появляющимися, и этой неопредѣленной синей далью, разстилающеюся на необозримое пространство.

Желая украсить свой домъ и придать ему разнообразіе, Таубеманъ, двоюродный братъ Марьи Петровны и родственникъ губернатора, написалъ къ двоюродной сестрѣ, знакомой намъ Марьѣ Петровнѣ, и просилъ ее провести у него остатокъ зимы, рассчитывая, что городъ выиграетъ отъ появленія двухъ прекрасно образованныхъ дѣвушекъ; а племянницы его промѣняють деревенскую скуку на удовольствія, хотя и сильно отставшія отъ Петербургскихъ, но, по его мнѣнію, достаточныя для губернскаго города.

Можетъ-быть, Христофоръ Петровичъ и ошибался немного въ этомъ случаѣ, потому-что деревенскія увеселенія въ окрестности, гдѣ жили Блонскіе, были гораздо пріятнѣе и разнообразнѣе *** —

скихъ. Я уже говорилъ, что шумные и многолюдные сѣзды у богатыхъ помѣщиковъ гораздо веселѣ городскихъ баловъ оттого, что удерживаютъ настоящее свое назначеніе, доставляя многимъ удовольствія и не стѣсня церемонными условіями, неумѣстно, дурно примѣненными къ обществу. Однимъ словомъ, деревенскій балъ болѣе провинціаленъ, а слѣдовательно живѣе и разнообразнѣе тѣхъ баловъ высшаго губернскаго свѣта, на которыхъ челоѣчество хотя и присутствуетъ въ бѣлыхъ галстукахъ, но гораздо меньше веселится, потому-что не одинъ и не одна хочетъ казаться чѣмъ-то выше того, что есть на самомъ дѣлѣ.

Отпировавъ у Сурмина день его рожденія, не ознаменованный ни чѣмъ особеннымъ, Блонскіе начали приготовляться къ путешествію въ *** въ, куда больше всѣхъ хотѣлось ѣхать Марья Петровна, во-первыхъ потому, чтобъ взглянуть на свѣтъ губернскаго города, во-вторыхъ поважничать, а въ-третьихъ, хоть изъ любопытства, посѣтить магазины, которые должны же быть въ большомъ городѣ. Сергью Антоновичу тоже была пріятна эта поѣздка, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что въ *** въ существуетъ клубъ, гдѣ можно всегда найти партію. Кромѣ этого удовольствія, Сергью Антоновичу приходила еще не менѣе утѣшительная мысль, что, можетъ быть, при помощи губернатора, ему удастся основать общество сельскаго хозяйства, и такимъ образомъ приобрести нѣкоторый вѣсъ въ публикѣ. Вѣра ѣхала для Ольги; при томъ же она ничего не теряла, потому что Кренскій обѣщалъ за ними слѣдовать, а Ольга съ удовольствіемъ спѣшила оттого, что думала избавиться отъ слишкомъ явнаго преслѣдованія Сурмина, который у себя на балѣ хотя и не смѣлъ говорить ей о любви, однако тѣмъ не менѣе преслѣдовалъ ее и тяжело-вѣсными любезностями, и неуклюжимъ вниманіемъ.

Въ половинѣ февраля Блонскіе прибыли въ *** въ и заняли прекрасное помѣщеніе въ домѣ своего родственника. Пріездъ какого нибудь лица чрезвычайно замѣтенъ въ провинціальномъ городѣ, но пріездъ семейства, особенно въ которомъ есть дѣвицы-невѣсты, и если еще о немъ было объявлено за нѣкоторое время, служитъ предметомъ для разговоровъ и различныхъ предположеній. Лвы ожидали Блонскихъ съ нетерпѣніемъ, хотя и не показывали этого; молодыя дамы и дѣвицы съ маленькою непріятностью, хотя и скрывали недоброжелательство.

По указанію двоюроднаго брата, Марья Петровна сдѣлала необходимые визиты, и была принята чуть не съ распростертыми объ-

ятями и какъ кузина извѣснаго и богатаго челоуѣка, и какъ женщина, принадлежавшая къ порядочному кругу столичнаго общества. Марья Петровна только въ одномъ домѣ нашла много смѣшнаго, въ остальныхъ все казалось ей достаточно удовлетворительнымъ, въ особенности послѣ деревенскаго приѣма, который былъ для нея новъ совершенно и чрезвычайно оригиналенъ. Но рѣшительно вездѣ говорили ей что въ *** въ нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни, что достать ничего невозможно, что должно подвергаться различнымъ лишеніямъ, т. е. говорили все то, что рассказывается въ губернскихъ городахъ при первомъ знакомствѣ. Дѣвицы обласкали Ольгу и Вѣру, строго осмотрѣвъ костюмы послѣднихъ, но боялись находить какіе нибудь недостатки въ этомъ отношеніи, потому что всѣмъ было извѣстно, какъ еще недавно Блонскіе пріѣхали изъ Петербурга; а нѣкоторыя даже побаивались за свои собственные наряды, сшитыя мѣстнымъ портнымъ, который хотя и удачно шилъ, однако не имѣлъ же вкуса и такта извѣстныхъ Петербургскихъ модистокъ. Въ особенности поразили Ольгу и Вѣру двѣ дѣвицы, родныя сестры, одинаково старенькія, одинаково толстенькія, одинаково одѣтыя, но отличавшіяся тѣмъ, что одна изъ нихъ ходила подпрыгивая, корча пятнадцатилѣтнюю дѣвочку, а другая тоже корчила молоденькую, но ходила не подпрыгивая. Сестрицы эти засыпали Блонскихъ рассказами, описали въ короткихъ словахъ все общество, довольно хитро кольнули дѣвицъ своего города и наивно выставили себя первенствующими.

Сергій Антоновичъ, въ свою очередь, сдѣлалъ визиты, и остался доволенъ; въ особенности понравился ему одинъ господинъ, Михайло Михайловичъ Перебоковъ, холостой, но солидный, говорунъ, и челоуѣкъ, имѣвшій обо всемъ свое особенное мнѣніе. Они полчаса разсуждали о клубѣ, объ агрономіи, и оба остались довольны другъ другомъ: Перебоковъ потому, что его посѣтилъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и родственникъ губернатора, а Блонскій оттого, что надѣялся имѣть хорошаго партнера и пріятнаго собесѣдника въ Перебоковѣ. Возвращаясь домой, Сергій Антоновичъ думалъ: «Удивительный это челоуѣкъ Перебоковъ! Гдѣ у него берутся слова, какъ онъ распространяетъ матерію, и какъ искусно переходитъ отъ одного предмета къ другому. Голова! Удивительно, зачѣмъ онъ оставилъ службу, а ушелъ бы далеко: подобные люди рождаются вѣками!» За обѣдомъ Сергій Антоновичъ разсказалъ о пріятномъ знакомствѣ и подальше свое мнѣніе о Перебоковѣ, причѣмъ Таубеманъ улыбнулся и сдѣ-

далъ знакъ глазами Марья Петровна, которая понявъ намѣкъ, улыбнулась въ свою очередь.

Вскорѣ появился Кренскій и тотчасъ вошелъ въ колею городской, давно ему знакомой жизни. Сначала не вездѣ знали, что онъ стоворень, и многія маменьки и папаши взрослыхъ дочекъ необыкновенно были съ нимъ любезны; даже инья дочки съ особеннымъ вниманіемъ посматривали на него; но это заставило Кренскаго только посмѣяться въ душѣ, представивъ себѣ встрѣчу съ этими самыми лицами, когда они узнаютъ о его близкой женитьбѣ. Впрочемъ, во многихъ домахъ Кренскій сейчасъ же прослылъ интереснымъ человѣкомъ; но иные львы, въ особенности никогда не выѣзжавшіе изъ своего города, или видѣвшіе Петербургъ поверхностно, нашли его провинціальнымъ, занятымъ собой, и одному изъ нихъ не понравился Петербургскій фракъ Арсенія Андреича. Этотъ недовольный левъ выразился о Кренскомъ у двухъ извѣстныхъ сестрицъ слѣдующимъ образомъ:

— Онъ не дурень и не глупъ, но манерень, и надо бы ему посовѣтовать сшить платье хоть у насъ въ городѣ, если уже, какъ провинціалъ, онъ рассчитываетъ и нехочетъ выписывать изъ Петербурга.

Истинно образованные люди отдали должную справедливость Кренскому, а посѣтители клуба обрадовались, узнавъ что у него хорошее состояніе.

XV.

Надо сказать, что съ извѣстной ночи, послѣ бала въ Дубровинцахъ, Сурминъ чувствовалъ какую-то странную необходимость видѣть возлѣ себя Ивана Яковлевича, повѣрялъ ему свои тайны, спрашивая его мнѣнія, безпрестанно повторялъ ему: «врешь, братъ, любезный другъ», и вѣрилъ, если Рябка даже безсовѣстно лгалъ ему о томъ, какъ Ольга, будто бы, посматриваетъ на Сурмина, какъ она хитритъ, откладывая формальный отвѣтъ, и много разныхъ разностей въ этомъ родѣ. Но пріязнь Сурмина къ Рябку увеличилась послѣ одного обстоятельства, которое иначе нельзя узнать, какъ возвратившись нѣсколько назадъ. Когда вѣсть о предложеніи Кренскаго достигла Ивана Яковлевича, послѣдній поѣхалъ къ Сурмину и вошелъ спокойно въ кабинетъ, не спѣша, по обыкновенію, дать замѣтить, что сообщить интересную и поразительную новость. Иванъ Яковлевичъ былъ глубокой политикъ и

умѣлъ скрывать внутреннія движенія, если требовала того необходимость.

Петръ Мартыновичъ былъ одинъ и скучалъ ужаснымъ образомъ.

— А, здорово, братъ, дружище! Спасибо, спасибо!

— Здравствуйте, достойнѣйшій Петръ Мартыновичъ.

— Каково же поживаешь?

— Недурно. Да вы-то что скучаете?

— Сурминъ вздохнулъ.

— Ты вѣдь, братъ, знаешь, о чемъ я скучаю.

— Перемелется, мука будетъ.

— Долго ожидать, канальство! Нехочешь ли, братъ, чего съ дороги?

— Перекусить не мѣшаетъ. Да ужъ кстати и бутылочку шампанскаго велите.

— Вона! жирно братъ! и по хересамъ пройтись будетъ съ тебя довольно.

— За пріятную вѣсть можно и клико.

Сурминъ приподнялъ голову.

— Ой-ли? Да ты что нибудь, братъ, соврешь!

— Мнѣ же будетъ стыдно.

— Ну, братъ, ужъ объ этомъ исторія умалчиваетъ.

Однако что за новость такая? Ты изъ Дубровинець?

— Нѣтъ, отъ Кренскаго, сказалъ равнодушно Иванъ Яковлевичъ, усѣлся въ спокойномъ креслѣ, оборотился къ окну и началъ барабанить по стеклу пальцами.

— Да ну же, рассказывай! говорилъ Петръ Мартыничъ немного встревоженный, и вскрикнулъ громогласно: гей!

Вошелъ Максимъ.

— Подавать завтракъ и поставить бутылку хересу съ золотой пробкой. Будетъ съ тебя, братъ, Иванъ Яковлевичъ, и хереса заграничной укупорки.

— Я хочу шампанскаго.

— Дуракъ ты, братъ! Будешь чваниться, не дадутъ и хересу, угощу, братъ, столовымъ. Персона не важная.

— Какъ вамъ угодно!

— Ну, да соврешь какую нибудь небылицу: вѣдь ты, братъ, у меня малый теплый, солгать какъ разъ плюнуть.

Иванъ Яковлевичъ продолжалъ барабанить пальцами.

— Свинтусъ ты, братъ, Иванъ Яковлевичъ, нѣтъ, братъ, въ тебѣ совѣсти ни на копѣйку!

Иванъ Яковлевичъ оборотился съ видомъ оскорбленнаго самолюбія.

— Вы знаете мою слабость къ вамъ и пользуетесь ею. Хорошо, согласенъ я и на хересь; но увѣренъ, что послѣ новости прикажете подать не одну, а двѣ бутылки шампанскаго.

— Вотъ это умно сказано. Ну, не сердись, катай съ плеча! Мнѣ скучно. Такъ ты отъ Кренскаго?

— Да.

— Однако Блонскіе отъ него переѣхали?

— Третьяго-дня. Видите ли, у меня хотятъ описывать имѣніе, мнѣ нужно было тысячу цѣлковыхъ...

— Э, полно, братъ....

— Одного прошу, не прерывайте! Правду сказать, мнѣ было совѣстно обратиться къ вамъ съ подобною просьбой, вотъ я и отправился къ Арсенію, думаю: вѣроятно онъ не откажетъ.

— Ну, что же?

— Даль 500, говоритъ больше нѣтъ наличныхъ.

— И не врешь?

— Конечно нѣтъ.

— А покажи?

— Охота лѣзть въ шкатулку. Не въ томъ дѣло. Слушайте! Вчера за обѣдомъ пришла мнѣ мысль...

— Отчего же за обѣдомъ?

— Отчего? а кто же знаетъ отчего? Мнѣ и пришла мысль, думаю себѣ: Петръ Мартыновичъ былъ для меня истиннымъ другомъ, помогаль въ бѣдѣ, показываль участіе, а я что для него до сихъ поръ сдѣлалъ?... И сплетничать на Кренскаго не удалось хорошенько; впрочемъ это и пригодилось въ послѣдствіи, какъ сами увидите.

— Что ты, братъ, городишь тамъ? воскликнулъ Сурминъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— А вотъ услышите. Я думаю, вамъ извѣстно, что всѣ великія мысли приходятъ неожиданно.

Сурминъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Послѣ обѣда сидимъ мы съ Кренскимъ у камина, продолжалъ Рябо: Знаете, огонекъ трещить, кофе отлично пахнетъ, гаванская сигара въ рукахъ дымится; кресло на пружинахъ; на языкѣ еще столѣтнее венгерское....

— Пошелъ, пошелъ!...

— Эхъ, не перебивайте. Я и говорю: Арсеній! ты вѣдь честный и благородный человекъ? А онъ отвѣчаетъ:—конечно. Вотъ я и говорю:—а сдѣлалъ, братъ, не благородный поступокъ. Онъ такъ и вскочилъ съ мѣста и покраснѣлъ.—Какимъ, говорить, образомъ?—Садись, любезнѣйшій, говорю, да выслушай хладнокровно. Онъ послушался и сѣлъ; я и говорю:—А вотъ какъ: ты погубилъ дѣвушку.—Какъ взбѣлится мой Арсеній!—Когда? гдѣ? какую дѣвушку? Я опять уговорилъ его сѣсть и слушать.—Какую? говорю: плохая же у тебя память. А что, говорю, рассказываютъ въ уѣздѣ о бѣдняжкѣ Вѣрѣ Блонской, о вашемъ катаньи и о томъ, что она полтора мѣсяца жила у тебя въ домѣ?... Онъ словно воды въ ротъ набралъ. А я давай ему мылить голову и говорю: или женись на ней, или, грѣхъ тебѣ будетъ!

— Ну? спросилъ Сурминъ, вскочивъ съ дивана съ сверкающими глазами.

— Я поѣхалъ домой, а онъ въ Дубровинцы.

— Какъ, зачѣмъ?

— Извѣстно, сдѣлать предложеніе.

— Нѣтъ?... Бога ради!... не лжешь?

— Не увидите—услышите....

Сурминъ измѣнился въ лицѣ и съ минуту простоялъ на одномъ мѣстѣ. Адская ревность, мучившая его въ продолженіе пребыванія Блонскихъ въ Благодаровкѣ, начала отливать отъ сердца.

— Гей! вскрикнулъ онъ нечеловѣческимъ голосомъ, и бросился душисть Ивана Яковлича въ объятіяхъ.

Вбѣжавшіе слуги не знали что дѣлать, увидя маленькаго, жиденькаго Рябка въ медвѣжьихъ объятіяхъ Петра Мартыновича....

— Шампанскаго! воскликнулъ Сурминъ—и слуги поспѣшили исполнить приказаніе.

— Другъ, отецъ, братъ родной! и ты не лжешь?... И Кренскій женится на Вѣрѣ?... Братъ! побожись... Но слушай, братъ, если солгалъ, плохо тебѣ будетъ, Иванъ Яковлевичъ: пропишу, братъ, такую ижицу, что будешь у меня помнить до новыхъ вѣнниковъ....

И когда черезъ нѣсколько дней вѣсть о сватовствѣ Кренскаго достигла къ Сурмину, Петръ Мартынычъ, въ порывѣ радости, далъ Ивану Яковличу 100 цѣлковыхъ займы, подарилъ много платья, лошадь, и пригласилъ почаще жить въ Заклучинцахъ, общая всевозможныя выгоды, и назначилъ ему квартиру уже не

во флигель управляющаго, но въ большомъ домѣ, въ комнатѣ, оклеенной бумажками.

Теперь обратимся къ дальнѣйшему продолженію повѣсти.

Тихо шумѣлъ небольшой вѣтеръ въ глухомъ, угрюмомъ лѣсу, и мѣлкій снѣжокъ порхалъ между обнаженными вѣтками. Подъ навѣсомъ большихъ дубовъ, на разостланномъ коврѣ сидѣлъ Сурминъ въ охотничьемъ костюмѣ, возлѣ него Иванъ Яковлевичъ въ какомъ-то фантастическомъ нарядѣ, повязанный огромнымъ шерстянымъ шарфомъ; дальше помѣщался Дормидонъ Ивановичъ Ключкинъ, а на срубленномъ пнѣ Луцкій прилаживалъ что-то у ружья. Въ небольшомъ разстояніи лежали гончія собаки, и въ отдѣльныхъ группахъ сидѣли охотники. Максимъ и небольшой мальчикъ раскладывали передъ господами дорожную посуду, а въ двухъ шагахъ, по вѣтру, разложенъ былъ большой огонь, у котораго два повара приготавливали довольно роскошный завтракъ.

Луцкій приладилъ ружье; круговая чарка обошла проголодавшихся охотниковъ, и они принялись завтракать.

— Какъ хотите, господа, а мнѣ скучно покидать эти стороны, сказалъ Сурминъ, проглотивъ порядочный кусокъ бифтекса.

— Оно и правда, наша сторона, ей-Богу, господа, сказать — нѣтъ другой стороны, отозвался Дормидонъ Ивановичъ, выбирая побольше картофеля.

— Я этого не скажу, говорилъ Рябко, наливая хересу: человекъ созданъ не на то, чтобъ привязываться къ какой-нибудь одной деревнѣ.

— Ну, ты, братъ, дѣло извѣстное! тебѣ подавай столицу! Ты знаешь, братъ, нынѣшняя персона, сказалъ Сурминъ съ улыбкой.

— И зачѣмъ горячо все принимать! Мы говоримъ о привязанности, и я только замѣтилъ, что не надо привязываться къ деревнѣ, а къ людямъ...

— Ну, это, братъ, дѣло другое, это, коли хочешь, братъ, даже умно, ей-ей! Какъ вы думаете, Дормидонъ Ивановичъ?

— О, Иванъ Яковлевичъ какъ захочетъ, такъ поди съ нимъ! сказалъ Ключкинъ и залился добродушнымъ смѣхомъ, причѣмъ поперхнулся и пустил мѣлкою дробью разжеваннаго картофеля прямо въ лице Луцкому, который съ кислою миной началъ обтираться.

— Ахъ, извините! Этакой проклятой кашель! сказалъ Дормидонъ Ивановичъ, побагровѣвъ отъ усилія.

— Именно лучше привыкать къ людямъ, говорилъ Иванъ Яковличъ.

— А я думаю что нѣтъ, отозвался Луцкій, отодвинувшись отъ Дормидона Ивановича.

— А почему же, братъ, нѣтъ? спросилъ Сурминъ, значительно посмотрѣвъ на молодого человѣка.

— Люди бываютъ разные, глубокомысленно замѣтилъ Луцкій, и налилъ себѣ стаканъ краснаго вина.

— Такъ, но мы можемъ ихъ сортировать, сказалъ Иванъ Яковлевичъ.

— Иванъ Яковлевичъ говоритъ правду! Ей-ей, братъ, Иванъ Яковлевичъ, ты дока, сказалъ Сурминъ, отрѣзывая себѣ кусокъ жаренаго зайца.

— Позвольте, сказалъ Луцкій, если я привыкну къ человѣку, а онъ уѣдетъ, или я уѣду?

— Ну, что-жъ, братъ, и счастливой дороги! Не правда-ли, Иванъ Яковлевичъ, а, такъ?

— Конечно, такъ.

— Эхъ, Боже мой! сказалъ Луцкій: да каково отвыкать отъ человѣка?

— Какъ и привыкалъ, говорилъ Сурминъ, погружая въ свой широкій ротъ полную чарку запеканки.

— Я еще и такъ разсуждаю, отозвался Дормидонъ Ивановичъ: что все къ своей сторонѣ какъ-то лучше привыкать, чѣмъ къ человѣку: человѣкъ и умретъ, и уѣдетъ, и поссорится, а сторона какъ-то совсѣмъ другое, не то что человѣкъ, она не уѣдетъ...

— Ну, братъ, Дормидонъ Ивановичъ, зарпортовался, сказалъ Сурминъ, подмигивая на Ивана Яковлевича.

— Извините, я ошибся; я хотѣлъ сказать, что къ своей сторонѣ человѣку сродно привыкать: что-то этакъ тянетъ тебя, да тутъ же похоронены и родители...

— Вотъ это резонъ, такъ резонъ, Дормидонъ Ивановичъ. Однако, господа, скажу вамъ откровенно, что не разъ въ большомъ городѣ я вспомню о нашемъ краѣ.

— Вы всегда были превосходнымъ человѣкомъ, говорилъ Дормидонъ Ивановичъ.

— Впрочемъ секретовъ нѣтъ для добрыхъ друзей: вамъ всѣмъ извѣстно зачѣмъ я ѣду, стало-быть, мнѣ скучно и быть не можетъ.

Луцкій посмотрѣлъ на Сурмина изъ-подлобья.

— Свѣтская жизнь имѣетъ свои удовольствія, сказалъ онъ.

— А ты, братъ, почему ее знаешь? спросилъ Петръ Мартыновичъ.

— Неужто я небываль въ свѣтъ?

— Я думаю, братъ, что небываль! Развѣ это свѣтъ у насъ въ уѣздѣ? Нѣтъ, братъ, ***въ слишкомъ вѣдь за триста верстъ, да городъ, братъ, поди-ко! А ужъ какъ тамъ въ русскомъ трактирѣ пекутъ разстегаи, можно сказать, объяденіе!

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я провелъ тамъ зиму, сказалъ Иванъ Яковлевичъ, и надо отдать справедливость гостепрѣимству жителей—все по столичному.

— Ну, да вѣдь, господа, мы не какъ-нибудь отправляемся: два четверика, сѣрый и рыжій пошли уже третьяго-дня; сегодня отправляются рысаки и верховыя лошади; завтра ѣдетъ кухня, музыка и половина охоты, а мы съ Иваномъ Яковлевичемъ катнемъ этакъ важно, почтой.

— И вы на долго, Петръ Мартыновичъ? спросилъ Клюкинъ.

— Какъ, братъ, прійдется.

— Возвращайтесь поскорѣе, да не одни, а въ парѣ...

— Твоими бы устами медъ пить, сказалъ Сурминъ весело. Гей! шампанскаго! прибавилъ онъ, обращаясь къ Максиму.

И когда стаканы были налиты, Петръ Мартыновичъ провозгласилъ торжественно:

— Здравье Ольги Сергѣевны!

Единодушно тостъ былъ повторенъ, и охотники развеселились.

— А признайся, братъ, Луцкій, дѣло прошлое: вѣдь и тебѣ Ольга Сергѣевна зазнобила сердечко? спросилъ Петръ Мартыновичъ.

— И не воображала.

— Ну, нѣтъ, шалишь!..

— Какъ-будто я влюбляюсь въ каждую?

— Этого и не говорятъ, отозвался Рябко: а что Ольга Сергѣевна затронула васъ, всѣмъ было замѣтно.

— Ужъ пожалуйте, Иванъ Яковлевичъ.

Дормидонъ Ивзновичъ захохоталъ.

— Да ужъ лучше признайтесь! сказалъ онъ.

— Нечего признаваться: гдѣ намъ ухаживать за петербургскими красавицами!

— Вотъ это умно! сказалъ Сурминъ. А какъ ты думаешь, братъ, Иванъ Яковлевичъ, что мнѣ задать объѣдъ или балъ по приѣздѣ?

- Посмотримъ, посоветуемся съ Марьей Петровной.
- Резонъ! Видишь ли, надо же чтобъ въ чужой губерніи знали, что значить Сурминъ, и что Сурмины по дорогѣ не валяются.
- Я думаю, васъ тамъ давно знаютъ, молвилъ Дормидонъ Ивановичъ съ искреннимъ убъжденіемъ.
- Можетъ-быть и знаютъ, да этакъ мимоходомъ, а какъ мы себя покажемъ...
- Я все думаю, говорилъ Иванъ Яковлевичъ: какой это Таубеманъ? Не тотъ ли, что служилъ вмѣстѣ со мною? Если тотъ... Впрочемъ, прибавилъ Рябо, наливая шампанскаго: столько лѣтъ... онъ женился послѣ...
- А что? спросилъ Сурминъ, подмигивая на собесѣдниковъ: не былъ ли онъ твоимъ соперникомъ?
- Кто старое вспомнить, тому глазъ вонъ!
- Нѣтъ, въ-самомъ-дѣль?
- Видите ли, однажды въ маскарадѣ стою я въ сторонѣ и высматриваю одну очаровательную особу; вдругъ бархатное домино беретъ меня подъ руку и говорить: Иванъ Яковлевичъ! ради Бога, пойдемъ со мною...
- Въ это время старій охотникъ смѣло подошелъ къ Сурмину.
- Баринъ! не далеко волкъ залегъ.
- Гдѣ? какъ?
- Вотъ тутъ въ яру, и обойти хорошо: только надо стать по мѣстамъ.
- Гей! Собираться! Ну, господа, видно судьба хочетъ утѣшить меня передъ отъѣздомъ. Маршъ!
- И охотники, по назначенію Петра Мартыныча отправились въ разныя стороны.

XVI.

Черезъ нѣсколько дней Сурминъ занялъ одинъ изъ лучшихъ домовъ надъ рѣкой, раздѣлявшей *** въ на двѣ половины. Пріѣздъ Петра Мартыныча произвелъ волненіе въ той части города, гдѣ онъ остановился. Постепенный приходъ лошадей, экипажей, кухни, охоты и музыки поселилъ высокое мнѣніе о Сурминѣ. Цѣлый день Сурминъ вмѣстѣ съ Иваномъ Яковлевичемъ занимались устройствомъ квартиры и были увѣрены, что не стыдно въ ней принять и самаго губернатора.

Въ высшемъ обществѣ тоже пронеслась молва о прїѣздѣ богатаго холостяка, получавшаго около ста тысячъ годоваго дохода, и во многихъ домахъ съ нетерпѣніемъ ожидали его появленія. Аристократическій кругъ въ ***вѣ изобиловалъ невѣстами, а богатые женихи были большою рѣдкостью.

Сурминъ однако же почувствовалъ нѣкотораго рода страхъ при мысли, что ему надо сдѣлать визиты: одному казалось не ловко, взять съ собой Ивана Яковлича не хотѣлось, и онъ рѣшился просить Кренскаго представить его въ нѣкоторыхъ домахъ, что и было исполнено Арсеніемъ Андреевичемъ. Не смотря однако жъ на молву о богатствѣ Сурмина, на его брилліантовыя кольца, на огромную золотую цѣпь, развѣщенную на жилетъ, и на увѣренность, съ которою Петръ Мартыновичъ входилъ въ каждую гостиную, его нигдѣ не нашли любезнымъ. Сурминъ въ свою очередь находилъ во многихъ домахъ недостатки.

На другой или на третій день по прїѣздѣ въ ***вѣ, Иванъ Яковлевичъ Рябко вошелъ въ кабинетъ Петра Мартыныча, и не былъ признанъ послѣднимъ: щегольской костюмъ, выкрашенные волосы, и очки совершенно измѣнили Ивана Яковлевича.

— Это, братъ, что за исторія? спросилъ Сурминъ.

— Обыкновенная исторія, Петръ Мартынычъ! порядочный человекъ располагаетъ дѣлать визиты.

— Но какъ это, братъ, ты чертовски такъ ухитрился? Ей-ей, лѣтъ пятнадцать съ костей.

— А вы какъ думали?

— Чортъ тебя знаетъ, откуда все это взялось! А поворотись, братъ! Молодецъ молодцомъ! А волосы—то, волосы какъ выкрашены!..

— Мы вѣдь тоже знаемъ гдѣ какъ надо вести себя. Это еще ничего, а вотъ однажды...

— Ваня, другъ, братъ, любезный! Ты вѣдь ѣдешь съ визитами, оставь всѣ свои исторіи для новичковъ...

— Я хотѣлъ только рассказать объ одной краскѣ...

— Нѣтъ, братъ, можешь не рассказывать. А очки—то зачѣмъ прицѣпилъ?..

— Въ Петербургѣ я постоянно ходилъ въ очкахъ: оно какъ-то важнѣе.

— А видишь ли ты въ нихъ что-нибудь?

— Разумѣется, вижу. Можно мнѣ велѣть запречь лошадей?

— Почему же! Развѣ же я медвѣдь какой-нибудь: сказано все,

чего пожелаешь! Только ты, братъ, смотри, не слишкомъ команду, а то, знаешь, у меня, братъ, того...

— Мнѣ больше не надо какъ пару въ санки.

— Ну, дѣло! Но вѣдь ты начнешь вездѣ хвастать, что это твои лошади: я тебя, братъ, знаю...

— За кого же вы меня принимаете?

Ну, ну, не сердись и повзжай себѣ съ Богомъ! Смотри, братъ, не влюбись! Ха, ха, ха! Если правду сказать, то и не въ кого...

— А вотъ увидимъ.

И черезъ четверть часа, завернувшись въ довольно порядочную енотовую шубу, Иванъ Яковлевичъ отправился по тому же самому маршруту, по которому ѣздилъ Кренскій.

Прежде всѣхъ поѣхалъ онъ къ губернатору а потомъ къ Таубеману.

Предупрежденный о необыкновенно интересной личности, Таубеманъ принялъ Ивана Яковлевича чрезвычайно любезно, и, поговоривъ нѣсколько минутъ въ кабинетѣ, пригласилъ его къ женѣ въ гостиную.

Блонскіе едва узнали Ивана Яковлича.

— Кажется, я имѣла удовольствіе встрѣчать васъ у Сицкихъ, сказала г-жа Таубеманъ для шутки, зная отъ Блонскихъ, что Иванъ Яковлевичъ болѣе двадцати пяти лѣтъ не былъ въ Петербургѣ, а ей еще не было тридцати.

— Теперь припоминаю; но вы были тогда очень молоденькой дѣвицей.

— Я помню, мы танцовали послѣдній разъ вмѣстѣ на дачѣ, въ день именинъ хозяйки.

— Когда была иллюминація? спросилъ Иванъ Яковличъ.

— Именно въ то время.

— Но вы мало перемѣнились.

— Благодарю васъ.

— О, я не льщу ни мало. Какъ же вы нашли провинцію?

— Здѣсь мы не скучаемъ; въ особенности съ пріѣздомъ кузины время проходитъ незамѣтно. Вы къ намъ на долго?

— Надо уже будетъ провести остатокъ зимы; впрочемъ это будетъ зависѣть отъ Сурмина: мы дали другъ другу слово жить вмѣстѣ.

— Вы непременно должны танцовать, м-г Рябко, сказала Ольга:

здѣсь не такъ много кавалеровъ, а танцующіе молодые люди на-ходка.

Рябка сильно взъерошилъ правой рукой волосы, такъ что въ промежуткахъ виднѣлись рыжіе ихъ корни, куда краска не со-всѣмъ проникла.

— Когда же я отказывался отъ танцевъ? сказалъ онъ, кокет-ливо выставя не дурную свою ногу, обутую въ лакированный сапогъ.

Весель и доволенъ Иванъ Яковличъ пробѣхалъ къ Чесноковскимъ. Хозяина не было дома, но хозяйка приняла Рябка съ необыкно-венною пріятливостью. Дѣвицы Чесноковскія, изъ которыхъ одна ходитъ подпрыгивая а другая не подпрыгивая, сидѣли въ одина-ковыхъ платьяхъ, на креслахъ, противъ Ивана Яковлевича.

— Вы, кажется, изъ однихъ мѣсть съ Блонскими? спросила старуха Чесноковская.

— Сосѣди по имѣніямъ, отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ.

— И постоянно живете въ деревнѣ?

— Зимой живу въ Малороссіи. Видите ли, я получилъ до-вольно разстроенное имѣніе, и надо было привести его въ поряд-окъ. Лѣто, впрочемъ, я провожу въ Крыму, у себя на дачѣ.

— Мѣстоположеніе тамъ должно быть очень хорошо, сказала дѣвица Чесноковская, которая ходитъ не подпрыгивая, но у кото-рой въ носу есть особенный мускуль, дергающій въ извѣстныхъ случаяхъ и иногда поясняющій мысль, которую она желала бы высказать.

— Мѣстоположеніе единственное. Дача моя въ Судацкой до-линѣ, и виды оттуда, ну, просто прелесть! Въ ясную погоду виднѣнъ Константинополь.

— Неужели? спросила дѣвица Чесноковская, которая ходитъ подпрыгивая, но которой географія знакома довольно плохо.

— Да, но, разумѣется, не простыми глазами, а въ трубку, да еще именно въ мою, которая необыкновенно приближаетъ. Мнѣ ее подарилъ одинъ знакомый посланникъ. Трубка небольшая, и на какіе угодно глаза приходится.

— Вы пріятели съ Сурминимъ? спросила хозяйка.

— Друзья съ малолѣтства. Если бъ этотъ человекъ захотѣлъ служить, далеко бы пошелъ. Не надо смотрѣть на его наружность и на простоту въ обращеніи, нѣтъ, посмотрите на него въ дѣлахъ серіозныхъ.

— Онъ, кажется, имѣетъ хорошее состояніе?

— Да, незнаю, есть-ли у кого въ этомъ краю подобное.

— Имѣеть семейство?

— Нѣтъ, онъ холостъ. Знаете, нѣжная, но твердая душа. Въ молодости онъ былъ влюбленъ въ одну изъ извѣстныхъ красавицъ Россіи; родители дѣвушки требовали чтобъ онъ записалъ не-вѣсть имѣніе, и пока тянулись переговоры, потому-что у Сурмина была жива еще мать, невѣста его умерла, и вотъ отчего онъ не женился.

— Какое, однако жъ, постоянство! сказала дѣвица Чесноковская, которая ходитъ не подпрыгивая; а носовой мускуль ея задергалъ особеннымъ образомъ и что-то досказалъ своимъ раздражительнымъ движеніемъ.

— Постоянство доставляетъ однимъ удовольствіе, а другимъ...

И Иванъ Яковлевичъ погрузился въ задумчивость.

— Вы женаты? спросила хозяйка.

— Ни сколько.

Объ сестры едва замѣтно пустили въ ходъ извѣстныя имъ средства казаться интереснѣе.

— И въ Крыму вы живете одни? спросила хозяйка.

— О, напротивъ! Ко мнѣ съѣзжаются изъ Петербурга знакомые артисты, литераторы, живописцы; у меня полонъ домъ на дачѣ.

— И какъ должно быть пріятно общество подобныхъ людей! сказала дѣвица Чесноковская, которая ходитъ подпрыгивая, и граціозно подняла въ верхъ глаза.

— Да, въ особенности я помню одно лѣто, когда Пушкинъ, Лермонтовъ и Марлинскій гостили у меня цѣлый мѣсяць: признаюсь, я самъ чуть-чуть не сдѣлался стихотворцемъ. Вѣрите-ли, ни одного слова не скажутъ просто, все въ рифму, увѣряю васъ; и по неволѣ безпрестанно рифмы такъ и вертѣлись у меня на языкѣ... Вамъ, конечно, знакомы эти писатели?

— Да, мы слышали, сказала старшая Чесноковская.

— Есть стишки, сказалъ Рябко, что называется суперфинъ!

И сложивъ пальцы, онъ поцѣловалъ ихъ кончики съ особенною граціей.

— Мы читаемъ Байрона, сказала меньшая Чесноковская.

— А! произнесъ Иванъ Яковичъ, припоминая былъ ли у него на дачѣ этотъ писатель...

— Да, Байронъ то-же не дуренъ, продолжалъ онъ: но, знаете ли, въ немъ есть, что-то этакое...

И, не въ состояніи бывъ договорить своей мысли, Иванъ Яковлевичъ началъ разводить руками.

— О, нѣтъ, сказала старшая Чесноковская: это поэтъ высокій, съ нимъ можетъ сравниться развѣ одинъ Ламартинъ.

— То-есть Мартынъ найденышъ! Знаю, это очень занимательно.

Обласканный Чесноковскими и приглашенный бывать когда угодно, а въ особенности по вторникамъ, Иванъ Яковлевичъ отправился прямо къ Перебокову. Михайло Михайловичъ Перебоковъ чловѣкъ степенный и серьезный, лѣтъ за сорокъ, но бодрый и свѣжій, занималъ прекрасный домъ въ одной изъ лучшихъ улицъ города. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ и отличною репутаціей; довольно было сказать Михайло Михайлычъ, и всѣ знали, что дѣло шло о Перебоковѣ, хотя въ городѣ былъ и не одинъ Михайло Михайловичъ. Онъ былъ высокаго роста, одѣвался щегольски, носилъ очки, выѣзжалъ парадно, и удивительно какъ напоминалъ собою замороженнаго осетра, которыхъ выставляютъ въ рыбномъ ряду передъ Рождественскими праздниками. Михайло Михайловичъ имѣлъ ту особенность (понравившуюся Сергѣю Антонычу Блонскому), что обо всемъ былъ своего собственнаго мнѣнія, и ужъ если, бывало, вообѣтъ себя что въ голову, никто не въ состояніи убѣдить его. Одинъ только недостатокъ находили въ Михайлѣ Михайловичѣ, именно: если онъ разгорячался и спорилъ, возвышая голосъ, у него была прескверная привычка оплевывать своихъ знакомыхъ. Впрочемъ этому легко можно было пособить, то-есть удалиться немного отъ Михайла Михайловича, когда онъ разгорячался.

Развязно и вмѣстѣ важно Иванъ Яковлевичъ вошелъ въ гостиную Перебокова, убранную со вкусомъ, уставленную цвѣтами и деревьями, украшенную бронзой и плохими картинами въ богатыхъ золоченыхъ рамахъ.

— Вы пріѣхали веселиться въ нашъ городъ? спросилъ хозяинъ послѣ обычныхъ фразъ при первомъ знакомствѣ.

— Да, соскучился немного въ деревнѣ.

— А гдѣ ваша деревня?

— Одна въ Малороссіи, другая въ Орловской губерніи.

— Знаю, тово оно какъ оно, Малороссію! не стоитъ тамъ имѣть деревни.

— Ну, нѣтъ, я не согласенъ.

— Да что вы, тово оно какъ оно, не согласны! Я вамъ го-

ворю что не стоит. Малороссию знаем мы! Я самъ тринадцать лѣтъ живу здѣсь, тово оно какъ оно!

— Однако у насъ есть богатые помѣщики.

— Что, богатые, тово оно какъ оно! Богатство богатству розь! Имѣніе! Ну, вотъ, на примѣръ, лампа, а это тово оно какъ оно, картина! Какимъ же образомъ, тово оно какъ оно, можно имѣть въ Малороссіи! Знаемъ мы!

— А гдѣ же, по вашему, имѣніе выгоднѣе?

— По моему? на Волгѣ. Вотъ сторона! А здѣсь что?

— Но кто не можетъ имѣть на Волгѣ...

— Кто же виноватъ, тово оно какъ оно? не можетъ! эка штука, что не можетъ! Не въ томъ дѣло, что не можетъ, это не резонъ, тово оно какъ оно: да имѣніе—то золотое дно. Помилуйте!

— Мнѣ кажется, что если мы, Малороссійскіе помѣщики, не получаемъ большихъ доходовъ, то сами тому причиною.

— Что вы мнѣ, тово оно какъ оно, рассказываете! Я самъ тринадцать лѣтъ живу здѣсь. Знаемъ мы малороссійскія имѣнія. Теперича, вотъ вамъ примѣръ: 200 душъ въ Малороссіи съ достаточнымъ количествомъ земли, а вотъ вамъ 200 душъ на Волгѣ, и земли, тово оно какъ оно, недостаточно. А! Дѣло вѣдь другое? Что и говорить! Какое тутъ хозяйство; знаемъ мы этихъ хозяевъ тово оно какъ оно!

Наговорившись съ Михайломъ Михайлычемъ, Иванъ Яковличъ поѣхалъ къ Барашковымъ, славившимся своимъ поваромъ и жившимъ открыто.

Барашковъ занималъ какое-то мѣсто и былъ на службѣ, но Ивана Яковлевича приняла Барашкова. Это была молодая особа, довольно не дурная собой, но чрезвычайно любила духи почули, наполнявшіе цѣлый домъ своимъ запахомъ.

Войдя въ гостиную, Иванъ Яковлевичъ засталъ Барашкову въ бесѣдѣ съ однимъ изъ львовъ—Хлыстиковымъ, который, разваливъ въ креслѣ, гордо измѣрялъ взоромъ входившаго.

Барашкова обратилась къ Ивану Яковличу по-французски. Но Рябо храбро отвѣчалъ что-то по-русски, при чемъ левъ улыбнулся.

— Вы не служите? спросила Барашкова.

— Не служу.

— А прежде служили въ военной службѣ?

— Нѣтъ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. И Иванъ Яковлевичъ принялъ, по его мнѣнію, самую дипломатическую позу.

— Бывали, конечно, за границей?

— О, нѣсколько разъ.

— А какъ это должно быть пріятно, сказала Барашкова, разсматривая со вниманіемъ Ивана Яковлевича.

— Невсегда одинаково пріятно, отвѣчалъ Рябко, съ видомъ челоѵѵка, испытавшаго всѣ выгоды и невыгоды пребыванія за границей.

— Кому дѣлать нечего, продолжалъ онъ, и кто ѵдетъ жуировать, тому, конечно, на каждомъ шагу удовольствія; но нашему брату, у кого полны руки дѣлъ...

— Вы были за границей, конечно, по службѣ?

— Былъ и секретаремъ посольства, былъ и консуломъ, всего случалось на вѣку, сказалъ, махнувъ рукой, Иванъ Яковлевичъ: а теперъ въ отставкѣ сѵю ленъ да пшеницу.

— Вы помѣщикъ нашей губерніи? спросила Барашкова, разворачивая свой батистовый платокъ, отчего сильно разнесся запахъ почули.

— Есть маленькая деревенька и въ вашей, но главное имѣніе у меня въ Малороссіи и подъ Москвой. Впрочемъ, лѣто я обыкновенно провожу у себя, въ Крыму, на дачѣ.

— Последнее, я думаю, пріятнѣе всего для васъ.

— И пріятнѣе и полезнѣе: я имѣю отличные виноградники, приносящіе мнѣ хорошій доходъ, и держу отличный конный заводъ.

— Въ Крыму? спросилъ левъ, корчившій спортсмена и имѣвшій собственную верховую лошадь, выбракованную изъ какого-то кавалерійскаго полка.

— Да, въ Крыму, отвѣчалъ Рябко, осматривая льва съ ногъ до головы.

— Какая же тамъ порода? спросилъ левъ.

Иванъ Яковлевичъ улынулся.

— Крымская, отвѣчалъ онъ. Впрочемъ у меня есть и англійскихъ тридцать матокъ.

Вообще Иванъ Яковлевичъ, у Барашковыхъ, необыкновенно запускался, какъ говорилъ Сурминъ, — и, довольный пріемомъ г-жи Барашковой, отправился дальше.

У Хлопиковыхъ Ивана Яковлича не приняли, и онъ оставилъ карточку.

Велинскіе его приняли, и Рябко, войдя въ гостиную, нашель довольно большое общество, а вмѣсто хозяйки отрекомендовался

посторонней барынь. Хозяинъ однако жъ выручилъ его и подвель къ женѣ.

Велинская, довольно полная дама, сидѣла на диванѣ; возлѣ нее полковница Мейленъ, мать хорошенькой дѣвушки, разговаривавшей съ дочерью хозяйки у окна, а возлѣ дѣвицы, въ небрежныхъ положеніяхъ сидѣли два первѣйшіе джентльмена ***-скихъ салоновъ: недурной собою мальчикъ Горскій, тоненькій блондинъ, одѣтый чрезвычайно изысканно, и Тужурскій, брюнетъ, глаза на выкатъ, перетянутый въ рюмочку, въ лайковыхъ перчаткахъ.

— Вы давно пріѣхали въ нашъ городъ? спросила хозяйка Ивана Яковлевича.

— Четыре дня.

— Каково же вамъ понравился городъ?

— Я его давно знаю.

— Да, чудесное мѣстоположеніе!

— Г. Рябко давно уже знаетъ ***, въ, прокричалъ Велинскій женѣ.

— Слышу, слышу. А долго располагаете пребыть у насъ? спросила Велинская Ивана Яковлевича.

— До весны, я полагаю.

— До весны, Елисавета Ивановна, прокричалъ Велинскій.

— Слышу, слышу.

— Вы сосѣдъ Блонскихъ? спросилъ хозяинъ.

— Да, по Малороссіи, отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ.

— Прекрасные люди.

— Очень хорошіе.

— Да, очень хорошая: морозы прекратились и наступила оттепель, отозвалась хозяйка, воображая что рѣчь идетъ о погодѣ.

— Мы говоримъ о Блонскихъ, прокричалъ хозяинъ.

— А, о Блонскихъ! они были у насъ, они къ намъ первымъ пріѣхали.

— Говорятъ, меньшая сговорена, отозвался Горскій.

— За Кренскаго, отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ.

— Онъ, кажется, богатъ, сказалъ хозяинъ.

— Не то чтобъ слишкомъ.

— Однако жъ?

— Душъ тысячи три будетъ.

— Конечно, заложенныхъ?

— Напротивъ, у него есть капиталы. У насъ, впрочемъ, въ околоткѣ мало заложенныхъ имѣній;—такъ ужъ ведется изстари.

— Это удивительно!

— Да вотъ какъ удивительно, что Смоленская моя деревня заложена, Подмосковная перезаложена, а Малороссійское имѣніе нѣтъ духу заложить, хотя иногда нуждаешься въ какой-нибудь даже тысячѣ рублей на необходимыя издержки.

— Это у васъ лошади своего завода? спросилъ хозяинъ.

— Коренная своего завода, а пристяжную я купилъ въ Ромнахъ.

— У васъ большой заводъ?

— Матокъ сто.

— Намъ рассказывали о какомъ-то происшествіи съ лошадьми у м-га Кренскаго, сказала дѣвица Велинская, обращаясь къ Ивану Яковличу.

— Да, это было довольно неприятное происшествіе. Видители, мы собрались къ Блонскимъ кататься, и каждый изъ насъ привелъ съ собою рысака. Бросили жребій: Сурмину выпало ѣхать съ Ольгой, а мнѣ съ Вѣрой; Кренскій остался одинъ. Вотъ онъ подходитъ и говоритъ мнѣ: «Иванъ Яковличъ, другъ, уступи мнѣ это счастье!» Знаете, влюбленъ былъ по уши, такъ уже явилась и ревность. Я и говорю: смотри, Арсеній, у тебя лошадь ненадежная, поѣзжай на моей. Посовѣтился ли онъ, покапризничалъ ли, не знаю, но не послушался меня, посадилъ Вѣру на свои сани—и мы выѣхали. Сурминъ съ Ольгой впереди, за ними Кренскій съ Вѣрой, а я на своемъ турецкомъ иноходцѣ. Подлечу къ одной сестрицѣ, то къ другой, знаете, нѣтъ преградъ: ни ровъ, ни плетень, ни оврагъ не помѣшаютъ, все ни почемъ! Кренскій зафантазировался, пустилъ возжи; лошадь закусилъ удила и помчала по кочкамъ, по оврагу, да на рѣку, опрокинула санки и выбросила Вѣру въ снѣгъ. Я подхватилъ ее чуть не на лету, а Кренскій версты двѣ тащился по дорогѣ.

— А намъ говорили, сказала дѣвица Велинская, что Кренскій съ невѣстой—было утонули.

— То-есть, если хотите, было что-то въ родѣ этого, когда лошадь неслась черезъ рѣку; ледъ проломался немного, брызнула вода,—но рысакъ выскочилъ.

Отъ Велинскихъ Рябко поѣхалъ въ Зебрицкимъ, которые жили въ великолѣпномъ новомъ домѣ, имѣли отличное состояніе и принимали привѣтливо, не отдавая преимущества лишней парѣ лошадей, лишней тысячѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ ***-скаго общества: доброта души, истинное;

основательное образование отмѣчали членовъ этого семейства, состоявшаго изъ отца, заслуженнаго генерала, матери не такъ молодой, но любезной женщины и молоденькой дочери—рѣзваго ребенка, которому впрочемъ было семнадцать лѣтъ. Наденька Зебрицкая принадлежала къ числу тѣхъ рѣдкихъ, прекрасныхъ созданий, украшающихъ общество, какихъ вы немного встрѣчали въ своей жизни. Это была дѣвушка довольно высокаго роста, очень хорошенькая, чрезвычайно стройная, прекрасно образованная, кроткая, остроумная. Всѣ любили и уважали эту интересную дѣвушку. Ее можно было сравнить съ бѣлою лилеей на стройномъ гибкомъ стеблѣ, за которую боятся, чтобъ не сломала буря, и которой расточаютъ самую нѣжную заботливость. Мѣстные львы поочередно ухаживали за нею, въ особенности Горскій, въ надеждѣ на свои три тысячи душъ, началъ было слишкомъ ее преслѣдовать; но милый ребенокъ, единственное дитя любящихъ родителей, не находилъ особеннаго удовольствія въ бесѣдахъ молодежи, въ особенности въ пустыхъ разговорахъ Горскаго. Тужурскій пристально началъ было за нею ухаживать, терзалъ французскій языкъ самымъ убійственнымъ образомъ, забѣдилъ пару сѣрыхъ, даже однажды упалъ передъ окнами Зебрицкихъ съ верховой лошади; танцевалъ постоянно съ Наденькой мажурки, но ни что не пробудило отвѣта въ спокойномъ нѣжномъ сердцѣ прекрасной дѣвушки.

Зебрицкій привѣтливо принялъ Ивана Яковлевича, который неизвѣстно почему потерялъ дерзкую увѣренность въ себѣ, проходя длинный рядъ комнатъ, убранныхъ со вкусомъ и войдя въ обширную гостиную, уставленную разнородными деревьями и чудными цвѣтущими камеліями.

Зебрицкая указала Рябку мѣсто на креслѣ, возлѣ себя.

Шли общія мѣста разговоровъ, необходимыхъ при первомъ знакомствѣ.

— Сколько помню, сказалъ генералъ, это первая зима, что насъ посѣщаютъ помѣщики другихъ губерній, и если не ошибаюсь, причиною этому Христофоръ Петровичъ Таубеманъ.

— Что касается меня, Кренскаго, Сурмина и Блонскихъ, ваше превосходительство не ошибаетесь, отвѣчалъ Рябка, взъерошивая волосы и посматривая на хорошенькую Наденьку.

— Дѣвицы Блонскія очень милы, отозвалась Зебрицкая, а появленіе ихъ настоящій кладъ для общества.

— Совершенно съ вами согласенъ; онѣ и въ Петербургѣ играли не послѣднюю роль.

— Меньшая сговорена? спросила Зебрицкая.

— Да, за Кренскаго.

— И кажется, смѣло можно поздравить ее съ будущимъ счастьемъ, потому что г. Кренскій прекрасный человекъ, сказалъ генераль.

— Это мой школьный товарищъ, и я знаю его какъ свои пять пальцевъ.

— Вы, если не ошибаюсь, сосѣди?

— Да, по Малороссіи. Впрочемъ я люблю Малороссію и только лѣто провожу въ Крыму, у себя на дачѣ, но рѣдко посѣщаю свою Воронежскую деревню.

— Значить, у насъ одни вкусы, сказалъ генераль: у меня тоже есть имѣніе въ Воронежской губерніи, въ которомъ я не былъ уже лѣтъ около десяти.

— Скука ужасная! У меня, Впрочемъ, тамъ отличный конный заводъ.

— Въ которомъ уѣздѣ ваша деревня?

Иванъ Яковлевичъ не зналъ названья ни одного изъ городовъ Воронежской губерніи.

— Въ Воронежскомъ, отвѣчалъ онъ.

— По сю или по ту сторону Дона?

— По объѣмъ, сказалъ съ улыбкой Иванъ Яковлевичъ: Донъ раздѣляетъ мою деревню на двѣ половины и протекаетъ у самаго дома, такъ что изъ окна можно удить рыбу.

— Завидую вамъ, что у васъ есть дача въ Крыму, сказала Зебрицкая: я никакъ не упрошу мужа купить хоть какой-нибудь садикъ на южномъ берегу.

— Папа мнѣ обѣщалъ, сказала Надина.

Рябко началъ сильно взъерошивать волосы.

— А я какъ нарочно въ прошломъ году продалъ чудную дачку въ Байдарской долинѣ. Представьте себѣ: олеандровыя рощи, утесы и виды на море...

— Зачѣмъ же вы продали? спросилъ генераль.

— Пришелъ напризъ, о которомъ я и жалѣлъ послѣ. Весной, когда зацвѣли олеандры, въ домикъ жить было невозможно: отъ сильнаго запаха болѣла голова; вотъ я и продалъ, разсердившись.

— А мы здѣсь платимъ большія деньги за хорошее деревцо олеандра.

- А я иногда топилъ у себя въ каминѣ олеандрами.
- А тамъ очень бываетъ холодно? спросила Зебрицкая.
- То есть, иногда, осенью. Видите ли, я проживалъ до зимы, если у меня гостили артисты, живописцы и литераторы. Впрочемъ это была фантазія Пушкина.
- А вы были съ нимъ знакомы? спросила Наденька.
- Мы вмѣстѣ воспитывались, вышли изъ лицея и, прибавилъ Рябко тихимъ голосомъ: я былъ у него секундантомъ.
- Ахъ, monsieur Рябко, сказала молодая двушшка, опуская глаза, я глубоко уважаю талантъ Пушкина, и мнѣ было бы любопытно слышать отъ очевидца о послѣднихъ минутахъ поэта.
- Я же тебѣ, душа моя, читалъ письмо В. А. Жуковского, напечатанное въ Современникѣ.
- Я съ большимъ удовольствіемъ готовъ исполнить ваше желаніе, сказалъ Рябко, обращаясь къ Наденькѣ. Надобно сказать, что въ газетахъ не все написано, прибавилъ онъ тише и поднимая указательный палецъ къверху: знаете, семейство... толки... однимъ словомъ, понимаете! Я везъ и ящикъ съ пистолетами. Пріѣзжаемъ. Александръ Сергѣичъ и говоритъ мнѣ: Иванъ Яковличъ! я знаю, что буду убитъ; возьми, говоритъ, запечатанный пакетъ моихъ секретныхъ сочиненій, на память дружбы, и, если чрезъ двадцать лѣтъ будешь живъ, распечатай и вспомни обо мнѣ. Александръ Сергѣичъ былъ равнодушенъ, но, кажется не хорошо цѣлилъ, потому-что далъ промахъ, а противникъ попалъ ему вотъ сюда. И Иванъ Яковличъ показалъ на грудь. Пушкинъ упалъ, мы его перевезли домой. Я не отходилъ отъ него до самой кончины...
- А пакетъ? робко спросила Наденька.
- Храню подъ стекломъ. Мнѣ давали за него въ Петербургѣ десять тысячъ серебромъ, но я не отдамъ его ни за какія сокровища въ мірѣ.
- Горскій и Тужурскій вошли въ гостиную.
- Горскій вмѣшался въ общій разговоръ, а Тужурскій подсылъ къ Наденькѣ и разговаривалъ въ полголоса, но такъ что было слышно Ивану Яковлевичу.
- Эта Ольга Блонская удивительно какъ странно одѣвается, сказалъ Тужурскій.
- Напротивъ, по моему, костюмъ ея не только не погрѣшительнъ, но изищно хорошъ.
- Вы слишкомъ снисходительны.

— Желалъ бы я знать, что вы нашли страннаго въ нарядѣ Ольги Блонской?

— Все, этакое du mauvais genre.

— Какъ же вы, господа, взыскательны! Что же вы послѣ этого скажете о нашихъ костюмахъ?

— Я васъ не понимаю.

— Если вамъ не нравится костюмъ Ольги Блонской, произведеііе лучшихъ петербургскихъ модистокъ, чѣмъ же вамъ покажутся наши?

— Вы вѣчно шутите!

Но Иванъ Яковличъ дальше не разслушалъ и, очарованный пріемомъ Зубрицкихъ, отправился домой, потому что уже была пора объѣдать.

XVII.

На другой день, часу во второмъ, Рябко снова пустился съ визитами, и поѣхалъ къ княгинѣ Б... жительницѣ Петербурга.

Въ мило, изящно убранной гостиной, княгиня сидѣла у окна и читала.

Тише воды, ниже травы Иванъ Яковлевичъ пробирался между разнообразными креслами, разставленными въ стройномъ безпорядкѣ. Желая однако жъ не показаться профаномъ, Рябко хотѣлъ ловко сѣсть на указанное кресло, но какъ-то зацѣпился за коверъ и откатился съ кресломъ назадъ, причемъ покачнулся на спинку и приподнялъ обѣ ноги къверху, сверкая новенькими подошвами лакированныхъ сапоговъ. Пораженная этою неожиданностью, княгиня не могла удержаться отъ смѣха, который перешелъ почти въ истерическій хохотъ, когда любимая ея левретка Джипси, увидя незнакомца въ такомъ положеніи, вскочила на него и, съ громкимъ лаемъ начала рвать концы галстуха злополучнаго Ивана Яковлевича. Надо же было случиться, чтобъ въ это самое время Кренскій привезъ Сурмина представить княгинѣ.

Не понимая причины хохота послѣдней, Кренскій съ улыбкой на устахъ, послѣдуемый Сурминымъ, пробирался между мебелью; но когда княгиня, не бывъ въ состояніи проговорить ни слова, указывала только на барахтавшагося Ивана Яковлевича, Кренскій самъ расхохотался. Въ это время Иванъ Яковлевичъ безъ галстуха вытѣзалъ изъ-подъ дивана.

меня же-естоко, но ре-евнива, какъ Ту-урокъ. Вы здѣшній по-омѣщикъ?

— Есть и въ этой губерніи деревушка, но у меня главное имѣніе въ Малороссіи и большая дача въ Крыму.

— Вотъ это хо-орошо. У васъ свое ви-ино?

— И еще какое!

— А я пилъ Во-оронцовское ша-ампанское—чу-удо!

— Что ваше Воронцовское, отвѣдали бы вы моего! не только что цвѣтъ и вкусъ превосходнаго качества, а если откупорить, то просто кипить.

— Ска-а-ажите!

— У меня чудные сорта лозъ! Ну, конечно, это все не дешево стоить...

— Безъ сомнѣнія. А ка-акъ вы ду-умаете: здѣсь на-астоящее ша-ампанское?

— Бываетъ и настоящее. Впрочемъ фальшивое сейчасъ можно узнать.

— Пра-авда, что мо-ожно. Да неуго-одно ли во-одочки? Гей! подать во-одки и око-орка!

Иванъ Яковлевичъ выпилъ рюмку водки, закусилъ и отпра-вился дальше. Черезъ четверть часа остановился онъ у краси-ваго подъезда большаго каменнаго дома. Лакей весь въ галунахъ, въ чулкахъ и башмакахъ, встрѣтилъ Ивана Яковлевича и впу-стилъ въ залу, гдѣ другой слуга попросилъ Рябка повременить немножко, потому что баринъ занятъ. Иванъ Яковлевичъ осма-тривалъ залу съ особеннымъ вниманіемъ, но его скоро попросили въ кабинетъ.

На широкомъ диванѣ полулежалъ высокій, худощавый ста-рикъ, лице котораго было все испещрено мѣлками морщинами; гороховое пальто было застегнуто на всѣ пуговицы. Старикъ этотъ назывался Иваномъ Львовичемъ Модокановымъ, имѣлъ огромное со-стояніе и пользовался отличною репутаціей. При входѣ Ивана Яковлевича, онъ приподнялся не много съ дивана и, извиняясь болѣзнию, снова облокотился о зеленую сафьянную подушку, ука-завъ гостю кресло. Послѣ извѣстныхъ фразъ, необходимыхъ при первомъ знакомствѣ, Иванъ Львовичъ спросилъ Ивана Яковлевича:

— Вы изволите служить, или въ отставкѣ?

— Въ отставкѣ, отвѣчалъ Рябка, боясь облокотиться на спин-ку кресла, имѣя еще въ свѣжей памяти недавнюю сцену.

— Да, конечно, можно и въ г-ставкѣ быть полезнымъ сыномъ отечества.

— Если хотите, обязанность помѣщика очень важна.

— Больше, сударь, чѣмъ важна! Разумѣется, не надо только быть эгоистомъ.

— Какой же порядочный человѣкъ эгоистъ?

— О, много найдется. Позвольте васъ спросить, вы давно занимаетесь имѣніемъ?

— Лѣтъ пятнадцать.

— Не оскорбляйтесь моимъ вопросомъ: что вы сдѣлали для крестьянъ?

— Мало ли я сдѣлалъ въ Могилевской губерніи, мало ли въ своей Подмосковной, не говоря уже о Малороссіи, а о Крымѣ и упоминать не стоитъ, потому что у меня на дачѣ живетъ лишь нѣсколько семействъ.

— Да; но вы говорите вообще о своихъ дѣйствіяхъ. Что же именно вы сдѣлали?

— Все сдѣлалъ, что отъ меня зависѣло.

— Это прекрасно молодой человѣкъ!

Иванъ Яковлевичъ чуть неподпрыгнувъ на креслѣ и самодовольно улыбнулся при послѣдней фразѣ.

Рябка поспѣшилъ раскланяться съ Модогановымъ и поѣхалъ къ госпожѣ Дрюдрю.

Это, что называется, была представительница de la haute aristocratie губернскаго города. Вдова французскаго выходца, женщина, имѣвшая отличное состояніе и посѣщавшая раза два Францію, Варвара Васильевна Дрюдрю пользовалась уваженіемъ и жила открыто. Сынъ ея служилъ въ Петербургѣ, а дочь, худощавая, избалованная и немного злая дѣвушка, жила съ матерью, помогая послѣдней пересмѣивать человѣчество, и была главною помощницею въ редакціи матери по части разнообразныхъ новостей. Госпожа Дрюдрю принадлежала къ числу тѣхъ особъ, экземпляры которыхъ уже становятся рѣдкостью даже и въ провинціальномъ свѣтѣ; она приходила въ восторгъ отъ всего иностраннаго. Между тѣмъ у Дрюдрю бывали очень пріятные вечера, вкусные обѣды, а лѣтомъ въ подгородной деревнѣ различные увеселенія. Домъ ея, отдѣланный изящно, расположенный удобно для свѣтской жизни, почти всегда былъ наполненъ посѣтителями; въ особенности любили тамъ собираться молодые люди, потому что г-жа Дрюдрю, въ присутствіи дочери, позволяла себѣ болтать всякую всячину,

въ томъ вниманіи, что въ обыкновенномъ и выработанномъ французскомъ языкѣ можно легко выражать изящнымъ образомъ самыя безнравственныя вещи. Въ этомъ обстоятельствѣ много помогала ей двоюродная сестра, пріѣзжавшая къ ней обыкновенно изъ деревни на зиму.

Иванъ Яковлевичъ смѣло однако жъ позвонилъ у аристократическаго подъезда.

Всѣ три граціи держали въ гостиной комитетъ по случаю появленія въ городѣ семейства Блонскихъ.

Рябка встрѣтили два любезные вопроса на французскомъ языкѣ.

— Я не говорю по-французски, сказалъ рѣшительно Иванъ Яковлевичъ, садясь осторожно на креслѣ.

— Извините, сказала хозяйка дома, сдѣлавъ недовольную мину, что позволила себѣ принять подобнаго Готтентота.

— Каюсь въ грѣхѣ, говорилъ Рябка, снимая перчатку съ руки, на указательномъ пальцѣ которой надѣто было брилліантовое кольцо, подарокъ Сурмина: но честное слово, данное нѣсколько лѣтъ тому назадъ, къ несчастію меня связываетъ.

— А! вы дали слово не говорить по-французски! За что же такая не милость?

— Видите ли, я былъ секретаремъ посольства въ Парижъ...

Иванъ Яковлевичъ остановился, чтобъ дать время слушателямъ своимъ обмѣняться взорами.

— Я былъ секретаремъ посольства въ Парижъ, продолжалъ Иванъ Яковлевичъ: а въ то время пріѣхало туда одно русское семейство, извѣстное по своимъ связямъ и любви ко всему отечественному. Надо признаться откровенно, что я уже было забывъ русскій языкъ, т. е., знаете, мнѣ такъ было легче выразиться по-французски. Въ семействѣ, о которомъ я говорю, была дочь, дѣвушка лѣтъ семнадцати, такая прелесть, что весь Парижъ сходилъ отъ нея съ ума. Я былъ очень молодъ, продолжалъ Рябка, охорашиваясь: и страстно влюбился. Я сдѣлалъ предложеніе, родители согласились, но дѣвушка ни-за-что не хотѣла принять предложенія, пока я не далъ слова никогда не говорить съ нею иначе какъ по-русски, и вообще, возвратясь въ Россію, не говорить никогда по-французски.

— И вы женились на ней?

— Нѣтъ, она умерла, отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ и погружился въ задумчивость.

Разумѣется, послѣ этого разсказа съ нимъ не говорили по-французски.

Дѣвица Дрюдю однако жъ очень смѣшно выражалась по-русски.

— Вы обитаете Малороссію? спросила она Ивана Яковлевича.

— Да, имѣю имѣніе и въ Малороссіи, но я собственно Нижегородскій помѣщикъ. Впрочемъ, я переѣзжаю изъ одного имѣнія въ другое, а лѣто обыкновенно провожу въ Крыму, у себя на дачѣ.

— У васъ есть дача въ Крымѣ! Это большая пріятность, сказала дѣвица Дрюдю.

— Большое удовольствіе, и скажу вамъ, моя дача на самомъ красивомъ мѣстоположеніи. Представьте себѣ этакъ море, говорилъ Иванъ Яковлевичъ, указывая на сѣверъ: этакъ олеандровыя и апельсиныя рощи, продолжалъ онъ, указывая на востокъ: а этакъ, прямо, видъ на Константинополь.

— Это должно быть превосходно, сказала госпожа Дрюдю.

— Я назвалъ свою дачу эдемомъ.

— А хорошій доходъ даетъ вамъ этотъ эдемъ?

— Смотря по урожаю винограда, апельсинъ и лимоновъ, иногда тысячь 15 серебромъ, иногда 17, а иногда и 20; но среднимъ числомъ я считаю всегда не меньше 18-ти.

— Вы близкій сосѣдъ г. Сурмина?

— Самый близкій: наши имѣнія граничатъ.

— Говорятъ, у него прекрасная музыка.

— Превосходная!

— Значитъ, у васъ, въ Малороссіи, хорошо живутъ.

Иванъ Яковлевичъ засмѣялся.

— Не всѣ, сказалъ онъ, продолжая улыбаться: кто можетъ и хочетъ, тѣ живутъ хорошо; но есть много помѣщиковъ, ведущихъ самый простой образъ жизни.

— Найдете вы и здѣсь уморительныя вещи, сказала госпожа Дрюдю.—Полагаю, впрочемъ, что вы, какъ человѣкъ, жившій въ свѣтѣ, успѣли разглядѣть многое.

Иванъ Яковлевичъ слегка улыбнулся, но какъ можно дольше удержалъ насмѣшливое, какъ ему казалось, выраженіе.

— Конечно, я не встрѣтилъ здѣсь того, что въ Парижѣ, или въ Петербургѣ, но скажу вамъ, есть многія интересныя особы, прибавилъ Иванъ Яковлевичъ и слегка поклонился, какъ бы да-

вая знать этимъ нѣмымъ движеніемъ госпожѣ Дрюдрю, что онъ относить ее къ числу избранныхъ.

— А изъ молодыхъ людей съ кѣмъ вы познакомились?

— Еще пока ни съ кѣмъ, но завтра, думаю, съѣздить кое къ кому.

— Значить, мы будемъ имѣть удовольствіе владѣть вами всю зиму, сказала дѣвица Дрюдрю.

— Да, мы съ Сурминимъ располагаемъ остаться до поста.

— Впрочемъ, сказала госпожа Дрюдрю: жители *** въ не могутъ отнестъ на свой счетъ вашего прѣзда, господа — это Блонскіе причиной.

— Въ нашихъ мѣстахъ это одинъ изъ пріятныхъ домовъ, и признаюсь вамъ, отъѣздъ ихъ опечалилъ всѣхъ порядочныхъ людей въ околоткѣ.

— М-ше Ольга очень хороша.

— Я и здѣсь нашелъ одну особу, которая неуступитъ ей, сказала Рябко, взъерошивая волосы.

Дѣвица Дрюдрю, принявъ этотъ намѣкъ на свой счетъ, прищурила немного глаза и сжала губы, что уже 10 лѣтъ дѣлала она постоянно, если считала нужнымъ казаться привлекательнѣе обыкновеннаго.

Рябко раскланялся и поѣхалъ домой.

Сурминъ и Кренскій сидѣли въ кабинетѣ.

— Хорошъ, братъ, хорошъ, воскликнулъ Сурминъ, при появленіи Ивана Яковлича, не бывъ въ состояніи удержаться отъ хохота: Ну, братъ, выкинулъ заморскую штуку у княгини.... А галстухъ! Ха, ха, ха! Арсеній Андреичъ!... Ха, ха, ха! Помнишь какъ проклятая собаченка терзала его еще по уходѣ Рябка?

— Смѣйтесь, смѣйтесь, на здоровье! А я думаю, что и вы не отказались бы пожертвовать галстухомъ и подлѣзть подъ диванъ, говорилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Что ты городишь?

— Ничего.... такъ себѣ, отвѣчалъ равнодушно Иванъ Яковличъ, садясь на стулъ и закуривая сигару.

— Да расскажи же, братецъ, толкомъ.

Рябко вскочилъ, выглянулъ въ залу, притворилъ дверь, и усѣлся на прежнемъ мѣстѣ.

— Для друзей нѣтъ секретовъ, сказалъ онъ. — Видите ли: княгиня старая знакомая: она очень обрадовалась моему посѣщенію.... Слово за словомъ, я намѣкнулъ о прежнемъ.... она раз-

чувствовалась.... Я схватилъ ея руку и началъ цѣловать.... Она склонилась ко мнѣ и обняла меня.... Въ это время послышался стукъ.... Она подумала, что это мужъ, и говорить:—Другъ мой, Иванъ Яковлевичъ, полѣзай подъ диванъ, мужъ уйдетъ скоро. Я туда, и не примѣтилъ что проклятая собаченка лежитъ тамъ же, и наступилъ ей на хвостъ. Вотъ оно-что!

— Я такъ и думалъ, что княгиня сочинила исторію, сказалъ Кренскій, улыбаясь.

— А что она говорила? спросилъ Рябко небрежно.

— А то, что, говорить, еще въ жизнь свою не смѣялась такъ много, какъ при твоёмъ визитѣ, отозвался Сурминъ.—Входитъ, говорить, незнакомый господинъ, разваливается въ креслѣ, опрокидывается на спину; собака бросается на него, вдвоемъ, говорить, падаютъ и барахтаются. Признаюсь, хорошъ ты былъ, братъ, Иванъ Яковлевичъ.

— Ну, нѣтъ, Сурминъ, можно пожертвовать галстухомъ за такое удовольствіе, какимъ воспользовался Иванъ Яковлевичъ, сказалъ Кренскій.

— А ты, братъ, и вѣришь ему! Все вретъ, ей-ей, вретъ, какъ сивый меринъ. Ну, гдѣ бы онъ видѣлъ княгиню, и съ его ли рыломъ въ калачный рядъ соваться!

— У васъ, Петръ Мартыновичъ, нехорошая привычка горячиться: вы всегда, не узнавъ дѣла, готовы обвинить cadaго.

— Гдѣ же ты знакомишь съ княгиней, а?

— Мало ли я гдѣ бываю!

— Нѣтъ таки, братъ, ты вральманъ извѣстный. Воображаю, что онъ напоролъ когда вздиръ съ визитами? Какъ ты думаешь, Арсеній?

— Иванъ Яковлевичъ человекъ свѣтскій, былъ любезенъ.

— Ахъ, господа, какую я встрѣтилъ дѣвушку! Прелесть, какая душка!

— Кто же это?

— Надина Зебрицкая.

— Не дурна, сказалъ Сурминъ, только этакъ худоцава: руки тонки, да и ноги-то, я думаю, какъ флейты.

— Вы правы, Иванъ Яковлевичъ, и я тоже думаю, что особа эта занимаетъ первое мѣсто между здѣшними дѣвицами, сказалъ Кренскій.

— Я слышалъ, что Зебрицкіе очень богаты, сказалъ Иванъ Яковлевичъ.

— Говорять, отвѣчалъ Кренскій.

— Будто бы у нихъ 6000 душъ.

— Ну, братъ, ты слышалъ, вѣроятно, что 1500, а 4500 сочинилъ, по своему обыкновенію.

— И вѣдь Надина одна наслѣдница!

— Попробуйте, Иванъ Яковлевичъ, прельстить Надину, и женитесь, сказалъ Кренскій.

— Я не прочь, Арсеній Андреичъ: мать очень ласково меня приняла, а Надина глазъ съ меня не спускала.

— Жаль, что ее не было у княгини, когда ты, братъ, вылезалъ изъ-подъ дивана, сказалъ Сурминъ.

— Однако, Петръ Мартыновичъ, пожалуйста объ этомъ ни слова: въ городѣ злые языки сейчасъ сочинять исторію.

— Да ужъ не сочинять такой, какую ты, братъ, сейчасъ сочинилъ. Однако, братъ, Арсеній, какъ ты думаешь: задать ли мнѣ обѣдъ, или смастерить такъ балишко?

— Обѣдъ не мѣшаетъ, а балъ не кстаети.

— Почему же?

— Потому-что квартира твоя для этого неудобна, во-вторыхъ надо покорооче познакомиться съ обществомъ, чтобъ порядочные рѣшились къ тебѣ поѣхать, а пригласить безъ разбора встрѣчнаго...

— Ну, нѣтъ, позвать высшій кругъ. Да чѣмъ же зала дурна?

— Зала не дурна, однако нѣтъ другихъ необходимыхъ комнатъ, да и подъѣздъ, такой, извини, не презентабельный! Можно ли было нанимать квартиру, чтобъ изъ однихъ сѣней былъ входъ къ тебѣ и въ булочную!

— Это все онъ! сказалъ Сурминъ, указывая на Ивана Яковлича.

Рябко пожалъ плечами.

— А я чѣмъ виновать?

— Не отговаривайся, животное! Ты вѣдь, братъ, солгать мастеръ, а на что-нибудь полезное, такъ пасъ.

— Сейчасъ горячиться! Я же совѣтовалъ нанять домъ кушца Перевѣсочкина.

— Да вѣдь это далеко отъ губернатора.

— Развѣ я этому причиною?

— Однако, Петръ Мартыновичъ, тебя Таубеманъ звалъ сегодня обѣдать: не опоздай, скоро пора, сказалъ Кренскій, посмотрѣвъ на часы, и взялся за шляпу.

— А позавтракать, братъ, Арсеній!

— Благодарю, мнѣ еще надо кое-куда съѣздить.

Кренскій вышелъ, а Сурминъ съ Рябкомъ принялись поскорѣе завтракать, чтобъ не опоздать къ обѣду.

XVIII.

Занявъ на время ***-ское общество, Блонскіе сдѣлались его членами и вступили въ колею обыкновенной жизни губернскаго города.

Марья Петровна была почти въ своей тарелкѣ: утро посвящала путешествію по магазинамъ, вечеръ проводила обыкновенно въ обществѣ.

Сергій Антоновичъ тоже какъ бы ожилъ: два раза въ недѣлю онъ ѣздилъ въ клубъ, остальные вечера имѣлъ постоянную партію; но перемѣнилъ совершенно мнѣніе о Перебоковѣ, котораго не понималъ, а больше бесѣдовалъ съ Модокановымъ и дивился порядку, господствовавшему въ домѣ послѣдняго.

Дѣвицы Блонскія сошлись съ Наденькой Зебрицкой и княгиней Б***, но были обласканы и въ остальныхъ домахъ высшаго общества, исключая г-жи Дрюдрю, которой онѣ не понравились. Вообще городскія дѣвицы отдавали преимущество Вѣрѣ, во-первыхъ потому-что она была невѣста и не хороша собой, во-вторыхъ—рѣже сестры появлялась въ обществѣ; но Ольга, по ихъ мнѣнію, имѣла много недостатковъ и была кокеткой, оттого что всѣ лвы наперерывъ одинъ передъ другимъ старались заслужить ея расположеніе. Горскій даже принесъ большую жертву: онъ купилъ множество иллюстрированныхъ французскихъ изданій и предложилъ ихъ читать Ольгѣ, желая показать, что онъ занимается литературой, и хоть чѣмъ-нибудь обратить на себя вниманіе молодой красавицы.

Незамѣтно приблизилась масляница, и вмѣстѣ съ блинами, навагой, корюшкой, тетеревами и рябчиками, въ описываемомъ городѣ появились и маскарады, изъ которыхъ одинъ назначенъ былъ въ благородномъ собраніи, другой въ театрѣ. Въ благородномъ собраніи было немного масокъ, и онѣ всѣ почти были узнаны, потому-что ежегодно интриговали по одному и тому же способу, употребляя однѣ и тѣже разговоры, дѣлая тѣже самыя ошибки во французскомъ языкѣ, какія дѣлали и безъ маски. Тѣмъ не менѣе

однако же, представляя какое-нибудь разнообразіе въ общественной жизни, маскарадъ оживилъ не много однообразныя увеселенія.

Въ четвергъ маскарадъ назначенъ былъ въ театрѣ.

Вѣра чувствовала себя немного не здоровой, не потому какъ дѣлается это вообще, чтобъ имѣть возможность скрытнымъ образомъ надѣть домино и кого-нибудь мистифицировать, но простудилась и получила запрещеніе медика выѣзжать изъ дому.

Княгиня Б*** пригласила Ольгу ѣхать вмѣстѣ въ ложу, и Марья Петровна отпустила дочь съ княгиней, а сама располагала вмѣстѣ съ губернаторшей посѣтить г-жу Дрюдрю, которая была нездорова.

Мѣстный довольно красивый, вновь выстроенный театръ былъ отдѣланъ порядочно и представлялъ довольно удобствъ для маскарада, какъ потому—что могъ вмѣщать огромное количество особъ, такъ еще и потому, что полъ залы поднимался въ уровень со сценой и давалъ человѣчеству возможность говорить: вѣдь и у насъ по-столичному.

Содержатель труппы употребилъ все искусство, чтобъ убрать сцену какъ можно роскошнѣе и, уставивъ ее всевозможными декорациями, зажегъ всѣ лампы, какія только могли быть въ употребленіи. Въ залѣ кромѣ люстры, горѣли еще у каждой ложи свѣчи въ бронзовыхъ бра, и два оркестра музыки, одинъ въ углу залы на эстрадѣ, а другой въ галереѣ, гремѣли поочередно съ семи часовъ вечера. Всѣ ложи бель-этажа и многія въ нижнемъ и третьемъ ярусахъ были заняты зрителями, кто не сходилъ въ низъ, но и въ залѣ къ десяти часамъ собралось около пяти-сотъ посѣтителей.

Кренскій сидѣлъ въ ложѣ княгини Б***, которая сказала ему что намѣрена съ Ольгой войти въ залу, прибавивъ, что домино были съ ними и что въ секунду онѣ будутъ готовы. Княгиня взяла одну изъ литерныхъ ложъ, имѣющихъ нѣкоторыя удобства и въ томъ числѣ маленькую отдѣльную комнатку, гдѣ въ антрактахъ можно поправить прическу передъ зеркаломъ, а во время маскарадовъ накинуть домино.

Когда княгиня и Ольга вошли въ маскахъ въ ложу, Кренскій рѣшительно не могъ узнать ни той, ни другой: такъ, при одинаковомъ ростѣ, онѣ бѣли одѣты одинаково! Нѣсколько времени онѣ удачно мистифицировали Арсенія Андреевича, наконецъ расхохотались и показали небольшіе цвѣтныя бантики, пришитые къ домино, по которымъ бы онъ могъ отличить Ольгу отъ Княгини.

Кренскій провелъ ихъ въ залу и ходилъ съ ними нѣсколько времени, пока та и другая не подошли къ кому-то изъ знакомыхъ и не исчезли въ шумной, веселой, пискотливой толпѣ, предававшейся подъ масками неподдѣльной веселости, а иногда и неподдѣльному остроумію.

Нахлобучивъ шляпу, ходилъ Сурминъ по залѣ, посматривая на маски и, въ каждомъ домино воображая найти Ольгу, потому-что онъ видѣлъ какъ она исчезла изъ ложи вмѣстѣ съ княгиней. Нѣкоторыя маски подлетали къ нему, брали подъ руку, говорили любезности; но Сурминъ терялся, не зналъ что отвѣчать и откровенно признавался инымъ, что онъ первый разъ въ жизни въ маскарадѣ, и что это очень пріятно.

Иванъ Яковлевичъ былъ очень восхищенъ: маски безпрестанно передавали его съ рукъ на руки, интриговали, изъяснялись въ любви, сулили золотыя горы, дарили на память цвѣты и ленточки, съ тѣмъ чтобъ онъ все это протягивалъ въ петлицу фрака. И такимъ образомъ на одной полѣ у Рябка выросталъ цвѣтникъ, а на другой пестрѣли всевозможныхъ цвѣтовъ ленты, которыя однако жъ Иванъ Яковлевичъ такъ искусно протягивалъ, что можно было ихъ счесть орденскими ленточками.

Невольно предавшись стариннымъ воспоминаніямъ и подойдя къ одной изъ искусственныхъ дерновыхъ скамеекъ, поставленныхъ на сценѣ среди искусственныхъ деревьевъ, Кренскій присѣлъ на скамейку и задумался. Кто-то коснулся руки его. Кренскій опомнился. Передъ нимъ стояло сѣрое домино.

— Ты мечтаешь, Кренскій! сказала маска и сѣла возлѣ.

— Можетъ-быть и мечтаю, сказалъ Кренскій, стараясь рассмотреть глаза, сверкавшія изъ-подъ атласной маски.

— Но мечтанія твои были грѣшны: ты думалъ не о невѣстѣ.

— Я и не зналъ, что ты искусно разгадываешь чужія мысли, отвѣчалъ Кренскій.—Позволь, однако же, взглянуть мнѣ на твою руку.

Маска протянула ему крошечную ручку въ изящной парижской перчаткѣ, которой застежки терялись въ широкой кружевной оборкѣ, окаймливавшей рукавъ домино.

— Узнаешь мою руку?

— Не узнаю, но долженъ сказать, что она очень хороша.

— Ни чуть не долженъ; но у васъ, господа, привычка говорить въ маскарадѣ любезности, воображая, что онъ чрезвычайно нравятся женщинамъ.

— Ты почти права, прекрасная маска! Но ты вѣроятно приѣзжая? спросилъ Кренскій съ улыбкой.

— Ты угадалъ, не смотря на ироническій тонъ своего вопроса.

— И знаешь меня?

— О, очень давно, въ Петербургъ и за границей.

— Я тебѣ не вѣрю.

— Не мудрено, потому-что ты ничему не вѣришь; однако же есть воспоминанія, которыя, можетъ-быть, не совсѣмъ изгнаны изъ твоего сердца.

— Какъ не быть воспоминаніямъ у того, кто довольно прожилъ на свѣтѣ! но я никогда не изгоняю моихъ воспоминаній, а даю имъ полную волю оставлять меня—когда имъ угодно.

— Будто-бы? спросила маска, покачавъ головкой.

— Нечего сомнѣваться если ты хорошо и давно знаешь меня.

— И такъ воспоминанія пламенной любви тебя покинули.

— Я женюсь черезъ два мѣсяца.

— Это ничего не доказываетъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? По-крайней-мѣрѣ я не знаю доказательства убѣдительнѣе въ томъ, покинули-ль меня заблужденія молодости.

— Ты уже называешь любовь заблужденіями молодости?

Браво, Кренскій!

Арсеній Андреичъ недовѣрчиво посматривалъ на свою собесѣдницу, которая по всему должна была быть молодой и интересной особой. То казалось ему, что это была Вѣра, но Вѣра больна; княгиня и Ольга только что накинута домино и сошли съ нимъ въ залу: вѣроятно кто-нибудь изъ жительницъ ***ва, но кто именно? Въ намѣткахъ сѣраго домино не было ничего особеннаго; очевидно, что маскѣ хотѣлось только по интриговать его.

— Да, продолжало домино: семь лѣтъ тому назадъ...

Кренскій снова вздрогнулъ.

— Не тревожься, Кренскій! Ты же сію минуту сказалъ, что все кончено, все позабыто... Я хотѣла только доказать тебѣ, что знаю твое прошедшее, больше чѣмъ ты думаешь.

— И говоришь одними ничего незначащими намѣтками. Я подкажу тебѣ что-нибудь, если хочешь: семь лѣтъ тому назадъ я былъ за границей, а потомъ на Кавказѣ.

— Да, я встрѣчала тебя въ Неаполѣ...

— Ты не шутишь? спросилъ съ живостью Кренскій.

— Разумѣется, выдумываю, какъ всѣ дѣлаютъ въ маскарадѣ, чтобы помучить кого-нибудь. Мнѣ пришла фантазія сочинить тебѣ романъ. Однако пойдемъ ходить: я расскажу тебѣ что-нибудь интересное.

Кренскій подалъ руку маскѣ, и они отправились по залѣ.

— Въ Петербургѣ у тебя былъ товарищъ, продолжала маска: у котораго въ домѣ ты нашелъ очаровательное созданіе съ свѣтлыми волосами и голубыми сверкающими глазками... Это очаровательное созданіе вскружило тебѣ голову.

Не отвѣчая ни слова, Кренскій не сводилъ глазъ съ сѣраго домино.

— Ты любишь безъ надежды, ты видѣлъ, что предметъ безумной страсти твоей слишкомъ вѣтренъ, и хотѣлъ оставить его; но, не имѣя силы воли, снова склонился къ ногамъ очаровательной кокетки и пробудилъ сочувствіе въ ея сердцѣ. Такъ, или нѣтъ?

Кренскій сжалъ руку маскѣ.

— Кто ты? спросилъ онъ.

— Пріѣзжая незнакомка. Товарищъ твой умеръ. Тебѣ дали слово выйти за тебя поокончаніи траура, и уѣхали за границу. Нѣсколько дней ты былъ на верху блаженства, потому что очень вѣрилъ въ исполненіе обѣщанія. Въ Неаполь тебя обманули, но написали дружеское письмо, которое и теперь хранится у тебя въ портфель...

— Маска! Бога ради кто ты? Никому и никогда не повѣрялъ я своего прошедшаго.

— И дурно сдѣлалъ; невѣста твоя заслуживаетъ довѣренности: она, бѣдняжка, такъ любитъ тебя. Не спрашивай меня объ имени, никогда я не скажу тебѣ его; но, если хочешь, могу сообщить послѣднія свѣдѣнія о Шарлотѣ: она въ Лондонѣ, она по-прежнему хороша, по-прежнему окружена роями обожателей, и я думаю знаетъ о твоей помолвкѣ.

— Я никогда не думалъ, чтобъ могъ здѣсь встрѣтить существо, которое рассказало бы мнѣ мое грустное прошедшее. Кто бы ты ни была, если бъ и сама Шарлота, я смѣло могу сказать тебѣ, что всѣ страданія давно меня покинули, и я вспоминаю объ измѣнѣ прелестной, но вѣтренной женщины уже не съ той горечью, съ какою вспоминалъ два, три года назадъ...

— Будешь ты отвѣчать мнѣ откровенно?

— Изволь, если только потребуешь возможнаго.

— Очень возможнаго. Одного я не понимаю въ твоей женитбѣ:

какимъ образомъ изъ двухъ одинаково умныхъ, одинаково добрыхъ и любезныхъ сестеръ, ты выбралъ самую некрасивую?

Кренскій улыбнулся, но можно было держать пари, что улыбка это была принужденна.

— Если ты сколько нибудь знаешь мою невѣсту, то удивленье твое непонятно.

— Напротивъ, очень понятно, потому-что я знаю обѣихъ сестеръ, и мнѣ кажется, въ отношеніи ума, образованія и любезности, онѣ обѣ совершенно одинаковы, а Ольга хороша...

— Она красавица; но видишь ли, прекрасная маска, Въра любить меня, я былъ виновень передъ нею, между тѣмъ какъ Ольга...

— Договаривай!

— Между-тѣмъ какъ Ольга, можетъ быть, и не обратила бы на меня вниманія.

— Къ чему излишняя скромность! Ты очень хорошо видѣлъ что онѣ обѣ были дружны съ тобой... Впрочемъ, Кренскій, кто знаетъ: былъ ли бы ты счастливъ съ Ольгой.

— Но кто ты, прекрасная маска?

— Твоя сосѣдка.

— Неужели, заинтересовавъ меня до высочайшей степени, ты не захочешь сказать мнѣ своего имени? или ты имѣешь необходимость скриваться?

— Должна скриваться, должна измѣнять голосъ, и больше ничего не могу сказать какъ только повторить: что я твоя сосѣдка.

— Неумолимая! говорилъ Кренскій, стараясь угадать кто былъ подъ сѣрымъ домино.—Но могу ли я надѣяться видѣть тебя когда безъ маски?

— Очень можетъ-быть, что увидишь, но ручаюсь, что никогда не узнаешь. Возьми, если хочешь, на память эту камелію... Впрочемъ это было бы ребячество...

— Пусть и ребячество! Отдай мнѣ цвѣтокъ, я сохраню его какъ самое пріятное воспоминаніе.

— А что сказать отъ тебя Шарлотъ?

— Скажи, что я позабылъ ее.

— И ты говоришь искренно?

— Отъ чистаго сердца.

Маска пожала руку Кренскому.

— Радуюсь за твою невѣсту; но, Кренскій, не знаю отчего

мнѣ кажется, что ты не любишь Вѣру съ такой силою, съ какой любилъ Шарлоту.

— Ничего нѣтъ естественнѣе: тогда я былъ моложе.

— Нѣтъ, говорила маска, склоняя голову: ты могъ бы любить сильнѣе.

— Непостижимая!

— Однако прощай, Кренскій! Не слѣди за мною, потому-что ничего не узнаешь, а если замѣчу, что ты преслѣдуешь меня, это отравитъ мнѣ самыя пріятныя минуты въ жизни... Я подъ маской, я могу говорить свободно и откровенно: полчаса, проведенные съ тобою на долго останутся у меня въ памяти. Возьми эту камелію и вспоминай иногда... сосѣдку.

И черезъ нѣсколько секундъ, сѣрое домино исчезло въ толпѣ разноцвѣтныхъ костюмовъ, приблизившихся къ тому мѣсту, гдѣ Кренскій, не понимая что съ нимъ дѣлалось, стоялъ и держалъ въ рукахъ пунцовую камелію.

Мимо его прошло нѣсколько сѣрыхъ домино, но ни въ одномъ изъ нихъ Кренскій не узнавалъ таинственной сосѣдки. Двѣ или три маски обращались къ нему съ вопросами, но онъ отвѣчалъ или невпопадъ, или такъ не любезно, что его оставляли въ покоѣ.

Составились кадрили.

— Насилу я нашла васъ, сказала Ольга подходя къ Кренскому.

Кренскій подалъ руку Ольгѣ.

— А! поздравляю! Вы съ камеліей: вѣроятно отъ сѣраго домино? Кажется, если не ошибаюсь, болѣе полчаса вы изволили любезничать, г. вѣтренникъ.

— Надобно же что-нибудь дѣлать въ маскарадѣ.

— Однако увлекаться маской, когда невѣста скучаетъ одна...

— Вѣра сама упросила меня ѣхать.

— Хорошо, хорошо. А камелія? Отдайте ее мнѣ!

Кренскій смѣшался не много.

— Извольте.

— Не хочу; вы не рѣшались, вамъ жаль было разстаться съ цвѣткомъ таинственной незнакомки. Но кто она?

— Не знаю.

— Будто бы?

— Увѣряю васъ; могу только сказать, что это чрезвычайно интересная и увлекательная особа.

— А что скажетъ Вѣра объ этомъ?

— Я расскажу ей.

— Нѣтъ, ужъ лучше не говорите! Знаете ли, что сестра, бѣд-
няжка, очень ревнива, хотя и не показываетъ этого. Въ-самомъ-
дѣлѣ, пустая встрѣча съ какою-нибудь, можетъ-быть, старухой, мо-
гла бы стоить нѣсколькихъ слезъ доброй и простодушной Вѣрѣ.
Я не выдамъ вашей маскарадной тайны.

— Признаюсь вамъ, я хотѣлъ бы узнать сѣрое домино.

— Ничего нѣтъ невозможнаго.

— Если бъ вы знали какія событія изъ моей жизни расска-
зывала эта маска, вы оправдали бы небольшое раздумье, наведен-
ное на меня таинственнымъ домино.

— Вѣроятно, напомнили вамъ о какой-нибудь забытой стра-
сти...

— Забытой, но грустной, Ольга Сергѣевна.

— Я такъ и думала; смотря на васъ, мнѣ всегда казалось,
что вы много испытали несчастій въ жизни...

— Кто ихъ не испытывалъ! Однако посмотрите какъ нашъ
Иванъ Яковлевичъ блистаетъ отъ удовольствія!

— Ахъ, позвольте, я его помистифирую.

И Ольга подхватила Ивана Яковлича.

— Ты, какъ бабочка, порхаешь съ цвѣтка на цвѣтокъ, ска-
зала она.

— Почему же и не такъ, отвѣчалъ Рябко, засматривая въ
глаза Ольги.

— Вотъ мило! Но я не хотѣла бы чтобъ ты ухаживалъ за
другими: я ревнива и хочу видѣть тебя у ногъ своихъ.

— Откройте маску, и я паду передъ вами на колѣни.

— Измѣнишь! Теперь только я замѣтила, что ты непостоя-
ненъ, и хорошо, что замѣтила во-время.

— Но вы меня знаете давно?

— Съ-тѣхъ-поръ какъ ты появился въ нашемъ городѣ.

— Но кто вы?

— Этого ты никогда не узнаешь.

— Заговорите своимъ голосомъ!

— Ни-за-что. Я и хотѣла подойти къ тебѣ, и заговорить сво-
имъ голосомъ; но какъ увидѣла, что поминутно ты любезничаешь
съ масками, я рѣшилась схоронить въ душѣ то, что хотѣла было
сказать тебѣ...

— Не будьте неумолимы!

— Во-первыхъ, ты любезничалъ съ Чесноковской.

— Неужели вы думаете, что я могъ бы найти съ нею какое-нибудь удовольствіе?

— Ходилъ съ княгиней Б***.

— Старая знакомая; еще въ Петербургѣ мы были съ нею хороши.

— Ты ухаживалъ за Велинкой.

— Для препровожденія времени.

— Но мнѣ больше всего досадно, что ты очень долго ходилъ съ этой Ольгой Блонской.

— Ну, нельзя же было: она сама просила меня быть ея кавалеромъ, а какъ отказать такой хорошенькой!

— Вы что-то съ нею шептались.

— Мало ли у насъ секретовъ! Видите ли, за нею ухаживаетъ мой пріятель, Сурминъ, а она его не слишкомъ жалуешь... Тутъ цѣлая исторія. Я первый познакомился съ ними по пріѣздѣ ихъ изъ Петербурга... и знаете того... приволокнулся...

— Но она, говорятъ, кокетка...

— То-есть немножко: она мнѣ дѣлала иногда глазки; но, какъ я не имѣлъ серьезныхъ видовъ...

— Отдыхаю! Неужели ты ухаживалъ за нею только для препровожденія времени?

— Почти. Но съ-тѣхъ-поръ какъ я пріѣхалъ въ вашъ городъ, одна особа...

— Ахъ, если бъ это была я!

— Какъ ваше имя?

— Надина, шепнула Ольга и въ одну секунду исчезла въ толпѣ, оставивъ Рябка въ пріятномъ заблужденіи, что въ него влюбилась Надина Зебрицкая.

XIX.

Послѣдній день масленицы былъ самымъ бѣшеннымъ днемъ въ описываемомъ городѣ. Съ 12 часовъ утра всѣ члены общества собрались въ залу Благороднаго Собранія, гдѣ брошенъ былъ жребій, кому съ кѣмъ ѣхать кататься, а послѣ катанья начались танцы и продолжались до полуночи.

Все общество ***ва было на этотъ разъ вмѣстѣ, потому что и многія особы средняго круга участвовали въ подпискѣ. Семейства Чесноковскихъ и Дрюдрю боялись даже нечаянно коснуться къ дамѣ или дѣвушкѣ средняго круга, а уже и говорить нечего

томъ, что рѣшительно отказывали кавалерамъ, не принадлежавшимъ къ губернской аристократіи.

Дѣвицы Блонскія и Надина Зебрицкая получили замѣчанія, что не умѣютъ держать себя и идутъ танцовать, Богъ знаетъ съ кѣмъ; въ особенности досталось Зебрицкой, которая ходила объ руку съ двумя дѣвушками, своими пансіонскими подругами, между тѣмъ, какъ эти дѣвушки не были приняты ни у г-жи Дрюдрю, ни у Чесноковскихъ.

Горскій, Тужурскій Фигуринъ и еще два, три молодые франта гордо расхаживали по залѣ, почти всѣ смотрѣли сквозь стеклышко, вставленное въ глазъ, говорили, по-своему обыкновенію, на всѣхъ балахъ одно и тоже, навѣдывались въ буфетъ, и, увѣряя всѣхъ и cadaго, что танцы не современное удовольствіе, выплясывали до упаду, разумѣется, находя недостатки въ лицахъ средняго круга. Львы втораго сорта пѣтушились въ свою очередь; иные изъ нихъ играли роль беззаботныхъ и развязныхъ джентльменовъ, а въ душѣ трепетали при мысли: что скажутъ о нихъ Горскій и Фигуринъ, и какъ посмотрятъ на нихъ красавицы высшаго полета.

Кренскій танцевалъ мало. На лицѣ его замѣтны были слѣды какого-то безпокойства. Онъ какъ будто прислушивался къ разговаривавшимъ, словно, желая уловить звуки голоса, поразившаго его въ маскаррадѣ. Разумѣется, что поиски его были тщетны: ни одни глаза не смотрѣли на него съ особеннымъ вниманіемъ и не опускались при его приближеніи.

Сурминъ былъ вѣренъ себѣ, говорилъ и смѣялся громко, не стѣсняясь дѣлалъ замѣчанія и довольно часто подходилъ къ Ольгѣ, хотя послѣдняя пользовалась какимъ нибудь предлогомъ отдѣлаться отъ него какъ можно скорѣе. И какъ-то странно было смотрѣть на Петра Мартыновича, среди молодежи болѣе или менѣе одѣтой щегольски. Слова нѣтъ, что у Сурмина былъ хорошій, даже богатый костюмъ; но Петръ Мартыновичъ горбился въ своемъ новомъ фракѣ; его панталоны безъ штрипокъ подымались выше чѣмъ было надо; лакированные сапоги были какъ-то неуклюжи на ногахъ, державшихся всегда носками вмѣстѣ, а пятками врозь; при этомъ Сурминъ сгибалъ колѣна, размахивалъ руками, втиснутыми въ перчатки № 10¹/₄, и смѣялся густымъ басомъ.

Иванъ Яковлевичъ Рябо, помощникъ всѣхъ губерній Россійской Имперіи, что оказалось при встрѣчѣ знакомыхъ между со-

бою и разговорившихся о состояніи Ивана Яковлича, много потерялъ цѣны въ глазахъ высшаго общества и уже нѣкоторымъ образомъ игралъ роль шута; но, не смотря на это, не терялъ надежды завоевать сердце Наденьки Зебрицкой, которая смѣялась надъ нимъ въ глаза и просила позволенія называть его М-г Рябины, увѣряя, что это гораздо интереснѣе, и что онъ совершенно походитъ на итальянца съ подобнымъ окончаніемъ фамиліи.

Къ вечеру зала дворянскаго собранія была освѣщена великолепно: двѣ огромныя люстры висѣли посрединѣ; на всѣхъ карнизахъ помѣщались свѣчи, а двадцать четыре колонны, поддерживавшія потолокъ, были перевиты каждая огненною гирляндой, состоявшей, по крайней мѣрѣ, изъ полтораста свѣчъ. Углы залы были уставлены роскошными деревьями и прекрасными цвѣтами. На возвышеніи за колоннами помѣщались столы для играющихъ въ карты, и изъ четырнадцати столовъ не было ни одного не занятаго.

На лѣво отъ входа играли въ ералашъ: Сергій Антоновичъ Блонскій, Иванъ Львовичъ Модокановъ, Михайло Михайловичъ Перебоковъ и еще какой-то господинъ, который былъ *souffre double* всей партіи, потому что на него обрушивались всѣ неудовольствія, всѣ сарказмы, всѣ придирки играющихъ; даже миролюбивый Сергій Антоновичъ позволялъ себѣ замѣтить иногда: вы совершенно не думаете объ игрѣ, милостивый государь, вы дѣлаете ренонсы и отхаживаете чужія масти.

Окончивъ четыре роббера, Перебоковъ предложилъ выпить чаю. Модокановъ и Сергій Антоновичъ согласились, а смуглаго господина никто и не спрашивалъ о согласіи.

— Сегодня довольно весело въ собраніи, сказалъ Сергій Антоновичъ, смотря на танцующихъ, которые въ это время неслись подъ звуки живой очаровательной польки.

Окончивъ чай, знакомая намъ партія усѣлась за ералашъ, въ которомъ игроки были равносильны, съ тою только разницею, что Сергій Антоновичъ и Михайло Михайловичъ протестовали противъ открытаго, увѣряя, что съ закрытымъ играть гораздо удобнѣе.

Ольга Блонская была необыкновенно хороша въ тотъ вечеръ. Львы наперерывъ ухаживали за нею, раскрывая всѣ сокровища своего остроумія; но ни одинъ изъ нихъ, какъ можно было предполагать, не произвелъ особеннаго впечатлѣнія на сердце молодой красавицы.

Менѣ всѣхъ Сурминъ пользовался ея расположеніемъ, и съ досады подсылъ къ Марьѣ Петровнѣ.

— Слава Богу! сегодня кончатся эти глупыя веселости, сказалъ онъ.

— За что же такая не милость?

— Скажу вамъ откровенно, эти балы сидятъ у меня вотъ гдѣ. И Сурминъ указалъ на свой затылокъ.

Марья Петровна улыбнулась.

— Не надо всего принимать близко къ сердцу, Петръ Мартыновичъ, сказала она. Понимаю ваше положеніе, но должно быть терпѣливымъ.

— Кажется я и то терплю, Марья Петровна. Знаете, что я придумалъ?

— Не знаю, но заранѣе увѣрена, что все, придуманное вами, должно быть интересно.

— Вы знаете какъ я люблю Ольгу Сергѣевну; для нея я готовъ на все; а этотъ дальній срокъ совершенно меня обезкураживаетъ.

— Говоря между нами, достойнѣйшій Петръ Мартыновичъ, я надѣюсь сократить этотъ срокъ.

— И вы меня не обманываете?

— Развѣ вы не знаете, что я вашъ усердный ходатай?

— Разцѣлю за это ваши ручки и ножки, Марья Петровна.

— Можетъ быть, постомъ мы переѣдемъ въ деревню.

— Я такъ бы и совѣтовалъ, потому что вѣдь въ городѣ и дѣлать больше нечего.

— Нашлись бы дѣла, сказала Марья Петровна улыбаясь: но управляющій нашъ довольно не аккуратенъ, притомъ же и Сергѣй Антоновичъ, по обыкновенію, играетъ довольно не удачно...

— О, Боже мой! если нужны деньги, не грѣхъ ли вамъ не обратиться ко мнѣ?

— Благодарю васъ. Я могла бы попросить Арсенія Андреича, но, между нами: мнѣ не хотѣлось бы ему показать своихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ.

— Сдѣлайте одолженіе, Марья Петровна, хоть завтра же, сколько вамъ угодно.

— Вы очень любезны, и будете самымъ внимательнымъ мужемъ, говорила Марья Петровна, развеселяясь: а если женитесь на Ольгѣ, то предупреждаю васъ, что при вашей уступчивости, дочь моя порядочно опустошитъ вашу шкатулку.

— Только бы согласилась выйти. Я готовъ издерживать на нее все, до послѣдней копейки; отдамъ все въ ея полное распоряженіе, оставлю себѣ только собакъ...

— А собакъ уже никому не повѣрите?

— Никому и ни за что на свѣтѣ! Собака, Марья Петровна, должна быть подъ надзоромъ того, кто ее любить и понимаетъ.

— Совершенно съ вами согласна.

— Ты необыкновенно задумчивъ, Арсеній, говорила Вѣра своему жениху, когда онъ подошелъ къ ней во время отдыха.

— Тебѣ больше, нежели кому нибудь извѣстенъ мой странный характеръ, милая Вѣра: я никогда не отличался особенной веселостью.

— Но, судя по выраженію лица, ты какъ будто страдаешь. Кренскій улыбнулся.

— Ты не ошиблась: у меня ужасно болитъ голова.

— А ты и не сказалъ мнѣ объ этомъ.

— И дурно сдѣлалъ, потому-что ты не смотрѣла бы на мою задумчивость какъ на что-то особенное.

— Я и не ищу въ ней ничего особеннаго, отвѣчала Вѣра, улыбаясь: потому-что несомнѣваюсь въ вашемъ постоянствѣ, Арсеній Андреичъ.

— Значить вы слѣпы, Вѣра Сергѣевна: я цѣлыхъ полчаса любезничалъ съ меньшей Чесноковской.

— Онъ объ сегодня очень интересны.

— А замѣтила ты, какъ мила Надина Зебрицкая?

— Эта дѣвушка мнѣ очень нравится: въ ней много наивности, много доброты.

— Ахъ, я и позабылъ тебѣ сказать, что Иванъ Яковлевичъ намѣренъ ей сдѣлать предложеніе.

— А гдѣ онъ? Сегодня онъ необыкновенно хорошъ! Однако, Арсеній, обращалъ ли ты вниманіе на Ольгу?

— Что ты хочешь сказать?

— Я не узнаю ее совершенно! Жаль мнѣ ее, бѣдняжку. И знаешь ли, съ нѣкоторыхъ поръ она уже не спѣшитъ подѣлиться со мною ни своимъ горемъ, ни радостью.

— Потому, другъ мой, что не встрѣчаетъ ни того, ни другаго: горе ея — преслѣдованія Сурмина, отъ которыхъ она всегда искусно отдѣльвается, — а радостей особенныхъ нѣтъ.

— Согласна; однако, зная ее съ малолѣтства, я готова утверждать, что она скрываетъ.

— Кажется, сердце ея спокойно; время идетъ кое-какъ... Но не съ тобой ли танцуетъ этотъ господинъ, потому-что приближается съ какою-то необыкновенно сладкою улыбкой?

— Да, это мой кавалеръ, какой-то скромный юноша, племянникъ Барашковой.

— Надѣюсь, Вѣра Сергѣевна, что вы танцуете только со львами!

— О, нѣтъ, я танцевала уже и съ другими, отвѣчала Вѣра съ улыбкою.

— Какъ пріятно танцевать, говорила меньшая Чесноковская своему кавалеру Фигурину: цѣлая кадрили изъ нашего общества; не рискуешь столкнуться, неизвѣстно, съ кѣмъ.

— Мы и въ Москвѣ всегда такъ дѣлали, отвѣчалъ Фигуринъ, смотря въ стеклышко на Ольгу Блонскую: однако замѣчаете ли вы, что м-ле Ольга не въ своей тарелкѣ?

— Съ нею это очень часто случается, потому-что она слишкомъ занята собою.

— Кажется, она могла бы давно замѣтить, что никого здѣсь не удивила.

— Признайтесь, м-г Фигуринъ, вы за нею ухаживали.

Фигуринъ расхохотался на сколько позволяли ему чахоточныя легкія.

— Развѣ же порядочный человекъ можетъ за кѣмъ ухаживать? Это предоставляется только мальчишкамъ, сказалъ онъ.

У Чесноковской запрыгалъ извѣстный носовой мускулъ.

— Вы говорите страшныя вещи!

— Равнодушіе—признакъ хорошаго тона, сказалъ Фигуринъ: да и что наконецъ за удовольствіе ухаживать безъ всякой цѣли.

Чесноковская опустила глаза, помолчала съ минуту, потомъ нѣжно, съ упрекомъ взглянула на своего кавалера. Но въ это время имъ надо было начинать фигуру.

— Ольга Блонская сегодня очень весела, говорила старшая Чесноковская своему кавалеру Тужурскому.

— Какъ обыкновенно бываетъ послѣ хорошаго обѣда на масляницѣ, отвѣчалъ онъ, воображая, что выразился необыкновенно остроумно.

— Вы сегодня очень злы, м-г Тужурскій!

— Напротивъ, очень снисходителенъ, какъ всегда бываю послѣ 12 бокаловъ шампанскаго.

— Будто бы вы столько выпили?

— Спросите у своего брата. Замѣчайте какимъ пѣтухомъ ходить этотъ Кренскій! Вы слышали, онъ, говорятъ, пишетъ?

— По-французски?

— Нѣтъ, по-русски, то-есть пишетъ статейки, ха, ха, ха!

— Ахъ, я и позабыла васъ спросить: правда ли что м-г Фигуринъ написалъ одну Proverbe и хочетъ послать напечатать?

— О, Фигуринъ превосходно знаетъ французскій языкъ! Онъ недавно написалъ шутку и выставилъ какъ въ среднемъ кругу выражаются по-французски—умора! Тамъ одна барыня въ огромномъ чепцѣ безпрестанно говоритъ: une cheval и le chandele: удивительно какъ остро написано!

— Охота же въ среднемъ кругу говорить по-французски! Ужасное обезьянство!

— Они во всемъ постоянно, чортъ возьми, корчатъ аристократовъ!

— Les raucres!

Въ другой кадрили танцовали гораздо живѣе, хотя и тамъ лбы средней руки ходили довольно небрежно, и только молоденькіе франтики, да одинъ не молодой уже господинъ танцовали и для утѣшенія другихъ, и для собственного удовольствія.

Левъ средней руки разговаривалъ съ своей дамой, хорошенькою блондинкой.

— Вы, кажется, танцовали съ Тужурскимъ?

— Да, проскучала кадрили: онъ мнѣ наговорилъ много вздора.

— Но онъ хорошо говоритъ по-французски.

— Напротивъ, ошибается почти на каждомъ шагу.

Левъ средней руки навелъ стеклышко на адъютанта и сказалъ:

— Да, онъ и танцуетъ какъ-то странно.

— Нѣтъ, онъ танцуетъ довольно ловко.

Другой левъ средней руки гордо стоялъ возлѣ своей дамы, стройной брюнетки и посматривалъ на кадрили высшаго круга.

— Ольга Блонская очень хороша! сказалъ онъ.

— И я полагаю—она лучше всѣхъ одѣта.

— Незнаю, а мнѣ кажется, я видѣлъ туалетъ гораздо лучше.

— Гдѣ же, на примѣръ?

— У одной моей знакомой.

— У кого же?

— И вы не угадываете?

— Не угадываю.

— Не притворяйтесь!

— Не о моемъ ли вы хотите сказать?

И дѣвушка съ самодовольствіемъ посмотрѣла на свое хорошенькое платьѣ.

— Да! платьѣ ваше такъ хорошо, такъ ловко охватываетъ вашъ стройный станъ, такъ привѣтливо спускается къ паркету, такъ меланхолически шумитъ въ полкѣ...

— Вы замечались, м-г Перерепенко и пропустили фигуру: намъ начинать!

— Вы правы, я замечтался, сказалъ Перерепенко, возвращаясь на свое мѣсто: но я всегда мечтаю, когда васъ вижу... Вы смѣетесь?

— Вы очень хорошо знаете, что я смѣюсь, когда вы заноситесь въ область фантазіи.

— Отчего же вы не позволяете чтобъ я и васъ увлекъ въ эту дивную область фантазіи?

— Потому-что я не хотѣла бы тамъ встрѣтиться съ Катенькой Кувшинчиковой.

— И вы думаете, что она занимаетъ меня?

Левъ средней руки началъ краснорѣчиво защищаться отъ несправедливыхъ подозрѣній, а въ это время окончилась кадрили.

Фигуринъ подѣлъ къ Ольгѣ Блонской.

— Какъ вы думаете, скоро ли кончится этотъ несносный скучный вечеръ? спросилъ онъ, почти протягиваясь на стулѣ.

— Право, незнаю который часъ; но полагаю, что ужинъ еще не такъ скоро. Вы скучаете?

— Ужасно! Да и что за радость прыгать подъ музыку? Трудно порядочному человѣку найти хоть какое-нибудь удовольствіе въ танцахъ.

— Зачѣмъ же вы танцуете?

— Что дѣлать! Законы свѣта неумолимы!

— Вы мужчина; никто не счелъ бы страннымъ, еслибъ вы отказались отъ танцевъ и играли въ карты.

— Одно стоитъ другаго! Притомъ же играть на балѣ—мученіе. Я согласенъ провести часъ, другой за преферансомъ въ холостомъ обществѣ, съ сигарой, на удобномъ креслѣ. Не понимаю какъ до-сихъ-поръ люди хорошаго тона рѣшаются прыгать!

— Что же оставалось бы дѣлать намъ, бѣднымъ дѣвушкамъ? Молодежь хлопочетъ о широкомъ пальто и о сигарахъ; молодыя дамы охотно играютъ въ карты...

— А беседа?

— Но кто же бы съ нами бесѣдовалъ?

— Порядочные люди нашли бы часъ, другой и побесѣдовать съ дамами... А эта брюнетка недурна, продолжалъ Фигуринъ, смотря въ стеклышко на одну очень хорошенькую брюнетку, проходившую мимо.

— Она даже очень хороша! Какая свѣжесть, пріятность!..

— Но походка, манеры...

— Вы слишкомъ строги: походка и манеры ея непогрѣшительны.

— Вы, кажется, сегодня всѣхъ рѣшили хвалить! Ха, ха, ха!

— Я всегда откровенно говорю свое мнѣніе.

— Фигуринъ! сказалъ подходя Тужурскій: наши просятъ тебя выпить за здоровье сѣраго.

— Иду, проговорилъ Фигуринъ, вставая и не обращая на Ольгу никакого вниманія.

Крѣнскій подошелъ къ Ольгѣ.

— Вамъ скучно? спросилъ онъ, садясь на стулъ, оставленный Фигуринымъ.

— Не весело, Арсеній Андреичъ, впрочемъ и вамъ я могла бы предложить подобный вопросъ.

— Но я не скучаю.

— Скажите лучше, не должны бы скучать, не имѣете права, а между-тѣмъ нахмурены.

— Всегда я одинаковъ, тѣмъ болѣе не имѣю никакой причины скучать сегодня: Вѣра весела, ее занимаетъ общество.

Ольга пристально посмотрѣла на него.

— Незнаю, но мнѣ казалось, что сейчасъ вы были душой гдѣ-то далеко.

— Напрасно вамъ казалось.

— Одинъ только разъ примѣтила я на вашемъ лицѣ особенное одушевленіе, въ маскарадѣ, когда вы ходили съ сѣрымъ домино...

— Я былъ тогда въ хорошемъ расположеніи духа.

— И что-то жарко разговаривали.

— Сказать правду, это было интересное домино, и я никакъ не могъ узнать кто меня интриговалъ.

— Вѣроятно вы не слишкомъ и хлопотали объ этомъ: въ губернскомъ городѣ общество немногочисленно.

— Я даже готовъ вѣрить, что это была пріѣзжая.

— Въ маскарадахъ всѣ почти маски бываютъ прїѣзжія.

— Вотъ и оканчиваются зимнія увеселенія.

— Да, оканчиваются. На второй недѣль поста, кажется, мы снова въ Дубровинцы.

— А какъ были хороши Дубровинцы осенью.

— Въ особенности для меня было прїятно первое время нашего прїѣзда: это неизвѣстность, любопытство, предположенія...

— А наше знакомство въ развалинахъ!

— Хоть куда-нибудь въ романъ.

— Мнѣ памятенъ въ особенности вечеръ въ Дубровинцахъ.

— Я его припоминаю съ удовольствіемъ, сказала Ольга, и задумалась.

— Васъ занялъ тогда немного Целлинскій.

— Ошибаетесь! меня онъ не занималъ ни тогда, ни въ-послѣдствіи.

Кренскій внимательно посмотрѣлъ на Ольгу.

— Неужели сердце ваше не говорило до-сихъ-поръ ни въ чью пользу?

Ольга улыбнулась.

— Я не предполагала въ васъ любопытства.

— Не думайте, чтобъ простое любопытство предложило вамъ этотъ вопросъ...

Ольга молчала.

— Здѣсь было и участіе, продолжалъ Кренскій: мнѣ кажется, вы знаете, что я одинъ изъ вашихъ искреннихъ друзей...

— Я въ этомъ не сомнѣвалась и всегда была вамъ благодарна. Что же касается моего сердца, Арсеній Андреичъ, могу только сказать вамъ, что оно страдаетъ...

Послѣдняя фраза была произнесена такимъ грустнымъ голосомъ, что Кренскій не рѣшился продолжать разговора. Ему за пала въ душу грустная мысль, что прелести, умъ, доброта и любезность Ольги достанутся человѣку, который никогда понять ихъ не въ состояніи. Въ это время начали вальсировать.

Иванъ Яковлевичъ подошелъ къ Ольгѣ.

— Не угодно ли вальсъ? спросилъ онъ.

— Благодарю васъ.

— Почему же?

— Вы не умѣете вальсировать.

— За что вы рѣшились мучить меня?

— Изъ эгоизма, чтобъ не мучить себя: вмѣсто вальса вы танцуете какой-то танецъ собственного изобрѣтенія.

Къ Ольгѣ подошелъ Тужурскій и пригласилъ ее. Иванъ Яковлевичъ подлетѣлъ къ Надинѣ Зебрицкой.

— Угодно? спросилъ онъ, сильно взѣрошивая волосы.

— Извините меня, вы очень не ловко вальсируете.

— Рѣшительный разговоръ, явныя нападенія, Надежда Андреевна! Смѣю сказать, что я былъ нѣ изъ послѣднихъ танцоровъ въ Петербургѣ.

Надина улыбнулась.

— Тогда еще вальсировали въ три такта, а въ два вы не умѣете, сказала она.

— Одинъ туръ!

— Право немогу.

— Жестокая! развѣ же вы не знаете какимъ я пылаю къ вамъ чувствомъ?

— Знаю, но это не придаетъ мнѣ ни сколько охоты съ вами вальсировать.

— Сколько я ни замѣчалъ, женщины всегда безчеловѣчны... Но Зебрицкая не дослушала, потому-что Фигуринъ пригласилъ ее на туръ вальса.

Смутясь не много, Иванъ Яковлевичъ быстрымъ взоромъ окинулъ залу. Дѣвица Дрюдрю сидѣла одна у колонны. Рябко подлетѣлъ къ ней.

— Угодно?

— Благодарю васъ.

— Какъ, ни одного тура?

— Не могу: я устала, теперь отдыхаю, и два кавалера ожидаютъ меня.

Иванъ Яковлевичъ снова смѣшался на минуту, но потомъ отправился къ какой-то незнакомой дѣвицѣ и не получилъ отказа. Желая доказать свое искусство въ танцахъ, Рябко пустился, по его мнѣнью, съ особенною ловкостью; но дѣлалъ какія-то странныя па—смѣсь галопа съ тѣмъ безыменнымъ танцемъ, который можно иногда увидѣть на вечерахъ уѣзднаго города, когда подъ звуки вальса, самоучкой танцуютъ канцеляристы.

Иванъ Яковлевичъ никогда не учился танцовать и вообще танцеваль очень дурно.

Марья Петровна и г-жа Дрюдрю сидѣли на креслахъ и вели пріятельскій разговоръ.

— Въ деревняхъ гораздо выгоднѣе жить, говорила Дрюдрю: тамъ легче найти дѣвушкѣ хорошую партію.

— Кажется и у васъ въ *** въ нѣтъ въ женихахъ недостатка.

— Напротивъ очень большой; у насъ только и жениховъ, что Михайло Михайловичъ, да племянникъ Барашковыхъ, хотя это еще и молодой мальчикъ; остальное все хорошо для бала, для салона, но не для женитьбы.

— Хорошихъ жениховъ вездѣ мало.

— Не то что было въ наше время, сказала г-жа Дрюдрю, вздыхая и поднимая благочестиво глаза къверху.

— Прежде иначе смотрѣли на супружество, замѣтила Марья Петровна.

— Дѣвушки слушались родителей, сказала г-жа Дрюдрю, которая, противъ воли матери, вышла за гувернера.

— И отъ этого счастливыхъ супружествъ было больше чѣмъ теперь.

— Всѣ эти молодые люди, которыхъ здѣсь видите, ухаживали за моею Лизой; но она была такъ благоразумна, что не позволила себѣ увлечься пустыми любезностями.

— Мнѣ кажется, ш-г Фигуринъ имѣеть состояніе.

— Вы смотрите на то, что онъ такъ важничаетъ, это ничего не значить! прежде всѣ думали и радовались, что у него большое состояніе, но теперь извѣстно что онъ ничего не имѣеть.

— Жаль, а прекрасный молодой человекъ!

— Очень остроумный; онъ служить украшеніемъ нашихъ салоновъ. Здѣсь такъ трудно найти пріятную бесѣду.

— Правду сказать, въ Россіи еще не скоро дойдутъ до этого.

— А кажется бы можно: при хорошемъ знаніи французскаго языка не трудно поддерживать игривый разговоръ.

— Я и не говорю о бесѣдѣ по-русски, сказала, улыбаясь г-жа Дрюдрю: во-первыхъ, это *mouvais genre*, во-вторыхъ, на этомъ гробомъ языкъ ничего нельзя порядочно выразить.

— Совершенно съ вами согласна. Живя въ деревнѣ и имѣя сношенія съ сосѣдками, я принуждена бываю писать по-русски, но рѣшительно не могу и прошу которую-нибудь дочь.

— А мы обѣ съ Лизой не мастерицы писать по-русски, сказала засмѣявшись Дрюдрю. — Живя въ городѣ, имѣешь дѣло съ людьми болѣе или менѣе образованными. Я сама очень дурно говорю по-русски, и была такъ счастлива, что и Лизу съ малолѣтства не

успѣли испортить: отъ кормилицы она поступила къ бонѣ французкѣ, и по-русски начала учиться уже на четырнадцатомъ году.

— Мои дѣти воспитывались въ Смольномъ: тамъ необходимо надо было подчиняться институтскимъ правиламъ.

— Мальчику еще русскій языкъ необходимъ, потому-что это требуется въ службѣ; а дѣвушка можно бы и безъ него обойтись: лучше заняться англійскимъ или итальянскимъ.

— Итальянскій необходимъ развѣ для пѣнія, глубокомысленно замѣтила Марья Петровна, а русскій языкъ бываетъ необходимъ развѣ въ церкви.

— Наше дворянство еще не такъ образовано.

— Однако, въ какомъ домѣ хорошаго тона вы услышите русскій разговоръ?

— Правда, что ни гдѣ.

— А истинно порядочные люди и думаютъ по-французски! Оно такъ и быть должно, потому-что порядочный человекъ думаетъ по-человѣчески.

А балъ продолжался; кадрили смѣнялись кадриями, перемѣшиваемыя польками, вальсами и галопами: полька-мазурка не приняла какъ-то гражданственности въ ***вѣ. Тамъ молодежь предпочитала обыкновенную мазурку, танцуя ее со всевозможными польскими па, хлопаньемъ, стукомъ, восклицаніями. Но, если эта мазурка удержала свою національность, за то кавалеры не усвоили польской вѣжливости, и танцовали такъ размахисто, съ такими широкими движеніями, что нерѣдко выбивали кому-нибудь зубъ въ припадкѣ восторга, а иногда и глазъ, если кто, незнакомый съ мѣстными обычаями, не остерегался.

За полночь опустѣла зала дворянскаго собранія, а на другой день въ городѣ раздавался вездѣ звонъ колоколовъ, призывавшій къ молитвѣ.

XX.

На вербной недѣлѣ Блонскіе переехали въ Дубровинцы, и почти не узнали ни своей деревни, ни ея окрестностей: такъ мало-россійская ранняя весна роскошно одѣла землю зеленою и цвѣтами!

Вскорѣ послѣ святой крестная мать прислала Вѣрѣ богатые подарки и письмо, исполненное сожалѣнія, что не могла сама приѣхать на свадьбу милой своей крестницы.

Апрѣль приближался къ концу. 28 назначена была свадьба Вѣры.

27-го Кренскій цѣлый день пробылъ въ Дубровинцахъ, гдѣ жизнь шла обычнымъ порядкомъ, гдѣ, казалось, не дѣлали никакихъ приготовленій, потому-что Кренскій и Вѣра протестовали противъ торжества и бала, чему никто впрочемъ и не противорѣчилъ. Приглашены были только необходимыя лица, почти все намъ знакомыя, не пріѣхалъ только Иванъ Яковлевичъ, который простудился и сидѣлъ въ Заключинцахъ.

Вечеръло. Отворивъ дверь на балконъ, Кренскій безъ цѣли сошелъ въ цвѣтникъ и тихо побрелъ по первой попавшейся аллеѣ. Приготовляясь къ важному событію въ жизни, онъ припоминалъ малѣйшія обстоятельства прошедшаго, строго повѣрялъ свои чувства и спрашивалъ себя, хотя уже не много поздно: въ состоянн-ли онъ доставить будущей женѣ то счастье, котораго она вправѣ была отъ него требовать. Замѣтивъ чувство дѣвушки, онъ попросилъ ея руки, безъ страстной любви, въ порывѣ увлеченія; въ-продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ бывъ женихомъ Вѣры, онъ оцѣнилъ ея превосходныя качества, привязался къ ней; но привязанность эта, хотя и основанная на уваженіи, совершенно ли уничтожила въ немъ существованіе силы, которая могла создать новое чувство? Положа руку на сердце, Кренскій не могъ отвѣчать на этотъ вопросъ; ему даже казалось, что послѣ извѣстной встрѣчи въ маскарадѣ, какой-то непонятный трепетъ отозвался въ душѣ его, хотя онъ и не зналъ, было-ли то воспоминаніе о прошедшемъ, или предвѣстье будущаго. Видя привязанность доброй, благородной Вѣры, Кренскій далъ себѣ слово никогда, ни однимъ движеніемъ не измѣнить роковой тайнѣ и не дать замѣтить невѣстѣ какого рода чувство онъ питалъ къ ней; но, болѣе и болѣе сближаясь съ Ольгой, не разъ возвращался къ раздумью, находившему на него не за-долго до извѣстнаго катанья. Грустная судьба этой прекрасной дѣвушки, судьба, приготовляемая обстоятельствами, а болѣе всего матерью, страшила Кренскаго и какъ-бы служила ему упрекомъ, что онъ одинъ могъ спасти это нѣжное поэтическое созданіе, и не подалъ руки помощи, когда это зависѣло отъ него, а кто знаетъ, можетъ-быть и составило-бы его собственное счастье. Ему казалось иной разъ, что въ глазахъ Ольги свѣтилось какое-то теплое чувство, предсказывавшее ему много блажества; но эти рѣдкія мгновенія были до того неуволимы, что онъ упрекалъ себя за грѣшныя, причудливыя фантазіи. ■ ■

Подъ вліяніемъ тяжелаго раздумья, Кренскій подошелъ къ пруду, надъ которымъ, въ одномъ мѣстѣ, стояла группа развѣсистыхъ березъ, опускавшихъ длинныя душистыя вѣтви въ спокойную воду, подернутую легкою зыбью.

У берега стояла Ольга и задумчиво смотрѣла на противоположную сторону, гдѣ облитые отсвѣтомъ зарева, въ фантастическихъ краскахъ, виднѣлись вѣковыя деревья. Шумъ шаговъ вывелъ Ольгу изъ задумчивости.

— А гдѣ-же Вѣра? спросила она, отбрасывая рукою пышные волосы, опускавшіеся на блѣдное лице ея, съ котораго не исчезъ еще слѣдъ недавняго страданія.

— Осталась въ гостиной. Но что съ вами, Ольга Сергѣевна? Дѣвушка улыбнулась.

— Маленькія причуды... такъ, ребячество...

— Вы плакали? спросилъ съ участіемъ Кренскій.

— Немножко.

— Не спрашиваю причины, но грустно мнѣ видѣть васъ въ этомъ положеніи!

— Не смущайтесь моими причудами, Арсеній Андреичъ! Вы счастливы, вы дѣлаете счастливою достойную дѣвушку и завтра вступаете въ предѣлы новой жизни... Но что съ вами? вы очень грустны!..

Ольга подала руку Кренскому, и они отправились къ дому.

— Я и не могу быть веселъ, отвѣчалъ Кренскій: въ мои годы на долю человѣка остается мало грезъ; а будущія мои обязанности слишкомъ важны, чтобъ не задуматься, принимая ихъ на себя.

— Но мнѣ кажется, все должно улыбаться въ вашемъ положеніи.

— Вы думаете?

— По-крайней-мѣрѣ, должна полагать. Вы любите, продолжала Ольга не твердымъ голосомъ, вы любимы!

Кренскій не отвѣчалъ ни слова.

— Смѣло могу предсказать вамъ счастье, Арсеній Андреичъ! Перестаньте же задумываться.

— Я и не сомнѣваюсь, что Вѣра одно изъ тѣхъ созданій, которыя украшаютъ жизнь человѣка; но способенъ-ли я, осталось-ли во мнѣ столько чувства, чтобъ заплатить ей за ея прекрасную и благородную привязанность!

— Это вы должны были знать прежде, а теперь, извините, вопросъ этотъ немножко страненъ.

— Я самъ всегда былъ страненъ, Ольга Сергѣевна! Если бы вы знали мое прошедшее...

— Можетъ-быть, оно мнѣ и знакомо...

— Вамъ?

— Что-же удивительнаго? спросила Ольга съ принужденною улыбкой.

— Вы шутите!

— Разумѣется, шучу: мнѣ только хотѣлось повѣрить свои догадки.

— Какія?

— Что въ вашемъ прошедшемъ должна таиться какая-нибудь важная причина этого грустнаго характера.

— Характеръ мой не измѣнялся; но изъ нѣкоторыхъ событій я убѣдился въ печальной истинѣ, что не долженъ довѣрять себѣ въ иныхъ случаяхъ.

— Это не похоже на мужчипу, а тѣмъ болѣе на васъ, Арсеній Андреевичъ.

— Развѣ вы не предполагали во мнѣ недостатковъ?

— По-крайней-мѣрѣ не много; мнѣ всегда казалось, что у васъ твердая воля.

— И вы не ошиблись. Но есть случаи когда человѣкъ безсиленъ и невольно подчиняется влiянiю обстоятельствъ, можетъ-быть, неодобряемыхъ разсудкомъ.

— Надѣюсь, что вы не были сейчасъ подъ влiянiемъ подобныхъ обстоятельствъ.

— Я повѣрялъ себя, Ольга Сергѣевна... Но вы были такъ грустно задумчивы...

— И я себя повѣряла.

— Сердце ваше покойно...

— Можетъ-быть и нѣтъ.

— По-крайней-мѣрѣ всегда вы это говорили, развѣ изрѣдка, и то въ шутку высказывали противное.

— Трудно дѣвушка, безъ особенныхъ причинъ, признаться съ своихъ чувствахъ, Арсеній Андреевичъ. Кто знаетъ, казались ли бы мнѣ такъ тягостными преслѣдованiя Сурмина если бы я была свободна.

— Напрасно вы скрываетесь отъ меня и Вѣры: вы знаете какъ мы васъ любимъ, и, можетъ-быть, соединенными силами...

— О, нѣтъ никто уже не въ состоянїи пособить горю! Я не хочу смущать Вѣру своимъ признанїемъ; она очень любитъ меня, и ей было-бы тяжело узнать, что мнѣ грозитъ двойное несчастье— и ненавистное супружество, и печальная любовь.

— Извините за откровенность! Мнѣ кажется, что тотъ, кого вы полюбили, не можетъ не быть достойнымъ и благороднымъ человѣкомъ: какимъ же образомъ онъ можетъ допустить васъ до ненавистнаго брака съ другимъ?

— Онъ и не подозрѣваетъ, что я люблю его.

— Странно!

— Ничего нѣтъ страннаго!

— Жалокъ же человѣкъ, которому сердце не сказало...

— Оно и не могло сказать ему о моемъ чувствѣ... Но оставимъ этотъ разговоръ: ни вамъ, ни мнѣ онъ не принесетъ никакого утѣшенїя... И такъ, Арсеній Андреевичъ, съ завтрашняго дня я осиротѣю...

— Развѣ мы будемъ такъ далеко?

— Но во всякомъ случаѣ я остаюсь одна. Впрочемъ, кажется, у меня нѣтъ недостатка въ твердой волѣ...

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Увидите. Однако, Арсеній Андреевичъ, Вѣра соскучила за вами; смотрите, она стоитъ у двери балкона.

И Ольга отняла свою руку.

— А вы не войдете?

— Нѣтъ, я еще погуляю по саду.

Кренскій медленно взошелъ на балконъ. Онъ видѣлъ сквозь стекло улыбающееся лице невѣсты, но оборотился и взглянулъ на цвѣтникъ...

Свѣтлое платье едва виднѣлось между кустами и скоро исчезло въ сумракѣ аллеи.

На другой день Кренскій и Вѣра вѣнчались въ деревенской церкви. Кромѣ необходимыхъ свидѣтелей никого не было изъ общества; но храмъ былъ полонъ крестьянъ, собравшихся посмотреть на господскую свадьбу.

Вечеръ прошелъ, по обычаю, безъ всякихъ измѣненїй, съ тою только разницею, что Сергій Антонычъ былъ веселъ и усердно всѣхъ подчивалъ шампанскимъ.

Кренскій не мало не измѣнился; на лицѣ его нельзя было прочесть какого нибудь особеннаго движенїя; въ глазахъ его не свѣтилось чувство, выражающее радость любви или даже у дозлѣтво-

реннаго самолюбія; онъ былъ покоенъ, серьезенъ и только болѣе говорливъ, какъ бы тѣмъ показывая, что онъ не въ нормальномъ положеніи. И это никого не удивляло, не смущало даже Вѣру, потому-что всѣ привыкли смотрѣть на Кренскаго, какъ на человѣка, у котораго не было живости въ характерѣ. Онъ умѣлъ однако жъ иногда, наклоняясь къ Вѣрѣ, сказать ей что-нибудь любезное, или обратить вниманіе на какую-нибудь выходку Сурмина, который въ тотъ вечеръ былъ особенно смѣшонъ, изъ желанія развязностью и остроуміемъ окончательно побѣдить Ольгу.

Ольга, какъ и всегда, была вѣрна себѣ, ни сколько не измѣняя своей печальной тайнѣ, и Кренскому казалось, что она пошутила на счетъ своей безнадежной любви, тѣмъ болѣе, когда онъ узналъ отъ Вѣры объ ихъ маленькихъ столичныхъ тайнахъ.

Марья Петровна была необыкновенно любезна, пріятлива и безпрестанно ласкала Ольгу, говоря, что она одна только осталась ей утѣшеніемъ, и съ улыбкою грозя Кренскому за похищеніе другой дочери.

Ласки эти утѣшали Сурмина, потому-что онъ видѣлъ въ нихъ осуществленіе своихъ надеждъ. Петръ Мартыновичъ приходилъ въ восторгъ, острилъ и даже иногда вертѣлся на одной ногѣ, словно уже были устранены всѣ препятствія къ его благополучію.

Наконецъ молодые уѣхали въ Благодаровку. Разумѣется, слѣдовали визиты; потомъ Кренскій далъ обѣдъ сосѣдямъ, изъ которыхъ многіе сердились за то, что ихъ не пригласили на свадьбу; а кончилось тѣмъ, что всѣ остались довольны, и въ околоткѣ прибавился домъ, гдѣ можно было пріятно провести время.

А въ уѣздѣ все было по-прежнему; помѣщички веселились: тамъ день рожденія, тамъ именины, тамъ освященіе дома или свадьба.

Приличіе требовало отъ Кренскаго чтобъ и онъ далъ балъ въ свою очередь, и Кренскій созвалъ всѣхъ знакомыхъ и угощалъ такъ радушно и такъ мастерски, что пиръ три дня продолжался въ Благодаровкѣ. Не смотря однако же на все изящество и живость, балъ этотъ былъ какъ-то не полонъ; среди самой одушевленной веселости, казалось вдругъ что недостаетъ чего-то. Взоры многихъ искали маленькой бѣлобрысой фигурки Ивана Яковлевича; но увы, ему долго еще было суждено принимать разныя лекарства, приготовляемыя фельдшеромъ Сурмина. Рябко впрочемъ не скучалъ въ уединеніи; по-крайней-мѣрѣ, по его словамъ, онъ даже былъ радъ легкой своей болѣзни, потому-что имѣлъ время занять-

ся серьёзною перепиской съ министрами и разными посланниками. И точно, у него на столѣ лежало множество запечатанных писемъ, адресованныхъ важнымъ лицамъ; но развѣ только пріѣзжій могъ быть пойманъ на эту удочку: въ околоткѣ всѣ очень хорошо знали, что Иванъ Яковлевичъ обыкновенно вкладывалъ въ конверты какія-нибудь ненужныя старыя письма.

Послѣ отъѣзда Вѣры изъ Дубровинецъ и послѣ нѣсколькихъ обѣдовъ и одного бала въ честь молодыхъ, Марья Петровна дѣятельно приступила къ приведенію въ исполненіе слова, даннаго Сурмину. Сергѣй Антоновичъ хотя и обстаивалъ Ольгу, хотя и крупно говорилъ иной разъ съ женой, однако умъ Марьи Петровны умѣлъ устранить препятствія со стороны добраго старика, и Ольга оставалась во власти корыстолюбивой, упрямой матери. Жизнь бѣдной дѣвушки сдѣлалась невыносима. А между тѣмъ Марья Петровна приняла даже самую ласковую манеру обращенія съ дочерью. Роковой срокъ, назначенный Ольгой Сурмину приближался, и надо было дать рѣшительный отвѣтъ, ставившій Ольгу между двумя крайностями: погубить ли свою будущность и отдать руку невѣждѣ — старому холостяку, или ежедневно переносить дома мѣлкія, но постоянныя непріятности. Отъ матери она не могла ожидать пощады; обратиться къ благородству Сурмина и просить послѣдняго, чтобъ отказался отъ нея — было бесполезно, потому-что Петръ Мартыновичъ не принадлежалъ къ числу людей, жертвующихъ своими наслажденіями для счастья ближняго. Сурмину хотѣлось только жениться на Ольгѣ, а ему небыло дѣла поведеть ли ее къ алтарю печальная расчетливость свѣтской дѣвушки, или постыдное принужденіе матери. «Свыкнется, слюбится», говорятъ въ подобныхъ случаяхъ, и найдутся многіе кто приведетъ въ примѣръ себя:

— Вотъ и я противъ воли вышла за своего NN, а теперь слава Богу, счастлива, или: — вотъ и моя дочь не хотѣла выходить за NN, а теперь живетъ пригвѣваючи, барыня барыней, и уже трое дѣтокъ!

Незнаю кто правъ, кто виноватъ. Это такое обширное поле для писателя, что можно бы написать цѣлыя томы. Однако же всегда какъ-то неохотно я берусь за этотъ предметъ; меня огорчаетъ мысль, что мои убѣжденія въ этомъ случаѣ, можетъ быть, ошибочны; что я не съ той точки смотрю на жизнь и на людей, а на эту мысль наводитъ меня весьма малое число возстающихъ противъ неровныхъ браковъ.

Прежде считалась родословная, теперь чины и деньги; но и прежде и теперь дѣвушка—лице самое страдательное, и чѣмъ она богаче, чѣмъ знатнѣе, тѣмъ, по-моему, несчастнѣе, потому-что для нее будутъ искать мужа непременно соответствующаго ей положеніемъ въ обществѣ, и, если не встрѣтится человѣкъ молодой, ее отдадутъ и за стараго, лишь бы только сохранилъ свѣтскія условія.

И для того чтобъ имѣть возможность прожить въ годъ такую сумму, часто жертвуютъ, не говорю уже чувствомъ—нѣтъ, жертвуютъ спокойствіемъ, иногда совѣстью, и улаживаютъ бракъ между отжившимъ, истощеннымъ старикомъ и молоденькою, полной жизни дѣвушкой. Неразумная сдѣлка прикрывается торжественнымъ пиромъ, на которомъ гремитъ музыка, раздаются веселые тосты, какъ бы насмѣшливыя желанія счастья, поздравленія... А настоящей жизни всего какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ, да и это много!

XXI.

Однажды предъ обѣдомъ Ольга сидѣла за фортепьяно. Свѣжій майскій ветерокъ приносилъ въ открытыя окна и благоуханія цвѣтовъ, и голоса птичекъ, и шумъ молодыхъ листьевъ, и наводилъ на дѣвушку то безотчетное забытѣе, которое въ юности бываетъ удѣломъ каждаго, а позже принадлежностью не многихъ. Дня два уже Марья Петровна не напоминала ей о Сурминѣ; вчера Ольга провела вечеръ у сестры; сегодня прислали ей новыхъ нотъ изъ Петербурга, и вотъ причина, почему отдохнула душа дѣвушки и предалась минутному успокоенію. Ольга только что перестала играть хорошенькую пьеску, полную чувства, простую но оконченную, заключающую въ себѣ мысль, отчетливо исполненную талантливымъ артистомъ. Правая рука Ольги лежала еще на клавиатурѣ, лѣвая опустилась медленно; головка запрокинулась не много назадъ, а глаза смотрѣли въ окно на безоблачную лазурь, освѣщенную полнымъ блескомъ весенняго дня, и развѣ изрѣдка мимо окна проносилась какая нибудь разноцвѣтная бабочка, мелькая, словно оторванный цвѣтокъ на свѣтлоглубомъ фонѣ.

Нѣсколько минутъ Марья Петровна смотрѣла изъ гостиной на Ольгу и, улыбаясь, приблизилась тихими шагами къ задумавшейся дочери.

— Вѣроятно, ты играла одну изъ новыхъ пьесъ Ольга? спросила она самымъ ласковымъ голосомъ.

Ольга вздрогнула и оборотилась къ матери.

— Да, я разсматривала новыя ноты, и нѣкоторыя изъ нихъ мнѣ очень нравятся.

— Мы получили много писемъ изъ Петербурга. Подруга твоя, Катенька Бецкая, выходитъ замужъ. Вѣроятно она пишетъ къ тебѣ.

— Нѣтъ, не пишетъ. Но я дагадываюсь за кого она выходитъ замужъ.

— Не догаешься.

— Конечно, за Минскаго.

— Лейбъ-гусара?

— Да.

— Совсѣмъ нѣтъ. Можетъ быть, она любила Минскаго; но Катенька не такъ богата и очень благоразумна, чтобъ выйти за челоуѣка, который едва можетъ прилично содержать себя.

— За кого же?

— За прежняго твоего обожателя, Даурина.

Ольга встала изъ-за фортепьяна.

— За Даурина? Катенька Бецкая за Даурина? Это, безъ сомнѣнiя, одни ложныя слухи, мама!

— По-крайней-мѣрѣ, такъ пишетъ мать ея, и ты можешь прочесть письмо.

— Но это непостижимо! Катенька, съ ея образованiемъ, съ ея благороднымъ направленiемъ рѣшается отдать себя этому чахоточному старику...

— Она такъ благоразумна, та снѣге, что разочла выгоду подобнаго замужства. Катенькѣ уже 20 лѣтъ, она очень хорошо понимаетъ, что Минскiй съ своею любовью не въ состоянiи доставить ей тѣхъ выгодъ жизни, какiя можетъ доставить Дауринъ; а кто еще знаетъ кто изъ нихъ больше будетъ любить ее...

— Но это не благородно съ ея стороны: она обѣщала руку свою Минскому.

— Развѣ Катенька независимая дѣвушка, чтобъ располагать своею рукой безъ согласiя родителей?

— Но, мама, если ей не позволяли выйти за Минскаго, по крайней мѣрѣ, никто не могъ принудить ее выходить за Даурина!

— Кто же теперь принуждаетъ, Ольга? Подобныя дѣла не дѣлаются въ нашъ образованный вѣкъ! Родители могутъ совѣтовать, запрашивать дочь, для ея же собственнаго счастья.

Ольга печально склонила голову.

Марья Петровна продолжительно закашлялась и взялась за грудь обѣими руками.

— Что съ вами, мама? спросила Ольга, встревожась.

— Ничего, та снѣге, это кашель, который беспокоитъ меня еще съ осени. Я писала объ этомъ къ своему доктору, и онъ совѣтуетъ средство.... Но этимъ господамъ хорошо совѣтовать!...

— Мама! вы скрываете что нибудь грустное.

— Да, мнѣ вѣрно вѣхать къ маріенбадскимъ водамъ.

— Не надо же откладывать!

Марья Петровна грустно улыбнулась.

— Ты не знаешь практической жизни, Ольга: для этого надо много средствъ....

— Но я полагаю, что у насъ достанетъ столько денегъ, сколько нужно на эту поѣздку.

— Недостанетъ и четверти суммы, потому что мы очень мало получаемъ дохода....

— Вы бы могли взять у Кренскаго.

— Никогда и ни за что въ свѣтъ, Ольга! Это значило бы протягивать руку за подаяніемъ.

— Вы могли бы возвратить ему долгъ.

— Откуда? Неужели ты думаешь, что мы имѣемъ больше того, сколько нужно прожить?

И Марья Петровна закашляла сильнѣе.

Добрая душа Ольги возмущилась, и на глазахъ навернулись слезы.

— Неужели нѣтъ средствъ? спросила она нетвердымъ голо-
лосомъ.

— Есть, отвѣчала Марья Петровна, подымая глаза къ небу: но у меня неостало бы духу употребить это средство....

— Какъ, даже для поправленія здоровья?

— Даже и для этого.

— По-крайней-мѣрѣ, мама, я незадумалась бы отдать годъ жизни, чтобъ вы могли съѣздить за границу.

— Я никогда бы и не приняла подобной жертвы, душа моя; но въ твоей волѣ возвратить мнѣ здоровье.

— Неужели?

— И это такъ легко: стоитъ только тебѣ подумать о своемъ счастьи, выйти за Сурмина.

Ольга поблѣднѣла.

— Но это невозможно, мама! Я немогу чувствовать привязанности къ этому человѣку.

— Къ сожалѣнію, я это знаю, Ольга, и безмолвно покоряюсь своей участи, сказала Марья Петровна, опускаясь въ кресло и склоняя голову на руку.

— Но какимъ же образомъ я могла бы вамъ быть полезной, выйдя за Сурмина, когда вы не хотите потребовать помощи у Вѣры, которая васъ точно также любить какъ и я, и готова сдѣлать все для вашего спокойствія?

— Вѣра не имѣетъ никакой собственности, и я должна бы обратиться съ просьбою къ Кренскому; между тѣмъ какъ Сурминъ записываетъ тебѣ 1000 душъ, и я увѣрена, что ты не отказала бы въ помощи больной матери....

Ольга заплакала.

— Боже мой, какое тяжелое испытаніе!

— Я же не принуждаю тебя, Ольга! Успокойся, другъ мой! Не думай, что изъ одного эгоизма я совѣтую тебѣ выходить за Сурмина: не имѣя еще никакой надобности ѣхать за границу, я уговаривала тебя неотказываться отъ прекрасной партіи, потому что я уже опытна, и знаю какую важную роль въ жизни играетъ богатство.

— Но для того чтобъ выйти замужъ, надо любить или хоть уважать человѣка; а я не въ состояніи ни любить Сурмина, ни уважать его.

— Я совершенно согласна съ тобою, что ты не можешь любить его любовью сердца, этой пылкой и проходящей любовью, которая, по-твоему, одна можетъ составить счастье женщины; но ты знаешь, ма сего, какъ непрочно и какъ непостоянно это пламенное чувство....

— По-крайней-мѣрѣ, послѣ него остаются дружба и уваженіе....

— Не все ли равно прямо перейти къ дружбѣ и уваженію! Вѣрь мнѣ, Ольга, что тѣ только партіи пользуются истиннымъ счастьемъ, которыя основываются на благоразуміи, а не на пыл-

комъ и проходящемъ чувствѣ. Будешь ты откровенно отвѣчать на мой вопросъ?

— Можете быть увѣрены въ этомъ.

— Ты любишь кого нибудь?

Ольга вспыхнула.

— Матери можно и должно все говорить, Ольга.

— Мнѣ казалось, что я... любила... но это было давно....

— Но не любовь къ другому мѣшаетъ тебѣ выйти за Сурмина?

— О, нѣтъ!

— Извини, душа моя, но я тебя не понимаю. Какъ? умная, образованная дѣвушка, дѣвушка свѣтская, съ свободнымъ сердцемъ, ты отказываешься отъ счастья! Живя въ этомъ захолустьи, ты не можешь питать никакихъ надеждъ; ну, посуди сама, кто пойдется здѣсь изъ порядочныхъ молодыхъ людей?

— По-крайней-мѣрѣ я буду свободна.

— Пустыя фантази, Ольга! Выйдя за Сурмина, ты будешь пользоваться самую полную свободой и можешь даже исполнять малѣйшія прихоти. За одинъ ласковый взоръ твой, за одно нѣжное слово мужъ будетъ готовъ на все; а кромѣ этого забывай, что 1000 душъ—твоя неотъемлемая собственность.

И Марья Петровна закашляла продолжительнѣе, поднесла платокъ къ губамъ, посмотрѣла на него и снова облокотилась на руку головою.

Мгновенно передъ Ольгой* развилась картина печальной будущности. Душевная пустота, тоска, присутствіе нелюбимаго мужа, его ласки и кругомъ огромное богатство—это была одна сторона будущаго; а на другой увядающее здоровье матери, ограниченное состояніе и снова таже душевная пустота, тоска, и одна только свѣтлая искра, которую однакожъ она считала грѣшною...

— И знаешь ли, Ольга, продолжала Марья Петровна: черезъ десять лѣтъ, если доживу только до этого времени, ты скажешь, что мать любила тебя, когда такъ хлопотала о выгодной партіи.

— Развѣ я сомнѣвалась въ вашей любви, говорила Ольга, цѣлуя руку матери: но мнѣ казалось всегда, что люди подъ старость дѣлаются холоднѣе, забываютъ молодость, и на супружество смотрять съ одной матеріальной стороны.

— Есть и такіе родители. Но вспомни, Ольга, что Сурминъ, кромѣ недостатка свѣтскаго образованія, не имѣетъ пороковъ: онъ

добръ, благороденъ, не глупъ отъ природы, не старъ, потому что необыкновенно крѣпокъ, добръ, и ему съ небольшимъ за сорокъ. Вѣра вѣдь вышла за человѣка не первой молодости.

— Какое же сравненіе, мама, Сурминъ и Арсеній Андреичъ!

— Я ихъ и не сравниваю. Но ты очень молода и не умѣешь смотрѣть на вещи съ надлежащей точки. Вѣра вышла за образованнаго человѣка, и она можетъ быть счастлива съ нимъ въ Благодаровкѣ. Ты, если выйдешь за Сурмина, конечно, не найдешь съ нимъ удовольствія въ *tele-à-tete*: кто же помѣшаетъ тебѣ ѣздить на зиму въ Петербургъ, избрать кружокъ порядочныхъ людей, и образованной бесѣдой и свѣтскою жизнью дополнять недостатокъ домашняго счастья. И говорить нечего, что правила твои не погрѣшительны; ты слишкомъ благоразумна, чтобы допустить себя когда нибудь забыться даже противъ приличія... Мужъ будетъ доволенъ, что ты не скучаешь, ты будешь довольна разсѣяніемъ, и молодость пролетитъ быстро... А тамъ, въ мои годы, душа моя, повѣрь, что все равно кто ни прійдетъ поцѣловать тебѣ руку: Кренскій, Сурминъ или даже Иванъ Яковлевичъ.

Почти съ содроганіемъ Ольга слушала подобную философію; но Марья Петровна передавала только то, что думали подобные ей матери. Наконецъ свѣтская жизнь представляла Ольгѣ безчисленные примѣры *marriages de convenances*.

— Однако, Ольга, мнѣ хуже, чѣмъ я думала. Я уйду въ свою комнату, а ты напиши Вѣрѣ чтобъ прислала своего доктора.

Марья Петровна встала. Ольга приблизилась къ ней, обняла ее и начала плакать.

— Успокойся, Ольга, перестань плакать. Прости, если иногда я говорила сурово съ тобою; но это было для твоего же счастья. И можетъ быть, я ошибаюсь, можетъ быть, сердце матери увлекало меня.

И Ольга проводила мать, продолжая плакать.—Черезъ часъ пріѣхалъ докторъ, пріѣхали Кренскіе, и всѣ были успокоены на счетъ здоровья Марьи Петровны, хотя по отъѣздѣ доктора и зятя она продолжала жаловаться на боль въ груди и на стѣсненное дыханіе.

Вечеромъ Ольга съ отцемъ вышла гулять въ поле.

— Меня беспокоитъ мама, сказала Ольга, когда Сергій Антоновичъ, пожуривъ прикащика за дурной, по его мнѣнію, поствѣтъ ірѣчихи, шелъ взглянуть на пшеницу.

— Богъ милостивъ, болѣзнь ея пройдетъ, а если бѣ удалось мнѣ собрать денегъ и съѣздить въ чужіе край.

— Объ этомъ и мама горюетъ. Неужели такъ много денегъ надо за границу?

— Конечно, душа моя. Путешествовать одному не дорого, но ѣхать съ семействомъ, въ своей каретѣ, и притомъ жить на водахъ, нужны большія издержки.

— Мнѣ кажется, папа, вы могли бы взять въ займы у Арсенія Андреича, если это необходимо.

— Нехотѣлось бы; да и Магіе ни за что не согласится: ты знаешь ея щекотливость.

— А ѣхать необходимо?

— Такъ пишетъ докторъ изъ Петербурга, а онъ восемь лѣтъ постоянно лечилъ Марью Петровну.

— Да, надо ѣхать! говорила Ольга какъ бы сама съ собою: медленность въ этомъ случаѣ можетъ быть пагубна. А сколько, по вашему, папа, необходимо на эту поѣздку?

— Прежде Магіе брала у меня всегда 10,000 серебромъ, но тогда были лучшія времена, да она и въ Парижъ завязала, теперь было бы довольно тысячъ шесть, семь....

— Это порядочная сумма!

— Больше чѣмъ мы получаемъ въ годъ дохода. Если бѣ можно было предвидѣть это обстоятельство, я незаложилъ бы Дубровинецъ для уплаты нѣкоторыхъ долговъ и не прожилъ бы такъ много.

— Но неужели вамъ откажутъ ваши Петербургскіе знакомые?

— Я и просить не стану, а если бѣ и попросилъ, то навѣрное откажутъ.

— Какимъ же образомъ устроить поѣздку маменьки?

— Рѣшительно невозможно. Впрочемъ, я надѣюсь, что здѣшній богатый климатъ и деревенская жизнь ей помогутъ.

— Но, если докторъ совѣтуетъ ѣхать къ водамъ, это не шутка!

Въ это время Сергѣй Антоновичъ подошелъ къ огромной нивѣ пшеницы, зеленѣвшей на огромное пространство, и оборотился къ прикацику, слѣдовавшему въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Андрей!

— что прикажете?

— Въдь ты у меня 30 лѣтъ въ службѣ!

— Точно такъ, В. П-во!

— Болѣе 20-ти лѣтъ жилъ въ Петербургѣ.

— Истинно такъ, В. П-во.

— Какъ же ты не могъ присмотрѣть за хорошимъ посѣвомъ, а главное за хорошимъ удобреніемъ земли! Я тебѣ читалъ и толковалъ не одинъ разъ, какъ земля должна быть приготовляема; а это что?

Сергій Антоновичъ нагнулся и указалъ на огромный комъ земли между пшеницей.

Андрей снялъ шапку и почесалъ затылокъ.

— Не та здѣсь сторона, В. П-во.

— Какія глупости ты рассказываешь! Въ удобреніи и распахиваніи земли не смотрятъ ни на сторону, ни на климатъ: въ этомъ случаѣ равны Архангельскъ и Херсонъ; нужны только усердіе и умѣнье.

— Что же прикажете дѣлать съ хохлами, В. П-во! Ему говоришь: паши, моль, этакъ какъ у насъ въ Великой Россіи, а онъ отвѣчаетъ: добре! и пашетъ по-своему. Я докладывалъ управляющему, чтобъ завести сошки, такъ Максимъ Данилычъ говорить, что здѣсь сошки негодятся.

— Максимъ Данилычъ плохой агрономъ. Однако плугомъ пахано или сошкой, а заборонено очень не хорошо: посмотри, какія глыбы!

— Я и самъ вижу, В. П-во!

— Зачѣмъ же ты смотрѣлъ? Для чего же я сдѣлалъ тебя прикащикомъ, какъ ты думаешь?

— Виноватъ, кормилецъ, В. П-во! а ужъ день-деньской сижу на работахъ, ночей недосыпаю...

— А все безъ толку! Завтра утромъ при рапортѣ прочту тебѣ еще одно разсужденіе.

— Мнѣ кажется, папа, отозвалась Ольга: эта трава очень хороша, посмотрите, какъ она чудно разрослась!...

— Это, *shege amie*, не трава, но пшеница, единственный доходъ нашихъ имѣній.

— А я думала, что пшеницу дѣлаютъ на мельницѣ.

— На мельницѣ дѣлаютъ муку. Ха, ха, ха! Плохой же ты

агрономъ, Ольга! Да, пшеница не дурна, однако могла бы быть лучше. Андрей! а каковы у насъ сѣнокосы?

— Слава Богу, В. П-во!

— А клеверъ растеть?

— Отлично! Ономедни я объѣзжалъ все поле: уже выше колъна.

— Ты, я вижу дѣятеленъ, да только слишкомъ суетишься. Въ агрономіи важнѣе всего хладнокровіе и благоразуміе. Дастъ Богъ, поправимся, я выпишу вновь изобрѣтенныя машины, и тогда хозяйство наше пойдетъ другимъ образомъ.

На возвратномъ пути Сергѣй Антоновичъ много рассказывалъ Ольгѣ о предполагаемыхъ улучшеніяхъ по имѣнію, смѣялся надъ ея наивными вопросами. и безпрестанно дѣлалъ прикацику наставленія съ видомъ знатока и опытнаго хозяина.

При входѣ въ деревню, гуляющіе остановились у одной небольшой нивы, покрытой богатѣйшею пашней.

— Какой чудный овесъ! сказалъ Сергѣй Антоновичъ, срывая нѣсколько стебельковъ: и если не ошибаюсь, многоплодный; только незнаю крымскій или персидскій?

— Овесъ важный, сказалъ прикацикъ, срывая въ свою очередь нѣсколько стебельковъ: только жидко посѣянь. Это овесъ крестьянскій, В. П-во.

— Напротивъ, онъ хорошо посѣянь: овесъ недолжно сѣять часто, это было бы противъ всѣхъ правилъ; но гдѣ крестьянинъ могъ взять эту породу? Впрочемъ, можетъ быть, ему дали изъ экономіи.

— А трудно, папа, различать овесъ отъ пшеницы? Мнѣ кажется одинаковая трава!

— А для чего же опытность?

Высокій съ большими усами крестьянинъ гналъ быковъ по дорогѣ и, поравнявшись съ господами, снялъ шапку.

— Здравствуй, любезный! сказалъ Сергѣй Антоновичъ.

— Здравствуйте, добродію! отвѣчалъ крестьянинъ, и остановился.

— Чей это овесъ?

— Де?

— Вотъ это.

— Се не овесъ, пане, а се мій ячмень.

— Какъ ячмень?

— А вжежь ячмень!

— А мнѣ кажется овесъ, говорилъ Сергій Антоновичъ, при-
сматриваясь: да и прикащикъ сказывалъ, что овесъ.

— Хыба може ячмень переовсылся, добродію, продолжалъ
улыбаясь крестьянинъ: а здавалось я сіявъ ячмень, та щей сіявъ
у вивторокъ якъ Охримъ руку выломывъ.

Сергій Антоновичъ замолчалъ, а прикащикъ потупилъ глаза.

— Вамъ, пане, можно и незнать хлиба, а прыказчыкови тре-
ба, а то хто выдавъ нерозибрать овса одъ ячменю: усяка мала
дытына не помыльця!

— Что онъ говорить? спросилъ Сергій Антоновичъ у при-
казчика.

— Говорить, В. П-во, что ячмень такъ похожь съ овсомъ,
что не только дѣти, но и взрослые ошибаются.

— Онъ говоритъ правду! Пока овесъ не вымечеть колоса,
трудно отличить его отъ ячменя.

И, довольный этимъ замѣчаніемъ, Сергій Антоновичъ продол-
жалъ путь, обращая вниманіе Ольги на тотъ или другой пред-
метъ, что для послѣдней ни сколько небыло занимательно.

Марья Петровна весь день не выходила изъ комнаты, и при-
казала просить пить чай въ свою комнату. Желаніе ея было ис-
полнено, и она провела весь вечеръ въ обществѣ мужа и до-
чери.

По уходѣ Сергія Антоновича, Ольга оставалась еще у мате-
ри и долго съ нею разговаривала. Слѣдствіе этого разговора чи-
татель узнаеть въ будущей главѣ, а я прибавлю только, что
Марья Петровна, отпустивъ Ольгу, прислала за свой письменный
столикъ и написала дѣльное письмо къ Петру Мартыновичу.

XXII.

На другой день къ вечеру Ольга была помолвлена за Сурми-
на, который, получивъ письмо Марьи Петровны, взялъ съ собою
Ивана Яковлевича и прилетѣлъ къ обѣду въ Дубровинцы. Ра-
дость его была выше всякаго описанія, тѣмъ болѣе, что Ольга,

сколько могла, не показывала чего ей стоило согласіе. Печальнѣе и угрюмѣе всѣхъ былъ Кренскій. На открытомъ благородномъ лицѣ его отражалось такое глубокое страданіе, что Вѣра два раза подходила къ нему и просила успокоиться, а Марья Петровна просила его не смущать радостнаго дня, который даже ее больную поднялъ съ постели и просто вылечилъ.

Событіе это казалось Кренскому тяжелымъ сновидѣніемъ, и онъ долго не хотѣлъ вѣрить, чтобъ Ольга сама такъ скоро рѣшилась на непріятное ей супружество. Въ первыя минуты онъ готовъ былъ протестовать противъ насилія; но видя спокойное, хотя и грустное лице Ольги и прійдя въ себя, опомнился, что онъ не имѣлъ никакого права вмѣшиваться въ чужія семейныя дѣла, а главное боялся подать поводъ Вѣрѣ думать, что участь Ольги тревожить его болѣе, чѣмъ позволяли приличія. Онъ подозрѣвалъ, что здѣсь была употреблена какая нибудь вѣроломная хитрость, онъ даже догадывался, что болѣзнь Марьи Петровны играла здѣсь важную роль; но, затаивъ глубокую скорбь, употреблялъ все усилія казаться обрадованнымъ счастіемъ свояченицы. Нѣсколько разъ въ продолженіе вечера Ольга смотрѣла на него долго и выразительно, однако же эти взоры оставались для него тайной, потому что онъ не хотѣлъ—да и достало ли бы у него духа—спросить объ ихъ значеніи. Ему казалось, что въ этихъ взорахъ были и мольбы, и упреки, и позднее сожалѣніе о чемъ-то, и грустное предсказаніе будущаго, и тѣ непереводимыя рѣчи, которыми душа сообщаетъ родной душѣ свои неутолимыя страданія, когда боится и, можетъ быть, не имѣетъ права облечь ихъ въ живое слово. Но Кренскій на одинъ только мигъ увлекался этими предположеніями и пріискивалъ другой смыслъ во взорахъ Ольги, которая имѣла столько твердости воли, что съ улыбкой разговаривала съ Сурминимъ и смѣялась надъ выходками Ивана Яковлевича.

Вечеръ протянулся медленно, повидимому не скучно, но какъ-то походилъ на канунъ разлуки, когда все участвуютъ въ общемъ разговорѣ, стараясь поддержать его, но почти каждый съ содроганіемъ помышляетъ о завтрашнемъ днѣ, приготавливающимъ и грустное прощанье, и слезы и, можетъ быть, глубокія затаенныя страданія.

Сергій Антоновичъ не выходилъ изъ нормальнаго положенія; онъ уже освоился съ мыслью, что Ольга выходитъ замужъ по своей волѣ, и усердно потчивалъ всѣхъ шампанскимъ.

Свадьба назначена была въ концѣ мѣсяца, и Марья Петровна, не смотря на свою болѣзнь, собиралась съѣздить въ Одессу, приготовить приданое.

Иванъ Яковлевичъ разсказывалъ по этому случаю, что Сурминъ вручилъ будущей тещѣ 100,000 серебромъ на разныя покупки; однако трудно было повѣрить на слово Ивану Яковлевичу, хотя сосѣди и утверждали, что повѣрить на 10-ю долю можно было помѣщику всѣхъ губерній Россійской Имперіи, какъ называли Ивана Яковлевича, по возвращеніи его изъ ***ва.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы Вѣры, т. е. 28 мая, въ Дубровинцахъ назначена была и другая свадьба, съ тою только разницею, что съѣхалось гораздо больше, и Сурминъ, желая отпраздновать торжественнѣе свое счастье, приказалъ секретно Ивану Яковлевичу привезти изъ Заключинецъ музыку и пѣвчихъ.

Вечерѣло. Съигравъ роль довольной невѣсты и, готовясь одѣваться къ вѣнцу, Ольга пошла въ садъ, желая подышать свѣжимъ воздухомъ и хоть полчаса побыть безъ свидѣтелей. Было ей о чемъ подумать на-единѣ съ собою въ торжественныя послѣднія минуты дѣвической свободы, на порогѣ новой неизвѣстной жизни.

Быстро ходила она изъ аллеи въ аллею, наконецъ подошла къ пруду, гдѣ мѣсяцъ тому назадъ встрѣтилъ ее Кренскій при закатѣ солнца, и остановилась. Прислонясь къ одной березѣ, стоялъ онъ и теперь, и казалось слѣдилъ вечернія облака, пролетавшія по краю горизонта и принимавшія яркіе цвѣта заката.

Вѣтеръ едва колебалъ вѣтви деревьевъ, соловьи начинали свои однообразно гармоническія пѣсни, и уныло по временамъ отзывались лягушки.

Въ первую минуту Ольга хотѣла повернуться въ-сторону, она даже сдѣлала было два шага направо, но Кренскій оборотился, и Ольга подошла къ нему. Лице его было серьезно по обыкновенію, но глаза выражали то, что выражали глаза Ольги въ день ея обрученія. Взоры ихъ встрѣтились.

— Это мое любимое мѣсто, Арсеній Андреичъ.

— Этотъ прудъ необыкновенно живописенъ!

— Я вышла подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Но я вамъ не мѣшаю?

— Ни сколько. Дайте мнѣ руку, мы обойдемъ вмѣстѣ прибрежную аллею.

Кренскій подавъ руку Ольгѣ, и они пошли вдоль цвѣтущихъ кустовъ сирени.

— Вы молчаливы, Арсеній Андреичъ; цѣлый день вы какъ-будто не въ духѣ: со стороны можно подумать, что изъ цѣлаго общества вы несчастнѣе всѣхъ, сказала Ольга съ принужденною улыбкой.

— Вы знаете какъ много я привязанъ къ вамъ; знаете, что больше другихъ я понимаю ваше грустное положеніе: скажите же, могу-ли я быть веселъ и разговорчивъ?

— А я? Берите съ меня примѣръ!.. Благодарю, благодарю васъ отъ всего сердца за дружбу, Арсеній Андреичъ! Вы, можетъ-быть, единственный человѣкъ, съ кѣмъ я рѣшилась говорить откровенно; въ васъ я всегда находила защитника... Но что случилось, того не перемѣнишь...

— Но зачѣмъ случилось, Ольга Сергѣевна?

— Я никого не упрекаю; въ мірѣ много несчастнѣе меня, а сколько тѣхъ, кто мнѣ позавидуетъ!.. Но оставимъ этотъ разговоръ!.. Знаете-ли новость?

— Какую?

— Мой будущій мужъ покупаетъ Дубровинцы и даритъ ихъ мнѣ. Я уже рѣшилась устроить здѣсь себѣ роскошное помѣщеніе, и буду вашей сосѣдкой.

При послѣднихъ словахъ Кренскій почувствовалъ словно кровь прилила къ его сердцу. Онъ взглянулъ на Ольгу.

Она опустила глаза, и легкій румянецъ выступилъ на ея блѣдномъ лицѣ. Рука ея, покоившаяся на рукѣ Кренскаго, слегка задрожала.

— Вы молчите, васъ ни сколько не радуетъ это извѣстіе! продолжала Ольга.

— Скажите мнѣ, какимъ образомъ такъ искусно вы перемѣнили домино въ маскарадъ, а главное отъ кого вы узнали мое прошедшее.

— Я васъ не понимаю!

— Одно ваше слово открыло мнѣ тайну сѣраго домино: зачѣмъ-же продолжать мистификацію?

Сила воли вызвала притворную веселость на лице Ольги.

— Да, Арсеній Андреичъ, я отняла у васъ завѣтную мечту, сказала она: вы и до-сихъ-поръ вспоминали таинственное домино,

можетъ-быть, даже берегли камелию... А теперь вы разочарованы!.. Домино я перемѣнила въ уборной, а прошедшее ваше узнала отъ княгини Б***, которая въ постоянной перепискѣ съ Шарлотой. Видите-ли, что мнѣ извѣстна причина постоянной вашей задумчивости и все ваше прошедшее...

— Оно грустно, Ольга Сергѣевна. А знаете-ли вы настоящее?

Ольга почему-то не рѣшилась посмотреть на Кренскаго.

— Я полагаю, что оно все мнѣ извѣстно: вы счастливы!

— О, конечно, счастливъ: у меня милая, добрая жена...

— Вы покажете мнѣ письмо Шарлоты?

— Съ удовольствіемъ. Еще одинъ вопросъ: Марья Петровна вѣроятно снова поселяется въ Петербургъ?

— Да, она уговорила папа, по возвращеніи изъ-за-границы, ѣхать прямо въ Петербургъ; но лѣтомъ они будутъ пріѣзжать или ко мнѣ, или къ Вѣрѣ.

Ольга замолчала, а Кренскій тоже не находилъ словъ для поддержанія разговора. Обойдя прибрежную аллею, они повернули къ дому.

— Однако, сосѣдъ, вы хандрите! Неужели въ-самомъ-дѣлѣ сѣрое домино...

Въ это время изъ боковой аллеи вышла Вѣра въ сопровожденіи меньшей Селенкиной.

— Вотъ гдѣ она! сказала Вѣра: а тебя, Ольга, ищутъ по всему дому!

— Ахъ, да! мнѣ пора одѣваться...

И мгновенно блѣдность покрыла лице Ольги. Она пожала руку Кренскому.

— До свиданія, сосѣдъ!

— Этотъ сосѣдъ ни на что не похожъ сегодня, сказала Вѣра. За это мы оставимъ его одного хандрить въ саду. Прощайте, г. Кренскій!

— Но вы мнѣ позвольте проводить васъ, Вѣра Сергѣевна, говорилъ съ улыбкою Кренскій, подавая руку женѣ.

— Невѣжливо было бы отказаться отъ такого обязательнаго предложенія, хотя вы и гуляете вдвоемъ съ очаровательною сосѣдкой. Неправда ли, прибавила она тише и наклоняясь къ мужу:

что Ольга будетъ, по-крайней-мѣрѣ, имѣть утѣшеніе жить такъ близко отъ насъ?

— Нельзя же чтобъ къ ней всѣ были совершенно безжалостны... Если бъ еще какъ-нибудь передѣлать Сурмина...

Вѣра грустно покачала головой.

Въ церкви ударили въ колоколъ.

XXIII.

Грустно было смотрѣть на Ольгу подъ вѣнцомъ, рука объ руку съ Петромъ Мартыновичемъ; но еще грустнѣе было, по окончаніи обряда, слушать поздравленія и желанія счастья, раздававшіяся со всѣхъ сторонъ, какъ заученныя фразы, произносимыя безъ участія сердца, при разныхъ событіяхъ жизни. Глаза Ольги были наполнены слезами; глаза Сурмина блестя восторгомъ.

Обычнымъ порядкомъ молодые отправились изъ церкви. На порогъ дома ихъ встрѣтили съ образами, хлѣбомъ и солью. Оркестръ грянулъ торжественный маршъ; слуги внесли на подносахъ бокалы съ шампанскимъ, и снова раздались поздравленія и желанія счастья, но только уже гораздо шумнѣе чѣмъ въ храмъ Божіемъ, гдѣ гости не смѣли предаваться громкимъ выраженіямъ восторга, который при видѣ вина нисходитъ на человѣка.

Вся эта шумная толпа съ праздничными лицами, нисколько не придавала веселости вечеру, потому-что Ольга, не смотря на всю твердость воли, не могла играть роль счастливницы, которой многія завидовали втайнѣ.

И вечеръ прошелъ, гости разъѣхались и разошлись равнодушно, какъ это бываетъ при всякомъ съездѣ.

Нѣсколько еще дней Ольга провела у родителей, посѣтила сестру, сдѣлала необходимые визиты и отправилась въ деревню мужа, гдѣ все уже было приготовлено для ея торжественной встрѣчи.

Сурминъ далъ великолѣпный балъ, продолжавшійся довольно долго, въ продолженіе котораго Ольга почти не имѣла возможности скучать, потому-что, если она и не чувствовала особеннаго удовольствія, по-крайней-мѣрѣ постоянная суета и множество незна-

комыхъ лицъ развлекали ее, а болѣе не позволяли Сурмину подходить къ ней безпрестанно съ нѣжностями, приводившими Ольгу въ отчаяніе.

Наконецъ гости разъѣхались; одинъ только Иванъ Яковлевичъ оставался еще въ Заключинцахъ, но и тотъ, получивъ отъ Сурмина обѣщанную тысячу цѣлковыхъ, собирался отправиться къ себѣ въ деревню, а потомъ снова начать поѣздки по помѣщикамъ, имѣя въ виду и поѣздку въ *** въ, куда влекла его любовь къ Надинѣ Зебрицкой.

Сурминъ однако жъ не пустилъ Ивана Яковлевича и сказалъ, что онъ долженъ по-крайней-мѣрѣ недѣлю провести въ Заключинцахъ.

Былъ вечеръ. Проливной дождь шумѣлъ въ саду, окружавшемъ домъ Сурмина, и крупными каплями стучалъ въ ставни.

Въ богато-убранной гостиной сидѣла Ольга на покойномъ креслѣ, и, при освѣщеніи матовыхъ лампъ, казалась блѣднѣе обыкновеннаго. Близъ нее сидѣлъ Сурминъ и барабанилъ по столу пальцами, а противъ нее на казеткѣ помѣщался Иванъ Яковлевичъ.

Весь день Ольга жаловалась на нездоровье и не выходила изъ комнаты; но Сурминъ такъ часто стучался къ ней въ дверь съ вопросами о здоровьи, и такъ часто посылалъ горничныхъ, что она рѣшилась выйти въ гостиную.

Разговоръ какъ-то не клеился.

— Душечка, Ольга Сергѣевна, не хочешь-ли конфетокъ? спросилъ Сурминъ: ты велѣла бы подать себѣ сухихъ кievскихъ.

— Не хочется.

— А можетъ-быть варенья?

— И варенья не хочу.

— Такъ не приказать-ли чего-нибудь на-скоро сготовить: ты вѣдь почти не обѣдала.

И Сурминъ закричалъ по обычаю на весь домъ: Гей!

— Ай, Петръ Мартыновичъ! Я уже просила тебя, если хочешь кликнуть кого-нибудь, позвони въ колокольчикъ.

— Виноватъ, мамочка, не буду. Что же ты хочешь кушать?

— Ничего не хочу.

Въ это время вошелъ слуга.

— Принеси, пожалуйста, мнѣ стаканъ холодной воды! сказала Ольга.

Слуга поспѣшилъ исполнить приказаніе.

— Ольга Сергѣевна, ангельчикъ ты мой, нехочешь ли ты сырошцу какогонибудь: есть всякіе, вѣдь мы съ Иваномъ Яковлеви-чемъ позаботились! прибавилъ онъ, входя въ гостиную, и подмигнувъ правымъ глазомъ.

— Я хочу холодной воды, и больше ничего.

Въ это время слуга подаль ей стаканъ воды.

— Но зачѣмъ же ты скучаешь, душеньчикъ, сказалъ Сурминъ, подходя къ Ольгѣ и взявъ ее за руку.

— Я всегда одинакова, отвѣчала Ольга, чувствуя невольную дрожь.

— Улыбнись же!

И Сурминъ своей жилистою дюжею рукой взялъ жену за подбородокъ.

Желая отдѣлаться отъ непріятной ласки, Ольга улыбнулась сквозь слезы; но въ это время широкія отвислыя губы Сурмина покрыли ея свѣжій малиновый ротикъ, и она вздрогнула.

Инстинктивно ли понялъ Сурминъ невольное отвращеніе молодой женщины, удовольствовался ли поцѣлуемъ, только отошелъ отъ жены и занялъ прежнее мѣсто.

— Расскажи чтонибудь, Иванъ Яковлевичъ!

— А что же я расскажу? Новостей особенныхъ нѣтъ, а старое все извѣстно, отвѣчалъ Рябо.

— А долго, братъ, тебѣ выдумывать какуюнибудь новость!

— Не имѣете ли вы какихъ извѣстій о Надинѣ Зебрицкой? спросила Ольга.

— Я съ нею постоянно въ перепискѣ и недавно еще получилъ письмо. Она ужасно скучаетъ.

— Вотъ вамъ бы теперъ и поѣхать въ. *** въ

— Да, я и подумываю, Ольга Сергѣевна: знаете, право, надоѣла холостая жизнь.

— Женись, братъ, Иванъ Яковлевичъ и подцѣпи себѣ женочку вотъ какъ я, сказалъ весело Сурминъ, и, подойдя къ Ольгѣ обнялъ ее.

— Кто знаетъ, можетъ быть, черезъ мѣсяцъ и я буду счастливъ, говорилъ Рябо и погрузился въ задумчивость.

Разговоръ не завязывался.

— Можетъ быть, пора чай пить, сказалъ Сурминъ, цѣлуя Ольгу въ голову.

— Я думаю, пора, отвѣчала она, схватываясь за эту мысль, какъ за средство спасенія.

— Но ты очень скучна.

— Это не помѣшаетъ мнѣ однакожъ разлить чай, сказала Ольга, вставая съ кресла и отправляясь въ залу.

— Гей! закричалъ по-своему обыкновенію Сурминъ, но опомнился и зазвонилъ что было силы.

Два человекъ отрометью вбѣжали въ гостиную.

— Приготовлять чай! Пойдемъ братъ, Иванъ Яковлевичъ, и мы въ залу!

Но дойдя къ двери, Сурминъ остановился; ему пришла какая-то счастливая мысль, потому что жестомъ руки онъ остановилъ Рябка и притаился за портьерой.

Ольга задумавшись ходила по залѣ, и когда подошла къ двери гостиной, Сурминъ вдругъ показался изъ своей засады.

— Ку-ку! Душечка Оленька! Это я!

И онъ заключилъ въ свои дюжія объятія жену и снова широкія отвислыя губы его поглотили малиновый ротикъ Ольги.

— А что, испугалъ? Ахъ, ей-Богу зачѣмъ ты такая скучная! И Сурминъ, подбѣжавъ къ Ивану Яковлевичу, шепнулъ ему что-то на ухо, а Рябка поспѣшно выбѣжалъ въ корридоръ.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ на хорахъ раздались звуки вальса Ланнера.

Ольга улыбнулась.

— Ага, мамочка! Видишь, что скучаешь! Я зналъ чѣмъ развеселить тебя.

Подали чай. Ольга присѣла къ столику и позволила Ивану Яковлевичу курить сигару, чтобъ только онъ не оставлялъ ее наединѣ съ мужемъ.

Музыка гремяла то увертюры, то отрывки изъ оперъ, то разныя танцевальныя пьесы. Но разговоръ не завязывался.

Такъ прошло время до десяти часовъ.

— Душечка, Ольга Сергѣевна! Что хочешь завтра приказать на обѣдъ? Я велѣлъ всегда тебя спрашивать.

— Я буду просить избавить меня отъ этого, потому что для меня все равно.

— Но ты вѣроятно что нибудь же да любишь особенно?

— Ничего.

— Соусъ ли какой, пирожное! А можетъ быть, прикажешь ботвинью?

— Все, что хочешь.

— Мы, конечно, съ Иваномъ Яковлевичемъ не откажемся отъ зеленого борщу. А, Иванъ Яковлевичъ?

— Да, это хорошо.

— Видишь, душечка, Ольга Сергѣевна, мы себя умѣемъ за-казать обѣдъ, а для тебя, право, затруднительно.

— Положись на повара въ такомъ случаѣ.

— На повара? Ха, ха, ха! Ты не знаешь нашихъ поваровъ; положиись только на нихъ!.. Ха, ха, ха.

— У меня превосходный поваръ, сказалъ Рябко, отодвигаясь отъ Сурмина, который въ припадкѣ разказа началъ дѣлать руками выразительные жесты: я привезъ его изъ Петербурга. Онъ самъ выбираетъ кушанье, и каждое, что въ ротъ, то спасибо...

— Врешь, Иванъ Яковлевичъ! Гдѣ тамъ у чорта взялся у тебя поваръ? Ольга Сергѣевна знаетъ, братъ, что ты вральяманъ...

Иванъ Яковлевичъ надулся.

— Извините, Петръ Мартыновичъ, а я и при супругѣ вашей замѣчу, что вы имѣете не хорошую привычку употреблять обид-ныя выраженія.

— Какія же обидныя выраженія! Я говорю только что ты, братъ, привирать любишь.

— Но вы спросите кого угодно на счетъ моего повара! Когда, годъ тому назадъ, генералъ-губернаторъ проѣзжалъ черезъ нашъ уѣздъ и останавливался въ городѣ, къ кому предводитель посылалъ за поваромъ?

— Зачѣмъ же, братъ, предводителю посылать, когда у него своихъ нѣсколько?

— Какіе это повара? Вы думаете, господа, что каждый му-жикъ такъ-вотъ и можетъ быть поваромъ!

— А по-твоему дворянинъ, что ли, долженъ готовить обѣдъ?

— Конечно нѣтъ, но должно имѣть вкусъ...

— Знаешь, братъ, и ты вкусъ въ хорошемъ обѣдѣ, точь въ точь какъ свинья въ апельсинѣ...

— Видите, Ольга Сергѣевна, сказалъ Рябко, обращаясь къ Ольгѣ: что мужъ вашъ не знаетъ обращенія съ порядочными людьми.

Сурминъ побагровѣлъ.

— Что же ты, скотина братъ, вздумалъ умничать, да еще у меня въ домъ? Шутъ ты гороховый! У меня, братъ, не долго! Вонъ отсюда, животное!

Ольга испугалась.

— Успокойся, Петръ Мартыновичъ! Зачѣмъ же обижать Ивана Яковлевича.

— Да я его велю вытолкать! Что онъ умничаешь! Знай сверчокъ свой шестокъ!

— Это меня огорчаетъ, Петръ Мартыновичъ, говорила Ольга.

— Развѣ для тебя, душоночекъ, прощу этому свинтусу, а то было-бы ему плохо...

Иванъ Яковлевичъ растерялся и неговорилъ ни слова.

Послѣ чаю Ольга вышла въ свою комнату и прислала сказать, что она нездорова. Сурминъ встревожился и побѣжалъ къ ней, но горничная доложила что у барыни сильно болитъ голова, и что Ольга Сергѣевна просила, чтобъ ее никто не беспокоилъ.

Грустно возвратился Петръ Мартыновичъ въ гостиную, но Ивана Яковлевича уже небыло.

— Гей! закричалъ Сурминъ, но опомнился и зазвонилъ изо всей силы въ колокольчикъ.

Вошелъ человекъ.

— Тушить здѣсь лампы и давать ужинать! Да гдѣ Иванъ Яковлевичъ?

— Ушли въ свою комнату и велѣли запрятать.

— Сурминъ опрометью бросился въ комнату Рябка.

Облокотясь на столъ, задумчиво сидѣлъ Иванъ Яковлевичъ, а его Семень укладывалъ вещи.

— Ну, не свинтусъ ли ты, братъ, Иванъ Яковлевичъ, сердиться за такіе пустяки? сказалъ Сурминъ, ударивъ Рябка по плечу.

— Говоря откровенно, вы сильно оскорбили меня въ присутствіи Ольги Сергѣевны, и я счелъ за лучшее удалиться.

— Хорошъ, чортъ возьми, пріятель! Да развѣ же я первый разъ грожу тебѣ вытолкать, а развѣ когда нибудь тронулъ я тебя хоть пальцемъ?.. Ну, скажи, братъ, по совѣсти: годится ли оставлять меня, когда жена нездорова и я скучаю.

— Однако, бранить, какъ сапожника...

— Не надо, братъ, зазнаваться слипкомъ! Вѣдь ты хорошо знаешь, что ври сколько угодно, я не сержусь; но указывать мнѣ!.. Сурминъ не Рябка, а Рябка не Сурминъ... И чортъ знаетъ изъ-за чего вышла исторія! Добро бы споръ былъ путный, а то о поварѣ...

— Вольно же вамъ мнѣ не вѣрить!

— Да когда ты врешь, братъ, какъ сивый меринъ. Семень!

а Семень! продолжалъ Сурминъ, обращаясь къ человѣку Рябка: есть у васъ поварь? Говори по-совѣсти. А ты, братъ, Иванъ Яковлевичъ не мѣшайся.

— Есть ли у насъ поварь? спросилъ Семень.

— Ну, да!

— Есть, сказала Семень, укладывая барскій халатъ въ чемоданъ.

— А гдѣ онъ учился?

— Да я его училъ котлеты дѣлать, али битокъ срубить: вѣдь я насмотрѣлся на разныхъ кухняхъ.

— Видишь, братъ, Иванъ Яковлевичъ, а еще и обижаешься! Брось лучше эти затѣи, да пойдемъ, поужинаемъ, а завтра утречкомъ поѣдемъ на утки.

— Вы меня огорчили.

— Эхъ, братъ, не огорчайся! Знаешь вѣдь, что я иногда разгорячусь и погрожу, а послѣ вѣдь опять по старому.

Нѣсколько минутъ еще Иванъ Яковлевичъ игралъ роль оскорбленнаго, потомъ позволилъ уговорить себя и ужиналъ съ особеннымъ аппетитомъ.

Послѣ ужина Сурминъ разговаривалъ съ Рябкомъ въ кабинетѣ.

— А какова женошка, братъ, а?

— Да, прекрасная особа!

— Не привыкла еще, дичится... Ну, да знаешь, братъ, дѣдушка молодая, Петербургская, пока освоится... А я тебѣ скажу—деликатесь!

— Многіе вамъ позавидуютъ.

— А я имъ, братъ, шишь подъ носъ! Я думаю, какъ поѣду въ Петербургъ, то-то любезниковъ явится...

— О, конечно!

— Но вѣдь, братъ, у меня шалишь!. Я люблю ее какъ душу, а начни она амурничать—нѣтъ, братъ, фю! фю!

— Конечно, женѣ нельзя давать воли.

— Ну, въ пустякахъ сколько хочешь, а ужъ въ другомъ чемъ пусть не прогнѣвается.

— Вотъ Кренскаго, кажется, жена совсѣмъ прибрала къ рукамъ.

— Такъ ему и надо! Онъ очень зачванился. Знаешь, полковникъ, братъ, образованъ, такъ нашего брата и въ грошъ не

ставить... А вѣдь убилъ бобра, какъ ты думаешь, братъ, Иванъ Яковлевичъ?

Рябко наклонился къ Петру Мартыновичу.

— Будь между нами сказано, онъ по дружески жаловался мнѣ въ Дубровинцахъ: говорить зло такое, что житья нѣтъ.

— Вона! И ты не лжешь?

— Какъ благородный человекъ! Я, говорить, думалъ, что она добрая и далъ ей полную волю, а она сущая фурия!

— Ха, ха, ха! Я очень радъ!

— А кому должны быть благодарны?

— Ну, конечно, тебѣ, дружище! А какъ ты думаешь, она его этакъ?

И Сурминъ началъ дѣлать рукою жестъ, смыслъ котораго былъ понятенъ Ивану Яковлевичу.

— До этого, я думаю, еще не доходило; но поручиться нельзя за будущее...

— А у меня, братъ, женушка на диво! Ну, признайся, братъ, по совѣсти: видалъ ли ты гдѣ нибудь этакую милашку?

— Какъ не видать!

— Врешь, братъ, дружище закадычный!

— Это, впрочемъ, была извѣстная красавица: исторія моя съ ней надѣлала много шума въ Петербургъ.

— Ахъ, какой же ты, братъ, лгунъ всесвѣтній! Знаешь, мнѣ кажется, ужъ у тебя на языкъ болѣзнь какая-то этакая... Однако пора спать! Смотри же, не дѣлать у меня глупостей, завтра не смѣть ѣхать.

Сигары были докурены, и бесѣдующіе разошлись по своимъ комнатамъ.

XXIV.

Старики Блонскіе уѣхали за границу, и зиму рѣшились провести въ Петербургъ.

Сурмины переехали въ Дубровинцы, купленные и записанные Ольгѣ Петромъ Мартыновичемъ.

Отношенія Ольги и Кренскаго, по-видимому не измѣнились, но тотъ и другая находили удовольствіе въ дружеской бесѣдѣ, и часто гуляли вдвоемъ, если Вѣрѣ мѣшало что нибудь, а Сурминъ выбѣжалъ на охоту.

Петръ Мартыновичъ, однако же съ нѣкоторыхъ поръ началъ подозрительнымъ взоромъ слѣдить жену и Кренскаго, и нѣсколько разъ давалъ послѣднему замѣтить свое неудовольствіе. По врожденной простотѣ или по привычкѣ, онъ сообщилъ свои догадки Ивану Яковлевичу, а услужливый пріятель ту же минуту создалъ цѣлый романъ, которому однако же не вполнѣ довѣрялъ Сурминъ, но удвоилъ осторожность.

Однажды Ольга и Кренскій долго гуляли по саду въ Дубровинцахъ, что очень не нравилось Сурмину; а на другой день Ольга получила записку изъ Благодаровки. На вопросъ Петра Мартыновича Ольга отвѣчала, что Кренскій приглашаетъ ее ѣхать верхомъ. Послѣ обѣда она уронила эту записку, которую Петръ Мартыновичъ осторожно спряталъ въ карманъ. Съ біеніемъ сердца развернулъ онъ записку у себя въ кабинетъ, но увы, она была писана по-французски. Сурминъ ударилъ себя кулакомъ по лбу и закричалъ:

— Гей!

Вошелъ человекъ.

— Сію минуту позвать мнѣ Ивана Яковлевича.

Какъ листъ передъ травой явился Рябко передъ Петромъ Мартыновичемъ.

— Другъ! 100 цѣлковыхъ, если поможешь!

— Все, что прикажете.

— Притвори дверь!

Иванъ Яковлевичъ притворилъ дверь.

— Признайся, только чуръ не врать: ты умѣешь читать по-французски?

— Какъ же, я знаю этотъ языкъ...

— Прочти же мнѣ эту записку.

И Рябко, развернувъ записку Кренскаго, началъ читать по-складамъ:

— Si vous... si vous... Какъ не четко написано!

— Ну, что же это значить: *сиву*?

— Т. е. это значить... *сиву*... Какъ сказать... т. е. это образованные люди всегда пицуютъ въ началѣ письма, оно въ родѣ нашего—милостивая государыня, только съ большимъ почтеніемъ.

— Ну, дальше...

— Дальше: *n'avez... Si vous n'avez...*

— А это что такое за *наве*?

— Знаете ли, Петръ Мартыновичъ, это не хорошо, проговорилъ Рябко и поднялъ палецъ къверху.

— Говори, Бога ради говори! сказалъ Сурминъ, ударяя кулакомъ по столу и едва переводя дыханіе.

— А вотъ позвольте, до конца прочитаю.

И, пользуясь невѣжествомъ Сурмина, Иванъ Яковлевичъ началъ громко читать на какомъ-то импровизированномъ языкѣ, и потомъ бросилъ записку на полъ.

— Ну, нѣтъ, можете быть покойны. Сначала мнѣ показалось что не хорошо, но это просто Кренскій пишетъ, что жена его не много нездорова, что онъ, знаете...

— Послушай! Если ты врешь, ужъ на этотъ разъ извини! Свидѣтелей нѣтъ, ей-ей братъ, задамъ такую баню... Въ это время вошелъ человекъ.

— Барыня спрашиваютъ можно-ли имъ войти?—Петръ Мартынычъ смѣшался.

— Проси! говорилъ онъ и такъ оробѣлъ, что когда вошла Ольга, у него еще записка была въ рукахъ.

Взглянувъ на встревоженные лица мужа и Ивана Яковлевича и увидѣвъ потерянную записку въ рукахъ Сурмина, Ольга сейчасъ же догадалась въ чемъ дѣло, тѣмъ болѣе, что уже замѣтила маленькую ревность мужа.

— Кренскій приглашаетъ ѣхать верхомъ, сказала она обращаясь къ Сурмину: не поведешь-ли и ты со мною?

— Очень радъ...

— А вы, Иванъ Яковлевичъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Что это у тебя въ рукахъ, Петръ Мартыновичъ?

— Это, душечка Оленька, счетъ...

— Но я могу его видѣть?

— Знаешь... это...

— А! вѣроятно какая-нибудь тайна.

— Я нашель ..

— Покажите!

И за нѣсколько минутъ грозный, Сурминъ растерялся какъ школьникъ, и подаль женѣ свернутую записочку.

Ольга развернула ее, расхохоталась и бросила на полъ.

— Это записка Кренскаго! И такъ, господа, вы меня сопрождаете?

Съ этимъ Ольга спокойно вышла изъ кабинета.

— Ну, что, Иванъ Яковлевичъ?

— Я говорилъ, что пустяки.

— Какъ думаешь братъ, если бъ что важнѣе: она бы не бросила?

— Безъ сомнѣня?

— А какая она сегодня душка! Что ни говори, а дуракъ, братъ, я великолѣпный! Какъ ты думаешь, а?

— Конечно!

— И ты, братъ, не лжешь?

— Съ какой же стати?

— Осель, братъ, я что подозрѣвалъ такую мамочку; да и ты, братъ, скоть туда-же! Признайся, что мы олухи! Не попросить ли мнѣ у нее прощенья?

— Не думаю.

— А какъ-же? просто съѣсть на лошадь и ѣхать? Нѣтъ лучше пойду, признаюсь; знаешь посердится не много, а тамъ помиримся.

И Сурминъ подмигнувъ правымъ глазомъ.

— Къ чорту эту записку! продолжалъ онъ, разрывая ее въ мѣлкіе кусочки. Ну, какъ бы Ольга промѣняла меня на Кренскаго! Что онъ? Сухарь этакой, сморчокъ, книжникъ, и кажется даже сочинитель...

— И писать правильно не умѣеть по-французски, замѣтилъ съ важностью Иванъ Яковлевичъ.

— Да умѣешь-ли ты читать-то порядкомъ?

— Смѣшно было бы, служа въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ...

— Полно, братъ, врать, когда-нибудь послѣ кончишь эту исторію. А теперь пойду, признаюсь во всемъ женѣ, и баста!

На зиму Сурмины уѣхали въ Петербургъ.

Послѣ новаго года Кренскій получилъ слѣдующее письмо:

«Благодаря твердости и благородству вашего характера, я имѣю одну отраду: не краснѣя вспоминать минуты, проведенныя съ вами. Да, добрый и великодушный другъ, мы оба виноваты, что раньше не узнали другъ-друга. Мы не могли оставаться вмѣстѣ, мы должны были разлучиться, и я твердо увѣрена, что вы сдержите слово и не будете искать встрѣчи со мною до-тѣхъ-поръ, пока мы оба не позабудемъ (если это можно) нашего пре-

краснаго, но губительнаго чувства. Помните-же, что я зиму въ Петербургъ, а вы лѣтомъ увъязаете изъ Благодаровки куда хотите, но чтобъ между нами всегда было огромное пространство. Если Вѣра захочетъ увидѣться съ нами, вы не должны сопровождать ее... Иначе... Но вы знаете, сколько мукъ, сколько нечеловѣческихъ страданій я принуждена буду перенести при встрѣчѣ съ вами. Прощайте! Не говорю: забудьте, но пожалуйте жертву капризныхъ обстоятельствъ.

Сосѣдка.

СТИХОТВОРЕНІЯ

НИКОЛАЯ ЩЕРВИНЫ.

I.

ЖЕНСКІЯ РЪЧИ.

Говори, ни на мигъ не смолкая,
Безконечно, мой другъ, говори:
Насъ заставитъ молчать, разлучая,
Суета восходящей зари!...

Ужь несётся прохлада съ залива,
Ужь блѣднѣетъ звѣзда за звѣздой,
И росюю покрыта олива —
Мы разстанемся скоро съ тобой!..

И ползуть къ капителямъ туманы,
 Поднимаясь клубами отъ базъ,
 Раскрываютъ свой вѣнчикъ ліаны,
 Дружелюбно привѣтствуя насъ...

Не убѣемъ—же напрасно минуты
 Безъ восторженныхъ мыслей и словъ!
 Не спиши торопливо ко сну ты:
 Ихъ такъ много, обманчивыхъ сновъ!

Мнѣ потребна въ такіа мгновенья
 Та мелодія женскихъ рѣчей,
 Что мнѣ въ душу вливаетъ забвенья
 Всѣхъ печальныхъ, безжизненныхъ дней.

Поняла ты, что я негодую
 Отъ избытка широкой любви
 На неправду и мелочь людскую—
 Примиренье ко мнѣ призови!..

Но остались намъ только мгновенья
 До лучей повседневныхъ зари...
 Изливай мнѣ на раны цѣлѣнье:
 Говори, говори, говори!

О, мой другъ! Такъ любовь угасаетъ,
 Мимолѣтная юности дочь,
 Какъ предъ нами теперь отлетаетъ
 Невозвратно отрадная ночь!

II.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ.

Жарко-блестящее солнце, помедли!.. Зачѣмъ оставляешь
 Эти счастливыя страны, всё ниже и ниже
 По небу нашему ходишь: не такъ, какъ бывало весной,
 Прямо надъ нами горѣло, и долгое утро
 Съ долгимъ сіяющимъ днѣмъ выводило съ собою изъ моря.
 Иль тебѣ милы песчанья степи Ливійцевъ!..
 Будто-бы лучше ихъ мѣдное небо, чѣмъ небо Эллады,
 Гдѣ твои сѣстры-красавицы вѣчно сіяютъ:
 Кассіопея алмазная и Андромеда золотая...
 На небосводѣ ливійскомъ Центавръ или Гидра
 Могутъ-ли встрѣтить тебя, какъ царя подобаешь—съ любовью!
 Не покидай насъ, отрадно свѣтящее солнце!
 Вотъ ужъ и падаютъ желтые листья съ печальныхъ растеній,
 И виноградъ уже блекнетъ, и сокъ свой теряетъ;
 Сыростью въ воздухѣ пахнетъ, и изморозь утромъ на дѣрнѣ;
 Вѣтеръ порывистый съ воемъ тоскливымъ и свистомъ
 Прахъ поднимаетъ клубами, иль съ юга намъ дождь нагоняетъ,
 Иль того хуже, что пасмурно-сѣрымъ и хмурымъ
 Дѣлаетъ наше веселое небо...

О, доброе солнце!

Ты хоть для милой моей погостило-бъ подальше:—
 Скоро полюбятъ дожди, а тамъ прійдутъ за ними морозы,—
 Будетъ бѣдняжка, она въ епанчу шерстяную
 Прятать лицо свое бѣлое, носикъ очертанный стройно,
 Иль одѣвать непрозрачною, грубою тканью
 Полноликійный, но зябкій, трепещущій въ холодѣ, локоть..
 И не увижу я долго всѣхъ прелестей этихъ;
 Негдѣ намъ будетъ, притомъ, и видаться въ такое несчастъ...
 Не покидай насъ, отрадно-свѣтящее солнце!
 Съ нами останься, пока я въ любви ей откроюсь:
 Лѣтомъ еще и въ любви не успѣлъ я открыться!..

III.

БЕЗМОЛВІЕ.

— Я помню часъ восторженныхъ рѣчей,
 Какъ тайны всѣ души тебѣ я открывала,
 Всю страсть любви безвыходной моей,
 И горько плакала, и сладко цѣловала:—
 Скажи, зачѣмъ безмолвенъ и угрюмъ,
 Потупя мутный взоръ, стоялъ ты предо мною,
 И на лицѣ твоёмъ сочувствія и думъ
 Не выражалось той грустною порою?..

— «О, замолчи, не спрашивай зачѣмъ!..
 На многое тебѣ я не далъ-бы отвѣта—

Понявъ меня неполно, не совѣмъ,
 Я вѣрю, истинной ты страстію согрѣта...

И мнѣ въ тотъ мигъ сказалася она!
 Теперь не такъ её прослушалъ-бы я снова:

Тогда-же тѣмъ душа была полна,
 Чему ни звука нѣтъ, ни образа, ни слова»...

—

IV.

ЖЕНЩИНА.

(Идиллія)

о н ѣ.

Тѣни зелёной платана
 Жажду я знойной порою,
 Гдѣ виноградъ и ліана
 Съ нью повисли густою.

Камень лежитъ краснозѣрый,
 Мхомъ онъ обросъ надъ потокомъ:
 Тамъ я встрѣчаюсь съ Неэрой
 Какъ-то всегда ненарокомъ...
 Гдѣ ты, желанная, гдѣ ты?
 Я безъ тебя изнываю!..
 Пѣсни мной всё не дошты—
 Ихъ еще много я знаю...

о н а.

Сердце вѣщуешь мнѣ что-то,
 Бьётся и дышитъ тревожно...
 Въ нёмъ ожиданья забота—
 Сердцу не ждать невозможно!..
 Я начала-бъ съ поцѣлуя...
 Но не прійдѣтъ, не прійдѣтъ онъ!
 Всё-жъ сомнѣваюсь и жду я...
 Слышится шелестъ... Ахъ! вотъ онъ!

о н ъ.

Что-жъ далеки мы признанья,
 Робкимъ смущеньемъ объаты?
 Полюбъ я былъ ожиданья:
 Думаю, тоже ждала ты...

о н а.

Матери ягодъ въ кошицу
 Здѣсь по-пути набрала я,
 Въ поле гоняя ягницу...
 Здѣсь никого не ждала я.

V.

МНОГА.

(Письма Гвевра.)

О, горячее сердце вселенной,
 О, истокъ всеобъятной любви!
 Умоляю душой умиленной,
 Человѣка ты къ ней воззови...

И своей непреложной любовью
 Обличи его, солнце, тогда,
 Что не духомъ онъ любить, а кровью,
 И что онъ не любилъ никогда!..

Но ты, солнце, въ любви неизмѣнно:
 Оттого-то и ясенъ твой свѣтъ,
 Оттого ты въ срединѣ вселенной,
 Оттого тебя славить поэтъ!

И равно согрѣвая лучами
 Облачко и червя, и цвѣты,
 Ты блюдешь будто мать надъ нами,
 И насъ любишь нелюбящихъ ты.

Проникая отъ выси зюира
 И до безднъ преисподнихъ земли,
 Озари ты мнѣ истины міра,
 И мнѣ душу мою просвѣтли!

Для всего твои блага безмѣрны...
 Я молю изъязвленной душой—
 Извлеки изъ души моей терны,
 Дай младенческій сердцу покой!..

Нѣтъ! ко счастью и къ лону покоя,
 И къ всезнанью меня не зови...
 Дай мнѣ лучше благо иное—
 Научи меня только любви!

IV.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ЧУВСТВО.

Посвящ. Кня. Н. Н. В.

Когда баgreць и золото заката
Одѣнуть край вечернихъ облаковъ,
И вѣтерокъ всю свѣжесть аромата
Несётъ ко мнѣ со скошенныхъ луговъ,
Покрыта даль лиловой пеленою,
Рисуется на ней кудрявый лѣсъ,
Рѣка лежитъ серебряной змѣёю,
И Гесперъ льётъ сіяніе съ небесъ,
Какъ объ-руку со мной созданье молодое,
Мелодіей чарующихъ рѣчей
Напомнитъ мнѣ далёкое былое—
Разцвѣтъ любви и юности моей:
Въ тотъ рѣдкій часъ преобразится въ звуки
И сердце, и душа, и даже кровь моя:
Блаженства я тогда не отличу отъ муки,
Покоя отъ борьбы, отъ смерти—бытія...
И, музыкой проникнуть какъ душою,
Смотрю на міръ, и мысль я безъ словъ:
Мнѣ истины его понятны той порою
Подъ образомъ какихъ-то стройныхъ сновъ...
И я люблю, кого люблю не зная,
Хочу, чтобъ всё любило-бы со мной,
Мою любовь и слёзы раздѣляя,
Съ единой жизнію и во плоти одной...
Но наши скудные такъ слабы выраженья:
Не передашь ихъ грубымъ веществомъ
Эйра чувствъ, цвѣтовъ воображенья
И творческую мысль въ разгарѣ молодомъ.

Звучащій рой всеструнныхъ ощущеній
 Неуловимъ; прозраченъ и легкокъ
 Объемлетъ душу мнѣ, и проситъ пѣснопѣнній,
 Всѣ сущее влечетъ въ свой огненный потокъ,
 И мысль ума преобразаетъ въ чувство:—
 Тогда намъ чуждъ художника вѣнецъ....
 Не доросли еще мы до искусства:
 Безсильны стихъ, и краска, и рѣзецъ.

II.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЖИВОПИСЬ

ОТЪ ЕЯ НАЧАЛА ДО ПЫНЪШНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Ничего не осталось намъ отъ живописи древнихъ грековъ, о которой мы знаемъ только по преданію; произведенія погибли; самые приемы отчасти намъ не извѣстны.

Но не смотря на то, что писатели не оставили намъ воспоминанія о созданіяхъ, возбуждавшихъ удивленіе народовъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ заслугахъ новѣйшихъ живописцевъ древней Греціи, при видѣ дошедшихъ къ намъ великолѣпныхъ произведеній искусства пластическаго *.

Всѣ искусства держатся одно за другое. Это не значить, что всѣ они одинаково возвышаются, и что одно не можетъ прийти въ упадокъ въ то время, когда другое достигаетъ совершенства; но что несходство не можетъ быть разительнымъ между искусствами одного рода, подчиненными одинаковымъ условіямъ ученья и свободы въ искусствѣ.

Пусть, опровергая меня, представятъ мнѣ произведенія китайскихъ

* Подъ именемъ *искусствъ пластическихъ* разумѣютъ вааніе и архитектуру; но обычай примѣнять это названіе и къ живописи, хотя оно не можетъ создавать фигуръ осязательныхъ.

художниковъ, какъ доказательство, что несходства могутъ существовать не только между разнородными искусствами, но даже въ одной и той же отрасли его: я замѣчу, что феномень этотъ въ Китаѣ проявился во всѣхъ человѣческихъ знаніяхъ, но что общественная организація этого народа совершенно другая, чѣмъ была у древнихъ грековъ.

Конечно, чрезвычайно удивительно видѣть въ произведеніи—совершенство цвѣтовъ, вѣрность формы, чудную ловкость въ исполненіи и тутъ же рядомъ—страшное невѣжество въ перспективѣ и свѣтотѣни. Конечно, о китайцахъ только можно сказать: «они ничему не учились и ничего не забыли». И теперь дѣлаютъ они то же, что дѣлали ихъ предшественники, съ тою же точностью, тѣмъ же самымъ способомъ, словно природа лишила ихъ наслѣдства необходимой принадлежности чело-вѣчества—стремиться къ усовершенствованію.

Но всѣмъ извѣстно, что результатъ этотъ, неизбежное слѣдствіе оковъ, наложенныхъ общественною организаціею Китая на развитіе индивидуальной свободы въ искусствахъ. Тамъ работа установлена, а чело-вѣкъ не болѣе какъ матеріалъ, изъ котораго общество дѣлаетъ орудіе, не руководясь даже разборчивостью хорошаго ремесленника при выборѣ дерева или листовъ, которые хочетъ онъ употребить въ дѣло. Искусство переходитъ отъ отца къ сыну, и китайцы ваяютъ, строятъ, рисуютъ, кажется, также инстинктивно, какъ оса клеитъ ячейки, паукъ ткеть паутину, и работы предыдущаго поколѣнія ни сколько не служатъ къ пользѣ поколѣнія послѣдующаго.

Въ древней Греціи не только общество не налагало никакихъ цѣпей на развитіе генія, а напротивъ, все способствовало къ его возбужденію и оплодотворенію: прелесть климата, любовь къ отечеству, наконецъ узкость національности до того сосредоточенной, что никакое частное усиліе не могло остаться незамѣченнымъ.

Периклъ не велѣлъ строить себѣ пышныхъ палатъ, но сокровища Афинъ употребилъ на созданіе Одеона и Партеона. Только славою искусствъ онъ покорялъ гражданъ и старался поработить отечество. Фидіасъ и Зевксесъ были въ числѣ могущественнѣйшихъ орудій, употребленныхъ имъ на присвоеніе власти.

Когда, при постройкѣ Партеона, украшаемаго великолѣпными фризами, предъ глазами народа ставили Фидіасова «Юпитера», Праксителиву «Венеру», «Аполлона», «Фауна», и «Ніобу», живопись должна была выдержать съ ними соперничество или погибнуть, а извѣстно, что она не погибла. Впрочемъ не могло быть принадлежностью одного чело-вѣка, или одной отрасли искусства такое превосходное знаніе формы и анатоміи, такой изысканный вкусъ, такое живое чувство,

прекрасное въ полномъ смыслѣ этого слова. Если бѣ намъ осталось хоть одно изъ этихъ дивныхъ произведеній древней Греціи, то было бы достаточнымъ доказательствомъ, что и живопись также какъ и скульптура, стояла на высокой степени во времена Перикла и Праксителя.

Я не говорю здѣсь о средствахъ исполненія, о приемахъ, но о нравственной цѣли художника. Намъ не очень интересно знать приближался ли тогдашній обычай рисовать къ новѣйшему; мы только утверждаемъ, что результаты ни чуть не были ниже самыхъ лучшихъ произведеній времени поздѣйшаго.

Ни мало не желая отнимать заслугу у разысканій, имѣющихъ истинный интересъ, и чрезвычайно полезныхъ для самаго искусства, мы все-таки скажемъ, что они составляютъ принадлежность антикварія. Точно также мало важности для насъ въ опредѣленіи—были ли подобны нашимъ матеріалы и приемы древнихъ, какъ и въ томъ, писали ли древніе свои манускрипты первоначально кисточкою на политурѣ, или на восковыхъ дощечкахъ стилетомъ.

Въ замѣнъ недостатка исчезнувшихъ произведеній, писатели говорятъ намъ, что живопись ни въ чемъ не уступала ваиянію, и довольно многочисленныя подробности заставляютъ насъ вѣрить, что роды живописи, употребляемые у насъ, были извѣстны и древнимъ Грекамъ. Таковы картины религіозныя и живопись историческая, баталическая, портретъ, обманчивая картина, и даже карикатура, вопреки Оливскому закону. Законъ этотъ предписывалъ украшать предметъ, и угрожалъ строгимъ наказаніемъ карикатуристамъ за то, что копируя предметъ, они придавали ему смѣшной или уродливый видъ.

Только пейзажъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, казалось, не былъ знакомъ древнимъ, да и въ новѣйшее время имъ начали заниматься въ XVI столѣтіи.

Извѣстная Фрина, прославившая Праксителя, служа ему натурщицею, которую Пракситель обезсмертилъ, въ свою очередь, гениальными произведеніями, позволила также Апеллесу снять свой портретъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ засталъ ее въ Элевзинѣ, выходящую изъ волнъ морскихъ. Это была Венера анадіоменская «грація лучше самой красоты». Апеллесъ снялъ также портретъ Александра, сдѣлавшагося его другомъ, и въ числѣ прочихъ созданій нарисовалъ знаменитую картину «Клевета», о которой упоминаютъ многіе римскіе писатели, и которую по описаніямъ, хотѣли воспроизвести многіе новѣйшіе живописцы.

У Тиверія была Парразіева картина «Великій жрецъ Сивиллы» которую онъ возилъ съ собою въ путешествіяхъ. Это тотъ самый

Парризіи, нарисовавшей извѣстную обманчивую картину, обманувшую самого Зевкиса.

Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ о картинѣ Зевкиса, изображающей виноградъ съ такою вѣрностью, что птицы, Топферъ полагаетъ, что это были дрозды, обманывались и прилетали клевать его. Художникъ, котораго искренно поздравляли съ такимъ успѣхомъ, отвѣчалъ благоразумно: «Если бъ мнѣ удалось изобразить также искусно мальчика, несущаго корзинку съ плодами, никогда птицы не смѣли бы спускаться на виноградъ».

Преданіе сохранило память о важнѣйшихъ произведеніяхъ этого же художника, каковы: *Ребенокъ Гераклесъ, удушающій двухъ змѣй; Юпитеръ на тронѣ, окруженный всѣми олимпійскими богами, распростершимися передъ нимъ; Пенелопа и ея любовники; Атлетъ* и многія другія.

Это былъ для своего вѣка Микель-Анджелло, котораго онъ имѣлъ достоинства и недостатки, и даже обладалъ гибкостью таланта, которой никогда не зналъ соперникъ Рафаэля.

Если мы снизойдемъ до весьма обыкновеннаго рода живописи, произведенія которой, за неизмѣнимъ опредѣленнаго характера, и собственно потому что не имѣютъ никакого, называются жанрами, мы укажемъ на нихъ. И у древнихъ Грековъ Аристидъ, знаменитѣйшій и много работавшій художникъ, нарисовалъ старика, учащаго ребенка играть на лирѣ. Эсхилонъ изобразилъ старуху, несущую двѣ лампы, дрожащій пламень которыхъ ярко освѣщаль увядшія черты дряхлаго лица ея, въ противоположность прелестной молодой полуодѣтой дѣвушкѣ, здѣсь же находящейся. Тиманеъ нарисовалъ маленькихъ сатировъ, измѣряющихъ большой палецъ Полиеема. Почти эту же самую мысль Альбано воспроизвелъ въ своихъ амурахъ, лежащихъ на львѣ.

Но эти утонченности встрѣчаются уже въ эпоху, когда искусство достигло, а можетъ быть и утратило свое совершенство.

Мы не станемъ болѣе приводить примѣровъ, ихъ было довольно для убѣжденія, что школы греческія не уступаютъ ни въ чемъ итальянскимъ великаго вѣка Медичисовъ, какъ въ отношеніи заслуги, такъ и извѣстности и количества.

Но въ слишкомъ извѣстныхъ анекдотахъ о художникахъ древней Греціи мы встрѣчаемъ гораздо болѣе указаній на ихъ талантъ, и доказательствъ возвышенности мысли, которая не всегда сопровождаетъ совершенство въ матеріальномъ исполненіи. Въ Тиманеѣ, набрасывающемъ покрывало на лице Агомемнона «въ принесеніи въ жертву Ифигеніи»,

мы видимъ черту, показывающую высокое уваженіе, какое имѣлъ онъ къ прорипательности своего общества.

Прекрасное, прекрасное до совершенства, служило цѣлью искусства древнихъ Грековъ. Во времена Перикла понятіе это было слишкомъ возвышенно и обще, чтобъ художники требовали отъ судей холоднаго удовольствія, возникающаго при видѣ схваченнаго сходства, или побѣжденной трудности. Для нихъ въ искусствѣ ничего не было дороже, ничто не казалось имъ благороднѣе, какъ самая цѣль, ими предназначенная.

Доказательствомъ этому служитъ анекдотъ о Тиманѣ. Художниковъ, видящихъ въ искусствѣ только рабское воспроизведеніе природы, не остановили бы судороги неистовой муки, и они не задумались-бы поставить Агомемнона лицомъ къ лицу съ Ифигеніей. Тиманъ на лице отца набрасываетъ покрывало. Это не признакъ художческаго безсилія, но уваженіе къ прекрасному: художникъ подчиняется верховному закону *.

Посмотрите на Лакоона. Здѣсь соединены всѣ мученія: къ агоніи отца, видящаго гибель дѣтей и не могущаго помочь имъ, присоединяются страданія человѣка, терзаемаго змѣями. Здѣсь художникъ не могъ прибѣгнуть къ удовольствію Тиманеа; онъ долженъ былъ встрѣтиться съ этимъ страшнымъ затрудненіемъ, и голова Лакоона, безсмертное изображеніе боли и мученій не обнаруживаетъ ни бѣшенства, ни страшнаго отчаянія, которыя были бы самыми естественными страстями въ подобномъ случаѣ.

Греки не остались вѣрными своимъ началамъ. Искусство у нихъ какъ и у насъ, вскорѣ послѣ достиженія совершенства, пришло въ упадокъ, и въ слѣдствіе этого образовались двѣ системы: одной слѣдовали самые знаменитые художники и искали прекрасное въ идеалѣ; они не ограничивались изображеніемъ частности, но рода, поколѣнія въ типѣ самомъ благородномъ, изящномъ; и у нихъ каждый человѣкъ не способенъ представить человѣка, но только тотъ, который представляетъ самый лучшій образецъ формы человѣческой.

Художники другой системы принимаютъ за равно—хорошее все существующее въ природѣ; они не допускаютъ выбора, и все что заключается въ границахъ искусства, не кажется имъ недостойнымъ искусства; система эта сесредоточивается въ двухъ словахъ: истина и выраженіе. Но истина безъ выбора, грубая, истина дагерротипическая—рабское подражаніе матеріальной природѣ.

Между этими двумя методами заключается все разстояніе, отдѣляю-

* Лессингъ.

щее копію отъ вдохновенія, личное наблюденіе отъ науки, основанной на общихъ фактахъ.

Мы увидимъ системы эти въ постоянномъ противорѣчій, и при сближеніи ихъ съ упадкомъ, постоянно увидимъ какъ живописное выраженіе преобладаетъ надъ прекраснымъ: какъ за Рафаэлемъ слѣдовалъ Караваджіо. Мы увидимъ, что Тениеръ, Рембрандтъ, Дениеръ, безъ сомнѣнія, удивительные по вѣрности подражанія, но обладавшіе вкусомъ тривіальнымъ и часто неблагороднымъ, — въ мнѣніи общества, превосходили прекрасное, идеальное, подобно тому какъ за Тиманомъ, Зевксисомъ, Анпеллесомъ слѣдовали Павзаній, Пирецій, Ктезилокъ.

Послѣдній изобразилъ Юпитера въ ночномъ чепцѣ, страдающимъ отъ родовъ, которому олимпійскія богини помогаютъ произвести на свѣтъ Бахуса. Картина эта имѣла такой большой успѣхъ, что очень часто встрѣчается воспроизведенная въ барельефахъ. Ктезилокъ жилъ около ста лѣтъ послѣ Фидіаса; вы видите въ какомъ состояніи тогда былъ уже упадокъ искусства, и, замѣтимъ мимоходомъ, упадокъ народнаго вѣрованія въ языческія божества.

Когда, послѣ побѣдъ Консула Муммія, разорившаго Коринѣ за 145 лѣтъ до Рождества Христова, Греція сдѣлалась Римскою провинціею, подъ именемъ Ахайи, давно уже въ ней оставались одни лишь славныя, но бесплодныя воспоминанія объ искусствѣ древнихъ Грековъ. Послѣ завоеванія, артисты работали для удовлетворенія первыхъ потребностей жизни; при этомъ управленіи не очень процвѣтала эстетика, о системахъ не было болѣе вопроса, и искусства, по возможности, слѣдовали преданіямъ. Артисты разсѣялись, болѣе знаменитые отправились въ Римъ, и всемірная столица поглотила всѣ славы и всѣ дарованія.

Между искусствомъ древней Греціи и искусствомъ новѣйшихъ временъ замѣчается то существенное различіе, что оба посвящали религіи свое возвышеннѣйшее вдохновеніе. Греческое привязалось къ формѣ и искало идеальной красоты въ человѣческомъ тѣлѣ, а въ новѣйшемъ искусствѣ привязалось къ мысли, къ душѣ, то-есть къ выраженію. Язычникъ, создавшій своихъ боговъ, не видѣлъ въ своихъ божествахъ ничего совершеннѣе красоты тѣлесной. Венера должна была быть типомъ красоты женской, Аполлонъ мужской, Юпитеръ типомъ величія.

Изъ этого слѣдуетъ, что у древнихъ Грековъ искусствомъ по преимуществу была — скульптура, потому-что она не только изображаетъ формы, но создаетъ ихъ, а у христіанъ — живопись, потому что отличительный ея характеръ — выраженіе; вотъ гдѣ ея преимущество.

И это было счастьемъ для новѣйшаго искусства: живопись Грековъ погибла, но нѣкоторыя изъ знаменитѣйшихъ произведеній скульптуры до-

стигли и до нашихъ временъ, и эти-то созданія показали художникамъ эпохи Возрожденія, каково должно быть изученіе человѣческой фигуры. Новѣйшее искусство и достигло совершенства отъ изученія антиковъ, и только посредствомъ него приобрѣло техническія познанія, безъ которыхъ выраженіе не могло быть истиннымъ, гармоническимъ, полнымъ.

Эти антики въ оригиналѣ или въ копіяхъ прибыли въ Италію въ довольно большомъ количествѣ. Когда Римъ покорилъ Грецію, триумфъ завоевателя былъ украшенъ произведеніями Апеллеса, Аристиды, Зевксиса, Праксителя, Скопы; но это не походило на сокровище искусствъ, похищенныхъ въ Италіи, какъ трофеи побѣдъ Бонапарта, а скорѣе на наследство мексиканскихъ кациковъ, отосланное испанцами Фердинанду и Изабеллѣ, какъ предметы любопытства и произведенія промышленности края. Всеѣмъ извѣстна черта консула Муммія, о которомъ мы упоминали недавно, какъ изыскалъ онъ мореходцу, долженствовавшему перевезти въ Римъ художественныя произведенія Греціи, что если онъ потеряетъ хоть одно, то долженъ будетъ замѣнить подобнымъ же произведеніемъ.

Римская образованность не стремилась ни къ одобренію, ни къ уваженію мирныхъ искусствъ; Римъ былъ воинствененъ, какъ Кароленъ былъ торговый, а Греція страна художественная. Однако Римъ не совершенно остался чуждымъ занятія искусствами; во время республики было нѣсколько художниковъ даже между патриціями. Въ числѣ живописцевъ этой эпохи упоминаютъ объ одномъ консулѣ и объ одномъ сенаторѣ, но въ тоже время упоминаютъ о нихъ, какъ о людяхъ, лишенныхъ дворянства: изъ этого очевидно, что на живопись не смотрѣли уже болѣе какъ на искусство свободное, т. е. предоставленное гражданину, свободному человѣку, но что оно низшло до стени цеха. Апеллесъ не былъ бы другомъ Цезаря, какимъ былъ онъ у Александра Великаго.

Однако было бы преувеличеніе сказать, что Римляне рѣшительно пренебрегали искусствомъ, и если изъ среды ихъ не многіе ему предавались, то греческіе художники, изобиловавшіе въ Римѣ, по крайней мѣрѣ пользовались ободреніемъ до конца втораго столѣтія.

Живопись очень упала, но архитектура и ваеніе—создавали еще замѣчательныя произведенія до временъ Антонина. Предмѣстникъ его, императоръ Андрианъ, самъ занимавшійся архитектурой, былъ просвѣщенный покровитель ваенія, и превосходныя статуи любимца его Антиноя — служатъ еще достойнымъ доказательствомъ таланта грече

скихъ художниковъ, находившихся въ Римѣ во время его царствованія *.

Не смотря на нѣкоторыя попытки, въ особенности при Александрѣ Северѣ, для поддержанія упадка искусства, онъ среди смутенія и всеобщаго безпорядка раздиравшихъ имперію, сдѣлалъ быстрые и грустные успѣхи.

Геній наслѣдниковъ Аппеллеса и Зевкенса потухъ вмѣстѣ съ ихъ народностью; изъ ряда художниковъ — они низшли до простыхъ ремесленниковъ. Съ тѣхъ-поръ какъ искусство сдѣлалось ремесломъ, мысль артистическая погасла, остались одни приемы, но не переродятся ли они въ рукахъ неуправляемыхъ геніемъ.

Сокровища художествъ, перевезенныя изъ Греціи въ Римъ, послѣдовали за Константиномъ въ Византію, когда она сдѣлалась столицею имперіи; тамъ часть ихъ была уничтожена иконоборцами, часть варварами, а остатки, бывшіе въ Италіи, подверглись той же самой участи.

И что же осталось отъ столькихъ знаменитыхъ произведеній, о которыхъ упоминаютъ намъ историки? Десятка два статуи, ни одной картины, и нѣсколько архитектурныхъ памятниковъ, до половины лишенныхъ украшеній, почернѣвшихъ отъ бивачныхъ огней, обитыхъ непріятельскими ядрами, приведенныхъ въ развалины, или обезчещенныхъ унижительными передѣлками. Стоитъ ли рыться въ этомъ хаосѣ, гдѣ, перемѣшавшись, валяются останки образованности: постановленія, законы, нравственность, языкъ, науки и искусства, чтобы найти какой-нибудь безобразный и загрязненный остатокъ отъ великолѣпнаго наслѣдства, завѣщаннаго намъ древними Греками.

Мы не станемъ исчислять остатковъ славы такъ страшно уничтожившейся; въ этомъ быстромъ очеркѣ мы хотѣли только напомнить, что искусство у древнихъ было гораздо совершеннѣе и, безъ сомнѣнія, столь же разнообразно, какъ и новѣйшее. Между ними лежитъ огромная пустыня, произведенная истребленіемъ и невѣжествомъ, которые такъ справедливо называются Варваризмомъ.

Можно сказать, что искусство было поглощено варварами. Но только на востокѣ сохранилось нѣсколько памятниковъ древности: на западѣ они были презрительно запущены или истреблены **.

Искусство было забыто, — остались одни приемы. Мозаика, живо-

* Считаютъ, что и Лаокоонъ относится къ временамъ Тиверія; но это еще спорный вопросъ, потому что, говорятъ, Лаокоонъ сдѣланъ изъ Каррарскаго мрамора.

** Самыя лучшія статуи Флорентійскаго музея и Рима были открыты только въ XV и XVI столѣтіяхъ

пись вощаными и водяными красками и миниатюры, украшающія манускрипты, продолжаютъ преданіе объ упавшемъ искусствѣ.

Непроницаемый мракъ этотъ стоялъ съ IX по XII столѣтіе. Но что же такое было общество въ эту эпоху? Отсутствіе безопасности, смѣшеніе поколѣній, раздробленіе имперіи Карловинговъ во свѣтъ просвѣщенія, зажженный Карломаномъ, погасаетъ подъ нашествіемъ сарациновъ, славянъ, угровъ.

Ссоры Имперіи съ папами довершаютъ разрушеніе Италіи. Всякое просвѣщеніе, кажется, гибнетъ среди этого всеобщаго волненія.

Но уже въ XI, а болѣе въ XII вѣкѣ общество стремится къ преобразованію; новыя его постановленія начинаютъ вкореняться; образуются языки, а съ ними вмѣстѣ пробиваются уже первыя попытки народной литературы.

Не все жребіи были равны въ этомъ возрожденіи народовъ: одна только Италія, не смотря на ея гражданскіе раздоры и жестокія войны, кажется еще очагомъ, на которомъ сохранились послѣднія искры европейскаго просвѣщенія, тогда какъ во Франціи, Англии и Италіи, въ концѣ тринадцатаго вѣка усовершенствованіе остановилось, и народъ, казалось, впалъ въ невѣжество.

Разыскивать причины этого превосходства Италіи, значитъ отдаляться отъ нашего предмета, и мы ограничимся только представленіемъ факта. Раздѣленный на большое число владѣній, Италіанскій полуостровъ уже въ XII столѣтіи, подобно полуострову иберійскому представляетъ соперничество между принцами, баронами и гражданами, которое лучше всего подстрекало искусства, науки и литературу. Почти во всехъ резиденціяхъ, соперничествовавшихъ въ великолѣпій, соперничали и талантами, и принцы считали за честь—дружбу съ великимъ поэтомъ, ученымъ, художникомъ. Вездѣ равно принятый талантъ, могъ перемѣнять мѣсто жительства и не имѣлъ надобности перемѣнять отечества, и былъ увѣренъ встрѣтить всегда въ гостепріимныхъ дворцахъ и просвѣщенныхъ судей, и великодушныхъ покровителей.

Первая, изъ изящныхъ искусствъ, воспользовалась этимъ возрожденіемъ архитектура.

Построеніе великолѣпнаго собора сдѣлалось однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ соперничества народовъ, или, лучше сказать, общинъ и городовъ, потому-что чувство народности не распространялось въ эту эпоху далѣе территоріи роднаго города.

И въ то время, когда богатѣйшіе граждане жили въ деревянныхъ домахъ, когда не мощенныя улицы представляли рытвины полныя грязью, а роскошь внутренности домовъ состояла въ подстилкѣ циновокъ болѣе или менѣе изо-

бильной: возвышались величественные соборы, которыхъ не только не превосходили, но съ которыми даже не могли сравниться зданія временъ новѣйшихъ.

Первое народное стремленіе къ архитектурѣ обнаружилось въ Ломбардіи, но Тосканѣ первой принадлежитъ слава образованія знаменитыхъ архитекторовъ и художниковъ, именами которыхъ начинается новѣйшее искусство, тосканцамъ-же принадлежитъ первымъ честь старанія освободить искусство изъ узкихъ и ничтожныхъ колеи; но собственно пизанцы заставили другихъ художниковъ возвратиться къ натурѣ и изучать антики.

Главнѣйшія античныя статуи, украшающія нынѣ значительные музеи, тогда еще не были открыты изъ-подъ развалинъ ихъ погребавшихъ; однако довольно еще оставалось въ обломкахъ барельефовъ, саркофаговъ и даже статуй для художниковъ, желавшихъ съ пользою изучать греческіе антики. Но это и въ мысль имъ не приходило, а искусство до того сдѣлалось рутинной, что никто и не думалъ объ открытіи для него пути усовершенствованія.

Все, что произведено было въ продолженіе этихъ вѣковъ мрака, ограничивалось нѣсколькими грубыми изваяніями, довольно часто еще встрѣчающимися въ верхней Италіи, и въ особенности въ древнемъ Верронскомъ соборѣ, въ церкви, гдѣ погребенъ сынъ Карломана, Пепинъ, король италіанскій (810); въ Моденскомъ соборѣ, въ Венеціи, и пр.

Усовершенствованіе начинаетъ обнаруживаться около XIII вѣка. Въ созданіяхъ ваия и живописи этой эпохи, безъ труда можно замѣтить воспоминанія древности, наблюденіе природы и стремленіе къ выраженію.

Но встрѣчается странное обстоятельство, что искусство не проложило новаго пути при своемъ возрожденіи; оно идетъ по прежнимъ слѣдамъ, подобно человѣку, который, сбившись съ дороги, возвращается на мѣсто первоначальнаго отхода. Византійскій стиль преобладалъ постоянно, эпоха возрожденія,—возвратъ къ лучшимъ византійскимъ преданіямъ. Искусство выродилось; надо было итти къ самому источнику, и когда его достигли, мгновенно открылся новый путь самъ собою.

Но для возвращенія къ этому мѣсту первоначальнаго отхода необходимы были два столѣтія; между-тѣмъ, какъ не болѣе двадцати лѣтъ нужно было для достиженія совершенства. Съ конца XIII и до начала XVI вѣка, отъ Чимабуе до Рафаэля, ограничивается успѣхъ—изученіе стила византійскаго, природы и антиковъ; Перуджино, учитель Рафаэля принадлежитъ еще эпохѣ возрожденія.

МОЗАИКА.

Не столько въ миниатюрахъ, сколько въ мозаикѣ должно искать исторіи живописи отдаленнаго времени. Она посредникъ, соединяющей искусство древнее съ новѣйшимъ, и произведенія ея могутъ чрезвычайно долго сопротивляться времени, чего не представляетъ живопись. Греки занимались ею съ успѣхомъ и преимущественно предъ другими искусствами. Этимъ объясняется отчего, во время совершеннаго упадка искусства, мозаика передала наилучшимъ образомъ преданія живописи; въ то время она не была, подобно теперешней, предметомъ копировщика, но занималась оригинальными произведеніями.

Хотя въ римскихъ катакомбахъ, въ Неаполѣ, Равеннѣ и другихъ мѣстахъ встрѣчаются слѣды живописи, восходящей до четвертаго и пятаго столѣтій; однако ихъ очень немного, да и подлинность ихъ не всегда доказана, такъ, что при цынѣшнемъ состояніи искусствъ, они не могутъ служить основаніемъ для серьезнаго мнѣнія.

У римлянъ употребленіе мозаики распространено было до такой степени, что она сдѣлалась необходимою принадлежностью ихъ жилищъ, служа въ одно и тоже время предметомъ артистической роскоши и домашней опрятности: простаго помоста, или драгоценнымъ украшеніемъ чертоговъ дворца. Открытая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старинная мозаика показываетъ, до какой степени совершенства древніе доводили этотъ родъ живописи. Таковы: мозаическое изображеніе *Геркулеса* въ виллѣ Альбани, *Персей и Андромеда* въ каштольскомъ музеѣ, *Иссійская битва*, отысканная въ развалинахъ Помпеи.

Искусство первой христіанской эпохи, древнѣйшія миниатюрныя и мозаическія произведенія—все въ стилѣ византійскомъ.

Нѣсколько вѣковъ позже, искусство утратило благородное стремленіе къ совершенству. Въ мозаикахъ десятаго и одиннадцатаго столѣтій нѣтъ болѣе ни формы, ни живости; а живопись упала даже ниже произведеній мексиканцевъ и индійцевъ въ ихъ младенчествахъ.

Тогда богатствомъ украшеній стали поддерживать упавшее искусство. Мозаика представила удивительное удобство къ сочетанію золотыхъ дѣлъ мастерства съ живописью; золото и драгоценныя камни легко были приспособлены къ дѣлу, и даже производили эффектъ, нѣкоторымъ образомъ придававшій законность ихъ употребленію, если въ дѣлѣ, въ которомъ видны умъ, мысль,—достоинство не должно заключаться собственно въ одномъ умственномъ, такъ, чтобы матеріальная стоимость сюда и не входила.

Въ Константинополѣ дѣлали мозаики, въ которыхъ, подъ раскрашен-

ния стекла подкладывали золотые или серебряные листья, эмаль, драгоценные камни, и проч.

Въ этомъ родѣ знаменитая *Paladògo* въ Санъ-Марко въ Венеціи—представляетъ образцовое произведеніе, котораго по великолѣпной эффектности не превосходитъ ничто, но, которое, съ артистической точки зрѣнія, не болѣе какъ любопытно.

Римъ обладаетъ мозаиками, представляющими непосредственную связь съ четвертаго до двѣнадцатаго вѣка. Древнѣйшія въ *Santa-Maria Maggiore*. *Осада Иерихона*, молосердіе Исава. Въ церкви св. Петра произведеніе седьмого и осьмаго вѣковъ: *святой Себастьянъ*, *Рождество*, *Преображеніе*. Въ церкви св. Іоанна Латранскаго, знаменитое мозаическое изображеніе въ трапезѣ принадлежитъ девятому столѣтію: его заказалъ папа Левъ Святой.

Венеція настоящій музей мозаики. Древнѣйшія изъ работъ относятся къ десятому вѣку: это произведенія византійскихъ художниковъ.

Двѣ большія мозаики въ старинной церкви св. Амвросія въ Миланѣ, изъ которыхъ одна изображаетъ св. Амвросія, относятся къ одиннадцатому вѣку, и также дѣланы византійскими художниками. Въ знаменитой Палермской церкви Монреаль, воздвигнутой Вильгельмомъ Добрымъ Нормандскимъ,—тоже греческіе художники дѣлали мозаику.

Кажется довольно примѣровъ для возстановленія непрерывной связи созданій этого рода, и показанія, какое значительное участіе принимали иногда греки въ италіанскихъ изящныхъ искусствахъ.

Въ этомъ отношеніи, церковь св. Марка, въ Венеціи, служитъ самымъ интереснымъ памятникомъ для исторіи живописи тѣхъ отдаленныхъ временъ, потому-что она заключаетъ коллекціи работъ, идущихъ въ непрерывномъ послѣдовательномъ порядкѣ почти до нашего времени. Отсюда-то мы возьмемъ нѣсколько примѣровъ, для дополненія важности предмета, по мѣсту, занимаемому ею въ исторіи Возрожденія. Мозаика унизилась до уровня ремесла; но въ эпоху, о которой упомянемъ, ею занимались самые знаменитые артисты.

Въ 1204 году, крестоносцы, по пути зашли въ Константинополь, и взяли его. Вождемъ этого отряда былъ слѣпой, болѣе чѣмъ осьмидесятилѣтній Генрихъ Дандоло, Дождь Венеціанскій. Въ церкви св. Марка, въ присутствіи народа, собравшагося внимать Вилль-Гордуину, маршалу Шампани и другимъ французскимъ владѣльцамъ, пришедшимъ искать помощи Венеціи,—этотъ старикъ Дандоло взялъ крестъ, и примѣромъ своимъ увлекъ собраніе присоединиться къ крестоносцамъ.

Подобная великая услуга достойна была и великой награды: Венеціане получили превосходную часть изъ константинопольской добычи.

Толпа византийских художников и предметы искусства были перевезены в Венецию * и распространились по Италии. Очень легко узнать влияние этого нового вторжения византийской школы.

На сводах и возвышенной части церкви св. Марка, мозаика, на золотом поле, принадлежит одиннадцатому или двенадцатому веку, мозаика под портиками и в предверии, относящаяся к тринадцатому столетию, показывает очевидные признаки прогресса, как по живости лиц, так и по известному сходству с античными формами. Искусство вступило на новый путь; правда, первые шаги его слабы и неопределенны; но во всяком случае видно движение идти вперед.

В этой отрасли искусства обозначены первые попытки возрождения, именем одного пизанца. Мино де Туррита, род. в 1235 году, во Флоренции, сделал мозаику, в которой, первый раз, находят признаки современного стиля. В 1298 г. Джотто сделал свою знаменитую раковину, *Navicella*. **

Эта мозаика представляет барку св. Петра; судно, на котором находятся ученики, выдерживает бурю; ветры олицетворены фигурами. На небе изображены патриархи, ободряющие апостолов; на правой стороне изображения, Спаситель поддерживает Петра ходящего по волнам; с другой стороны рыбак спокойно смотрит на это событие.

Искусство освободилось из-под ига преданий. Прежде Джотто однакож, заслугу эту имел учитель его Чимабуе.

Назвав два великих имени в истории живописи, мы почти касаемся новейшего искусства мозаики; но прежде чем начнем рассказывать об этих двух художниках, заслуживших справедливую славу, окончим несколькими словами то, что еще остается сказать о мозаике, чтоб не заниматься ею болѣе.

Всегда венецианский сенат прилагал чрезвычайное старание об украшении собора Санта-Марко; храм этот служил хранилищем трофеев Венеции, подобно как капитолій был хранилищем привозимых доспехов римскими полководцами, доспехов, отбитых у неприятельских военачальников. Произведения греческих художников имели нужду в реставрации; вкус болѣе образованный требовал, чтоб работы эти были замѣнены другими, болѣе соответствовав-

* В это время венециане сделались обладателями четырех бронзовых коней, привезенных римлянами из Греции, вероятно из Коринфа. Эти лошади следовали за Константином из Рима в Византию, где венециане его нашли; Наполеон перевез их в Париж, и, в 1815 году они снова возвратились на прежнее место к подножию большого купола, церкви св. Марка.

** В Риме под портиком св. Петра, по случаю многочисленных реставраций, почти ничего не остается от произведений Джотто.

шими успѣху искусства. По этому почти никогда не переставали дѣлать мозаику въ Санъ-Марко.

Когда, въ XVI столѣтїи, *золотомъ вѣкъ*, какъ называютъ его италіянцы, говоря о блескѣ изящныхъ искусствъ въ ихъ отечествѣ, венеціанская школа сверкала всеѣмъ свѣтомъ талантовъ Тиціана, Тинторета и Павла Веронеза, сенатъ рѣшилъ, чтобъ мозаическія работы продолжались, не смотря на множество уже оконченныхъ. Рицо и Виченцо Біанкини первые преобразовали искусство въ этомъ новомъ предпріятїи; этому послѣднему одолжены мы знаменитымъ *Судомъ Соломона*, находящимся подъ портикомъ храма.

Этихъ художниковъ превзошли два брата Франческо и Валеріо Цуккато, изъ Тревизо, или скорѣе швейцарцы по происхожденію, потому, что семейство ихъ было изъ Вальтелины. Отецъ ихъ Себастіанъ Цуккато, давалъ первые уроки живописи Тиціану, когда этотъ былъ еще ребенкомъ. Тиціанъ съ избыткомъ возвратилъ дѣтямъ услугу отца. Тиціанъ и Тинторетъ снабдили братьевъ Цуккато картонами, съ которыхъ послѣдніе и исполняли свои мозаики; совмѣстничество такихъ великихъ артистовъ говоритъ ужь достаточно на какую высокую степень поднялась эта отрасль изящныхъ искусствъ.

Но странное противорѣчіе! Чѣмъ болѣе возвысилось искусство, тѣмъ ниже сталъ мозаистъ. Не оттого ли это, что медленность и самая натура работы, имѣющая предметомъ болѣе матеріалъ, чѣмъ искусство, противится вдохновенію, безъ котораго однакожъ не могло бы существовать искусство. Слыхали-ль когда о художникѣ, между работниками Гобеленовскихъ ковровъ, хотя они изумительно подражаютъ даже до обмана, превосходнымъ маслянымъ картинамъ. И все-таки эти работники, при всемъ изумительномъ умѣнїи копировать, остаются неболѣе какъ обыкновенными работниками, часто непонимающими даже азбуки искусства.

Въ то время, когда живопись была еще въ младенческомъ состоянїи, мозаисты считались наравнѣ съ живописцами; но какъ скоро приемы живописи усовершенствовались до такой степени, что художникъ могъ быстро, сильно и вѣрно выразить свою мысль, ни одинъ изъ талантливыхъ живописцевъ не хотѣлъ уже болѣе принуждать себя къ работѣ медленной и механической, убивающей вдохновеніе.

Братья Біанкини, соперничествовавшіе талантомъ съ братьями Цуккато, были только копировщики. Въ одномъ небольшомъ романѣ Жоржъ Зандъ рассказываетъ о томъ какъ они преслѣдовали братьевъ Цуккато; это происшествіе, истинное хотя оно немного драматизировано и украшено по образцу парижскихъ фельетоновъ.

Послѣ этихъ художниковъ, работы въ церкви св. Марка были всег-

да продолжаемы под руководствомъ наиболѣ знаменитыхъ венеціанскихъ живописцевъ.

Искусство это достигло высшей степени своего совершенства около половины XVIII столѣтія; предпріятіе истинно величественное было его окончаніемъ.

Сырость обширнаго храма св. Петра въ Римѣ угрожала быстрой порчю знаменитымъ произведеніямъ, писаннымъ масляными красками, украшавшимъ эту великолѣпную церковь; во время владычества Папы Урбана VIII (1623—1644), большаго покровителя искусствъ, поняли, что оригиналы можно замѣнить мозаическими копіями. Запрестольный образъ св. *Михаила* исполненъ такимъ способомъ Каланджіо де Верчелло. Паоло Христорфи скапировалъ св. *Петронию* Гверчино, св. *Иеремію* Доминикино и Крещеніе I. X. Карла Маратте.

Намъ кажется, что не будутъ здѣсь неумѣстными нѣсколько словъ о мозаикѣ съ матеріальной точки зрѣнія на искусство.

Какъ бы ни была дѣлаема мозаика на отдѣльномъ ли предметѣ, или на неподвижной части зданія, надо чтобъ она укрѣплялась на поверхности прочной, покрытой мастикой, которая засыхая, окрѣпала бы какъ камень, въ которую художникъ втыкаетъ кусочки камней или цвѣтныхъ стеколъ, соединеніемъ своимъ образующихъ живопись, подобно штрихамъ кисти.

Считаютъ около восемнадцати тысячъ оттѣнковъ, необходимыхъ для воспроизведенія всѣхъ красокъ; это число дѣлаетъ чрезвычайно дорогою мозаику изъ натуральныхъ камней. Во избѣжаніе этого неудобства, изобрѣли стеклянную эмаль, темную или прозрачную, смотря по надобности. Работникъ обрѣзываетъ камень, или съ помощью свѣчи и паяльной трубки облѣпываетъ стекло, сообразно съ формой, извѣстно, какія долженъ имѣть въ картинѣ этотъ кусочекъ. Косочки эти имѣютъ необходимую длину, для того чтобъ можно было втыкать ихъ въ мастику, а длина ихъ, равно какъ и толщина измѣняются, смотря по размѣру картины: на примѣръ, въ большихъ мозаикахъ, украшающихъ храмъ св. Петра въ Римѣ, кусочки имѣютъ въ отескѣ, среднимъ числомъ двѣ и даже три линіи, при длинѣ болѣе значительной.

Воткнувъ стеклянные или каменные кусочки, поверхность ихъ полируютъ наждакомъ, и послѣдній лоскъ наводятъ свинцовыми листами. Работа эта однако жъ не безъ опасности, потому что свинецъ, окисляя нѣкоторыя краски, легко можетъ уничтожить поверхность мозаического изображенія.

Казалось бы, что въ этомъ случаѣ легко пособить горю, натеревъ мозаику снова наждакомъ, и такимъ образомъ дойти до нижняго слоя; но на дѣлѣ выходитъ иначе. Маляръ обдѣлываетъ тщательно только верхнія части кусочковъ, такъ что если срѣзать мозаику горизонтально, то внутренность ея не будетъ представлять тѣснаго сочетанія всѣхъ цвѣтовъ, которые представляетъ она на сильно сжатой поверхности.

Если смотрѣть вблизи на большія мозаическія изображенія, они не подражаютъ живописи такъ-какъ гобеленовскіе ковры; шерсть имѣетъ то чрезвычайное преимущество предъ неподвижнымъ тѣломъ, что легкой пухъ, отъ котораго она не можетъ быть очищена совершенно, способствуетъ ей сливать тѣнь одну съ другою, и придаетъ ей такое сходство съ красками картины, что въ нѣсколькихъ шагахъ легко ошибиться. Этого не случается съ мозаикой.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Мозаика до того тѣсно связана съ живописью, что разсужденія о состояніи искусствъ, внушенныя первою, примѣняются точно такъ же и къ послѣдней. Намъ остается только сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ начнемъ говорить о первыхъ художникахъ эпохи Возрожденія.

Прежде Чимабуе, родившагося въ 1240 и умершаго въ 1300 году, нельзя наименовать никого кромѣ Джіунта изъ Пизы, и Моргоритіоне, который первый началъ писать на полотнѣ не масляными красками, — этотъ способъ не былъ еще изобрѣтенъ — но водяными и воцаными. Наклеивъ на доскѣ полотно, онъ покрывалъ его слоемъ гипса, почти также какъ теперь приготавливаютъ холстъ для живописи масляными красками, исключая того что доски, оказавшіяся бесполезными, замѣняются рамкой.

Много было школъ живописи, но легко понять какъ мало тогдашнія школы соответствовали теперешней о нихъ идеѣ. Въ нихъ преподавались правила живописи, а въ особенности завѣщанные преданіемъ тицы, что въ эту эпоху было столько-же важно, какъ въ XVI вѣкѣ схоластика Аристотеля. Одна только Флорентинская школа начинала прилѣпляться къ формѣ; нечувствительно и почти безсознательно вступила она на путь, долженствовавшій открыть поприще Леонарду да Винчи, Микель-Анджелу и Рафаэлю.

НИКОЛАЙ ИЗЪ ПИЗЫ. ЧИМАБУЕ. ДЖІОТТО.

Возвратимся къ первымъ временамъ Возрожденія.

Николай изъ Пизы (умершій въ 1270) былъ первый художникъ,

выступившей на новый путь; имя его заслуживает мѣсто въ нашихъ запискахъ.

Было въ Пизѣ нѣсколько древнихъ барельефовъ, видимыхъ и доселѣ; одинъ изъ нихъ служить саркофагомъ матери знаменитой графини Матильды, подарившей папскому престолу область, именуемую съ тѣхъ-поръ наслѣдствомъ св. Петра*. Мраморъ этотъ изображаетъ охоту Ипполита или Мелеагра, встрѣчающуюся на древнихъ памятникахъ такъ часто, что предметъ этотъ можно считать воспроизведеніемъ какого-нибудь знаменитаго созданія античной Греціи.

Изучивъ эти фигуры, Николай пизанскій усвоилъ себѣ стиль, далеко превышавшій стиль современниковъ, какъ по красотѣ формъ, такъ и по изящной простотѣ драпировки. Онъ изваялъ знаменитую мраморную кафедру въ пизанскомъ аббатствѣ и барельефы гробницы св. Доминика въ Болоньѣ.

Архитектурныя его произведенія еще замѣчательнѣе. Микель-Анджело Буонаротти, во время апогея своего таланта, не переставалъ удивляться церкви св. Троицы во Флоренціи, триста лѣтъ назадъ выстроенной Николаемъ. Послѣдній также возвелъ въ Падуѣ великолѣпную церковь Санто-Антоніо, а въ своемъ родномъ городѣ колокольню Августиновъ, вѣроятно послужившую образцомъ Браманту, двѣсти пятьдесятъ лѣтъ спустя, для знаменитой лѣстницы Бельведера, въ Римѣ.

Приведа первое имя, мы уже видимъ фактъ, рѣзко выдающійся и столько удивительный въ исторіи Возрожденія:—чуждую готовность художниковъ этой эпохи приступить съ практической точки зрѣнія ко всемъ отраслямъ изящныхъ искусствъ, и съ такимъ успѣхомъ, что трудно отдать преимущество одной отрасли передъ другою.

Произведенія Николая были многочисленны и распространены въ различныхъ мѣстахъ Италіи; они вызывали художниковъ на новыя идеи, создавали новыя теоріи. Казалось, этого только сѣмени ожидала почва, для произведенія обильной жатвы. Жанъ пизанскій, сынъ Николая, слѣдовалъ по стопамъ отца; Андрей, также пизанецъ, его воспитанникъ, былъ основателемъ Флорентинской школы, откуда вышли Донателли, Брунелески и Гиберти, предшественники Леонардо да-Винчи и Микель-Анджелла Буонаротти.

Пиза была колыбелью Возрожденія для изящныхъ искусствъ; мы уже видѣли, что пизанецъ и современникъ Николая, Мино де-Туррита,

* Матильда родилась въ 1046 году. Отецъ ея былъ маркизъ тосканскій и оставилъ ей въ наслѣдство Тоскану, Лукку, Модену, Реджіо, Мантую, Феррару и, можетъ быть, также Парму и Пиаченцу. У нее-то, въ замкѣ Каносса, возлѣ Реджіо скрывался папа Григорій VII, во время низложенія императора Генриха IV.

какъ мозаистъ, былъ преобразователемъ живописи; скоро увидимъ какое огромное и благотворное вліяніе произвели на искусства обширныя фрески, украшавшія, спустя два вѣка, Кампо-Санто въ Пизѣ.

Чимабуе (1240—1300) воспитанникъ Грековъ, котораго Флорентинскій сенатъ призвалъ для управленія школою живописи. Все писатели согласно отдають похвалу его произведеніямъ, которыя, въ самомъ дѣлѣ, несравненно выше всего, что было нарисовано до-тѣхъ-поръ отъ начала христіанства; въ сочиненіи группъ его видно больше искусства, въ фигурахъ больше жизни, натуры, въ драпировкѣ больше движенія и граціи. Между нимъ и его современниками, и конечно уже предшественниками, разстояніе неизмѣримо значительнѣе того, какое видимъ между нимъ и великими художниками XV вѣка.

Однако же не должно увлекаться: качества его только относительныя. Несовершенство искусства было таково, что самъ Чимабуе, для поддержанія слабости выраженія и рисунка, надписывалъ слова, какъ-бы выходящія изъ устъ его фигуръ—обыкновеніе долго еще и послѣ него употреблявшееся.

Джіотто (1270—1336). Уже въ полнотѣ развитія своего таланта, однажды Чимабуе прогуливался въ окрестностяхъ Флоренціи; выйдя на опушку лѣса, въ уединенномъ мѣстѣ, онъ увидѣлъ пастуха, полунагаго мальчика, который посохомъ на песокъ старался начертить портретъ одной изъ овецекъ. Скульпторъ Шапоньеръ избралъ это предметомъ для своей граціозной статуэтки, извѣстной всему свѣту.

Ребенокъ этотъ былъ Джіотто. Удивленный способностями мальчика, Чимабуе просилъ отца Джіотто ввѣрить ему сына для образованія изъ него художника. Успѣхи ребенка отвѣчали возбужденнымъ имъ ожиданіямъ.

Въ Ассизѣ существуетъ самый интересный въ исторіи живописи и архитектуры памятникъ XIII вѣка, храмъ св. Франциска, готтическаго стиля, начатый около половины и оконченный въ концѣ столѣтія. Въ немъ двѣ церкви, одна подъ землей, другая съ наружи: въ первой фреска работы Джіотто, въ послѣдней Чимабуе. Картины эти были окончены менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ, а между тѣмъ на нихъ замѣтна послѣдовательность прогресса—новѣйшаго искусства.

Тѣсная связь Джіотта съ Дантомъ, род. въ 1265 и умер. въ 1331, объясняетъ аллегорическій характеръ его живописи. Вымыслы поэта, который беретъ *Виргилія* проводникомъ въ адъ и чистилище, и всеобщій энтузіазмъ, вызванный въ Италіи этими вымыслами, доказываютъ съ какимъ жаромъ духъ народный увлекался фантазіей, мимо духовныхъ легендъ, которыя исключительно вдохновляли живописцевъ. Поэтическій вы-

мысль овладѣлъ художествами, точно также какъ и словесностью, и хотя этотъ переворотъ не былъ дѣломъ чловѣка, а потребностью времени, однако Джіотто заслуживаетъ похвалы и великъ тѣмъ, что первый выразилъ это извращеніе. Всегда въ умственномъ движеніи эпохи должно искать причинъ великихъ переменъ въ художествахъ и литературѣ, что мы расположены приписывать преимущественно художнику или писателю, высказавшимъ подобное движеніе.

Изъ художниковъ эпохи Возрожденія Джіотто первый вновь началъ писать портреты. Это значить, онъ долженъ былъ изыскивать все пособія, о которыхъ художники до-тѣхъ-поръ мало заботились, то-есть свѣто-тѣнь, ракурсы, истинный колоритъ, однимъ словомъ жизнь, натуру. Джіотто завѣщалъ потомству настоящія черты Данта и Брунетто Лозини; но въ этомъ родѣ болѣе интересныя произведенія его въ Неаполѣ. Картина его «Свадьба», если вѣрить путеводителю по Неаполю, и художникамъ, копировавшимъ ее, изображаетъ трагической памяти королеву Жанну Неаполитанскую и втораго мужа ея Людовика Торентскаго; одно обстоятельство противорѣчитъ этой легендѣ, именно—смерть Джіотто, умершаго за десять лѣтъ до совершенія этого брака. Какъ бы то ни было, а головы превосходны, особенно въ группѣ женщинъ, стоящихъ позади принцессы; кавалеры и музыканты дополняютъ эту композицію.

Николай Пизанскій, умершій въ томъ самомъ году, когда родился Джіотто, былъ скульпторъ и архитекторъ; Чимабуе архитекторъ и живописецъ: Джіотто соединяетъ все три таланта. Удивительная колокольная собора во Флоренціи, его произведеніе; барельефы и статуи, украшающія это зданіе, такъ же имъ проэктированы.

Маленькій пастухъ, котораго Чимабуе ввелъ за руку въ храмъ искусства, сдѣлался замѣчательнымъ чловѣкомъ, о дружбѣ котораго спорили папы и принцы. Бонифацій VIII пригласилъ его въ Римъ, Климентъ V призвалъ въ Авиניонъ, Робертъ Неаполитанскій принялъ его на службу, великій Сапа della Scala (Scaligiero) хотѣлъ удержать его въ Веронѣ; однимъ словомъ почти не было въ Италиі и Франціи современной знаменитости, которая не была бы въ сношеніяхъ съ Джіотто. Онъ умеръ въ 1336.

Для живописи Джіотто былъ тоже, что для итальянской литературы Боккаччіо; одинъ умѣлъ укладывать свою гибкую прозу въ какую угодно форму, другой далъ живописи языкъ, способный для выраженія каждаго предмета.

КАМПО-САНТО ПИЗАНСКИЙ.

Въ Пизѣ между соборомъ и крестильней находится старинное кладбище чѣтыреста футовъ длины и сто двадцать пять ширины, окруженное высокими стѣнами и украшенное по всему протяженію внутри, галлерей, въ которой собраны драгоцѣнные остатки античнаго искусства. Говорятъ, что земля, наполняющая этотъ параллелограмъ, была привезена пизанцами изъ Иерусалима, въ угожденіе тѣмъ изъ соотечественниковъ, которые желали быть похороненными въ Святой Землѣ, не отправляясь въ Палестину.

Три часовни, изъ которыхъ одна довольно замѣчательна, дополняютъ этотъ памятникъ, интереснѣйшій изъ средневѣковыхъ памятниковъ и богатѣйшихъ по занимательнымъ воспоминаніямъ. Его строилъ Иванъ Пизанскій и окончилъ въ 1283. Джіотто былъ тогда маленькимъ пастиухомъ, котораго мы видѣли рисующимъ стадо, которое онъ пасъ въ то время.

Искусный и знаменитый Джіотто украсилъ стѣны Кампо-Санто своими фресками. Событія, заимствованныя изъ книги Юва, его произведенія, но, по несчастью, живопись эту почти уничтожили время, сырость, а болѣе всего реставраціи.

Фрески Санто-Кампо — это самая полная, какая только существуетъ школа живописи эпохи возрожденія, а еще болѣе олицетворенія идей, господствовавшихъ въ тогдашнемъ обществѣ: ужасы ада, приближеніе смерти, судный день, наслажденія рая. Отъ страшнаго политическаго потрясенія въ Европѣ была неувѣренность въ сохраненіи состояній и даже самой жизни, и наконецъ свирѣпетовали бичи уничтожавшіе народонаселеніе *.

Слѣды этого ужаса встрѣчаются вездѣ, какъ въ изображеніяхъ нами поименованныхъ, такъ и въ многочисленныхъ картинахъ, на которыхъ изображена Пресвятая Дѣва, покрывающая своею ризой колѣнопреклоненную толпу, составленную изъ всѣхъ сословій отъ папы до послѣдняго церковнослужителя, отъ императора до раба.

Очень часто встрѣтите также между осужденными изображенія монаховъ, епископовъ, кардиналовъ и папъ. По неимѣнію типографій, еще тогда не существовавшихъ, живопись воспроизводила это общественное

* Въ одиннадцатомъ вѣкѣ, чума (подъ этимъ названіемъ должно разумѣть всѣ значительныя повальныя болѣзни) появлялась въ Италіи шесть разъ, всегда предшествуемая или послѣдуемая голодомъ. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи чума свирѣпетовала въ продолженіе 25 лѣтъ; въ тринадцатомъ крестоносцы разнесли ее по всей Европѣ; въ четырнадцатомъ съ 1347 по 1350, была черная немочь, которая, судя по извѣстіямъ писателей, очень много сходствуетъ съ холерой.

мнѣніе, хотя и неимѣвшее еще названія, но тѣмъ не менѣе долговѣчное, и котораго популярнымъ и краснорѣчивымъ органомъ былъ въ Италіи Арнольдъ Бресчанскій съ 1100 по 1155.

Эффекту, произведенному еще до жизни, Данте менѣе былъ обязанъ своимъ литературнымъ заслугамъ, которыхъ не многіе оцѣнить были въ состояніи, чѣмъ популярности изображеній, начертанныхъ имъ съ такою энергіей.

Эти же самыя изображенія встрѣчаются на стѣнахъ Кампо-Санто въ Пизѣ. Они составляютъ то, что называется цикломъ, т. е. рядъ предметовъ, изъ которыхъ сочиняется полное цѣлое. Мы увидимъ позже, что фрески Микель-Анджелло въ Сикстинской часовнѣ, станцы и ложи Рафаэля въ Ватиканѣ были причисляемы къ этой системѣ, вообще принятой въ среднихъ вѣкахъ, и неизвѣстной въ настоящее время, потому-что искусство не исполняетъ болѣе столь огромныхъ предпріятій, такъ тѣсно связанныхъ съ народными вѣрованіями и столь же значительныхъ по мысли ими представляемой, какъ по колоссальнымъ размѣрамъ. Какая въ наше время владѣтельная особа, какая нація рѣшится предпринять работы, подобныя исполненнымъ при папахъ Юліи II и Льва X, и прежде этихъ папъ купцами, каковы: Медичи, или небольшою Пизанскою Республикой.

Знаменитыя работы въ Кампо-Санто были исполнены подъ руководствомъ Джіотто соединенными силами Гоццоли, Буффальмико, Симона Мели, обоихъ Органья, Андрея и Бернарда, и еще одного или двухъ живописцевъ менѣе знаменитыхъ.

Пляска мертвыхъ, * открываетъ рядъ фресковъ, писанныхъ обоими Органья. Собраніе богачей и счастливицевъ предается удовольствіямъ, но смерть приближается большими шагами и косить сильныхъ земли, и молодость, и красоту, пренебрегая только несчастливцами, которые ее призываютъ; ангелы и демоны спорятъ о душахъ... Далѣе, въ лѣсу охотятся три короля (маги) и приходятъ къ тремъ раскрытымъ могиламъ, заключающимъ въ себѣ три трупа въ различной степени тлѣнія. Торжественный призывъ къ покаянію въ грѣхахъ!

Судный день и *Адъ* слѣдуютъ послѣ.

Гольбейнъ рисовалъ этотъ же самый сюжетъ въ Базельской Ратушѣ; оригиналы въ Петербургѣ; они представляютъ послѣдовательность эпизодовъ, образующихъ скорѣе процессію, чѣмъ картину. Ошибочно приписывали Гольбейну рисунки Базельскаго кладбища, произведенные въ 1543: одинаковость предметовъ была этому причиною. Пляска мертвыхъ называется Макабрскою пляскою, по имени нѣмецкаго поэта, Макабера, сочинившаго на этотъ сюжетъ поэму популярную въ свое время, но теперь совершенно забытую.

Въ *Судномъ днѣ* является таже мысль, которую Микель-Анджелло изобразилъ на своей огромной фрескѣ въ часовнѣ Сикстинской.

Что касается до задуманности сюжета, эти два изображенія сходятся во многихъ отношеніяхъ; но исполненіе различно. Недолжно искать у художниковъ XIV вѣка, не говоря, познанія анатоміи, какое видимъ въ созданіяхъ Микель-Анджелло, это извѣстно, но даже посредственности рисунка и расположенія фигуръ, безъ чего ужъ необходимо даже обыкновенный современный художникъ. У Гоццолі, Буффельмокко и Органья выраженіе очень часто удивительно; есть фигуры на ихъ фрескахъ, которыхъ не превосходилъ никто; въ этихъ сочиненіяхъ видна энергія и наивность богатой, но первобытной натуры; мысль серьезна, обильна, оригинальна, но выражена невѣрно, а иногда слишкомъ даже дѣтски.

На другой фрескѣ Б. Органья изобразилъ рай, дополняя такимъ образомъ четыре цѣли человѣчества: жизнь, смерть, судъ, награду или наказаніе.

Оба Органья, которые были моложе Данта даже лишь нѣсколькими годами, были призваны рисовать въ Кампо-Санто въ то время, когда божественная комедія Данта приобрѣла всеобщую популярность; слѣдовательно ничего нѣтъ естественнѣе какъ очевидное соотношеніе поэмы съ фресками Кампо-Санто. Нельзя этого сказать о другихъ изображеніяхъ ада, находящихся въ Фриулѣ въ аббатствѣ Семо, нарисованныхъ въ кругахъ, поставленныхъ одинъ на другомъ: мысль таже что и въ поэмѣ, а картины рисованы сотнею лѣтъ прежде.

Доказательствомъ огромнаго прогресса въ искусствѣ, подъ вліяніемъ Джіотто, служитъ предпріятіе подобныхъ предметовъ и величественное ихъ исполненіе, хотя и не весьма совершенное.

Андрей Органья былъ также архитекторомъ и скульпторомъ, а учился у Андрея Пизанскаго, который былъ самъ ученикомъ Жана Пизанскаго, сына Николая. Подобное происхожденіе припоминаютъ съ удовольствіемъ, потому-что это титул на дворянство артистовъ. Андрей Органья первый замѣнилъ круглыми сводами своды стрѣльчатые готическаго стиля. Loggia dei Lanzi во Флоренціи, можетъ-быть, великолѣпнѣйшій портикъ въ мірѣ, созданный по плану Органья, обозначаетъ этотъ новый стиль, который произвелъ рѣшительное преобразованіе въ архитектурѣ.

ТОВАРИЩЕСТВА ЖИВОПИСЦЕВЪ.

Искусство оказывало уже чудеса, но еще не обозначило своего мѣста въ обществѣ. Въ 1349 году, тринадцать лѣтъ спустя по смерти

Джіотто, живописцы основали академію, назвавъ ее Санъ-Лукею. Уже въ 1290 въ Венеціи образовалось подобное товарищество и подъ тѣмъ же названіемъ; но это не была академія, а скорѣе цехъ ремесленниковъ, гдѣ разсуждали не объ улучшеніи искусства, но объ интересахъ художниковъ: это было въ родѣ товарищества или взаимнаго обезпеченія участниковъ и ихъ семействъ.

Въ эту эпоху, едва освободившуюся отъ варваризма, пріобрѣтеніе познанія въ нѣкоторыхъ искусствахъ было трудно, выгода отъ нихъ медленна, рѣдка и неопредѣленна; а потому принцы, вельможи и городовыя управленія считали обязанностью обезпечить поощренія для бѣльшей части художествъ, то привилегіями, то уступками, то освобожденіемъ отъ нѣкоторыхъ общественныхъ повинностей.

Съ другой стороны, законы тогдашніе, бывъ не болѣе какъ объявленіемъ нравственныхъ правилъ (*principes*) не имѣли довольно силы и не вкоренились еще въ нравы такъ глубоко, чтобы защищать личность отъ насилія; не бывъ въ состояніи пріобрѣсть могущества, человекъ искалъ покровительства вельможи, церкви, общины, и такимъ-образомъ, мало-по-малу, дворянство, разсѣянное по деревнямъ, вступало въ число гражданъ сосѣднихъ городовъ, и темные ремесленники образовали товарищества, а позже цехи. Цехи размѣстились кварталами, улицами, примѣры чего и теперь еще многочисленны въ Италіи, гдѣ обычай этотъ пережилъ корпораціи, сдѣлавшіяся простыми братствами милосердія.

Такимъ-образомъ, съ одной стороны вельможи изъ политики, или въ намѣреніи пріобрѣсть деньги, ободряли образованія этихъ общинъ, которымъ они продавали привилегіи—исключительно отправлять извѣстное ремесло, а мало-по-малу льготы и преимущества, составившія веко-рѣ общественное право. Съ другой стороны, чтобы отправлять ремесло, должно было принадлежать къ цеху по праву рожденія; еще болѣе должно было на много лѣтъ вступить въ службу къ мастеру, и сдѣлаться у него почти невольникомъ, и платить притомъ большую подать въ возвратъ за образованіе.

Отсюда породились тайны и самые приемы художественнаго ремесла, а также постепенное посвященіе въ ремесло—ученика, который, сдѣлавшись потомъ мастеромъ, чувствуетъ необходимость—выгодами, находимыми въ товариществѣ, вознаградить пожертвованія, сдѣланныя для вступленія въ цехъ.

Могущество корпорацій иногда распространялось не только въ краю, къ которому онѣ принадлежали, но и во многихъ другихъ, даже по цѣлой Европѣ, какъ это было съ «каменщиками».

И эта организація обнимала не только всѣ ремесла и искусства

чисто механическія, но даже такія, которыя происходили изъ природы болѣе возвышенной, болѣе духовной, на которыя древніе смотрѣли какъ на достояніе людей свободныхъ и гражданъ, и называли свободными искусствами.

Условіе это ограничивало цивилизацію, образовывало касты, сковывало успѣхъ, и послѣ этого не удивительно медленное развитіе средневѣковыхъ искусствъ и промышленности. Однако было-бы противно истинѣ отвергать, что во время преобладанія этой организаціи, оно оказало и услуги, вознаграждавшія ея неудобства. Если, напримѣръ, у живописцевъ одной и той-же школы, то-есть, одного и того-же города (потому-что въ городѣ было только по одной корпораціи извѣстной профессіи), она довела стиль до такого однообразія, что почти невозможно было замѣтить индивидуальности, то она обезпечивала познаніе производства, составлявшаго для школы главное; правда, что подвигались медленно, но, за то дѣлая шагъ впередъ, не теряли слѣдъ шага предшествовавшаго.

Когда живопись унизилась до ремесла, и на нее смотрѣли уже какъ на предметъ побочный, живописцы не составляли определенной общины; они даже не равнялись значеніемъ съ столярами, хлѣбниками, ткачами и т. п., а смѣшивались съ другими ремесленниками, которые соперничествовали съ ними въ производствѣ однѣхъ и тѣхъ-же работъ, какъ напр., съ золотильщиками, лакировщиками и даже съ сѣдельщиками и футлярщиками. Въ эту эпоху была мода употреблять живопись вездѣ въ видѣ простыхъ или геральдическихъ украшеній: разрисовывали мебель, гербы, сундуки и баулы, въ которыхъ хранилось приданое невѣсты. Много рисунковъ XIII и XIV столѣтій, находящихся въ коллекціяхъ, сняты съ мебели подобнаго рода.

Лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что живописью покрывали не только щиты, употребляемые на войнѣ или на турнирахъ, но даже многія части конскаго убора, какъ напримѣръ, сѣдло и покровы, защищавшіе грудь и бока лошади. Сѣдельщики и шорники были также общниками живописцевъ. Къ этой-же категоріи причисляли и рабочихъ, приготовлявшихъ каменные стѣны для живописи сухими красками.

ЦЕХЪ КАМЕНЩИКОВЪ.

Томасъ Гопъ чрезвычайно остроумно наводитъ на мысль, что одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ средневѣковыхъ фактовъ служитъ совершеннымъ ходствомъ церковной архитектуры въ Европѣ, въ странахъ очень удаленныхъ одна отъ другой, и въ такую эпоху, когда сообщенія были такъ рѣдки, медленны и трудны, что улучшения даже въ искусствахъ обыкно-

венныхъ, нерѣдко чрезъ многіе только годы достигали въ сосѣдніе города. Между тѣмъ какъ въ архитектурѣ, искусствѣ болѣе трудномъ, болѣе сложномъ, въ слѣдствіе разнообразныхъ познаній имъ требуемыхъ, малѣйшая перемѣна во вкусѣ достигаетъ одновременно на разстояніяхъ самыхъ отдаленныхъ, съ быстротою, изумительною даже въ наше время.

Напримѣръ, когда круглые своды замѣнились стрѣльчатыми, преобразование это исполнилось во всей Европѣ почти одновременно; церкви, достроенныя до половины въ старомъ стилѣ, были окончены сообразно съ нововведеніемъ. Въ настоящее время ничего нѣтъ разнообразіе церковной архитектуры; въ одной и той же странѣ, въ одномъ и томъ же городѣ, въ Парижѣ, и особенно въ Лондонѣ, почти на одной и той же улицѣ встрѣчаются разные стили, отъ греческаго до китайскаго, отъ египетскаго до готическаго.

Въ ту эпоху, когда были выстроены великолѣпные соборы и монастыри, возбуждающіе всегда наше удивленіе, кто не могъ только жить въ укрѣпленныхъ замкахъ; горожанинъ или сельскій житель, богатый или бѣдный, дворянинъ или рабъ, — всѣ обитали въ деревянныхъ домахъ, хижинахъ или лачугахъ. Конечно, тамъ и сямъ возвышались каменные зданія, укрѣпленныя башнею, съ зубцами и бойницами; но скорѣе это были оборонительные посты, чѣмъ жилища избранныя для удовольствія. Небыло, такъ сказать, гражданской архитектуры, а военная естественно подчинялась особеннымъ требованіямъ мѣстности и обороны.

Въ средніе вѣки, свѣтскіе, начиная отъ мелкаго гражданина до владѣтельной особы, искали въ своихъ жилищахъ только крова и пріюта; они не думали придавать имъ удобства, котораго не могли пріобрѣсть иначе какъ въ ущербъ собственной безопасности, тѣмъ болѣе тогдашнему обществу не нужны были многочисленныя публичныя зданія, служащія намъ для дѣлъ и для удовольствій. Значить, не требуя большаго искусства, гражданская архитектура не представляла таланту и карьеры его достойной. Только въ церквахъ и монастыряхъ можно было соединить щегольство съ великолѣпіемъ.

Одна церковная архитектура была популярной, одна она вызывала самое живое сочувствіе въ эту эпоху. Начавшись въ Ломбардіи, возрожденіе положило основаніе богатству края, духу промышленности, преобразованій, и долго носило имя *Ломбарда*. Когда Римъ былъ пренебреженъ, а Павія, Верона и Равенна постепенно дѣлались столицами и вокругъ ихъ развивались другіе города, архитектура должна была занимать первое мѣсто между художествами въ Ломбардіи, потому что Феодорикъ, король Готскій и его наслѣдники, изъ рвенія къ новой вѣрѣ, строили повсюду церкви и монастыри.

Ломбардскій стиль предшествовалъ готическому; любопытные образчики его и досихъ—поръ еще видны въ Бресчїи, особенно въ Веронѣ; отличительные признаки этого стиля были: низкія двери, убавочные своды, тощїе столбики и тяжелые столбы и безобразныя побочныя украшенія: это младенчество искусства. Уже въ эту отдаленную эпоху жители города Комо, который и въ наше время доставляетъ большую часть каменотесовъ, вообще предавались архитектурѣ съ такимъ усердіемъ, что названіе *magistri comacini* (комскіе мастера), было родовымъ именемъ всѣхъ принадлежавшихъ къ этому цеху, даже прежде VIII столѣтія *.

Цехи ремесленниковъ были въ полной силѣ въ Ломбардіи; могущественнѣе изъ всѣхъ была корпорація каменщиковъ. Но исключительныя преимущества, которыми цехи пользовались, конечно, не простирались далѣе предѣловъ страны или даже города, гдѣ ихъ корпораціи были признаны. Одни каменщики образовали общину, охватывавшую всю Ломбардію. Власть папъ, которой весь міръ, хотимъ сказать, міръ христіанскій Западной Европы подчинился безпрекословно, исключительныя привилегіи каменщиковъ распространила на всѣ христіанскія владѣнія. Это не маловажный примѣръ въ исторіи, какъ уже въ тѣ отдаленныя времена папскій престолъ пользовался верховнымъ владычествомъ.

На каменщиковъ могли смотрѣть какъ на работниковъ церкви, потому—что въ земляхъ, вновь поступавшихъ подъ власть папъ, они удовлетворяли первымъ нуждамъ религіи—построеніемъ храмовъ. Этому титулу они были обязаны покровительствомъ римскихъ первосвященниковъ.

Привилегіи, полученныя цехами каменщиковъ отъ владѣтелей, были подтверждены папскими буллами въ IX столѣтіи. Болѣе: папы дали имъ прямое и единственное право:—зависимости отъ папскаго престола, обезпечили имъ освобожденіе отъ всѣхъ законовъ и мѣстныхъ постановленій, касательно барщины и податей; дали имъ право самимъ назначать плату; каждому работнику и архитектору запрещалось всякое съ ними совмѣстничество; всѣмъ предписывалось уважать эти льготы, подъ опасеніемъ отлученія отъ церкви. Папы слѣдовали въ этомъ случаѣ примѣру Гирама, царя Тирскаго, когда онъ посылалъ архитекторовъ Соломону для построенія Иерусалимскаго храма.

Въ слѣдствіе огромныхъ привилегій, каменщики сдѣлались вольными, и въ слѣдствіе этого, весьма многіе старались попасть въ цехъвольныхъ каменщиковъ.

Первоначальныя формы, установленныя греческою церковью, сохранились до нашихъ временъ, почти безъ измѣненія. Въ Италіи, гдѣ очень

* Muratori.

долго продолжалось владычество мавровъ, христіане исключительно подражали мавританскому стилю, а стиль готическій началъ преобладать въ постройкѣ церквей и другихъ зданій тогда уже, когда католицизмъ принялъ перевѣсъ рѣшительный.

Впрочемъ вездѣ, во всемъ христіанскомъ мірѣ цехи каменщиковъ увеличивались и быстро пріобрѣтали значеніе. Тогда были три опредѣленные стили: византійскій, мавританскій и готическій. Св. Софія въ Константинополѣ, построенная въ X столѣтіи при императорѣ Юстиніанѣ и Санто-Марко въ Венеціи—типы греческой архитектуры: куполы ихъ имѣютъ опредѣлительный характеръ. Самые лучшіе образцы мавританской архитектуры находятся въ Испаніи; въ Гренадѣ—стиль украшенія дворцовъ, стиль религиозный—соборъ въ Кордовѣ (постр. въ VIII вѣкѣ Абдеромомъ I). Архитектура готическая покрыла Европу своими памятниками; она раздѣляется на двѣ отрасли: на первоначальную, слѣды которой находились въ XII даже до XIII столѣтія, и на украшенный готическій стиль, произведеніямъ котораго и доселѣ удивляемся во Франціи, Германіи, особенно въ Нидерландахъ, въ Англіи, Испаніи, Италіи, гдѣ соборъ миланскій представляетъ чудо въ этомъ родѣ.

Въ обѣихъ отрасляхъ мысль одна и та же; но во второмъ стилѣ она совершенна. Между этими обоими стилями рѣзко обозначали разницу смѣлость построекъ и украшеніе всѣхъ частей новѣйшаго, сравнительно съ тяжестью и наготою первоначальнаго готическаго стиля. Такимъ образомъ стрѣльчатый сводъ удлиняется болѣе; длинная и узкія окна принимаютъ форму стрѣлы; башни рисуются въ высотѣ, словно сквозные кружева; всѣ закрѣпки и лицевая сторона огромныхъ контрфорсовъ, поддерживающихъ снаружи своды, покрыты статуиками, чудовищами самыхъ странныхъ формъ, нишами, выпуклыми геометрическими фигурами, или вырѣзанными насквозь, и подъ которыми исчезаетъ дѣйствительная тяжесть первоначальныхъ формъ.

Эти зданія въ готическомъ стилѣ были главнѣйшими произведеніями каменщиковъ. Италіянскіе цехи соединились въ одну огромную общину, которой всѣ другіе повиновались, или съ которой жили въ братскомъ согласіи.

Случалось не рѣдко, что каменщикъ изъ отдаленнаго мѣста одинъ долженъ былъ идти на сборное мѣсто артели; въ этомъ случаѣ онъ подчинялся такой-же дисциплинѣ, какой въ наше время подчиняются солдаты. Въ это-же время дороги не представляли никакихъ пріютовъ, никакой безопасности. Чтобъ помочь этому, каменщики заключали между собою условія взаимной помощи гостепрійства, услуги, и въ избѣжаніе, чтобъ люди, не принадлежавшіе къ общинѣ, не воспользовались

посредствомъ обмана, этими преимуществами, учредили клятву держать все въ тайнѣ и изобрѣли условные знаки.

Каждая артель имѣла своего начальника, а каждый десятокъ своего старшину и извѣстное число учениковъ. Въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ приходилось имъ работать, они устраивали роль лагеря съ бараками для помѣщенія, и учреждали по военному все отрасли своей службы; отъ бѣдныхъ требовали подневной работы, отъ богатыхъ матеріяла и доставки; все эти требованія были исполняемы. Въ случаѣ надобности они призывали и другихъ братьевъ. Окончивъ работу, они снимались съ лагеря и отправлялись въ другія мѣста искать счастья; постройки занимали почти всегда многія поколѣнія и часто не были окончены, чему примѣромъ служить большое количество соборовъ, не приведенныхъ къ концу даже въ наше время.

Каждый членъ, смотря по степени, занимаемой имъ въ общинѣ, имѣлъ голосъ въ собраніяхъ, а при исполненіи подробностей, каждый слѣдовалъ своей собственной идеѣ, или по-крайней-мѣрѣ пользовался нѣкоторою независимостью.

Отъ этого произошло, что оставаясь вѣрными пропорціямъ и гармоніи общаго плана зданія, каменщики не соблюдали стройности и однообразія въ украшеніяхъ, которыя, какъ принадлежности чисто побочныя, были предоставляемы на произволь мастера. Напримѣръ, архитекторъ требовалъ, чтобы средняя часть церкви раздѣлена была на извѣстное число арокъ, поддерживаемыхъ колоннами означенной мѣры, но онъ предоставлялъ художнику украшеніе подробностей, фигуры, скульптурную работу, вкусъ которыхъ нѣрѣдко очень странный въ храмахъ. Вотъ причина удивительнаго и столь характеристическаго разнообразія почти во всехъ готическихъ зданіяхъ; колонны, ихъ основанія, капители, архитравы, барельефы, карнизы, однимъ словомъ все второстепенныя части представляютъ столько различныхъ формъ, сколько было исполнителей.—Теперь уже очень ясно предположеніе прежде непостижимое—разнообразіе изображеній въ украшеніяхъ готической церкви, какъ напримѣръ, Страсбургскаго собора, или часовни Генриха VII въ Уестминстерѣ.

Желая присвоить только себѣ исключительное пользованіе доходами отъ архитектуры, каменщики облекли глубочайшею тайной все, что касалось ихъ общины и занятія, и только медленно, постепенно, послѣ страшнаго тайны и долгихъ испытаній они посвящали ученика въ таинства работы. Необыкновенно заботливо они скрывали, даже уничтожали все расчеты и планы, которые могли-бы открыть ихъ приемы. Послѣ этого не удивительно, что, не смотря на многочисленность памятниковъ,

свидѣтельствующихъ объ ихъ талантѣ, ничего не осталось послѣ нихъ, что бы могло способствовать къ распространенію науки, и пріемовъ искусства.

И странно, что нигдѣ не оказалось менѣе вліянія каменщиковъ на архитектуру, какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно возымѣло первоначальную силу, я хочу сказать, въ Римѣ. Въ первые вѣки христіанства, какъ средства, такъ и народонаселеніе вѣчнаго города шли постоянно къ упадку. Старинные языческіе храмы, напримѣръ, Пантеонъ, Базилики * и церкви, построенныя первыми христіанами достаточно удовлетворяли потребностямъ религіи; новѣйшихъ зданій было очень мало **.

Одно измѣненіе въ церковной архитектурѣ, вообще принятое въ Римѣ, было построеніе колоколенъ. Когда оно появилось съ VII по VIII столѣтіе, его примѣнили ко всѣмъ стариннымъ церквамъ ***.

Теперь позвольте обратить ваше вниманіе на одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ въ исторіи художествъ.

Въ XI столѣтіи, съ особенною силою выразились и религіозное рвеніе, и соперничество народовъ и городовъ, въ построеніи зданій для богослуженія.

Въ предшествующемъ вѣкѣ возникло всеобщее вѣрованіе, что въ 1000 году долженъ наступить страшный судъ; чѣмъ болѣе приближались къ роковому сроку, тѣмъ болѣе выросталъ ужасъ.

По минованіи роковаго срока, міръ началъ жить по-прежнему, довѣренность возвратилась, рвеніе удвоилось.

Никогда обѣты не исполнялись великолѣпнѣе. Вотъ нѣсколько фактовъ, взятыхъ изъ различныхъ странъ, число которыхъ свидѣтельствуесть объ этомъ новомъ рвеніи.

Въ Италіи.

Превосходная церковь Санта-Марія на островѣ Торчельо	
начата въ	1008 г.
Санъ-Миніато во Флоренціи, въ	1013 —

* Древніе этимъ словомъ означали жилище царей; позже палаты правосудія и даже дома, въ которыхъ купцы совѣщались о своихъ дѣлахъ. Въ первые времена христіанства Базилики служили для отправленія богослуженія, а въ послѣдствіи названіе ихъ осталось принадлежностью большихъ церквей (соборовъ).

** Если не обманываемся, въ Римѣ одна только церковь съ стрѣльчатыми сводами, это Санта-Марія, Soglio Minerva.

*** Не этимъ-ли изъясняется итальянскій обычай строить колокольни отдѣльно отъ церквей; что сначала было дѣломъ случая, то перешло въ обыкновеніе.

Соборъ въ Пизѣ въ 1015 г.
Соборъ въ Пармѣ, почти около того-же времени.

Во Франціи.

Сентъ-Бенинь, въ Дижонѣ. 1005 г.
Сентъ-Сатурнинъ, въ Тулузѣ. 1006 —
Кафедральный соборъ въ Каркассонѣ. 1006 —

Сентъ-Этьенъ и Сентъ-Трините, въ Кайенѣ, два аббатства, построенныя Вильгельмомъ, прежде нашествія изъ Англіи.

Въ Германіи.

Всѣ прекрасныя церкви Ломбардекаго стиля относятся къ началу XI столѣтія.

Въ Иерусалимѣ.

Церковь Гроба Господня, реставр. въ 1049 г.

Мы представляемъ здѣсь очень небольшое число церковныхъ зданій, построенныхъ въ XI столѣтіи, но достаточно для показанія, что архитектура этого рода такая полная, ученая, достигла высочайшаго совершенства именно въ эпоху, когда другія, болѣе легкія искусства не имѣли почти никакого успѣха.

Въ то время уже разсчитывали со строжайшею точностью тяжесть давленія этихъ арокъ, изумляющихъ своею смѣлостью, подпору ихъ, и сопротивленіе; форму дуги, силу столбовъ, контрфорсовъ, и отеску камней, чтобъ прочность и связь частей между собою были непогрѣшительны. Въ эту отдаленную эпоху архитектура достигла изумительнаго совершенства, такъ сильно противорѣчащаго всеобщему варваризму; она такъ далеко превзошло въ познаніяхъ этого рода нашъ вѣкъ, стоящій во веѣхъ другихъ искусствахъ неизмѣримо выше, что можно бы отказаться повѣрить, еслибъ памятники не подтверждали этого слишкомъ очевидно.

Но общій успѣхъ въ послѣдующіе вѣки наукъ, искусствъ и промышленности, безпокойство владѣтелей въ отношеніи общины, столь могущественной и совершенно отъ нихъ независимой, и упадокъ папскаго вліянія—все это привело послѣдовательно и повсемѣстно къ изгнанію или уничтоженію корпорацій каменщиковъ, отъ которыхъ осталось одно только названіе, да организація, пригодная для всякаго другаго употребленія, кромѣ занятія искусствомъ. Отъ настоящихъ началъ ученой

системы, употребляемыхъ могущественнымъ учрежденіемъ, не осталось намъ ни слѣда, ни преданій.

Говоря короче, архитекторы всѣхъ латинскихъ церковныхъ зданій на сѣверо-югѣ, западѣ и востокѣ, почерпали свои познанія въ одной центральной школѣ: повинуваясь законамъ одной и той же іерархіи, они въ постройкахъ руководствовались одними и тѣми же началами удобства и вкуса. Сношенія между ними были такъ часты, что малѣйшее усовершенствованіе дѣлалось непосредственною собственностью цѣлой общины и новымъ успѣхомъ искусства.

Ни одно изъ ихъ предпріятій не встрѣчало въ первыя времена ни малѣйшаго сопротивленія въ предрасудкахъ, или въ предпочтеніи народа или владѣтелей; ихъ праву покровительствовала всеобщая набожность. Изъ этого произошло, что всѣ церковныя зданія одного періода, такъ походятъ другъ на друга, отъ одного конца Европы до другаго, словно всѣ были выстроены въ одномъ и томъ же городѣ, однимъ и тѣмъ же архитекторомъ.

Однако это сходство въ стилѣ менѣе поразительно въ древнихъ средоточіяхъ просвѣщенія и христіанства, чѣмъ въ странахъ, находившихся долго во мракѣ варварства и лишенныхъ образованія. Это тѣмъ удивительнѣе, что въ странахъ невѣжественныхъ, куда христіанство, а съ нимъ и необходимость церковной архитектуры, проникли очень поздно и не могли находить образцевъ для подражанія, все нужно было созидать, и все дѣлать въ одно и тоже время; тогда, какъ въ странахъ, гдѣ издревле процвѣтало просвѣщеніе, существовали памятники, отъ которыхъ можно было позанметоваться, или которые ограничивали мѣстный вкусъ вліаніемъ собственной своей архитектуры. Такимъ-образомъ гораздо болѣе сходства представляютъ церкви сѣверной Европы съ церквами южной Италіи, гдѣ мало оставалось первоначальныхъ памятниковъ, чѣмъ зданія одного и того же города, какъ напримѣръ, Рима, или Равенны.

Но это не все. Какъ только въ этихъ странахъ повсемѣстно утвердилось христіанство, всѣ архитектурныя измѣненія и усовершенствованія появились и были приняты вездѣ съ такою быстротою, что скорѣе можно ихъ счесть внезапнымъ и всеобщимъ вдохновеніемъ, чѣмъ постепеннымъ усовершенствованіемъ. Вотъ причина трудности означить колыбель какого-нибудь нововведенія. Отсюда же вытекаетъ и странное противорѣчіе между быстротою усвоенія перемѣнъ въ каждомъ зданіи, на какомъ бы мѣстѣ такая перекѣна ни произошла, и между медленностью, случавшеюся обыкновенно съ окончаніемъ самаго зданія, которыхъ большая часть требовала для этого цѣлыхъ столѣтій.

Открытіе совершенно новаго стіля, введеннаго со времени образо-

ванія общинъ каменщиковъ, можетъ быть приписано этимъ послѣднимъ въ собирательномъ смыслѣ. Распространяясь по всей Европѣ, общины эти состояли изъ людей всеѣхъ странъ, изъ людей, приносившихъ въ дань братству все открытія, опытность, и таланты, и потому ни на одно нововведеніе нельзя смотрѣть, какъ на исключительную принадлежность одной какой нибудь области, гдѣ жили каменщики, хотя бы даже было доказано, что эта область заключаетъ въ себѣ первый, даже единственный его образчикъ.

Не желая прерывать этого краткаго перечня исторіи каменщиковъ, мы умолчали о фактахъ, имѣющихъ такое важное отношеніе къ архитектурѣ, что не можемъ не упомянуть о нихъ. Мы говорили объ художникахъ, теперь поговоримъ о произведеніяхъ.

УСПѢХИ АРХИТЕКТУРЫ.

Архитектура единственное искусство, въ которомъ римляне были истинно велики, хотя и подражали грекамъ; но и здѣсь памятники ихъ не имѣютъ возвышеннаго и артистическаго характера зданій древней Греціи; первое, что поражаетъ въ римскихъ постройкахъ, полезность въ предположеніи и величіе исполненія, и ихъ водопроводы показываютъ болѣе могущество народа, чѣмъ уметвенное его направленіе. Капитолій и храмъ Юпитера капитолійскаго построены этрусскими художниками, и греческая архитектура начала процвѣтать въ Римѣ только съ тѣхъ-поръ, какъ Ахея сдѣлалась римскою провинціей. Цезарь, а въ особенности Августинъ, украсили Римъ зданіями, достойными столицы образованнаго міра. Примѣру ихъ слѣдовали главнѣйшіе сановники республики; Агриппа построилъ Пантеонъ, театры и водопроводы. Жилища частныхъ людей были обдѣланы мраморомъ, украшены колоннами; внутренность убрана была произведеніями греческаго искусства, статуями, барельефами, мозаикой, живописью и фантастическими украшеніями, извѣстными у насъ подъ именемъ гроттесковъ, потому-что въ началѣ XVI вѣка, въ гротахъ нашли первые ихъ образчики.

Наслѣдники Августа начали украшать богатыми памятниками Римъ, и многіе провинціальныя города, до-тѣхъ-поръ, пока Константинъ не перенесъ столицу въ Византію, принявшую его имя. Въ то время Римъ почти опустѣлъ, а западные императоры, пребывая то въ Римѣ, то въ Веронѣ, мало посвящали времени искусствамъ.

Въ провинціяхъ упадокъ былъ быстрѣе и замѣтнѣе; украшенія рас-
точались щедрою рукою, но безъ выбора; архитекторы брали случайно части, негармонировавшія между собою, подобно тому какъ дѣти, ко-

торыя строить свои домики изъ кусочковъ дерева, принадлежащихъ всѣмъ орденамъ архитектуры и всѣмъ частямъ строенія.

Александръ Северъ напрасно пытался остановить упадокъ, а наследники его не могли много заниматься архитектурой, потому что имперія была сильно потрясаема.

Юстиніанъ возобновлялъ постройки. Замѣчательнѣйшее зданіе, воздвигнутое въ его царствованіе, церковь св. Софіи въ Константинополѣ: первый памятникъ христіанской архитектуры. Церковь эта была предметомъ подражанія во многихъ земляхъ западной Европы. Кажется, что Санъ-Марко въ Венеціи былъ выстроенъ по ея образцу. Это стиль Византійскій.

На эту эпоху мы можемъ смотрѣть какъ на точку раздѣленія архитектуры древней и новой. Последняя сдѣлала быстрые успѣхи, по мѣрѣ распространенія побѣдъ Готовъ въ Италіи, Испаніи, Франціи и Англій.

Но не должно, какъ это часто дѣлали, смѣшивать готической архитектуры съ ломбардской временъ Феодорика и королей его поколѣнія, до самаго конца VIII столѣтія.

Судя по небольшому сходству, существующему между этими двумя стилями, ломбардцы не произвели ничего, по примѣру древнихъ. Низкія двери, съ тощими столбиками по сторонамъ, пониженные своды, испещренныя колонны внутри, это все можно противопоставить граціознымъ, благороднымъ и величественнымъ формамъ греческой и даже римской архитектуры. Украшенія ломбардскаго стиля гораздо ниже, рисунки безъ вкуса, формы не совершенны. На стиль этотъ надо смотрѣть, какъ на младенчество искусства; его даже можно принять за дряхлость.

До-сихъ-поръ еще въ Ломбардіи много зданій этой эпохи, любопытныхъ какъ памятники, но не пріятныхъ для глаза.

Вліяніе византійскихъ художниковъ ввело въ ломбардскую архитектуру колонны съ пьедесталами и капителями іоническаго ордена, а такъ же и куполы, бывшіе въ обыкновеніи на востокѣ. Истинный византійскій или восточный стиль выражается употребленіемъ этихъ куполовъ, капителей и небольшихъ столбиковъ, которые часто устанавливали въ два ряда одинъ за другимъ.

Въ одно и то же время, какъ важныя эти перемѣны привели ломбардскую архитектуру къ совершенству, котораго, повторяемъ, лучшимъ образцомъ Санъ-Марко въ Венеціи, саррацины, или скорѣе мавры и арабы ввели новый стиль въ Испаніи и Португаліи. Искусство довольно далеко было подвинуто въ ту эпоху у этихъ народовъ. Сарра-

динскіе архитекторы отправлялись въ Грецію, въ Сицилію, и вступали въ пещи каменщиковъ, чему не препятствовало различіе религіи.

Начиная съ этой эпохи, въ архитектурѣ новѣйшей, называемой такъ для противоположности съ древней, три рода очень опредѣлительныхъ: арабскій, составившійся по греческимъ образцамъ; арабскій, процвѣтавшій въ Испаніи, на обломкахъ римской архитектуры, и чисто готическій, образовавшійся въ западныхъ странахъ изъ смѣси двухъ предшествовавшихъ и господствовавшей съ XI до половины XV столѣтія. Два первые не заключаютъ существенной разницы; но готическая архитектура имѣетъ характеръ, одной ей свойственный.

Ее узнають потому, что готическіе своды всегда оканчиваются стрѣловидно, между тѣмъ, какъ арабскіе круглы; башни готическихъ церквей всегда прямы и оканчиваются остро, тогда какъ мечети увѣнчаны плоскими куполами, и тамъ и сямъ возносятся легкіе минареты, съ шарами или еловыми шишками; стѣны арабскихъ зданій покрыты мозаикой и наборною работою, а ничего подобнаго не замѣчено ни въ одной готической церкви. Готическія колонны часто соединяются въ группу, какъ бы образуя одну, лежатъ ли низко на нихъ карнизы, съ которыхъ начинаются своды, или эти послѣдніе лежатъ прямо на капителяхъ. Напротивъ, арабскія и мавританскія колонны возвышаются одинаково, и если иногда онѣ и поставлены близко одна возлѣ другой, (для поддержанія какой нибудь тяжелой части), но никогда не соприкасаются, и всегда соединены крѣпкими, плотными нижними сводами. Если въ арабскомъ зданіи встрѣчаются четыре колонны вмѣстѣ, то внизу онѣ непременно соединяются крѣпкимъ каменнымъ фундаментомъ.

Готическія церкви выстроены съ большою легкостью; окна ихъ очень высоки, узки и украшены цвѣтными стеклами. Въ мечетяхъ, напротивъ, кровля зданія почти всегда плоская, окна незначительной вышины и часто покрыты скульптурой, такъ, что свѣтъ проникаетъ въ зданіе скорѣе черезъ куполь и двери. Въ церквяхъ готическихъ двери въ углубленіи, а стекляныя части украшены колоннами, статуями и нишами, тогда какъ въ архитектурѣ арабской и мавританской двери помѣщаются на одной линіи съ фасадомъ.

Сунибурнъ замѣчаетъ, что между различными, видѣнными имъ, арабскими капителями, онъ не нашелъ ни одной, которая по рисунку и расположенію, походила бы на капители готическихъ церквей въ Англіи или во Франціи *.

Мавританская архитектура является въ полномъ блескѣ въ древнемъ дворцѣ сарацинскихъ королей въ Гренадѣ (красный домъ), который кажется скорѣе дѣломъ волшебства, чѣмъ произведеніемъ рукъ человѣческихъ.

Не будетъ лишнимъ замѣтить, что въ этомъ стилѣ большую роль играютъ украшенія. Стѣны покрыты, словно, кружевами; рисунки которыхъ разнообразны до безконечности и блестящія свѣжестью фантазіи, получили у насъ названіе арабесковъ, именно потому, что въ нихъ заключаются выразительнѣйшія черты этой архитектуры.

Долго полагали, что рельефныя украшенія гренадскаго дворца были изсѣчены изъ самого же камня, и это еще болѣе служило къ удивленію; вырѣзанный такимъ образомъ мраморъ спорилъ съ рѣзбой на слововой кости китайцевъ, но потомъ признали, что украшенія эти изъ гипса и налеплены на камень, а время и полуденный климатъ придали имъ крѣпость и блескъ, вводившія всѣхъ въ заблужденіе. Но дѣло не въ существѣ матеріала. Стилъ составляетъ артистическая мысль, а мысли возвеличиваетъ эффектъ, ею производимый, а не большее или меньшее количество денегъ или труда употребленныхъ на ея исполненіе.

Арабская архитектура очаровываетъ взоръ легкостью и великолѣпіемъ; готическая, разумѣемъ стилъ новѣйшій, успѣхомъ своимъ обязана усиліямъ каменщиковъ—скрыть тяжесть первоначальной готической архитектуры. Она плѣняетъ воображеніе своими богато-украшенными сводами, обширностью перспективы и таинственнымъ полусвѣтомъ, сообщаемымъ цвѣтными стеклами. Хотя она и совершенно разнится отъ классическаго стили древней Греціи, однако тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ благородную и величественную красоту, которая, какъ намъ кажется, болѣе согласуется съ сѣрымъ и туманнымъ небомъ нашего сѣвернаго климата.

Для греческой архитектуры необходимо яркое солнце, которое рѣзко обозначало бы огромныя массы. Взгляните на портикъ св. Петра какъ онъ тусклъ и не эффектенъ во время сѣраго дня, и какъ величественъ, когда въ ясную погоду, лѣтомъ, послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщаютъ его куполь и колоннаду. Но эти сѣрые дни у насъ болѣе обыкновенны, и, по мѣрѣ удаленія на сѣверъ многочисленнѣе — именно въ странахъ, гдѣ готическій стилъ преобладаетъ. Эти массы, разрозненныя огромными столбами, образующими уступы и выступы; закрѣпки, покрытыя фантастическими скульптурными украшеніями, это множество оконечностей, вырѣзанныхъ кружевами, чудно согласуются съ таинственною атмосферой, набрасываю-

шей на зданіе покрывало, въ складкахъ котораго любить блуждать воображеніе.

Новый готическій стиль сохранилъ смѣлые и возвышенные своды и массивныя стѣны стараго, но скрылъ ихъ тяжесть множествомъ украшеній, дѣлая ниши, ставя ступенями статуи, такъ что взору онѣ кажутся исполненными легкости и вкуса. Позже возводили на огромную высоту сквозныя башни, поддерживаемыя легкими колоннами, такимъ образомъ, что лѣстницы кажутся висящими въ воздухѣ, а стрельчатыя окна съ разноцвѣтными стеклами уносятся, словно блестящія стрѣлы. Много церквей построено въ этомъ стилѣ, который распространился почти по всей Европѣ.

Кто же были архитекторы, строители этихъ величественныхъ соборовъ? Едва что-либо извѣстно, по крайней мѣрѣ, о большей части изъ нихъ: предпріятія были такъ колоссальны, что врядъ ли удалось хоть одному изъ этихъ великихъ артистовъ видѣть начало и конецъ зданія. Но изъ уцѣлѣвшихъ именъ мы видимъ смѣшеніе всѣхъ націй, произведенное огромною общиною каменщиковъ: были нѣмцы, строившіе въ Италіи, итальянцы въ Германіи, греки повсюду.*

Памятники эти всегда будутъ удивлять глубокимъ соображеніемъ въ планѣ, смѣлостью и стройностью въ расположеніи различныхъ частей, обширностью и нѣжностью работы; впечатлѣніе, ощущаемое при взглядѣ на эти массы ужающей смѣлости, всегда будетъ глубоко проникать въ душу и возносить ее къ Создателю.

Готическая архитектура вскорѣ вошла въ употребленіе при всѣхъ большихъ постройкахъ, н. пр. какъ замковъ, дворцовъ, публичныхъ зданій, мостовъ и городскихъ воротъ.

Въ Миланѣ построено въ этомъ стилѣ шестнадцать мраморныхъ воротъ и много зданій; въ Падуѣ семь мостовъ и три дворца; въ Генуѣ двое глухихъ воротъ и великолѣпный водопроводъ; городъ Асти, почти совершенно уничтоженный въ 1250 году, вновь отстроилъ въ этомъ стилѣ большую часть своихъ зданій.

Архитектура сдѣлала огромные успѣхи въ Италіи. Въ XIV вѣкѣ Галеасъ окончилъ огромный мостъ въ Павіи и построилъ дворецъ — лучшее произведеніе новаго готическаго стиля; соборъ Миланскій относится также къ этой эпохѣ. Маркизь д'Эсть построилъ въ Феррарѣ великолѣпный дворецъ Бельфіорскій; въ Болоньи началась постройка

* Наклоненная башня въ Пизѣ построена нѣмцемъ, Вильгельмомъ изъ Инспрука, а оба брата Лапо, родомъ тосканцы, строили памятники въ Германіи.

большой церкви Сантъ-Петроніусъ, и Джіотто предпринялъ во Флоренціи постройку колокольни Санта-Маріа де-Фіоре.

XV вѣкъ—одна изъ самыхъ блестящихъ эпохъ архитектуры. Герцоги феррарскіе, ободря художниковъ, щедро ихъ вознаграждали. Герцогу Франциску Сфорца Миланъ обязанъ постройкою герцогскаго дворца, больницы и другихъ зданій. Лудовикъ Сфорцо велѣлъ построить университетъ въ Павіи и лазаретъ въ Миланѣ; папы украсили Римъ, а Лаврентій Медичи одарилъ Флоренцію великолѣпнѣйшими зданіями.

Этому примѣру послѣдовали многіе принцы и другія знатныя особы; ободренія эти, побудивъ къ соревнованію, возродили хорошій вкусъ, и художники возвратились къ изученію антиковъ и заимствовали у нихъ прекраснѣйшія формы, благородство и гармонію пропорцій.

Уже въ XIV вѣкъ Органья, постройкою *laggia dei Lanzi* представилъ удивительный образецъ новаго стиля.

Огромный успѣхъ архитектуры, происшедшій отъ открытія главныхъ законовъ постройки сводовъ, позволялъ сочетать стиль греческій съ колоссальными размѣрами архитектуры готической.

Позже мы поговоримъ о великихъ артистахъ, прославившихъ этотъ новый стиль; теперь же удовольствуемся приведеніемъ ихъ именъ:

Брунелески, возведшій во Флоренціи куполь собора, и построившій церковь св. Духа и дворецъ Питти; Миланъ, Пиза, Мантуа и Пизарро также ему обязаны лучшими своими зданіями.

Леонъ-Баптистъ-Алберти, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, по обширности познаній, въ эпоху, когда художники и ученые стоятъ на степени истинно необычайной глубокимъ изученіемъ теоріи и практики всѣхъ почти отраслей знанія человѣческаго.

Брамантъ, начавшій церковь св. Петра.

Микель Анджело Буонаротти, построившій куполь этого огромнаго собора въ началѣ слѣдующаго столѣтія.

Джокондо, изощрившій свои дарованія во Франціи*, гдѣ онъ оставилъ многіе памятники. По возвращеніи въ Италію, онъ участвовалъ какъ сотрудникъ Рафаэля, въ постройкѣ св. Петра.

Эти великіе художники, открывшіе путь, имѣли достойныхъ послѣдователей въ Палладіо и Барочіо, извѣстномъ болѣе подъ именемъ Виньоля. Они были основателями стиля, до-сихъ-поръ господствующаго; однако же видно, что они изучали искусство по антикамъ, но по тѣмъ, которые утратили уже свою первоначальную чистоту и благородное вели-

* Въ 1500 году при Лудовикѣ XII, мостъ Нотрдамскій; въ Веронѣ залу Совѣта; въ Римѣ фундаментъ собора св. Петра. Онъ былъ монахомъ и военнымъ инженеромъ; онъ украсилъ Гривизу.

чіе, отличающія произведенія Периклова вѣка. Послѣ Палладію, Скампи и Бернини еще болѣе исказили этотъ характеръ.

И такъ Италія была отечествомъ новой школы, распространенной въ другихъ странахъ великими ея художниками. Уступая мало-по-малу ея вліянію, готическая архитектура совершенно исчезла.

Съ-тѣхъ-поръ, въ различныхъ земляхъ Европы, архитектура подвергалась многимъ измѣненіямъ, то возвышалась, то приходила въ упадокъ; однако въ наше время стараются вывести ее на путь къ совершенству, и хотя усилія эти не всеобщіи и не заключаютъ прочно и разумно усвоенной системы, они все таки могутъ принести счастливые результаты.

Самый большій и очень серьезный упрекъ, какой можно сдѣлать нашей современной архитектурѣ, это неумѣнье создать стиля народнаго; при всѣхъ источникахъ науки, она только постоянное подражаніе прежнему.

Понятно, что архитектура носила характеръ однообразія въ эпоху, въ которую искусство было исключительно въ рукахъ могущественнаго цеха каменщиковъ, но должно замѣтить къ чести этихъ художниковъ, что они еще примѣняли стиль къ климату; но въ наше время, когда искусство освобождено отъ всѣхъ препятствій, не пора ли создать архитектуру, сообразную съ нуждами, нравами и мѣстными потребностями народовъ?

Еще нѣсколько словъ. Большая часть образцовыхъ произведеній готической архитектуры Западной Европы находятся въ Нидерландахъ, не только стиля церковнаго, но и гражданскаго — какъ будто Италія и Нидерланды, двѣ страны, столько противоположныя во всѣхъ отношеніяхъ, должны были соперничествовать во всемъ, относящемся до блистательнаго поприща искусства.

Слава итальянцамъ за то, что они проложили путь и коснулись совершенства; честь голландцамъ и фламандцамъ за то, что они слѣдовали столь близко за ними.

IV.

ХРИСТОФОРЪ КОЛОМБЪ.

А. Ламартина.

—

I.

Весною 1471 года, въ полдень, когда палящее солнце раскаляло дороги Андалузіи, на возвышенности, въ полумилѣ отъ маленькаго приморскаго городка Палоса, шли два путника. Обувь ихъ была изорвана, одежда, носившая на себѣ отпечатокъ нѣкотораго довольства, покрыта пылью, на лицахъ замѣтна была усталость. Они остановились и сѣли подъ тѣнь портика монастыря св. Маріи Равидской. Наружность ихъ и утомленіе, лучше всякихъ словъ просили о гостепріимствѣ. Въ эту эпоху францисканскіе монастыри давали пріютъ всеѣмъ бѣднымъ путешественникамъ, и потому эти два странника скоро привлекли на себя вниманіе монаховъ. Одинъ изъ путешественниковъ былъ среднихъ лѣтъ, большаго роста, крѣпкаго сложенія, величественной наружности, съ открытымъ лицомъ, задумчивымъ взглядомъ и пріятливою улыбкой. Его свѣтлорусые волосы покрывались на вискахъ сѣдиною, которую преждевременно вызываютъ горе и наука. Здоровый цвѣтъ лица его сталъ блѣденъ отъ умственныхъ занятій и загорѣлъ отъ вліянія солнца и моря. Звукъ его голоса былъ мужественный, проникающій въ душу, какъ у человѣка, привыкшаго высказывать глубокія мысли. Его жесты

изобличали положительность и обдуманность; все было важно и степенно въ малѣйшихъ его движеніяхъ, какъ будто онъ готовъ былъ вступить во храмъ и предстать предъ алтаремъ Божиимъ.

Другой—былъ мальчикъ, восьми или десяти лѣтъ; женскія черты лица его формировались подъ тяжестью суровой жизни и имѣли такое сходство съ первымъ странникомъ, что невозможно было не узнать въ мальчикѣ его сына или меньшаго брата.

II.

Эти два странника были Христофоръ Колумбъ и сынъ его Діаго. Монахи, удивленные и вмѣстѣ тронутые благородною наружностью отца и милостивостью сына, пригласили ихъ въ монастырь, предлагая кровъ, хлѣбъ и отдохновеніе. Въ то время какъ Колумбъ и его сынъ освѣжали и подкрѣпляли себя водою, хлѣбомъ и маслинами, монахи пошли извѣстить настоятеля о прибытіи двухъ странниковъ, которыхъ благородный видъ такъ противорѣчилъ ихъ бѣдности. Настоятель сошелъ внизъ, чтобъ съ ними побесѣдовать.

Настоятелемъ Равидскаго монастыря былъ Хуанъ Пересъ де-Марчена, прежній духовникъ королевы Изабеллы, царствовавшей съ Фердинандомъ въ Испаніи. Онъ любилъ науки и уединеніе и предпочелъ тихую свою обитель почестямъ двора; но этимъ отшельничествомъ приобрѣлъ еще болѣе уваженія при дворѣ и вліянія на умъ королевы. Можетъ-быть, само Провидѣніе направило сюда стопы Колумба, чтобъ невидимою рукою открыть ему двери королевскаго совѣта и склонить къ нему слухъ и сердце монарховъ.

III.

Настоятель привѣтствовалъ странника, приласкалъ его сына, и спрашивалъ о причинѣ, побудившей ихъ путешествовать пѣшкомъ по уединеннымъ дорогамъ Испаніи и искать крова въ бѣдномъ, неизвѣстномъ монастырѣ. Колумбъ разсказалъ свою жизнь и раскрылъ предъ внимательнымъ монахомъ свои обширные планы. Эта жизнь, эти планы были ожиданіемъ, предчувствіемъ чего-то великаго... Вотъ, что узнали въ послѣдствіи...

IV.

Христофоръ Колумбъ былъ старшимъ сыномъ одного (cardeur de laine) чесальщика шерсти въ Генуѣ; теперь ремесло низкое, а въ то время довольно значительное. Въ этихъ купеческихъ республикахъ Ита-

ліи, промышленники гордились изобрѣтеніемъ ремесля и составляли облагоороженныя и полезныя для государстѣя корпораціи. Коломбъ родился въ 1436 году и имѣлъ двухъ братьевъ Варооломея и Діаго, который въ послѣдствіи раздѣлялъ съ нимъ труды, славу и несчастія; у него была также сестра, моложе братьевъ, вышедшая замужъ за одного генуэзскаго работника. Незвѣстность долго укрывала ее отъ блеска и несчастій ея братьевъ.

На человѣка много дѣйствуетъ первое возрѣніе на природу, особенно, когда чувства поражаются зрѣлищемъ дивныхъ, необъятныхъ пространствъ неба и моря. Наше воображеніе словно отпечатокъ или зеркало тѣхъ предметовъ, которые занимали наши чувства въ дѣтствѣ. Взоры Коломба рано устремлялись на небо и на генуэзское море. Астрономія и навигація уносили его въ эти необъятныя пространства, которыя населялъ онъ своими мечтами, прежде, чѣмъ населилъ ихъ землями и островами. Безмолвный, углубленный въ созерцаніе, благочестивый съ самаго юнаго возраста, дѣтскій гений уносилъ его далеко въ эти пространства; но благоговѣя предъ ними онъ сначала искалъ въ твореніи Божіемъ не открытій, а самого Бога.

V.

Отецъ его, человѣкъ просвѣщенный и достаточный, не противорѣчилъ склонностямъ сына. Онъ послалъ его въ Павію учиться геометріи, географіи, астрономіи, астрологіи и мореплаванію. Коломбъ скоро усвоилъ себѣ эти, тогда еще очень неполныя, науки. Онъ принадлежалъ къ числу избранниковъ, идущихъ далѣе предѣловъ, на которыхъ обыкновенные люди останавливаясь говорятъ: довольно! Въ четырнадцать лѣтъ онъ узналъ все, чему учили въ этихъ школахъ, и возвратился домой. Сидячая жизнь и машинальныя занятія его отца не могли подавить въ немъ дарованій. Нѣсколько лѣтъ онъ плавалъ на купеческихъ и военныхъ судахъ и участвовалъ въ экспедиціяхъ, снаряжаемыхъ генуэзскими купеческими домами на Средиземномъ морѣ, которое оспаривали они у испанцевъ, арабовъ и магометанъ. Солдатъ, ученый и матросъ, онъ былъ на корабляхъ, предложенныхъ его отечествомъ герцогу Анжуйскому для завоеванія Неаполя, служилъ во флотѣ короля Неаполитанскаго, посланномъ для осады Туниса, и на эскадрахъ генуэзскихъ, сражавшихся съ испанцами. Говорятъ, что онъ уже и самъ командовалъ въ своемъ отечествѣ незначительными экспедиціями; но вообще исторія теряетъ его изъ виду въ эту эпоху жизни. Коломбъ чувствовалъ для себя иное назначеніе, ему тѣсно было въ этихъ мо-

рахъ, среди ничтожныхъ дѣлъ. Мысли его не ограничивались однимъ отечествомъ. Онъ замышлялъ завоеванія для челоуѣчества, а не для малой Лигурійской республики.

VI.

Въ промежутокъ времени между этими экспедиціями, Христофоръ Колумбъ въ занятіяхъ своимъ искусствомъ находилъ удовлетвореніе своей страсти къ географіи и навигаціи. Онъ рисовалъ, гравировалъ, продавалъ морскія карты, и этимъ кое-какъ поддерживалъ существованіе. Впрочемъ, онъ искалъ не выгодъ, а успѣховъ въ наукахъ. Мысли и взоры Колумба, непрерывно устремленные на звѣзды и море, преслѣдовали тамъ цѣль, имъ однимъ постигнутую. Кораблекрушеніе послѣ морскаго сраженія и пожаръ на галерѣ, стоявшей на Лиссабонскомъ рейдѣ, на которомъ онъ находился, заставили его поселиться въ Португаліи. Онъ бросился въ море съ горѣвшаго судна, схватился одною рукою за весло, и дѣйствуя другою, добрался до берега. Въ это время вся Португалія раздѣляла его страсть къ морскимъ открытіямъ и представляла ему убѣжище, соотвѣтственное его склонностямъ. Онъ надѣялся найти здѣсь случай и средства пуститься въ океанъ по своему произволу, и нашелъ только неблагодарный трудъ въ сидячей жизни географа, безвѣстность и любовь. Бывая ежедневно при богослуженіи въ церкви одного Лиссабонскаго монастыря, онъ почувствовалъ склонность къ одной молодой затворницѣ, красота которой поразила его. Это была дочь благороднаго итальянца, находившагося въ португальской службѣ. Отецъ ея, отправляясь въ дальнюю морскую экспедицію, поручилъ ее монахинямъ этого монастыря. Ее звали донна Фелиппа де Палестрелло. Задумчивость и красота молодаго иностранца возбудили въ ней такую-же любовь, какую она сама ему внушила. Безъ родныхъ, безъ состоянія, на чужой землѣ, они безпрепятственно могли предаться взаимной склонности, и соединились бракомъ; вѣра въ Провидѣніе и трудъ были единственнымъ достояніемъ Фелиппы и Колумба. Чтобы содержать тещу и жену, онъ продолжалъ заниматься географическими картами и глобусами, которые высоко цѣнились португальскими мореходцами, за ихъ совершенство. Бумаги тестя, переданныя ему тещею, въ которыхъ заключалась переписка съ Тосканелли, знаменитымъ флорентинскимъ географомъ, доставили, говорятъ, Колумбу указанія къ отдаленнымъ морямъ Индіи и средства для повѣрки неопредѣленныхъ или баснословныхъ предположеній тогдашней навигаціи. Совершенно преданный семейному счастью и географическимъ мечтамъ, онъ обрадованъ былъ рожденіемъ перваго

сына, котораго назвалъ по имени брата своего, Діэго. Общество его состояло изъ близкихъ ему моряковъ, возвращавшихся изъ отдаленныхъ плаваній; онъ продолжалъ мечтать о неизвѣстныхъ земляхъ и не проложенныхъ по океану путяхъ. Въ мастерской, среди глобусовъ и картъ развивались его идеи, предположенія, проекты, и воображеніе безпрестанно уносило его къ чему-то великому, неизвѣстному на земномъ шарѣ. Жена его, дочь и сестра моряка, раздѣляли его энтузіазмъ. Вертя земные глобусы и означая на картахъ острова и материки, Колумбъ пораженъ былъ безмѣрностью пустаго пространства среди Атлантическаго океана; ему казалось, что тутъ недостаетъ земли, для противѣсія континенту. Неопредѣленная молва разглашала о чемъ-то чудномъ, страшномъ, видѣнномъ моряками съ высотъ Азорскихъ острововъ; какіе-то неподвижные, а иногда пловучіе берега являлись въ ясную погоду и потомъ исчезали или удалялись съ приближеніемъ къ нимъ дерзкихъ плавателей. Одинъ венеціанскій путешественникъ, Марко Поло, на котораго смотрѣли какъ на изобрѣтателя басень, хотя время и подтвердило справедливость его словъ, рассказывалъ, что на западѣ есть земли и государства, которыя будто-бы служатъ продолженіемъ Китая и Индіи, и доходятъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ нынѣ дѣйствительно простираются обѣ Америки. Колумбъ в самъ надѣялся найти на оконечности Атлантическаго океана страны, изобилующія золотомъ, жемчугомъ и смирною, откуда Соломонъ доставалъ свои сокровища, этотъ библейскій Офиръ, подернутый туманомъ отдаленности и чудесъ. Онъ искалъ не новаго, а только потеряннаго материка; исканіе мнѣмного, привело его къ открытію истиннаго.

По вычисленіямъ Птолемея и другихъ арабскихъ географовъ, Колумбъ полагалъ, что земля есть шаръ, который можно обойти кругомъ, только считалъ его на нѣсколько тысячъ миль менѣе, нежели онъ есть въ дѣйствительности. По этому онъ воображалъ, что пространство моря, которое надо пробѣжать, чтобъ достигнуть до неизвѣстныхъ земель Индіи, не такъ велико, какъ полагали мореплаватели. Существованіе этихъ земель подтверждалось странными рассказами моряковъ, пускавшихся далѣе Азорскихъ острововъ. Нѣкоторые изъ нихъ видѣли на волнахъ вѣтви деревъ, неизвѣстныхъ на западѣ, куски дерева съ рѣзбою, но сдѣланною не посредствомъ желѣзныхъ инструментовъ, гигантскія пихты, выдолбленныя на подобіе лодокъ изъ одного дерева, на которыхъ могло сидѣть до восьмидесяти гребцовъ, огромный тростникъ, и наконецъ трупы бѣлыхъ и бронзоваго цвѣта людей, которыхъ черты не походили на породу людей западныхъ, азіатскихъ и африканскихъ.

Всѣ эти по временамъ плавающіе признаки—слѣдствія океаніическихъ

бурь, и еще какой-то безотчетный инстинктъ, всегда предшествующій дѣйствительности, какъ тѣнь предмету, позади котораго свѣтитъ солнце, все возвѣщало о чемъ-то чудномъ и убѣждало Колумба въ существованіи таинственныхъ земель на западѣ отъ береговъ Европы. Только онъ былъ увѣренъ, что эти земли составляютъ продолженіе Азіи, занимающей болѣе трети окружности всего земнаго шара. Эта неизвѣстная еще тогда философамъ и географамъ окружность, оставляла предположеніямъ и догадкамъ огромное пространство океана, для достиженія воображаемой Азіи. Одни считали это пространство безграничнымъ, другіе глубокимъ, безбрежнымъ эфиромъ, въ которомъ мореплаватели должны заблудиться, какъ нынѣшніе воздухоплаватели въ небесныхъ пустыняхъ. Бѣльшее же число, не зная закона тяжести и силы притяженія, влекущей всѣ тѣла къ центру, но допуская однако жъ округлость земнаго шара, думали, что корабли и люди, занесенные случайно къ антиподамъ, отрываются и падаютъ въ бездны безпредѣльнаго пространства. Они воображали, что море, за извѣстнымъ горизонтомъ, ограничивается послѣдними островами, за которыми ничего уже нѣтъ, кромѣ жидкаго хаоса, поднимающагося необъятными волнами до высочайшихъ горъ, которыя падаютъ въ разверзтыя между ними пропасти, притягивая и поглощая корабли, осмѣливающіеся къ нимъ приближаться. Другіе, болѣе свѣдущіе, допуская законъ тяготѣнія и нѣкоторую горизонтальность океана, думали что округлость земнаго шара заставляетъ нечувствительно океанъ понижаться къ антиподамъ, что эта покатость можетъ увлечь корабли къ безыменнымъ берегамъ, но никакъ уже не дозволить имъ опять возвратиться въ Европу. Отъ этихъ предразсудковъ о свойствѣ, формѣ, пространствѣ, возвышеній и покатости океана произошелъ общій таинственный ужасъ, который преодолѣть могъ только испытательный геній, и развѣ только отвага свѣше человѣческой рѣшилась бы направить туда паруса. Это была борьба человѣческаго ума со стихіями; чтобъ покуситься на нее, надобно было быть свѣше человѣка.

VII.

Непреодолимая страсть бѣднаго географа осуществить свое предпріятіе, была единственною причиною, такъ долго удерживавшею Колумба въ Лиссабонѣ. Португалія, управляемая тогда Іоанномъ II, королемъ просвѣщеннымъ и предприимчивымъ, бросалась для колонизаціи и торговли въ отважныя морскія плаванія, имѣвшія цѣлю связать Европу съ Азіею. Васко де Гама, португальскій колонистъ, близокъ былъ къ открытію морскаго пути въ Индію около мыса Доброй Надежды. Но Колумбъ

былъ увѣренъ, что найдетъ туда дорогу шире и прямѣе, устремясь къ западу. Послѣ многихъ домогательствъ, онъ допущенъ былъ къ королю на аудіенцію, для открытія своихъ плановъ и испрошенія средствъ осуществити ихъ къ славѣ и обогащенію государства. Король выслушалъ его съ участіемъ. Увѣренность Колумба въ основательности этого предпріятія была такъ велика, что король не счелъ ее за пустую мечту. Колумбъ, кромѣ природнаго краспорѣчія, обладалъ и даромъ убѣжденія. Король приказалъ составить совѣтъ изъ ученыхъ и политиковъ для разсмотрѣнія предположеній генуэзскаго мореплавателя, и донести ему о возможности ихъ исполненія. Этотъ совѣтъ, состоявшій изъ королевскаго духовника и нѣсколькихъ географовъ тѣмъ болѣе уважаемыхъ, что они не отступали отъ народныхъ предрасудковъ, объявилъ, что предположеніе Колумба—чистая химера, противная всѣмъ законамъ физики и здравому разуму.

Второй совѣтъ, по просьбѣ Колумба, съ дозволенія короля вновь разсматривавшій дѣло, еще усилилъ первое рѣшеніе, а между тѣмъ, безъ вѣдома короля, вѣроломно сообщилъ о планахъ Колумба одному кормчему, и тайно послалъ судно попытаться открыть путь въ Азію по указаніямъ Колумба. Корабль, прошедшій нѣсколько за Азорскіе острова, возвратился, утраченный пустотою и безпредѣльностью видимаго пространства, и подтвердилъ рѣшеніе совѣта.

VIII.

Въ продолженіе этихъ бесполезныхъ попытокъ при дворѣ португальскомъ, несчастный Колумбъ лишился жены, а съ нею и любви, утѣшенія, ободренія своихъ предпріятій. Состояніе его, которымъ онъ пренебрегалъ, имѣя въ виду великія открытія, пришло въ совершенное разстройство; кредиторы, расхитивъ глобусы и карты, грозили ему заточеніемъ. Много потеряно было времени въ напрасныхъ ожиданіяхъ; годы шли, дитя подрастало; въ будущемъ онъ видѣлъ для себя, вмѣсто открытія Новаго Свѣта, величайшую нищету. Ночью ушелъ Колумбъ изъ Лиссабона, пѣшкомъ, безъ всякихъ средствъ, кромѣ надежды на гостепріимство въ дорогѣ, ведя Діаго за руку, иногда неся его на могучихъ своихъ плечахъ. Онъ вступилъ въ Испанію, рѣшась повергнуть государямъ ея Фердинанду и Изабеллѣ земли и царства, отвергнутыя Португалією.

Продолжая такимъ-образомъ длинное странствованіе къ подвижному мѣстопробыванію испанскаго двора, онъ дошелъ до воротъ Равидскаго монастыря, неподалеку отъ Палоса. Онъ намѣревался идти прежде въ

маленькій городокъ Гверту, въ Андалузіи, гдѣ жилъ одинъ изъ братьевъ его жены, чтобъ оставить тамъ Діэго, и потомъ уже испытывать всѣ замедленія, случайности и, можетъ быть, недовѣрчивость къ себѣ двора Изабеллы и Фердинанда.

Увѣряютъ однако жъ, что Колумбъ прежде, чѣмъ рѣшился итти въ Испанію, считалъ, какъ итальянецъ, обязанностью предложить свои открытія отечеству своему, Генуѣ, и Венеціанскому сенату; но обѣ республики, занятыя болѣе близкимъ для нихъ честолюбіемъ и соперничествомъ, отвергли съ холодною его предложеніе.

IX.

Настоятель монастыря Равидкаго былъ болѣе свѣдущъ въ наукахъ, касающихся до навигаціи, нежели сколько можно было ожидать отъ челоука его званія. Монастырь, откуда видны были море и сосѣдній маленькій портъ Палось, одинъ изъ самыхъ дѣятельнѣйшихъ въ Андалузіи, ставилъ этого монаха въ частыя сношенія съ моряками и армато-рами, исключительно преданными мореплаванію. Во время пребыванія своего въ столицѣ и при дворѣ, онъ съ особенною любовію занимался естественными науками и трудился надъ проблемами, занимавшими тогда всѣ умы. Сначала онъ почувствовалъ состраданіе къ иностранцу, а поговоривъ съ нимъ, пришелъ въ восторгъ. Онъ не только видѣлъ въ Колумбѣ челоука выше своего стостоянія, но одного изъ Божіихъ посланниковъ, отвергаемыхъ государствами, которымъ они своими скудными руками несутъ невидимыя сокровища истины.

Религія поняла генія. Хуанъ Пересць постигъ, что само небо предназначаетъ его ввести Колумба въ милость Изабеллы, которая осуществитъ его высокіе планы. Онъ полюбилъ Колумба не только за пріятіе его, но за мужественную красоту, скромность, краснорѣчіе, благородствіе, терпѣніе, за несчастія, такъ благородно переносимыя, словомъ за всѣ совершенства, заставлявшія удивляться этому необыкновенному челоуку. Послѣ перваго разговора, монахъ не только былъ вполне убѣжденъ своимъ гостемъ, но отдалъ ему свое сердце и, что всего удивительнѣе, никогда къ нему не перемѣнялся. Колумбъ пріобрѣлъ себѣ друга.

X.

Хуанъ Пересць предложилъ Колумбу на нѣсколько дней убѣжище или по-крайней-мѣрѣ отдохновеніе въ своемъ скромномъ монастырѣ. Между тѣмъ, самъ сообщилъ городскимъ своимъ друзьямъ о прибытіи къ

нему гостя и о его приключеніяхъ. Онъ пригласилъ ихъ въ монастырь поговорить съ иностранцемъ о предположеніяхъ его, намѣреніяхъ и планахъ, и разсмотрѣть, согласна ли теорія Колумба съ опытностью палосскихъ мореходцевъ. Одинъ изъ друзей настоятеля, достойный уваженія докторъ Фернандесъ, и опытный палосскій кормчій Педро де Веласко, провели нѣсколько вечеровъ въ монастырѣ; внимая Колумбу, они убѣдились въ его вѣрованіяхъ, съ жаромъ приняли его идеи и составили первый искренній кружокъ. Всякая новая истина имѣетъ нужду въ нѣсколькихъ вѣрныхъ приверженцахъ, прежде чѣмъ разгласится во всеуслышаніе. Эти первые приверженцы, которыхъ удалось Колумбу убѣдить въ кельѣ бѣднаго монаха, были ему дороже восторга и похвалъ цѣлой Испаніи, когда успѣхъ увѣнчалъ его предпріятіе. Первые повѣрили его словамъ, послѣдніе совершившимся открытіямъ.

XI.

Монахъ, подкрѣпляемый докторомъ Фернандесомъ и опытнымъ морякомъ Веласко, еще болѣе пристрастился къ своему гостю. Онъ предложилъ Колумбу оставить сына на его попеченіе, въ монастырѣ, а самому отправиться ко двору, представить проекты Фердинанду и Изабеллѣ и просить ихъ о необходимой помощи для приведенія въ исполненіе своего предпріятія. Бѣдный монахъ сдѣлался для Колумба сильнымъ покровителемъ.

Находясь долгое время при дворѣ, онъ пользовался довѣренностью королевы и, съ-тѣхъ-поръ, какъ любовь къ увеличенію отдалила его отъ свѣтскаго шума, продолжалъ дружескія сношенія съ новымъ духовникомъ Изабеллы. Этотъ духовникъ, настоятель Прадскаго монастыря, Фернандо де Талавера, человѣкъ достойный и добродѣтельный, имѣлъ силу, предъ которою раскрывались всѣ двери дворца. Хуанъ Пересъ вручилъ Колумбу рекомендательное письмо къ Фернанду и снабдилъ всѣмъ нужнымъ, чтобъ явиться прилично при дворѣ. Онъ далъ ему мула, проводника, кошелекъ съ цехинами и, обнявъ на порогѣ монастыря, поручилъ, какъ его самого, такъ и предпріятіе его Богу.

XII.

Колумбъ, проникнутый признательностью къ первому, великодушному другу, оставшемуся для него неизмѣннымъ, которому онъ въ послѣдствіи всегда приписывалъ начало своего счастія, отправился въ Кордову, гдѣ находился тогда дворъ. Онъ ѣхалъ съ увѣренностью, которая служить для генія путеводною звѣздой, но увы! звѣзда эта скоро за-

тмилась. Минута, въ которую Колумбъ явился съ предложеніемъ новаго свѣта испанской коронѣ, худо была имъ выбрана; Фердинандъ и Изабелла не могли помышлять о завоеваніяхъ проблематическихъ за неизвѣстными морями, они были заняты обратнымъ завоеваніемъ отъ мавровъ собственнаго своего королевства. Мусульмане, покоривъ полуостровъ, послѣ долгаго владычества, теряли тогда одни за другими города и цѣлыя провинціи. Не смотря на храбрость, они были вездѣ поражаемы. У нихъ оставались теперь только горы и долины, окружающія Гренаду, эту чудную столицу ихъ разрушающагося государства. Фердинандъ и Изабелла употребляли все свое могущество, все усилія, все средства обоихъ соединенныхъ королевствъ, чтобъ вырвать у мавровъ послѣдній ихъ оплотъ въ Испаніи. Соединясь политическимъ союзомъ, который взаимная любовь скрѣпила и общая слава сдѣлала блестящимъ, они соединили для общей короны, одинъ королевство Арагонское, другая Кастильское. Впрочемъ, не смотря на такое соединеніе, король и королева сохраняли отдѣльную власть надъ наслѣдственными провинціями. Онъ и она имѣли особые совѣты, особыхъ министровъ для своихъ прежнихъ подданныхъ. Эти совѣты соединялись въ одинъ, когда дѣло касалось до пользы общихъ.

Природа надѣлила короля и королеву качествами и совершенствами души и тѣло одинаково прекрасными но различными, такъ что оба, дополняя другъ друга, царствовали для славы, просвѣщенія и счастья своихъ подданныхъ. Фердинандъ былъ замѣчательный воинъ и мудрый политикъ. Недостигнувъ еще возраста, въ которомъ горькій опытъ научаетъ узнавать людей, онъ ихъ угадывалъ. Единственные его недостатки были нѣкоторая недовѣрчивость и холодность, вредящія иногда великодушію. Но эти недостатки, до нѣкоторой степени, устранялись совѣтами нѣжной, доброй, умной, пылкой Изабеллы. Молодая, прекрасная, набожная, доступная всему прекрасному, высокому, Изабелла была для Фердинанда вдохновительнымъ гениемъ, которому онъ повиновался. Она находила себѣ награду въ славѣ Фердинанда, а онъ свое счастье въ общей любви, въ обожаніи своемъ Изабеллы. Этому, почти баснословному царствованію въ Испаніи не доставало, чтобъ его обезсмертить, прихода чужеземца съ письмомъ отъ бѣднаго монаха, молившаго отворить Колумбу двери кордовскаго дворца.

XIII.

Письмо это, прочитанное духовникомъ королевы съ предубѣжденіемъ и недовѣрчивостью, открыло Колумбу только длинный рядъ напрасныхъ ожиданій и отказовъ въ аудіенціи. Для выслушанія высокихъ мыслей,

людямъ нуженъ досугъ и уединеніе. Въ шумѣ придворныхъ суетъ остается очень мало времени для благосклонности. Для Коломба повсюду были заперты двери, «потому что онъ былъ иностранецъ, говоритъ Овіедо, современный историкъ этого великаго человѣка, потому-что бѣдно былъ одѣтъ, потому-что ему не съ чѣмъ было явиться къ важнымъ людямъ и министрамъ, кромѣ письма отъ францисканскаго монаха, давно забытаго дворомъ.»

Король и королева даже о немъ и неслыхали; духовникъ королевы отъ равнодушія-ли, отъ пренебреженія-ли, обманулъ ожиданія Хуана Переса. Коломбъ упрямый, какъ само убѣжденіе, дожидаящее своего часа, не оставлялъ Кордовы, но ловилъ благоприятную минуту. Между тѣмъ кошелекъ друга его, настоятеля Равидскаго истощился; Коломбъ снискивалъ пропитаніе морскими картами да глобусами: эти игрушки были миниатюрнымъ изображеніемъ того міра, который онъ долженъ былъ завоевать. Жизнь его, въ продолженіе этихъ лѣтъ, представляетъ только бѣдность, трудъ и обманутыя надежды. Будучи молодъ, съ сердцемъ впечатлительнымъ, онъ любилъ и былъ любимъ въ эти тяжелые годы лениваній. Второй его сынъ, Ферриандо, родился въ это время отъ тайной любви, не освященной бракомъ, о которой съ раскаяніемъ и въ трогательныхъ выраженіяхъ онъ вспоминаетъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Онъ воспитывалъ побочнаго сына съ такою же нѣжностью, какъ и Діаго.

XIV.

Но его наружное благородство и достоинство невольно выказывались, не смотря на скромность его занятій. Нѣкоторые значительные люди, съ которыми бывалъ онъ въ сношеніяхъ по своимъ ученымъ трудамъ, чувствовали къ нему влеченіе и поражены были его разговоромъ, какъ электричествомъ, проявлявшимъ великое назначеніе въ низкой долѣ. Эти сношенія и разговоры доставили ему друзей въ Кордовѣ и даже при дворѣ. Между этими друзьями, которыхъ имена сохранила исторія, для признательности потомства, упоминаютъ объ Алонзѣ Квинтаниллѣ, контролерѣ доходовъ Изабеллы, о Геральдини, наставникѣ молодыхъ принцевъ, объ Антоніи Геральдини, папскомъ нунціи при дворѣ Фердинанда, наконецъ о Мендозѣ, кардиналѣ и архіепископѣ Толедскомъ, столь могущественномъ, что его называли третьимъ королемъ Испаніи.

XV.

Архіепископъ Толедскій, сначала устрешенный этими географиче-

скими новостями, которыя, казалось, противорѣчили принятому устройству земнаго шара, скоро успокоился чистосердечною набожностію Коломба. Онъ пересталъ бояться идей, клонившихся къ разширенію Божьяго творенія. Увлеченный системою, очарованный человѣкомъ, архіепископъ испросилъ у монарховъ аудиенцію своему любимцу. Коломбъ, послѣ двухлѣтняго ожиданія, явился на эту аудиенцію съ скромностію бѣднаго иностранца, но и съ увѣренностію человѣка, приносящаго своимъ повелителямъ болѣе, нежели сами они могутъ ему дать. «Думая кто я, писалъ онъ въ послѣдствіи, сначала я пришелъ въ смущеніе, но вспомнивъ, что я приношу, чувствовалъ себя наравнѣ съ вѣнценосцами: я былъ уже не бѣднякъ, но орудіе Провидѣнія, избранное и назначенное для совершенія великаго подвига.

XVI.

Фердинандъ выслушалъ Коломба со вниманіемъ, Изабелла съ энтузіазмомъ. При первомъ взглядѣ, при первыхъ звукахъ его рѣчей, она почувствовала къ посланнику Божию удивленіе, доходившее до фанатизма. Природа наградила Коломба наружностію, которая столь же привлекательна была для глазъ, сколько краснорѣчіе его убѣдительно для ума. Казалось, что истина, которую Коломбъ принесетъ въ даръ своему вѣку, прежде всѣхъ будетъ постигнута женщиною. Эта женщина была Изабелла. Постоянное расположеніе королевы къ Коломбу не поколебалось ни отъ равнодушія ея двора, ни отъ его непріятелей, ни отъ его несчастій. Она повѣрила ему съ перваго дня, была приверженицею его на тронѣ и другомъ до могилы.

Выслушавъ Коломба, Фердинандъ назначилъ для разсмотрѣнія его проекта совѣтъ въ Саламанкѣ, подъ предсѣдательствомъ Фернанда де Талавера, настоятеля Прадскаго. Совѣтъ составленъ былъ изъ ученѣйшихъ людей и богослововъ обоихъ королевствъ. Онъ собрался въ ученой столицѣ Испаніи, въ монастырѣ Доминиканскомъ. Коломбъ былъ приглашенъ туда. Въ то время духовенство и монахи рѣшали все въ Испаніи; просвѣщеніе находило убѣжище въ монастыряхъ и общественное мнѣніе много зависѣло отъ епископовъ. Инквизиція надзирала недремлющимъ окомъ и карала уличаемыхъ въ ереси, не смотря на званіе и даже близость къ трону. Король присоединилъ къ этому совѣту профессоровъ астрономіи, географіи, математики и вообще всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ въ Саламанкѣ. Это собраніе не утратило Коломба, онъ думалъ, что проектъ его будетъ обсуживаться обще съ нимъ, но въ этомъ обманулъ. Въ первый разъ, какъ онъ явился въ большой монастырской залѣ,

монахи и мнимые ученые, напередъ убѣжденные, что всякая теорія, превосходящая ихъ школьныя понятія, была мечтою большаго или гордаго воображенія, видѣли въ презрѣнномъ иностранцѣ искателя приключеній, желающаго обогатиться на счетъ своихъ химеръ. Никто не удостоилъ его даже выслушать, выключая двухъ, трехъ бѣдныхъ монаховъ монастыря св. Стефана въ Саламанкѣ, занимавшихся въ кельяхъ своихъ науками, презираемыми вышимъ духовенствомъ. Другіе испытатели смутили Колумба превратными толкованіями текстовъ Библии, будто-бы опровергающихъ его теорію земнаго шара и химерическое, безбожное существованіе антиподовъ; между-прочимъ приводили также въ опроверженіе Колумба слѣдующій отрывокъ изъ Лактанція. «Не величайшая-ли нелѣпость думать, что существуютъ антиподы, гдѣ люди ходятъ головою внизъ, а ногами вверхъ, гдѣ все наизворотъ, деревья растутъ корнями на воздухъ, а вѣтвями въ землю!» Другіе шли еще далѣе, и считали за грѣхъ вѣру въ антиподовъ, потому-что это значило бы, по словамъ ихъ, предполагать, что всѣ люди происходятъ не отъ одного Адама.

Тщетно отвѣчалъ на эти возраженія Колумбъ съ набожною и благоговѣніемъ, слѣдуя за ними на богословскомъ поприщѣ; онъ и здѣсь являлся болѣе ихъ религіознымъ, потому-что болѣе понималъ и восхищался Божиимъ твореніемъ. Но его краснорѣчіе, воспламеняемое истинною, напрасно бросало грома и молнію среди добровольнаго ослѣпленія законсѣбныхъ умовъ. Только нѣкоторые монахи, казалось, почувствовали сомнѣніе и поколебались убѣжденіями Колумба. Діэго де Деза, монахъ доминиканскаго ордена, чловѣкъ выше своего вѣка, въ послѣдствіи архіепископъ Толедскій, осмѣлился великодушно противорѣчить мнѣнію совѣта, и помогъ Колумбу своимъ словомъ и властію. Эта неожиданная помощь не могла однако жъ побѣдить равнодушія и упрямства испытателей. Конференціи умножались, а до рѣшенія не доходило. Наконецъ утомились и погребли истину въ отерочкахъ—обыкновенномъ прибіжище невѣжества. Между тѣмъ возгорѣлась новая война съ гренадскими маврами. Безирестанныя отерочки и проволоочки, невниманіе, даже презрѣніе, глубоко огорчали Колумба, поддерживаемаго только милостію Изабеллы и покровительствомъ убѣжденнаго имъ Діэго де-Деза. Грустно влачился онъ за дворомъ и арміею изъ лагеря въ лагерь, изъ города въ городъ, тщетно улучая благоприятный для себя часъ въ шумѣ военныхъ дѣйствій. Королева, не смотря что счастье ему не благоприятствуетъ, не оставляла его своими милостями и продолжала вѣрить въ непризнанный геній. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ дворъ останавливался, она приказала отводить Колумбу домъ или палатку.

Казначей ея обязанъ былъ содержать ученаго иностранца не какъ докучливаго пришельца, выпрашивающаго помощь, но какъ знаменитаго гостя, приносящаго своимъ присутствіемъ королевству честь, и котораго государи желаютъ удержать для своей службы.

XVII.

Такъ проходили многіе годы; между тѣмъ короли португальскій, англійскій и французскій, свѣдавъ отъ своихъ посланниковъ объ этомъ странномъ человѣкѣ, который даритъ государямъ Новый свѣтъ, предлагали ему вступить въ ихъ службу. Признательность Коломба къ Изабеллѣ и любовь къ донѣ Беатричѣ Энрикѣ, матери втораго его сына Фернандо, заставили его отказаться отъ этихъ предложеній и удержали при дворѣ Испаніи. Онъ сохранялъ свою новую землю для молодой королевы за ея къ нему благосклонность. Коломбъ присутствовалъ при осадѣ и завоеваніи Гренады; видѣлъ, какъ Боабдилъ поднесъ Фердинанду и Изабеллѣ ключи столицы, видѣлъ дворцы абенсераговъ и мечеть Альямбрскую. Онъ былъ въ числѣ свиты испанскихъ государей при торжественномъ ихъ вшествіи въ послѣднее убѣжище исламизма. Но, смотря на твердыни и долины гренадскія, онъ видѣлъ другія завоеванія, другія торжественныя шествія во владѣнія болѣе обширныя. Все казалось ему малымъ въ сравненіи съ его мечтами.

Миръ, послѣдовавшій за этими завоеваніями, въ 1492 году, подалъ поводъ къ вторичному собранію совѣта въ Севильѣ для разсмотрѣнія предположеній Коломба. Рѣшеніе собранія, тщетно оспориваемое, какъ и въ Саламанкѣ, Діагомъ де-Деза, заключалось въ отверженіи предложеній генуэзскаго авантюриста, если не безбожныхъ, то по крайней мѣрѣ химерическихъ, не соответствующихъ достоинству испанскаго двора, который не можетъ дозволить предпріятія, основаннаго на такихъ ребяческихъ началахъ. Фердинандъ, изъ угожденія Изабеллѣ, смягчилъ нѣсколько жестокость этого отказа, при сообщеніи его Коломбу. Онъ далъ ему надежду, что по окончательномъ изгнаніи мавровъ изъ Испаніи и по водвореніи совершеннаго спокойствія въ государствѣ, дворъ поможетъ ему деньгами и флотомъ, чтобъ снарядить экспедицію для открытій и завоеваній, о которыхъ такъ давно идетъ рѣчь.

XVIII.

Въ ожиданіи, не обольщая себя надеждами на исполненіе безпрестанно отлагаемыхъ обѣщаній короля и болѣе искреннихъ желаній королевы, Коломбъ предлагалъ двумъ испанскимъ вельможамъ герцогу

Медина-Сидонія и герцогу Медина-Сели снарядить эту экспедицію на ихъ собственный счетъ. Тотъ и другой владѣли портами и кораблями по берегамъ Испаніи. Сначала они польстились будущей славою и новыми обладаніями на морѣ, но потомъ все оставили, по недовѣрью или по равнодушію. Зависть возсталала на Колумба прежде, чѣмъ онъ заслужилъ ее своими успѣхами; она его преслѣдовала какъ бы до срока по инстинкту, оспаривая его надежды и даже то, что считала сама химерами. Со слезами онъ снова отказался отъ своихъ предпріятій. Холодность министровъ къ выслушанію его, тщетныя обѣщанія и вѣчныя отерочки двора привели Колумба, послѣ шестилѣтняго томленія, въ такое уныніе, что онъ окончательно отказался отъ всякихъ новыхъ домогательствъ у испанскаго двора, и рѣшился предложить свои услуги французскому королю, отъ котораго имѣлъ прежде вызовъ.

Съ разстроеннымъ состояніемъ, безъ надеждъ, истомленный ожиданіями, съ сердцемъ растерзаннымъ отъ необходимости проститься съ любовью, привязывавшею его къ доннѣ Беатричѣ, онъ опять отправился пѣшкомъ изъ Кордовы, если не съ надеждами на будущее, то, по крайней мѣрѣ, съ увѣренностью найти въ настоятелѣ Равидскаго монастыря вѣрнаго себѣ друга. Онъ намѣревался взять оттуда сына своего Діэго, привезти его въ Кордову и ввѣрить, предъ отъѣздомъ своимъ во Францію, доннѣ Беатричѣ, матери втораго его сына, Фернандо. Оба сына, воспитываясь вмѣстѣ попеченіями и любовью одной и той же женщины, должны были почувствовать другъ къ другу братскую нѣжность, единственное наслѣдство, которое отецъ могъ имъ оставить.

XIX.

Слезы потекли изъ глазъ настоятеля Хуана Переса, когда онъ увидѣлъ друга своего, пришедшаго пѣшкомъ къ монастырскому порогу, въ одеждѣ еще болѣе бѣдной, чѣмъ въ первый разъ, свидѣтельствуя этою бѣдностью и печалью на лицѣ о людскомъ недовѣрїи и о разрушеніи надеждъ своихъ. Но Провидѣніе сохранило въ дружескомъ для Колумба сердцѣ новую для него силу. Вѣра бѣднаго монаха въ истину будущихъ открытій своего любимца ободрила его, одушевила справедливымъ негодованіемъ, поставила выше несчастій. Хуанъ Пересъ обнялъ своего гостя, скорбѣлъ и плакалъ съ нимъ; но призвавъ на помощь всю свою энергію, всю твердость, послалъ за докторомъ Фернандесомъ, прежнимъ повѣреннымъ тайнѣ Колумба, за Алонзо Пинзономъ, богатымъ мореплавателемъ ближайшаго порта и за ученымъ кормчимъ Себастіаномъ Родригесомъ. Идеи Колумба, вновь раскрытыя предъ этимъ дружескимъ

собраниемъ, воспламенили слушателей. Его просили остаться и еще разъ попытать счастья сохранить для Испаніи, хотя недовѣрчивой и неблагодарной, славу единственнаго въ исторіи предпріятія. Пинзонъ обѣщаль помогать своими кораблями и богатствомъ для вооруженія безсмертной флотиліи, коль скоро получится на то дозволеніе правительства.

Хуанъ Пересъ писалъ уже не къ духовнику королевы, но къ самой королевѣ, возбуждая ея славу и религиозныя чувства къ предпріятію, могущему обратитъ цѣлыя народы отъ идолопоклонства къ истинной вѣрѣ. Онъ заставлялъ говорить землю и небо, увлекаясь страстію къ величію своего отечества и дружбою; слова его дышали полнымъ убѣжденіемъ. Коломбъ, въ униженіи своемъ, отказался нести это письмо ко двору, при которомъ испыталъ столько невниманія; кормчій Родригесъ самъ вызвался доставить письмо въ Гренаду, гдѣ находился тогда дворъ. И такъ онъ отправился, напутствуемый желаніями и молитвами монастыря и друзей Коломба.

На четырнадцатый день по отправленіи онъ возвратился съ торжествомъ въ монастырь. Королева прочитала письмо Хуана Переса, и ея доброе расположеніе къ генуэзцу возобновилось. Она приглашала почтеннаго настоятеля немедленно явиться ко двору и велѣла сказать Колумбу, чтобъ онъ дожидался въ Равидскомъ монастырѣ возвращенія своего друга и совѣта.

Хуанъ Пересъ, вѣвъ себя отъ счастья своего друга, не теряя ни минуты, приказалъ осѣдлатъ мула и въ ту же ночь пустился одинъ—одинехонекъ въ дорогу, чрезъ страны, наводненныя маврами. Онъ чувствовалъ, что небо покровительствуетъ въ немъ великому предпріятію, которое ввѣрено его другу. Настоятель пріѣхалъ; при имени его растворились двери дворца; увидѣвъ королеву, онъ возжегъ въ ней, жаромъ собственнаго своего убѣжденія, вѣру и рвеніе, которыя она и сама питала къ этому великому дѣлу. Маркиза де Маѳа, любимица королевы, воспламенилась также энтузіазмомъ къ любимцу благочестиваго монаха. Увлеченныя краснорѣчіемъ отшельника, онѣ восторжествовали надъ всѣми препятствіями. Изабелла послала Колумбу деньги изъ своей тайной казны, чтобъ онъ купилъ мула, платье, и тотчасъ явился ко двору. Хуанъ Пересъ, оставаясь при ней, чтобъ поддерживать своего друга, доставилъ эти добрыя вѣсти и пособіе въ монастырь чрезъ посланнаго, который вручилъ письмо и деньги доктору Фернандесу въ Палосъ, для передачи Колумбу.

XX.

Купивъ себѣ мула и взявъ служителя, Коломбъ прибылъ въ Гренаду, гдѣ долженъ былъ изложить свои планы и условія передъ министрами Фердинанда

«Въ это время видѣли, пишетъ очевидецъ, человѣка бѣднаго и неизвѣстнаго, который министрами обонхъ королевствъ смѣшанъ былъ съ толпою докучливыхъ просителей, въ углу передней, мечтающаго объ открытіи Новаго свѣта; важный, задумчивый, убитый, посреди общей радости, казалось, онъ равнодушно смотрѣлъ на окончательное завоеваніе Гренады, наполнявшее гордостію народъ и оба двора. Человѣкъъ этотъ былъ Христофоръ Коломбъ!»

Препятствія на этотъ разъ происходили отъ самаго Колумба. Увѣренный въ новой землѣ, которую предлагалъ Испаніи, онъ желалъ, изъ уваженія къ великости дара, приносимаго міру и государямъ, выговорить для себя и для своихъ потомковъ условія, достойныя не его самаго, но его подвига. Погрѣшивъ противъ законной гордости, онъ полагалъ, что погрѣшитъ противъ величія своего призванія. Бѣдный, одинокій, отверженный, онъ договаривался, какъ властелинъ земель, существовавшихъ еще только въ его воображеніи. «Вотъ нищій, говорилъ Фернандесъ де Талавера, начальникъ совѣта: который предлагаетъ условія, какъ государь государямъ.» Коломбъ требовалъ титула и привилегій адмирала, власти и почестей вице-короля всѣхъ земель, которыя откроетъ и присоединитъ къ Испаніи, десятую часть для него и для его потомковъ изъ всѣхъ доходовъ съ этихъ владѣній. «Странныя требованія пришельца, кричали въ совѣтѣ его противники: преждевременно присвоивать себѣ начальство надъ флотомъ и вице-королевскую власть надъ безконечными землями, въ предположеніи, что предпріятіе удастся, если же не удастся, то ни чѣмъ не отвѣтствовать, потому-что бѣдность избавляетъ его отъ всякаго отвѣта.» Сначала удивлялись этимъ требованіямъ, потомъ стали негодовать; ему предложили условія, не столь обременительныя для государства. Не смотря на свою бѣдность, на свое ничтожество, Коломбъ рѣшительно отказался отъ измѣненій. Утомленный, но непобѣжденный всеънадесятитѣльными испытаніями со дня рожденія великой мысли, осуществленіе которой предлагалъ онъ земнымъ властителямъ, Коломбъ устыдился бы уменьшить цѣну Божескаго дара. Оставивъ съ почительностію совѣтъ, онъ сѣлъ на мула, подареннаго королевою и одинокій выѣхалъ изъ Кордовы, направляя путь во Францію.

XXI.

Изабелла, узнавъ объ отъздѣ Колумба, какъ бы предчувствовала, что съ удаленіемъ его не осуществится великое дѣло, къ которому онъ былъ предназначенъ. Она прогнѣвалась на совѣтниковъ, осмѣлившихся торговаться о цѣнѣ новой имперіи и особенно о цѣнѣ милліоновъ людей, которые, по ихъ вѣнѣ, останутся въ идолопоклонствѣ.

Маркиза де Маѳа и контролеръ финансовъ королевы, Квинтанилла, раздѣляли и поддерживали ея негодованіе. Король, болѣе холодный и разсчетливый, еще колебался; издержки на предпріятіе, когда казна была истощена, останавливали его. «Когда такъ,» вскричала великодушная, пылкая Изабелла: «Я принимаю издержки на собственные мои доходы по Кастильскому королевству и готова заложить все мои брилліанты и драгоценности на снаряженіе этой экспедиціи.»

Этотъ благородный порывъ женскаго сердца восторжествовалъ надъ разсчетливостью короля и доставилъ несмѣтныя богатства, сокровища и земли обоимъ королевствамъ. Безкорыстіе, внушаемое энтузіазмомъ, составляетъ прямой расчетъ душъ высокихъ и истинную мудрость великихъ политиковъ.

Поспѣшили за бѣглецомъ: посланный королевою настигъ его въ нѣсколькихъ миляхъ за Гренадою, на мосту Пиноскомъ, брошенномъ чрезъ знаменитое ущелье между скалами, гдѣ потокъ, раздѣлявшій христіанъ и мавровъ, такъ часто обагрялся ихъ кровью. Растроганный Колумбъ бросился къ ногамъ Изабеллы. Она со слезами вымолила у короля Фердинанда согласіе на утвержденіе всехъ требованій Колумба.

Служа дѣлу великаго человѣка, королева чувствовала, что служить истинному Богу, котораго не вѣдаютъ еще люди въ этихъ странахъ. Она видѣла новое царство для неба, Фердинандъ видѣлъ новое царство для земнаго обладанія.

Трактатъ между Фердинандомъ, Изабеллой и бѣднымъ генуэзцемъ, который за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ пришелъ въ ихъ столицу пѣшкомъ, не имѣя даже крова, кромѣ даннаго ему въ монастырѣ Равидскомъ, подписанъ былъ въ долинѣ гренадской, 17 апрѣля 1492 года. Изабелла приняла на счетъ Кастильскаго королевства все расходы на экспедицію. Справедливость требовала, чтобы королева, прежде убѣдившаяся въ мысли Колумба, болѣе и рисковала въ предпріятіи, но таже справедливость присвоивала болѣе славы и признательности ей имени въ случаѣ успѣха. Колумбу назначили маленькій портъ въ Андалузій, Палось, для снаряженія и отправленія экспедиціи. И такъ мысль, родив-

шаяся въ монастырѣ Равидскомъ, по сосѣдству съ Палосомъ, у Хуана Переса и друзей его, при первой ихъ встрѣчѣ съ Коломбомъ, тамъ же должна была и осуществиться. Настоятель долженъ былъ присутствовать при всѣхъ приготовленияхъ и видѣть изъ своего монастыря первый распустившійся парусъ, несшій друга его къ безвѣстному свѣту, который они оба провидѣли взглядомъ духа и вѣроу.

XXXII.

Явились новыя, повидимому непреодолимыя препятствія для исполненія милостей Изабеллы и общаній Фердинанда. Въ королевской казнѣ недоставало денегъ; суда, назначаемыя для необходимѣйшихъ экспедицій, удалялись изъ портовъ Испаніи; матросы, приглашаемые для продолжительнаго, таинственнаго плаванія, отказывались, а нанятыя—разбѣгались. Приморскіе города, обязанные по повелѣнію двора снабдить судами, колебались исполненіемъ и разгружали суда, обрекаемыя общимъ мнѣніемъ на явную гибель. Недовѣріе, ужасъ, зависть, скупость, насмѣшки, даже возмущенія стократно уничтожали данныя Колумбу и придворнымъ агентамъ милостію Изабеллы средства къ снаряженію экспедиціи. Казалось, геній зла противоборствовалъ генію открытій, чтобъ навсегда раздѣлить двѣ половины земнаго шара, которыя желала соединить геніальная мысль одного человѣка.

Колумбъ управлялъ всѣмъ изъ Равидскаго монастыря, въ которомъ другъ его, настоятель Хуанъ Пересъ, далъ ему снова убѣжище. Безъ посредничества и вліянія этого бѣднаго монаха, предположенная экспедиція рѣшительно бы не снарядилась. Всѣ повелѣнія двора были недостаточны и худо исполнялись. Монахъ прибѣгнулъ къ своимъ друзьямъ въ Пало, на которыхъ подѣйствовали его просьбы и увѣренія. Три брата, богатые моряки Палоса, Пинсоны, были имъ убѣждены. Имъ казалось, что въ голосѣ старца-отшельника они слышатъ божественный голосъ. Они добровольно присоединились къ предпріятію: снабдили деньгами и снарядили три судна, называвшіяся тогда Каравеллами, пригласили матросовъ изъ портовъ Палоса и Могера, и, чтобъ еще болѣе поощрить ихъ своимъ примѣромъ, двое изъ братьевъ—Мартынь—Алонзо Пинсонъ и Винсентъ—Юнесъ Пинсонъ рѣшились сами итти въ экспедицію и принять начальство надъ двумя судами. Благодаря великодушной помощи Пинсоновъ, три судна, правильнѣе сказать, три барки, Санта-Марія, Пинта и Нина готовы были поднять паруса, въ пятницу, 3 августа 1492 года.

XXIII.

Съ разсвѣтомъ дня, настоятель съ иноками Равидскаго монастыря проводилъ Коломба до самаго берега и благословилъ море и его суда. Коломбъ, обнявъ своего сына, оставляемаго на попеченіе Хуана Переса, вступилъ на большое изъ трехъ судовъ, на Санта-Марію, и поднялъ на немъ флагъ адмирала неизвѣстнаго океана и Вице-Короля невѣдомыхъ земель. Жители обоихъ приморскихъ мѣстечекъ и побережья столпились въ несмѣтномъ множествѣ на взморьѣ, чтобъ видѣть отправленіе, которое народный предразсудокъ считалъ погибшимъ. Это собраніе болѣе походило на погребальную процессію, чѣмъ на прощальный привѣтъ благополучному плаванію; замѣтно было болѣе горести, чѣмъ надежды, болѣе слезъ, чѣмъ радостныхъ кликовъ. Матери, жены, сестры потихоньку проклинали пагубнаго иностранца, который обольстительными рѣчами очаровалъ умъ королевы, и для достиженія своей мечты принести въ жертву жизнь столькихъ людей. Коломбъ, увлекши людей, не смотря на ихъ предразсудки, сопутствуемъ былъ неохотно и вступалъ въ невѣдомый походъ при шумѣ ропота и проклятій. Таковъ удѣлъ великихъ предпріятій! Всѣ, что превышаетъ умъ человѣческій, хоть бы усвоивало ему новую истину, открывало новый свѣтъ, заставляетъ его роптать. Человѣкъ, какъ океанъ, имѣетъ стремленіе къ движенію, и въ тоже время природная лѣнность влечетъ его къ бездѣйствію; отъ этихъ противоборствующихъ силъ происходитъ равновѣсіе, и горе тому, кто его нарушаетъ!

XXIV.

Видъ этой флотиліи едва походилъ на экспедицію для рыбной ловли или прибрежной торговли, и въ глазахъ народа вовсе не соотвѣтствовалъ великости предпріятія и предстоящимъ опасностямъ. Изъ трехъ судовъ Коломба только одно, на которомъ онъ самъ находился, имѣло палубу. Это было узкое, плохое, старое купеческое судно, много носившееся по волнамъ. Другія два не имѣли даже палубъ, и одной порядочной волны достаточно было чтобы потопить ихъ; но корма и носъ, этихъ довольно возвышенныхъ отъ воды барокъ, были снабжены, какъ древнія галеры, полупалубами, что служило убѣжищемъ матросамъ во время бури и предохраняло ихъ отъ волнъ. На нихъ было по двѣ мачты, одна напередѣ, другая на кормѣ судна. На первой мачтѣ висѣлъ одинъ большой четырехугольный парусъ, на второй треугольной латинскій; сверхъ того имѣлись длинныя весла, которыми въ тихую погоду,

и то съ трудомъ, можно было дѣйствовать и придавать судну слабое движеніе. На этихъ-то трехъ, неравной величины баркахъ, Коломбъ размѣстилъ сто двадцать человекъ команды, изъ которыхъ состоялъ весь его экипажъ. Онъ одинъ взшелъ на судно съ веселымъ лицомъ, увѣреннымъ взглядомъ, съ отвагою въ душѣ. Его догадки въ теченіе восемнадцати лѣтъ превратились въ полную увѣренность. Хотя въ этотъ день онъ перешагнулъ за половину своей жизни—ему наступалъ пятьдесятъ седьмой годъ отъ роду, но онъ считалъ за ничто свои прошедшіе годы; вся жизнь его представлялась ему еще впереди; онъ чувствовалъ въ себѣ молодость, его озаряла надежда, будущность, безсмертіе. Какъ бы желая взять во владѣніе страны, къ которымъ онъ направлялъ свои паруса, онъ, вступая на судно, написалъ и обнародовалъ какъ постепенно раскрывалось и созрѣвало его великое предпріятіе, и всё, что онъ испыталъ и сдѣлалъ для его осуществленія. Онъ присвокупилъ къ этому исчисленіе всѣхъ титуловъ и почестей, которыми пожалованъ былъ отъ государей надъ будущими своими владѣніями, и призывалъ Бога и людей во свидѣтельство полной своей увѣренности и непоколебимости. «Для этого, говорить онъ, окончивая свою прокламацію старому и новому свѣту, я буду бодрствовать, не смыкая глазъ, во всё продолженіе этого путешествія, доколѣ не совершу начатаго дѣла!»

XXV.

Попутный вѣтеръ, дувшій отъ береговъ Европы, скоро принесъ мореходцевъ къ островамъ Канарскимъ, послѣдней извѣстной мореплавателямъ станціи на океанѣ. Воздавъ благодареніе Богу за счастливое начало плаванія, благодарительно подѣйствовавшее на его экипажъ, онъ желалъ однако жъ поскорѣе удалиться отъ этихъ еще неизвѣстныхъ экипажу странъ. Коломбъ справедливо опасался, чтобъ видъ этихъ отдаленныхъ отъ Испаніи береговъ не напомнилъ его людямъ милого отечества, которое робкіе, нерѣшительные моряки такъ неохотно оставляли. Въ подобныхъ предпріятіяхъ не должно давать людямъ времени опомниться. Коломбъ зналъ это хорошо, и горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе перейти за извѣстные предѣлы, чтобъ возможность возвращенія исключительно зависѣла отъ одного его, потому что никто не былъ посвященъ въ тайны его путей, морскихъ картъ и компаса; и такъ желаніе его скорѣе удалиться отъ береговъ стараго свѣта было совершенно основательно.

Одно изъ судовъ, Пинта, потеряло руль, Коломбъ поневолѣ долженъ былъ пристать къ Канарскимъ островамъ, чтобъ замѣнить это судно другимъ. Три недѣли простоялъ онъ въ портѣ, но не могъ найти

судна, способнаго къ продолжительному плаванію, и принужденъ былъ только исправить Пинту и дать новые паруса Нинѣ, третьей, весьма тяжелой на ходу баркѣ, замедлявшей ихъ плаваніе. Тамъ онъ запасся водою и пополнилъ провизію. Небольшія, узкія суда, изъ которыхъ двое были безъ палубъ, недозволяли ему сдѣлать запаса для 120 чело-вѣкъ на продолжительное время.

Когда оставили они острова Канарскіе, Tenerifskій вулканъ извергалъ пламя, озарявшее небо и море; это привело въ ужасъ робкихъ пловцовъ. Въ этомъ пламени они видѣли грозное предвѣстіе, воспрещавшее имъ вступать въ заповѣдныя моря и земли. Адмиралъ переходилъ съ одного судна на другое, чтобъ разсѣять панической страхъ; онъ объяснялъ простымъ людямъ причины этого явленія. Но когда пикъ Tenerifskій вовсе скрылся, потеря великана причинила имъ столько же печали, сколько пламя его причиняло страха. Онъ казался имъ послѣднею границею, послѣднимъ маякомъ стараго свѣта. Потерявъ его изъ виду, они думали, что потеряли послѣднюю вѣху въ неизмѣримомъ пространствѣ океана. Они думали, что разстались съ землею и плаваютъ теперь въ эфирѣ новой планеты. Упавши духомъ и тѣломъ, они походили на блуждающихъ мертвецовъ, лишенныхъ даже гробницъ. Адмиралъ призвалъ экипажи на свое судно, и собравъ всѣхъ вокругъ себя, ободрялъ робкихъ своимъ мужествомъ; потомъ, предавшись, какъ поэтъ, вдохновенію, краснорѣчиво описывалъ, какъ будто уже самъ видѣлъ, неизвѣстныя земли, острова, моря, царства, сокровища, произрастительность, золотыя рудники, песчаныя жемчужныя побережья, горы, блистающія драгоценными камнями, равнины съ благоухающими растениями, казалось, какъ будто уже вѣетъ ароматомъ отъ этихъ чудныхъ, счастливыхъ береговъ, къ которымъ каждая волна приближала плователей. Эти очаровательныя картины, нарисованныя роскошнымъ воображеніемъ начальника, восхитили и ободрили упавшихъ духомъ; пассатный вѣтеръ, умѣренно и постоянно дувшій отъ востока, какъ бы способствовалъ нетерпѣнію матросовъ. Теперь одно только разстояніе могло устрашать ихъ. Колумбъ, желая скрыть отъ нихъ часть пройденнаго пути, каждый день утаивалъ по нѣсколькимъ миль и утаилъ почти половину дороги. Экипажи, дѣйствительно, обольщенные тихимъ дуновеніемъ вѣтра и спокойнымъ колебаніемъ волнъ, воображали, что медленно несутся по послѣднимъ морямъ Европы.

XXVI.

Онъ желалъ также скрыть отъ нихъ одинъ феноменъ, который его самого приводилъ въ недоумѣніе. На двѣсти миль отъ Тенерифа, ма-

гнитная стрѣлка компаса, этого единственно непогрѣшимого, по мнѣнію его указателя, стала измѣнять свое направленіе, на рубежѣ неспокояемаго полушарія. Нѣсколько дней онъ скрывалъ отъ всѣхъ это ужасное открытіе, но его кормчіе, также внимательно смотрѣвшіе въ нактоузъ *, скоро замѣтили уклоненіе стрѣлки. Удивленные, но не столь твердые, какъ ихъ начальникъ, готовый противоборствовать самой природѣ, они думали, что самыя стихіи возмущаются и перемѣняютъ законы на границѣ безпредѣльнаго пространства. Круженіе, предполагаемое ими въ природѣ, подѣйствовало на нихъ гибельно. Блѣднѣя, сообщали они другъ другу свои сомнѣнія и оставляли кормила на произволъ волнъ и вѣтровъ. Робость ихъ смутила и матросовъ. Коломбъ, тщетно стараясь изъяснить себѣ самому это явленіе, причину котораго и доселѣ не вполне еще разрѣшила наука, прибѣгнувъ къ могучему воображенію, которымъ такъ щедро надѣлила его природа. Онъ придумалъ этому уклоненію магнитной стрѣлки толкованіе, хотя ложное, однако казавшееся для неученыхъ людей правдоподобнымъ. Коломбъ приписывалъ это новымъ звѣздамъ, обращающимся вокругъ небснаго полюса, которыя поочередно притягивали магнитную стрѣлку. Это изъясненіе, сходное съ астрологическими началами того времени, удовлетворило кормчихъ, которые успокоили матросовъ. Видъ цапли и одной тропической птицы, летавшихъ на другой день около мачтъ маленькой флотиліи, подѣйствовалъ столь же благотѣльно на чувства, сколько изъясненіе адмирала на разумъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти два обитателя земли не могли жить въ морѣ безъ деревъ, травъ, прѣсной воды. Они имъ явились какъ два свидѣтеля, подтверждающіе, прежде очевидныхъ доказательствъ, предположенія Колумба. Вѣря теперь птицамъ,плыли они съ болѣею увѣренностью. Постоянно пріятная погода въ этой части Океана, ясное небо, прозрачное море, въ которомъ рѣзвились дельфины, теплый воздухъ, приносимый изъ далека волнами аромать, болѣе чистый и живой блескъ ночныхъ свѣтилъ—все это вливало въ сердце и душу радость и убѣжденіе. Какъ будто въ самомъ воздухѣ вѣяло предсказаніемъ о новомъ, невидимомъ свѣтѣ. Пловцы невольно вспоминали о свѣтлыхъ дняхъ, ясныхъ звѣздахъ, очаровательныхъ весеннихъ сумеркахъ прекрасной Андалузій. «Недоставало только намъ, писалъ Коломбъ, одного соловья.»

XXVII.

Вотъ и море стало являть свои признаки. Неизвѣстныя травы ча-

* Ящикъ, въ которомъ помѣщается компасъ.

сто носились по волнамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, говорятъ историки этого перваго плаванія, принадлежали къ растеніямъ отмелей, береговыхъ камней и рѣчнымъ; иныя, недавно еще оторванныя отъ корней, сохраняли всю свою свѣжесть; на одномъ замѣтили живаго рака-плавателя, пустившагося въ море на пучкѣ травы. Эти растенія, эти живыя существа не могли долго оставаться на морѣ, не теряя жизни. Птица, изъ породы такихъ, которыя не плещутся въ волнахъ и не покоются на водѣ, пролетѣла надъ судами. Откуда явилась она? Куда направила полетъ свой? И далеко ли мѣсто ея пріюта? Далѣе океанъ началъ перемѣнять температуру и цвѣтъ воды, признаки различной глубины; въ другомъ мѣстѣ онъ уподоблялся неизмѣримой зеленѣющей равнинѣ, и суда съ трудомъ разрѣзывали морскія растенія, замедлявшія ходъ ихъ. Утромъ и вечеромъ отдаленные туманы рисовали на горизонтѣ горы и низменности. Всѣ готовы были вскрикнуть «берегъ!» Коломбъ не хотѣлъ ни слишкомъ подтверждать, ни слишкомъ разрушать надеждъ, служившихъ его цѣлямъ и ободравшихъ его товарищей. Но онъ прошелъ еще только триста миль отъ Тенерифа, а по его вычисленіямъ надлежало еще пройти семьсотъ или восемьсотъ миль, чтобы найти землю.

XXVIII.

Но Коломбъ скрывалъ всѣ эти догадки; между его товарищами не было друга, которому онъ могъ бы безобоязненно повѣрять свои тайныя мысли. Во время этого длиннаго пути ему не съ кѣмъ было бесѣдовать, развѣ только съ самимъ собою, да съ звѣздами. Почти безъ сна, какъ это сказалъ онъ въ прощальной прокламаціи старому свѣту, Коломбъ проводилъ дни въ кормовой своей каютѣ, замѣчая, ему одному извѣстными знаками, градусы широты и пройденныя разстоянія; ночи онъ проводилъ близъ кормчихъ, наблюдая звѣзды и море. Коломбъ своимъ важнымъ задумчивымъ видомъ вселялъ въ товарищей то почти-тельность, то страхъ и недовѣріе, и всѣ отъ него удалялись. Подобное одиночество всегда замѣтно вокругъ людей, исполненныхъ высокими мыслями и намѣреніями, потому ли, что они имѣютъ нужду въ уединеніи, или потому, что толпа не смѣетъ къ нимъ приблизиться, не почувствовавъ своего ничтожества предъ высокими избранниками творенія.

XXIX.

Но земля, такъ часто замѣчаемая, являлась матросамъ только въ

миражѣ. Съ разсвѣтомъ дня разсѣивался впереди фантастическій горизонтъ, на которомъ вечерній сумракъ рисовалъ берегъ и горы, и все опять погружалось въ безграничную бездну.

Вѣтеръ, постоянно дувшій съ востока, былъ такъ однообразенъ, что нѣсколько уже дней не нужно было трогать паруса. Это послужило новымъ поводомъ къ смущенію матросовъ. Они воображали, что этотъ вѣтеръ, всегда дующій въ одномъ направленіи по Великому океану, опоясывающему всю землю, съ которымъ такъ легко скользятъ они къ западу, послужитъ непреодолимымъ препятствіемъ къ возвращенію въ отечество. Дѣйствительно, какъ пойдутъ они противъ вѣтра? развѣ будутъ лавировать въ этомъ пространствѣ?

Но если лавировать безконечными галсами для возвращенія къ старому свѣту, то гдѣ же взять провизіи и воды, которыя до половины уже издержаны? Кто спасетъ ихъ отъ голодной смерти въ борьбѣ съ вѣтрами, не позволяющими достигнуть до родныхъ береговъ? Многіе стали исчислять на сколько дней хватитъ провизіи, роптали потихоньку на упрямство начальника и порицали свое терпѣніе и послушаніе, въ слѣдствіе которыхъ сто двадцать человекъ жертвуютъ жизнью безумію одного.

Но каждый разъ, когда ропотъ доходилъ до возмущенія, казалось, Провидѣніе посылало новые, болѣе убѣдительные знаки, возвращавшіе имъ надежду. Такъ, 20 сентября, попутный вѣтеръ, устравшій ихъ своимъ постоянствомъ, переѣнился на юго-западный. Матросы привѣтствовали эту переѣвну, хотя и противную для ихъ пути, какъ знакъ жизни и подвижности въ стихіяхъ. Вечеромъ маленькія птички изъ числа тѣхъ, которыя вьютъ свои гнѣзда въ кустарникахъ и садахъ, порхали вокругъ мачтъ; ихъ легкія крылушки и веселое щебетанье не показывали усталости и страха, который, конечно, овладѣлъ бы ими, если бѣ порывомъ вѣтра неволью унесло ихъ въ далекое морѣ. Ихъ пѣніе, похожее на то, какое случалось матросамъ слышать въ миртовыхъ и померанцевыхъ рощахъ Андалузій, напоминало имъ родину и возвѣщало близость берега. Они замѣтили также воробьевъ, имѣющихъ всегдашній пріютъ на кровлѣ домовъ. Трава, болѣе густая и свѣжая на поверхности волнъ, уподоблялась зеленымъ лугамъ и полямъ. Она очаровывала зрѣніе пловцовъ, утомленныхъ однообразнымъ видомъ вѣчно лазурныхъ волнъ. Но растенія сдѣлались такъ часты и густы, что боялись запутать въ нихъ руль и киль и остаться плѣнниками въ этомъ морскомъ тростникѣ, какъ случается съ судами, затертыми льдомъ въ полярномъ морѣ. Такъ всякая радость скоро переходила въ тревогу; такъ часто неизвѣстное вселяетъ страхъ въ сердце человѣка! Коломбъ,

какъ путеводитель, прокладывающій чрезъ таинственный океанъ дорогу, обязанъ былъ казаться понимающимъ все то, что его самого удивляло и выдумывать изъясненіе всякому явленію, поражающему его спутниковъ.

XXX.

Экваторальные штили привели всѣхъ въ новый ужасъ. Если все, даже и самый вѣтеръ умираетъ въ этихъ водахъ, кто же дастъ дуновение парусамъ и движеніе судамъ? Вдругъ море вспѣнилось безъ вѣтра: они думали, что земля трясется въ основаніяхъ своихъ. Огромное чудовище, сонный китъ, показался на хребтѣ волнъ. Имъ представилось, что это страшилище проглотитъ ихъ вмѣстѣ съ кораблями. Теченіе моря несло ихъ по своему произволу: пловцы воображали, что приближаются къ подводнымъ кратерамъ и будутъ увлечены въ бездонные водоемы. Угрюмые, раздраженные матросы сходились въ кучки около мачтъ, громко и ясно сообщали другъ другу свои жалобы и говорили, что надо заставить кормчихъ поворотить суда назадъ, а адмирала бросить за бортъ, какъ безумца, неоставляющаго имъ другаго выбора, кромѣ самоубійства и убійства.

Природа опять принесла Колумбу свою помощь. Прохладный вѣтеръ подулъ отъ востока, и суда понеслись впередъ по гладкому морю.

Прежде наступленія ночи, Алонзо Пинсонъ, начальствовавшій Пинтою и шедшій такъ близко къ адмиралу, что могъ съ нимъ разговаривать, первый закричалъ съ юта, «берегъ!» Весь экипажъ, повторяя этотъ спасительный крикъ, крикъ жизни и торжества, бросился на колѣна и воспѣлъ гимнъ «Слава въ вышнихъ Богу!» Это священное пѣніе, первый гимнъ, восходящій къ Творцу, съ середины новаго океана, тихо разносился по волнамъ. Когда окончилось пѣніе, всѣ вошли на мачты, и поднялись какъ можно выше по снастямъ, чтобъ собственными глазами увидѣть берегъ, замѣченный Пинсономъ на юго-западѣ. Одинъ Колумбъ сомнѣвался, но не противорѣчилъ восхищенному экипажу, и велѣлъ всю ночь держать на югъ, рѣшась пожертвовать настоящимъ путемъ для мнимаго удовольствія своихъ товарищей. Обманъ исчезъ съ восхожденіемъ солнца. Берегъ Пинсона, какъ призракъ разсѣялся съ ночнымъ туманомъ. Адмиралъ опять взялъ путь на западъ, куда стремились всѣ его мысли.

XXXI.

Поверхность Океана представилась опять гладкою равниною; солнце отражалось въ немъ и сіяло, какъ на второмъ небѣ. Волны ласкали

судно, обдавая его легкою пѣною, многочисленныя дельфины прыгали въ струѣ за кормою; все море казалось оживленнымъ; летучія рыбки, поднимаясь съ воды на воздухъ, падали на палубы. Все въ природѣ какъ бы сговорилось съ Коломбомъ поддерживать въ матросахъ возражающуюся надежду, и они забывали о времени. 4 октября все думали, что прошли не болѣе 600 лигъ отъ странъ извѣстныхъ, а по тайному исчисленію адмирала выходило болѣе 800. Примѣты близости земли увеличивались, но никакого берега на горизонтѣ не показывалось. Ужасъ снова овладѣлъ матросами. Самъ Коломбъ, спокойный, по видимому, волнуемъ былъ сомнѣніемъ; онъ боялся не прошелъ ли незамѣтнымъ образомъ архипелагъ острововъ и, миновавъ оконечность Азіи, заблудился теперь въ какомъ-нибудь третьемъ океанѣ.

Болѣе легкое на ходу судно Пина, шедшее впереди, 7 октября подняло флагъ, въ знакъ открытія, и грянуло радостнымъ выстрѣломъ изъ пушки, чтобъ возвѣстить прочимъ судамъ о берегѣ. Приближаясь увидѣли, что Пина обманута была облакомъ. Вѣтеръ разнесъ его въ воздухъ, вмѣстѣ съ нимъ унеслась и кратковременная радость, смѣнившаяся отчаяніемъ. Ни что такъ губительно не дѣйствуетъ на человѣка, какъ эти безпрестанныя переходы отъ мнимой радости къ горькому разочарованію.» Упреки опять посыпались на адмирала. Теперь вѣнялось въ вину путеводителя не только бесполезныя ихъ труды, не только взаимныя несогласія, но безнадежное пожертвованіе самою жизнью. Хлѣбъ и вода были у нихъ на исходѣ.

Коломбъ и самъ смущенный безпредѣльностью пространства, границу котораго думалъ наконецъ достигнуть, оставивъ начертанный имъ на картѣ идеальный свой путь, два дня и двѣ noci держалъ путь по полету птицъ, небесныхъ лодмановъ, самимъ Провидѣніемъ ему ниспосланныхъ, въ минуту, когда начинали ослабѣвать его человѣческія знанія. Инстинктъ этихъ птицъ, говорилъ онъ самъ себѣ, не направлялъ бы ихъ къ одной и той же точкѣ горизонта, если бъ не было тамъ берега. Но птицы, по мнѣнію матросовъ, были какъ-бы въ заговорѣ и съ необозримымъ Океаномъ, и съ обманчивыми звѣздами, на гибель судовъ и плователей. Къ вечеру на третій день, кормчіе, вошедъ на ванты, въ то время, когда заходящее солнце открываетъ небольшую часть горизонта, увидѣли что свѣтило погружается въ тѣ же самыя волны, изъ-за которыхъ съ каждымъ утромъ тщетно восходитъ. Стало-быть, океанъ безбреженъ. Отчаяніе, ими овладѣвшее, перемѣнилось въ скрытную ярость. Что, въ-самомъ-дѣлѣ, церемониться съ человѣкомъ, обманувшимъ дворъ; титла и власть, похищенные имъ у довѣренности государей погибнуть вмѣстѣ съ его мечтами. Слѣдовать съ нимъ еще далѣе не значить-ли

быть участниками его преступленія? Послушаніе не должно-ли оканчиваться тамъ, гдѣ оканчивается свѣтъ? Для спасенія, если еще остается имъ какое спасеніе, вѣтъ другаго средства, какъ поворотить суда къ Европѣ и, лавируя, бороться съ вѣтрами, соумышленниками адмирала; его же самаго приковать къ мачтѣ, пусть слушаетъ тамъ проклятія умирающихъ, когда прійдется умирать имъ, или предать его мщенію Испаніи, если небо дозволитъ имъ увидѣть берега родины.

Этотъ ропотъ превратился въ крики. Отважный адмиралъ еще удерживалъ дерзкихъ непоколебимымъ спокойствіемъ. Онъ грозилъ возмущившимся властію, которою облеченъ былъ отъ государей, что должно быть священо для подданныхъ. Призывалъ небо-быть судьей между нимъ и заблудшими. Коломбъ не унижилъ себя: онъ ручался жизнію за свои обѣщанія и требовалъ отъ нихъ пророческимъ голосомъ только три дня вѣры къ словамъ его и не приводить въ исполненіе, до истеченія этого срока, намѣренія своего возвратиться въ Европу. Онъ далъ клятву, клятву, можетъ быть, дерзкую, но по обстоятельствамъ необходимую, что если по истеченіи трехъ дней не будетъ видно на горизонтѣ берега, онъ готовъ вести ихъ обратно въ Европу. Знаки, обнаруживающіе близость острововъ или земли, были такъ очевидны въ глазахъ адмирала, что выпросивъ эти три дня у волнующихся экипажей, онъ считалъ несомнѣннымъ, что приведетъ ихъ къ цѣли. Экипажи съ сожалѣніемъ дали Коломбу эти три дня, и Господь, вдохновлявшій его, не посрамилъ его вѣрованія.

XXXII.

На второй день, при восхожденіи солнца показался около судовъ тростникъ, какъ-бы недавно оторванный отъ корня, потомъ доска, обдѣланная топоромъ, палка съ искусною рѣзбою, вѣтвь баярышника съ цвѣтами, наконецъ сучекъ дерева, сломанный вѣтромъ съ гнѣздышкомъ, въ которомъ покоилась птичка, не смотря на легкое колебаніе волнъ. Все это послѣдовательно являлось на водѣ. Матросы подняли на суда эти живые, говорящіе знаки близости земли. Это былъ голосъ съ берега, подтверждающій слова Коломба. Прежде, чѣмъ они увидѣли землю тѣлесными очами, нельзя уже было въ ней сомнѣваться духовно. Матежники бросились на колѣна предъ адмираломъ, котораго еще вчера оскорбляли; они просили прощенія за свое недовѣріе и возгласили благодарный гимнъ Богу, содѣлавшему ихъ участниками столь великаго дѣла!

При этомъ священномъ пѣніи, привѣтствовавшемъ Новый Свѣтъ, наступила ночь. Адмиралъ приказалъ убрать паруса, бросать лотъ и

итти, какъ можно тише, чтобъ не наткнуться на мель или подводные камни, будучи увѣренъ, что съ разсвѣтомъ дня откроется предъ ними берегъ. Никто не смыкалъ глазъ въ эту великую ночь. Нетерпѣливое ожиданіе отнимало сонъ; кормчіе, матросы на мачтахъ, реяхъ и вантахъ соперничали, кто первый изъ нихъ увидитъ новое полушаріе. Адмиралъ назначилъ награду тому, кто первый закричитъ «берегъ!» если берегъ, дѣйствительно, подтвердитъ это открытіе. Но Провидѣніе предоставило ему самому прежде всѣхъ открыть Новую Землю, купленную цѣною двадцати лѣтъ его жизни, постоянствомъ и безчисленными опасностями. Въ полночь, прохаживаясь одинъ на ютѣ своего судна и устремляя пронизательный взоръ сквозь мракъ, онъ примѣтилъ впереди огонекъ, то потухавшій, то вновь свѣтившій вровень съ поверхностью волнъ. Боясь обмануться фосфорическимъ сіяніемъ моря, онъ потихоньку позвалъ къ себѣ благороднаго испанца, придворнаго Изабеллы, по имени Гуттіереса, къ которому болѣе имѣлъ довѣренности, нежели къ кормчимъ. Онъ показалъ ему рукою точку на горизонтѣ и спрашивалъ: не видитъ-ли онъ по этому направленію свѣта. Гуттіересъ отвѣчалъ утвердительно. Колумбъ, чтобъ еще болѣе убѣдить себя, позвалъ другаго довѣреннаго своего, Родрига Санхеса изъ Сеговіи. Санхесъ также не колебался подтвердить, что видитъ на горизонтѣ огонь, который то выхлываетъ, то угасаетъ. Это могъ быть огонь, разложенный на взморьѣ безпрестанно закрываемый плескомъ волнъ, или фонарь на рыбацкой лодкѣ, качаемой зыбью. И такъ земля и признакъ жизни въ одно и тоже время явились Колумбу и его повѣреннымъ въ видѣ огня, въ ночи съ 11 на 12 октября 1492 г. Колумбъ приказалъ Родригу и Гуттіересу хранить молчаніе, опасаясь, чтобъ не дать экипажу ложной радости и горькаго разочарованія. Огонь погасъ, но Колумбъ до двухъ часовъ утра оставался на ютѣ, молясь, надѣясь и отчаиваясь—торжество, или обратный путь сулитъ ему день завтрашній.

XXXIII.

Колумбъ погруженъ былъ въ тяжкую скорбь, которая предшествуетъ порожденію великихъ истинъ, какъ предемертныя муки предшествуютъ освобожденію души отъ тѣла. Вдругъ пушечный выстрѣлъ раздался по волнамъ океана и долетѣлъ до ушей его, какъ голосъ Новаго Свѣта. Колумбъ затрепеталъ и упалъ на колѣна на ютѣ. Это былъ крикъ: земля! брошенный съ Пинты, шедшей впереди флотилии, для показанія дороги и измѣренія глубины моря. При этомъ звукѣ, общій крикъ земля! раздался въ воздухѣ со всѣхъ рей и снастей. Закрѣпили

паруса и стали ждать разсвѣта. Океанъ сказалъ первое слово тайны во мракѣ ночи; съ разсвѣтомъ дня она должна была вполнѣ открыться. Сладчайшее благоуханіе несло къ судамъ съ берега, лежавшаго въ туманѣ, вмѣстѣ съ шумомъ буруна. Коломбъ замѣтилъ огонекъ, который возвѣщалъ присутствіе челоуѣка, и хотя первые признаки общежитія. Никогда ночь не покрывала такъ долго горизонта, который заключалъ въ себѣ для Коломба и его товарищей новый Божій міръ.

XXXIV.

Съ разсвѣтомъ начали мало-по-малу обозначаться формы острова, выходящаго изъ волнъ моря. Обѣ его оконечности еще терялись въ утреннемъ туманѣ. Берегъ отъ воды возвышался амфитеатромъ до вершины холмовъ, которыхъ темная зелень рѣзко отличалась отъ свѣтлоголубаго неба. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пѣны волнъ, замирающихъ на желтомъ пескѣ волнъ, растилались роши величественныхъ, неизвѣстныхъ деревъ, которыя опоясывали послѣдовательными уступами весь островъ. Зеленія бухты съ свѣтлыми прогалинами въ чащѣ лѣса позволяли проникать глазомъ въ таинственныя пустыни. Тамъ и сямъ проглядывали разбросанныя жилища, похожія издали на улья пчелъ, по своимъ круглымъ формамъ и крышамъ изъ сухихъ листьевъ; дымъ въ разныхъ мѣстахъ поднимался надъ вершинами деревъ. Группы полунагихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, болѣе удивленныхъ, чѣмъ испуганныхъ, показывались на берегу, между деревьями; они то приближались, то отступали, обнаруживая своими жестами столько же страха, сколько любопытства и удивленія, при видѣ кораблей и странниковъ, принесенныхъ къ нимъ ночными волнами.

XXXV.

Коломбъ, послѣ безмолвнаго созерцанія этой передовой земли, такъ часто опредѣляемой его вычислениями и такъ роскошно украшаемой его воображеніемъ, нашелъ ее выше, прекраснѣе своихъ мечтаній. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ оставить на пескѣ первые слѣды европейца и водрузить крестъ и испанскій флагъ—въ ознаменованіе завоеванія христіанства и своихъ государей, совершеннаго его геніемъ. Но онъ укротилъ свое нетерпѣніе и не допустилъ товарищей вступить на берегъ. Онъ хотѣлъ взятіе во владѣніе Новаго Свѣта отпраздновать торжествомъ, достойнымъ великости событія. Это событіе превосходило все, что до тѣхъ совершили мореплаватели, и за недостаткомъ людей, онъ при-

звалъ Бога и ангеловъ, море, землю и небо въ свидѣтели своего завоеванія.

Коломбъ возложилъ на себя всѣ знаки отличій адмирала морей и вице-короля будущихъ владѣній, надѣлъ пурпуровую мантию и, взявъ въ правую руку знамя, на которомъ вышиты были крестъ и вензеля Фердинанда и Изабеллы подъ общею короною, вступилъ на шлюпку и отправился къ берегу, сопровождаемый шлюпками его помощниковъ Алонза и Ионеса Пинсановъ. Вступивъ на землю, онъ бросился на колѣна, чтобы въ смиреніи и молитвѣ принять эту новую часть дотолѣ неизвѣстнаго міра. Онъ цѣловалъ песокъ, и преклонивъ лицо къ травѣ, плакалъ. Слезы его оросили почву этого полушарія, впервые посѣщеннаго жителями старой Европы.

XXXVI.

«Боже вѣчный и всемогущій!» воскликнулъ Коломбъ, поднимаясь съ земли и произнося молитву, которую сохранили намъ его спутники, «Господи, силою творческаго Твоего слова создавшій твердь, море и землю! Да будетъ имя Твое благословенно и прославлено всюду! Величіе и власть Твоя превозносима отъ вѣка и до вѣка! Ты избралъ низайшаго изъ рабовъ Твоихъ, чтобы имя Твое святое было повѣдано и провозглашено въ этой половинѣ скрытаго доселѣ Твоего владычества!»

Послѣ этого онъ назвалъ этотъ островъ С. Сальвадоромъ.

Его помощники, кормчіе, матросы, упоенные радостію и исполненные почтеніемъ къ тому, который видѣлъ за нихъ далѣе зримаго горизонта, и котораго еще вчера они оскорбляли своею недовѣрчивостію, бросались передъ нимъ на колѣна, цѣловали его руки и одежду. Въ эту минуту они признавали величіе генія, вчера жертвы его настойчивости, сегодня товарищи его постоянства, озаренные славою, которую они прежде проклинали. Таковы люди: преслѣдуютъ вождей, и наследуютъ ихъ завоеванія.

XXXVII.

Во время взятія во владѣніе этой земли, жители острова, сначала удерживаемые страхомъ въ отдаленіи, потомъ, по инстинктивному любопытству, связующему человѣка съ человѣкомъ, приблизились. Они спрашивали другъ друга о чудесахъ этой ночи и разсвѣта. Эти корабли, управляющіе реями и парусами, какъ огромными членами, дѣйствіемъ внутренней воли, показали имъ одушевленными, сверхъестественными

существами, сошедшими во мракъ ночи съ кристальной тверди, окружающей ихъ горизонтъ, небо-жители летающіе на крыльяхъ и упадающіе по своей волѣ на берега, которыхъ они боги. Пораженные удивленіемъ при видѣ шлюпокъ, пристающихъ къ ихъ острову и людей въ блистательныхъ одеждахъ съ оружіемъ, на которомъ отражается солнечный свѣтъ, они наконецъ подошли къ нимъ, какъ бы очарованные ихъ могуществомъ. Они воздали пришельцамъ какъ бы Божескую честь и просили ихъ умилостивиться, съ дѣтскою простотою, не подозревающею подл благообразіемъ зла. Испанцы, въ свою очередь, наблюдая ихъ, удивлялись, не находя въ наружности и цвѣтѣ этихъ островитянъ ничего похожаго на племена африканскія, азіатскія и европейскія, которыя имъ случалось видѣть. Ихъ мѣдный цвѣтъ лица, мягкіе, волнистые, по плечамъ распушенные волосы, глаза, темные какъ ихъ море, черты лица тонкія, женоподобныя, наконецъ ихъ нагота и цвѣтные узоры, которыми расписаны были ихъ члены, все показывало, что они принадлежатъ къ породѣ людей совершенно отличной отъ прочихъ человѣческихъ племенъ, разсѣянныхъ въ старомъ полушаріи, къ породѣ, сохранившей еще простоту и вѣжность дѣтства, забытой въ теченіе вѣковъ въ незнаемомъ углу свѣта и, по невѣднію своему, сохранившихъ простоту, чистосердечіе и кротость первобытныхъ дней.

Коломбъ, въ увѣренности, что этотъ островъ есть передовая земля Индіи, къ которой онъ думалъ плыть, назвалъ жителей по ошибкѣ индѣйцами, имя, которое они сохранили даже до уничтоженія своего.

XXXVIII.

Вскорѣ эти индѣйцы познакомились съ своими гостями, показали имъ источники, свои хижины, деревни, лодки, принесли имъ въ даръ плоды, маниоковый хлѣбъ, который пополнилъ припасы испанцевъ, и нѣкоторыя украшенія изъ чистаго золота, носимыя въ ушахъ, на шеѣ, въ видѣ ожерельевъ и жемчужинами на ногахъ. Торговля и употребленіе денегъ имъ были неизвѣстны. Малѣйшія бездѣлушки, получаемыя ими отъ европейцевъ, приводили ихъ въ восхищеніе. Новость для нихъ давала цѣнность каждой вещи. Что рѣдко, то и драгоцѣнно въ свѣтѣ! Испанцы, искавшіе страну золота и драгоцѣнныхъ камней, спрашивали знаками, изъ какого мѣста получаютъ они этотъ металлъ. Индѣйцы показали имъ на югъ; адмиралъ и его товарищи подумали, что въ той сторонѣ есть островъ или материкъ Индіи, который своимъ богатствомъ и искусствами соответствуетъ чудеснымъ разсказамъ венеціанца Марко Паоло. Эта земля, отъ которой, по ихъ мнѣнію, были они теперь не-

далеко, называлась баснословнымъ отеромъ Сипангу или Японіей, владитель которой имѣлъ полъ изъ золотыхъ дощечекъ. Нетерпѣніе поспѣшить къ этой мечтательной и корыстолюбивой цѣли заставило ихъ взойти опять на свои суда. Они запаслись свѣжею водою изъ ручьевъ на островѣ, палубы ихъ обременены были плодами, кореньями и маіоковымъ хлѣбомъ, принесенными въ даръ этими бѣдными, но счастливыми индѣйцами. Испанцы взяли съ собою одного островитянина, чтобъ научить его своему языку, и имѣть въ послѣдствіи для себя переводчика.

XXXIX.

Обошедъ островъ С. Салвадоръ, опя какъ бы заблудились въ каналахъ архипелага, состоящаго болѣе чѣмъ изъ ста неровной величины острововъ, покрытыхъ могучею и роскошною растительностью. Они пристали къ болѣе обширному и населенному острову, и были окружены лодками, выдолбленными изъ одного дерева; тутъ началась съ жителями мѣна: съ одной стороны давали пуговицы и погремушки, съ другой золото и жемчугъ. Плаваніе ихъ и посѣщеніе острововъ среди этого неизвѣстнаго архипелага было для нихъ повтореніемъ видѣннаго на С. Салвадорѣ. Тоже безвредное любопытство встрѣчало ихъ повсюду. Они восхищены были климатомъ, цвѣтами, благоуханіемъ, разноцвѣтными птицами въ этихъ оазисахъ; но мысль ихъ постоянно стремилась къ другой цѣли, къ отысканію страны золота, которую полагали они на оконечности Азіи, отъ этого они были не столь чувствительны къ найденнымъ сокровищамъ природы и не полозрѣвали новаго огромнаго материка, которому предшествовали открытые ими острова. Слѣдуя вѣтрамъ и знакамъ индѣйцевъ, указывавшимъ на страну болѣе богатую, чѣмъ ихъ архипелагъ, Коломбъ пустился къ берегамъ острова Кубы, котораго и достигъ по трехдневномъ пріятномъ плаваніи, не теряя изъ виду прекрасныхъ Багаменскихъ острововъ, служившихъ вѣхами въ его пути.

Куба съ своими уступистыми, безграничными берегами, примыкающими къ горамъ, которыя прорѣзываютъ небо, съ гаванями, устьями рѣкъ, заливами, рейдами, лѣсами, деревнями, напоминала только въ болѣе величественныхъ очеркахъ древнюю Сицилію. Коломбъ остался въ нерѣшимости: материкъ это, или островъ? Онъ бросилъ якорь въ устьѣ обширной рѣки; приставъ къ берегу, прошелъ песчаное взморье, осмотрѣлъ лѣсъ, пальмовыя и померанцевыя рощи, деревни и хижинны.

Все было пусто; жители удалились при его приближеніи, нашли одну только собаку, и та не подавала голоса. Коломбъ вошелъ опять на судно и поднялся вверхъ по рѣкѣ, осыпанной широколиственными пальмами и гигантскими деревьями, покрытыми въ одно время плодами и цвѣтами. Природа, казалось, безъ труда человѣческаго расточала здѣсь дары свои для поддержанія жизни и наслажденія ею. Все напоминало райскій садъ. Безвредныя животныя, птицы, блистающія пурпуромъ и лазурью, попугаи, зеленые дятлы, колибри летали и пѣли, представляя разноцвѣтныя облака, носящіяся съ вѣтви на вѣтвь; блестящія бабочки затмѣвали собою воздухъ; солнце, умѣряемое прохлагою высокихъ горъ, тѣнью деревьевъ, свѣжестью источниковъ, все оживляло но ничего не пожигало. Луна и звѣзды отражались на лонѣ рѣки, озаряя ее во время ночи тихимъ сіяніемъ. Безотчетное упоеніе наполняло душу и чувства Коломба и его товарищей. Это точно была новая, болѣе дѣвственная, болѣе щедрая земля, сравнительно съ той, откуда они пришли.

«Этотъ островъ, говоритъ Коломбъ въ своихъ запискахъ, былъ прекраснѣе всего, что только могъ глазъ человѣческой видѣть. Хотѣлось бы навсегда тутъ поселиться. Безъ печали жить и сладко умереть!»

Ароматъ растений, несущійся изъ глубины острова, доходилъ до судовъ, и находка на берегу жемчужныхъ раковинъ, еще болѣе удостовѣрила Коломба, что Кюба есть продолженіе Азіи. Онъ полагалъ, что за горами этого острова или материка, не зная, соединяется или нѣтъ Куба съ твердою землею, найдетъ государства, цивилизацію, золотые рудники и чудеса, которыми восторженные путешественники такъ щедро надѣляли Китай и Японію. Не могли настигнуть туземцевъ, бѣжавшихъ прочь отъ берега при приближеніи испанцевъ, онъ послалъ двухъ товарищей, изъ которыхъ одинъ говорилъ по-еврейски, а другой по-арабски, отыскивать эти баснословныя столицы, гдѣ, по мнѣнію его, имѣлъ мѣстопробываніе властитель Китая. Эти посланники несли съ собою подарки, чтобъ промѣнять ихъ на чистое золото, котораго неисчерпаемый источникъ долженъ былъ, какъ они думали, находиться въ этой странѣ.

Посланные возвратились на суда, не открывъ никакой столицы, кромѣ хижинъ индѣйцевъ и роскошной природы въ благоуханіи, цвѣтахъ и плодахъ. Имъ удалось, помощію подарковъ, ободрить и приласкать нѣкоторыхъ индѣйцевъ и привести ихъ съ собою къ адмиралу. Табакъ, растеніе слегка охмѣляющее, которое жители свертывали въ трубочки и зажигая однимъ концемъ, вдыхали въ себя дымъ дру-

гимъ; картофель, мучной корень, обращаемый въ готовый хлѣбъ въ горячемъ пеплѣ; маисъ, хлопчатая бумага, которую пряли женщины; лимоны, апельсины и другіе неизвѣстные плоды ихъ садовъ были единственными сокровищами, найденными испанцами въ разбросанныхъ по лѣснымъ прогалинамъ группами жилищахъ.

Обманутый въ своихъ золотыхъ мечтахъ, адмиралъ, слѣдуя худо понятнымъ указаніямъ индійцевъ, съ сожалѣніемъ оставилъ это очаровательное мѣсто и отправился на западъ, гдѣ все полагалъ найти свою баснословную Азію. Опъ взялъ съ собою нѣсколько мужчинъ и женщинъ кубскихъ, болѣе смѣлыхъ и довѣрчивыхъ, чтобъ служить ему переводчиками въ сосѣднихъ земляхъ, которыя намѣревался посѣтить, обратитъ въ истинную вѣру и вручить Изабеллѣ.

Увѣренный, что островъ Куба, оконечностей котораго онъ не видалъ, составляетъ часть азіятскаго материка, Колумбъ плылъ нѣсколько дней въ небольшомъ разстояніи отъ настоящаго материка Америки, не видя однако жъ его. Его упрямое заблужденіе скрыло отъ него столь близкую дѣйствительность. Между-тѣмъ зависть, долженствовавшая отравить дни Колумба, зародилась въ душѣ товарищей его въ тотъ самый день, когда открытія осуществили мечты цѣлой его жизни. Америкъ-Веспучи, ничтожный флорентинецъ, управлявшій однимъ судномъ, далъ свое имя новому свѣту, къ которому единственно Колумбъ направилъ путь его. Веспучи одолженъ этимъ случаемъ и плаваніямъ своимъ въ этихъ водахъ вмѣстѣ съ Колумбомъ. Какъ помощнику, преданному адмиралу, ему и въ мысль не приходило оспаривать у него славу. Своенравная фортуна назвала его именемъ Новый свѣтъ, а привычка сохранила это названіе. Но Америкъ въ этомъ не былъ виновенъ. Можно упрекать въ неблагодарности потомство, но нельзя упрекать въ умышленномъ присвоеніи этой чести счастливаго флорентинскаго кормчаго.

XI.

Но зависть, раждающаяся въ сердцѣ человѣческомъ, въ самый день успѣха, уже пожигала сердце перваго Колумбова помощника, Алонзо Пинсона. Начальствуя Пинтою, вторымъ судномъ эскадры, которое по легкости въ ходу было всегда впереди, онъ ночью, какъ бы заблудившись, скрылся отъ Колумба. Пинсонъ рѣшился воспользоваться открытіями Колумба, пристать къ другимъ землямъ, назвать ихъ своимъ именемъ, и первый возвратиться въ Европу, чтобъ похитить славу и на-

грады, принадлежація его начальнику и путеводителю въ этомъ плаваніи.

Коломбъ нѣсколько уже дней замѣчалъ зависть и непослушаніе своего помощника. Но онъ былъ много обязанъ Пинсону: безъ него, безъ его ободреній и помощи въ Палосѣ ему не удалось бы снарядить судовъ и нанять матросовъ. Признательность не дозволила ему употребить строгости противъ человѣка, которому онъ былъ столько одолженъ. Великодушный, снисходительный, кроткій характеръ Коломба не допускалъ его до мѣръ слишкомъ крутыхъ. Будучи самъ добродѣтеленъ и справедливъ, онъ рассчитывалъ, что и другіе обратятся къ своему долгу. Но эта доброта почтена была Алонзо Пинсономъ за слабость и ободрила его неблагодарность. Онъ дерзко бросился между Коломбомъ и его открытіями въ намѣреніи вырвать ихъ у него.

XLI.

Горько было адмиралу увѣриться въ этомъ преступленіи; но онъ показывалъ видъ, будто вѣрить случайному разлученію Пинты, и съ двумя своими судами направилъ путь къ юговостоку, къ замѣченному по этому направленію на горизонтѣ огромному темному пятну. Коломбъ открылъ здѣсь островъ Испаньолу, переименованный въ послѣдствіи въ Сан-Доминго. Безъ этого падъ горами темнаго пятна, заставившаго Коломба повернуть къ нему, онъ открылъ бы материкъ Америки. Между тѣмъ архипелагъ американскій, прельщая Коломба и заблуждая отъ острова къ острову, какъ бы нарочно отвращалъ его отъ цѣли, которой онъ касался, самъ того не зная. Этотъ призракъ Азіи, приведшій его къ берегамъ Америки, становился теперь между Америкою и имъ, чтобъ для мечты скрыть великую дѣйствительность.

XLII.

Эта новая, улыбающаяся, плодородная, обширная земля, утопающая въ кристальной атмосферѣ и омываемая моремъ, волны котораго несли ароматы, показалаеь Коломбу очаровательнымъ островомъ, отторгнутымъ отъ материка Индіи, котораго онъ искалъ чрезъ такія разстоянія и опасности подъ мечтательнымъ именемъ острова Сипангú. Онъ назвалъ его Испаньолою, чтобъ увѣковѣчить именемъ своего новаго отечества. Жители простые, добрые, гостепріимные, почтительные, сбѣжались толпою на взморье, чтобъ встрѣтить существа высшей природы, которыхъ

небо чудеснымъ образомъ прислало къ нимъ съ конца свѣта или изъ глубины небесной тверди, чтобъ они могли ихъ обожать и служить имъ наравнѣ съ богами. Многочисленное, счастливое народонаселеніе покрывало тогда равнины и долины Испаньолы. Мужчины и женщины могли служить образцами сильнаго, прекраснаго племени. Всегдашній миръ, царствовавшій между этими поколѣніями, напечатлѣвалъ на ихъ лицахъ кротость и доброту. Ихъ законы, проистекая изъ чистаго сердца, переходили въ преданіяхъ и привычкахъ. Можно сказать, что этотъ народъ былъ еще въ дѣтствѣ, пороки не успѣли еще развиться въ немъ, а добрыхъ началъ было достаточно, чтобъ управлять его волею. Они знали земледѣліе, садоводство и искусства, все, что было необходимо для первыхъ потребностей жизни и общежитія. Поля ихъ прекрасно были воздѣланы, хижины хорошо убраны и расположены деревнями по опушкѣ лѣсовъ изъ фруктовыхъ деревьевъ, вблизи рѣкъ или источниковъ. Одежда ихъ, подъ благораствореннымъ небомъ, устранявшемъ отъ нихъ зиму и знойное лѣто, состояла болѣе въ украшеніяхъ изъ легкихъ тканей и поясовъ. Управление ихъ отличалось простотою и соответствовало ихъ понятіямъ. Это была одна семья, увеличившаяся народонаселеніемъ, но имѣвшая одного наслѣдственнаго начальника, котораго называли Кацикомъ. У нихъ не было писаныхъ законовъ, но ихъ обычаи были непреложны. Съ одной стороны была патріархальная власть, съ другой сыновнее повиновеніе.

Жители Кубы, которыхъ взялъ съ собою Колумбъ, стали понимать языкъ европейцевъ и могли служить переводчиками на этихъ моряхъ и островахъ. Они отчасти понимали языкъ жителей Испаньолы и были полезны для сношеній Колумба съ этимъ новымъ народомъ.

XLIII.

Такъ называемые индѣйцы, безъ всякой недовѣрчивости, пригласили испанцевъ въ свои хижины, предложили имъ маниоковый хлѣбъ, неизвѣстные плоды, рыбу, вкусные корни, ручныхъ птицъ съ богатѣйшими перьями и мелодическимъ пѣніемъ, цвѣты, бананы, лимоны, всѣ дары моря, неба, земли и счастливаго климата. Они ихъ чествовали какъ гостей, какъ братьевъ, почти какъ боговъ. «Природа, говоритъ Колумбъ, здѣсь такъ щедра, что алчность и скупость вовсе у нихъ неизвѣстны. Люди живутъ, кажется, въ золотомъ вѣкѣ, счастливые, покойные посреди своихъ неогражденныхъ садовъ, нѣтъ ни рововъ, ни палисадинокъ, ни стѣнъ. Они поступаютъ

другъ съ другомъ сираведливо, не имѣя ни законовъ, ни книгъ, ни судей. Они презируютъ челоуѣка, сдѣлавшаго вредъ ближнему. Это отвращеніе добрыхъ отъ злыхъ составляетъ повидимому все ихъ законодательство.» Религія ихъ состоитъ изъ чувства ничтожества своего, признательности и любви къ невидимому существу, надѣлывшему ихъ жизнію и счастіемъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

ПИТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.

Не многимъ, можетъ-быть, извѣстны съ точностію относительное достоинство питательныхъ веществъ и химическія дѣйствія ихъ въ тѣлахъ животныхъ. Въ статьѣ своей, которую мы предлагаемъ нашимъ читателямъ, Г. Эд. Шварцъ, въ легкомъ очеркѣ представилъ результаты многочисленныхъ изслѣдованій, предпринятыхъ знаменитѣйшими химиками новѣйшаго времени, съ цѣлію—изучить этотъ предметъ. Статью свою г. Шварцъ представилъ (Société industrielle de Mulhouse.) Мюльхаузенскому обществу промышленности.

Г. Шварцъ начинаетъ съ раздѣленія растительныхъ веществъ, образующихъ главныя составныя части организмовъ, на два класса:

Къ 1-му относятъ тѣ, которыя состоятъ только изъ трехъ простыхъ газообразныхъ тѣлъ: кислорода, водорода и углерода, а

Ко 2-й тѣ, которыя, сверхъ этихъ трехъ газовъ содержатъ еще азотъ.

Вещества перваго класса подраздѣляются на три отдѣла:

а) Нейтральныя (среднія) вещества, содержащія два атома водорода на одинъ атомъ кислорода и не постоянное количество углерода, каковы напримѣръ: дерево, крахмалъ, сахаръ, камедь и проч.

б) Содержащія кислорода болѣе предыдущихъ, каковы: уксусная кислота, виннокаменная кислота, лимонная, яблочная и другія кислоты.

в) Содержащія водорода болѣе, нежели вещества перваго отдѣла, каковы: жиръ, воскъ, смолы, летучія масла и спиртовыя жидкости.

Вещества втораго класса или азотосодержащія могутъ быть подраздѣлены тоже на два отдѣла.

а) Яды, которые называютъ алколоидами и которые содержатъ значительное количество азота въ соединеніи съ кислородомъ, а водородъ и углеродъ соединены въ нихъ не въ очень различныхъ количествахъ, каковы: хининъ, стрихнинъ, морфинъ, атропинъ, и проч.

б) Вещества питательныя, содержащія азота менѣе, нежели алколоиды и соединенныя всегда съ извѣстнымъ количествомъ сѣры, а именно:

а) Растительный фибринъ (Gluten kieber), который даютъ зерновые хлѣба.

б) Растительный казеннъ (Legumin), содержащійся въ горохѣ и чечевицѣ.

с) Растительная бѣлковина (Albumin), находящаяся почти во всѣхъ растеніяхъ.

Эти только три вещества могутъ подкрѣпить истощенныя силы человѣка и животныхъ.

Кромѣ того находятя еще разности этихъ трехъ веществъ; ихъ атомическій составъ такъ непостояненъ, что они весьма легко разлагаются и чрезъ то нарушаютъ составъ тѣхъ веществъ, которые находятся съ ними въ прикосновеніи и не содержатъ азота. Это такъ называемые ферменты или вещества, способствующія броженію и производящія его; отъ нихъ зависать спиртовое, кислое и гнилое броженія.

Разсмотримъ теперь какимъ образомъ растенія усваиваютъ себѣ начала, входящія въ ихъ составъ, и какой химическій процессъ происходитъ въ сѣмени растенія въ то время, когда зародышъ въ немъ заключающійся развивается.

Зерна хлѣбныя содержатъ въ себѣ крахмалъ въ соединеніи съ какииъ-нибудь ферментомъ; часто очень одно изъ трехъ питательныхъ веществъ, названныхъ нами выше, образуетъ ферментъ. Крахмалъ назначенъ для того, чтобъ служить пищею тому растенію, которое должно выйти изъ зерна, но для этого онъ долженъ быть сначала обращенъ въ сахаръ, что производится соединеннымъ дѣйствіемъ фермента, теплоты и сырости. Большая часть зеренъ содержатъ еще жирное или смолистое вещество, которое служитъ для сохраненія крахмала. Наконецъ въ нихъ открыли и землястыя вещества, которые должны образовать скелетъ слабой ткани молодыхъ растеній.

Провидѣніе вложило въ сѣмя столько пищи, сколько необходимо зародышу растенія на то время, пока онъ достигнетъ такой степени развитія, что можетъ уже получать свою пищу изъ земли и воздуха. Тогда начинается новый рядъ химическихъ процессовъ.

Ткань растеній состоитъ изъ кислорода, углерода, азота, кали, кремнезема, фосфора, извести, сѣры и проч. и различныхъ землястыхъ веществъ, смотря по породѣ растенія.

Первыя четыре газообразныя вещества—растенія достаютъ изъ воздуха и изъ почвы. Углекислота, которая всасывается корнями растенія изъ почвы и выдѣляется изъ воздуха посредствомъ листьевъ, разлагается отъ дѣйствія свѣта такъ, что углеродъ усваивается растеніемъ, а кислородъ отдѣляется. Часто ткань растеній всасываетъ кислородъ изъ воздуха, который измѣняетъ сокъ, ихъ. Земныя части растеній получаютъ часто амміакъ изъ воздуха или амміакъ изъ почвы достигаетъ къ нимъ черезъ корни и даетъ имъ азотъ и водородъ.

Нѣкоторые химики утверждаютъ, что весь азотъ, содержащійся въ растеніяхъ, происходитъ отъ амміака, который растенія получаютъ изъ воздуха и почвы; но новѣйшіе опыты показали, что растенія поглощаютъ весьма малое количество амміака изъ воздуха.

Долго не знали посредствомъ какого реагента растворяются землястыя вещества и вводятся въ ткань растеній; теперь же извѣстно, что это происходитъ отъ дѣйствія углекислоты, заключающейся въ дождевой водѣ.

Изъ предъидущаго ясно видно, что воздухъ и земля доставляютъ растеніямъ вещества, необходимыя для развитія ихъ, и что теплородъ, свѣтъ и дождевая вода играютъ очень важную роль въ химическихъ процессахъ, происходящихъ при этомъ развитіи.

Чтобъ яснѣе понять дѣйствіе питательныхъ веществъ въ тѣлахъ человѣка и животныхъ, мы бросимъ взглядъ на отправленіе нашихъ органовъ пищеваренія и на тѣ растворяющіе реагенты, которые въ нихъ содержатся.

Теорія питанія человѣка и животныхъ. Посредствомъ зубовъ мы измельчаемъ пищу и примѣшиваемъ къ ней смолу, которая содержитъ въ себѣ родъ фермента, имѣющаго свойство превращать крахмалъ, заключающійся въ питательныхъ веществахъ, въ сахаръ. Приготовленная такимъ образомъ пища остается въ желудкѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; тутъ находится другой ферментъ, который при помощи

двухъ веществъ (хлористоводородной и молочной кислоты) растворяетъ все азотосодержащія вещества. По выходѣ изъ желудка, питательныя вещества соединяются съ извѣстнымъ количествомъ желчи, которая отчасти растворяетъ жиры. Потомъ панкреатическій сокъ (сокъ поджелудочной желѣзы), соединяясь съ оставшимися веществами, доканчиваетъ раствореніе жирныхъ веществъ и дѣйствія смолы на крахмалъ. Наконецъ сокъ, отдѣляемый кишками, извлекаетъ послѣднія питательныя части изъ пищи.

Надобно замѣтить, что желчь, панкреатическій сокъ и сокъ кишечный содержатъ въ себѣ свободный натръ, который служитъ для насыщенія кислотъ, образующихся при пищевареніи въ желудкѣ.

Жидкости, образующіяся отъ растворяющаго дѣйствія этихъ различныхъ химическихъ агентовъ, поглощаются при самомъ ихъ образованіи и проводятся въ кровяные сосуды, доходящіе до самыхъ легкихъ, гдѣ кислородъ воздуха довершаетъ образованіе крови. Кровь, сдѣлавшаяся красною отъ прикосновенія съ кислородомъ воздуха, механическимъ дѣйствіемъ сердца вливается въ артеріи, откуда разносится уже по всему тѣлу.

Разсмотримъ теперь какъ вещества, находящіеся въ крови, способствуютъ развитію тѣла, возстановленію силъ, истощенныхъ работою, и произведенію животной теплоты.

Разсматривая кровь, мы найдемъ, что она состоитъ изъ фибрина и альбумина. Фибринъ есть волокнистое вещество, которое по выступленіи крови изъ тѣла, тотчасъ отдѣляется отъ жидкихъ частей; альбуминъ же остается раствореннымъ въ жидкости и свертывается только при извѣстной степени теплоты, подобно яичному бѣлку, съ которымъ онъ имѣетъ одинаковый составъ. Замѣчательно, что животные фибринъ и альбуминъ имѣютъ почти одинаковый составъ съ растительными фибриномъ, альбуминомъ и казеиномъ. Кровь хотя и содержитъ казеинъ, но это вещество главнѣйше находится въ молокѣ, которое есть не что иное, какъ кровь, обращенная въ питательную жидкость.

Въ жидкой части крови находятся еще: поваренная соль, фосфорнокислые натръ, магнезія и известь, сѣрнокислое кали и даже кремнеземъ, а равно жиръ и сахаръ, а иногда небольшое количество спиртныхъ жидкостей. Окрашивается кровь особеннымъ веществомъ, въ которомъ главная составная часть есть желѣзная окись въ соединеніи съ органическими веществами.

Азотосодержащія вещества находятся въ крови совершенно съ другою

цѣлю, какъ вещества не содержащія азотъ. Доказано, что сахаръ, спиртовые жидкости и часть жира въ крови исчезаютъ не оставляя послѣ себя слѣдовъ; между тѣмъ какъ азотосодержащія вещества снова встрѣчаются во всѣхъ органахъ тѣла; химики убѣдились теперь, что не содержащія азота составныя части питательныхъ веществъ имѣютъ назначеніе производить животную теплоту, чрезъ соединеніе свое съ кислородомъ, находящимся въ крови. Жиръ составляетъ единственное несодержащее азота вещество, которое несовершенно разлагается, потому что часть жира, принимаемаго съ пищею, осаждается въ жирной ткани, въ веществѣ мозга и въ молокѣ, или только она отдѣляется.

Растительные и животные альбуминъ, фибринъ и казеинъ, входящія безъ всякой перемѣны въ кровь, служатъ для возобновленія мускуловъ, нервовъ, сухихъ жилъ, плевъ и всѣхъ органовъ, которые истощились въ слѣдствіе физической или умственной работы. Кремнеземъ, преимущественно находящійся въ крови птицъ, служитъ къ образованію ихъ перьевъ, которыя содержатъ значительное количество кремнезема. Соли извести, растворенныя въ крови, образуютъ кости и находятся также въ мясѣ мускуловъ вмѣстѣ съ солями кали и магнези. Что касается до фосфорной кислоты, то она частію возстановляется въ тѣлѣ, и происшедшій такимъ образомъ фосфоръ осаждается въ значительномъ количествѣ въ мозгу.

Изъ предъидущаго слѣдуетъ:

1. Истощенныя работою силы человѣка и животнаго могутъ быть возстановлены только при употребленіи азотосодержащей пищи, количество которой должно быть пропорціонально работѣ. Недѣлятельное же недѣлимое можетъ довольствоваться или совершенно неазотосодержащею пищею, или примѣсью азотосодержащихъ веществъ въ пищу въ маломъ количествѣ.

2. Существованіе животнаго царства зависитъ отъ растительнаго; потому-что животный организмъ самъ по себѣ не можетъ произвести никакихъ пластическихъ питательныхъ веществъ для себя. Оно находитъ ихъ готовыми въ царствѣ растительномъ, гдѣ они составляются изъ веществъ, содержащихся въ воздухѣ, водѣ и въ землѣ.

Извѣстно, что медвѣдь и сурокъ, засыпающіе на зиму, не употребляютъ пищи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; но въ это время вдыхаемый ими кислородъ сожигаетъ жиръ, который животныя эти пріобрѣли въ теченіе лѣта; теплота, отдѣляющаяся при этомъ химическомъ процессѣ, позволяетъ животнымъ этимъ переносить зимній холодъ.

Опытъ показалъ человѣку, что различнаго рода пища обладаетъ въ различной степени питательностью, а химія показала, что питательность пищи зависитъ отъ содержанія въ ней азотистыхъ веществъ. Прежде нежели мы подробно займемся этимъ предметомъ, посмотримъ сначала, что дѣлается съ веществами, содержащимися въ крови, послѣ того, какъ они кончили свое дѣйствіе.

Химія показала намъ, что при сожиганіи (соединеніи съ кислородомъ) крахмала, камеди и сахара образуется только углекислота; между тѣмъ какъ при сожиганіи жира и спирта содержащихъ жидкостей образуется еще сверхъ того и вода.

Если эти же вещества сгораютъ въ крови, то результатъ одинаковъ, что доказывается количествомъ углекислоты, выдыхаемой нами посредствомъ легкихъ и значительнымъ количествомъ воды, испаряющейся чрезъ кожу.

Азотосодержащія вещества, служившія для возобновленія нашихъ органовъ, также наконецъ сгораютъ въ крови и образуютъ чрезъ это соединеніе съ кислородомъ—мочевину, главную составную часть мочи, которая изъ крови отдѣляется въ почкахъ. Почка—это воронка, въ которой кровь осаждаетъ, прежде нежели она снова вступитъ въ обращеніе, всѣ вещества, которыя сдѣлались ненужными или вредными. Мочевой пузырь, принявъ эти вещества, выливаетъ ихъ наружу.

Разсмотримъ теперь нѣсколько подробнѣе тѣ вещества, которыя способствуютъ къ поддержанію жизни и возобновленію силъ человѣка и животныхъ. Эти вещества суть — воздухъ, вода, молоко, яйца, мясо, злаки, овощи, картофель, студенистыя вещества и потомъ вино, чай и кофе.

Воздухъ. Теперь извѣстно, что дѣйствіе воздуха при процессѣ дыханія надобно приписать кислороду, въ немъ содержащемуся; извѣстно также, что взрослый человѣкъ, дѣлающій движеніе и имѣющій здоровыя легкія, въ теченіе 24 часовъ вдыхаетъ 750 литровъ или около 1 килограмма (2,44 фунта) кислорода. Если бы онъ вдыхалъ менѣе этого количества, принимая въ тоже время пищу, то слѣдствіемъ была бы серіозная болѣзнь; потому—что тогда въ крови скопилось бы много веществъ, которыя должны въ ней сгорѣть для того, чтобъ имѣть возможность выдѣлиться изъ нея.

Часть кислорода, который мы приняли въ себя при дыханіи, превращается въ нашемъ тѣлѣ въ углекислоту, которая отдѣляется изъ

легкихъ при выдыханіи; по этому воздухъ въ жилыхъ покояхъ надобно возобновлять, а иначе онъ испортится отъ дыханія.

Какую бы температуру не имѣлъ воздухъ насъ окружающій, теплота въ крови человѣка постоянно находится между 38 и 39° C. (30, 4—31,5° R). Для того, чтобъ замѣтить потерю теплоты въ нашемъ тѣлѣ зимою, мы должны въ это время года примѣшивать къ нашей пищѣ болѣе веществъ удобосгораемыхъ, нежели лѣтомъ; въ нашемъ климатѣ служатъ для этого спиртные напитки, между тѣмъ какъ народы, живущіе на сѣверѣ, достигаютъ этой цѣли, употребляя значительное количество жира. Лѣтомъ же, напротивъ того, въ тѣлѣ нашемъ развивается болѣе теплоты, нежели сколько необходимо для поддержанія крови въ ея нормальной температурѣ, и тогда водянистыя части испаряются чрезъ пары кожи въ значительномъ количествѣ, мы чувствуемъ необходимость ихъ замѣнить, и пьемъ болѣе воды, нежели зимою.

Больной, лежащій въ постелѣ, не употребляющій никуда своихъ силъ и не теряющій теплоты своего тѣла, можетъ жить при употребленіи весьма малаго количества азотосодержащихъ веществъ; но какъ онъ постоянно дышитъ, то и долженъ употреблять пищу, несодержащую азота, каковы камедь или сахаръ, только для того, чтобъ доставить выдыхаемому имъ кислороду удобосгораемое вещество.

Животные выдыхаютъ углекислоту, которая служитъ для питанія растений и разлагается ими такъ, что углеродъ входитъ въ составъ растений, а кислородъ снова возвращается въ атмосферу; этотъ удивительный законъ равновѣсія дѣлаетъ то, что составъ воздуха остается всегда одинаковъ.

Воздухъ составляетъ естественную среду для истеченій растительныхъ и животныхъ; а потому нерѣдко бываетъ причиною нашихъ болѣзней. Чѣмъ болѣе сырости находится въ воздухѣ, тѣмъ удобнѣе онъ принимаетъ въ себя постороннія вещества; поэтому въ сырую погоду охотничьи собаки открываютъ дичь лучше, нежели въ сухую. Ничего не можетъ быть для здоровья вреднѣе холоднаго и сыраго воздуха, потому—что онъ препятствуетъ испареніямъ на поверхности кожи и обращаетъ опять въ тѣло то количество жидкостей, которое этимъ путемъ должно было выйти отсюда.

Углекислота, образующаяся при дыханіи, а равно при освѣщеніи и нагрѣваніи нашихъ жилищъ, есть настоящій ядъ; отъ того люди, спящіе днемъ и проводящіе ночи въ комнатахъ, наполненныхъ множествомъ людей и освѣщенныхъ большимъ числомъ свѣчъ, имѣютъ блѣдный цвѣтъ

лица и слабое здоровье; отъ того происходитъ головная боль, если рано закрыть трубу въ печи, изъ которой гасъ, вмѣсто того чтобъ выходить черезъ трубу, войдетъ въ комнату и распространится въ воздухѣ.

Запахъ отхожихъ мѣсть въ домахъ тоже вредитъ здоровью, потому что онъ происходитъ отъ сѣрнистоводороднаго гаса.

Сказанное нами о воздухѣ достаточно для доказательства того вліянія, которое воздухъ имѣетъ на здоровье человѣка и животныхъ; а потому чрезвычайно важно удалять отъ нашихъ жилищъ все то, что можетъ быть вредно для чистоты этого элемента, необходимаго для нашего существованія.

Вода. Вещество это, образующееся при сожиганіи двухъ объемовъ водорода съ однимъ объемомъ кислорода, принадлежитъ къ наиболѣе распространеннымъ въ царствѣ органическомъ. Тѣло животныхъ и растений состоитъ изъ соединенія сосудовъ, въ которыхъ непрерывно обращаются весьма различныя жидкости, необходимыя для жизни организмовъ; вода составляетъ три четверти вѣса тѣлъ животныхъ, и $\frac{4}{5}$ въ овощахъ. Вода не только сообщаетъ подвижность органическимъ веществамъ, но и доставляетъ животнымъ и растениямъ различныя вещества, которыя она извлекаетъ изъ почвы.

Очень часто вода содержитъ въ себѣ болѣе четверти своего объема воздуха, который богаче содержаемъ кислорода, нежели атмосферный. По этому можно судить какъ велико количество кислорода, входящаго въ тѣло тѣхъ людей, которые имѣютъ обыкновеніе пить много воды. При слабыхъ жизненныхъ органахъ этотъ избытокъ кислорода можетъ быть вреденъ, а потому надобно класть въ воду, передъ тѣмъ какъ пить ее, кусокъ раскаленнаго угля, который отниметъ у воды часть кислорода и немного согрѣетъ ее. Углекислота находится въ водѣ въ непостоянномъ количествѣ. Присутствіе углекислоты можно узнать—приливъ къ водѣ чистой известковой воды, причемъ тотчасъ образуется осадокъ, состоящій изъ углекислой извести. Присутствіе углекислоты сообщаетъ водѣ способность растворять многія вещества, которыя безъ того въ ней нерастворимы, каковы: мѣлъ, гипсъ, желѣзо, кремнеземъ и т. д.

Доказано, что углекислая известь, которая содержится въ водѣ, вмѣстѣ съ нею поглощается человѣкомъ и животными, необходима для образованія костей, именнно въ томъ случаѣ, если составъ питательныхъ веществъ не удовлетворяетъ вполне этому условію. Гипсъ не можетъ служить для этого, почему онъ не только бесполезенъ, но и вреденъ для процесса пищеваренія.

Нѣкоторые овощи очень дурно свариваются въ водѣ, содержащей въ себѣ слишкомъ много солей извести, что впрочемъ можно отвратить или употребляя для варенія этихъ овощей воду предварительно уже кипяченую, или прибавляя въ воду кристаллическаго углекислаго натра въ небольшомъ количествѣ. Желѣзо, растворенное въ водѣ при помощи углекислоты, доставляетъ здоровью болѣе пользы, нежели вреда, потому-что желѣзо образуетъ одну изъ составныхъ частей крови. Если же желѣзо растворено въ водѣ при помощи сѣрнистаго водорода, то вода получаетъ непрятный вкусъ и дѣлается вредною для здоровья. Кремнеземъ находится въ растворѣ во многихъ текучихъ водахъ, которыя съ большою выгодною могутъ быть употреблены для орошенія луговъ, потому-что кремнеземъ способствуетъ произрастенію злаковъ точно такъ же, какъ мѣлъ произрастенію овощей. Всѣ воды ключевыя содержатъ въ растворѣ поваренную соль и соли магnezіи и кали, которыя играютъ болѣе или менѣе важную роль въ экономіи животныхъ.

Полагаютъ, что слишкомъ большое содержаніе магnezіи въ почвѣ способствуетъ развитію зоба, но къ счастью, въ большой части странъ находится въ водѣ іодъ, уничтожающій дѣйствіе магnezіи.

Рѣдко можно найти воду, которая не содержала бы въ себѣ животныхъ и растительныхъ веществъ, чрезъ что она очень скоро портится, если ее сохранять въ сосудахъ. Воду можно очистить пропуская ее чрезъ уголь или черезъ пензу.

При большомъ употребленіи воды, образованіе мочи и ея отдѣленія усиливаются; а потому вода можетъ служить простымъ средствомъ въ извѣстныхъ болѣзняхъ.

И такъ мы видимъ, что вода играетъ весьма важную роль въ животной экономіи, и что здоровье людей и животныхъ отъ нея зависитъ болѣе, нежели обыкновенно думаютъ.

Молоко. Молоко, по назначенію природы, служитъ единственною пищею человѣку и млекопитающимъ до извѣтнаго возраста; а потому оно должно удовлетворять условіямъ совершеннаго питанія. И въ-самомъ-дѣлѣ, молоко содержитъ въ себѣ азотистое вещество, казеинъ, которое легко превращается въ альбуминъ и фибринъ; для образованія животной теплоты въ немъ находится необходимое количество сахара; далѣе оно содержитъ жиръ въ такомъ количествѣ, которое необходимо для образованія органовъ, требующихъ жиру въ большемъ количествѣ; въ молокѣ находятся также различныя соли, именно: фосфорнокислая известь, изъ которой образуются кости; фосфорнокислыя кали и магnezія, которыя

образуютъ составныя части волоконъ мускуловъ; фосфорнокислая окись желѣза, для окрашиванія крови и поваренная соль, изъ которой происходятъ элементы, необходимые для пищеваренія.

Во ста частяхъ коровьяго молока находится: 4 части казеина, $4\frac{1}{2}$ части сахара, $3\frac{1}{2}$ части масла, $\frac{1}{2}$ части различныхъ солей, а остальное вода.

Молоко женщинъ менѣе питательно, нежели коровы, но содержитъ въ себѣ болѣе жирныхъ веществъ и сахара; молоко ослицъ содержитъ въ себѣ гораздо болѣе сахара, но менѣе питательныхъ веществъ.

Казеинъ растворяется въ молоко посредствомъ натра, но жирныя части плаваютъ въ молоко въ видѣ маленькихъ шариковъ, которые ясно можно видѣть чрезъ микроскопъ.

Молочный сахаръ легко превращается въ молочную кислоту, которая, по мѣрѣ образованія своего, насыщаетъ натръ, содержащій въ растворѣ казеинъ, который и осаждается чрезъ это. Подобный процессъ происходитъ при приготовленіи сыра, причѣмъ молоко нагрѣвають съ цѣлю получить плотнѣе осадокъ. Сыръ есть смѣсь казеина и масла, изъ которыхъ казеинъ содержитъ въ себѣ всю фосфорнокислую известь и часть фосфорнокислаго натра, заключавшихся въ молоко, чѣмъ и можно объяснить себѣ питательность сыра. Сыръ, давно приготовленный, получаетъ особый запахъ, происходящій отъ разложенія масла и главнѣйше приписываемый кислотѣ коровьяго масла и каприновой кислотѣ.

Для полученія масла, молоко сбиваютъ, и тогда шарики жирнаго вещества соединяются въ одну массу; но при этомъ молоко должно имѣть температуру не выше $10-12^{\circ}$ C. ($8-12^{\circ}$ R.) Если молоко будетъ теплѣе, то шарики будутъ слишкомъ мягки, а въ холодѣ они будутъ недостаточно липки. Чтобы предохранить молоко отъ скисанія или свертыванія при кипяченіи, надобно прибавить къ нему небольшое количество двууглекислаго натра.

До-сихъ-поръ не знаютъ еще средства для точнаго опредѣленія доброты молока. Ареометръ не можетъ служить для этого, потому-что въ жирномъ молоко онъ показываетъ столько же менѣе градусовъ, какъ и въ молоко разведенномъ водою. Нельзя также положиться совершенно на количество масла, какое собирается на молоко по истеченіи извѣстнаго времени, потому-что молоко, разведенное водою, легче выдѣляетъ изъ себя масло, нежели молоко цѣльное.

Масло нельзя разсматривать какъ вещество, возобновляющее потеряныя силы у человѣка и животныхъ, потому-что не содержитъ въ

себѣ никакихъ азотистыхъ частей; оно играетъ въ организмѣ животномъ такую же роль, какъ и другіе жиры.

Яйцо. Какъ жирная часть яйца имѣетъ назначеніе развить зародышъ до совершеннаго животнаго, можно было бы разсматривать бѣлокъ и желтокъ вмѣстѣ, какъ нормальное питательное средство, если бѣ они содержали сахаръ или крахмалъ. Но обоихъ этихъ веществъ, необходимыхъ для поддержанія процесса дыханія, недостаетъ въ яйцѣ, потому что заключенное въ яйцѣ животное черезъ скорлупу втягиваетъ или всасываетъ въ себя кислородъ не для того, чтобъ дышать имъ и производить естественную теплоту, но чтобъ окончательно довершить образованіе своихъ органовъ.

Если мы сравнимъ яйцо съ молокомъ, относительно ихъ состава, то увидимъ, что въ яйцѣ бѣлковина (альбуминъ) заступаетъ мѣсто казеина молока; альбуминъ то же растворенъ посредствомъ натра; вмѣсто готовыхъ фосфорнокислыхъ солей находимъ фосфоръ въ свободномъ состояніи въ желткѣ, гдѣ онъ соединенъ съ жирнымъ веществомъ, на которое можно смотрѣть какъ на равнозначущее масло въ составѣ молока. Впрочемъ яйцо содержитъ въ себѣ соли кали, натра, извести и магnezіи, которыя необходимы для образованія всѣхъ жизненныхъ органовъ. Изъ этого легко видѣть, что яйцо тогда только можетъ служить совершеннымъ питательнымъ средствомъ, если мы употребляемъ его съ веществами, сахаръ или крахмалъ содержащими.

Мясо. Мясо можно разсматривать, какъ отвердѣвшую кровь; потому что газообразные элементы мускульнаго мяса одинаковы и по натурѣ, и по количеству съ газообразными и составными частями крови. Разница между ними та, что отъ молочной кислоты мясо имѣетъ слабокисловатое свойство, а кровь отъ свободного натра щелочное; потомъ, что въ составѣ мяса господствуютъ соли кали, а въ крови соли натра; оба вещества содержатъ еще фосфорнокислыя соли извести, магnezіи и желѣза почти въ одинаковой пропорціи.

Мясо мускуловъ, очищенное отъ жира, содержитъ во ста частяхъ: 15—18 частей фибрина; 3—4 частей альбумина, 2—3 частей растворимыхъ органическихъ веществъ и 77 частей воды. Во всѣхъ родахъ мяса химики нашли особенное питательное вещество, которое они назвали креатинъ, которое отличается своими составными частями не много отъ другихъ азотистыхъ веществъ и въ особенности имѣетъ способность очень легко растворяться въ водѣ. По содержанію креатина разные роды мяса идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: мясо куръ, дичь, говядина, баранина, свинина, наконецъ телятина и рыба.

Многіе думали, что студенистое вещество, находящееся въ органической ткани мяса, можетъ возстановлять ослабѣвшія силы, но мнѣніе это ошибочно. Студень можетъ замѣнять тѣ питательныя вещества, которыя необходимы для дыханія, но не можетъ замѣстить альбумина и фибрина; потому—что составъ его слишкомъ различенъ отъ состава обоихъ этихъ веществъ. Положительные опыты, произведенные въ госпиталяхъ Парижа, доказали, что супъ изъ костей совершенно не питателенъ. Хотя студенистое вещество и сообщаетъ бульону изъ мяса пріятный вкусъ, но не дѣлаетъ его питательнѣе.

Одинъ взглядъ на составныя части мяса мускуловъ показываетъ намъ, что въ немъ вещества, способствующія къ произведенію животной теплоты, находятся въ самомъ маломъ количествѣ, а потому хотя мясо и выполняетъ всѣ условія хорошей пищи, но безъ вреда для своего здоровья человекъ не можетъ исключительно питаться имъ, если онъ въ то же время не употребляетъ веществъ, содержащихъ крахмалъ, сахаръ, спиртъ и т. д.

Разнаго рода мяса, не смотря на различіе ихъ вида и вкуса, содержать альбуминъ и фибринъ въ одинаковой пропорціи; только жиръ и креатинъ встрѣчаются въ нихъ въ различныхъ количествахъ; да воды нѣсколько болѣе въ мясѣ рыбъ, нежели въ мясѣ сухопутныхъ животныхъ.

Смотря по дѣли, для которой приготавливаютъ бульонъ изъ мяса, можно поступать двоякимъ образомъ:

1. Если хотятъ получить самый хорошій бульонъ, то надобно говядину положить въ холодную воду, которую нагрѣвать очень медленно для того, чтобъ вода могла извлечь изъ мяса, до извѣстной степени глубины отъ поверхности кусковъ, какъ можно болѣе креатина, альбумина, студня, солей кали и магnezіи прежде нежели альбуминъ свернется; при этомъ получается мясо волокнистое, неудобоваримое въ желудкѣ и содержащее только фибринъ не много свернушагося альбумина и фосфорнокислую известь.

2. Но если хотятъ сохранить часть питательныхъ веществъ и вкусъ говядины, то ее надобно положить прямо въ кипящую воду; при этомъ альбуминъ свертывается, закрѣпляетъ собою всѣ поры мяса и препятствуетъ водѣ проникать внутрь говядины, которая и теряетъ только растворимыя части на своей поверхности. Такъ приготовленное мясо нѣжно, сочно и питательно, но бульонъ получается не крѣпкій.

Впрочемъ въ обоихъ случаяхъ альбуминъ теряется, потому—что, растворившись въ водѣ, онъ свертывается и всплываетъ на поверхность

жидкости, гдѣ его собирають шумовкой. И потому гораздо лучше жарить говядину, если хотятъ воспользоваться всеми составными частями ея.

Злаки, овощи и картофель. Мы рассмотримъ эти питательныя вещества вмѣстѣ для того, чтобъ удобнѣе сравнить ихъ пластическую питательность. Эта питательность зависитъ единственно отъ содержанія въ означенныхъ веществахъ альбумина, фибрина и растительнаго казеина; (мы уже знаемъ, что сахаръ, камедь, крахмалъ и жиръ назначены не для возобновленія нашихъ потерянныхъ силъ, но для произведенія животной теплоты).

Картофель содержитъ въ себѣ	2½	процента альбумина;
Рисъ	8	» альбум. и фиб.
Маисъ	14	» »
Пшеница	16—18	» »
Бобы	23	» казеина;
Горохъ	26	» »
Чечевица	37	» казеина;

Все эти вещества содержатъ въ себѣ отъ 40—80% крахмала, исключая картофеля, который имѣетъ только отъ 20—25% крахмала. Во всехъ ихъ находится жирное вещество, но въ массѣ болѣе, нежели въ другихъ.—Фосфорнокислыя соли извести, магнезій и желѣза, а равно соли кали и натра найдены во всехъ этихъ веществахъ. И такъ въ нихъ содержатся тѣже соли, какъ и въ мясѣ.

Если питательность пшеницы принять за единицу, то найдемъ, что маисъ всего болѣе приближается къ ней, въ этомъ отношеніи; питательность риса равна половинѣ, а картофеля шестой части питательности пшеницы.—Бобы въ полтора раза, а чечевица въ два раза питательнѣе пшеницы.

Рѣпа, капуста и другія овощи содержатъ только отъ 1 до 1½ процента питательныхъ составныхъ частей. Интересенъ фактъ, что китайцы посредствомъ гороха приготавливали сыръ гораздо прежде, нежели химики нашли казеинъ въ горохѣ. Для этого они приготавлиють изъ гороха крѣпкій отваръ, изъ котораго осаждаютъ казеинъ небольшимъ количествомъ гипса.—Полученный при этомъ тѣстовидный осадокъ солятъ, кладутъ въ формы и подвергаютъ медленному броженію точно также, какъ и нашъ сыръ.

Теорія и опытъ согласно показываютъ, что рабочій человѣкъ, для

возобновленія своихъ силъ, долженъ употреблять въ пищу на одну часть азотосодержащихъ веществъ 5 частей веществъ, содержащихъ крахмалъ или сахаръ. И какъ это отношеніе мы находимъ въ пшеничной мукѣ, поэтому хлѣбъ изъ нея можно разсматривать какъ типъ хорошей пищи для рабочаго человѣка. Картофель же не можетъ служить для возобновленія силъ, истощенныхъ работою, если онъ употребляется съ мясомъ вмѣстѣ, то составляетъ очень хорошую второстепенную пищу.

Для приготовленія хлѣба, зерно прежде всего превращаютъ въ муку и потомъ отсеваютъ отруби. Химія учитъ насъ, что азотосодержащее вещество (kleber, растительный фибринъ) въ самомъ маломъ количествѣ находится у центра зеренъ; а чѣмъ ближе къ поверхности ихъ или къ оболочкѣ, тѣмъ его болѣе. А какъ изъ размолотой въ муку пшеницы отсеивается только 18—20 процентовъ отрубей, которыя на половину состоятъ изъ вещества содержащаго азота вдвое болѣе, нежели обыкновенная мука, и сверхъ того заключаетъ до 5% жирнаго вещества, то нѣтъ ничего удивительнаго, что отруби такъ хороши для откормленія скота. Нельзя ли отсюда же заключить, что хлѣбъ, приготовленный изъ размолотыхъ отрубей, гораздо питательнѣе бѣлаго?

Тѣсто, приготовленное изъ муки, подвергаютъ спиртному броженію, и когда масса достаточно поднимется, ее ставятъ въ печь. Чтобъ произвести въ тѣстѣ броженіе, къ нему прибавляютъ или дрожжи или кислое тѣсто (закваску). Дрожжи были бы лучше для произведенія броженія, нежели кислое тѣсто, потому—что они имѣютъ спиртное свойство; а тѣсто—кислое свойство; но содержащееся въ дрожжахъ горькое вещество ограничиваетъ ихъ употребленіе. Впрочемъ при употребленіи кислаго тѣста надобно быть очень искуснымъ и сдѣлать такъ, чтобъ оно въ приготовляемомъ тѣстѣ произвело *только спиртное* броженіе.

Во время броженія образуется газообразная углекислота, которая при мѣшаніи раздѣляется по всей массѣ; въ тоже время растительный фибринъ, разбухшій отъ воды и уступающій повсюду мѣсто газу, по мѣрѣ его образованія, способствуетъ къ тому, чтобъ тѣсто оставалось поднявшимся, а печеніе дѣлаетъ это состояніе тѣста постояннымъ. Внутренняя часть хлѣба (мякишъ) никогда не достигаетъ въ печи температуры, превышающей температуру кипѣнія воды, и эта теплота достаточна для превращенія крахмала въ камедь, что дѣлаетъ его болѣе удобоваримымъ для желудка.

Скажемъ теперъ нѣсколько словъ объ откармливаніи скота.

Откармливаніе есть такого рода ненормальное питаніе, которое приводитъ животное въ противоположенное состояніе, и какъ только от-

кармливаніе достигаетъ высшей своей степени, животное надобно убить, иначе оно пропадетъ само. Первое условіе для откармливанія есть—покой, бездѣйственность. И въ-самомъ-дѣлѣ, животное, которое не употребляетъ своихъ силъ, не потощаетъ и мускуловъ, и слѣдовательно не имѣетъ надобности замѣнять ихъ; поэтому большую часть своей пищи животное употребляетъ для увеличенія своихъ жизненныхъ органовъ и для умноженія клѣтчатой ткани, которая назначена для принятія жира. Самый же жиръ вырабатывается или изъ жирныхъ веществъ, употребляемыхъ въ пищу, или изъ веществъ, содержащихъ крахмалъ и превращающихся въ жиръ.

Мы должны объяснить это превращеніе крахмалосодержащихъ веществъ въ жиръ: крахмалъ, камедь и сахаръ содержатъ въ себѣ водородъ и углеродъ въ такомъ же отношеніи, какъ и жиры, но первыя три вещества содержатъ болѣе кислорода, нежели послѣдніе; а потому пищеварительнымъ органамъ стоитъ только отнять у первыхъ трехъ часть кислорода, и тогда получаютъ жиры. Но какъ это можетъ быть только въ такомъ случаѣ, когда будетъ ассимилировано количество азотосодержащихъ веществъ для образованія жирной ткани, то изъ этого слѣдуетъ, что при откармливаніи надобно жирную или крахмалосодержащую пищу всегда перемѣшивать съ достаточнымъ количествомъ корма, содержащаго азотъ.

Эти положенія подтверждены опытомъ и изъ нихъ слѣдуетъ, что картофель одинъ самъ по себѣ не можетъ служить для откармливанія животныхъ; но при присоединеніи къ нему муки, отрубей, молока, помоевъ кухонныхъ, и проч., крахмалъ его отчасти превращается въ жиръ. И такъ искусство откармливанія состоитъ въ томъ, чтобъ соединять пищу азотистую съ пищею несодержащею азота въ извѣстныхъ самыхъ выгодныхъ количествахъ.

Вино. Виноградный сокъ содержитъ въ себѣ сахаръ, отъ разложенія котораго происходитъ спиртовая часть вина. При броженіи сока сахаръ разлагается такъ, что 1 атомъ алкоголя и 2 атома углекислоты; но вѣсъ обоихъ этихъ продуктовъ равенъ вѣсу сахара. Самое броженіе въ сокѣ происходитъ при помощи азотосодержащаго вещества, изъ ряда ферментовъ или веществъ способствующихъ броженію. Частицы ферментовъ такъ слабо соединены между собою, что они при доступѣ воздуха легко отдѣляются другъ отъ друга и чрезъ то производятъ движеніе или разстройство въ элементахъ сахара, съ которымъ находятся въ прикосновеніи.

Мусть или сокъ, выжатый изъ винограда, можно сохранить сколько

угодно времени, стоитъ только совершенно не допускать къ нему воздуха; на этомъ же основывается искусство сохранять плоды и жидкости, содержащія сахаръ. Еще лучше можно достигнуть цѣли, если вещество, которое мы хотимъ сохранить, довести до температуры кипѣнія воды, потому что при этой степени теплоты бѣлковина (альбуминъ) свертывается, и тогда кислородъ воздуха будетъ менѣе дѣйствовать.

При броженіи, азотосодержащее вещество, соединяясь съ кислородомъ, принимаетъ другія свойства и дѣлается нерастворимымъ; въ этомъ состояніи оно образуетъ дрожжи.

Ферменты находятся въ разныхъ сортахъ винограда въ различныхъ количествахъ, почему и получаются различныя вина. Если составъ и положеніе почвы таковы, что виноградъ можетъ извлечь изъ нее много азотосодержащихъ веществъ, и въ тоже время въ немъ образуется мало сахара, то получается вино, которое легко превращается въ уксусъ; потому что тотъ же ферментъ, который производитъ винное броженіе, при дальнѣйшемъ дѣйствіи произведетъ уксусное броженіе; къ такого сорта винамъ относятся большая часть красныхъ винъ, окрашивающее вещество которыхъ очень много содержитъ азота. Если же напротивъ того можетъ содержать много сахара и мало фермента, то получается вино, которое постоянно остается сладкимъ, какъ нѣкоторыя вина итальянскія и испанскія. А потому, желая улучшить какое-нибудь вино черезъ прибавленіе къ нему сахара, надобно положить въ вино количество сахару, соотвѣтствующее его ферменту.

Сверхъ превращенія сахара въ алкоголь и углекислоту, при броженіи являются и другіе процессы, происходящіе отъ дѣйствія растительныхъ кислотъ на образовавшійся алкоголь, отчего происходятъ различныя эфирь, дающіе вину *букетъ*, напримѣръ: уксусный эфиръ, масляный эфиръ и т. д. Эти эфирные продукты образуются только при низкихъ температурахъ и слѣдовательно при медленномъ броженіи, и если оба эти условія не выполнены, то вино много теряетъ вкуса. Виноградъ недолжно выжимать слишкомъ спѣлый, чтобъ въ немъ совершенно уничтожались растительныя кислоты, имѣющія такое большое вліяніе на образованіе букета вина. Въ южныхъ странахъ очень часто получаютъ крѣпкія вина безъ букетовъ, потому что употребляютъ виноградъ слишкомъ спѣлый.

Изъ сказаннаго нами видно, что вино не имѣетъ способности возобновлять истощенныя работою силы человѣка; но дѣйствуя раздражительно на органы пищеваренія, оно однако же можетъ произвести болѣе совершенное ассимилированіе питательныхъ веществъ. И тутъ оно въ

маломъ количествѣ оказываетъ человѣку лучшую услугу, нежели употребленное въ излишкѣ.

Кофе. Главнѣйшія, наиболѣ заслуживающія вниманія составныя части кофе суть: 9 процентовъ растительнаго казеина, 10 процентовъ жирныхъ веществъ различнаго рода и 4 процента кофеина, который содержаніемъ азота превышаетъ все другія органическія вещества, исключая мочевины. Кофеинъ очень сильно дѣйствуетъ на нервы, почему кофе употребляется какъ дѣлительное средство противъ отравленій опиумомъ.

Кофе содержитъ такъ много растительнаго казеина, что его можно разсматривать какъ питательное вещество, весьма близко подходящее къ рису, если только его употреблять такъ какъ это дѣлаютъ нѣкоторые восточные народы, которые поджариваютъ кофе очень слабо, превращаютъ его въ мелкій порошокъ, и отваръ его пьютъ вмѣстѣ съ гущей, подобно тому, какъ мы пьемъ шоколадъ. При нашемъ способѣ приготовленія кофе, казеинъ совершенно теряется, потому что онъ нерастворимъ въ водѣ. Мы заботимся только объ ароматѣ кофе, который происходитъ при жженіи кофе при извѣстной степени теплоты. Отъ какой именно составной части кофе происходитъ этотъ ароматъ, неизвѣстно.

Причину употребленія кофе надобно приписать тому, что кофеинъ возбуждаетъ нервы. А какъ не только ароматъ кофе, но частію и кофеинъ летучи, то жареніе и приготовленіе кофе должно производить въ закрытыхъ сосудахъ, для того чтобъ насладиться кофе вполне.

Съ примѣсью молока и хлѣба, кофе представляетъ хорошую пищу, не только потому, что молоко и хлѣбъ содержатъ въ себѣ питательныя части, но еще и потому, что кофеинъ располагаетъ пищеварительныя органы къ болѣе совершенному ассимилированію этихъ питательныхъ веществъ.

Чай. Различіе между зеленымъ и чернымъ чаями происходитъ отъ способа приготовленія ихъ. Первый поджаривается или сушится при дѣйствіи пара, а второй въ чугунномъ плоскомъ сосудѣ, поставленномъ на огнѣ; оба сорта мѣются еще горячіе для того, чтобъ листья чая свернулись

Чай содержитъ отъ 15 до 18% вещества дубильнаго, отъ 1½ до 2 процентовъ пахучаго масла и 6 процентовъ теина, составъ котораго и свойства одинаковы съ кофеиномъ. Сверхъ того, чай содержитъ 15 процентовъ растительнаго казеина, который при европейскомъ способѣ приготовленія чая, теряется для насъ, потому что онъ не растворимъ въ водѣ, а мы пьемъ только настой чая. Китайцы же готовятъ

изъ самыхъ низшихъ сортовъ чая такъ называемый кирпичный чай, который потомъ при употребленіи подвергаютъ они различнаго рода операціямъ.

Теинъ на нервы дѣйствуетъ подобно кофеину; но черный чай меньше оказываетъ дѣйствіе на нервы, нежели зеленый, потому что при просушкѣ листьевъ въ сосудахъ улетучивается болѣе теина.

Ароматическое масло чая очень летуче, а потому его надобно готовить въ закрытыхъ сосудахъ и тотчасъ пить.

(Dingler's Polytechnisches Journal. 1852.)

ПЕРЕКРЕСТОВЪ.

ЛОВЕЦКІЕ РАЗСКАЗЫ

О

КАСПІЙСКОМЪ РЫБОЛОВСТВѢ.

П. П. НЕБОЛЬСЯНА.

(Статья первая.)

Мѣста, гдѣ водятся тюлени. — Главныя мѣста лова. — Периодическое появленіе тюленей — Приготовленія къ промыслу. — Подходъ — Выползаніе тюленей на берегъ. — Бой на дубинку. — Дѣжка. — Посредничество смотрителя и выборныхъ. — Общественная рѣзка. — Бѣлованье тюленя. — Бой урѣмъ. — Обходъ косяка. — Побоище. — Уборка тюленя. — Дѣжка по ножу и дѣжка паями. — Очистка острова. — Сроки боевъ. — Предосторожности. — Обязанности смотрителя рыболовства въ отношеніи къ тюленьщикамъ. — Аханній ловъ тюленя. — Атаманы морской и черневой. — Случайная добыча тюленя. — Заявка добычи. — Контроль ея. — Расчисленіе вѣса разныхъ частей тюленя. — Перекушники. — Цѣны. — Пошлина. Посоль. — Перетопка. — Цифровыя данныя о добычѣ тюленя. — Употребленіе тюленя.

ОТЪ АВТОРА.

Въ періодъ времени, проведеннаго мною въ двукратную побывку въ городъ Уральскѣ, лѣтомъ, въ четырехъ-мѣсячное пребываніе въ Астрахани, я имѣлъ случай собрать любопытныя свѣдѣнія о рыболовствѣ на Каспійскомъ морѣ, на Волгѣ и особенно на Уралѣ. Сличивъ эти мною прибрѣтенныя свѣдѣнія съ печатными извѣстіями, появлявшимися

въ последнее время въ разныхъ изданіяхъ, и убѣдившись, что запасъ моихъ пріобрѣтеній можетъ имѣть насущный интересъ для публики, и что онъ заключаетъ въ себѣ много новыхъ, доселѣ еще не затронутыхъ сторонъ, я считаю необходимымъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Чтобъ имѣть право говорить о Каспійскомъ рыболовствѣ, надо самому побывать въ морѣ, самому долго пожить на морскихъ рыболовныхъ участкахъ, самому видѣть все производство рыболовныхъ операций, даже самому, своими руками, кое-что испробовать. Этихъ-то правъ лично я предъявить и не могу, хотя и былъ на мѣстѣ, и рѣшаюсь писать о рыболовствѣ. Чтобъ дать тому, о чемъ я стану говорить, вѣру, и чтобъ отстранить отъ себя не принадлежащую мнѣ честь разъясненія незнакомыхъ прежде сторонъ предмета, считаю долгомъ пояснить, что руководителями моими въ этомъ случаѣ были опытные, капитальные и понимающіе всю важность предмета рыбо-промышленники. Я переспросилъ множество простыхъ ловцовъ и рыбаковъ, но главное богатство познаній пріобрѣлъ отъ людей, имѣющихъ свои «промысла» и занимающихся рыболовствомъ и торговлею рыбными товарами на большую руку, а именно:

По рыболовству Уральскому: г. Войсковой атаманъ, генералъ-майоръ К. К. Геке, г. генералъ майоръ Ѳ. Г. Бизяновъ, г. полковникъ С. Длызаковъ, г. подполковникъ Е. М. Матвѣевъ, г. эсаулъ В. Н. Анничихинъ, казакъ Ѳ. И. Слодковъ, казакъ С. В. Щелковъ, помещикъ В. И. Звѣнигородскій, бывший откупщикъ солянаго сбора.

По рыболовству Каспійскому: М. Г. Никольскій, нѣсколько лѣтъ бывший совѣтникомъ Астраханской рыбной экспедиціи и знающій дѣло въ изумительномъ совершенствѣ. А. П. Казаченко, нѣсколько лѣтъ управлявшій отъ казны Сальянскими рыболовными промыслами. В. Г. Голиковъ, самъ рыбопромышленникъ и оптовой торговецъ рыбнаго товара. П. И. Орловъ, Астраханской губерніи предводитель дворянства. П. С. Давыдовъ, любитель собиранія свѣдѣній, касающихся до рыболовнаго дѣла, Князь Цермджабъ Тюменевъ, Калмыцкій владѣлецъ. М. О. Кожевниковъ, главноуправляющій рыбными промыслами г. Всеволожскаго.

I.

ТЮЛЕНІЙ БОЙ.

Тюлени водятся въ разныхъ частяхъ Каспійскаго моря. Ловятъ ихъ частію сѣтями въ текучихъ водахъ, но болѣе всего ихъ добываютъ на

многочисленныхъ островахъ въ то время, когда они выходятъ изъ воды и располагаются на твердой землѣ понѣжиться и погрѣться на солнышкѣ.

Такимъ образомъ мѣстности, въ которыхъ производится добыча тюленя, можно раздѣлить на пять участковъ:

Во-первыхъ, на пространствѣ отъ устій Волги до устій Терека: здѣсь тюлень добывается въ водахъ, принадлежащихъ гг. Всеволожскимъ и Сапожниковымъ, а къ югу оттуда на островѣ Чечнѣ (Чечень).

Во-вторыхъ, въ Сальянскихъ водахъ, то есть на морскихъ островахъ, находящихся противъ устьевъ рѣки Куры.

Въ-третьихъ, на островахъ Пешномъ и Камынинныхъ, лежащихъ противъ устій рѣки Урала, и на западъ оттуда вплоть до Синяго-морца включительно.

Въ-четвертыхъ, въ Мертвомъ-Култукѣ, на островахъ Новомъ, Новенькомъ, Жидовинныхъ, Гусиныхъ и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ-пятыхъ, на островахъ того-же восточнаго берега Каспійскаго моря, на сѣверъ отъ Тюпъ-Караганскаго мыса, на островахъ Кулалы, на мелкихъ, прилегающихъ къ Кулаламъ, островахъ; на островахъ Святомъ, Подгорномъ, Долгомъ, иначе въ просторѣчии называемомъ Прянишниковы-казармы, и на Колийчыхъ.

Ловъ тюленя около восточныхъ береговъ Каспійскаго моря несравненно обширнѣе, чѣмъ добыча его на сѣверо-западныхъ и западныхъ берегахъ: на сихъ послѣднихъ онъ составляетъ достояніе или владѣльцовъ, или откупщиковъ морскихъ рыболовныхъ водъ, а около восточныхъ береговъ ловъ этотъ составляетъ вольный промыселъ охочихъ промышленниковъ, именующихся «Эмбенцами», да и самъ называется «Эмбенскимъ ловомъ», потому что въ прежнее время разгаръ промышленныхъ операцій у вольныхъ ловцовъ происходилъ въ мѣстностяхъ, противулежащихъ Эмбенскимъ устьямъ, нынѣ засореннымъ, и потому уже не обильнымъ рыбою и тюленемъ.

Тюлень появляется на островахъ періодически: онъ выходитъ на нихъ два раза въ годъ, весною и осенью; осенью понѣжиться, погрѣть и погрѣться на солнышкѣ, послѣ лѣтнихъ жаровъ, а весною онъ выползаетъ на острова линять. Въ слѣдствіе этихъ-то, подмѣченныхъ народомъ, періодическихъ появленій тюленя, и добыча его производится только въ эти два времени года.

Правда, есть еще третье время года, когда ловятъ тюленя, и именно «бѣлячка», то есть молоденькаго тюленя, недоростка: это бываетъ около Крещенья; но такъ какъ добыча бѣлячка есть явленіе исключительное, то мы и не станемъ имъ заниматься, обративъ только вниманіе на способы лова большаго, рослаго тюленя.

Промышленники, предпринявшіе добычу тюленя, являются къ тюленьимъ островамъ на особыхъ мореходныхъ судахъ, именующихся «кусовыми», предварительно запасшись дозволительными билетами, которые выдаются всемъ желающимъ изъ Астраханской рыбной экспедиціи со взятіемъ умѣреннаго, узаконеннаго статьею «Свода», акциза, на общихъ въ такихъ дѣлахъ основаніяхъ. Билеты эти они предъявляютъ особо приставленному отъ экспедиціи должностному лицу. «Смотрителю рыболовства», имѣющему въ мѣстахъ морскаго лова полицейскую власть. Смотритель принимаетъ билеты, вноситъ ихъ въ книгу и оставляетъ ихъ у себя до совершеннаго прекращенія «боевъ».

Совершивъ операцію съ билетами, промышленники отправляются на самую внимательную рекогносцировку окрестныхъ и дальнихъ острововъ, которые, съ давнихъ временъ, сдѣлались привычнымъ пріютомъ для морскихъ животныхъ, осматриваютъ ихъ и прилежно замѣчаютъ: на которомъ изъ нихъ больше всего лежитъ тюленя, и, кромѣ того, посредствомъ различныхъ соображеній и наблюденій, визнаютъ: къ которому именно изъ этихъ острововъ охотище и въ большемъ количествѣ подходит тюлень «косяками» или «стадами».

Обозрѣвъ такимъ образомъ все обширное пространство, сдѣлавшееся обычнымъ пріютомъ тюленей, промышленники на Кусовыхъ, подъѣзжаютъ къ тому изъ острововъ, на которомъ тюлень расположился большею массою, и становятся на якорѣ, саженьяхъ въ пятистахъ отъ берега, и непременно съ подвѣтренной стороны, то есть такъ, чтобъ вѣтеръ не съ нихъ дулъ на островъ, а съ острова дулъ бы на нихъ. Это необходимо именно потому, что тюлень одаренъ необыкновенно тонкимъ обоняніемъ; если стадо почуетъ присутствіе челоуѣка, если на тюленей вѣтромъ пахнетъ и навѣтъ о близкомъ существованіи явной гибели, все стадо немедленно юркнетъ въ воду, и тогда вся надежда на добычу для промышленниковъ пропала: стало-быть, повятно, что рабочіе всеми силами хлопочуть не испугать тюленя.

Остановившись подъ островомъ, промышленники выжидаютъ удобнаго случая начать тюлений бой. Начать бой не всегда возможно: это не такое дѣло, къ которому можно приступить, когда бы ни вздумалось. Препятствія бываютъ разныя: иногда съ подвѣтренной стороны нѣтъ пристанища; иногда вѣтеръ перемѣнится, и промышленникамъ нужно бываетъ самимъ перемѣнить позицію; иногда тюлени успѣли заблаговременно сползти въ море, а на берегъ опять не возвратились, будучи отогнаны къ другому пристанищу, въ слѣдствіе бурь и «непогодья». Причинъ къ остановкамъ множество; все ихъ вычислить мы и не въ состояніи, скажемъ только, что промышленники выжидаютъ удобнаго слу-

чая иногда очень долго и вообще до-тѣхъ—поръ, пока онъ не представится, хотя бы для этого надо было потерять недѣлю или двѣ времени.

Однако жъ, во все это время, они остаются не въ совершенномъ бездѣйствіи; занимаются чѣмъ могутъ «около себя», а между прочимъ выбираютъ изъ среды себя бойцовъ, людей сильныхъ, расторопныхъ, смѣлыхъ и уже не новичковъ въ дѣлѣ.

Но вотъ, наконецъ, тюлени огромнымъ стадомъ подплываютъ къ острову, лѣзутъ по низменному и обмелѣлому его берегу неправильнымъ строемъ и, рядкомъ занимаютъ всю его окраину. За первымъ стадомъ, къ острову придвигается другой косякъ; онъ приближается къ первому ряду, подталкиваетъ его въ глубь острова, и самъ ложится на только что оставленные предшественниками мѣста. Потомъ выходитъ на берегъ третій рядъ, онъ подталкиваетъ второй, второй передаетъ толчокъ первому, первый отползаетъ еще далѣе въ глубь острова, прежде свое мѣсто уступаетъ второму ряду, а самыя окраины острова занимаются вновь выползшими тюленями. Наконецъ передвиженіе кончается. Такимъ образомъ иногда весь островъ покрывается рядами выползшихъ изъ моря тюленей. Развалившись съ полнымъ комфортомъ на матерой землѣ, давъ полный отдыхъ утомленнымъ передвиженіями членамъ и опахиваемые свѣжимъ вѣтеркомъ, тюлени предаются сладкой дремотѣ и, можетъ быть, съ самыми отрадными мечтами, поднявъ къ верху мордочки, погружаются въ глубокой сонъ.

При такихъ обстоятельствахъ, тюленьчики, воспользовавшись сильнымъ вѣтромъ, спускаютъ съ кусовыхъ на море мелкія, гребныя лодки и, подъ вечеръ спѣшатъ на нихъ къ острову. Иногда за ними слѣдуетъ и смотритель съ казаками, но теперь это ему въ обязанность не вмѣняется.

Вообще надо сказать, что рассказывая о боѣ тюленей, мы представляемъ образчики самыхъ благоустроенныхъ артелей тюленьщиковъ, говоримъ объ аматерахъ, о людяхъ, съ давнихъ временъ свыкнувшихся съ этимъ дѣломъ и занимающихся имъ съ нѣкоторою любовію и съ соблюденіемъ всѣхъ мелочныхъ обрядовъ и пріемовъ, перешедшихъ къ нимъ отъ отцовъ и дѣдовъ, по преданіямъ. Разумѣется, въ представляемыхъ нами общихъ правилахъ исключеній много, и даже очень много.

Тюленьчики, оставивъ кусовыя, приближаются къ берегу и, не доходя до него саженъ на сто, останавливаются и, со всевозможною тишиною выжидаютъ ночи. Даже разговоры прекращаются; въ крайнихъ только случаяхъ промышленники сообщаютъ свои замѣчанія шепотомъ, а не то приобѣгаютъ и къ мимикѣ—такъ велика у нихъ боязнь спугнуть тюленя.

Можно себя представить положеніе бойцовъ, насторожившихъ уши и выжидающихъ пока полный мракъ не спустится на безпредѣльное море. Сѣрая облака нависли на всемъ внимамъ пространства небеснаго свода; мелкія тучки, скопляясь одна около другой, мчатся по всему небосклону по одному и тому же направленію; вѣтеръ съ гуломъ, съ свистомъ, рвется на свободу, цорыисто стремится по взборужденной поверхности воды, вдымаетъ валы горами и гонитъ ихъ одну на другую. Два водяные холма, сѣбнннннсь другъ съ другомъ, осипиваютъ одинъ другаго, шумать, пѣнннннсь, кюбочуть и съ страшнымъ всплескиваньемъ расшибаются о третій, нежданно нахлынувшій на нихъ валъ, сѣдою головою нависшій надъ массою воды и текучею, черною стѣною обдавшій, при своемъ паденіи, другіе меньшіе валы. Тюленьчики прицыкли къ морскимъ видамъ. Ни мракъ ночной, ни вѣтеръ буйный, ни яростныя волны, ни близкая буря, ничто не развлекаетъ ихъ вниманія, устремленнаго только на усѣянный тюленями островъ. Промышленники сидятъ въ своихъ «коснушкахъ» и «бударкахъ» тѣснымъ кругомъ; вода ходенемъ подъ ними ходитъ, и углыя посудинки то подкинетъ волной высоко, то пнзринетъ ихъ въ разверзшуюся бездну. Промышленники сидятъ, ни гугукнуть, выжидаютъ только времечка.

Потухли послѣднія свѣтлыя полосы на ладнемъ закатѣ; кругомъ все погрузилось въ мракъ, лишь выкатывшаяся изъ-за разорванныхъ вихрями тучъ луна сыплеть блѣдное мерцанье на черную зыбь моря и освѣщаетъ жемчужную пѣну сталкивающихся валовъ. Но вѣтеръ не перестаетъ; онъ дуетъ съ прежнею силой, разбиваетъ облака на мелкія кучы и гонитъ ихъ въ незримую даль, будто стадо барановъ по степи. Небо прочищается; по темносинему своду его и тутъ и тамъ загораются золотыя звѣздочки; онъ ярко горятъ надъ морскою бѣдною, лишь на короткое время застѣняясь дымчатою массою окраинъ облачка, несомаго вѣтромъ.

Вѣтеръ не даетъ всей артели тюленьчиковъ разомъ и дружно пристать къ берегу; они высылаютъ туда выборныхъ бойцовъ, а тѣ, ступивъ на землю, но все еще почти по-колѣно въ водѣ, крадутся къ стаду, безъ шума, тихонько, какъ кошки, едва ступая по круцному и хрусткому песочку; они наблюдаютъ при своемъ дозорѣ другъ за другомъ съ особенною осторожностью, и ловко высматриваютъ какъ тюлень лежитъ по «побочню», а побочнемъ зовется отлогій, чистый и широкій берегъ, не облагаемый морскими волнами.

Тюлень, на атотъ разъ, лежитъ не плотно, не тѣснится другъ къ дружку; онъ не заползъ въ самую глубь острова, а расположился недалеко отъ воды; ему легко врага почуять и мигомъ броситься въ мо-

ре. Бойцамъ нужно дорожить временемъ; имъ нѣкогда теперь оповѣщать товарищей, да это будетъ ужъ и бесполезно: тюлень отъ шума разбѣжится.

Бойцы припадаютъ къ землѣ, растягиваются на ней почти во всю длину туловища, «пластомъ ложатся», такъ что ноги ихъ достигаютъ до обливающей весь берегъ «неглубокой» воды, въ которой они погружаются почти по-колѣно; тюленьщики ползутъ по побочню на локтяхъ, не поднимая почти головы, чтобъ духу ихъ не донесло до поднятаго къ верху носа тюленя, доползаютъ до добычи и начинаютъ свое дѣло — принявшись тюленя *чекушить*.

Есть одно нехитрое орудіе, называемое дубинкою или чекушкой. Это больше ничего какъ толстая палка, или скорѣе скалка, длиною отъ одного аршина до пяти четвертей; она до половины оковывается желѣзомъ, внутри наливается свинцомъ, и съ одного конца подсабливается для того, чтобъ легче было держать ее въ рукѣ, а съ другаго конца, и по всей оковкѣ, насаживаются на нее маленькіе острые шпеньки.

Тюленя бьютъ всегда или по носу или по головѣ: ловкій, хотя и не сильный ударъ, съ разу убьетъ животное; шпеньки для того и дѣлаются на дубинкѣ, чтобъ удобнѣе было продомить ею переносье или черепъ у тюленя.

Каждый взмахъ чекушки стѣбитъ тюлену жизни. Бойцы, въ продолженіе цѣлой ночи, только и дѣлаютъ, что, вооружившись дубинкою, помахиваютъ рукою, тихо переползая съ мѣста на мѣсто, отъ одного трупа до другаго. Для непривычнаго работника не мастера, не мастака, работа эта чрезвычайно утомительна. Взмахи здѣсь не порывистые, не сильные, но частые, горячностью къ корысти доводимы до такой быстроты, что въ глазахъ рябитъ отъ учащенныхъ движеній. Бой длится цѣлую ночь безъ усталости, длится до тѣхъ поръ, пока не останется не одного живаго тюленя на мѣстѣ. О томъ что можно руки отмахать, здѣсь и не думаютъ; а руки поминутно нужны для наступающей новаго рода работы.

Вотъ эта-то манера боя вообще, а въ тѣсномъ смыслѣ добыча тюленя при посредствѣ не цѣлой артели, а только выборныхъ бойцовъ, и носитъ названіе «боя на дубинку».

Если въ теченіе ночи бойцы набьютъ только пятьсотъ штукъ тюленя, то поутру, съ восходомъ солнца, дѣлятъ его между всею артелью, по-равну на каждаго человѣка. Если же имъ удастся набить до тысячи и болѣе тюленей, то, ни мало не теряя времени, они даютъ знать остальнымъ товарищамъ, и къ утру начинается общественная «рѣзка» тюле-

ня ножами; но десять процентовъ изъ общаго числа набитыхъ тюленей, или, выражаясь принятою фразой,—«десятый тюлень», составляетъ неотъемлемую собственность бойцовъ, которые и дѣлятъ эту долю между собою по-равну.

Прежде начатія этой операціи, тюленьщики, для избѣжанія плутовства и обмана, а въ слѣдствіе того ссоръ и неудовольствій, обыкновенно происходящихъ при такомъ дѣлежѣ, гдѣ большая часть добычи достается болѣе проворному участнику, упрасиваютъ зрителя принять на себя распоряженіе въ этомъ дѣлѣ и быть посредникомъ въ дѣлежѣ. Такое участіе, конечно, по правиламъ, не возлагается на непремѣнную обязанность зрителя, но онъ, съ большою охотою, съ усердіемъ принимаетъ предложеніе, вѣроятно, руководимый стремленіемъ къ охраненію порядка и правдивости, при совѣстливомъ распредѣленіи добычи.

Распоряженія его состоятъ въ слѣдующемъ:

Онъ разставляетъ находящихся подъ его командою казаковъ (астраханскаго казачьяго войска) въ линію; за этой линіей выстраиваетъ всѣхъ тюленьщиковъ, «промышленниковъ» и ихъ «рабочихъ» и, не дозволяя имъ, преждевременно, прорываться черезъ шеренгу казаковъ, ведетъ всю колонну къ мѣсту вчерашняго побойща.

Дошедши до сюда, зритель приказываетъ всѣмъ тюленьщикамъ выступить впередъ, разойтись между трупами битаго тюленя, занять мѣста и быть готовыми къ рѣзкѣ, но ни-подъ-какимъ видомъ не начинать ее прежде сигнала. Посредникъ заранѣе объявляетъ «міру», что тотъ, кто нарушитъ это условіе, будетъ выгнанъ изъ артели и отстраненъ отъ участія въ рѣзкѣ, стало быть, лишится своей части. А чтобъ успѣшнѣе наблюдать за исполненіемъ этой угрозы и неминуемо привести ее въ исполненіе надъ нарушителемъ общественнаго договора, зритель разставляетъ въ разныхъ мѣстахъ, между группами тюленьщиковъ, своихъ казаковъ.

«Разобравшись по тюленю», народъ стоитъ наготовѣ, каждый рабочій глазъ не спускаетъ съ зрителя, ждетъ команды, такъ и трясется, чтобъ не потерять ни секунды времени, могущей чувствительно усилить или уменьшить количество его добычи, такъ и впирается взорами въ распорядителя, въ ожиданіи подачи сигнала.

Но вотъ зритель «сгаркаль», ножи блеснули, кровь, въ то же мгновеніе полилась рѣкою. Каждый съ неимоверною быстротою силится скорѣе «обѣловать» тюленя, то-есть «раздѣлать», разрѣзать его, извѣстными приѣмами отдѣлать кожу съ саломъ отъ прочихъ частей, и покончить заключительныя работы. Здѣсь ловкость и проворство стоятъ

на первомъ плащѣ; всякій знаетъ, что получить въ добычу только то, что успѣть своими руками обѣловать, и потому каждый кромсаетъ ножомъ тюленя съ жаромъ, съ азартомъ, съ бѣшенствомъ, въ полномъ забвеніи всего, кромѣ тюленей. Но въ эти минуты, для тюленьщика ничего другаго не существуетъ въ цѣломъ свѣтѣ: все, что прежде было для него дорого, теперь далеко отъ мыслей, сосредоточившихся исключительно на однихъ тюленьихъ «тушкахъ».

Одного искусства владѣть ножомъ еще недостаточно здѣсь для того, чтобъ доставить рабочему вѣрный барышъ, вѣрное вознагражденіе за все перенесенные имъ труды, за все претерпѣнные на морѣ лишенія и опасности: нужна ловкость, она удваиваетъ, утроиваетъ цѣнность добычи. Бываетъ такъ, что въ то время, въ теченіе котораго одинъ тюленьщикъ хлопочетъ все около одной и той же туши, другой, сосѣдь его, успѣетъ обѣловать цѣлыя пять штукъ тюленей.

Въ тѣхъ артеляхъ, гдѣ тюленьщики не признаютъ за нужное прибѣгать къ посредничеству смотрителя, тамъ главный надзоръ за всеми работниками ввѣряется особому выборному, который какъ и вездѣ въ артеляхъ, держитъ своихъ подчиненныхъ, во всемъ, касающемся общественнаго интереса, въ полномъ страхѣ и повиновеніи и въ самой строгой дисциплинѣ. Такой выборный самъ въ общественной рѣзкѣ непосредственнаго участія не принимаетъ, но, въ возмездіе за это, получаетъ отъ артели опредѣленную долю. Рѣшенія выборныхъ безъ-апелляционны, и каждый покоряется ихъ слову, даже безъ тѣни прекословія.

До-сихъ-поръ мы говорили о боѣ на дубинку, о боѣ, который бываетъ только тогда, когда тюлень лежитъ «рѣдко», неплотно и когда, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, нельзя терять времени на оповѣщеніе товарищей. Другое дѣло бываетъ, когда бойцы найдутъ, что тюлень на острову лежитъ и «густо» и «широко», то-есть, что онъ расположился здѣсь въ нѣсколько рядовъ, заплзъ далеко въ глубь острова, и лежитъ очень плотно прижавшись одинъ къ другому.

Въ этихъ случаяхъ, бойцы возвращаются къ артели и оповѣщаютъ ихъ обо всемъ видѣнномъ. Тюленьщики выслушиваютъ ихъ, входятъ въ малѣйшія подробности касательно расположенія косяка, снимаются съ якорей, плывутъ къ тому самому мѣсту, гдѣ въ первый разъ бойцы приставали, подходятъ къ острову, выходятъ изъ лодокъ и сходятся на берегу все въ одно мѣсто, не занятое тюленемъ. Здѣсь, составивъ кругъ, они толкуютъ на общемъ совѣтѣ и рѣшаютъ какъ и откуда начать свое дѣло.

Тюленьщики ложатся на земь и, подъ предводительствомъ лучшаго бойца, выступающаго ползкомъ впереди всехъ, ползутъ по его слѣдамъ

одинъ за другимъ дѣлою вереницею, плотно прижавшись другъ къ другу. Между ползущимъ строемъ всѣхъ рабочихъ располагаются и прочіе бойцы, каждый чрезъ нѣсколько человекъ тюленьщиковъ, такимъ образомъ, что лучший боецъ остается въ головѣ вѣющейся линіи, а послѣдній, тоже опытный боецъ — въ хвостѣ ея; онъ замыкаетъ собою шествіе. Эти бойцы понуждаютъ прочихъ тюленьщиковъ, наблюдаютъ за сохраненіемъ полной тишины и молчаливости и строго слѣдятъ, чтобъ ни одинъ изъ нихъ не отставалъ, не кашлянулъ, головы даже не смѣлъ бы приподнять. Если хоть одинъ приподниметъ голову или произведетъ иное движеніе, такого рода, что оно можетъ чуткаго тюленя спугнуть въ воду, общій ходъ приостанавливается, начатое дѣйствіе прекращается, виновника въ нарушеніи порядка тихо выводятъ изъ строя и лишаютъ его права на участіе въ добычѣ. За этою расправой артель приступаетъ къ новому обходу стада.

Передній боецъ, придвигаясь понемногу все впередъ да впередъ, достигаетъ наконецъ до ряда тюленей, преграждающаго ему дорогу. Боецъ не бьетъ этого тюленя, а старается тихонько согнать его въ воду и тѣмъ очистить себѣ путь; къ ударамъ здѣсь не прибѣгаютъ, чтобъ ни малѣйшимъ шумомъ не всполошить остальныхъ животныхъ, расположившихся далѣе отъ берега, внутри острова; тюленей тамъ больше, ихъ-то и оберегаютъ тюленьщики для захвата общими силами.

Тюлени пластомъ лежатъ по обширному пространству ровной поверхности острова и спятъ крѣпко; за вѣтромъ, дующимъ съ ихъ стороны на тюленьщиковъ, животныя не слышатъ, что тутъ пахнетъ человекомъ, и не догадываются о неминуемой, уже постигшей ихъ бѣдѣ.

Народъ обошелъ все побережье и оцѣнилъ стадо съ той стороны моря, куда тюлень лежитъ мордой и гдѣ предстоитъ ему блажайшая дорога къ спасенію. Передовые промышленники давно достигли до косяка, но приступить къ дѣйствію они все еще не имѣютъ права, не получивъ условнаго оклика на счетъ того, что и остальные рабочіе миновали уже пустое пространство острова и доплыли до тюленя.

— Заползли! шепчетъ наконецъ задній боецъ ближайшему къ себѣ товарищу, едва шевеля губами.

— Заползли! въ свою очередь говоритъ этотъ своему сосѣду.

— Заползли! передаетъ тотъ, тоже шепотомъ, слѣдующему.

«Слова заползли! заползли!» едва слышно переходятъ изъ устъ въ уста и наконецъ достигаютъ ушей главнаго бойца, на котораго теперь обращены всѣ взоры.

Передовой подаетъ сигналъ; всѣ выпрямляются и стоятъ на-готовѣ, но они не встаютъ на ноги, а приловчившись къ дубинѣ, выстраи-

ваются, на кольяхъ, плотною стѣной вдоль островскаго побережья, на самомъ краю побочня.

— Ура! вскрикиваетъ полною грудью передовой боецъ.

— Ура! подхватываютъ всѣ тюленьщики разомъ.

Воздухъ дрогнетъ отъ этихъ возгласовъ. Тюлень пробуждается и, въ суматохѣ спѣшить, сколько это позволяетъ ему его поворотливость, скорѣе нырнуть въ воду; но тутъ тюленьщики встрѣчаютъ его ударами, и въ одну минуту, между остальнымъ косякомъ и шеренгою тюленьщиковъ образуется преграда, невысокій валъ, весь состоящій изъ тюленьихъ труповъ.

Народъ чекушитъ тюленя въ голову; тюлени мечутся, кидаются изъ стороны въ сторону, стремятся все по направленію къ водѣ, но встрѣчая сначала трудно-одолимую для нихъ преграду изъ тѣлъ убитыхъ своихъ собратій, преграду, переползти черезъ которую имъ пока есть еще нѣкоторая возможность, падаютъ новой стѣной подъ ударами дубинки, а иные до того мѣшаются, что лезутъ одинъ на другаго, душатъ другъ друга и издыхаютъ подъ напоромъ новой массы ищущихъ спасенія тюленей. Образуются цѣлые завалы, цѣлыя стѣны битаго тюленя, полагающія совершенный, конечный предѣлъ физической возможности тюленя переползти черезъ него.

Промышленники обязаны стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, отнюдь его не перемѣняя и не подвигаясь впередъ ни на сажень, хотя бы впереди и видѣли они множество вѣрной добычи. Здѣсь тотъ расчетъ, что если тюлень глубоко забрался на твердую землю внутри острова и отдаленъ отъ прибрежья, то ему ужъ нѣтъ возможности спастись. Съ ближайшей къ морю стороны его ждутъ тюленьщики и груды битаго тюленя, съ другой ему не убѣжать—пространство суши до моря велико.

Отъ клика «ура!» которымъ начинается ловъ, и самая манера лова носятъ на себѣ особое названіе: въ отличіе отъ боя на «дубину», этотъ бой зовется «бой урдемъ.»

При такомъ способѣ истребленія тюленей, опытные рабочіе, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могутъ, въ одинъ «заползъ», начекушить до пяти тысячъ штукъ тюленя, хоть бы артель состояла не болѣе какъ изъ пятидесяти человекъ, а такихъ «заползовъ», при стараніи, можно, въ теченіе ночи, сдѣлать четыре и даже пять, перебираясь съ одного острова на другой, близъ лежащій, или дѣлая заползы все на одну и ту же, усѣянную тюленями мѣстность.

Такого рода бой производится всегда весной, потому что въ это время года тюлень, какъ уже замѣчено, ливняетъ и ослабѣваетъ въ

силахъ; въ эту пору онъ всегда большими стадами выползаетъ на острова.

При боѣ урѣмъ, бойцы, никогда не считающіеся простыми черно-рабочими, уже не пользуются десятимъ тюленемъ, потому что тутъ всѣ принимаютъ одинаковое, равное участіе, и промышленники-хозяева, и бойцы, и простые рабочіе.

Случается и то, что тюлень, при первомъ натискѣ, когда его встревожатъ крикомъ «ура!» кинувшись къ морю, ешибаетъ людей своимъ стремленіемъ и силится перелѣзть черезъ нихъ въ воду. Въ такихъ случаяхъ тюленьщики заранѣе стараются притаиться и плотно приикаютъ къ землѣ, чтобъ тѣмъ свободнѣе тюлень могъ чрезъ нихъ пройти: въ противномъ случаѣ, масса цѣлаго стада можетъ задушить рабочихъ своими грудями, или, по-крайней-мѣрѣ, отъ перепугу скрыться въ морѣ на долго, совершенно очистивъ островъ. Если же тюленьщики, соблюдая мертвенное молчаніе, не помѣшаютъ движенію стада, то дальніе тюлени, не опознавъ опасности и успокоившись отъ перваго всполоха, усмиряются, и ввѣрившись воцарившейся тишинѣ, остаются на прежнихъ мѣстахъ. Тогда тюленьщики начинаютъ съ ними новую расправу.

Бываетъ и такъ, что тюленьщики, начавъ побойще, не смотря на все свое проворство, не могутъ ослить всего стада и перебить тюленей до послѣдняго; не смотря на дружную, но молчаливую и безостановочную борьбу цѣлой ночи, небитаго тюленя остается еще множество и справиться съ нимъ недостаетъ ни силъ, ни времени, ни рукъ. Въ совершенной тишинѣ продолжая ночной бой, тюленьщики къ утру перестаютъ трудиться и, не прерывая безмолвія, оставляютъ всю добычу безъ уборки, а сами возвращаются на лодки.

Въ ночи они опять сюда возвращаются. Ежели вѣтеръ благопріятствуетъ промышленникамъ по-прежнему, они продолжаютъ вчерашній бой, начавъ работу съ того мѣста, гдѣ ее покончили; если же вѣтеръ перемѣнился, тюленьщики обходятъ островъ съ подвѣтренной стороны и съ прежнею осторожностью начинаютъ бой оттуда, откуда и въ первый разъ.

Тюленя бываетъ иногда на островѣ тьма-тьмушая, такая гибель, что артель и въ двѣ ночи не успѣетъ всѣхъ перечекунить; въ такомъ случаѣ окончаніе добычи оставляется до слѣдующаго раза. Бывало иногда и такъ, что нападеніе, запылы и побоища длятся ночей пять сряду и даже больше.

Обойдя весь островъ кругомъ и перебивъ послѣдніе остатки, тюленьщики, съ соблюденіемъ строжайшаго порядка, начинаютъ «рѣзку».

при тѣхъ пріемахъ, о которыхъ уже было упомянуто. Рѣзка эта производится съ изумительною скорбью, и чтобъ достигнуть эту быстроту, достаточно замѣтить, что все количество тюлена, набитаго въ теченіе пяти-шести ночей, «обрѣзывается» въ два, три часа времени; бывали случаи, что сто человѣкъ рабочихъ обѣловывали двадцать пять тысячъ штукъ не болѣе какъ въ продолженіе двухъ съ половиною часовъ.

Въ тѣхъ артеляхъ, которыя составлены не изъ пристрастившихся, не създавна наторѣлыхъ къ дѣлу аматѣровъ, дорожащихъ преданіями, коренныхъ бойцовъ, или гдѣ они, въ слѣдствіе разныхъ причинъ, оставили прежніе порядки и завели новые, дѣлѣжка происходитъ либо равными на каждого тюленьщика паями сколько бы ни было набито тюлена, либо участками, сообразными количеству тушъ, набитыхъ каждымъ промышленникомъ. Это называется дѣлѣжка «по но-жу»: каждый, вооруженный дубинкою работникъ, «угомонивъ» тюлена, немедленно кладетъ на немъ ножомъ свою черту или свой знакъ. Впрочемъ, эти знаки на самой тушѣ рѣдко дѣлаются: въ большомъ употребленіи зарѣзы на палкѣ; ихъ кладутъ во время самой разрѣзки тюлена для того, чтобъ участники не перемѣшались въ счетѣ и не затѣяли споровъ съ сосѣдями, обвинивъ ихъ въ умыленномъ обсчитываньи.

Нечего и говорить, что тамъ, гдѣ артель состоитъ только изъ хозяина и его чернорабочихъ, вся добыча дѣлается полною собственностью перваго, рабочіе же, какъ само-собою слѣдуетъ, довольствуются лишь выговоренною въ жалованье платою. Это обыкновенно бываетъ въ особенности у владѣльцевъ и у откупщиковъ морскихъ рыболовныхъ водъ. Въ открытомъ же морѣ, на дальнемъ пространствѣ, собственно въ водахъ «вольнаго промысла», то есть внѣ границъ помѣщичьихъ или аренднаго права, рабочіе нанимаются къ промышленнику, то есть къ капиталисту, (потому что безъ чувствительнаго и весьма цѣннаго капитала нѣтъ возможности сварядить мореходное судно, вооружить его и снабдить всеѣмъ необходимымъ) съ непремѣннымъ условіемъ дѣлѣжки тюлена натурой, по давнему обычаю.

Окончивъ операцію рѣзки, промышленники везутъ тюлена на «станъ», то есть туда, гдѣ стоятъ кусовыя, складываютъ добычу въ эти суда пластами и пересыпаютъ солью: нижній пластъ покрываютъ новымъ, опять пересыпаютъ слоемъ соли, и такъ далѣе поступаютъ до совершеннаго окончанія посола.

Исполнивъ это на живую руку, народъ снова съѣзжается на тотъ же островъ съ исключительною цѣлью очистить его отъ костей, мяса и крови и всѣхъ остатковъ прежней рѣзни. Надо отдать тюленьщикамъ ту

справедливостѣ, что эту работу они производятъ, въ буквальный смыслъ, чисто: на острову не остается ни соринки, ни пятнышка крови, все сметается и выкидывается въ море, островъ принимаетъ первобытный видъ, никогда не остается ни малѣйшихъ слѣдовъ суматохи и кровопролитія. Упустить это, предоставить трупы гніенію, значило бы воспрепятствовать тюленю снова выходить стадами на этотъ же островъ и тѣмъ самымъ лишитъ на будущее время добычи и себя или и другихъ тюленьщиковъ.

Когда промышленники, эмбенцы, то есть капиталисты, соединившіеся въ одно общество, покончивъ свои операціи на одномъ островѣ, удаляются съ него, вмѣстѣ съ рабочими, то изъ среды сихъ послѣднихъ, оставляютъ здѣсь своихъ караульчиковъ, снабженныхъ достаточнымъ количествомъ провіанта. Обязанность караульчиковъ состоитъ въ томъ, чтобъ наблюдать здѣсь за чистотой и недопускать другія артели къ тайной добычѣ тюленя на островѣ, съ разными хлопотами признанномъ вѣрнымъ пріютомъ стадъ, и въ слѣдствіе первоначального имъ овладѣнія, обратившемся на цѣлое лѣто, въ собственность именно этого общества. Затѣмъ вся ватага тюленьщиковъ отправляется на другой, такимъ-же образомъ открытый островъ, и продолжаютъ здѣсь работу точно также, какъ дѣйствовала и на первомъ островѣ.

Окончивъ здѣсь, промышленники тѣмъ же порядкомъ возвращаются на прежнее мѣсто, и такъ продолжаютъ бить тюленя, попеременно, то на томъ, то на другомъ островѣ, въ теченіе цѣлаго лѣта. Весною бои начинаются со вскрытіемъ льда и продолжаются до десятаго мая; вторая же, осенняя «путина» длится съ десятаго сентября вплоть до того времени, когда наступятъ морозы и сблизится срокъ прекращенія навигаціи. Тюленьщики дорожатъ временемъ, и потому боятся, чтобъ ихъ и льдомъ-то не затерло, да чтобъ и лишняго-то дня по напрасну не потерять въ бездѣйствіи. Хотя рѣдко, а случается однакожь, что промышленники попадаютъ въ «заломы» и окружаются пловучими льдами, но объ этихъ исключительныхъ случаяхъ несчастій намъ прійдется еще поговорить подробнѣе въ послѣдствіи.

Главныя условія успѣшности тюленьихъ боевъ «на дубинку» и «уробемъ» заключаются въ слѣдующихъ пяти правилахъ предосторожности:

1. Наблюдать совершенную тишину. Спугнуть тюленя не мудрено: при малѣйшемъ крикѣ или стукѣ онъ почуветъ опасность и скроется въ море, или, говоря принятымъ тюленьщиками терминомъ — «солется» въ воду.

2. Умѣть выжидать время и пользоваться имъ. При соблюденіи этого условія, пріобрѣтаемаго навыкомъ и старательнымъ изученіемъ при-

вычекъ тюленя, представляется болѣе удобствъ произвести обильную добычу. Выгоднѣйшимъ временемъ считается сильный вѣтеръ и темная ночь.

3. Стоять у острова подъ вѣтромъ.

4. Во время штиля на кусовыхъ не разводить огня.

Оба эти правила важны, потому что тюлень, будучи одаренъ чрезвычайно острымъ обоняніемъ, на далекое пространство чувствуетъ присутствіе постороннихъ и боится всего, что выходитъ изъ уровня обыкновенныхъ явленій, къ которымъ онъ привыкъ на сушѣ и на морѣ. Дымъ отъ костровъ и табачный запахъ непременно его спогнать въ воду.

И 5. Никому и никуда отъ партіи не позволять отлучаться. Это дѣлается въ предупрежденіе тайнаго лова къмъ—нибудь изъ общинниковъ тюленей на другомъ притонѣ и въ огражденіе выгодъ зрѣлаго общества отъ потерь, могущихъ чрезъ то произойти.

Нельзя сказать, чтобъ всѣ эти обычные порядки и приемы строго соблюдались всеми артелями тюленьщиковъ. Обязанность близкаго рыбной экспедиціи лица, именующагося смотрителемъ рыболовства, по инструкціи простирается только на то, чтобъ вольно-промышленники Эмбенцы, снабжены были дозволительными билетами экспедиціи, чтобъ число ихъ рабочихъ не превышало того количества, которое обозначено въ этихъ билетахъ, чтобъ у тюленьщиковъ не было запасовъ корчемной соли, которою они изобильно могутъ пользоваться на близкомъ къ нимъ восточномъ берегу Каспійскаго моря, и наконецъ, чтобъ никто изъ вольнопромышленниковъ не могъ утаить тюленя отъ взиманія слѣдующаго съ него въ казну количества пошлины.

Нельзя сказать чтобы промышленники слишкомъ часто беспокоивали смотрителей просьбами о вмѣшательствѣ въ распри и несогласія тюленьщиковъ или о руководствованіи ловцовъ, въ дѣлѣ спеціально имъ самимъ знакомомъ. Чаще всего, тюленьщики назначаютъ, изъ среды самихъ себя особыхъ выборныхъ, которымъ и оказываютъ строгую дисциплинарную покорность. Но къ несчастію нельзя не сказать и того, что между множествомъ собирающихся къ одному и тому же острову хозяевъ, еще чаще возникаютъ сильныя несогласія и намѣренныя противодѣйствія другъ другу къ успешному бою и, разумѣется, единственное наказаніе—они сами себя лишаютъ выгодъ и доходовъ, которые увѣнчали бы ихъ труды при дружескомъ сообщничествѣ и при благонамѣреннымъ содѣйствіи другъ дружкѣ.

Кромѣ боёвъ на островахъ, добыча тюленя производится посредствомъ «ахановъ» или сѣтей, съ крупными до полуаршина ячеями. Аханами

ловать тюленя въ открытомъ морѣ, но недалеко отъ «черней» или отъ необитаемыхъ побережій Каспійскаго моря.

Промышленники выѣхавъ сюда на нѣсколькихъ десяткахъ лодокъ, раздѣляются на двѣ партіи, каждая подъ начальствомъ особаго выборнаго, старшины, обыкновенно называемаго атаманомъ. Одинъ изъ нихъ называется «морскимъ» атаманомъ, другой «черневымъ».

Тюлень плыветъ въ морѣ косяками, или стадами и надъ ними выются и кружатъ мартышки. По полету этихъ мартышекъ атаманы слѣдятъ за ходомъ тюленя и, выкинувъ съ лодокъ аханы, пускаются всею цѣпью своихъ лодокъ въ погоню за стадомъ. Черневой атаманъ объѣзжаетъ его со стороны черней, морской беретъ «мористѣ», то есть заѣзжаетъ глубже въ море, такимъ образомъ оба они стараются окружить косякъ, пользуясь однакожъ направлениемъ вѣтра, чтобъ на тюленя не нанесло духу, и чтобы онъ, почувавъ опасность, не увернулся отъ тюленьщиковъ и не проложилъ себѣ другой дороги.

Тюленьщики, окруживъ стадо тюленей цѣпью лодокъ и ахановъ, все разомъ начинаютъ кричать, стучать по водѣ веслами и чекушками, спугивая тюленя съ мѣста и загоняя его въ аханы, такъ однакоже, чтобъ не дать ему возможности проскользнуть между лодокъ въ открытое море.

Тюлени, которые не въ первый разъ попадаютъ въ гонку, а успѣли уже приобрести въ борьбѣ съ сѣтymi нѣкоторую опытность, стараются пройти чрезъ цѣпь и избѣжать ахановъ; они дѣйствительно успѣваютъ иногда скрыться отъ преслѣдованій. Но такихъ немного. Тюленьщики, напавъ на подобнахъ, разрозненныхъ съ цѣлымъ стадомъ тюленей, зовутъ ихъ обыкновенно «баклушниками» и «отсталыми»; однакожъ замѣчено, что у тюленей мало смѣтливости, и что тюленюму стаду очень и очень трудно увернуться отъ блокирующей его флотилии и снарядовъ.

Попавъ однажды въ аханы, тюлени съ каждымъ поворотомъ все болѣе запутываются въ ячеистой ткани сѣтей: тутъ ихъ ловятъ и бьютъ дубинями.

Случается изрѣдка и такъ, что тюлень попадаетъ на разставленные въ морѣ «самоловныя снасти», повиснувъ на толстые крючки, изъ которыхъ самолоты эти дѣлаются; но число такимъ образомъ добываемаго тюленя не значительно въ сравненіи съ общемою массою ловимаго звѣря. Случается и такъ, но тоже въ видѣ исключенія изъ общаго правила, что тюленей стрѣляютъ и изъ ружей: это бываетъ тогда, когда ловцы, путившись въ море со вскрытіемъ льда, подмѣтятъ тюленей на льдинахъ. Ловцы тутъ дорожатъ временемъ: тюлень, замѣтивъ челоуѣка, можетъ сползти со льдины и скрыться отъ опасности. У ловца только

одно средство — мѣткая пуля, но этого еще недостаточно: надо умѣть стрѣлять и стрѣлять хорошо, чтобъ попасть въ тюленя и ранить заплывшее жиромъ его туловище; къ такой ранѣ тюлень останется нечувствителенъ; нуженъ вѣрный ударъ въ голову—тогда только пуля не пропадетъ за даромъ.

А иногда случается и такъ, что ловцы, приблизившись съ подвѣтренной стороны къ несомой бурейю огромной, величиной въ квадратную версту, льдинѣ, на которую выползли стаи тюленей на отдыхъ, втаскиваютъ на нее свою посудинку, и ни мало не мѣшкая, принимаются бить тюленя веслами, баграми или припасенною дубинкою; но и эта добыча тоже бываетъ не многочисленна.

Надо предполагать, что гораздо больше ловится тюленей въ то время, когда самки, иногда продувъ во льду «лазки», то есть отверстія, а иногда и просто черезъ трещины въ льдинѣ выползаютъ изъ воды на свѣжій воздухъ, укрываются въ «заломахъ» или въ ребромъ стоящихъ ледяныхъ глыбахъ и, защитившись такимъ образомъ отъ вѣтровъ, щенятся и сберегаютъ своихъ маленькихъ отъ опасныхъ имъ хищныхъ морскихъ рыбъ. Но опасность и здѣсь для нихъ велика: надъ ними выются стада беркутовъ. Промышленники, открывъ по нимъ такіе пріюты, перебиваютъ цѣлое стадо отъ перваго до послѣдняго.

Тюлень обладаетъ чрезвычайно слабымъ зрѣніемъ; въ водѣ движенія его быстры и проворны. При нападеніи на него багромъ, тюлень свертывается и фыркаетъ, въ азартѣ онъ бросается иногда на человѣка и довольно сильно кусается; маленькій тюлень, подъ ударами, издаетъ слабый плаксивый стонъ.

По окончаніи лова, каждый тюленьщикъ, возвращаясь съ промысла, изъ открытаго моря съ вольныхъ водъ, объявляетъ о количествѣ своей добычи смотрителю рыболовства. Тотъ записываетъ его показаніе въ особую тетрадь, полученную изъ рыбной экспедиціи, а прежде отобранный отъ тюленьщика билетъ, возвращаетъ теперь съ отмѣткою явки и номера внесенія билета въ книгу, и ужъ послѣ этого допускаетъ промышленника къ возвращенію во-своихъ.

Приближаясь къ Астрахани, тюленьщикъ еще разъ дѣлаетъ явку смотрителю при экспедиціонной заставѣ; смотритель, записавъ показаніе въ особую книгу, доноситъ о томъ рыбной экспедиціи, и здѣсь, по заведенному порядку, количество добычи вносится сперва въ «тюленный-настошный» реестръ, потомъ въ шнуровую книгу, и кромѣ того въ алфавитъ.

Независимо оттого, при явкѣ промышленника въ экспедицію, для объявленія кому именно онъ продалъ тюленя и для приглашенія свидѣтеля къ перевѣскѣ оставшагося товара, дѣлается еще перевѣрка наличнаго тюленя и сличеніе показаній промышленника съ рапортомъ прежде полученнымъ отъ экспедиціонной заставы.

Самый большой тюлень вѣситъ около четырехъ пудовъ; обыкновенно принято рассчитывать такъ, что каждый осенній тюлень вѣситъ отъ полутора пуда до двухъ пудовъ и пяти фунтовъ, а каждый весенній тюлень отъ двадцати трехъ фунтовъ. Жиру получается отъ осенняго и зимняго тюленя до тридцати двухъ фунтовъ, а съ весенняго и лѣтняго двадцать семь фунтовъ. Сотня тюленьихъ шкуръ осеннихъ вѣситъ пятнадцать пудовъ, а сотня весеннихъ—десять пудовъ; за переноску тюленя, перетопку его въ жиръ и «сливку» платять по четыре копейки серебромъ съ пуда.

Блячокъ дорого цѣнится, за него капиталисты охотно даютъ четыре и пять рублей ассигнаціями, тогда какъ за шкуру большаго тюленя платять иногда только шесть рублей ассигнаціями. У блячка и сала больше, да и шкурка красивѣе и цѣннѣе. У тюленя только сало и шкурка идутъ въ дѣло; голова же и кости съ небольшимъ количествомъ мяса, какъ мы уже замѣтили, кидаются въ море.

Большаго тюленя, то—есть тюленью шкуру съ приставшимъ къ ней слоемъ сала, толщиною въ ладонь, недостаточные и не имѣющіе средствъ сами топить жиръ, вольные ловцы, продаютъ главнѣйшимъ дѣятелямъ рыбопромышленности, откупщикамъ рыболовныхъ водъ, владѣющихъ прочными капиталами. Эти капиталисты заранѣе, съ общаго согласія, устанавливаютъ цѣны товару, принимая мѣры, чтобъ произвольное повышение ихъ со стороны тюленьщиковъ не могло имѣть никакихъ, невыгодныхъ для самихъ перекупщиковъ послѣдствій. Обыкновенно устанавливаемая такса не превышаетъ 80 коп. сер. съ пуда; только въ самыхъ крайнихъ и непредвидимыхъ случаяхъ, капиталисты бываютъ принуждены поднять ее до рубля и до рубля съ четвертью.

Если капиталисты назначать съ общаго согласія слишкомъ низкую на тюленя цѣну, то тюленьщики, не очень нуждающіеся въ деньгахъ, не стѣсняются непремѣнною необходимостью продажи: отъ ихъ собственнаго усмотрѣнія зависитъ нанять лари, сложить туда свой товаръ, и выждать хорошихъ цѣнъ два, три и четыре года.

Въ цѣну, назначаемую капиталистами тюленьщикамъ пошлинь не входитъ. Узаконенная пошлина, по 30 коп. сер. съ пуда тюленя безъ

тѣшки, а не съ пуда жиру, взимается со всего тюленя, поступающаго въ продажу; платитъ ее обыкновенно тотъ покупатель, который вывозитъ тюленя изъ Астрахани въ верховые города. Тюлень, привозимый съ Сальянскихъ промысловъ, пошлиною не оплачивается, потому-что она вошла уже въ откупную сумму, вносимую въ казну содержателями этихъ водъ.

Сало на тюленьей шкурѣ солится въ корень и отправляется въ такомъ видѣ въ Казань и на Нижегородскую ярмарку. Но несравненно огромнѣйшее количество этого сала, не доходя еще до Астрахани, на рыбныхъ промыслахъ (заводахъ), перетапливается въ жиръ, и въ этомъ видѣ его очень трудно отличить отъ обыкновеннаго рыбаго жира, получаемаго отъ перетопки бѣшенки и другихъ породъ мелкой рыбы.

Сало это астраханскіе капиталисты перетапливаютъ въ жиръ цѣлыми штуками, или какъ тамъ выражаются «ястыкомъ», хотъ это послѣднее выраженіе болѣе всего относится къ икрѣ. Главный закупщикъ этого товара отъ тюленьщиковъ, имѣвшій до 1851 года на Бахтемирѣ, въ тридцати верстахъ ниже Астрахани, въ селѣ Икряномъ; огромнѣйшій жиротопленный заводъ съ паровыми котлами, скупаетъ тюленя почти отъ всѣхъ тюленьщиковъ и уже самъ отправляетъ его въ С. Петербургъ. Заводъ этотъ сгорѣлъ, но жиротопленіе продолжается по-прежнему въ блистательныхъ размѣрахъ.

Добытый въ теченіе года тюлень не весь въ томъ-же году вывозится изъ Астрахани, часть его всегда остается и къ слѣдующему году, особенно это надо отнести къ тюленю, добываемому позднею осенью.

Въ послѣдніе годы, въ Эмбенскихъ, то-есть въ вольныхъ водахъ, находящихся въ завѣдываніи Астраханской рыбной экспедиціи, стало быть не во всемъ Каспійскомъ морѣ, тюленя, по официальнымъ свѣдѣніямъ, было добыто:

Въ 1837 году	169,670	штукъ	
— 1838 —	69,664	—	
— 1839 —	140,069	—	
— 1840 —	100,075	—	
— 1841 —	106,952	—	
— 1842 —	221,928	—	
— 1843 —	260,964	—	
— 1844 —	290,627	штукъ;	тюленьихъ кусковъ 154
		штуки, ястыку	575 штукъ и 9
		бочекъ; жиру	54 бочки.

Въ 1845 —	34,630	штукъ и 4 бочки жиру.
— 1846 —	92,556	—
— 1847 —	99,638	и 28 бочекъ жиру.
— 1848 —	35,485	—
— 1849 —	151,432	—
— 1850 —	52,520;	въ этомъ-же году, какъ изъ до-

ставленныхъ отъ нѣкоторыхъ купеческихъ конторъ свѣдѣній видно, тюленя было добыто: у г. Голикова 8,024 штуки, у гг. Сапожниковыхъ 46,817 штукъ; о другихъ лицахъ неизвѣстно.

Здѣсь говорится только про цѣльныя штуки тюленя, предъявляемаго экспедиціи; но такъ-какъ тюлень вытапливается на жиръ, еще не доходя до Астрахани, то о количествѣ бочекъ ежегодно вытапливаемаго жира чрезвычайно трудно представить цифры, на которыя можно было бы положиться съ полною вѣрою.

На тюленьи острова, въ Эмбенскій промыселъ, какъ изъ официальныхъ свѣдѣній видно, управлялось:

Въ 1844 году	83	кусовыхъ съ	249	рабочими.
— 1845 —	86	—	380	—
— 1846 —	90	—	378	—
— 1847 —	86	—	231	—
— 1848 —	124	—	461	— въ томъ числѣ 124 лоцмана.
— 1849 —	146	—	758	— 146 —
— 1850 —	245	—	995	— 245 —

Надо однако жъ замѣтить, что лоцманъ почти всегда и есть самъ «промышленникъ,» «Эмбенецъ,» тюленьщикъ, хозяинъ, занимающійся ловомъ тюленей на «вольныхъ водахъ.»

Изъ тѣхъ же свѣдѣній видно, что въ доходъ казны, за вывезенный изъ Астрахани во внутреннія губерніи соленый въ корень тюлень и тюлений жиръ, поступило:

Въ 1838 году	20,688	руб.	80 ² / ₇	коп.	сер.
— 1839 —	14,808	—	38	—	—
— 1840 —	31,206	—	86	—	—

Въ 1841	—	18,053	—	26	—	—
— 1842	—	20,255	—	20 ⁶ / ₇	—	—
— 1843	—	28,879	—	15 ³ / ₄	—	—
— 1844	—	45,871	—	95 ³ / ₄	—	—
— 1845	—	35,186	—	54 ³ / ₄	—	—
— 1846	—	14,177	—	21 ¹ / ₂	—	—
— 1847	—	26,262	—	14 ¹ / ₄	—	—
— 1848	—	29,678	—	14 ¹ / ₄	—	—
— 1849	—	11,634	—	20 ¹ / ₄	—	—
— 1850	—	30,314	—	9 ¹ / ₄	—	—

Когда тюленя свезутъ на жиротопленное заведеніе, то каждую шкуру раскладываютъ шерстью внизъ, на кобылу, или на станокъ, съ наклонною къ переди плоскостью; рабочіе отдѣляютъ сало отъ кожи «подходками», то есть острыми желѣзными пластинками съ двумя рукоятками, и когда все сало соскребуть, то сваливаютъ его въ огромные котлы, въ которыхъ оно и растапливается; потомъ этотъ вытопленный уже жиръ сливается въ другіе, еще большіе чугунные, обожженные внутри свинцомъ, котлы, даютъ ему время отстояться, потомъ сливаютъ въ обыкновенныя бочки, и отсылаютъ въ Петербургъ на биржу.

Но масса сала не всегда можетъ съ одного раза вся растопиться; по окончаніи операціи, такіе куски вынимаютъ, кладутъ въ ящикъ съ наклоненнымъ дномъ на солнцѣ; сало расходится отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, но и затѣмъ все еще остаются большіе комки крѣпкого сала. Ихъ называютъ «шкварой», кладутъ подъ прессъ и изгнетаютъ изъ нихъ остальное количество жира, которое и сливаютъ вмѣстѣ съ прежде-вытопленнымъ.

Тюлений жиръ идетъ въ тоже употребленіе, на которое идетъ и жиръ, вытопленный изъ мелкой рыбы, именно на выварку мыла, на выдѣлку кожъ и на освѣщеніе.

Тюленьи шкурки употребляются на солдатскіе ранцы, на обивку сундуковъ и погребцовъ, на обшивку крестьянскихъ шубъ и зимнихъ кучерскихъ армяковъ, на околыши къ шапкамъ и на разную одежду; въ послѣдніе годы нашли способъ выдирать густые, щетинистые волосы изъ тюленьихъ шкурокъ, дубить ихъ такъ, что онѣ съ вида бываютъ нѣсколько похожи на шелковый плюшъ, и потому выдѣлываемыя изъ это-

го товара принадлежности верхней мужской и женской одежды, цѣнятся весьма дорого.

Уральцы тюленьимъ промысломъ вовсе не занимаются: это строжайше воспрещено войсковыми законами, именно потому, что шумъ и возня, сопровождающіе тюлений ловъ, могутъ испугать рыбу, идущую съ моря въ устье рѣки Урала и заставить ее принять другое направление. Ходятъ, впрочемъ, слухи, что нѣкоторые шалуны изъ астраханскихъ промышленниковъ, тайкомъ промышляютъ тюленя и въ уральскихъ границахъ, но трудно предположить, чтобъ добыча эта была очень значительна.

СОЛДАТСКОЕ ПИСЬМО СЪ АЗИЯТСКО-ТУРЕЦКОЙ ГРАНИЦЫ.

Здравія желаю, другъ и однокорытникъ, Сазонъ Лукичъ! Съ того часу, какъ мы съ тобою колошматили неугомоннаго черкеса въ *Ахтахъ*, много съѣдено сухарей, а еще больше не за-даромъ истрачено казенныхъ патроновъ. Какъ-то ты, сударь мой, изволишь теперь послуживать въ гвардіи, все ли по добру по здорову? А мы, вотъ, такъ-себѣ, не шатко, не валко: перекрестились, откашлялись, ранецъ за плечи, ружье въ руку—и шастъ по Эриванскаго дорожкѣ—поколотить Турку немножко. Взбѣленился опять бусурманъ! Хоть вынь да положь: на стѣну лѣзеть!.. изъ поведенціи вонь вышелъ! Ну, да ужъ вѣстимо, что мы не лѣвою ногою носъ сморкаемъ: прикажутъ, такъ не ровень часъ—поднесемъ такой браги, что расчихается!..

Слышь ты, какъ по запрошлый разъ Забалканскій поколотилъ, при Кулевчахъ, *трехмунчтучнаго* пашу, да на щипокъ рванулъ бусурмана въ иномъ прочемъ мѣстѣ, двинувъ нашихъ молодцовъ къ *Адрианову-полю*, такъ Турка и заговорилъ «*саламалькомъ*». «Не буду, говорить, зарокъ даю! Что хошь возьми, что хошь спрося, виновать!» «Ладно,—молвилъ Забалканскій,—повинную голову и мечъ не сѣчетъ, бритую бороду стричь нечего; обожди мало-мальски, вотъ Царя спрошу, что прикажетъ съ тобой дѣлать?» Извѣстно дѣло: нешто Нашему Государю-Батюшкѣ бусурманская кровь нужна, или ихъ города съ приселками? и своихъ-то у Него, слава Богу! цѣлый батальонъ въ сутки по пальцамъ не перечтеть... Ну, да говорить, и Агличъ за Турку челомъ ударилъ, въ поясъ поклонился: «Помилуй, Государь! Что ихъ обижать, говорить: вѣдь народъ тумакі; они намъ, такъ-сказать, съ руки: ужъ не взыщи на глупости, отпусти душу на покаяніе, уведи Ты, Отецъ, своихъ усачей разьотпѣтое войнство!» Взмиловался Государь; слышимъ: «Баста-ребята! Спасибо за службу!—Маршъ по домамъ!» Турка побожился, и Агличъ тутъ былъ, при немъ, примѣрно сказать, и расписку далъ, что озорничать больше не будетъ, порохъ подсылать къ черкесу то же; а перво-на-перво, наглавнѣйше такъ сказать, что православное христіанство, которое у него тамъ поселилось, и доможь, и скотиной обзавелось—ужъ не обидитъ, и что никакихъ иныхъ прочихъ притѣсеній не сдѣлаеть. Что жъ думаешь, Сазонъ Лукичъ?.. Не тутъ-то было! Нѣтъ, сударь ты мой, позабыла кума чей платочникъ сносила!.. Отъ главнѣйшаго-то Магометъ и отлыталь. Не даетъ ни проходу, ни проѣзду православнымъ: жжетъ, колетъ, рубитъ, въ котлахъ варитъ, только

что ни вѣсть, прости Господи! Вотъ, сударь ты мой, объ этой причинѣ ему и написали: «Въ свою ли ты де-скать голову кутишь? Развѣ это порядокъ, развѣ этого требуетъ поведенція? А? Или думаешь, что десять разъ бить, такъ мы и квитъ? Смирно, голова!.. Руки по швамъ! Лучше дѣло-дѣлай по чести и совѣти, а нѣтъ — такъ не взыщи... Иное-прочее—сморчимъ, куда ни шло! не всяко лыко въ строку, а ругаться надъ православными не моги и думать. Мы братья православнымъ, и не давать ихъ въ обиду Самъ Богъ велѣлъ: это наше святое право и дѣло!»

Турокъ—то, говорятъ, и спохватился, почесалъ рукавомъ за ухомъ, одумался.... Только и подвернись Агличъ съ Французомъ.... прощальга-народъ!—Вѣдь у нихъ наше славное Россійское Государство слова бѣльмо на глазу: не покосившись посмотрѣть на него не могутъ.... Вотъ и подвернись, да шепоткомъ Туркъ одинъ въ одно ухо, другой въ другое—одинъ говоритъ: «Ты не бойсь, русскіе не осилать; кораблей тебѣ дадимъ, только смотри не во всемъ вѣрь Французу!» а другой: «Мы, говорить, тебѣ поможемъ; ружей и войско пришлемъ, только въ оба глаза смотри на Аглича—надуетъ!» Экая вѣдь простота Турокъ—то! всему повѣрилъ: не смекнулъ, что всяка скважина его давно надувать поважена.—Вотъ, голова, тутъ и повѣрь на—слово кантинармусу Мухобоеву, будто Агличъ съ Французомъ одному съ нами Христу молятся.... А по-моему вретъ онъ! Много они смахиваютъ на православныхъ! Съ позволенія сказать, такъ какъ нашъ кашеваръ на фельдфебеля. Это одно и то же, какъ примѣромъ, будучи некрещеный жидъ принялся бы твоего роднаго брата въ узелъ вязать, я бы за него заступился, а ты за жиды.... Да, вѣдь съ тебя бы за такую проказу и крестъ съ шеи долой, для чего онъ его и носить, коли пошелъ супротивъ Христа и Христіанъ!

Шатко ли, валко ли, только Турокъ ободрился, раскачался, да и молвилъ: «Я, говорить, ничего не знаю, я, говорить, никакой расписки не давалъ, да и писать—то не умѣю!» Слышь аль нѣтъ, Сазонъ Лукичъ! А Французъ съ Агличемъ ухмыляются, да рукавицу объ рукавицу пощелкиваютъ, замѣсили дескать тѣсто, опара подымается! Ну, коли такъ, молвилъ Государь, коли честнаго порядка и резону не понимаешь, грѣхъ на твоей душѣ, а мы будемъ справлять свое правое дѣло. Къ тебѣ, говорить, не пойду, твоего не возьму: своего добраго у меня дѣвать не куда; мои всѣ сыты, да не одну еще тысячу и Аглича съ Французомъ выкормилъ, а чтобъ ты не баловался, не глумился надъ православными, стану въ Молдавіи и загорожу штыкомъ-непромахомъ отъ обидъ моихъ братій по кресту и вѣрѣ!»

Сказано, приказано—и сдѣлано.

Вотъ, сударь ты мой, Сазонъ Лукичъ, смотримъ, по осени къ намъ въ горы пожаловала 13-я дивизія, ухорѣзы, бой-головы Бѣлостокцы, Брестцы съ Вилинцами... народъ бывалый! Помнишь, какъ ономясь они усъ покручивали, да черкеса учивали въ Натухайскую и на Сулакѣ. Здравія желаемъ однопатронники, безпардонныя головы, желѣзная рукавица!... Стало быть, опять *вмѣстяхъ*, стало быть, надо ждаты дѣла на прелестяхъ!» подумали мы, анъ и подуматы, говорить правду-матку, неколи было... Слышимъ: «Поднимайся, одѣвайся, сухаремъ запасайся... Маршь впередъ—не безъ удачи!» Куда?... Намъ какое дѣло: про то командерство знаетъ... Такъ, аль нѣтъ, Сазонъ Лукичъ? Вѣрно такъ, недаромъ ты и Егорія носишь! Ну-съ, такимъ-то порядкомъ, отецъи благодѣтель, шли мы день, шли другой; поглядимъ, апередъ носомъ какъ тутъ славный городъ Тифлисъ. Ахъ, ты Господи! Слово мы за пазухой брилліанты несли: всѣ грузины намъ въ поясъ, самъ батюшка-намѣстникъ встрѣтилъ, и давай насъ чествовать, кто чаркой, кто обѣдомъ.. Просто—ѣшь душа изъ котла, пей ведрами! Славно поддали на каменку, сыто поѣли, отвѣсили честный поклонъ горожанамъ и пошли впередъ. На дорогѣ насъ прихватила вѣсточка, до сердца прошла, да тамъ занозой и сѣла. Куликъ—турокъ ястребомъ прикинулся, воромъ подкрался къ Николаевскому форту, ударилъ на него темною ночью съ моря и берега—и завязалъ потѣху. Дома вспыхнули; наши и турки столпились на площадкѣ, работая въ рукопашную... Скоро все наше храброе офицерство легло до одинаго, тогда унтеръ—офицеръ Шиховцевъ принялъ команду, бросился къ пушкамъ и заклепалъ ихъ... Надо было умирать, продавая свою головушку за три бусурманскихъ... Шиховцевъ свалилъ восьмерыхъ турокъ, и изрубленный упалъ на грудь бусурмановъ. Говорятъ, что штыкъ молодца—служаки былъ скрученъ, какъ винтъ... Вѣрно, Сазонъ Лукинъ, кого пощупалъ Шиховцевъ — у того хруснули ребра! Лазутчики опосля сказывали, что турки отрыли трущъ молодца-унтера и похоронили его, при распущенныхъ значкахъ, у сожженной церкви, чувствуя такимъ образомъ память храбраго, какого, сами говорятъ, они не видывали. Вотъ ты и знай нашихъ! Во-истину русачета живьемъ не возьмешь, а развѣ убьешь, и то добромъ помянешь!..

Получивъ, голова, такую вѣсточку, мы и думаемъ: «Ладно же, навернись же теберъ ты, нехристь, намъ въ чистомъ полѣ—узнаешь, какъ острой бритвой шалить!» Ждаты-то, спасибо, недалече пришлось.. Чай, слышалъ, какъ нашъ отецъ-командеръ Андронниковъ поблагодарилъ врага за Николаевское подѣ Ахалцыхомъ; постягали голубчиковъ кар-

течью, и въ муку измолоти прикладами. Потомъ шагнули за княземъ Бебутовымъ... Ну, ужъ братъ, на Кадьярскихъ высотахъ вспомнили старинку, дали себя знать—не подточил иголки! Одинъ на четырехъ, стѣной сломили... подняли турку вверхъ тормашками. Все бросилъ: бунчуки, пушки, снаряды, ружья... «Ничего, говорить, не надо!» Вѣрно на-легкѣ, да на босу-ногу утекать—то скорѣе!

Не успѣли мы откашляться и попраздновать на радостяхъ, а тутъ слышимъ еще наша взяла! Наши, голубчики моряки, подавай имъ Господи! сожгли полтора-десятка караблей въ Синопѣ. Вишь-ты, турокъ-то наравилъ перевалить къ Сухумскимъ берегамъ, да наткнулся на адмирала Нахимова, а тотъ и командовалъ: «Ни съ мѣста, турокъ! Сдайся или кувайся!» Куда тебѣ: зартачился Магометъ — ядромъ отвѣтилъ! Батюшка-камандеръ Нахимовъ ухмыльнулся, подумалъ, да и сжегъ турку... Говорять, крѣпко взбѣленился агличъ на генерала: какъ дескать, сжечь? По какому, выходить, праву! Да развѣ, говорить, турокъ-то хотѣлъ, чтобъ его сожгли? развѣ, говорить, онъ просилъ объ этомъ? Не по чести, говорить, г. генералъ поступать изволите, не по артикулу: напали въ-расплохъ, не дали приготовиться, не сказали накануне ни слова—и на-вотъ тебѣ!! Слышь, Сазонъ Лукичъ! Ловокъ, я вижу, Агличъ, и по всему видно, что онъ не былъ въ передѣлкѣ у нашего фельдфебеля Репейкова, тотъ бы его выправилъ, подтянулъ, научилъ бы уму-разуму и всяческой комплекціи съ поведенціею!.. И что евто за напасть такая?.. Турку бьютъ—а Агличу больно! Право, въ толкъ не возьму...

Что-то у васъ, тамъ, братъ, въ Россіи дѣлается? Подико, Царя-Батюшку, вчастую видишь? А мы, вотъ здѣсь за Его здоровье молимся... Подавай Господи!! Ужъ вотъ-то-бы посмотрѣлъ Нашъ Отецъ, какъ мы славно умираемъ по командѣ, и бьемъ врага, не кладя охулки на руку...

Больше, Сазонъ Лукичъ, писать нечего, а какъ еще побьемъ бусурмана, такъ еще пришло цыдулку. Рота вся по-добру по-здорову; немного одарапанныхъ, да четырехъ не досчитываемся, царство имъ небесное и вѣчный покой! Помнишь ротнаго каштенармуса Кваскова?.. Сдурилъ, голова, женился на старости, да теперь Христомъ-Богомъ въ строевые просится...

Затѣмъ, отецъ и благодѣтель, Сазонъ Лукичъ, много лѣтъ тебѣ здравствовать!

Твой однополчанинъ

Василій Савкинъ.

ДНЕВНИКЪ УЪЗДНАГО ТУРИСТА.

1.

недоплюевскій участокъ.—трефилий игнатъичъ санглютинъ.

Въ какой именно полосѣ Россіи и въ какой губерніи находится Недоплюевскій участокъ, нѣтъ слишкомъ большаго интереса знать читателю. Ни его мѣстность, ни его промышленность, не отличаются ни чѣмъ особеннымъ, достойнымъ подробнаго географическаго или топографическаго описанія. Почва его, выражаясь землеописательно, *инде* болотиста, *инде* песчана, давно лишена растительности, которая бы могла кое-когда въ лѣтній зной укрыть усталаго пѣшехода подъ навѣсомъ своихъ кудрявыхъ вершинъ, и только одни обгорѣлые пни свидѣтельствуютъ, что было впрочемъ время, когда и эта обнаженная плоскость была окоймлена зыблущеюся зеленою стѣною лѣсовъ. Взгляду рѣшительно нельзя иногда долго бываетъ остановиться ни на одномъ живомъ предметѣ, кромѣ развѣ на стаяхъ галокъ да воробьевъ, съ испуганнымъ крикомъ поднимающихся съ окраинъ дороги при видѣ какого нибудь пѣшехода или проѣзжаго, да чибисовъ, лѣниво вьющихся въ воздухѣ и плаксиво окликающихъ каждаго своимъ протяжнымъ возгласомъ. Флорой Недоплюевская почва также не можетъ слишкомъ похвалиться, кромѣ развѣ волчецомъ, плодовитымъ бурьяномъ, полевою гвоздикой, будто обмазанной какимъ-то клеемъ, липнущимъ къ рукамъ, мышачьимъ горошкомъ, да куриною слѣнотю. Нужно замѣтить, что вообще, большею частію, въѣзжающими въ этотъ участокъ путешественниками овладѣваетъ какое-то особенное неопредѣленное чувство, похожее на то неприятное впечатлѣніе, которое раждается когда бродивъ все по комнатамъ, наполненнымъ до излишества разною мебелью, вдругъ очутишься посреди огромной залы, въ которой рука человѣческая произвела самое не картинное опустошеніе: сняла красивыя гардины и зеркала, и совершенно обнажила изящныя стѣны. Таковъ точно и Недоплюевскій участокъ, въ которомъ я очутился совершенно

неожиданно, пробыль не долго; но ни годы, ни другія болѣе замѣчательныя мѣстности, съ ихъ красивою физическою обстановкой, не могли до-сихъ-поръ изгладить изъ моей памяти Недоплюевскихъ обитателей, давно уже живущихъ между собою въ мирѣ и согласіи, благодаря окончившемуся у нихъ общему полюбовному размежеванію. Привѣтливые домики незыскательныхъ помѣщиковъ, съ ихъ гостепріимнымъ радушнымъ тепломъ, съ амбарами, сѣновалами и кладовыми, наполненными до самаго верха разнымъ домашнимъ добромъ, и крестьянскія избы, тѣсно сгруппировавшіяся около господскаго строенія, еще до-сихъ-поръ рисуются въ моемъ воображеніи, будто какія плодотворныя оазисы среди общей пустынности и безпредметности того края, разнообразимой только маленькими рѣчками, которыя, какъ перепутанные голубовато-желтоватые шнуры, вьются по всей Недоплюевской поверхности.

Случай, доставившій мнѣ возможность ознакомиться со многими замѣчательными Недоплюевскими личностями, былъ однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ, почти неизбѣжныхъ въ ѣздѣ на вольныхъ—сдаточныхъ, не смотря на то, что почти на каждомъ мѣстѣ новой перемѣны лошадей и ящика, уши ваши непременно огласитъ при передачѣ телѣги предостереженіе въ родѣ слѣдующаго:

— Ты смотри, Ванюха или Сидоръ и т. п., *оки-то* свои въ кулакъ не бери, да не почитай что по бархату ѣдешь, а телѣгу-то береги, ишь ты она какая, втулки-то все новыя.

Однимъ словомъ, на полупути отъ третьей или четвертой станціи до слѣдующей, довольно отдаленной, сломалась ось. Былъ уже поздній вечеръ, погода стала сырая, осенняя; спать посреди дороги, въ телѣгѣ, не было никакой возможности, и я, наслушавшись предварительно брани ящика, которая, разумѣется, всею своею тяжестью падала только на одну дорогу, рѣшился искать себѣ какого нибудь ночлега, оставивъ ящика поправлять свою собственность какъ онъ знаетъ и вѣдаетъ. Не вдалекѣ отъ окольной дороги, по которой мы ѣхали, мелькалъ огонекъ и что-то чернѣлось. Взваливъ на плечи мою поклажу, единственный чемоданъ, я отправился къ одинокой избѣ и принялся стучать въ окно. Черезъ минуту нижняя половинка оконной рамы приподнялась и изъ нея показалась сперва рѣденькая съденькая бородка, а потомъ и вся крестьянская голова.

— Эльпидифоръ Дмитричъ, ваша милость, что-ль? послышался окликъ, на который я снѣшилъ отозваться отрицательно и просилъ пристанища на ночь, объясняя мою маленькую дорожную неприятность.

— Ишь ты какое несчастіе, ворчалъ хозяинъ, провожая меня съ

фонаремъ въ избу: кажись отъ чего бы оси сломаться; правда, дорога у насъ не завидная и куда бойкая, что не ткнись али колея, али выбоина; да ему бы, головѣ, ямщику-то вашему по-лѣвѣе забирать; тамъ другая у насъ граница идетъ. Вотъ, право-слово, грѣхъ какой, какъ кажется дороги не знать, а еще ямщикъ! Ишь ты, шуточное дѣло! Диви бы еще колесо; колесо, пожалуй, и у насъ бы можетъ нашлось, а за осью куда еще надо итти.

Этотъ монологъ пришелся мнѣ ни сколько не по-сердцу.

— Такъ неужели нельзя достать другой оси? спросилъ я почти испуганный тѣмъ, что мнѣ, можетъ-быть, придется простоять цѣлыя сутки въ избѣ, которой оконтѣлая внутренность очень мало обѣщала удобствъ.

— Какъ недостатокъ, отвѣчалъ мнѣ хозяинъ: а Пенхеревка-то на что! Это не то что, какое нибудь, Мышкино или Сушилиха: въ Пенхеревкѣ все есть: кузницы, машины разныя; не токмо ось пожалуй, какъ баринъ самъ привагужится да все инструменты въ дѣло возьметъ, такъ ты чего хошь того и проси...

Это извѣстіе обрадовало меня тѣмъ болѣе, что на мою голову, въ минуту этой отрадной надежды скоро снова пуститься въ путь, съ потолка на мою голову упалъ одинъ, либо черезъ-чуръ невѣжливый, либо черезъ-чуръ любознательный и общительный тараканъ. Я приподнял испуганные глаза и увидѣлъ, что это непрошеное удовольствіе было еще не единственнымъ, потому что потолокъ былъ усыпанъ, будто коринкою и жаренымъ миндалемъ, въ изобиліи и мухами, и тѣми скотинками, изъ которыхъ одинъ избралъ мою голову половинымъ путемъ между потолкомъ и поломъ.

— Такъ нельзя ли какъ нибудь проводить ямщика въ Пенхеревку? спросилъ я хозяина.

— Можно, отвѣчалъ онъ, только теперь будетъ напрасно: самагаго набольшаго надъ всеѣмъ заведеніемъ нѣтъ; некому безъ него нужныхъ инструментовъ выдать, да притомъ, можетъ, кузнецы и телѣжники на другую какую работу имъ поставлены, такъ безъ него, статья можетъ, и не пойдутъ ночью какому-нибудь мужику ось дѣлать: на то для него день есть, можетъ и подождать!

Существованіе этой Пенхеревки, въ которой есть все-даже машины, возбудили довольно сильно мое любопытство, и потому, желая приостановить разсужденія словоохотливаго хозяина, я посѣпшилъ освѣдомиться о Пенхеревкѣ по-подробнѣе.

— А что это за Пенхеревка? спросилъ я у мужичка, когда онъ поставивъ, по просьбѣ моей, свой деревенскій самоваръ, подалъ мнѣ его

на столъ съ неразлучными паромъ, заглушеннымъ шушуканьемъ и чадомъ отъ сырыхъ угольевъ.

— Пенхеревка-то что? отвѣчалъ онъ, да вотъ, изволите видѣть, такъ-себѣ, только еще деревня покуда, то есть собственно сельцо, если будетъ угодно.

— Казенное?

— Да ужъ Богъ знаетъ какимъ его теперь считать. Пенхеревка, если прямо-то говорить, собственно есть барская; и контора домовая есть, и распоряженія всѣ какъ слѣдуетъ отъ помѣщика, и дощечка, какъ слѣдуетъ, у вѣзда прибита, что вотъ-моль такихъ-то, а какъ поближе посмотрѣть, такъ глядишь выходитъ, что Пенхеревка, почитай, чья нибудь чужая. Два уже раза съ *анціону* хотѣли ее продать, да какъ-то все откашеливалась да и теперь еще за тотъ же *анціонъ* начальство земское за долги всѣ доходы собираетъ....

— Бѣдное и малоземельное имѣніе, стало-быть?

— Какой, бѣдное; зачѣмъ бы кажись до этого допускать: всего вдоволь было: лѣсу хоть посадь любой строй, а теперь до того пусто, что не чѣмъ мальчишекъ порядочно за шалости попороть; господская запашка, бывало, что волосы стояла—колосъ къ колосу такъ и льветъ, перечесть снопы трудно было, а теперича—одинъ, два, глядишь и обчелся.

Тутъ хозяинъ вздохнулъ, принагнулся ко мнѣ и продолжалъ полусшепотомъ, какъ будто рѣчь должна была итти о чемъ-нибудь важномъ и таинственномъ.

— А все отъ того, что въ Пенхеревкѣ не старое поведеніе держуть; больно баринъ-то, вишь, все на заморскую ногу бѣть поставитъ; вотъ она заморская-то нога сокомъ ему и выходитъ!

— А чьихъ она? сдѣлалъ я вопросъ.

— Пенхеревка-то чьихъ? Да до этой поры покамѣсть Лукерья Михайловны Санглютихи приходилась, а съ теперича ужъ право не разберешь чья останется. Слухи недавно прошли, что Трефилій Игнатъичъ, хозяинъ-то Санглюхинъ, сунругъ, по-господскому, договоръ съ нею сдѣлалъ, что она свою вотчину не моги ни кому продать, что онъ и селомъ-то ее и ни вѣсть чѣмъ сдѣлаетъ, да сказывалъ ономнися карманнѣ, что будто барыня-то и головой и руками противъ этого поднялась говорить ему, будто: что ты, свѣтъ ты мой милый, аль отъ большаго-то ума топерича у тебя умъ за-разумъ зашелъ; нашу, говоритъ, Пенхеревку и всю-то въ карманъ и съ нами можно уложить, такъ изъ нее ничего большаго ты, хоть лобъ разбей, не сдѣлаешь; а ты, соколъ мой, лучше ужъ имѣніе-то оставь, какъ оно есть. Не знаю ужъ на чемъ порѣшили.

Я ровно ничего не могъ понять изъ этихъ словъ моего словоохотливаго хозяина, о честолюбивыхъ замыслахъ владѣтеля Пенхеревки, притомъ всѣ распоряженія Трефилія Игнатьича, съ которымъ я ни какъ не ожидалъ познакомиться, ни сколько меня не интересовали, и потому занятый лишь однимъ желаніемъ поскорѣе удалиться, я заботился объ одномъ ящикѣ и спросилъ:

— А далеко ли отсюда эта Пенхеревка?

— Пенхеревка—то далеко ли? Да въ старое время отъ дороги версть десять была, а теперь, говорятъ, поближе стала. Трефилій Игнатьичъ новую дорогу теперича сдѣлалъ — всю какъ по стрункѣ провелъ. Весь на нее голубушку, и послѣдній—то лѣсокъ, какой у него оставался, повыврубилъ да поизвелъ; вишь ты, по старой-то дорогѣ ему довольно длинно ѣздить казалось, такъ давай черезъ болото вести, песокъ за десять версть возить да гати изъ послѣдняго ельника настилать...

Тутъ въ каморкѣ, отдѣленной отъ меня досчатою перегородкой, заплакался о чемъ-то ребенокъ, поглядывавшій на меня во все время съ удвоеннымъ любопытствомъ, какъ на звѣря, самаго рѣдкаго въ мірѣ.

— Евтюха, а Евтюха! что ты это тамъ заоралъ? прикрикнулъ мой хозяинъ; что на тебя блажь нашла, али не здоровъ? коль не здоровъ, вотъ, ужо, погоди, я тебя Трефилію Игнатьичу покажу: онъ тебѣ задастъ горечи какой нибудь, что другой разъ не будешь орать. Онъ ужъ у тебя твою болестъ отыщетъ. Слышь, Евтюха, не плачь, пра тотчасъ къ барину на показъ выведу, какъ приѣдетъ.

Ребенокъ, казалось, побоялся этой угрозы, потому что началъ быть едва слышно и потомъ совершенно умолкъ.

— Что это, ты, кажется, пугаешь ребенка Санглютинимъ? замѣтилъ я; неужели онъ такой охотникъ лечить?

— Просто лучше хлѣбомъ не корми! только хоть языкъ ему высунни, онъ ужъ, глядишь, такъ и растеть и не выйдетъ до-тѣхъ-поръ, покуда все въ настоящемъ видѣ не справить, отвѣчалъ хозяинъ постоялаго двора; ярый, истинно ярый тогда дѣлается; припечь бы ему тогда чѣмъ нибудь шкуру, у кого есть какой нибудь волдырь на ней да что нибудь понамазать только имъ однимъ и бабѣ наше и ребятамъ унять и можно, если не хотятъ къ нему тотчасъ въ вотчину на одинъ бѣлый ситникъ пожаловать; ужъ тамъ у него каши аль щей, хоть плачь, недопросишься; а что касается до всего прочаго, до того, какой онъ въ другомъ чемъ баринъ, такъ другаго кажется искать будешь, не сыщешь; щелчкомъ никого не тронеть, послѣднее все всякому отдастъ—не баринъ, а золото! Вотъ хоть бы мнѣ примѣрно; что я ему? чужой совершенно; босъ и нагъ былъ, лавченка была дегтярная и та сгорѣла, и боленъ сдѣлалъ

ся; совѣмъ бы погибъ кабы не онъ. Услыхавъ отъ кума, что въ городѣ мнѣ смерть приключается, тотчасъ, какъ снѣгъ на голову, свалился. Все до подноготной распросилъ:

— Часто ты боленъ бываешь? спрашиваетъ.

— Часто, отвѣчаю, ужъ какихъ болестей не перенесъ, и хозяйка такая-же какъ я; кажись что ни день такъ что нибудь новое ее прихватить.

— Ой-ли? прикрикнулъ онъ; такъ вы люди для меня оба золотые; за васъ меня, говорить, могутъ внуки поблагодарить; вы люди для моего дѣла можете быть рѣдкостные. Живите себѣ, съ Богомъ у меня; съ дегтемъ вамъ возиться дѣло не пригожее; вы не такъ, говорить, устроены, чтобъ васъ деготь отъ вашей хворы выручить. Вотъ и пожаловалъ намъ землицы клочекъ да избенку помогъ выстроить—и живемъ, благодаря его, безъ лишней заботы. Да вотъ какой человѣкъ: и благодарности никакой слышать не хочетъ; только развѣ иногда, чтобы потѣшить его — притворишься что голова болитъ — вотъ ужъ онъ и начнетъ ухаживать; приставитъ тебѣ какую-нибудь занозу и радъ раде-шенекъ.

— Что же, стало-быть, онъ докторъ? спросилъ я заинтересованный такую человѣколюбивою заботливостью Трифиля Игнатьича къ своимъ приближеннымъ.

Крестьянинъ опять принагнулъ ко мнѣ, и кивнувъ значительно головою отвѣчалъ со вздохомъ.

— Какой дохтуръ! Никогда имъ и не былъ, а должно полагать, что его недобрые какіе люди какъ нибудь да испортили, что на него находить подчасъ такая блажь. Про ребятишекъ и бабъ я уже не говорю; нашъ братъ, мужикъ, даже его боится; чуть иной разъ животь сведеть, такъ ужъ лучше молчишь, а то какъ-разъ налетитъ съ разными мѣшками, да пластырями, и такъ кажись и наровитъ пырнуть аль отрѣзать что, а глаза-то у самого, какъ у волка, съ одного на другаго такъ и бѣгаютъ, такъ и тыскиваютъ какой нибудь болести. Общупаетъ всякаго, обстучитъ пальцемъ, суставчики всѣ пообведетъ такъ иной разъ, ажно страхъ возьметъ, и тутъ же какъ нарочно, въ самый-то назѣмъ носъ свой и суетъ. То вдругъ, какъ хавронья въ грязи все роется, костей, ишь-ты какихъ-то въ ней ищетъ, то вдругъ его нелегкая въ другую сторону швырнетъ: кисть возьметъ да, фартукъ ни дать ни взять маляръ, да и начнетъ къ себѣ парней да ребятишекъ залучать: тотъ ему ногу протяни, тотъ ему руку на разныя манеры искорючь—словомъ перекувыркаетъ каждаго на всѣ стороны, поблагодарить, и тутъ же на бумагу или на стѣну такую картиною вклеить, что только держись, только грѣхъ

не правду сказать, чтобы при этомъ какъ нибудь человека обидѣть, — глазомъ единымъ не обидитъ...

Дальнѣйшее повѣствованіе о Трефіліи Игнатьичѣ прервалъ приходъ моего ямщика, который ругалъ немилосердо плохое состояніе дороги, и желалъ всему Недоплюевскому округу осѣсть въ землю.

— Ты ужъ голова, теперь не огорчайся, теперь не-ча огорчаться, утѣшай его мой хозяинъ: ты только погоди, поѣзди покуда по такой дорогѣ какая есть, а вотъ года черезъ два или черезъ три, поглядишь какія у насъ дороги будутъ; а теперь поставь-ка своихъ животовъ подъ навѣсъ, да и ступай на печь, если есть не хочешь, али ступай въ Пенхеревку, да попытайся тамъ у мужичковъ новую ось достать; авось какая нибудь подойдетъ тебѣ подъ стать.

Ямщикъ мой согласился на послѣднее предложеніе, и покуда хозяинъ выпроваживалъ его за ворота и толковалъ дорогу въ Пенхеревку, я началъ внимательнѣе осматривать маленькое, пріютливее меня пространство, и остановился на единственномъ художественномъ произведеніи, украшавшемъ его голыя бревенчатыя стѣны. То была довольно большая, рисованная карандашемъ картина, изображавшая какое-то нескончаемо застроенное мѣстечко, съ домами въ два этажа, самой причудливой разнообразной архитектуры, съ широкою улицей, обсаженной по обѣимъ сторонамъ вѣтвистыми, стриженными, въ видѣ конусовъ, грибовъ, пирамидъ и квадратовъ, липами. Посерединѣ этой широкой улицы гуляли толпы разряженныхъ крестьянъ и крестьянокъ, кружились хороводы, и гналъ пастухъ такое длинношерстое и огромнаго росту стадо барановъ, что ему могли бы позавидовать и вигони, изъ шерсти которыхъ дѣлаютъ такія волнистыя женскія муфты.

Хозяинъ засталъ меня за разсматриваніемъ пожарной команды, выѣзжающей изъ воротъ какого-то огромнаго зданія съ колоннами, балконами, часовыми и сторожевыми башнями, на одной изъ которыхъ развился флагъ величины необъятной.

— Извольте любоваться, замѣтилъ онъ: собственное наше произведеніе съ!

— Чье именно?

— Да кого же какъ не Трефілія Игнатьича, они только одни во всемъ околоткѣ на всѣ руки и маракують.

— Что же это за мѣстечко? спросилъ я.

— Эвто-то? Эвто-то сама Пенхеревка и есть, то есть, добавилъ хозяинъ, должна быть она такая, какъ только Господь устроить ее въ совершенномъ видѣ сподобитъ. Трефілій Игнатьичъ всѣмъ намъ по такимъ

видамъ роздалъ. Вотъ, молъ вамъ всѣмъ ребятамъ модель, какая и Пенхеревка, и вы всѣ у меня будете.

Пожалѣвъ, что мое путевое несчастіе незамѣдливо до той поры, куда Пенхеревка прійдетъ въ представленное на картинѣ содержаніе, и сбросивъ съ рукава другаго таракана, я полюбопытствовалъ освѣдомиться какъ скоро можно было ожидать возвращенія ямщика, въ случаѣ успѣха?

— Да ужъ раньше утра, врядъ ли дождаться, отвѣчалъ мнѣ хозяинъ: ночью вѣдь не разкачешься по незнакомой дорогѣ, да куда добудешься, да доспросишься, глядишь и пѣтухи запоютъ. Лучше ужъ вамъ успокоиться. Сѣнцо у меня такое шелковое—какъ нибудь, съ Божіею помощію, да и уснете.

Мнѣ не оставалось ничего болѣе дѣлать какъ покориться обстоятельствамъ, и я приказалъ переносить въ избу всю мою остальную поклажу, чтобъ устроить себѣ какъ-нибудь поудобнѣ походную кровать. Было уже около одиннадцати часовъ; самоваръ, поданный услужливымъ хозяиномъ, пересталъ уже шумѣть, и я собирался было лечь, чтобъ заснуть, какъ только могъ, на отставленной отъ стѣны широкой скамьѣ, когда вдругъ раздался въ отдаленіи звонъ колокольчика.

— Кого это проносить мимо васъ, на почтовыхъ, спросилъ я хозяина избы; вѣдь дорога ваша, кажется, совершенно окольная?

— Да кого какъ не Трефилія Игнатьича, отвѣчалъ онъ мнѣ; еще третьяго-дня, ждали ихъ въ вотчину, да вѣрно дѣла позадержали, такъ вотъ они нынче только и попадаютъ.

— Дѣла въ губернскомъ городѣ?

— Нѣтъ, тѣми барыня занимается, а то собственная охота, у Каштанова, то же помѣщика, изволите видѣть, на псарнѣ не совсѣмъ ладно пошло, такъ Трефилій Игнатьичъ и не утерпѣли. Ужъ такой нравъ, чуть услышитъ, что гдѣ-нибудь хворь забралась, хоть двадцать верстъ будь, а ужъ прискачетъ, и ты ужъ тамъ какъ хочешь дѣйствуй а онъ свое возьметъ, вылечить...

Въ эту минуту, въ которую Санглютинъ становился для меня все болѣе и болѣе занимательнымъ, звонокъ брякнулъ послѣднимъ своимъ дребезжаньемъ, и мой хозяинъ, не докончивъ своей рѣчи, поспѣшно выбѣжалъ съ фонаремъ навстрѣчу новому позднему гостю. Въ избу вошелъ мужчина лѣтъ тридцати осьми, высокій, полный, окутанный въ толстое, верблюжьей шерсти пальто съ кашпономъ, которое носятъ обыкновенно молдаванскіе пастухи; на головѣ его была надѣта красная феска, съ синею кистью, которая очень шла къ его смуглому украшенному густыми бакенбардами и усами лицу. Оригинальность костюма Трефилія Игнатьича, забрызганнаго съ ногъ до головы густыми пятнами грязи,

еще вдвое увеличили мое вниманіе. Вошедши въ избу онъ поклонился мнѣ очень привѣтливо, и сбросивъ съ себя промоклый дорожный костюмъ началъ медленно отдуваться, какъ будто-бы вошелъ на какую-нибудь высокую башню. Впрочемъ такая одышка и не могла быть удивительна. Комплекція Трефилія Игнатьича была похожа, если такъ по званію мнѣ выразиться, на комплекцію упитаннаго тельца. Подъ-подбородкомъ его начиналъ уже образовываться третій ярусъ; кровь, казалось, такъ и готова была брызнуть изъ-подъ-полныхъ, румяныхъ его щекъ; окружность его талии не имѣла рѣшительно никакого перехвата, а шея была до того коротка, что украшалась вмѣсто галстука подобіемъ какого-то толстаго шелковаго шнура, который былъ завязанъ самымъ причудливымъ бантомъ.

— У! вотъ, что называется усталъ! произнесъ наконецъ Трефилій Игнатьичъ, обращаясь къ хозяину постоялаго двора, который, продолжая почтительно кланяться, стоялъ передъ нимъ съ фонаремъ и твердилъ:

— Какъ васъ, Господь Богъ, сударь, Трефилій Игнатьичъ, милуетъ? въ здравіи какомъ изволите обрѣтаться?

— Да ничего, ничего, отвѣчалъ Санглютинъ, живемъ себѣ, какъ видишь, респирація только не много трудна, отъ дурной дороги сдѣлалась, да мы ее сейчасъ поправимъ: я употребляю противъ одышки обыкновенно фумигацию.

Тутъ онъ снялъ свою феску, и густое руно его черныхъ волосъ разсыпалось чуть-ли не до самыхъ плечъ, причесалъ свои кудри пятарю, и сказалъ своему слугѣ, который прислонившись въ уголъ около двери дремалъ, преклонивъ голову на лѣвую руку, опертую подъ локтемъ на ладонь правой.

— Эй, домине Эльпидифорусъ! а какъ бы ты мнѣ досталъ изъ аптеки папирску.

— Которую? спросилъ тряхнувъ головою очнувшійся Эльпидифоръ, изъ тѣхъ, что на право или что на лѣво лежать? Два сорта изволили съ собою, на всякій случай, взять.

— Да ты какія на лѣво положилъ?

— А желтенькія.

— А на право?

— Бѣленькія-съ.

— Позабылъ я, бѣленькія-то, съ чѣмъ мы препарировали; твое это дѣло помнить, а?

— Бѣленькія съ опіей...

— Ну, такъ какъ же можно дѣлать такой глупый вопросъ: съ пра-

ва-ли достать? Развѣ ты позабылъ, противъ чего мы разрѣшаемъ папиросы съ опиумомъ.

— Такъ стало-быть страмойныя прикажете подать?

— Непремѣнно съ страмоніумомъ.

Тутъ Санглютинъ обратился къ хозяину и произнесъ серьезнымъ тономъ:

— А я, братецъ, подъѣзжая сюда, нужно тебѣ сказать, таки порядочно испугался. Вижу, въ такое небывалое время, свѣтъ у тебя во всѣхъ окнахъ, думаю: чтобы это значило? Не боленъ ли кто? время такое суровое, дай заѣду на всякій случай.

Поблагодаривъ нѣсколькими поклонами за такое вниманіе, мужикъ объяснилъ Трефилю Игнатьичу настоящую причину освѣщенія своей избы, въ которой мое присутствіе, разумѣется, играло главную роль.

— Вы вѣрно ѣдете къ кому-нибудь изъ нашихъ сосѣднихъ? обратился тогда ко мнѣ съ вопросомъ Санглютинъ: иначе въ нашъ край путешественниковъ не заманишь.

Я рассказалъ ему о своемъ дорожномъ несчастіи. Трефилю Игнатьичъ быстро вскочилъ съ скамейки, всплеснулъ руками и укорительно покачивая головою произнесъ протяжно:

— Архиповъ, Ар-х-ип-овъ! какже тебѣ не стыдно задерживать въ своей избѣ господъ, когда ты знаешь, что около васъ есть нѣкоторая Пенхеревка? Развѣ ты не знаешь, что въ одной Пенхеревкѣ можно только исправить экинажъ, какъ слѣдуетъ?

— Докладывалъ, все обстоятельно докладывалъ, спѣшилъ оправдаться Архиповъ, и завтра чуть-свѣтъ, пошлю къ вашей милости малюгу.

— Не завтра, тотчасъ бы слѣдовало послать, возразилъ Трефилю Игнатьичъ, и глядишь, все уже было бы готово; ты знаешь какъ у меня все кипитъ, а? Скажи имъ, добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, какъ у меня все кипитъ.

— Кивить, кипить, батюшка; ухъ какъ кипитъ! подтвердилъ Архиповъ, потрясая головою въ знакъ удивленія къ хозяйственной дѣятельности Трефилю Игнатьича.

— А вы ужъ вѣроятно съ часъ времени здѣсь находитесь? обратился ко мнѣ съ вопросомъ Санглютинъ.

— Нѣтъ, полагаю, часа уже три будетъ.

— Такъ вотъ видите ли какое упущеніе! воскликнулъ Трефилю Игнатьичъ, и съ большимъ участіемъ пощелкалъ слегка языкомъ.

— Что жъ дѣлать?

— Какъ, помилуйте! что жъ дѣлать, прервалъ Санглютинъ, я

имѣлъ удовольствіе слышать, что вамъ докладывали о существованіи Пенхеревки?

— Слышалъ, съ большимъ удовольствіемъ, подтвердилъ я.

— И вѣроятно также и обо мнѣ слова два слышали? Трефилій Игнатьичъ Санглютинъ, къ вашимъ услугамъ; такъ что же оставалось вамъ послѣ того дѣлать, разумѣется послать этого недогадливаго старика ко мнѣ съ экипажемъ, прямо въ Пенхеревку; приказали бы отвести себѣ гостинный номеръ, распорядились бы всѣмъ, а тамъ бы подѣхалъ я и мы познакомились бы...

Я спѣшилъ поблагодарить Трефилія Игнатьича за обязательное предложеніе, добавивъ, что ни сколько не полагалъ себя вправѣ рассчитывать на подобное гостепрѣимство.

— Помилуйте, помилуйте! остановилъ меня Трефилій Игнатьичъ, потрясая мою руку между своими пухлыми ладонями: да развѣ вамъ этотъ дуракъ, Архиповъ, не говорилъ, что это мое наслажденіе, когда я могу быть чѣмъ-нибудь кому полезенъ и выказать всѣ средства, которыми обилуетъ нашъ участокъ, если не у всѣхъ, такъ ужъ у меня; да, батюшка, у м-е ня!

Послѣднее слово произнесъ Трефилій Игнатьичъ съ какимъ-то торжественнымъ шипѣніемъ.

— И вѣчно черезъ подобныхъ глупцовъ получаешь всегда непріятности, добавилъ онъ.

— Не смѣлъ, батюшка, Трефилій Игнатьичъ, отозвался хозяинъ избы.

— А сколько разъ я наказывалъ тебѣ, чтобъ ты смѣлъ? спросилъ Санглютинъ.

— Да, вы, ваша милость, говорили, что въ случаѣ какой-нибудь болести, произнесъ Архиповъ.

Трефилій Игнатьичъ открылъ было свои полныя губы, чтобъ сказать что-то на этотъ отвѣтъ, но вдругъ пріостановился, пожалъ только сожалительно плечами такъ, что коротенькая шея его вся спряталась между плечъ, какъ-будто ее никогда не бывало, постоялъ немного въ этомъ положеніи, растопыривъ руки, и наконецъ проговорилъ съ достоинствомъ:

— Оставь лучше, ты глухъ и всегда будешь глухимъ; видно какъ тебѣ не толкуй, что всякія поврежденія физическія или нравственныя, въ животномъ ли организмѣ или въ физической природѣ, всегда имѣютъ непріятную деривацію, ты никогда не будешь въ состояніи концептировать не только дефинитивно но и суперфициально. Покрайней-мѣрѣ хвалили ли ты меня, говорилъ ли, какой именно я человекъ?

— Ужъ кого же паче и хвалить, какъ не вашу милость, отвѣчалъ Архиповъ; просто такихъ господъ, кажется, поискать да поискать надо.

— А про барыню-то замолвилъ ли также доброе слово?

— Какъ же было не замолвить, сударь!

— А про ребятишекъ-то упоминалъ ли, какіе у меня славные ребятишки?

— Докладывалъ, что, какъ и вы, просто золото, подтвердилъ мужикъ, что кажется не мало было по сердцу Санглютину.

— Да ужъ именно кажется такъ! подхвалилъ самого себя Трефилий Игнатьичъ, и увлекшись сознаниемъ собственныхъ своихъ достоинствъ, произнесъ съ нѣкоторымъ одушевленіемъ.

— А знаешь ли, братъ, Архиповъ, какъ я у Медеянова-то поработалъ, вотъ, скажу тебѣ поработалъ, такъ поработалъ.

— Поработали! ишь ты! вскричалъ Архиповъ, стараясь выразить на лицѣ своемъ восторгъ: Ужъ кому другому и поработать какъ не вамъ! Какая собственно, ваша милость, бѣда-то у Медеянова приключилась?

— Да вотъ такая, что если бъ не я, такъ Налѣта-то не было бъ на псарнѣ.

Тутъ Трефилий Игнатьичъ повернувшись ко мнѣ сдѣлалъ и меня участникомъ своего разговора.

— Вообразите себѣ, сказалъ онъ: кобеля статистова, полвопѣгова, статей неподражаемыхъ...

Проговоривъ это Санглютинъ обернулся опять къ Архипову и продолжалъ скороговоркой:

— Правду-ли я говорю; вѣдь ты знавалъ Налета?

— Налета-то! повторилъ сомнительно крестьянинъ.

— Ну, да; ну знаешь того, котораго я съ собой къ себѣ въ гости послѣдній разъ возилъ?

— Знаю, знаю... вспомнилъ темерича...

— Ну, какова по-твоему собака?

— Нечего сказать, во всемъ съ характеромъ...

— И такъ три дня тому назадъ, Налѣту повредилъ волкъ *osса dorsalis*, правое подреберье съ прокушеніемъ задней лопатки.

— Такъ, такъ! слушаю, произнесъ Архиповъ подперевъ для большаго вниманія рукой голову.

— Обнаружилась инфламация съ нагноеніемъ верхнихъ покрововъ и вообще всей окружающей клетчатки.

— Понимаю, понимаю, батюшка, твердилъ Архиповъ.

— Когда я прискакалъ, по письму Медеянова, инфламация приняла гангренозное направленіе.

— Я приступилъ тотчасъ же къ діагностикѣ и увидѣлъ что паліативное леченіе не можетъ имѣть мѣста по случаю важнаго характера, который приняли раны, и тотчасъ на *ossa dorsalis* предписалъ *tinctura arnica*, двѣнадцатаго дѣленія и *emplastrum*... Тутъ Трефилій Игнатъичъ, для большаго выраженія своей рѣшительности хлопнулъ ладонью о ладонь... потомъ рѣшился приступить къ ампутаціи.

— Понимаю, произнесъ опять, ни сколько незатрудняясь Архиповъ, хотя по тому положенію, въ которое онъ привелъ свою голову, чтобъ уловлять слова Санглютина, можно было очень хорошо также понять, что отъ его словъ до пониманія было очень, очень далеко.

— Махнулъ скальпетомъ, разъ, два, живо, смѣло—и Налѣтъ былъ спасенъ.

— Скажите! вскричалъ съ наружнымъ удивленіемъ Архиповъ, оказался, какъ вы изволите говорить, спасенъ!

— Совершенно; будетъ, разумѣется, маленькая *febris*, но я предписалъ *sulfati chinini granus decem*, и все будетъ исправно, отвѣчалъ Санглютинъ, и лице его просіяло отъ внутренняго самодовольствія, какъ будто онъ въ-самомъ-дѣлѣ совершилъ какой-нибудь знаменитый хирургическій подвигъ.

— Вотъ чай задастъ себя знать волкамъ—то, волкамъ—то говорю, задастъ молъ себя знать, произнесъ значительно Архиповъ, желая видимо польстить самолюбію Трефилія Игнатъича.

— Кто, спросилъ Санглютинъ, Медеяновъ, что ли? Разумѣется, я ужъ общался ему выдумать новаго рода капканъ...

— Не Медеяновъ, про Налетку, ваша милость, толкую.

Трефилій Игнатъичъ разразился самымъ искреннимъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ при этомъ поясненіи Архипова.

— Да какъ же онъ можетъ послѣ этого что-нибудь дѣлать, вскричалъ онъ: развѣ ты не слыхалъ, что я произвелъ ему ампутацію, понимаешь?

— Какъ не понять, все понялъ, вы изволили сказать: что все будетъ исправно; на ноги, то-есть, примѣрно можно надѣяться, что встанетъ.

— Вотъ то-то и дѣло, что только на три; неужели ты въ первый разъ слышалъ отъ меня это выраженіе; ну, что значить *amputatio*? подумай, вспомни хорошенько.

— Простите, батюшка, произнесъ откровенно Архиповъ, не нашему дурацкому уму такую мудрость вспомнить.

— А Петра Каравая помнишь? произнесъ Трефилій Игнатъичъ, приподнявъ торжественно голову.

— Какъ не помнить!

— Что ему прошедшее лѣто я исполнилъ?

— Да палець, ваша милость, отрѣзали.

— A-m-p-u-tatic, проговорилъ медленно Трефилій Игнатьичъ протянувъ значительно руку. Затверди ты это слово, что бы впередъ предъ мной не краснѣть.

Тутъ онъ опять обратился ко мнѣ, и ударивъ себя довольно сильно по полной лядвеѣ, сказалъ съ сожалительнымъ вздохомъ:

— Вообразите себѣ, что какъ я не бьюсь, ни какъ не могу до сихъ-поръ установить мѣстнаго образованія: все какіе-то, право, у насъ въ Недоплюевскѣ, будто говорящіе медвѣди живутъ—ни словъ не понимаютъ, ни дѣйствій и предпріятіи благотворныхъ не могутъ постичь; вотъ хоть бы примѣрно Петръ Каравай...

Трефилій Игнатьичъ пріостановился въ своемъ разсказѣ о Петрѣ Каравай и повернувшись къ Архипову, спросилъ:

— А что ты скажешь о Петрѣ Каравай; что онъ, по-твоему, уменъ или нѣтъ?

— Не смѣю при вашей милости ничего сказать, отвѣчалъ Архиповъ, что прикажете, то онъ и есть.

— Не въ томъ рѣчь, не въ томъ рѣчь, говори мнѣ, что ты самъ думаешь о Петрѣ Каравай?..

— Да для нашего брата что, кажись, больше ума имѣть какъ у Каравая, отвѣчалъ Архиповъ.

— Ну, вотъ подите, извольте толковать послѣ этого съ подобнымъ народомъ! замѣтилъ мнѣ Трефилій Игнатьичъ, а я вамъ сію минуту опредѣлю разительнымъ примѣромъ какой это умъ. Прошедшаго года, извольте видѣть, этотъ крестьянинъ моего сосѣда пріятели, Петръ Каравай, срѣзалъ себѣ ногу, разумѣется, тотчасъ произошла мѣстная инфламация покрововъ—чтожъ вы думаете, онъ прибѣгнулъ ко мнѣ за правильнымъ медицинскимъ пособіемъ? ни чуть не-бывало! Нажевалъ хлѣба! А? вообразите, какъ вамъ *sic* покажется?.. Трефилій Игнатьичъ сдѣлалъ значительное удареніе на этой частицѣ рѣчи и докончилъ начатое удивленіе воззваніемъ къ Архипову:

— Да дурачье вы, какія составныя-то части муки? Какія? вы-бы прежде спросили у меня, а потомъ ужъ и рѣшались бы дѣйствовать. Во-первыхъ, главнымъ основнымъ элементомъ муки служить...

Тутъ Трефилій Игнатьичъ пріостановился, замаявшись видимо самъ и проговоривъ:

— Ну, да что съ вами толковать, оставайтесь дураками, опять началъ продолжать разговоръ со мной.

— Хлѣбъ, нужно вамъ замѣтить, то-есть вообще мука, точно имѣ-

еть иѣкоторое успокоивающее свойство; но позвольте васъ спросить, въ какихъ случаяхъ? для чего же, послѣ этого существуетъ медицина, рождался Иппократъ, трудился Бюэргравъ? Для чего, вопросъ, созданы минералы, яды?..

Я видѣлъ, что Трефилій Игнатьичъ готовъ былъ, какъ говорится, *занестись*, и сѣвшилъ пріостановить его краснорѣчивое увлеченіе.

— Однимъ словомъ, хлѣбъ не помогъ, сказалъ я.

— Позвольте, расскажу вамъ все обстоятельно, именно только для того чтобы доказать какъ наши Недоплюевскіе сами себя, такъ сказать, отталкиваютъ отъ просвѣщенія, не хотятъ быть *a la hauteur du siecle*, не хотятъ *шофи се ауфтонъ*, «познать самихъ себя», это кажется сказалъ Декартъ.

— Нѣтъ, Платонъ, поправилъ я.

— Ахъ, виновать, точно кажется Платонъ, да впрочемъ кто-бы ни сказалъ, все равно, главное дѣло въ томъ, что дуракъ Петрушка, ходилъ такъ съ своею рукою съ недѣлю, и хоть бы заикнулся покуда я самъ не замѣтилъ. — Что это, у тебя? спрашиваю.

— Да порѣзалъ немного, отвѣчаетъ.

— А покажи, какъ немного?

— Да и смотрѣть не стоить, отвѣчаетъ.

— Все равно, говорю, стоить или не стоить, а покажи; на что я, развѣ для своего удовольствія аптеку у себя заводилъ, книги и прочія разныя разности выписывалъ—кажи и ни слова. Когда я освидѣтельствовалъ, вижу—плохо, *inflammatio extraordinaris*, поражение окончности, пульсъ усиленный. Нужно было необходимо подвергнуть палецъ отсѣченію, иначе малый отличный столяръ, басъ превосходный, плясунъ какого поискать — а? Вообразите сколько замѣчательныхъ спеціальностей должна была уничтожить гангрена, человекъ пропадалъ неминуемо. Началъ представлять ему всѣ послѣдствія: вотъ то и то, говорю съ тобою послѣдуетъ: во-первыхъ онѣмѣніе близъ лежащихъ венъ, вторыхъ черновато—синеватость наружныхъ покрововъ, однимъ словомъ перечелъ четвертое, пятое и десятое со всѣми ихъ ужасами, клятвенно увѣрилъ потомъ, что мигнуть не успѣетъ какъ вся комедія будетъ кончена—что же вы думаете отвѣчалъ мнѣ на это Каравай?

— Нѣтъ, говорить, ужъ если суждено въ гробъ лечь, такъ ужъ пусть лучше со всѣми десятию пальцами лягу...

— А мать? спрашиваю, мать, сиротинкой, что-ли хочется тебѣ оставить? Согласись, говорю, что вѣдь мертвый—то ты никому въ пользу не пойдешь.

Потрясъ, знаете, этими намеками его предубѣжденіе противъ такой

спасительной науки, какова хирургія. О! доктору кромѣ искусства нужно обладать еще и краснорѣчіемъ; нужно умѣть дѣйствовать на сердце и главное на воображеніе, имѣть, такъ сказать, всегда съ собою въ запасѣ нравственный хлороформъ. Я вамъ покажу начатую объ этомъ статью подъ заглавіемъ: о приспособленіи нравственнаго вліянія на физическій организмъ; не знаю какъ прочіе, но по-крайней-мѣрѣ жена моя отъ него въ восторгѣ, а она, я вамъ доложу, тоже сочинительница да не какихъ нибудь однихъ пустыхъ повѣстей,

— Однимъ словомъ, вы убѣдили, прервалъ я Санглютина, видя что онъ кажется хотѣлъ пуститься въ нѣкоторыя отступленія.

— Еще бы, отвѣчалъ онъ съ торжествующимъ видомъ, самъ доктора изъ города привезъ; призвалъ мать; мы доказали необходимость ничтожной потери верхняго сустава и произвели операцію.

— Собственно вы, спросилъ я Санглютина, видя лице его чуть-ли не сіяющее отъ восторга и гордости.

— Нѣтъ отвѣчалъ онъ, немного замѣвшись, собственно не я, а нашъ Францъ Карлычъ, потому что я не имѣю чести быть испытаннымъ теоретикомъ, но все равно, я былъ ассистентомъ, налагалъ первые и вторые компрессы и даже, можно признаться, прослезился немного отъ радости, что безумный Каравай былъ спасенъ... Да и было отъ чего: крикъ, кракъ—и смерть, неизбежная смерть была удалена нашею опытностью.

Тутъ Трефілій Игнатьичъ замѣтилъ, что я невольно зѣвнулъ и спѣшилъ извиниться.

— Быть можетъ, я вамъ наскучилъ, сказалъ онъ, но что дѣлать! науки, наблюденія и открытія клонящіяся къ пользѣ человѣчества, страсть моя. Я бы вамъ рассказалъ о многихъ нововведеніяхъ, которыя мнѣ удалось съ успѣхомъ приспособлять въ моей практикѣ, но теперь не время, вы все увидите и узнаете въ моей образцовой и энциклопедической фермѣ. А каково придумалъ оригинальное имечко? у всѣхъ въ ухахъ зазвѣнитъ. *Etvas neues*—неправда-ли? Пусть другіе основываютъ потомъ тоже самое, а у меня оно уже есть.

Тутъ только я догадался о какомъ новомъ названіи для своей Пенхеревки хотѣлъ хлопотать Трефілій Игнатьичъ, по словамъ Архипова.

— Увидите моихъ наслѣдниковъ, продолжалъ Санглютинъ, познакомитесь съ моей бабой, будете имѣть понятіе о томъ взглядѣ, который бросаю я на тотъ прототипъ настоящаго хозяйства, который непременно введу во всемъ нашемъ Недоплюевскѣ. О, вы все увидите, *vous verrez tout; sie werden alle sein.*

Я отговаривался позднимъ временемъ, безпокойствомъ, которое я ему доставлю, Санглютинъ не хотѣлъ ничего слушать.

— Мнѣ безпокойство! вскричалъ онъ, напротивъ, вы мнѣ сдѣлаете большое удовольствіе. Вы по-крайней-мѣрѣ можете сказать, что бывши въ Недоплюевскѣ, видѣли не какихъ-нибудь однихъ оригиналовъ, каковы, напримѣръ, у насъ Свистюлевы, Бобриковы—нѣтъ, вы увидите во всемъ его блескъ и Санглютина, и его будущую образцовую ферму.

Я продолжалъ отказываться. Трефилій Игнатьичъ приумодкъ на минуту и потомъ сказалъ:

— Такъ вамъ рѣшительно угодно дальше ѣхать?

— Да желательно бѣ было.

— А когда, позвольте васъ спросить?

— Завтра поутру, какъ только починится ось.

— Анъ вотъ она и не починится! Я лучше всѣ свои кузницы, весь свой литейный заводъ прикажу срыть съ лица земли, чѣмъ отпущу васъ не угостивши своимъ хлѣбомъ-солью. У меня ужъ такой обычай, такой ужъ point d'honneur: кто проѣдетъ по моей полосѣ земли, и кого я увижу, тотъ ужъ, волею или неволею, а долженъ быть моимъ гостемъ хоть на полчаса, хоть на одну минуту; вы видите, что я не спрашиваю васъ ни объ имени вашемъ, ни о фамиліи, я вижу въ васъ личность отдѣльнаго субъекта, которому я хочу и долженъ доставить болѣе удобное помѣщеніе. Да что толковать, добавилъ онъ: вы, я вижу, человѣкъ перемонный, съ вами должно обойтись тоже рѣшительно и показать, что значить сила воли. О, сила воли значить все!

Съ этими словами Санглютинъ оборотился къ своему человѣку, котораго онъ назвалъ при входѣ «domine Эльпидифорусъ», давно уже стоявшему съ коробкою въ рукѣ и закричалъ:

— Эльпидифоръ, поймаешь!

При этомъ Трефилій Игнатьичъ какъ-то многозначительно подмигнулъ глазомъ и обвелъ потомъ взоромъ всю избу. Казалось что Эльпидифору доводилось не въ первый разъ получать такіа лаковическія а между-тѣмъ совершенно для него удовлетворительныя приказанія, какъ слово *поймаешь*, потому что онъ, передавъ коробку Архипову, стремительно бросился на мой чемоданъ, на постель, приготовленную мнѣ на скамьѣ и тотчасъ принявъ все это въ широкія свои объятія.

Трефилій Игнатьичъ смѣялся самымъ радушнымъ смѣхомъ и приговаривалъ:

— А, а, каково! Ну, что, поѣдете ли теперь къ Санглютину? А ужъ какой, доложу вамъ, у меня поварь—языкъ просто, проглотите. Эльпидифоръ, говори, какой у насъ поварь?

— Ужъ извѣстно на-чистоту, сударь, отвѣчалъ Эльпидифоръ, бережно свертывая и укладывая мои вещи.

— Нѣтъ, ты говори все какъ есть; ты меня не бойся; ты говори откровенно, какой у меня поварь, твердилъ Санглютинъ.

— Отличившій, право, сударь, поварь, останетесь имъ во всемъ довольны, правое-слово, обратился ко мнѣ съ увѣреніемъ Эльпидифоръ.

— А ужъ съ какимъ кучеромъ мы поѣдемъ, продолжалъ Трефилій Игнатъичъ, просто первый, кажется, во всемъ уѣздѣ; вотъ сейчасъ сами увидите. Архиповъ! позови сюда Тихона.

— Зачѣмъ, я вамъ вѣрю, сказалъ я Трефилію Игнатъичу, стараясь освободиться отъ сильнаго его рукожатія.

— Нѣтъ, лучше посмотрите, увидите, что я не-на-волосъ не хотѣлъ предъ вами похвастаться, упрашивалъ онъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, минуты черезъ двѣ, въ избу вошло, или лучше сказать ввалилось какое-то огромное туловище въ тулупъ, вывороченномъ вверхъ шерстью, изъ опасенія попортить новую дубленую наружную часть отъ начинавшагося дождя.

— Посмотрите, какъ мускулѣзная-то система только развита, такъ вы согласитесь, что этотъ человѣкъ стоить, чтобъ съ нимъ прокатиться; ужъ лошади не понесутъ, нѣтъ, ужъ этому не бывать! Тихонъ! добавилъ Трефилій Игнатъичъ, а ну-ка сними своего барана, да покажи каковъ у тебя musculus.

— А вотъ *изволите* посмотрѣть, каковъ онъ себѣ самъ найдется, отвѣчалъ Тихонъ, которому вѣроятно также не впервые приходилось дѣлать подобныя представленія, снимая кафтанъ съ одной руки.

— Къ чему, къ чему, я и такъ вѣрю, поспѣшилъ я сказать, ни сколько не любопытствуя знать какіе мускулы у Тихона и не желая имъ ни сколько любоваться.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ позвольте, я люблю чтобъ все у меня было на-чистоту, остановилъ меня Санглютинъ.

Тихонъ обнажилъ свою широкую, жилистую руку, къ которой Трефилій Игнатъичъ поднесъ стоявшій на столѣ огарокъ, и я точно увидѣлъ преогромный желвакъ.

— А? какова анатомическая роскошь! вскричалъ самодовольно Тре-

филій Игнатьичъ. Пошупайте, пожалуйста, — что ваше желѣзо! Попробуйте ущипнуть; хотите держать пари, что не ущипнете? Гдѣ угодно щипите не ущипнете. Замячательный субъеткъ! Ich verde ihnen sagen das ist etwas Herculessich!

Я отказался отъ пари и отъ щипанія, увѣряя, что вполне убѣжденъ во-всемъ. Трефилій Игнатьичъ по-видимому этимъ не удовольствовался, потому-что самъ принялся мять своими, тоже довольно геркулесовскими рукамы, мясистый бугоръ Тихоня, приговаривая:

— Что же ты не кричишь? ты меня не бойся, ты кричи; если тебѣ больно, говори откровенно.

— Что же тутъ кричать, не изъ миндальнаго я тѣста, отвѣчалъ хладнокровно Тихонъ.

Трефилій Игнатьичъ полюбовался мускулёзною системою Тихоня и замѣтивъ мнѣ, что эта система была еще упруже предъ сильною болѣзнію, которую вынесъ Тихонъ, тоже его паціентъ, обратился потомъ съ вопросомъ къ нему.

— А ну-ка, Тихонъ, скажи хорошо-ли я тебя пользовалъ?

— Хорошо, сударь, отвѣчалъ кучеръ.

— Нѣтъ, ты мнѣ не льсти, ты правду говори, продолжалъ Трефилій Игнатьичъ.

— Ужъ то есть ат-ли-чна, сударь, подтвердилъ Тихонъ.

— А порошки хорошіе я тебѣ давалъ?

— Славные порошки.

— Только не много горьки были а больше ничего—не правда-ли?

— Только и всего, подтвердилъ Тихонъ.

— А мушки? каковы предписывалъ я тебѣ мушки, продолжалъ Трефилій Игнатьичъ.

— И мушки тоже были очень хорошія, похвалилъ кучеръ.

Трефилій Игнатьичъ засмѣялся радушнымъ смѣхомъ и самодовольно потеръ руки.

— Съ большими достоинствами человѣкъ, произнесъ онъ утвердительно, выпроводивъ кучера обратно къ лошадямъ: но у меня впрочемъ всѣ люди съ достоинствами; все зависитъ отъ наблюденія за развитіемъ способностей, а я на это не хочу хвалить себя, а ужъ мастакъ. Мнѣ бы только въ комъ нибудь лишь замѣтить une et eincelle du genie, а тамъ это ужъ наше дѣло. Не хочу вамъ рассказывать ничего больше, сами увидите. Пора, поѣдемте!

Я видѣлъ, что отдѣлаться отъ Санглютина не было никакой возможности и рѣшился покориться своей участи, тѣмъ болѣе, что чемоданъ мой былъ уже унесенъ услужливымъ Эльпидифоромъ. Я началъ одѣваться и спросилъ у хозяина избы сколько слѣдовало ему заплатить за постой и самоваръ.

— Это что за извѣстіе? вскричалъ разслушавшій этотъ вопросъ Трефилій Игнатьичъ: какъ, чтобъ мои гости, на моей землѣ, въ моемъ присутствіи платили что-нибудь? Нѣтъ, этого я не допущу, воля ваша, и ужь никакъ не допущу!

— Да вѣдь хозяинъ не обязанъ же угощать каждаго проѣзжаго даромъ, замѣтилъ я Санглютину.

— Кто-жъ это говорить? этого тоже я не говорю, я самъ ни у кого не беру ничего даромъ, отвѣчалъ Трефилій Игнатьичъ, только я въ такомъ случаѣ поступаю такъ, какъ-будто я самъ угощаю:—самъ плачу.

— Этого я тоже не могу допустить, возразилъ я.

— Послушайте, мамочка вы моя эдакая, мамушечка вы моя, протянулъ ласкательно Трефилій Игнатьичъ: вы человѣкъ образованный, вы вѣрно разрѣшите тотчасъ же слѣдующій вопросъ: если бъ я васъ у себя угощалъ и ночлегомъ, и чаемъ, только, разумѣется ужь не эдакими, рѣшились ли бы вы предложить мнѣ за то плату?

— Разумѣется, что нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Ну, вотъ видите; слѣдовательно мы и порѣшили, слѣдовательно и долженъ лишь я удовлетворить Архипова, воскликнулъ Трефилій Игнатьичъ, засмѣявшись своимъ громкимъ смѣхомъ.

— Этого ужь я никакъ не понимаю, признаюсь вамъ, возразилъ я Санглютину.

— Такъ я вамъ растолкую: вѣдь чай, сахаръ, сухари и прочее, стоитъ мнѣ также денегъ; уничтожая ихъ, вы уничтожаете ихъ цѣнность, уносите у меня часть моего капитала, котораго они служатъ номинальными представителями, короче — также заставляете расходоваться, только не возвращаете обратно, какъ, напримѣръ, Архипову; слѣдовательно, предположите, что я Архиповъ, и прошу васъ, не прекословьте.

Я открылъ было уже ротъ, чтобъ рѣшительно воспротивиться его гостеприимному порыву но Санглютинъ предупредилъ меня.

— Ужь лучше не произносите, сказалъ онъ, я знаю впередъ, что вы хотите сказать—вы непременно упрямитесь заплатить.

— Непремѣнно, подтвердилъ я.

— Ну, такъ пожалуйста, лучше мнѣ заплатите.

— Извольте.

— Нѣтъ, нѣтъ, не теперь, а послѣ когда-нибудь, лучше всего вышлите мнѣ, это будетъ значить, что вы меня помните.

Я разсудилъ, что, въ-самомъ-дѣлѣ, противиться долѣе капризу Санглютина, въ которомъ ясно преобладало чувство честолюбія, было бы смѣшно и ни сколько не деликатно, потому-что сумма въ какія-нибудь пятьдесятъ копѣекъ не могла быть чувствительна и важна ни мнѣ, ни ему, и потому поблагодарилъ его пожатіемъ руки, которую онъ сжалъ такъ, какъ-будто тоже какъ и у Тихона—хотѣлъ освидѣтельствовать превосходство моей мускулярной системы.

— Ну, Архиповъ, сказалъ Трефилій Игнатьичъ, обращаясь къ хозяину постоялаго двора, сколько бы ты взялъ?

— Да что пожалуете, батюшка, Трефилій Игнатьичъ, отвѣчалъ Архиповъ: вашей милости извѣстно, что мы запрашивать не учились.

— Умно и похвально! отозвался Санглютинъ, и такъ если моей милости заблагоразсудится пожаловать тебѣ грошъ?

— Что жъ, и за это много благодарны, батюшка, Трефилій Игнатьичъ, отвѣчалъ Архиповъ; отъ вашей милости, что ни благодать, то награда...

— О, это у меня тоже голова, замѣтилъ довольный такимъ отвѣтомъ Санглютинъ, положивъ что-то въ руку хозяину постоялаго двора Да! да гдѣ же кума, позабылъ я тебя спросить! прибавилъ Санглютинъ, стоя уже на порогѣ отворенной двери.

— Да она, батюшка, къ свекрови отправилась, отвѣчалъ хозяинъ постоялаго двора.

— Въ гости или по дѣлу?

— Въ гости, сударь, такъ тамъ, знаете-ли, маленькое дѣлишко приключилось, такъ она и поплелась.

— А какое дѣлишко?

— Да такъ, и говорить не стоитъ, извѣстное, простое—бабье.

— То-есть именно, какое простое? переспросилъ Трефилій Игнатьичъ, изъ чего я заключилъ, что въ немъ скрыта также и довольно немаловажная доза любопытства.

— Да Господь двойни даровалъ; докладывалъ вамъ, сударь, что дѣло простое.

Трефилій Игнатьичъ укорительно погрозилъ пальцомъ и покачалъ головой, въ знакъ упрека Архипову.

— Все у васъ, кажется, дѣло простое, сказалъ онъ, что вамъ ни тверди; пожалуйста, чтобъ у меня впередъ ни какихъ подобныхъ простыхъ дѣлъ не было. Чуть что—хоть въ полночь—прямо ко мнѣ. Да и нынче приходи, я своего состава, питательной кашки свекрови твоей дамъ.

— Какъ, вы кажется на всѣ руки? спросилъ я Трефилія Игнатьича, когда мы усѣлись въ его телѣжку.

— Алоопать, гомеопать, физикъ, механикъ, живописецъ, скульпторъ, инженеръ — все, что вамъ угодно, отвѣчалъ онъ. Вы можете видѣть образцы моихъ произведеній, по всѣмъ отраслямъ, въ Пенхеревкѣ.

Дорогою Трефилій Игнатьичъ говорилъ безъ умолку, переходя вдругъ неожиданно отъ одного предмета къ другому, изъ чего я могъ понять, что онъ желалъ похвалиться предо мною всѣмъ своимъ энциклопедическимъ запасомъ свѣдѣній, ни сколько не замѣчая, что изъ его рѣчей я могъ также замѣтить, что хотя онъ точно и учился очень многому и много читалъ, но изъ всего заученаго и запомненнаго хваталъ, только, что называется, одни верхи; но главными коньками его были медицина и хирургія. Коснувшись этихъ двухъ предметовъ, добрый Трефилій Игнатьичъ и самъ иногда, уже впрочемъ совершенно высказавшись, догадывался, что прихвостнулъ не въ мѣру, заминался и невольно краснѣлъ.

Не смотря, что ночь была темная, и незнающему особенностей окружной мѣстности трудно было разсмотрѣть, что либо, даже вполонину удовлетворительно, Трефилій Игнатьичъ поминутно высовывалъ голову изъ—подъ покрышки и заставлялъ меня смотрѣть въ мракъ, замѣчая, что тутъ-то и тутъ-то онъ намѣренъ выстроить какое-нибудь новое зданіе, или уже произвелъ вотъ какое именно улучшеніе. Въ его Пенхеревкѣ оказывалось все, что только нужно самому благоустроенному, образцовому имѣнію, какое только могло существовать.

— Спросите меня, пожалуйста, ну, напримѣръ, если у меня, положимъ хоть, ну, что вамъ спросить *хоть*, сказалъ мнѣ Трефилій Игнатьичъ когда мы вѣхали на сдѣланное имъ черезъ болото прямое шоссе, о которомъ было уже упомянуто: подумайте сами и спросите.

Напрасно я отказывался, Трефилій Игнатьичъ отыскавъ подъ шинелью мою руку, сталъ сильно жать ее и твердилъ.

— Нѣтъ, только изъ одного любопытства, пожалуйста спросите, о чемъ только вздумаете.

— Ну, напримѣръ, конный заводъ, сказалъ я.

— Конный заводъ? есть!

— Тонкорунныя шерста?

— Есть.

— Суконная фабрика?

— Будеть!

— Бумагопрядильня?

— Имѣется давно въ виду, и уже изготовлены мною самимъ чертежи усовершенствованныхъ новыхъ машинъ.

— Такъ вотъ какое прекрасное имѣніе, замѣтилъ я, желая окончить вопросные пункты; но Трефилій Игнатьичъ оказывался не насыщеннымъ и неумолимымъ. Я опять долженъ былъ предложить ему еще новые вопросы, на которые онъ хотя и могъ отвѣчать только «будеть», или «имѣется давно въ виду» а между-тѣмъ, былъ кажется, не менѣе доволенъ какъ былъ бы тогда, когда бы все дѣйствительно существовало; Санглютинъ заключилъ наконецъ свои отвѣты самъ вопросомъ, сопровождаемымъ такимъ сильнымъ радостнымъ пожатіемъ руки, что я невольно принужденъ былъ вздрогнуть:

— А что, не правда-ли, будетъ вамъ кое-о-чемъ поразказать въ вашей столицѣ? Посмотрите, что черезъ нѣсколько лѣтъ, Санглютинъ прогремить по всей Россіи. Санглютинское сукно пойдетъ въ Англію, Санглютинская пшеница будетъ продаваться на вѣсь золота. Санглютинъ, Санглютинъ...

Трефилій Игнатьичъ ужъ и не договорилъ, что будетъ еще Санглютинъ, но такъ воодушевился, что перемѣнивъ вдругъ тонъ голоса, почти заревѣлъ:

— Да, что же вы молчите? Пѣсню, ребята, мою любимую пѣсню, да браво, да съ экспрессією, словомъ по-нашенски, по Санглютински! И вдругъ справа раздалось гнусливымъ голосомъ унылое:

О, о, да стонеть, стонеть, да сизый голубчикъ,

а съ лѣва, густымъ басомъ, прерываемымъ громкимъ откашливаніемъ и поллевываніемъ веселое:

Ой, во лузяхъ, во лузяхъ.

Эти возгласы разнороднаго мотива и содержанія затянули въ одну и ту-

же минуту и Эльпидифоръ и Тихонъ, воображая, каждый по-своему понимаяю потѣшить барина любимую его пѣснью и притомъ съ подобающею экспрессіею, понимаемою также каждымъ изъ нихъ особенно по-своему.

— Не то, не то, закричалъ Трефилій Игнатьичъ.

— Я что ли не то Трефилій Игнатьичъ? повернулся въ кибитку съ вопросомъ Эльпидифоръ, какъ болѣе смысленный, между тѣмъ какъ Тихонъ, пренебрегши напраснымъ распрашиваніемъ, затынулъ на новый ладъ:

Охъ вы сѣни, мои сѣни...

и снова долженъ былъ приостановиться, потому что Трефилій Игнатьичъ опять прикрикнулъ:

— Не то, не то, на что мнѣ твои сѣни! Экая глупая голова, что орѣшь какъ изъ бочки.

— Да вѣдь сѣни-то прежде мы всегда пѣвали, пробасилъ Тихонъ, и уже издавъ—было новый какой-то звукъ, когда Санглютинъ самъ разрѣшилъ общее недоумѣніе, начавъ пѣть, ударяя въ тактъ рукою по колѣну:

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ

На пустынные скалы...

Эльпидифоръ тотчасъ же началъ подтягивать Трефилію Игнатьичу, и голосъ его загнулся рѣзко и пронзительно, между тѣмъ какъ Тихонъ только досадливо крикнулъ и сохранилъ глубокое молчаніе.

— Ну, что же ты молчишь, Тихонъ? спросилъ удивленный Трефилій Игнатьичъ.

— Да голосу нѣтъ для этой пѣсни, Трефилій Игнатьичъ, отвѣчалъ дородный кучеръ.

— Что ты врешь; ты своимъ голосомъ за версту оглушишь, замѣтилъ Трефилій Игнатьичъ.

— Оглушить—то оно, пожалуй и оглушишь, да эта пѣсня-то, вишь ты какая, словно нѣмецкая, отозвался въ свое оправданіе Тихонъ, почесывая затылокъ и поглядывая изъ-коса на Эльпидифора, который также пріумолкъ.

— Ну, ладно, ладно, молчи лучше, неотёсавый, проговорилъ Санглютинъ, у котораго вмѣстѣ съ воодушевленіемъ прошелъ и музыкальный порывъ: смотри, ужъ такъ и быть, получше только на дорогу; но впрочемъ я еще успѣю натѣшить васъ пѣснями, замѣтилъ онъ мнѣ, у меня

не всё такіе блухи, какъ Тихонъ, который, какъ я съ нимъ не вожусь, ни какъ не можетъ порядочно въ хорѣ сѣсть, чуть что мало-малыски отличается метромъ отъ простой русской пѣсни. У меня есть, скажу вамъ откровенно, маленькая Малибранъ; душу всю, кажется, каналья, готова вытянуть. Эльпидифоръ, прибавилъ Трефилій Игнатьичъ, скажи-ка намъ, каково поетъ Стѣша?

— На удивленіе, сударь, отвѣчалъ Эльпидифоръ, совершенно перегнувшись въ кибитку.

— Ну, а ты, неучъ, что на это скажешь? сдѣлалъ Санглютинъ вопросъ также и Тихову.

— Да что сказать, отозвался кучеръ, поетъ себѣ, извѣстно хорошо, коли на то поставлена отъ господъ; вотъ и меня на этомъ одномъ поставь, такъ и я, пожалуй, не хуже спую; а поди-ка она поправь да походи за лошадьми, можетъ и не споеть...

— Ну, ну, не разсуждай, не разсуждай, разиня, проговорилъ Трефилій Игнатьичъ, и взглянувъ нечаянно на небо, покрытое густыми тучами, началъ было уже прекудрявый и преиспешренный техническими выраженіями разговоръ о какомъ-то созвѣздіи, какъ вдругъ Эльпидифоръ, засунувъ за щеку себѣ палецъ, произвелъ такой неожиданный, страшный и продолжительный свистъ, который развѣ малымъ чѣмъ могъ уступить свисту паровой машины, что я невольно привскакнулъ на мѣстѣ.

— Не пугайтесь, не пугайтесь, успокоилъ меня Санглютинъ, это значитъ, что мы вѣзжаемъ въ Пенхеревку; это Эльпидифоръ подаетъ предупредительный знакъ, что ко мнѣ ѣдутъ гости, знаете, чтобы все въ порядкѣ могло быть.

Я привсталъ и высунулъ голову, чтобъ имѣть возможность осмотрѣть наружный видъ Пенхеревки. По обѣимъ сторонамъ чернѣлись крестьянскія избы, видѣлись кое-гдѣ кучи бревенъ и кирпича, да торчали длинные шесты, съ привѣшенными къ ихъ вершинамъ вѣвками, поставленные вмѣсто вѣхъ. Въ отдаленіи, напротивъ самаго вѣзда, вдругъ начали мелькать и пробѣгать изъ окна въ окно огоньки, довольно не высоко отъ земли, въ какомъ-то длинномъ, предлинномъ зданіи, которое я почелъ за какую нибудь фабрику, устроенную Трефиліемъ Игнатьичемъ, когда онъ самъ предупредилъ вопросъ, готовый сорваться у меня съ языка.

— Это мое обиталище, *asilium et domicilium*, проговорилъ онъ. Теперь его архитектурой не слишкомъ можно полюбоваться, но за то черезъ годъ, черезъ два, такъ ужъ я вамъ скажу, увидите, что будетъ!

Посреди деревни толпа собакъ бросилась съ лаемъ на нашу повозку и голосила на разные тоны, которые всё покрывались чьимъ-то густымъ и самымъ звонкимъ завываніемъ.

— Ого, кто-то какъ заливается, проговорилъ Санглютинъ, это кажется Шакалъ; охъ ужъ эти мнѣ люди: чуть изъ дому, сейчасъ пойдуть безпорядки! и Трифилій Игнатьичъ началъ свистать подсвистываемый услужливымъ Эльпидифоромъ.

— Да что свистать-то понапрасну, дурачина, проговорилъ сердито Тихонъ, которому кажется съ послѣдняго замѣчанія о его мнимой неспособности къ пѣнію опротивѣли всё возможные звуки, не пояснивъ достаточно къ кому именно относился приданный имъ эпитетъ: что свистать-то? Зачѣмъ ваша комнатная Шакалка сюда на деревню зайдетъ? не слѣдъ ей по ночамъ шататься, не съ этимъ выросла. Чай дрыхнетъ себѣ гдѣ нибудь подъ небелью.

— Ну, вотъ, наконецъ хоть одинъ умный силогизмъ вывелъ, похвалилъ Трефилій Игнатьичъ Тихона, и не имѣлъ уже болѣе случая ни слова прибавить для полного его торжества, потому что нашъ экипажъ остановился уже предъ подъѣздомъ господскаго дома, благодаря удвоенному усердію, съ которымъ Трифонъ принялся хлестать и коренную и обѣихъ пристяжныхъ.

На ступеняхъ крыльца уже стояли со свѣчами двое слугъ, изъ которыхъ у одного, опустивъ печально глаза въ низъ, я замѣтилъ ноги—одну обутую въ подобающій сапогъ, а другую въ туфлю, плетенную домашними средствами изъ суконныхъ покровокъ, и вѣроятно не снятую по неимѣнію достаточнаго времени. Я вспомнилъ о предупредительномъ свистѣ камердинера Трефилія Игнатьича, и не могъ удержаться отъ невольной улыбки. Не смотря на увѣреніе Санглютина о существованіи у него самаго образцоваго порядка, богатырскій посвистъ этотъ былъ придуманъ съ большою предусмотрительностью чтобъ имѣть возможность скрыть отъ проѣзжающихъ — почти насильно увлеченныхъ Трефиліемъ Игнатьичемъ, любоваться благоустроенностью Пенхеревки — другую, не лицевую сторону медали.

Санглютинъ не вышелъ а скорѣе былъ, такъ сказать, выброшенъ на ступени парю дюжихъ рукъ. Такимъ же точно путемъ послѣдовалъ и я. Меня точно также подбросили, какъ и Трефилія Игнатьича, съ тою только разницею, что по случаю моего неполновѣсія, далеко уступавшаго полновѣсію хозяина, съ такою легкостью, которая нисколько не могла быть пріятна моимъ ногамъ, стукнувшимъ такъ сильно, отъ усерднаго высаживанія, о деревянную ступень лѣстницы, что она хрустнула.

— А, каково всё у меня приучены къ разнымъ обязанностямъ? замѣтилъ пріятно улыбувшись Трефилій Игнатьичъ; у меня всякому назначена своя обязанность, отъ этого и идетъ все хорошо. Прошу покорно, пожалуйста.

Въ передней самодовольствіе Санглютина немного поуменьшилось отъ замѣченной въ ней картины маленькаго безпорядка и неповоротливости. Отворенная сильною рукою слуги одна половинка дверей, издала какой-то глухой звукъ, какъ будто встрѣтила что нибудь мягкое, сопровождаемый легкимъ, видимо заглушеннымъ однимъ только усиліемъ, стопомъ. Трефилій Игнатьичъ не преминулъ полюбопытствовать, и глазамъ нашимъ представилось зрѣлище довольно картинное а именно: мальчикъ, у котораго какъ крылья, повисли съ обоихъ плечъ разныя одежды; правое плечо прикрывалось затрапезнымъ пинжакомъ, а лѣвое темно-зеленымъ суконнымъ казакиномъ, на груди котораго, по обѣимъ сторонамъ, выстеганы были красныя суконныя же сердечки. Поспѣшая принарядиться, комнатный казачекъ ошибся должнымъ назначеніемъ рукавовъ, и находился въ большемъ затрудненіи.

При видѣ этого маленькаго безпорядка, самодовольная улыбка перестала подергивать губы Трефилія Игнатьича.

— Это что такое? ты кажется съ позаранокъ дрыхнуть собрался, ночной уже костюмъ кажется надѣвалъ? проговорилъ онъ недовольнымъ голосомъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, только одѣвался, отвѣчалъ казачекъ.

— Ужъ молчи, ужъ лучше не говори ты этого глупаго слова, приостановилъ Санглютинъ казачка. Терпѣть не могу, когда меня въ глаза кто обманываетъ. Какъ можно чтобы ты только одѣвался; развѣ въ всё у меня, цѣлый день, въ одномъ платьѣ ходите? Ты бы хоть на другихъ-то посмотрѣлъ и устыдился подобной лжи. Ну, одѣвайся въ дневное платье.

Трефилій Игнатьичъ самъ началъ было помогать казачку исправить не картинный безпорядокъ, когда шумъ чего-то упавшаго заставилъ его снова наморщить брови.

— Та, та, та, это что у тебя, мой красавецъ, карты? произнесъ Трефилій Игнатьичъ; а покажи-ка къ свѣту носъ—красенъ, какъ вишня красенъ! опять въ носки игралъ. Сколько разъ я тебѣ, глупому, толковалъ вредныя послѣдствія, искусственныхъ воспаленій и раздраженій. Что ты хочешь сине-багровую шишку, что ли, вмѣсто порядочнаго носа имѣть и съ нимъ у меня предъ глазами вертеться, а? Эльпи-

дифоръ, когда застанешь впередъ, этого дурачка за носками, тотчасъ дай мнѣ знать.

Сдѣлавъ это домашнее замѣчаніе, Трефилій Игнатьичъ поспѣшилъ извиниться и замѣтивъ что въ семьѣ бываетъ не безъ урода, ввелъ меня въ залу, изъ которой кто-то поспѣшно выбѣжалъ, поставивъ свѣчку, которая еще сильно качалась.

— Матронъ, эсь-туа? окликнулъ Трефилій Игнатьичъ.

— Же, мунсье, отозвался какой-то женскій голосъ.

— Мадамъ доръ?

— Тре-боку, мунсье.

— Але!.. Это горничная моею Лукреціи Петровны, пояснилъ мнѣ Трефилій Игнатьичъ; ихъ у меня три, и всѣ, какъ вы могли замѣтить, говорятъ довольно порядочно по-французски. Я самъ образовалъ ихъ. Что вы хотите! Смерть люблю быть разсадникомъ просвѣщенія, новыхъ открытій, новыхъ изобрѣтеній, полагать благотворныя зерна въ родную почву.

Тутъ Трефилій Игнатьичъ умиленно вздохнулъ и пожалѣвъ, что не могъ въ этотъ же вечеръ познакомить меня съ своею Лукреціей Петровной, стараясь ступать, какъ можно легче, по скрипѣвшимъ подъ его ногами половицамъ, повелъ меня въ свою половину, въ свой кабинетъ, гдѣ назначенъ былъ мой ночлегъ. Пройдя комнаты двѣ, я былъ пораженъ такимъ смраднымъ запахомъ, что тотчасъ же принужденъ былъ зажать себѣ покрѣпче носъ, между тѣмъ какъ Трефилій Игнатьичъ, напротивъ, еще съ какимъ-то по-видимому удовольствіемъ расширилъ ноздри, и приподнявъ голову, втягивалъ въ себя воздухъ, и потомъ проговорилъ, потирая съ самодовольною улыбкою руки:

— О-го, какъ асса-фетидочкой и сжеными перушками попахиваетъ.... Славно, славно Степановна; продолжай! Въ рѣшительныхъ случаяхъ не слушай пациентовъ.... противъ сильныхъ симптомовъ необходимы и сильныя средства.

Я ни какъ не могъ понять почему могъ такъ радоваться Трефилій Игнатьичъ такому зловонію, и какъ могла примѣшаться къ нему какая бы то ни было истина, покуда необъяснилъ мнѣ всего послѣдующій его разговоръ съ тою же Матроною.

— Матронъ! кликнулъ въ-полголоса Санглютинъ: стало-быть, барыня нынче опять имѣла припадокъ истерики?

— Имѣли-сь.

— Должно быть что сильно, когда рѣшилась покинуть свое глупое предубѣжденіе.

— Сильно-съ!

— Ну, что, помогло въѣд?

— Кажется ничего-съ, только еще тошнота въ добавокъ съдѣлась, да и насъ всѣхъ почти перетошнило отвѣчала горничная.

— Ахъ, что ты знаешь: у всѣхъ васъ дѣйствовало только одно воображеніе, сказалъ горничной Трефилій Игнатьичъ, послѣшая привести меня въ свой кабинетъ, замѣтивъ, что я готовъ былъ задохнуться отъ невозможности перевести дыханіе.

— Жена моя нездорова; она подвержена сильной истерикѣ, пояснилъ мнѣ Трефилій Игнатьичъ причину зловонія; и я въ этомъ случаѣ рекомендую ей фумигации. Нужно вамъ замѣтить, что жена моя субъектъ удивительный, и всѣ болѣзни, какія ей случаются переноситъ, приводятъ меня въ восторгъ....

Я взглянулъ на Санглютина, стараясь замѣтить въ глазахъ его признакъ временнаго помѣшательства, но взоръ его былъ ясенъ, и онъ только вошелъ въ сферу своей исключительной страсти, врачеванія.

— Вообразите, продолжалъ онъ, недавно была у нее такая сложная атаксическая лихорадка, что просто чудо! и признаюсь откровенно, что ничего бѣ больше не желалъ въ мірѣ, какъ видѣть еще однажды подобную febris; но такое благополучіе достается рѣдко въ удѣлъ человѣку!

Въ эту минуту въ полуотворенную дверь комнаты, въ которую ввелъ меня Трефилій Игнатьичъ, выглянула бѣлокурая дѣтская головка.

— А, ба! ты еще не спишь, произнесъ Санглютинъ; это мой *прилогенитусъ*, пояснилъ онъ; весь въ меня, удивительныя показываетъ способности. Plato, advene.

Бѣлокурая головка спряталась.

— Plato, повторилъ Трефилій Игнатьичъ, поди же сюда, дружокъ мой, когда тебя зовутъ; вѣрно ты гостинца не хочешь....

Послѣднее слово имѣло сильное дѣйствіе. Plato, мальчикъ лѣтъ шести, вошелъ въ комнату и ткнулся головкой въ полное чрево Трефилія Игнатьича, который приподнялъ его въ уровень съ своимъ лицомъ и произнесъ съ гордостью:

— Извольте-ка замѣтить какъ правильно развиты ossa frontalis у этого поросенка; тоже замѣчательный субъектъ въ своемъ родѣ для изслѣдованія, и Трефилій Игнатьичъ очень нѣжно раздѣлывалъ восхваленныя лобныя кости.

— А подлюбитесь-ка грудными броншами, продолжалъ Санглютинъ, раскрывая грудь ребенка, не правда ли, что броншица-то тоже прекрас-

но организованы.... А клѣтчатка-то, замѣтилъ Трефілій Игнатьичъ, глядя сына по шеѣ; нужно вамъ замѣтить, что у него удивительная клѣтчатка.

Освидѣтельствовавъ съ такими же поясненіями весь организмъ мальчика Трефілій Игнатьичъ поставилъ сына на полъ и провизнесь:

— Ну, Платончикъ, теперъ скажи дяденькѣ, кто ты?

Платончикъ молчалъ.

— Ну же, Платоша, не капризничай, а то лошадку не подарю, замѣтилъ Трефілій Игнатьичъ; ну, кто же ты?

— Докторъ, отвѣчалъ Платоша, ухвативъ себя за носъ.

— И? ну, что еще? Докторъ и?...

— Хирургъ! *Domine doctissime*.

— Такъ, такъ, bravo, душенька. Ну, *domine doctissime*, положимъ, напримѣръ, что у этого дяденьки будетъ завтра положимъ хоть тифусъ, сказалъ Трефілій Игнатьичъ, указывая на меня, то чѣмъ мы будемъ лечить? Нѣтъ, погоди, сперва *dic mihi queso*, что такое тифъ, а то безъ этого я тебѣ дяденьку не могу повѣрить.

И подмигнувъ мнѣ лукаво и съ самодовольною улыбкой, Трефілій Игнатьичъ усѣлся въ кресло, сжавъ Платошу между своими колѣнями. Заключенный въ этотъ живой капканъ, ребенокъ напрасно старался вы-свободиться; Санглютинъ видимо хотѣлъ похвалиться геніяльными способностями и знаніемъ своего первенца. Экзаменъ начался съ самымъ серьезнымъ выраженіемъ лица, какъ будто Трефілій Игнатьичъ позабывши все его окружающее, въ самомъ дѣлѣ, воображалъ себя засѣдающимъ въ ареопагѣ врачей.

— Ну, *domine* Санглютинъ, началъ онъ, извольте мнѣ предварительно объяснить давно ли употребляется въ медицину названіе тифъ?

Но *domine* Санглютинъ молчалъ, барахтался и кряхтѣлъ. Трефілій Игнатьичъ довольно сильно давнулъ его колѣнями.

— Давно, вскрикнулъ экзаменуемый.

— *Optime!* но только извольте прибавить, что названіе тифъ употребляется уже съ давнихъ временъ, и что Гиппократъ называлъ именемъ *typhodes* болѣзненное состояніе, сопровождающееся припадками торпиднаго состоянія мозга; послѣ него, это слово въ продолженіе дѣлныхъ осьмнадцати вѣковъ оставалось какъ-бы забытымъ. Такъ ли господинъ Санглютинъ?

— Такъ, проищалъ мальчикъ, которому экзаменъ сталъ уже, кажется, сильно надоѣдать.

— Optime! произнесъ Трефилий Игнатьичъ; но позвольте: извольте высказываться яснѣе. Вы изволили упомянуть въ вашемъ историческомъ опредѣленіи тифа, что это слово оставалось долго забытымъ. Какъ же оно напомнилось, а? Извольте объяснить. Отвѣчайте: Да, пока въ новейшее время Соважъ, въ числѣ описанныхъ имъ болѣзней не помѣстилъ и тифъ, обозначивъ однакожъ этимъ именемъ только извѣстную группу симптомовъ а не болѣзнь самостоятельную; потомъ названіе это замѣнено было словомъ febris nervosa. Чѣмъ было замѣнено названіе тифа? а?...

Тутъ Трефилий Игнатьичъ поднялъ пояснительно палецъ, чтобъ заставить Платошу повторить слово febris nervosa и тѣмъ выказать въ полномъ блескѣ его свѣдѣнія но, это честолюбивое желаніе не исполнилось; малолѣтний эскулашъ вырвался изъ удерживавшихъ его тисковъ и въ два прыжка былъ уже за дверью.

— Удивительный мальчикъ! память и понятливость необыкновенны! проговорилъ Трефилий Игнатьичъ, самодовольно потирая руки; завтра я познакомлю васъ съ экземпляромъ въ другомъ родѣ, съ моимъ пампушкой; у того въ сильной степени развита способность къ анализу—ни одной игрушки, бѣсенку, нельзя дать, безъ того чтобъ онъ тотчасъ же не разломалъ ее, чтобы узнать какъ она устроена. О, нужно вамъ сказать, что все что вы у меня увидите, все замѣчательно; я какъ-то на это счастливъ!

Тутъ Трефилий Игнатьичъ примѣтилъ, что мнѣ сильно хотѣлось зѣвнуть.

— Извините, произнесъ онъ, вдавшись въ разговоры о своемъ, такъ сказать, заповѣдномъ уголкѣ, я позабылъ что вамъ и позакусить что нибудь нужно и отдохнуть тоже; я сейчасъ распоряжусь и тѣмъ и другимъ.

Тутъ Трефилий Игнатьичъ слегка свистнулъ. Является Эльпидифоръ въ ливреѣ, которой я сперва незамѣтилъ ни на одномъ изъ служителей Трефилія Игнатьича. Она была усѣяна многочисленными карманами.

— Эту ливрею я также изобрѣлъ самъ, замѣтилъ Санглютинъ. Какъ вы думаете, что въ ней есть особеннаго и чѣмъ можетъ она быть лучше другихъ?

Я отозвался рѣшительнымъ незнаніемъ.

— Такъ я вамъ сейчасъ объясню на опытѣ, сказала Трефилий Игнатьичъ, обратясь къ слугѣ произнесъ съ важностью.

— Эльпидифоръ, чистый платокъ мнѣ.

Эльпидифоръ засунулъ руку въ одинъ изъ кармановъ и вынулъ обернутый въ бумагу платокъ.

— Не нужно платокъ, сказала Санглютинъ, я желалъ бы, напри-
мѣръ, побриться.

Эльпидифоръ полезъ въ другой карманъ, и представилъ Трефилю Игнатьичу все нужное.

— Баринъ ужинать, напримѣръ, хочеть, продолжалъ Трефилий Игнатьичъ.

И изъ третьяго кармана былъ вынуть дорожный столовый приборъ.

— Это моя дорожная фельдшерская ливрея, замѣтилъ съ само-
вольною улыбкой Трефилий Игнатьичъ. Не правда ли-что хитро придумано!... О, у меня въ головѣ мало ли еще чего сидитъ для улучшенія старыхъ рутинъ. Я вамъ все это завтра повею скажу и покажу, а теперь позвольте мнѣ заняться хозяйствомъ; и Трефилий Игнатьичъ обратился опять къ слугѣ.

— Степановна что дѣлаетъ? спросилъ онъ.

— Дожидають не будетъ ли какихъ приказаній.

— Хорошо, ступай, и Трефилий Игнатьичъ захопалъ въ ладони.

На этотъ звукъ явилась уже слуга женскаго рода.

— Не правда ли, что тоже хитро придумано, обратился ко мнѣ Трефилий Игнатьичъ. У меня напрасно не толкаются; всякій изъ домашнихъ знаетъ кого мнѣ нужно. Замѣьте, какой запасъ времени собирается этимъ. Нѣтъ, еще вы не совсѣмъ знаете Трефилия Санглютина....

Дальнѣйшему объясненію помѣшала чья-то выглянувшая изъ двери новая голова.

— Кто тамъ? спросилъ Трефилий Игнатьичъ.

— Прикащикъ, ваша милость, отозвался голосъ за дверью.

— Bravo! по части лѣсопильенія, что ли?

— Просто по.... началъ было прикащикъ, но былъ прерванъ Санглютинимъ.

— По заводу, что ли? По части домоустройства? Относительно хлѣбопромышленности? По скотоводству?.. и не давъ отвѣтить прикащику ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ Трефилий Игнатьевичъ одобри-
тельно произнесъ:

— Bravo! ступай теперь спать; завтра я разрѣшу сомнѣнія по
всѣмъ отраслямъ.

Тутъ онъ обратился снова ко мнѣ и началъ было пояснять поря-

докъ и время когда онъ принимаетъ донесенія и въ какой часъ какія именно, но я рѣшительно зѣвалъ и дремалъ.

Трефилій Игнатьичъ замѣтилъ это.

— Я вижу, что вамъ сильно хочется уснуть, сказалъ онъ, не смѣю мѣшать, а жаль, право жаль, какимъ-бы я поподчивалъ васъ супомъ изъ *Желатину*, не изъ той, которую изобрѣли во Франціи, а мою собственную. Вотъ ужъ вещь такъ вещь! Пусть у меня не будетъ ни хлѣба, ни картофеля, я ею одною способенъ унитать всѣхъ какъ тельцовъ.

Дальнѣйшія похвалы самому себѣ были пріостановлены звукомъ раздавшихся бубенчиковъ. Трефилій Игнатьичъ навострилъ слухъ.

— Это не мои бубенчики, проговорилъ онъ, я свои знаю; я самъ ихъ заказывалъ по особенной модели; это кто-нибудь пріѣзжій, а кто бы это могъ быть, вѣроятно узнаемъ, потому-что мимо моего дому проѣзжей дороги нѣтъ.

Бубенчики затихли; Трефилій Игнатьичъ вскочилъ со стула на которомъ онъ расположился очень спокойно и быстро вышелъ въ переднюю; полы такъ и трещали подъ его тяжелою поступью... Не прошло минуты какъ до ушей моихъ долетѣлъ громкій возгласъ Трефилія Игнатьича:

— Какъ? Какими судьбами. Почтеннѣйшій, многоуважаемый Антонъ Мартынычъ.

— Почтеніе, одно мое глубочайшее почтеніе влекло, отозвался въ отвѣтъ чей-то дребезжавшій голосъ; это такъ, это истинно такъ, многоуважаемый, Трефилій Игнатьичъ. Зизичька, Липинька, Мимочька, Фифочька приказали мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое глубочайшее почтеніе, больше ни зачѣмъ.

— Радъ очень радъ, позвольте поцѣловать себя, произнесъ Трефилій Игнатьичъ; такую честь, повѣрьте, я съумѣю оцѣнить, мой благороднѣйшій Антонъ Мартынычъ, пожалуйста въ гостиную, покуда вамъ не приготовить приличнаго одра.

— Какъ здоровье, вашей многоуважаемой суируги? спросилъ Антонъ Мартынычъ Санглютина. Каковы онѣ?

— Каковы онѣ? О, восхитительна; она меня нынче истинно порадовала, отвѣчалъ Трефилій Игнатьичъ; вообразите съ нею была нынче такая оригинальная истерика, просто рѣдкостная... Но я вамъ раскажу про все это послѣ. Теперь позвольте забѣжать мнѣ на одну секунду въ мой кабинетъ и пожелать спокойной ночи тоже одному гостю.

И прежде чѣмъ я успѣлъ раза два снова зѣвнуть, Санглютинъ былъ уже предо мною.

— Знаете-ли кто ко мнѣ прибылъ? спросилъ онъ меня искрививъ какъ-то странно губы.

— По словамъ вашимъ и вашей радости, вѣроятно человѣкъ очень достойный и любимый вами, отвѣчалъ я Трефилю Игнатьичу.

— То-есть единственная пройда, прервалъ онъ меня, нѣкто Кукуевской, я почти обязанностью васъ съ нимъ познакомить завтра, а теперь почивайте, да не угодно-ли вамъ будетъ шафранную подушечку для лучшаго сна—я всѣмъ предписываю шафранъ противъ безсонницы? Многіе совѣтуютъ липецкій медъ, макъ и даже лукъ—но это все вздоръ не вѣрьте, спросите у меня.

Я отказался.

— Испытайте, милѣйшій, упрасивалъ меня Трефилій Игнатьичъ, право тоже собственное открытіе въ области медицины.

Я рѣшительно отказался.

— Ну такъ доброй ночи, заключилъ Санглютинъ, покойной ночи, а я посижу еще немного съ моимъ вселюбезнымъ сосѣдомъ.

Покуда я не заснулъ, до меня постоянно долетали звуки поцѣлуевъ и обоюдные эпитеты: благороднѣйшаго, милѣйшаго и достопочтеннаго.

— Утро вечера мудренѣе, подумалъ я зѣвнувъ въ послѣдній разъ въ сладкой дремотѣ

В. ТОЛБИНЪ.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Жасмень и провансальская поэзія.—Германъ Мельвилъ, сѣвероамериканскій писатель. **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА:** Новая комическая опера Мейербера. **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Оболочки, составляемыя инфузоріями вокругъ себя. — Наблюденія надъ болѣзнью растений въ 1853 году. — Происхожденіе Басковъ. — Еще польза отъ пчель. — Вліяніе воли на электричество. **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Чудеса растительнаго царства въ Австраліи. — Египетскій разбойникъ Салемъ. — Золотые росыпи на берегахъ Амазонской рѣки. — Памятникъ негру. — Рутныя руды въ Калифорніи. — Столѣтняя годовщина вѣской академіи восточныхъ языковъ. — Экзерциція голландскаго войска на конькахъ. — Золотая булла Карла IV. — Французскіе протестанты въ Европѣ. — Моя обезьяна (*разсказъ*).

I. ЛИТЕРАТУРА.

Жасмень и провансальская поэзія.— Въ исторіи произведеній ума человѣческаго всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, есть глава, которую д'Израэли, отецъ ученаго англійскаго современнаго оратора, назвалъ литературными рѣдкостями. Не самое ли вѣрное это названіе для сборника изслѣдованій, неожиданныхъ открытій, всевозможныхъ остроумныхъ выводовъ, однимъ словомъ всего, что носитъ на себѣ отпечатокъ странности и новизны, а не избитаго и давно извѣстнаго пути. Чтѣ имѣеть, на примѣръ, болѣе права, занять мѣсто въ ряду литературныхъ рѣдкостей, какъ не исторія народныхъ поговорокъ, остающихся оригинальнымъ и живымъ выраженіемъ мѣстныхъ талантовъ, имѣющихъ свое отдѣльное назначеніе и свои преданія, темныя и свѣтлыя стороны своей частной жизни? Поэтическій геній въ Англійи идетъ своимъ путемъ и развивается отъ Шекспира до Мильтона, отъ Мильтона до Попе, отъ Попе до Байрона; но рядомъ съ нимъ процвѣтаетъ въ шотландскомъ нарѣчій отдѣльная поэзія, начавшаяся сочиненіями короля Іакова, возродившаяся въ прошедшемъ вѣкѣ въ Алланѣ Рамсеѣ и имѣющая въ настоящее время своимъ представителемъ Роберта Борнса. При Гёте и Шиллерѣ, Геббель, авторъ народныхъ стихотвореній

воспѣваетъ и описываетъ пастушескія сцены баденскаго Оберланда на мѣстномъ нарѣчій этого края. Наконецъ самый блескъ современной французской поэзіи не происходитъ ли отчасти отъ вліянія провансальскаго языка, въ которомъ Жасмень остается въ наше время если и не единственнымъ, то по крайней мѣрѣ самымъ блестящимъ явленіемъ.

Народная поэзія, народные поэты! Какой настоящей смыслъ этихъ словъ? Какое значеніе имѣютъ они въ настоящее время? Нашъ вѣкъ, въ этомъ отношеніи, менѣе замѣчательный, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ, произвелъ импровизированныхъ поэтовъ изъ земледѣльцовъ, кузнецовъ, пастуховъ, парикмахеровъ и притомъ нерѣдко поэтовъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Но можно ли назвать произведенія ихъ народною поэзіей? Главный характеръ народной поэзіи: наивная простота и самобытность; она выливается прямо изъ народнаго духа. Это проявленіе жизни народа, его думъ, несчастій, восторговъ, стремленій, завѣтныхъ чувствъ, проявленіе въ формѣ самой простой и естественной. Народная поэзія идеализируетъ домашнюю и семейную жизнь народа, въ описаніи нравовъ, обычаевъ, въ пѣсняхъ, раздающихся на площадяхъ, и вечеромъ, въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ; но гдѣ ея начало? Какъ она проявляется? Происхожденіе произведеній народной поэзіи обыкновенно неизвѣстно; нельзя опредѣлить, и ничего не можетъ быть труднѣе, какъ доискаться имени какого-нибудь автора этихъ незатѣйливыхъ произведеній, вдохновленныхъ самимъ народомъ. Безъ сомнѣнія эти простыя, выразительныя пѣсни были произведеніемъ необыкновеннаго таланта; но авторъ съ появленіемъ своихъ твореній исчезаетъ, преданіе овладѣваетъ ими, хранитъ ихъ, дѣлаетъ ихъ народными, распространяетъ до-тѣхъ-поръ, пока наконецъ эти отрывки дѣлаются, вмѣстѣ съ другими поэтическими произведеніями, самыми драгоценными памятниками для цѣлой страны и цѣлой эпохи; въ этомъ-то и заключается народность поэзіи; въ ней такъ отпечатлевается умъ и нравственная жизнь какого-нибудь народа, что она дѣлается какъ будто проявленіемъ самой души народа. Таковы Романсеро, эпопея испанская и рыцарская; таковы народныя бретанскія пѣсни въ ихъ драматической и наивной простотѣ.

Описываемыя народными поэтами сцены, нравы, чувства берутся обыкновенно изъ среды простаго народа, изъ народа же получаютъ они и содержаніе, и форму, языкъ рѣзкій и пластическій. И повидимому они имѣютъ всѣ данныя народной поэзіи; но въ ихъ стихахъ есть что-то особенное кромѣ народности: это отпечатокъ самихъ себя, личный характеръ человѣка, находящаго въ себѣ тайну искусства тонкаго и изящнаго. Эта поэзія олицетворена въ Шотландіи,—въ Борнсъ, а на югѣ Франціи въ Жасмень. Говоря объ этихъ импровизаторахъ, надо однако же отличать ихъ одного отъ другаго. Въ нравственномъ отношеніи ихъ обрисовываетъ то, что родясь при самыхъ скромныхъ условіяхъ, они могли возвыситься до самыхъ блестящихъ предѣловъ вдохновенія. Разбирая ихъ искусство и вообще произведенія ихъ, можно увидѣть, что эти поэты стоятъ на одномъ планѣ со всѣми поэтами общепотребительныхъ языковъ; они считаются народными поэтами

собственно по источнику ихъ воображенія и по языку, которымъ они говорятъ.

Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ предметовъ нашего времени, это пробужденіе нѣкоторыхъ нарѣчій, остававшихся мѣстными, и которыхъ ничто до-сихъ-поръ не могло измѣнить и уничтожить. Остатки мѣстныхъ нарѣчій, смѣшанныхъ съ испорченнымъ латинскимъ языкомъ и поговорки, существующія и теперь еще на югѣ Франціи, служатъ послѣднимъ памятникомъ цѣлой эпохи, которую исторія литературы называетъ *романской*.

Какъ въ историческомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи еще далеко не вполнѣ изслѣдованъ отличительный характеръ романской литературы и романскаго племени, распространеннаго въ Каталоніи, въ части Сѣверной Испаніи, Италіи, въ большей части Франціи и имѣющаго одинъ только основной языкъ при всемъ разнообразіи діалектовъ. Вліяніе этого племени исчезло въ концѣ среднихъ вѣковъ, послѣ войны съ Альбигойцами. Въ то время произошелъ окончательный перевѣсъ французскаго нарѣчія и паденіе романскаго языка, прославленнаго поэзією трубадуровъ. Остановленный въ своемъ движеніи и развитіи, языкъ этотъ сохранилъ только общій характеръ; изгнанный изъ круга самобытныхъ литературъ, онъ предоставленъ былъ рабочикамъ, крестьянамъ и земледѣльцамъ. Но каждое нарѣчіе этого языка имѣло всегда своихъ поэтовъ. Главные изъ нихъ въ Провансѣ Николай Саболи, авторъ наивныхъ и народныхъ *Noëls provençaux*; въ Лангедокѣ, въ XVII-мъ вѣкѣ, Гудули, который, отличаясь въ этомъ отношеніи отъ современнаго провансальскаго поэта Жасмена, пропилъ всѣ свои виноградники, и тѣмъ не менѣе написалъ на смерть Генриха IV стихи, съ которыми не могутъ сравняться и произведенія Малерба. Въ XVIII вѣкѣ, въ Беарнѣ жилъ замѣчательный провинціальный поэтъ Депуренъ. Монтенъ помѣщалъ въ своей цвѣтущей и обработанной прозѣ нѣкоторыя болѣе употребительныя выраженія этого языка, въ то время, когда имъ говорилъ только простой народъ.

Нельзя, конечно, полагать, чтобъ только одинъ день могъ рѣшить борьбу между двумя языками и утвердить различіе, существующее въ наше время между языкомъ, употребляемымъ въ известномъ общественномъ кругу, въ известныхъ обстоятельствахъ, во всѣхъ случаяхъ публичной жизни, и тѣмъ языкомъ, которымъ говоритъ одинъ простой народъ. Во время пиренейскаго трактата, французскій языкъ не былъ извѣстенъ ни въ одной части Русильона, и только въ концѣ XVII вѣка при Людовикѣ XIV его начали вводить тамъ при гражданскихъ дѣлахъ и въ церковныхъ проповѣдяхъ. Менѣе ста лѣтъ тому назадъ марсельскіе академики разсуждали на прованскомъ нарѣчій. Однимъ изъ послѣднихъ и странныхъ проявленій южнаго языка Франціи въ прошедшемъ вѣкѣ было представленіе лангедокской оперы при дворѣ: надо согласиться, что это былъ странный контрастъ между грубой лангедокской музой и вовсе ненаивнымъ характеромъ того времени. Это было въ 1754-мъ году; опера называлась *Дафнисъ и Альтимадура*. Гримъ, лѣтописецъ литературныхъ произведеній той эпохи говоритъ

въ своихъ *Письмахъ* объ этомъ представленіи, и даже пускается въ самыя оригинальныя разсужденія по этому предмету. Что бы произошло, спрашиваетъ онъ, еслибъ Генриху IV-му вздумалось перенести столицу Франціи на югъ? Что бы выигралъ или потерялъ французскій языкъ, слившись съ жизнью юга и его преданіями, не сдѣлался ли бы онъ звучнѣе, выразительнѣе, а слогаудареніе его вѣрнѣе, слѣдовательно ближе къ музыкѣ и къ поэзіи.

Не смотря однакоже на всѣ неблагопріятныя для него перевороты, провансальскій языкъ все-таки имѣлъ всегда современныхъ поэтовъ не только въ Ажанѣ, гдѣ Жасменъ достигъ такой извѣстности, но и въ самомъ Провансѣ, въ этомъ древнѣйшемъ и блистательнѣйшемъ убожищѣ романской поэзіи. Здѣсь еще болѣе осталось памятниковъ прошедшаго: здѣсь были грамматики, языковѣдцы, критики и поэты, подерживавшіе славу ихъ родины.

Гасконскій языкъ возбудилъ соревнованіе въ прованскомъ языкѣ, и трудолюбивый Руманиль собралъ стихи современныхъ прованскихъ поэтовъ въ *Li Provençolo*. Происходя изъ простаго званія и служа наборщикомъ въ Авиньонской типографіи, самъ поэтъ, весьма замѣчательный, Руманиль былъ душою стремленія къ обработкѣ провансальскаго языка. Такъ же какъ Саболи, онъ писалъ *поэмы*, изъ которыхъ одно, *Два Голубя*, быстро распространилось въ народѣ. Понимая характеръ своего времени, онъ написалъ *les Crèches*, прекрасныя стихи въ современномъ духѣ, проникнутыя религіознымъ чувствомъ, и маленькія поэмы *Li Sounjarello*, *la Part dou bon Dieu*. Съ глубокимъ и строгимъ умомъ, обнаруживая любовь и приверженность къ своему языку, примѣняя свой талантъ къ дѣлу только для того, чтобы укротить, облагородить и возвысить душу народа, что онъ и дѣлалъ въ нѣсколькихъ брошюрахъ въ продолженіе смутнаго времени, Руманиль собралъ вокругъ себя всѣхъ поэтовъ, произведенія которыхъ составляютъ сборникъ *li Provençalo*. Одинъ изъ этихъ поэтовъ, Обанель, воспѣваетъ самымъ простымъ языкомъ, или съ мрачной энергіей описываетъ Девятый Термидоръ. Замѣчательенъ также поэтъ Глопъ, котораго можно назвать прованскимъ Тенберомъ. Жасменъ остается однакоже самымъ живымъ и самымъ яснымъ выраженіемъ этой поэзіи. Всѣ знаютъ произведенія южнаго поэта, эти плоды здраваго и пріятнаго вдохновенія, *l'Aveugle de Castel-Cuillé*, *les Deux Jumeaux*, *la Semaine d'un Fils* и поэма *la Vigne*. Жасменъ вышелъ изъ ряда мѣстныхъ полуизвѣстностей. Парижъ его слышалъ; его знаютъ даже Соединенные Штаты, гдѣ даровитый писатель Лонгфелло перевелъ одну изъ его поэмъ: *l'Aveugle*. Даже французская академія признала его славу, и это соединеніе южнаго вдохновенія и академическаго достоинства описано Жасменомъ въ стихахъ: *Langue française, langue gasconne*.

«Въ то время какъ старый вѣкъ проводилъ свои послѣдніе годы на землѣ, на углу древней улицы, въ домѣ, гдѣ жила не одна крыса, въ четвергъ на масляницѣ, въ то время какъ пекутъ блины, родился отъ горбатаго отца и отъ хромой матери дитя, и это дитя былъ я.» Такъ

говорилъ о себѣ Жасменъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ родился въ мартѣ 1799 года. Его отецъ былъ бѣдный портной, мать простая женщина. Что касается до дома, гдѣ онъ родился и росъ, описаніе его сдѣлать не трудно. «Старая комната, три постели изъ тряпокъ съ шестью старыми холстяными занавѣсками, старый буфетъ, угрожающій паденіемъ, четыре или пять полуразбитыхъ тарелокъ, кружка, два треснувшіе кувшина, станокъ, сальный подсвѣчникъ, зеркало безъ рамки закопченное и прикрѣпленное къ стѣнѣ тремя маленькими гвоздиками, четыре продавленные стула, висящая котомка, шкапъ безъ ключа...» вотъ что находилось въ хозяйствѣ, и все это для девяти человѣкъ! Первоначальную жизнь Жасмена лучше всего представляютъ его собственныя воспоминанія, первая его поэма, гдѣ онъ изобразилъ самого себя. Эта поэма: *Souvenirs* представляетъ его веселымъ ребенкомъ, по временамъ однако задумывавшимся, беззаботнымъ и вмѣстѣ впечатлительнымъ. Однажды, когда онъ игралъ съ другими дѣтьми посреди веселой ихъ толпы вдругъ появилось печальное шествіе; его дѣда несли въ госпиталь; онъ зналъ, что участь Жасменовъ умирать тамъ! Другой разъ дома, когда приближался часъ обѣда, аппетитъ безъ сомнѣнія уже былъ, но оказалось, что нѣтъ хлѣба; мать, сильно озабоченная, вдругъ вышла, и скоро возвратилась съ ожидаемымъ хлѣбомъ; внимательный ребенокъ замѣтилъ, что на рукѣ ея уже не было вѣнчальнаго кольца. Жасменъ все это высказалъ въ своей поэмѣ.

Онъ выучился читать и писать; ребенкомъ онъ любилъ разсказывать сказки, и память не измѣняла ему, а если это и случалось, то онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ разсказъ на свой ладъ. Онъ возмужалъ, и одна молодая дѣвушка вскорѣ заняла важное мѣсто въ его развивающемся воображеніи. Жизнь идетъ быстро впередъ, и вскорѣ между двумя молодыми людьми зашла рѣчь о бракѣ. Только молодая дѣвушка была богата, мать ея вела маленькую торговлю, и она считалась первою невѣстой въ скромномъ кругу бѣдняковъ. Постоянно видятся они вечеромъ въ маленькомъ кругу родныхъ и знакомыхъ, но одинъ день въ недѣлю, Жасменъ постоянно не бываетъ на семейныхъ собраніяхъ. Отсутствие это возбуждаетъ подозрѣніе въ молодой дѣвушкѣ; рѣшаются слѣдить за нимъ и подкараулить виновнаго. Въ-самомъ-дѣлѣ, за нимъ слѣдятъ, и однажды вечеромъ, когда онъ торопился пройти въ сосѣднюю улицу, онъ вдругъ очутился посреди шумной толпы, овладѣвшей имъ; что же видятъ при лунномъ свѣтѣ подъ полой его платья? Кусокъ хлѣба. Всѣ стоятъ въ недоумѣніи. Начинаютъ понимать, что тутъ кроется бѣдность и подаеніе; молодая дѣвушка краснѣетъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, каждую пятницу, Жасменъ ходилъ, при наступленіи ночи, къ двумъ сестрамъ милосердія, въ улицѣ «*las Martinas*», — чтобъ получить кусокъ хлѣба. «Пятница, — говоритъ простодушно Жасменъ, была для меня несчастнымъ днемъ. Въ пятницу умеръ мой дѣдъ въ больницѣ; въ пятницу всегда плакала моя мать; въ пятницу выходилъ у насъ весь хлѣбъ, такъ-что нечего было ѣсть, и безъ добрыхъ сестеръ милосердія не знаю, какъ бы мы прожили послѣдніе два дня недѣли». И потому, олушевленный собственнымъ воспоминаніемъ, онъ

описалъ пятницу въ своей поэмѣ: «La Semaine d'un fils», гдѣ съ изумительною вѣрностью изобразилъ народные нравы и преданія.

Жасменъ сдѣлался парикмахеромъ, разумѣется, сначала подмастерьемъ, потомъ завелъ свою собственную лавку, въ которой началась для него новая жизнь, полная поэзіи, а главное—довольства.

Перенеситесь теперь чрезъ нѣсколько лѣтъ: Жасменъ уже не бѣдный ребенокъ, ходившій по ночамъ просить хлѣба. Вездѣ его встрѣчаютъ привѣтливо, цѣлые города прославляютъ его и подносятъ ему вѣнки и золотые кубки; онъ содѣйствуетъ построенію церквей; онъ составилъ себѣ имя. А между тѣмъ, онъ все то же живое существо, страстное и пылкое, соединяющее веселость съ чувствительностью, существо развитое самороднымъ воспитаніемъ, но оставшееся съ тѣми же неровностями характера, съ тѣми же первобытнымъ впечаткомъ народности, извлекающее что-то новое, оригинальное изъ постоянного контраста между прошедшимъ и настоящимъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда его встрѣчали въ сосѣднемъ городѣ Эгильонѣ, первое пробудившееся въ немъ воспоминаніе было то, что однажды передъ тѣмъ временемъ, когда ему надлежало въ первый разъ причащаться,—около 1811 года, оказалось, что у него не было башмаковъ. Въ то время кому-то понадобился коммисіонеръ, для того чтобъ отнести письмо въ Эгильонъ за четыре франка; на эту сумму можно было купить хорошіе башмаки. Жасменъ весело отправился въ дорогу, и не владекъ отъ того мѣста, куда онъ шелъ, остановился на краю оврага позавтракать и напиться свѣжей воды, бѣжавшей съ ближайшей скалы. Это было то самое мѣсто, гдѣ тридцать лѣтъ спустя, его встрѣчали съ почетомъ какъ извѣстнаго писателя. Такова была его жизнь, какъ обыкновеннаго человѣка; какова же она была какъ поэта? Его сочиненія служатъ впечаткомъ его дѣйствительной жизни, полной контрастовъ. Поэзія Жасмена полна жизни и энергіи, каждая идея, каждое впечатлѣніе становится драмой. Въ этой разнообразной драмѣ картины живо смѣняются одна другую, воспоминанія оживаютъ, дѣйствительность принимаетъ поэтическія формы, вездѣ пробивается чувство, веселость, и языкъ безпрекословно повинуется всѣмъ изгибамъ мысли свободной и живой, развивающейся легко при описаніи подробностей. Каковъ былъ провансальскій языкъ въ то время, когда пробудилась въ Жасменѣ поэзія? онъ не былъ письменнымъ уже въ теченіе двухъ столѣтій; это было нарѣчіе безъ правилъ, употребляемое однимъ простымъ народомъ.

«Въ 1834 году,—говоритъ Жасменъ, сдѣлался неожиданно ночью пожаръ въ Ажанѣ. Ребенокъ изъ низшаго класса, одаренный способностями, но нѣсколько испорченный дурнымъ воспитаніемъ, былъ свидѣтелемъ одной трогательной сцены, и когда я съ друзьями прибылъ на мѣсто пожара,—дрожа и весь еще въ волненіи, онъ разсказалъ намъ эту сцену. Я никогда въ жизни не забуду ее; онъ заставилъ насъ содрогнуться и даже плакать... въ эту минуту онъ былъ Корнель! онъ былъ Гальма! Я разсказалъ это на другой день въ образованныхъ обществахъ; ребенка попросили разсказать тоже самое происшествіе... Но лихорадочное волненіе въ немъ уже исчезло; онъ началъ состав-

лять надутыя фразы. Тогда я понялъ, что въ минуты увлеченія нашъ языкъ становится краснорѣчивъ и выразителенъ, полонъ поэтическаго жара и вдохновенія; мы бываемъ истинными поэтами, *когда не думаемъ объ этомъ*, и я также понялъ, что терпѣнiемъ и трудомъ можно достигнуть этой же цѣли, *думая объ этомъ...* Истинное достоинство и вѣрный взглядъ Жасмена состоятъ въ томъ, что онъ понялъ тайну этого природнаго краснорѣчiя, очистилъ свой языкъ отъ подражанiй французскому, отъ неправильностей, и возвысилъ его до того, что имъ можно было выражать, неизмѣняя его оригинальности, самыя нѣжныя и самыя живыя ощущенiя.

Прежде всего онъ началъ воспѣвать благотворительность, потому сдѣлался непремѣннымъ героемъ всѣхъ публичныхъ праздниковъ. Его такъ занимаетъ это, что онъ приходитъ въ волненiе, увлекается и восторгается самъ въ этихъ случаяхъ. Каждое изъ его произведенiй имѣетъ свою исторiю, свою легенду. Такимъ-образомъ въ лицѣ Жасмена видѣтъ въ одно время и актеръ, и поэтъ. Онъ дѣлаетъ изъ своей поэзiи цѣлую драму, въ которой онъ въ одно и тоже время и герой, и авторъ. Больше всего характеризуетъ Жасмена какъ поэта то, что говоря на родномъ языкѣ, который онъ старается довести до первоначальной простоты и наивности, онъ достигъ въ тоже время тонкаго и глубокаго искусства, съ весьма ограниченными средствами. Рассказываетъ-ли онъ о чистой и несчастной любви героинь своихъ поэмъ: *Сильной* или *Марты*, описываетъ-ли онъ кокетство, обращающееся въ любовь въ *Franchounetto* или двойной подвигъ двухъ братьевъ, жертвующихъ другъ для друга своею жизнью и любовью, какъ въ поэмѣ: *Два близнеца*, наконецъ заставляетъ-ли онъ содрогаться самыя нѣжныя струны сердца въ своихъ познавiяхъ и простыхъ отрывкахъ, олицетворяетъ ли молодость и самую строгую разсудительность, человекъ является въ его произведенiяхъ въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ беретъ данныя свои изъ дѣйствительной жизни народа, и эти данныя развиваются у него цѣлымъ рядомъ живыхъ, прекрасныхъ картинъ, поразительно рельефныхъ, твердыхъ характеровъ, народныхъ сценъ, мѣтко схваченныхъ. Вотъ содержанiе его поэмы: «*Марта*». Дѣйствiе происходитъ въ 1798 году. Все волнуется, все въ движенiи въ маленькомъ городѣ, омываемомъ свѣтлыми и быстрыми волнами рѣки Ло (Lot); это день выбора рекрутъ. Сколько молодыхъ дѣвушекъ съ душевнымъ безпокойствомъ ждутъ рѣшенiя участи ихъ жениховъ! Въ особенности одна изъ нихъ, самая граціозная и самая хорошенькая, «*damette* между крестьянками», Марта, въ домицѣ, окруженномъ деревьями, съ стѣсненнымъ сердцемъ ждетъ приговора судьбы. Къ ней приходитъ одна изъ ея подругъ Аннета. Сколько Марта взволнована и печальна, столько Аннета оживлена и весела. «Я люблю Жозефа,—говоритъ она: если онъ уѣдетъ, мнѣ будетъ скучно, я буду плакать можетъ быть; но любя его, я не хочу умереть, я буду ждать его возвращенiя. Мужчина не умираетъ для женщины. Молоденькiя дѣвушки начинаютъ гадать въ карты съ простодушнымъ, возрастающимъ любопытствомъ. Все предвѣщаетъ сначала радость и счастье, какъ вдругъ появляется роковая пиковая дама.

Въ эту самую минуту бьетъ барабанъ; серапа молодыхъ дѣвушекъ сжимаются: судьба рѣшила. Женихъ Аннетты Жозефъ, въ числѣ остающихся. Жакъ, женихъ Марты, вынулъ напротивъ, третій номеръ; онъ записанъ въ солдаты и долженъ ѣхать. Правда, что у Жака нѣтъ ни отца, ни матери, Марта самое для него близкое существо, и замѣняетъ ему всѣхъ. Прощаясь, онъ обѣщаетъ своей невѣстѣ, если война пощадитъ его, возвратиться и посвятить ей всю свою жизнь.

Проходитъ нѣсколько времени; Жакъ ничего не пишетъ; объ немъ ничего не слышатъ. Май наполнилъ воздухъ своимъ благоуханіемъ; Марта равнодушна къ первымъ весеннимъ лучамъ солнца, она уже страдаетъ отсутствіемъ, которое предчувствовала. Ласточки свиваютъ гнѣзда на крышѣ ея дома, и вызываютъ на ея уста только тихую и грустную пѣсню: «Ласточки возвратились, я вижу двухъ знакомыхъ мнѣ птичекъ въ ихъ родномъ гнѣздѣ. Онѣ спускаются, вотъ онѣ, я ихъ почти достаю рукою. Какія онѣ свѣтленькія, миленькія! У нихъ еще цѣлы на шеѣ ленточки, которыя Жакъ привязалъ имъ въ день моихъ именинъ прошедшій годъ, когда онѣ клевали изъ рукъ нашихъ золотыхъ мошекъ...» Бѣдная Марта изнываетъ, лихорадка истощаетъ ее, такъ-что всѣ смотрятъ на нее съ состраданіемъ, а сельскій пасторъ велитъ молиться за нее. Въ одно утро старшій дядя, подкараулившій ея тайну, говоритъ ей что-то на ухо: Марта спасена: огонь появляется въ ея потухшихъ глазахъ, «кровь быстро пробѣгаетъ по жиламъ.» Она хочетъ трудиться. Марта дѣлается торговкой, а такъ-кака она добра и привлекательна, всякій покупаетъ у нея. Съ этого времени въ ней пробуждается другая страсть, эта страсть къ деньгамъ и прибыли. Отчего родилась въ Мартѣ эта любовь къ деньгамъ? Это по тому, что выработанныя деньги и то, что обѣщала ей дядя, она намѣрена была отдать Жаку. Вотъ она уже близка къ цѣли, какъ вдругъ постигаетъ ее несчастье: дядя умираетъ, и Марта опять остается одна; она продаетъ все, свой домъ, свою лавку, свои вещи, чтобъ собрать небольшую сумму, и когда все продано, она отправляется къ пастору и проситъ его разузнать, гдѣ Жакъ и отослать ему деньги, которыя доставятъ ему случай возвратиться къ той, которая любитъ его. Доказавъ на дѣлѣ свою преданность, молодая дѣвушка сдѣлалась спокойнѣе; у нее болѣе нѣтъ богатаго приданого, у нее ровно ничего не осталось,—ничего кромѣ скамейки, наперстка, игольника, прялки. Она должна много трудиться, чтобъ жить. Но она счастлива — она ждетъ Жака. Назначенъ уже день пріѣзда, воскресенье. Онъ въ-самомъ-дѣлѣ возвращается, но его сопровождаетъ другая женщина. «Кто эта женщина? говоритъ пасторъ строгимъ голосомъ. — «Это моя жена... Я женатъ», — отвѣчаетъ пристыженный Жакъ, опуская голову какъ преступникъ и не смѣя взглянуть на Марту.—Бѣдная Марта не вздыхаетъ, не жалуется, она только вскрикнула, потомъ бросивъ вдругъ странный и кроткій взглядъ на Жака, она засмѣялась какъ безумная. «Увы!—прибавляетъ поэтъ, она не могла засмѣяться иначе.» Вотъ исторія трагической любви въ простомъ сердцѣ.

Марта можетъ дать полное понятіе о родѣ сочиненій, созданныхъ провансальскимъ поэтомъ. Это не возвышенныя мысли, облеченныя въ блестящія формы; Жасменъ не гоняется за этимъ. Во всемъ, что онъ описываетъ, видна простая жизнь, точно также какъ и въ произведеніяхъ, вдохновенныхъ въ немъ современными обстоятельствами. Именно по этому Жасменъ считается поэтомъ народнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышеннымъ, какъ Борнсъ.

Жасменъ и Борнсъ имѣютъ почти одно происхожденіе; оба они писали простонароднымъ языкомъ, въ нихъ одно понятіе объ условіяхъ искусства, ихъ поэзія вѣрна и близка къ человѣку; но сколько контрастовъ болѣе поразительныхъ между этими двумя поэтами! Различіе ихъ природы, племени, народности выражается въ ихъ вдохновеніи, въ ихъ существованіи, въ ихъ талантѣ. Вглянитесь на нихъ обоихъ: все улыбалось Жасмену, жизнь, поэзія, идеальное и дѣйствительное. Жасменъ зналъ бѣдность, но не зналъ горя, того горя, которое упорно и постоянно преслѣдуетъ человѣка, разрушаетъ всѣ его планы, уничтожаетъ всѣ мечты и надежды. Жасменъ теперь, можетъ-быть, счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Не такова жизнь Борнса, не знавшаго никогда въ жизни удачу. Неудивительно, если онъ находилъ иногда раздрающія душу выраженія, чтобы представить то, что онъ такъ хорошо чувствовалъ. Сынъ фермера въ Эйрѣ, еще ребенкомъ онъ долженъ былъ выносить свою долю тяжелаго труда. Одаренный пламенною организаціей, онъ любитъ молодую дѣвушку и дѣлается отцомъ прежде, чѣмъ находится въ состояніи прокормить своего ребенка. Онъ покупаетъ ферму, и такъ какъ онъ не знатокъ въ спекуляціяхъ, то счастье измѣняетъ ему, и онъ принужденъ взять маленькую должность, чтобы не умереть съ голоду. Къ несчастію онъ любилъ сверхъ того таверну и водку (*wiskey*). Одинъ счастливый лучъ въ его жизни, это былъ успѣхъ его стиховъ, а въ стихахъ выражается вся жизнь его. Поэтъ воспѣваетъ женщинъ и *виски*, онъ воспѣваетъ свои стада, но вдохновеніе его проникнуто истинно шотландскою народностью, когда онъ воспѣваетъ Каледонію, когда въ стихотвореніи «Суботній вечеръ въ хижинѣ», онъ описываетъ грубую толпу крестьянъ, читающихъ Библію и повторяющихъ вмѣстѣ: «О Шотландія! Дорогая родина; пусть долго твои сильныя дѣти, отдающіеся вполнѣ грубымъ трудамъ, пользуются здоровьемъ, миромъ и пріятнымъ довольствомъ!»

Въ Жасменѣ и Борнсѣ, различающихся рѣзко въ другихъ отношеніяхъ, есть одна главная общая черта: тотъ и другой, будучи народными поэтами, не старались представить грязную сторону народа. Во Франціи думаютъ, что считаясь народнымъ поэтомъ, надо растревлять раны народа, раздражать его недостатки, возбуждать зависть. Такіе поэты не принадлежатъ къ числу народныхъ, представляющихъ народъ вѣрно, въ его простой и грубой, но не грязной жизни, съ его трудами, съ его радостями, съ его горемъ.

Однажды, пасторъ маленькаго прихода Перигора, въ деревнѣ Вергъ, увидѣлъ, что церковь ихъ разрушается; пасторъ долженъ былъ позаботиться о томъ, какъ возстановить ее. Ему пришло на мысль обра-

тяться къ Жасмену, и вскорѣ оба они отправились въ путь; они обходятъ южныя провинціи Франціи, останавливаясь въ каждомъ городѣ, гдѣ поэтъ читаетъ свои стихи, *Le prêtre sans église, l'Eglise qui tremble, l'Eglise découverte*. пасторъ собираетъ деньги на церковь по слѣдамъ поэта. Вскорѣ цѣль ихъ вполнину достигнута, новая церковь возвышается и освящена въ присутствіи шести епископовъ, трехъ сотъ священниковъ и всего народонаселенія окрестныхъ мѣстъ.

Въ другой разъ, въ 1846 году, зима свирѣпствовала, нищета была вездѣ въ сильной степени; вездѣ боялись ужасныхъ послѣдствій голода, Жасмень опять отправляется въ путь, просить отъ имени несчастныхъ, подкрѣпляя между прочимъ бѣдныхъ въ честности, возбуждая со всѣхъ сторонъ большую благотворительность.

Когда же французская академія послѣднимъ знакомъ отличія увѣнчала автора провансальскихъ поэмъ, послѣ столькихъ успѣховъ, Жасмень написалъ на гасконскомъ языкѣ, благодарственную поэму въ честь Академіи.

Жасмень родился во время современнаго пробужденія мѣстныхъ, народныхъ талантовъ, достигъ исключительной славы преимуществомъ своей богатой природы и считается нынче во Франціи первымъ представителемъ поэзіи, выраженной самымъ близкимъ къ народу языкомъ. Онъ выражаетъ въ оригинальной и остроумной формѣ все, что есть на югѣ Франціи самобытнаго, оригинальнаго, истинно народнаго.

(Revue des deux mondes)

Германъ Мельвилъ (*северо-американскій писатель*). Съ нѣкотораго времени имя Германа Мельвила часто появляется въ библиографіи. Онъ дѣйствительно довольно замѣчательный писатель романовъ, нѣсколько странствъ, нѣсколько плодовитъ, нѣсколько мечтателенъ, но въ немъ много наблюдательности, истины, живости. Лучшія сочиненія, составившія его славу, это *Тейпи* и *Ому*.

Подъ этими довольно загадочными названіями Мельвилъ описалъ анекдоты и воспоминанія своихъ поѣздокъ въ Южный-Океанъ. Послѣ Купера, Марьета и Шамье, казалось, что рассказы объ этихъ морскихъ сценахъ устарѣли, но Мельвилъ воскресилъ ихъ опять и заставилъ слушать съ удовольствіемъ.

Тейпи, — что значило это названіе? звѣрь? мистификація? Нѣтъ! Это было средство заставить прочесть всю книгу, чтобъ добиться значенія слова. Два матроса, Томмо и Тоби бѣжали съ американскаго купеческаго корабля и скрываются на какомъ-то островѣ, блуждая по лѣсу кокосовыхъ деревьевъ, наполненному ужасными идолами. Наконецъ попадаютъ они въ счастливую долину *Тейписото*, безвечныхъ, дикихъ ладзаронъ Нукагивы. Ихъ вводятъ ко двору владѣтеля Мегеви, и описаніе лицъ и характеровъ семейства и приближенныхъ лицъ этого короля составило успѣхъ книги и славу литературнаго дебютанта.

Ому, второе замѣчательное произведеніе Мельвила. Сюжетъ былъ

тотъ же, но облѣланъ иначе. Читатель на американскомъ китоловномъ суднѣ въ двѣсти тоннъ. Извѣстно, что экипажи этихъ кораблей чрезвычайно скоро мѣняются. Шкиперомъ сдѣланъ на немъ какой-то эмигрантъ Гюн, который отроду не командовалъ и челнокомъ. У него подшкиперъ Джермейнъ, настоящая морская акула по нраву и привычкѣ къ морю, а шутомъ экипажа докторъ Лонгъ-Гостъ, который безпрестанно цитируетъ Виргилія и Гоббеса, зашѣвая подъ часъ и эротическія пѣсенки. Этого доктора любитъ весь экипажъ, хотя онъ безпрестанно дѣлаетъ надъ матросами самыя незабавныя шутки. Заставая ихъ спящими, онъ связываетъ имъ ногу съ рукою и приподнимаетъ на мачту. Когда эти люди проснутся, кривлянья ихъ возбуждаютъ всеобщій смѣхъ.

Много и другихъ типовъ описалъ авторъ въ этомъ экипажѣ. Китоловное это судно пріѣзжаетъ на острова Товарищества въ 1842 году, когда Франція беретъ подъ свое покровительство королеву Помаре. Здѣсь экипажъ, будучи недоволенъ своимъ шкиперомъ, представляетъ англійскому консулу просьбу, чтобъ разрушить заключенныя съ нимъ условія. Но консулъ, задобривный эмигрантомъ Гюн, объявилъ всѣмъ, что они должны продолжать путь. Экипажъ не доволенъ рѣшеніемъ, и его отводятъ въ тюрьму.

Докторъ и Томмо отдѣлены отъ всѣхъ, и описаніе ихъ скитальческой жизни чрезвычайно занимательно. Очень любопытны тоже дѣйствія протестантскихъ миссіонеровъ на островѣ. Авторъ описываетъ одну изъ поучительныхъ бесѣдъ, гдѣ эти миссіонеры учатъ дикихъ уму-разуму, а тѣ сидятъ на корточкахъ и въ бѣлыхъ рубахахъ, но безъ всякой другой одежды, слушая эти поученія. Вотъ одна изъ рѣчей ихъ:

«Друзья мои! я радъ, что вы собрались и что я могу потолковать съ вами. Добрые друзья мои! Дѣла идутъ худо на Таити. Я сокрушаюсь и плачу. Помаре уѣхала. Островъ уже не вашъ. Онъ принадлежитъ Уй-уйсамъ (*уй-уй* значитъ французъ). Они привезли съ собою дурныхъ миссіонеровъ и новыхъ идоловъ.

«Добрые друзья мои! Не смотрите на нихъ, не говорите съ ними. Я увѣренъ, что вы меня послушаетесь. Повѣрьте, что эти разбойники вскорѣ будутъ принуждены бѣжать отсюда. Громовые корабли *беретансы* (Англійскіе) прійдутъ сюда и прогонятъ Уй-уйсовъ. Но полно говорить объ нихъ.

«Добрые друзья мои! Здѣсь много китоловныхъ судовъ. Матросы на нихъ большіе негодаи. Они пріѣзжаютъ сюда потому, что имъ дома ѣсть нечего. Вы, мои милыя дѣвушки! Не бѣгайте за этими матросами. Они вамъ повредятъ. Въ ихъ землѣ ни одна порядочная дѣвушка не говоритъ съ ними.

«Друзья мои! Здѣшній островъ очень малъ и бѣденъ, а островъ *Веретансъ* (Англія) великъ и богатъ. Почему? Потому-что на немъ много добрыхъ *Миконари* (миссіонеровъ), которыхъ оттуда и посылаютъ къ вамъ, бѣдлившъ *Канникамъ* (жителямъ Полинезій). Въ Беретансѣ всѣ богаты. Тамъ многое можно купить и продать. Тамъ дома большіе

дворца Помаре. Тамъ всё ѣздить въ каретахъ, какая у Помаре. Тамъ всё носить тонкую *tapnu* (ткань, выдѣлываемая на Таити). (Тутъ миссіонеръ исчисляеть всё матеріальныя выгоды отъ просвѣщенія, и вдругъ потомъ говоритъ):

«Добрые друзья мои! У меня мало осталось съѣстныхъ припасовъ. Корабли изъ Сиднея не привезли мнѣ муки. *Каннаки* не приносятъ мнѣ давно ни свиней, ни плодовъ. *Миконари* много трудятся для каннаковъ, а каннаки почти ничего не дѣлаютъ для Миконари. Такъ вы, добрые друзья мои, сплетите нѣсколько карзинъ, наполните ихъ припасами и принесите завтра.»

Послѣ освобожденія своего докторъ и Томмо пошли искать счастья въ Мартейскую долину. Тамъ приняли ихъ два колониста и заставили очищать для распашки новую землю. Эта операція производится тамъ дубинами. Оттуда попали они къ совершеннымъ дикарямъ Тамаи, и описаніе ихъ быта весьма занимательно. Ночная пляска *лори-лори* чрезвычайно романтическая.

Изъ этой области изгоняютъ ихъ миссіонеры, и докторъ съ товарищемъ удаляются въ Лугулу, откуда переѣхали въ Портувей, и наконецъ отправляются въ Сидней.

Третій романъ Мельвила *Redburn* и четвертый *White-Jacket*, тоже морскіе. Послѣдній въ особенности очень занимателенъ. Въ *Редборнѣ* нѣтъ жизни и движенія. Это похождение сына нью-іоркскаго купца; но эти похождения избиты, а нѣкоторыя даже непріятны, напримѣръ, сцена самовозгорѣнія одного пьянаго.

Moby Dick or the Whale (*Моби-Дикъ или Китъ*) полуфантастическая повѣсть о смертномъ поединкѣ между однимъ бѣлымъ китомъ и шкиперомъ, и въ этомъ поединкѣ оба погибаютъ; переведена на русскій языкъ въ «Москвитинѣ» въ прошломъ году.

(Revue Britannique).

II. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Новая Комическая опера Мейербера. Въ Парижѣ имѣла огромный успѣхъ опера извѣстнаго композитора. Каждое новое произведеніе безспорно *перваго* современнаго маэстро должно необходимо обратить на себя вниманіе всѣхъ любителей и знатковъ музыки, и всѣ, слышавшіе эту оперу, хвалятъ ее единогласно и безусловно. Къ сожалѣнію мы не можемъ сказать того же о сюжетѣ: это одна изъ нелѣпѣйшихъ фантазій, когда либо являвшихся на сценѣ, съ претензіею на исторію. Извѣстно, съ какою нецеремонностію Скрибъ обращается съ исторіею, но создавая своихъ фантастическихъ героевъ, подъ историческими именами, онъ по-крайней-мѣрѣ умѣлъ обыкновенно дѣлать ихъ интересными. Въ новой же оперѣ сюжетъ не только неправдоподобенъ, но даже весьма незанимателенъ. Исторія искажена въ ней до послѣдней степени возможности. Неужели господа французы до-сихъ-поръ не

познакомились еще съ исторіею. Кажется пора бы. Какъ не стыдно было Мейерберу писать музыку на такое либретто; оперы его такъ уважаются, и вдругъ ему вздумалось сочинить исторію, которую каждый встрѣтитъ съ удивленіемъ.

Еще недавно, разбирая произведенія Мейербера въ отдѣлѣ Теоріи и Исторіи музыки, мы говорили, что онъ еще до-сихъ-поръ передѣлываетъ свою оперу *Силезскій лагерь*, игранную въ Берлинѣ въ 1844 году. Написанная на мѣстное событіе, эта опера не могла имѣть большаго успѣха на сценѣ другихъ европейскихъ театровъ; между тѣмъ въ ней было много весьма замѣчательныхъ нумеровъ, и дирекція Парижской комической оперы обратилась къ композитору съ просьбою, передѣлать для Парижа нѣмецкую оперу. Мейерберъ согласился и началъ передѣлывать музыку по либретту Скриба. Богатство воображенія увлекло его однако же въ этомъ случаѣ, и онъ написалъ вновь *четыренадцать* нумеровъ для новой оперы, кромѣ старыхъ *шести*, вошедшихъ въ нее цѣликомъ изъ Силезскаго лагеря. Теперь въ новой оперѣ три дѣйствія, и она очень длинна, какъ всѣ произведенія маэстро, не смотря на то, что *комическая*. Въ ней преобладаетъ характеръ военной музыки. Французскіе музыкальные журналы отзываются съ восторгомъ почти о каждомъ номерѣ этой оперы. У насъ музыку этой оперы можно будетъ получать въ магазинѣ Брандуса. Исполненіе оперы въ Парижѣ тоже очень хвалятъ: въ особенности г-жу Дюпре, Германъ-Леона и Батайя.

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Оболочки, составляемыя инфузоріями вокругъ себя. — Малѣйшія созданія въ природѣ, которыхъ мы не видимъ простымъ глазомъ, снабжены отъ природы инстинктомъ самозащитенія, когда опасность угрожаетъ имъ. Самое любопытное дѣйствіе состоитъ въ образованіи инфузоріями оболочки вокругъ себя, когда они видятъ опасность. Если напримѣръ, капли воды, въ которыхъ они живутъ, начинаютъ испаряться, то изъ тѣла ихъ испускается какая-то оболочка, которая потомъ опять распускается, или разрывается самими инфузоріями, если жизненное условіе ихъ—вода, опять явится около нихъ. До тѣхъ же поръ инфузоріи засыпаютъ сномъ на долгія лѣта, пока продолжается засуха. Съ водою воскресаетъ опять ихъ жизнь. Эренбергъ утверждаетъ, что миллионы подобныхъ инфузорій роятся и въ воздухѣ.

(Novellen Zeitung).

Наблюденія надъ болѣзнію растений въ 1853 году. — Геренъ-Менневиль читалъ въ Парижской Академіи Наукъ результаты наблюденій своихъ, произведенныхъ въ нѣсколькихъ департаментахъ въ продолженіе истекшаго года надъ болѣзнію растений. Онъ говоритъ слѣдующее:

«Всѣ мои наблюденія подтвердили, что болѣзнь эта происходитъ отъ явленій температуры. Я объѣздилъ десять департаментовъ и убѣдился, что чѣмъ сѣвернѣе область, или чѣмъ выше поднимаешься на гору, тѣмъ менѣе обнаруживается болѣзнь. Она является только на огражденных отъ холода мѣстахъ, обращенныхъ къ югу или востоку, или въ маленькихъ городскихъ садахъ, гдѣ искусственная атмосфера.

Я болѣе дѣлалъ наблюденія надъ искусственными лугами, засѣянными пѣтушьими гребешками, надъ пашнями съ хлѣбомъ, надъ полями съ дынями, тыквою, и пр., надъ виноградниками, розовыми кустами, тузовыми, орѣховыми и другими фруктовыми деревьями. Поля съ пѣтушьими гребешками, зазеленѣвшія съ декабря по февраль, по причинѣ чрезвычайно теплой зимы, потомъ завяли и покрылись грибами (*oidium*), такъ-что боялись давать это сѣно скоту.

Хлѣбныя пашни, тоже роскошно зазеленѣвшія въ тѣ мѣсяцы, когда имъ надобно быть подъ снѣгомъ, всѣ пострадали потомъ при холодныхъ дождяхъ и покрылись ржавчиною; на возвышенныхъ мѣстахъ, гдѣ хлѣбъ выходилъ медленно, онъ далъ потомъ изрядную жатву.

Замѣчательно, что землепашцы, засѣявшіе поля свои нѣсколько поздно, всѣ получили изрядныя жатвы.

Тузовыя деревья тоже распустились слишкомъ рано отъ ранней теплоты, и потомъ всѣ пострадали, такъ что ихъ нельзя было употребить для кормленія шелковичныхъ червей. Орѣшникъ и другія деревья тоже покрылись красивыми пятнами.

Виноградъ больше пострадалъ, нежели когда либо. Но и въ его болѣзни могъ я видѣть подтвержденіе моей теоріи болѣзни растений. Скаты холмовъ, обращенные къ сѣверу, всѣ избавились отъ эпидеміи, а подвергшіеся дѣйствию ранней весны, пострадали. (Nov. Zeit.)

Происхожденіе Басковъ. — Флуранъ читалъ записку о происхожденіи Басковъ, или эскуальдинцевъ. Посредствомъ филологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій открылъ онъ, что народъ этотъ первоначально обиталъ въ Южной Азіи; потомъ загнанъ былъ въ страны, лежащія между Обью и Байкаломъ; оттуда спустились они опять мимо Аральскаго моря и горъ Китая до Месопотаміи. Тамъ имѣли они много сношеній съ Семитическими народами и пришли на Кавказъ, откуда постепенно пробрались чрезъ Европу въ Пиренеи.

Изъ этихъ филологическихъ сравненій видно, что Баски имѣли

сношенія съ Эскимосами, были родональниками турецкаго племени и имѣли колоніи въ Америкѣ между Рио-де-Лаплата и Амазонскою рѣкою. (Nov. Zeit.).

Еще польза отъ пчелъ. — Пчелы не только даютъ намъ воскъ и медъ, онѣ еще производятъ оплодотвореніе фруктовыхъ деревьевъ. Замѣчено, что садъ и огородъ, гдѣ есть близко пчелы, всегда больше другаго даютъ плодовъ. Это происходитъ оттого, что пчела при высасываніи сока изъ цвѣтовъ, безпрестанно переноситъ женскую цвѣточную пыль на мужскіе цвѣты. Отъ этого дѣлается искусственное оплодотвореніе, котораго бы можетъ-быть и не было при неблагоприятныхъ атмосферическихъ обстоятельствахъ.

Эта услуга пчелъ относится и до другихъ растений. Слѣдственно, занимающійся садоводствомъ, хорошо слѣдуетъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ выстроить у себя и пчелиныя улья. На берегу Рейна всѣ почти земледѣльцы слѣдуютъ этой методѣ. За то у нихъ никогда не бываетъ душнаго года на плодовые деревья. (Le Voleur).

Вліяніе воли на электричество. — Несъ въ книгѣ своей Beobachtungen und Betrachtungen des Lebens Magnetismus oder Vitalismus (наблюденія и замѣчанія о животномъ магнетизмѣ или витализмѣ) сообщаетъ опыты, произведенные однимъ индусскимъ жрецомъ надъ дѣйствіями человѣческой воли. Онъ попросилъ однажды собравшихся у него зрителей пойти въ другую комнату, и тамъ въ числѣ разсыпанныхъ монетъ выразить надъ одною изъ нихъ какое-нибудь всеобщее желаніе. Мы вошли туда, рассказываетъ англійскій писатель, и изъ двадцати долларовъ выбрали одинъ, надъ которымъ согласились сосредоточить общую нашу волю. Когда возвали жреца и подали ему мѣшокъ съ монетами, онъ тотчасъ же нашелъ въ немъ выбранный нами долларъ. Нѣсколько разъ повторяли мы опытъ, и монета всегда была угадана. Наконецъ рѣшили мы втайнѣ на отрицательный опытъ. Мы разсыпали монеты, но не надъ которою не выразили нашей воли, и смѣшали ихъ потомъ, вручивъ ему. Онъ долго ихъ размѣшивалъ, качалъ головою и наконецъ объявилъ, что тутъ вѣтъ монеты, которая была бы обозначена нашею особенною волею, но указалъ однако же одну, надъ которою мы выразили желаніе не изъявлять нашей воли. (Moden Zeitung).

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ и НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Чудеса растительнаго царства въ Австраліи. — Растительное царство въ Австраліи отличается своею однообразностью. Вездѣ видны одина-

ковыя деревья, придающія ландшафту самый спокойный и монотонный видъ. Двѣ трети тамошнихъ деревьевъ принадлежатъ къ породѣ *Eucalyptus*, которую поселенцы назвали гуммевыми деревьями; другая же часть состоитъ изъ *Acaciae*, массивныхъ вьющихся деревьевъ. Вотъ двѣ главные преобладающія породы, прочія какъ бы нечаянно туда попали.

Отличительное свойство этихъ деревьевъ противъ европейскихъ состоитъ въ томъ, что листья ихъ растутъ не къ низу, а къ верху, то есть что задняя часть листа всегда обращена къ солнцу. Отъ этого деревья эти и даютъ очень мало тѣни. Да и вообще на всѣхъ австраійскихъ деревьяхъ очень мало зелени, такъ что лѣса тамъ вовсе не густы, а свѣтлы и прозрачны. Это конечно не выгодно для путника, который отъ зноя не найдетъ тѣни, но для поселенцевъ это полезно, потому что между деревьями растетъ вездѣ самая роскошная трава, нужная для скотоводства.

Деревья Южной Африки, Южной Америки и Австраліи не сбрасываютъ своей зелени осенью. Отъ этого ландшафтъ ихъ всегда одинаковъ. Правда, что эти деревья называются *вѣчно-зелеными*, но это названіе не вѣрно. Они никогда не бываютъ зелеными. Цвѣтъ листьевъ изъ темнокраснаго и грязножелтаго переходитъ въ свинцовосиній. Отъ этого и видъ ихъ всегда печальный и монотонный.

Гуммевыхъ деревьевъ считается нѣсколько сотъ породъ. Въ лѣсахъ между акаціями растутъ и кипарисы, казуоры, вишневыя деревья, пальмы (но не кокосовыя), дикія фиговыя деревья, мистацеи и множество *травяныхъ деревьевъ*.

Молодыя гуммевыя деревья очень красивы и даютъ превосходный строевой лѣсъ, который изобиліемъ своей смолы противится всякой гнилости. Многія изъ нихъ достигаютъ огромныхъ размѣровъ, такъ что въ четырехъ футахъ отъ земли имѣютъ въ объемѣ сорокъ пять футовъ. Высота иныхъ простирается до ста футовъ, не имѣя ни одной вѣтви. Въ Пилаварскомъ округѣ стояло еще недавно на скатѣ горы одно дерево, котораго внутренность была выжжена огнемъ. Въ дупло его могли свободно вѣзжать два всадника, а внутри помѣститься трое и съ лошадьми.

Акаціи отличаются безчисленностью желтыхъ цвѣтовъ и стручками. Они тоже даютъ хорошій столярный лѣсъ. Желтое и розовое дерево тоже даетъ для выдѣлки мебели хорошій матеріалъ. На берегахъ рѣки растетъ въ изобиліи красный кедръ, который очень хорошо полируется, и употребляется на украшеніа.

Дикія фиговыя деревья въ особенности замѣчательны своими огромными размѣрами. Листъ у *Ficus macrophylla* длиною въ футъ и четыре дюйма ширины. Форма его похожа на лавровый. Одно подобное дерево на берегу Манинга далеко превосходитъ всѣ боабабы въ Африкѣ и каштановое дерево на Этиѣ. Особенное свойство этого дерева состоитъ въ томъ, что оно изъ нижней части ствола выпускаетъ огромное множество сучьевъ, растущихъ къ низу и составляющихъ какъ бы рядъ подпорокъ около дерева. Настоящій стволъ начинается въ шести

футахъ отъ земли и возвышается на 66 футовъ. Эти подпорки растутъ отдѣльно и образуютъ родъ стойлъ, въ которыхъ около одного дерева можетъ помѣститься цѣлый эскадронъ. Дикія фиги составляютъ полезную пищу для жителей и птицъ.

Папоротникъ, крапивы и всякаго рода горныя травы достигаютъ тамъ тоже огромныхъ размѣровъ. Всѣ онѣ подходятъ къ росту деревьевъ. Огромная колючая крапива *Urtica gigas* вырастаетъ часто до сорока футовъ вышины. Стволъ ея толщиною бываетъ до десяти футовъ. Кто уколется ея иглами, тотъ часто лишается употребленія уколотаго члена.

Древообразная крапива даетъ мягкое, скважистое дерево. Листья ея похожи на туговья съ бархатною поверхностью, какъ у гераніума. Малѣйшее прикосновеніе къ листу производитъ самую жгучую боль, гораздо сильнѣе дѣйствующую на животныхъ, нежели на людей.

Сосна на Норфолькскомъ островѣ родится тоже во множествѣ; въ Новомъ Южномъ Валлисѣ достигаетъ высоты 270 футовъ (до 40 сажень), а толщины до 12 футовъ (почти 2 сажени). Другая порода этого дерева родится около Моретинъ-Бей и употребляется на мачты. При высотѣ 170 футовъ толщина бываетъ не болѣе двухъ. Третья порода *Pinus-bunou* замѣчательна своею формою и пользою. Первая похожа на широкій зонтикъ на высокой палкѣ. Высота дерева бываетъ въ 150 футовъ, а толщина въ три локтя. Стволъ начинаетъ суживаться на высотѣ въ 70 футовъ. Онъ весь покрытъ черною корою, изъ которой торчатъ въ верхъ тоненькіе усики. Вершина съ сучьями составляетъ едва пятую долю всей высоты дерева. Симметрическіе вѣтви очень тонки и никогда не раздваиваются, а растутъ по одному направленію пока высшія убьютъ низшія, отнимая у нихъ свѣтъ. Дерево это извѣстно только съ 1846 года, потому-что растетъ только въ Новомъ Южномъ Валлисѣ на протяженіи не болѣе двадцати географическихъ миль въ длину и двухъ въ ширину. Оно приноситъ плоды только каждые три года, и тогда туземцы толпами собираются сюда и пожираютъ ихъ. Съѣдомая часть плода составляетъ родъ орѣха, скрывающагося въ шишкахъ. Чтобы не препятствовать туземцамъ въ приобрѣтеніи этой пищи, колоніальное правленіе запретило рубку этихъ деревьевъ и выгонъ стадъ въ эти мѣста.

Въ сѣверной части Новаго Южнаго Валлиса растительность принимаетъ тропическій характеръ. Пальмы и бананы растутъ подлѣ англійскаго дуба, винограда, лимона, апельсина и прочихъ деревьевъ. Пальмы растутъ до Илавары, но во внутреннихъ областяхъ ихъ нѣтъ; онѣ простираются на протяженіи 22—24 географическихъ миль. Вообще здѣсь растительность очень сильна по причинѣ прекрасной почвы, обнаруживающей явные признаки вулканическаго происхожденія.

Самую любопытную породу дерева составляютъ *травяныя деревья*, наиболѣе растущія между скалами и на дурной почвѣ. Около ихъ все бесплодно. У молодаго растенія этой породы вовсе нѣтъ ствола, а одни длинныя, острые и узкіе листья съ футъ величиною. Листья эти перегибаются внизъ и образуютъ родъ бесѣдки. По мѣрѣ того какъ

растение поднимается, образуется стволъ, достигая иногда до десяти футовъ вышины и двухъ въ объемѣ, отъ обнаженія опадающихъ листьевъ на нижней части ствола. Съ вершины растенія виситъ внизъ пукъ нитей. Издали похоже это дерево на пальму, и туземцы употребляютъ стволъ его въ пищу.

Настоящихъ фруктовыхъ деревьевъ здѣсь очень мало. Низкое колючее растение даетъ ягоды, похожія на смородину, но вкусъ отвратительный, и ягоду едва можно раскусить.

Замѣчательна также туземная вишня, у которой косточка снаружи. Вкусъ ея похожъ на тисовую ягоду, и косточка крѣпка какъ камень.

Изъ цвѣтовъ замѣчательна *тарата*, родъ исполинскаго тюльпана до шести футовъ вышины, растущая на горахъ; исполинская лилія тоже представляетъ удивительное зрѣлище. Сперва образуется пукъ листьевъ, потомъ изъ нихъ вдругъ возвышается стволъ до 20 футовъ вышины съ лиліею пунцоваго цвѣта.

Трава въ Австраліи не представляетъ нигдѣ дерна. Она растетъ кустами, между которыми голая земля. По этому для выгона скота и нужно мѣста больше.

Лучшая трава растетъ въ лѣсахъ, которые, какъ уже выше сказано, свѣтлы и доступны солнцу и воздуху. (Erheiterungen).

— Египетскій разбойникъ Салемъ. До Мегмета-Али дорога между Каиромъ и Суэсомъ была опустошаема разбойниками. Извѣстнѣйшій изъ нихъ былъ Салемъ, котораго трепетали всѣ караваны. Суэскій Бей, разсердясь на ежедневныя жалобы, выступилъ однажды самъ противъ этого разбойника съ отборнымъ отрядомъ войскъ, и сдѣлавъ одинъ переходъ отъ Суэса въ степь, остановился на ночлегъ. Ему тотчасъ же разбили великолѣпную палатку, около которой и расположился весь отрядъ разставя на ночь часовыхъ. Бей же раздѣлся, положилъ подъ подушку богатый кошелекъ, подлѣ себя положилъ драгоцѣнное свое оружіе—и спокойно уснулъ.

Поутру, проснувшись, замѣтилъ онъ, что платье его, оружіе и кошелекъ исчезли. Съ гнѣвомъ бросился онъ изъ палатки и позвалъ караульнаго мамелюка, но тотъ, увидѣвъ его, испугался и сталъ звать на помощь другихъ противу явившагося ему привидѣнія. Когда же наконецъ всѣ убѣдились, что это самъ Бей, то часовой со страхомъ спросилъ:

— Какимъ же образомъ ты недавно, великій Бей, вышелъ изъ палатки во всей своей одеждѣ и въ оружіи, ведлъ себѣ подать лучшаго коня и поскакалъ въ степь, а теперь здѣсь очутился?

Всѣ прочіе подтвердили слова часоваго. Тутъ Бей понялъ, что Салемъ обокралъ его и уфхалъ на его лошади. Преслѣдовать было бы бесполезно,—но Бей хотѣлось знать, какъ Салемъ успѣлъ это сдѣлать,—и онъ обнародовалъ, что онъ даруетъ жизнь, свободу Салему, и сто червонныхъ, если тотъ явится и покажетъ ему, какимъ образомъ онъ прокрался въ палатку и обокралъ его.

Салемъ явился и требовалъ, чтобъ все было точно также расположено, какъ въ ту ночь. Бей исполнилъ требуемое. Насталъ вечеръ.

Онъ улегся, положилъ опять кошелекъ и оружіе, и ждалъ появленія разбойника, приказавъ караулить его, когда онъ изъ степи проникнетъ въ лагерь.

Салемъ удалился въ степь до захожденія солнца, и всѣ взоры обращены были туда. Но ничья человѣческая тѣнь не появлялась на равнинѣ, а между тѣмъ Салемъ уже успѣлъ проникнуть въ станъ. Онъ ползкомъ прорывалъ себѣ невидимый путь въ сыпучихъ пескахъ, и когда утомленный продолжительнымъ ожиданіемъ, Бей задремалъ, Салемъ прорылъ себѣ путь подъ палатку, всталъ передъ Беемъ и держалъ надъ грудью его кинжалъ, чтобъ поразить при малѣйшемъ движеніи. Бей видѣлъ со страхомъ, что жизнь его и тогда и теперь во власти злодѣя, и караулилъ малѣйшее его движеніе. При немъ одѣлся онъ тихо въ его платье, вытащилъ кошелекъ, вышелъ изъ палатки, поддѣльнымъ голосомъ, совершенно похожимъ на голосъ Бей, кликнулъ конюха, велѣлъ себѣ подать лучшую лошадь, сѣлъ на нее—и сказалъ:

— Кланяйтесь Бео. Онъ хорошо сыгралъ свою роль. Онъ былъ въ моей власти, но я подарилъ ему жизнь. Дарю ему и обѣщанные мнѣ сто червонныхъ. Лошадь, оружіе и кошелекъ, которыя я еще разъ беру, стоятъ гораздо больше...

Съ этимъ словомъ ударилъ онъ по лошади и быстро ускакалъ въ степь.
(Magazin für die Litter.)

— **Золотые росыши на берегахъ Амазонской рѣки.** Изъ Перу отправилась уже двѣ экспедиціи къ Амазонской рѣкѣ, и описанія ихъ о тамошнихъ росышахъ баснословны. Росыши находятся въ Канелоскихъ горахъ на южномъ склонѣ Андъ. Здѣсь живутъ индѣйцы, обращенные въ христіанство, и весьма странно пользуются золотомъ. Когда имъ нужно купить что-нибудь, или заплатить миссіонеру, индѣецъ идетъ на рѣку, набираетъ груды земли съ поверхности и промываетъ ее на деревянномъ блюдѣ. Если ему встрѣтятся самородки, онъ бросаетъ ихъ въ рѣку. Собранный же имъ золотой песокъ всыпаетъ въ стволъ ординаго nera, а что окажется лишняго, то также бросаетъ. Этого ему достаточно для нуждъ его. Въ нѣсколько часовъ добываетъ онъ такимъ-образомъ отъ 7 до 10 доллеровъ. Между золотымъ пескомъ беспрестанно попадаются яхонты, изумруды и другіе драгоценные камни. Большіе самородные куски золота также часто находятъ при обыкновенной ручной работѣ.
(Novellen Zeitung.)

— **Памятникъ негру.** Въ Рио-Жанейрскихъ газетахъ сообщаютъ о прекрасномъ поступкѣ одного негра, возбудившемъ всеобщее участіе и восторгъ.

Пароходъ *Пернамбуко* въ двѣсти силъ, со ста двадцатью пассажирами шель изъ Рио-Гранде-да-Суль въ Рио-Жанейро, и во время сильной бури набѣжалъ на рифъ, на которомъ и разбился. Несчастіе случилось близъ берега, съ котораго однако жъ никто не смѣлъ тронуться на лодкахъ для спасенія пассажировъ, по причинѣ ужасныхъ волнъ.

Негръ *Симонъ*, бывшій на «Пернамбуко», схватилъ тогда канатъ, прикрѣпилъ его на кораблѣ и съ другимъ концемъ бросился вплавь черезъ рифы и бурунь къ берегу. Достигнувъ до него, онъ прикрѣпилъ и на берегу свой конецъ каната, и воротясь вплавь по канату на корабль, взялъ съ собою первыхъ пассажировъ, которые рѣшились ему вѣряться, и которыхъ онъ счастливо дотащилъ до берега. Тотчасъ же пустился онъ обратно и снова взялъ съ собою нѣсколько людей, которыхъ, къ изумленію береговыхъ жителей, тоже доставилъ невредимыми. Такимъ образомъ совершилъ онъ нѣсколько рейсовъ, какъ вдругъ канатъ лопнулъ посрединой, когда онъ одинъ возвращался на корабль. Симонъ не потерялъ бодрости, онъ воротился за концемъ, прикрѣпленнымъ къ берегу, отвязавъ его, взялъ съ собою, поплылъ съ нимъ на корабль, гдѣ опять связалъ его съ прежнимъ концемъ, и вновь началъ совершать свои чудныя и дерзкія переправы, спасая несчастныхъ. Тринадцать разъ сдѣлалъ онъ обороты съ корабля на берегъ, и всякій разъ спасалъ одного или нѣсколькихъ людей. При послѣднихъ рейсахъ спасъ онъ мать съ семерыми дѣтьми, одного слѣпаго и одного инвалида съ деревянною ногою.

Послѣ каждаго пяти рейсовъ силы его до того истощались, что онъ безъ чувствъ лежалъ на берегу, но приходя въ себя, онъ всякій разъ возобновлялъ свои силы тѣмъ, что катался по песку, погружая въ него руки и ноги. Это освѣжало его, подкрѣпляло, и онъ снова бросался въ воду.

Такимъ-образомъ спасъ онъ всѣхъ пассажировъ, кромѣ тридцати, которые сами хотѣли спастись на лодкахъ, и погибли.

Къ стыду береговыхъ жителей, они не только ничего не сдѣлали для спасенія утопающихъ, но пользуясь береговыми правами, присвоили себѣ все имущество претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, выброшенное волнами на берегъ. Это было у города Санта-Катарина, котораго начальство не приняло ни малѣйшихъ мѣръ къ возвращенію ограбленнаго имѣнія.

За то негръ Симонъ получилъ блистательное вознагражденіе въ столицѣ Рио-Жанейро. Самъ императоръ и императрица лично благодарили его за совершенный имъ подвигъ, и вручили ему большую золотую медаль. вмѣстѣ съ тѣмъ открыта была тотчасъ же подписка въ пользу Симона, и собрано 6,000 піастровъ. Наконецъ купечество испросило дозволеніе поставить его статую въ биржевой залѣ, въ память благороднаго его поступка.

Это еще небывалая почеть негру! Американцы Соединенныхъ Штатовъ, не впускающіе негровъ ни на биржу, ни въ театры, могли бы взять примѣръ съ бразильцевъ, какъ уважать людей по дѣламъ, а не по цвѣту лица. Симонъ родился въ Африкѣ. Ему теперь сорокъ лѣтъ.

(Mag. für die Litter. des Ausland.)

— Ртутныя руды въ Калифорніи болѣе и болѣе разрабатываются. Богатѣйшая руда находится въ долину Санта-Клары, въ 12-ти англійскихъ миляхъ отъ Санъ-Хозе. Здѣсь устроено множество горныхъ пе-

чей изъ кирпича. Киноварь, которой запасы лежатъ какъ горы, бросаютъ въ печь на 30—40 часовъ. Послѣ чего начинается процессъ плавленія, и ртуть начинаетъ течь въ расплавленномъ видѣ. Часто киноварь даетъ 50° ртути, такъ-что ежедневно получается до 1000 доллоровъ барыша. Эта богатѣйшая въ свѣтѣ руда могла бы приносить вдесятеро болѣе, еслибъ разработка производилась хорошими машинами. Теперь добывается она мексиканскими и англійскими рабочими, которые на плечахъ вытаскиваютъ изъ глубины рудъ киноварь въ кожаныхъ мѣшкахъ. Теперь добывается ежегодно до 12,000 центнеровъ ртути. Рыночная цѣна ея по доллару за фунтъ, слѣдственно получается 1,200,000 доллоровъ.

Въ той же долинѣ есть и другіе, не столь богатые рудники. Туземцы издревле употребляли ртуть на татуированіе своего тѣла.

(Novell. Zeit.)

— Столѣтняя годовщина Вѣнской Академіи Восточныхъ языковъ. Это одно изъ древнѣйшихъ заведеній Австріи, основанное императрицею Марією-Терезією. 3-го января была столѣтняя годовщина существованія этой академіи. Министръ Кауницъ въ 1753 году сдѣлалъ представленіе объ учрежденіи этого заведенія; планъ былъ одобренъ и академія открыта въ 1754, подъ руководствомъ іезуита Патера Франца. Въ ней обучаютъ языкамъ: турецкому, персидскому, арабскому и ново-греческому, итальянскому, англійскому и французскому, а также преподается правовѣдѣніе и наука государственнаго управленія и хозяйства. Изъ этого заведенія вышло много государственныхъ людей и дипломатовъ. Изъ ученыхъ же можно назвать извѣстнаго ориенталиста Гаммеръ-Пуршгала. По случаю вышшняго торжества выбита медаль съ изображеніями Маріи-Терезіи и императора Франца-Иосифа. (Le Voleur.)

— Экзерциція голландскаго войска на конькахъ. Зимю въ сѣверной Голландіи всѣ занимаются катаньемъ на конькахъ. Даже войско производитъ ученіе на конькахъ. Голландцы чрезвычайные мастера въ этомъ искусствѣ. Это занятіе составляетъ для нихъ не столько удовольствіе, сколько необходимость движенія. Они учатся этому искусству съ малолѣтства и продолжаютъ его до самой глубокой старости. Едва ребенокъ ходитъ на ногахъ, ему подвязываютъ коньки и учатъ держаться на нихъ и кататься по льду. Десятилѣтній мальчикъ самъ уже мастеръ. Удивительно съ какою быстротою перебѣгаютъ они огромныя пространства.

Недавно въ Дортрехтѣ происходили полные маневры голландскаго войска, произведенные по льду на конькахъ. Стеченіе зрителей было чрезвычайно многочисленное.

(Novell. Zeit.)

— Золотая булла Карла IV. Извѣстно, что въ 1848 году булла эта пропала. Теперь одинъ житель Праги нашелъ ее въ числѣ кивы археологическихъ бумагъ, купленной имъ въ Вѣнѣ. Онъ передалъ ее браунскому ректору Раттесу.

(Novell. Zeit.)

— Французскіе протестанты въ Европѣ. — Тацитъ говоритъ, что въ жизни народовъ бываютъ такія событія, на которыхъ исторія останавливается всегда съ новымъ любопытствомъ, потому-что нельзя смотрѣть равнодушно на доблестные подвиги, на большія несчастія или большія ошибки, хотя бы время и удалило ихъ отъ насъ. Нантскій эдиктъ, безспорно, принадлежитъ къ такимъ событіямъ. До-сихъ-поръ, вопросъ объ его уничтоженіи оставался темень и неопредѣлителенъ. Знали, что число эмигрантовъ было велико, но до-сихъ-поръ не слѣдили за ними въ изгнаніи. Знали, что эмиграція ихъ нанесла много вреда Франціи и принесла выгоду сосѣднимъ странамъ, но никто не собралъ точныхъ данныхъ о потеряхъ французской промышленности и выгодахъ промышленности другихъ государствъ, однимъ словомъ, никто ни въ частяхъ, ни въ цѣломъ не прослѣдилъ выводовъ въ экономическомъ и промышленномъ отношеніяхъ, послѣдовавшихъ для Европы и Франціи отъ выселенія протестантовъ въ XVII столѣтіи.

Выводы эти представлены теперь въ книгѣ Шарля Вейса: «Исторія протестантскихъ выходцевъ съ отмѣны Нантскаго эдикта до нашего времени».

Нантскій эдиктъ, обнародованный въ 1598 году, утверждалъ протестантовъ во всѣхъ гражданскихъ правахъ, давалъ имъ свободу вѣрованія, и тѣмъ прекращалъ брани во Франціи, не обезоруживая однако вражды. Она не могла изгладиться вдругъ и была слишкомъ сильна, чтобъ не пустить глубокихъ корней ненависти въ обѣихъ враждующихъ партіяхъ.

Реформаты подняли оружіе въ 1621 году. Тоже повторилось и въ 1625 году. Ришелье рѣшился на крайнюю мѣру. Онъ заключилъ миръ со всѣми вѣшними врагами Франціи, пожертвовалъ сорока милліонами, чтобъ овладѣть Ла-Рошелю, послѣднимъ убѣжищемъ вооруженныхъ протестантовъ, и окончилъ борьбу въ 1629 году трактатомъ, заключеннымъ въ Але, которымъ предоставлялось реформатамъ свободное богослуженіе. Покоривши ихъ силою оружія, Ришелье думалъ возвратитъ ихъ католической церкви увѣщаніями и милостями, но великій администраторъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Видя это, онъ намѣревался уже приступить къ поцудительнымъ мѣрамъ, но смерть положила предѣлъ его дальнѣйшимъ замысламъ. Мазаринъ былъ снисходителенъ; съ этой поры протестантизмъ во Франціи принялъ новый видъ. Большая часть лицъ принадлежала къ богатому сословію, и число ихъ увеличивалось безпрерывно. Больше 800 церквей во Франціи были протестантскія. Приученные съ давнихъ поръ къ труду и лишеніямъ, французскіе протестанты примѣнили свою смѣлость и дѣятельность къ торговлѣ и промышленности въ большихъ размѣрахъ и придали имъ необычайное развитіе. Протестанты не подчинились рутиннымъ правиламъ, принятымъ ремесленнымъ и торговымъ классомъ, и этимъ освободили себя отъ стѣснительныхъ обычаевъ, давно существовавшихъ и мѣшавшихъ его развитію и совершенствованію. Распределеніе часовъ работъ, употребленіе первыхъ матеріаловъ, число работниковъ, все было подведено подъ общія пра-

вила, все дѣлалось по общепринятой рутинѣ. Серхъ того, множество отяготительныхъ уплатъ, уменьшавшихъ значительную часть прибыли, строгое запрещеніе всякихъ коммерческихъ товариществъ, соблюденіе многочисленныхъ праздниковъ, запрещеніе работъ при огнѣ—отнимали у труда много времени и доходовъ.

Вейссъ замѣчаетъ въ своей книгѣ, что протестанты работали 310 дней въ году, тогда какъ католики употребляли на трудъ только 260 дней, что составляло выгоды протестантамъ на шестую долю годоваго времени. Гугенотамъ товарищества не были запрещены, а потому они ихъ основали первые во Франціи, распредѣливъ плату соразмѣрно труду и вообще усовершенствовали фабричную промышленность. За то пословица: богатъ какъ протестантъ, сдѣлалась общею во всемъ королевствѣ.

Въ 1662 году велѣли закрыть двадцать два протестантскихъ храма. Въ 1664 уничтожили большую часть реформатскихъ религіозныхъ обрядовъ и процессій. Не смотря на это, правительство не питало личнаго нерасположенія къ протестантамъ.

22 октября 1685 года послѣдовала отмѣна Нантскаго эдикта.

Между людьми, сожалѣвшими объ этой мѣрѣ, были: маркизь Агессо, кардиналъ де-Ноайль, маркизь Помпонъ, Катина, Вобанъ, Кольберъ, Сентъ-Симонъ и Расинъ, который въ трагедіи своей «Эсфирь», представленной въ 1689 году, сдѣлалъ много намековъ на событія, происходившія предъ его глазами.

Фенелонъ былъ тоже на сторонѣ умѣренности и вѣротерпимости. Даже г-жа Ментенонъ, по нерасположенію своему къ духовнику короля, отцу Лашезу, придерживалась нѣкоторое время партіи умѣренныхъ.

Едва уничтоженіе Нантскаго эдикта стало извѣстно въ Европѣ, какъ всѣ протестанты, друзья и враги Франціи посѣщали предложить убѣжище трудолюбивымъ выходцамъ. Европа поняла всю пользу, которую можно было приобрести отъ этой эмиграціи. Чтобъ привлечь эмигрантовъ въ Бранденбургское герцогство, которое въ скоромъ времени должно было сдѣлаться Прусскимъ королевствомъ, курфирстъ Фридрихъ Вильгельмъ издалъ въ Потсдамѣ, 1685 года въ октябрѣ мѣсяцѣ повелѣніе, по которому протестантскимъ эмигрантамъ предоставлялось вѣрное убѣжище въ Прусскихъ владѣніяхъ и множество льготъ и привилегій. Одинъ Мессенскій округъ доставилъ герцогству Бранденбургскому болѣе трехъ тысячъ протестантовъ и два милліона акю. Жители Пруссіи ревностно наблюдали за выѣздомъ эмигрантовъ изъ предѣловъ Франціи, и тотчасъ сообщали имъ о распоряженіяхъ курфирста Фридриха-Вильгельма, весьма для нихъ выгодныхъ. Двадцать пять тысячъ выходцевъ воспользовались предлагаемыми имъ выгодами, и поселились во владѣніяхъ курфирста, гдѣ имъ даны были права гражданства, льготы отъ разныхъ податей, жилища, земли, снаряды, орудія и чины выше тѣхъ, которыми они пользовались во Франціи.

Изъ протестантскихъ солдатъ сформировано было пять полковъ и около шести сотъ офицеровъ размѣщено по прусскимъ полкамъ. Моряки вступили во флотъ, только что созданный курфирстомъ Фри-

дрихомъ—Вильгельмомъ и были поселены въ Гвинейскихъ колоніяхъ въ Сенегаліи и на островахъ св. Оомы и св. Евстафія. Карьера протестантскихъ воиновъ была самая блестящая; они встрѣтились въ авангардѣ, лицомъ къ лицу съ войнами Людовика XIV при Нейссѣ, Флеюсъ (Fleugus), Мальплаке, при осадѣ Бонна и Намюра. Многие изъ нихъ достигли высшихъ чиновъ, и въ войнѣ противъ шведовъ сильно содѣйствовали къ удержанію за Бранденбургомъ политическаго перевѣса въ дѣлахъ Сѣверной Германіи.

Потомки протестантовъ блистательно дѣйствовали въ семилѣтнюю войну, и имена многихъ изъ нихъ, какъ-то: Ла Мотъ—Фуке, Гошармуа, Дюмулена, Форкада внесены въ списокъ на колоніи, воздвигнутой въ Берлинѣ въ честь Фридриха Великаго.

Торговое сословіе протестантовъ тоже съ своей стороны оказало новому своему отечеству не маловажныя услуги; можно сказать, что оно вновь создало промышленность, или лучше сказать, обогатило Пруссію лучшими и выгоднѣйшими изобрѣтеніями французской промышленности, между которыми главными были шляпное и перчаточное мастерства, крашеніе, выдѣлка шелку, бархату, обюссонскихъ ковровъ и многихъ другихъ предметовъ. Благодаря усиліямъ эмигрантовъ, Магдебургъ и Галль въ короткое время сдѣлались большими мануфактурными городами. Французская и англійская торговля въ Пруссіи совершенно уничтожилась въ то время, какъ совершался этотъ торговый переворотъ, для Пруссіи открывался сбытъ ея произведеній въ Польшѣ, Россіи и Швеціи, и основалось первое коммерческое кредитное заведеніе подъ названіемъ, «Адресная канцелярія», еще небывалое въ Пруссіи.

Въ отношеніи ученаго и литературнаго развитія Пруссіи, вліяніе французскихъ протестантовъ было не менѣе вліянія торговаго и промышленнаго. Фридрихъ I, потомокъ адмирала Колиньи по матери, сильно поощрялъ протестантовъ и покровительствовалъ имъ въ учебныхъ и литературныхъ трудахъ. Онъ основалъ для нихъ французскую коллегію, академію для благородныхъ лицъ и французскій институтъ.

Лакрозъ, Ансильонъ, Банажъ, де-Виньоль, Пеллутіе, Форме, были приняты въ Берлинскую академію и основали въ 1696 году журналъ подъ названіемъ: «Новый журналъ ученыхъ», издававшійся на французскомъ языкѣ.

Съ тѣхъ поръ въ Пруссіи водворилась французская литература.

Слѣдя за французскими протестантскими выходцами со времени переселенія ихъ въ Пруссію до нашихъ временъ, мы встрѣчаемъ много потомковъ ихъ, сдѣлавшихся знаменитыми въ Германіи.

Гумбольдтъ, по матери своей потомокъ французскихъ переселенцевъ; Адалъбертъ Шамиссо, котораго Гофманъ, извѣстный фантастическій рассказчикъ, признавалъ за своего учителя; Фридрихъ Ансильонъ, написавшій замѣчательную книгу подъ названіемъ: «Картина переворотовъ европейской политической системы» и бывший долгое время министромъ Берлинскаго кабинета; Карлъ Савиньи, возобновитель

науки Римскаго Права; Ла Мотъ-Фуке, авторъ извѣстнаго романа «Ундина»—всѣ они потомки французовъ.

По справедливости можно сказать, что Германія не имѣетъ ученыхъ и писателей болѣе популярныхъ. Ученые труды Савиньи создали въ Пруссіи полную законодательную и политическую систему; впрочемъ надо прибавить, что эта система не подчинялась влиянію французскаго духа и даже совершенно противоположна идеямъ французскимъ.

Не ранѣе какъ съ 1808 года составъ протестантскаго управленія въ Пруссіи совершенно измѣненъ. Послѣ смерти Фридриха II, совершенная реакція произошла въ языкѣ и словесности французской. Войны революціи и имперіи дѣлали эту реакцію еще сильнѣе. Послѣ сраженія подъ Іеной, прусское правительство перестало покровительствовать діалекту побѣдителей. Большая часть эмигрантовъ измѣнила свои названія на нѣмецкій ладъ, и нынѣ они почти всѣ слились въ общую германскую народность.

Едва свершилось уничтоженіе Нантскаго эдикта, Голландія не менѣе Пруссіи успѣшила воспользоваться ошибкою французскаго правительства. Уже съ давнихъ поръ Голландія давала убѣжище эмигрантамъ всѣхъ странъ. Она принимала подъ свое покровительство всѣхъ германцевъ, скрывавшихся отъ преслѣдованій Валленштейна во все продолженіе тридцатилѣтней войны, всѣхъ англичанъ, преслѣдуемыхъ тюдорами, валлоновъ, брабансоновъ и фламандцевъ, скрывшихся отъ герцога Альбы и принца Пармскаго. Еще во время изданія эдикта 1583 года, множество французскихъ эмигрантовъ перешли въ Голландію.

Съ 1668 до 1681 года, множество новыхъ французскихъ эмигрантовъ были снова приняты Голландіею съ готовностью и радушіемъ.

Принцъ Оранскій, готовившійся уже взойти на англійскій престолъ, понялъ всю пользу, какую можно было извлечь изъ воинствъ французской эмиграціи; онъ назначилъ 180,000 флориновъ на раздачу французскимъ офицерамъ, и оказывалъ въ тоже время покровительство торговому и промышленному сословію эмигрантовъ.

Въ одинъ 1686 годъ семьдесятъ пять тысячъ новыхъ выходцевъ французскихъ поселились въ Голландіи. Многіе изъ нихъ успѣли превратить въ деньги свои имущества, прежде чѣмъ оставили Францію, а потому большія суммы привезены были въ Голландію. Въ 1687 году проценты на капиталы понизились въ Амстердамѣ, до двухъ на сто, но не смотря на это, одинъ Амстердамъ, не считая другихъ городовъ, выдавалъ эмигрантамъ 150,000 флориновъ процентовъ на положенные ими капиталы.

Въ торговомъ отношеніи, результаты французской эмиграціи для Голландіи были не менѣе важны. Въ Гарлемѣ возникли богатые фабрики шелковыхъ матерій съ цвѣточными узорами, извѣстныхъ подъ названіемъ «belles triomphantes». Амстердамъ, бывшій до того времени чисто морскимъ городомъ, сдѣлался въ короткое время обширнымъ мануфактурнымъ городомъ, получившимъ европейскую извѣстность. Голландія своею торговлею совершенно уничтожила повсемѣстную

Французскую коммерческую конкуренцію на всѣхъ европейскихъ рынкахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ перестала быть данницею Франціи болѣе какъ на 42 милліона въ годъ, за пріобрѣтеніе французскихъ часовъ, кружевъ, шелковыхъ матерій, перчатокъ и всякихъ мелочей разнаго рода. Голландскія колоніи также много выиграли отъ эмигрантовъ. Три тысячи французскихъ выходцевъ переселились на мысъ Доброй Надежды и заселили долину, которая и понынѣ сохранила названіе «долины французовъ». Они превратили ее въ обширный, сплошной виноградникъ и развели въ ней вино, извѣстное подъ названіемъ: *Vin ducar*, которое и теперь выдерживаетъ упорную борьбу съ французскими винами. Французская колонія, основанная на мысъ Доброй Надежды, затерянная на оконечности свѣта, считаетъ нынѣ до четырехъ тысячъ душъ и занимаетъ два большія селенія. Одно изъ нихъ сохранило имя своего основателя и называется Шарронъ, другое—*Ла Перль*. Сохраняя обычаи предковъ и языкъ ихъ, колонія эта сдѣлалась до того чужда дѣламъ старой Европы, отдѣленной отъ нея безконечными морями и необозримыми пустынями, что въ 1828 году, французскимъ колонистамъ были совершенно неизвѣстны событія, свершившіяся во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія.

Французскіе эмигранты, поселившіеся въ Голландію, имѣли большое вліяніе на дѣла того времени. Между тѣмъ какъ французскіе выходцы въ Лондонѣ содѣйствовали принцу Оранскому, онъ предпочтительно изъ голландскихъ французскихъ эмигрантовъ формировалъ армию, которая побѣдила въ сраженіи при Боавѣ.

Бруссону, одному изъ эмигрантовъ принадлежитъ мысль Аугсбургскаго союза, и позже, когда возникла наслѣдственная война, французскіе инженеры, обучавшіеся въ школахъ, основанной Лувуа, управляли осадами предпринимаемыми союзными войсками.

Въ 1708 году протестантскіе офицеры, бывшіе въ голландской службѣ, пробрались до окрестностей Версаля, и на Севрскомъ мосту схватили г. де Берингева, перваго шталмейстера.

Сказки Лафонтена и множество другихъ книгъ не переставали печататься въ Голландію. Въ эту эпоху явились впервые періодическія изданія и первыя обзорнія, какъ-то: *Гарлемская газета*, *Историческій и Политическій Меркурій*, сдѣлавшійся позже *Лейденскою газетою*, столь замѣчательною и извѣстною въ половинѣ XVIII столѣтія, *Всемирная бібліотека*, *Избранная бібліотека*, *Бібліотека наукъ* и многія другія.

Эмигранты Банажъ, Эли Бенуа и Мишель Жанисонъ обогатили Голландію первыми замѣчательными сочиненіями объ ея исторіи. Французскій языкъ всюду замѣнилъ латинь, дотошъ владычествовавшую во всѣхъ голландскихъ школахъ. За исключеніемъ Байля, почти всѣ французскіе публицисты, поселившіеся въ Голландію, писали памфлеты. Къ тому же языкъ, на которомъ они писали, утрачивалъ мало-по-малу свою чистоту, терялъ силу и блескъ, началъ принимать голландскіе обороты, сдѣлался наконецъ нарѣчіемъ особеннаго рода,

наполненнымъ барбаризмами, и сталъ извѣстенъ подъ именемъ français réfugié».

Въ эмиграціяхъ XIV и XV столѣтій Англія дала убѣжище искуснѣйшимъ ремесленникамъ французскимъ. Она воспользовалась гоненіями французскихъ реформатовъ, предвидя отъ того для своей промышленности неисчислимыя выгоды. Не смотря на свою преданность къ Людовику XIV, Карлъ II, въ 1681 году іюля 28, издалъ эдиктъ въ Гемптонкортѣ, по которому давалось право гражданства и множество привилегій протестантскимъ изгнанникамъ. Тысяча сто пятьдесятъ человѣкъ воспользовались ими въ томъ же году, а въ теченіе десяти лѣтъ, то есть съ 1680 до 1690, число переселенцевъ изъ Франціи возрасло до 80 тысячъ, и по большей части они основались въ самомъ Лондонѣ. Жители Амьена, Камбре и Турне населили новую часть столицы Великобританіи, которая и получила названіе «Пикардійскаго квартала.»

Офицеры и солдаты, послѣдовавшіе за привцемъ Оранскимъ, получили въ Ирландіи отъ правительства и отъ мѣстныхъ владѣльцевъ уступку большихъ земель, и основали въ окрестностяхъ Дублина французскія колоніи. Капиталы и частныя пожертвованія отдавались немущимъ семействамъ эмигрантовъ. Гостепріимство Англіи выказалось въ огромныхъ размѣрахъ, но за то можно сказать, что никогда и небыло оно вознаграждено большими заслугами со стороны облагодѣтельствованныхъ.

Когда Вильгельмъ Оранскій отплылъ изъ Наардена для вступленія на англійскій престолъ, то въ двѣнадцать тысячачъ войска, составлявшаго его небольшую армію, были три полка французской инфантеріи и семьсотъ тридцать протестантскихъ офицеровъ-изгнанниковъ, старыхъ воиновъ, сражавшихся подъ знаменами Конде и Тюреня. Гулонъ, французскій эмигрантъ, командовалъ артиллеріей; Шомбергъ, французскій маршалъ, распорядился сраженіями. Однажды, завидя на полѣ сраженія французскій корпусъ подъ командою герцога Лозёна, Шомбергъ, обратясь къ полкамъ протестантскихъ изгнанниковъ, скомандовалъ: «Господа! вотъ наши враги. Впередь!» Протестанты бросились въ атаку съ неимовѣрнымъ ожесточеніемъ и рѣшили побѣду. Тоже самое случилось въ сраженіи на поляхъ Алманзы. Полкъ севенскихъ протестантовъ, сражавшійся вмѣстѣ съ англійскими войсками, вдругъ среди битвы очутился лицомъ къ лицу съ полкомъ, ознаменовавшимъ себя особеннымъ преслѣдованіемъ севенскихъ протестантовъ. Оба полка, узнавъ другъ друга, бросились въ бой съ такимъ ожесточеніемъ, что изъ нихъ не осталось и трехъ сотъ человѣкъ въ живыхъ. Маршалъ Бервикъ, бывшій свидѣтелемъ сраженія, не могъ вспоминать о немъ безъ ужаса и говорилъ, что никогда ему не приходилось видѣть подобнаго ожесточенія, какъ въ этой схваткѣ.

Ремесленное и торговое сословія, смѣтливостью своею и знаніемъ дѣла дали промышленности новаго своего отечества небывалое развитіе и освободили Англію отъ ежегодной уплаты 47 милліоновъ за французскія издѣлія, до того времени вывозимыя англичанами изъ Фран-

ціи. Всегда искусно умѣвшіе пользоваться торговыми неудачами сосѣднихъ державъ, англичане не удовольствовались тѣмъ, что дали убѣжище протестантскимъ выходцамъ, но вызывали и приглашали католиковъ, желающихъ воспользоваться выгодами и привилегіями, данными ихъ соотечественникамъ—протестантамъ. Изъ двадцати тысячъ ткачей, жившихъ въ Лавалѣ и его окрестностяхъ, четырнадцать тысячъ переселились въ Великобританію и основали въ ней парусныя фабрики. Монополія выдѣлки парусовъ до той поры исключительно принадлежала Франціи. Генрихъ IV намѣревался сдѣлать Туръ мануфактурною столицей Средней Франціи, и Туръ вдругъ утратилъ тридцать тысячъ своихъ жителей. Тоже было и съ Ліономъ, гдѣ число станковъ шелковыхъ матерій уменьшилось въ 1698 году изъ пятнадцати тысячъ до четырехъ тысячъ. По мѣрѣ упадка французской мануфактурной промышленности возрастала промышленность англійская. Въ 1694 году, фабрикація шелковыхъ матерій происходила въ Канторбери, болѣе чѣмъ на тысячѣ станкахъ.

Торговля шелковыми тканями, бывшая дотогѣ исключительно принадлежностью Франціи, вдругъ перешла въ руки ея сосѣдей англичанъ. Изгнанники передали имъ секретъ выдѣлки тафты, извѣстной подъ названіемъ *англійской тафты*, и Франція совершенно утратила эту отрасль торговли. Мало-по-малу Франція потеряла сбытъ парчи, атласу, бархату, стѣнныхъ часовъ, стеклянныхъ издѣлій, хирургическихъ инструментовъ и многихъ другихъ товаровъ. Тоже послѣдовало и съ батистомъ, Гобеленовыми обоями, кроликовыми, козьими и касторовыми шляпами. Извѣстныя шляпы, подъ названіемъ «кодебекъ», долго составляли исключительную и весьма выгодную торговлю для Франціи; еще въ XVII столѣтіи способъ ихъ выдѣлки составлялъ секретъ, какъ и многіе другіе секреты мануфактурной промышленности. Но секретъ этотъ перешелъ въ Англію, и римскіе кардиналы, приобрѣтавшіе «кодебекы» во Франціи, обратились за цюпками на вандсвортскія мануфактуры.

И такъ, уничтоженіемъ Нантскаго эдикта въ 1685 году, Франція сама разрушила то, что хотѣла создать съ такимъ усиліемъ. О. Лашезъ уничтожилъ вѣковой трудъ Кольберта. Великобританія, бывшая данницею Франціи, уничтожила ея господство и сама стала владычицею на всѣхъ рынкахъ и базарахъ міра. Въ одномъ 1689 году 900,000 лундоровъ были перечеканены въ англійскую монету. Эта потеря была тѣмъ чувствительнѣе для Франціи, что весь итогъ звонкой монеты ея былъ въ то время не болѣе 500 милліоновъ.

Что же касается до французской литературы протестантскихъ эмигрантовъ, вліяніе ея въ Англій было гораздо менѣе значительно, чѣмъ въ Пруссіи и Голландіи. Только одна «Исторія Англій» Рапена Туара, служившаго въ качествѣ офицера въ экспедиціи Вильгельма Оранскаго, была замѣчательнымъ сочиненіемъ, вышедшимъ изъ-подъ пера французскихъ протестантовъ, поселившихся въ Англій.

Швейцарія тоже дала убѣжище многимъ французскимъ протестантамъ. Женева приобрѣла въ нихъ полезныхъ сотрудииковъ своимъ ча-

совымъ мастерамъ. Жители Лангедока и Дофинѣ развели въ швейцарскихъ кантонахъ виноградники и шелковичныя деревья; но такъ какъ Швейцарія была въ то время страною бѣдною и малоторговою, то въ ней поселялись лишь тѣ изъ эмигрантовъ, которые имѣли независимое состояніе. Въ концѣ XVII столѣтія и въ началѣ XVIII они вмѣшивались во всѣ дѣла. Бернъ, Цюрихъ, Шафгаузенъ, Сентъ-Галль, не разрывая дипломатическихъ сношеній съ Франціею, имѣли однако непрерывныя дружескія сношенія съ Вильгельмомъ Оранскимъ, и помогали своими войсками большой европейской коалиціи.

Людовикъ XIV принудилъ Женеву изгнать принятыхъ ею французскихъ протестантовъ, но во время севенской войны, женевцы и прочіе жители кантоновъ сильно поддерживали севенцевъ. Тоже было и въ продолженіе войны за испанское наслѣдство. Въ 1707 году, когда принцъ Конти и домъ Бранденбургскій объявили притязанія свои на княжество Невшательское, швейцарскіе кантоны, по внушенію французскихъ протестантовъ, рѣшились лучше отдать Невшатель Фридриху I.

Въ Даніи французская эмиграція составила четыре главныя колоніи. Первая поселилась въ Копенгагенѣ, вторая въ Альтонѣ, третья и четвертая въ Фридрици и Глюкштадтѣ.

Мы находимъ французскихъ протестантовъ и въ Швеціи, не смотря на то, что лютеране не были расположены къ нимъ. Наконецъ мы встрѣчаемъ ихъ въ Россіи, гдѣ покровительство курфюрста Бранденбургскаго Фридриха-Вильгельма, приготовило имъ радушный пріемъ. Въ 1668 году, Цари Петръ и Іоаннъ Алексѣевичи издали указъ, которымъ позволенъ былъ протестантскимъ французскимъ эмигрантамъ свободный въѣздъ въ русскія границы. Болѣе трехъ тысячъ изъ нихъ вступили въ образцовый полкъ, формируемый Петромъ Великимъ. Милости Петра Великаго къ французскимъ эмигрантамъ были постоянно неизмѣнны. Во вновь строящейся столицѣ онъ позволилъ протестантамъ воздвигнуть реформатскую церковь, и роздалъ земли желавшимъ заниматься хлѣбопашествомъ.

Французская эмиграція не остановилась у предѣловъ Европы: она проникла и въ Новый Свѣтъ. Еще въ XVI столѣтіи Колинъи имѣли намѣреніе соединить подъ одно управленіе своихъ собратій по религіи. Съ этою цѣлью Дюранъ-де-Вильеганьонъ, въ 1555 г. составилъ первую экспедицію. Она совершенно не удалась. Спустя нѣкоторое время, а именно въ 1562 году, Жанъ Рибо отправился на двухъ судахъ изъ Діеппа и присталъ къ берегу подлѣ устья рѣки Сен-Жанъ, отдѣляющей Новую Флориду отъ Георгіи. Жанъ Рибо выстроилъ портъ Шарль, первую цитадель сѣверной Америки, на которой развѣвалось европейское знамя. Въ теченіе всего XVII столѣтія и за долго еще до уничтоженія Нантскаго эдикта, большее число французскихъ эмигрантовъ переѣхали въ Новый Свѣтъ и поселились преимущественно въ Нью-Йоркскомъ округѣ, въ Виргиніи, Мерилендѣ и особенно въ южной Каролинѣ. Отъ 1686 до 1699 число переселенцевъ значительно увеличилось. Колоніи Зант и Чарльстонъ, самая значительная изъ колоній, достигли

высшей точки цвѣтущаго состоянія. Четыреста семействъ, принадлежавшихъ къ этимъ колоніямъ, пожелали переселиться въ Луизиану, и просили позволенія у Людовика XIV. Имъ было отказано. Англія воспользовалась этимъ случаемъ. Она всѣми способами, всѣми средствами, весьма выгодными для эмигрантовъ, старалась удержать ихъ въ возникавшихъ ея колоніяхъ, и съ той поры они привязавшись къ новой странѣ, оплодотворяли ее своими трудами, защищали противъ враговъ, и принимали участіе во всѣхъ ея борьбахъ и славѣ. Изъ семи президентовъ, управлявшихъ Филадельфійскимъ конгрессомъ, трое были изъ французскихъ эмигрантовъ, а именно: Генрихъ Ларонъ, Жанъ-Же, Эли Будиво.

Если смотрѣть на уничтоженіе Нантскаго эдикта съ точки зрѣнія преобладанія католицизма, эта мѣра оказалась совершенно безплодна. Въ 1680 году, во Франціи, изъ 20 милліоновъ жителей было 1,200,000, протестантовъ. Нынче изъ 36 милліоновъ 1,800,000 исповѣдуютъ протестантскую вѣру. Пропорція осталась таже.

Съ точки зрѣнія политической экономіи, уничтоженіе Нантскаго эдикта было видимо губительно для Франціи. Четыреста тысячъ дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ людей покинули навсегда свое отечество. Болѣе трехъ-сотъ тысячъ, считая въ этомъ числѣ погибшихъ въ сеvensкую войну, умерли въ сраженіяхъ, или отъ лишеній и голода въ лѣсахъ, горахъ, на дорогахъ и границахъ ихъ отечества. Утрата столькихъ людей тѣмъ чувствительнѣе была для Франціи, что послѣднія неудачи войны за наслѣдство, и особенно зима 1709 года развили ужасную смертность въ государствѣ.

Большое число опытныхъ моряковъ, воиновъ, инженеровъ вышедшихъ изъ школы Вобана, также погибли.

Богатые промышленники унесли съ собою огромные капиталы, а ремесленники и рабочіи классъ—секреты и знаніе дѣла въ лучшихъ французскихъ издѣліяхъ. Французскія фабрики, первенствовавшія въ то время по достоинству и многочисленности, вдругъ были остановлены въ своемъ движеніи.

Пруссія, благодаря французскимъ эмигрантамъ, возвысилась впервые до стѣпени важнаго торговаго значенія. Голландія и Англія, черезъ нихъ же, проникли въ тайны обработки нѣкоторыхъ издѣлій, въ которыхъ Франція имѣла исключительную монополію, и французская торговля, кромѣ того, что потеряла сбытъ своихъ произведеній въ эти страны, лишилась и торговыхъ сношеній съ другими государствами.

(Revue des deux mondes.)

Моя обезьяна (разсказъ англичанина). — Вы, безъ сомнѣнія, знаете Гавръ де-Грасъ, эту морскую пристань Парижа, потому-что, благодаря желѣзнымъ дорогамъ—теперь море въ двухъ или трехъ часахъ разстоянія отъ столицы Франціи, и парижане уже отказались проводить его въ свой

городъ, но довольствуются тѣмъ, что устрицы продаются у нихъ по пятидесяти сантимовъ за дюжину. Гавръ совершенно усвоился, что Парижъ уже не хочетъ похищать у него кораблей и фрегатовъ, которые послѣ каждого путешествія привозятъ груды рѣдкостей, разсыпанныхъ по прилавкамъ набережной и привлекающихъ больше публики, чѣмъ парижскіе магазины. Моимъ любимымъ занятіемъ было бродить по набережной Гавра, любоваться попугаями зелеными, желтыми, синими или красными, красивыми раковинами, корзиночками, сплетенными дикими Мадагаскара, кокосовыми орѣхами, обдѣланными туземцами Тихаго Океана, браслетами, которые украшали чувствительныхъ дамъ Отаити и были, вѣроятно, подарены на память вѣтрынымъ французскимъ морякамъ. Зубы акулы, китовые усы и всевозможныя рѣдкости трехъ царствъ природы собраны на этомъ базарѣ.

Однажды утромъ я остановился передъ клѣткою, наполненною воробьями изъ Явы, когда услышалъ возлѣ себя какъ будто драку двухъ кошекъ. Я оглянулся и увидѣлъ зеленую обезьяну, безхвостую, небольшую, какія водятся въ Африкѣ, и которая, вѣроятно, позавидовавъ пушистому хвосту своей сосѣдки, американской обезьяны, протянула лапу черезъ рѣшетку, схватила этотъ красивый хвостъ и начала тянуть его къ себѣ, не смотря на крики жертвы. Хозяинъ звѣрей прибѣжалъ на шумъ, и злой африканецъ выпустилъ хвостъ сосѣдки, а американка съ такимъ жалкимъ видомъ спрятала подъ себя пушистое свое украшеніе, и такъ грустно посмотрѣла на меня, что я почувствовалъ къ ней невольную симпатію и спросилъ хозяина:

— Что стоить эта обезьяна?

Хозяинъ, какъ настоящій нормандецъ хотѣлъ воспользоваться моею молодостью и физиономіею чувствительнаго англичанина, и потому назначилъ баснословную цѣну, прибавя:

«Возьмите лучше безхвостата, я уступлю дешевле.»

Но безхвостый звѣрь казался мнѣ такимъ злымъ и смотрѣлъ на меня такими хитрыми глазами, что я не имѣлъ никакого желанія познакомиться съ нимъ поближе, и потому отошелъ не торгуясь съ бессовѣстнымъ купцомъ. На другой день, когда я пришелъ посмотрѣть на американскую обезьяну, ее уже купилъ трактирщикъ изъ Байе и увезъ съ собою. Жаль мнѣ было, что я не успѣлъ купить красивое животное, но дѣлать было нечего.

На слѣдующій годъ въ каникулы, я пріѣхалъ на воды въ Нормандію, и вздумалъ осмотрѣть городъ Байе. Я остановился въ лучшей гостиницѣ и такъ-какъ мнѣ было надобно было торопиться въ Гавръ, то хотѣлъ приказать приготовить мнѣ лошадей. Мой кучеръ былъ въ конюшнѣ, и я самъ пошелъ туда напомнить ему о скоромъ отъѣздѣ. Пріятный сюрпризъ ожидалъ меня тамъ. Меня встрѣтила американская обезьяна съ пушистымъ хвостомъ, которую я торговалъ въ Гаврѣ. Хозяинъ гостиницы цюлюбилъ ее, и полагаясь на ея прекрасный характеръ, позволилъ ей бѣгать по конюшнѣ, привязавъ только на длинной цѣпи, которая однако же не мѣшала ея движеніямъ. Обезья-

на прыгала по яслямъ, кувыркалаась на сѣнѣ и спала на немъ, когда уставала играть. Эта жизнь, вѣроятно, правилась Жоко, потому-что онъ замѣтно поправился и хвостъ его сталъ еще пушистѣе, такъ что злой африканецъ опять бы изъ зависти вздумалъ теревить его, если бѣ на-ходился вблизи. Но Жоко уже не боялся другихъ сосѣдей, потому-что былъ фаворитомъ всѣхъ жителей конюшенъ, хотя, подобно всѣмъ фаворитамъ, иногда во зло употреблялъ свою власть и подшучивалъ то надъ лошадьми, то надъ кучерами. Но тѣ охотно прощали ему всѣ шалости, потому-что это было самое красивое, граціозное животное, съ блестящими глазами и чудными зубами, которые поминутно выкавывало, какъ бы желая похвастать ими или показать, что и Жоко можетъ защищаться, если его тронуть. Лапы его были маленькія, ловкія, проворныя. Но изъ всѣхъ его органовъ больше всего правился мнѣ хвостъ. Это было совсѣмъ не бесполезное украшеніе или махака отъ мухъ, — нѣтъ, это была третья рука, очень полезная для Жоко. Онъ иногда обвивалъ этотъ хвостъ вокругъ верхвей перекладины яслей и качался на немъ какъ маятникъ; то обернувшись задомъ, онъ начиналъ мести хвостомъ полъ, и навѣрно заметалъ орѣхъ или другое лакомство, которое вы нечаянно уронили. Жоко понравился мнѣ и въ первый разъ, когда я увидѣлъ его на набережной Гавра, но теперь я рѣшительно не хотѣлъ безъ него выѣхать изъ Байе. Я даже недолго торговался съ хозяиномъ гостиницы, который тоже запросилъ порядочную сумму, но я не жалѣлъ денегъ, только бы завладѣть хорошенькою обезьяной.

Въ Гаврѣ я пріѣхалъ съ моимъ пріобрѣтеніемъ довольно благополучно, но остановясь въ гостиницѣ, пришелъ въ небольшое затрудненіе: куда мнѣ помѣстить Жоко, когда меня не будетъ дома! Лакеи и служанки отеля тоже не могли дать совѣта *молодому англійскому милорду*, какъ меня всѣ звали. Если бѣ я, вмѣсто обезьяны, привезъ изъ Байе грума или гайдюка, ему нашлось бы мѣсто, но что дѣлать съ Жоко, когда я пойду гулять, въ гости, или купаться? Возлѣ моей комнаты былъ маленькій кабинетъ, гдѣ вѣшали платье, и я заперъ туда моего бѣднаго Жоко, какъ въ тюрьму. Онъ, вѣроятно, обидѣлся этою несправедливостью, потому-что посмотрѣлъ на меня сначала съ удивленіемъ, а потомъ съ какою-то хитростью, какъ бы насмѣхаясь надъ моею предосторожностью. Когда я вернулся домой, то былъ пораженъ ужасомъ, какъ герой Энеиды:

Obstupi steteruntque comae, vox faucibus hoiesit!

За часъ еще кабинетъ былъ обклеенъ великолѣпными обоями, заплаченными очень дорого, какъ выразилась моя хозяйка, теперь на стѣнахъ не оставалось и слѣдовъ бумаги, а вся она въ мелкихъ кусочкахъ покрывала полъ. Ясно было чѣмъ занималось четверорукое животное въ мое отсутствіе? Но этого мало. На вѣшалкѣ висѣло чье-то несчастное пальто, и Жоко такъ его изгрызъ и разорвалъ, что оно никуда не годилось.

Послѣ этого приключенія я разсудилъ, что такъ какъ Жоко упо-

требилъ во зло свободу, то ему мало одной цѣпи, позволяющей дѣлать нѣсколько шаговъ, но надобно совсѣмъ лишить его возможности двигаться. Я досталъ большой мѣшокъ, положилъ туда немного сѣна и началъ сажать бѣднаго Жако. Холстъ мѣшка былъ крѣпокъ, и обезьяна никакъ не могла прорвать его ни зубами, ни ногтями, и всѣ ея усилія оканчивались только тѣмъ, что она каталась по полу и скакала въ мѣшкѣ, что было очень забавно, и что я совѣтую сдѣлать артистамъ, которые показываютъ обезьянъ по ярмаркамъ.

Въ этомъ мѣшкѣ Жоко мой путешествовалъ со мною и переѣхалъ изъ Франціи въ Соутгемптонъ. Когда я тутъ бралъ билетъ на станціи желѣзной дороги, любопытный Жоко высунулъ свою голову изъ мѣшка и сдѣлалъ гримасу кассиру. Тотъ замѣтно испугался, но желая скрыть минутный страхъ и главное отплатить мнѣ за него, сказалъ хладнокровно: «Съ вами собака, сударь, извольте заплатить за нее по положенію.» Напрасно я вынулъ обезьяну и объяснялъ словами Бюффона и Кювье, что животное это совсѣмъ не собака, а обезьяна, кассиръ не хотѣлъ никакъ со мною согласиться и я, чтобъ не опоздать въ вагонъ, принужденъ былъ заплатить за проѣздъ Жоко. Только желая въ свою очередь кольнуть кассира, я вынулъ изъ кармана маленькую живую черепаху, купленную наканунѣ и сказалъ кассиру:

«Сколько я долженъ заплатить за это животное? Вѣдь вы берете за всѣхъ?»

Кассиръ протеръ свои очки и сказалъ важно:

— За черепахъ не платятъ ничего,—это *насъкомов*.

Пріѣхавъ въ Англію къ моимъ роднымъ, я устроилъ для Жоко самую комфортабельную квартиру въ конюшнѣ, имѣвшей сообщеніе съ сѣноваломъ. Тутъ онъ былъ совершенно свободенъ, только конюшня не принадлежала ему одному. Тутъ была наша ослица Женни, преисправно очищавшая все что ей ни накладывали въ ясли, и всегда имѣвшая завидный аппетитъ.

Однажды слуга вошелъ въ конюшню и увидѣлъ, что бѣдная Женни не тронула своего завтрака и повидимому безъ всякой причины пятилась назадъ, сколько позволяла веревка, которою она была привязана,

Не зная въ чемъ дѣло, слуга толкнулъ Женни не совсѣмъ учтиво къ яслямъ, и гайна тотчасъ же объяснилась. Жоко схватилъ бѣдную ослицу за длинныя ея уши и началъ гримасничать и щелкать зубами, что очень пугало бѣдное животное и мѣшало ему обѣдать. Но Жоко только сначала подшучивалъ надъ Женни, какъ бы желая съ нею познакомиться, послѣ они сдѣлались большими друзьями. Какъ было смѣшно, когда Жоко нѣжно обнималъ голову ослицы, и потомъ, самъ того не зная, пародировалъ сцену изъ Шекспира, въ которой Титанія ласкаетъ Боттома и чешетъ ему между ушами. Маленькая лошадь, третья жилица конюшни, тоже сначала испытала на себѣ шутки Жоко, а потомъ полюбила его, какъ всѣ, звавшіе интересное животное.

Въ конюшнѣ у Жоко было одно любимое занятіе—ловить мышей... Эти животныя съ незапамятныхъ временъ пользовались овсомъ, оставшимся въ ясляхъ, но Жоко замѣтя это, началъ всегда ложиться на дорожку, по которой надобно было итти мышамъ, и притворяясь спящимъ, хваталъ самую ближайшую. Изувѣчивъ ее, чтобъ она неубѣжала, онъ нѣсколько минутъ игралъ съ своей жертвою, а потомъ съѣдалъ ее какъ конфекту. Подобной обжорливости и дурнаго вкуса я не ожидалъ отъ породы четвероногихъ. Послѣ первой мыши онъ ловилъ другую, третью, и разъ при мнѣ проглотилъ имъ семь. Слуги замѣтили этотъ талантъ Жоко и вздумали употребить его съ пользою. Наша кощка захворала, и кухарка сдѣлала силогизмъ, не совсѣмъ согласный съ классическими правилами и логикою Аристотеля.

— Обезьяны ловятъ мышей какъ кошки; кошки ловятъ мышей ночью, — стало быть и обезьяны должны ловить мышей ночью, говорила кухарка.

По этому случаю Жоко взяли съ его мягкой постели на сѣнѣ и привязали въ кухнѣ, гдѣ спрятали все съѣстное какъ можно дальше. Особенно банки съ вареньемъ поставили на самую верхнюю полку и покрыли ихъ тяжелою крышкою. Ночь показалась очень длинною бѣдному Жоко, который никакъ не могъ понять, за что съ нимъ поступили такъ несправедливо и лишили его постели. Наконецъ онъ нашелъ большую миску и легъ въ нее, ни сколько не безпокоясь о мышахъ, которыя начали бѣгать по полу.

Къ утру мыши полакомясь, отправились въ свои норки, а Жоко проснувшись, началъ чесаться и опрокинулъ миску, разбившуюся въ дребезги. Потомъ, чувствуя аппетитъ, онъ началъ осматриваться кругомъ и замѣтилъ на полкѣ нѣсколько банокъ. Любопытство чрезвычайно развито въ обезьянахъ, и потому Жоко кое-какъ вскарабкался на полку, и хотя съ большимъ трудомъ, столкнулъ крышку. Тутъ онъ нашелъ смородиновое желе, мармеладъ изъ сливъ, абрикосовъ и апельсиновъ, и началъ все это пробовать. Вѣроятно работа нашей кухарки пришла къ нему по вкусу, потому-что онъ исправно очистилъ всѣ банки.

Можно себѣ вообразить, какой шумъ подняли люди и какими проклятіями осыпали бѣднаго Жоко за то, что онъ вмѣсто мышей поймалъ банки съ вареньемъ! Я же сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе въ моей тетради естественной исторіи: «Обезьяны лакомы до мышей, но предпочитаютъ имъ варенье изъ смородины, абрикосовъ, сливъ и проч.»

Черезъ нѣсколько дней, кухарка помирилась съ Жоко и уступила ему теплое мѣстечко у печки. Въ это время запѣлъ сверчокъ, и Жоко кажется, слушалъ его съ наслажденіемъ. Вдругъ пѣвцу вздумалось прогуляться по золѣ очага, и онъ вышелъ изъ своей щели. Бѣдный сверчокъ! Жоко проворно схватилъ его, положилъ въ ротъ, и пожевавъ какъ лакомство, проглотилъ съ удовольствіемъ. Другою жертвою его былъ черный тараканъ, пришедшій подбирать крошки, упавшія со стола. Узнавъ, что обезьяна моя животное насѣкомоядное, я однажды рассы-

паль передъ Жоко цѣлую коробку жуковъ, которыхъ очень много въ нашемъ саду. Надобно было видѣть, съ какимъ искусствомъ онъ окружилъ ихъ своимъ хвостомъ, не пуская бѣжать, и съ какою жадностью началъ хватать ихъ по два и набивать себѣ ротъ, не успѣвая разжевывать. Я боялся, что онъ объѣстся и захвораетъ, и потому повелъ его въ конюшню, но Жоко все оглядывался въ кухню, гдѣ оставалось нѣсколько жуковъ, и сердился, что я помѣшалъ ему наслаждаться.

Рѣшительно Жоко предпочиталъ жуковъ варенью. И когда онъ былъ не въ духѣ, потому-что всѣ мы, люди и животные, капризны, стоило ему только сказать коробку съ жуками, и онъ дѣлался веселымъ и начиналъ скакать.

Было еще одно насѣкомое, которое Жоко любилъ не меньше философа Лаланда—это пауки. Онъ безпрестанно преслѣдовалъ ихъ, гдѣ бы они ни прятались, и готовъ былъ лезть на потолокъ, чтобъ полакомиться этою вкусною дичью. Стало-быть, Жоко былъ не только ползень на конюшнѣ, гдѣ истреблялъ мышей, но помогалъ и горничной чистить комнаты, смѣтая за нее паутину. Я никогда не снималъ съ него цѣпи, которая однако не мѣшала его движеніямъ, но привязывалъ къ ней еще длинную веревку, конецъ которой держалъ самъ, когда онъ занимался охотою за пауками.

Однажды Жоко доставалъ одного паука, спрятавшагося въ складкахъ занавѣски надъ окномъ. Я такъ внимательно смотрѣлъ на его штуки, что выпустилъ на минуту веревку, и Жоко, пользуясь моею оплошностью и открытымъ окномъ, высочилъ на дворъ, потомъ побѣжалъ въ садъ и изъ сада въ селеніе. Цѣпь не много мѣшала ему перелѣзть черезъ рѣшетки и заборы, и онъ осторожно приподнималъ ее хвостомъ, чтобъ она не спугала его ногъ. Дѣти были въ это время въ школѣ, и увидѣли въ открытыя окна моего Жоко. Учитель не могъ ихъ удержать, и они всѣ бросились ловить обезьяну. Жоко не испугался этой погони, криковъ, брошенныхъ камней и палокъ, которыя не попадали въ него. Впрочемъ школьники не хотѣли слѣзать ему никакого вреда, а только играли и забавлялись шутками и ужимками хорошенькой обезьяны. При каждой новой штуцѣ Жоко, мальчишки кричали громче и бросали въ воздухъ свои фуражки. Наконецъ вида, что его окружили со всѣхъ сторонъ, Жоко влезъ на трубу одного дома, и оттуда продолжалъ потѣшать веселую компанію своими гримасами и прыжками. Нашелся однако одинъ шалуни, которому не понравились штуки моего Жоко, и онъ бросилъ въ него камень, который ушибъ ему плечо. Обезьяна показала свои бѣлые зубы, пощелкала ими, какъ-бы вызывая на бой, и бросилась бѣжать по крышамъ, таща за собою цѣпь и нугая жителей страннымъ шумомъ. Все селеніе пришло въ волненіе, и полиція не замедлила бы явиться, еслибъ у насъ была полиція. Но у насъ былъ констабль, онъ же и булочникъ; онъ вышелъ на улицу въ передникѣ съ засученными рукавами и въ бѣломъ колпакѣ, справился, отъ чего произошелъ шумъ и узнавъ, что причиною его была моя обезьяна, приказалъ арестовать нарушительницу общественного спокойствія.

Послѣ этого приказанія все селеніе бросилось ловить бѣднаго Жоко. Но онъ вѣроятно уже нагулялся, или раскаялся въ своемъ поступкѣ и потому, повернувъ назадъ по деревьямъ и крышамъ, добрался до нашего сада, пробѣжалъ черезъ дворъ и вернулся на свое мѣсто въ конюшню. Только ему почему-то пришла фантазія войти въ нее черезъ окно, а не въ дверь. Тамъ онъ спрятался въ сѣно, и надобно признаться, что это была его первая и послѣдняя прогулка. Только съ этихъ-поръ онъ возненавидѣлъ мальчиговъ, помня ударъ камня, и бросался на каждаго ученика нашей школы, съ которыми встрѣчался.

Съ-тѣхъ-поръ случилось, что я иногда и позабывалъ привязать Жоко, но онъ уже не пользовался своею свободою, и потерялъ желаніе гулять по селенію. Однажды онъ смотрѣлъ какъ слуга точилъ ножи, и думая, что это очень легко, схватилъ ножикъ за лезвіе и обрѣзался. Въ другой разъ ему вздумалось чистить сапоги, и замѣнить нашего грума Дика. Онъ сдѣлалъ это такъ усердно, что вымазалъ ваксою подошвы и вылилъ почти цѣлую бутылку ея въ сапоги. Эти неудачи не отвалили его отъ желанія оказывать услуги, и видя, что служанка иногда ставитъ подсвѣчники передъ печкою, чтобъ согрѣть ихъ, Жоко тоже собралъ всѣ шандалы и выставилъ ихъ передъ огнемъ, только онъ забылъ вынуть изъ нихъ свѣчи, которыя, разумѣется, растаяли и потекли по пополу. Наконецъ ему вѣрно надоѣло заниматься унизительною работою, и онъ обратился къ изящнымъ искусствамъ. Найдя карандашъ, онъ началъ на всѣхъ стѣнахъ чертить фрески, которыя ужаснули бы Микель Анджело и Рафаэля.

У Жоко было еще похвальное качество—это чрезвычайная чистоплотность. Онъ заботился о своей шерсти какъ горностаи, и любилъ мыться. Для него часто наполняли теплою водою большую кадку, и онъ сначала опускалъ туда одну лапку, чтобъ испытать температуру воды, потомъ влезалъ весь въ кадку и представлялъ собою копію съ Венеры въ купальнѣ. Потомъ онъ бралъ рукой или ногой кусочикъ мыла и теръ имъ все тѣло до-тѣхъ-поръ, пока вода не простывала. Замѣчая, что она дѣлалась холоднѣе, Жоко выскакивалъ изъ кадки и садился къ камину сушиться и грѣться. Онъ не любилъ, когда на него смотрѣли или подходили въ то время, когда онъ былъ въ ваннѣ. Онъ забрызгивалъ любопытныхъ водою, давая знать, что тайны туалета всегда уважаются.

Однажды въ мое отсутствіе, бѣдный мой Жоко чуть не погибъ страшною смертію. Я не могу ручаться за вѣрность этого эпизода, потому-что не видѣлъ его самъ, но вотъ что разсказываютъ достовѣрные свидѣтели. Кухарка поставила на огонь котелъ съ водою и вышла изъ кухни. Жоко думалъ, что это для него приготовлена ванна, и найдя воду довольно теплою, съ наслажденіемъ погрузился въ чанъ. Но скоро вода начала дѣлаться такъ горяча, что у обезьяны заружилась голова, и она не въ силахъ была выпрыгнуть изъ котла и начала кричать. Къ счастью еще кухарка услышала жалобные стоны моего favorita и спасла его отъ ужасной смерти. Она даже увѣряла, что вода въ котлѣ дѣлалась уже бульономъ изъ обезьяны, но я думаю, что эта

женщина преувеличила опасность Жоко, чтобъ только заслужить мою благодарность.

Не знаю, открыли-ли френологи на черепѣ четверорукихъ шишку истребленія, но увѣряю, что у Жоко эта способность была чрезвычайно развита. Руки его были въ безпрестанномъ движеніи, и онъ рвалъ и ломалъ все, что ему попадалось, не уважая даже женскихъ нарядовъ. Горе неосторожной, которая подходила къ нему очень близко. Онъ успѣвалъ въ секунду разорвать ей платье или шарфъ. Только одной особѣ прекраснаго пола онъ никогда не дѣлалъ непріятностей и оказывалъ къ ней большое расположеніе. Правда, что эта молодая женщина умѣла привлечь къ себѣ и людей, и животныхъ, и Жоко былъ иногда такъ счастливъ, что ему позволяли спать на колѣняхъ этого чуднаго созданія. Вѣроятно онъ тогда видѣлъ во снѣ гурій-обезьянъ.

Я рассказалъ всѣ приключенія Жоко въ нашемъ домѣ, но я былъ студентомъ Оксфордскаго университета, и когда каникулы кончились, то отправился съ нимъ въ храмъ наукъ. Смотритель университета былъ вѣроятно также свѣдущъ въ естественной исторіи, какъ кассиръ соутгемптонской желѣзной дороги, потому-что назвалъ моего Жоко собакою и потребовалъ за него платы, слѣдуя университетскому положенію и предупредилъ, чтобъ моя *собака* не смѣла выходить изъ моей комнаты. Я опять началъ запирать Жоко въ мѣшокъ, и надобно отдать ему справедливость: онъ вѣроятно понялъ, что животнымъ его породы не позволяютъ жить у студентовъ, потому-что прятался всякій разъ, когда слышалъ чужіе шаги въ коридорѣ. Лорду Байрону было гораздо труднѣе прятать своего медвѣженка въ кембриджскомъ университетѣ.

Наконецъ насталъ страшный день экзамена, и такъ-какъ начальники мои знали, что я держу у себя самое неклассическое животное, то я хотѣлъ задобрить ихъ въ мою пользу, отличась во всѣхъ предметахъ. Особенно разсчитывалъ я на свою тетрадь, заключающую въ себѣ весь курсъ профессора и написанную со всевозможнымъ стараніемъ. Отвѣты были всѣ удачны, и наконецъ экзаменаторъ спросилъ меня:

— Составили-ли вы анализъ курса?

Я только этого и ожидалъ, и побѣжалъ въ мою комнату за драгоценною тетрадью.

Увы! отворивъ дверь, я увидѣлъ одни клочки моей продолжительной работы.

— Жоко, закричалъ я съ отчаяніемъ, ты погубилъ и меня и себя!

Но Жоко не понималъ важности своего преступленія, и началъ еще смѣяться и прыгать, видя что я подбираю клочки и стараюсь ихъ сложить. Я былъ такъ великодушенъ, что не наказалъ Жоко, и вернулся въ залу экзамена, блѣдный и грустный. Профессоръ понялъ тотчасъ, что случилось, и разсмотрѣвъ клочки тетради, сказалъ мнѣ милостиво и ласково, чего я, признаюсь, совсѣмъ не ожидалъ:

— По этимъ обрывкамъ, я могу судить, что работа ваша сдѣлана была старательно и потому вы приняты.

Я былъ такъ счастливъ что не могъ сердиться на Жоко, и только посадилъ его на три часа въ мѣшокъ и повѣсилъ на вѣшалку. Но увы! Жоко не долго забавлялъ меня. Онъ захворалъ желудкомъ, и напрасно мы лечили его... онъ умеръ.

Я не могу видѣть чучель животныхъ, и потому слѣлалъ изъ кожи Жоко маленькій коверъ, а скелеть его повѣсилъ въ моемъ кабинетѣ.

In a cabinet, high on a shelf,
He lies a monument to himself.

(Въ кабинетѣ поставленный на полкѣ, онъ самъ составляетъ свой собственный монументъ). (Revue britannique.)

IV.

ПЕТЕРБУРГСКІИ ВѢСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА.

1. ЖУРНАЛИСТИКА.

Три книги «Современника».—Стихотворенія.—Лермонтовъ, Майковъ, Некрасовъ, Фетъ.—Романъ г. Станицкаго.—«Два пріятеля» И. С. Тургенева.—«Дельвигъ».—Странное мнѣніе о гладкости стиховъ.—Рецензія дамскаго альбома.—Семь главныхъ поэтовъ по мнѣнію «Современника».—Что такое поэзія?—Рашель и господинъ Панаевъ.—Возрожденіе иногороднаго подписчика. — Литературный ералашъ. — Стихи и проза ералашныхъ писателей. — Пародія на стихи г. Фета, напечатанная вмѣстѣ съ его стихами. — Біографія Н. В. Гоголя, и метафоры біографа.—Дополнитель біографіи г. Лонгиновъ.—Статья г. П. А—ва, *по поводу* простонародныхъ разсказовъ, упомянутая *по поводу* неправильнаго языка. — Иногородный Подписчикъ и милые ему писатели. — «Литературные гномы и знаменитая артистка». — Легкость составленія подобныхъ портретовъ. — Литературныя приличія.—Что думаетъ о нихъ Иногородный подписчикъ.—Девяносто два стихотворенія г. Тютчева, и одно князя Вяземскаго.—«Муму». повѣсть Тургенева.—Мартовская книга «Отечественныхъ Записокъ».—Стихи и проза Фета.—Стихи Майкова.—«Женихъ изъ ножевой лавки».—Ученый языкъ критическихъ статей.—Нѣсколько словъ рецензентамъ статьи «Павелъ Андреевичъ Федотовъ» въ Отечественныхъ Запискахъ и Петербургскихъ вѣдомостяхъ.—Журналистика и Петербургскія Забѣтки.

Предъ нами три книги «Современника», и мы признаемся, что затрудняемся отдать въ нихъ отчетъ читателямъ Пантеона. Не потому, чтобы мы боялись упрека въ пристрастіи или несправедливости: читатели знаютъ давно наше мнѣніе объ этомъ журналѣ. Но теперь, зная какъ велико авторское самолюбіе, мы боимся, чтобы этотъ журналъ не подумалъ, что мы сердимся на него за нѣкоторыя выходки его, не весьма остроумныя и приличныя,

противъ нашихъ сотрудниковъ. Желали-бы мы, чтобъ онъ могъ заглянуть къ намъ въ душу и убѣдиться, съ какимъ изумительнымъ хладнокровіемъ встрѣтили мы все эти выходки, съ какою добродушною улыбкою прочитали мы ихъ; желали-бы мы даже, въ доказательство нашего совершеннѣйшаго равнодушія ко всемъ этимъ не литературнымъ произведеніямъ—вовсе умолчать объ нихъ, но къ сожалѣнію, намъ не позволяетъ сдѣлать этого принятая нами обязанность—сообщать читателямъ обо всехъ явленіяхъ русской журналистики, не позволяетъ молчать еще болѣе уваженіе къ литературѣ, съ которою такъ не церемонно обращается Современникъ. Такъ будемъ говорить по возможности спокойно о явленіяхъ, дѣйствительно очень рѣдкихъ въ нашей литературѣ.

Первая книга «Современника» вышла очень скромно, была даже интересна. Боялся-ли редакторъ испугать публику эксцентричностью съ первой книги, или готовился удивить ее въ послѣдствіи неожиданнымъ сюрпризомъ, а сначала счелъ нужнымъ задобрить,—во всякомъ случаѣ первая книга была довольно замѣчательна, вышла очень чинно. Она начиналась нѣсколькими строками стиховъ и прозы Лермонтова; дорогими для всякаго, кто уважаетъ память нашего поэта. Въ этой прозѣ, въ этихъ стихахъ нельзя было не узнать Лермонтова; въ нихъ онъ говорилъ, между-прочимъ:

И наконецъ я видѣлъ море!
 Но кто поэта обманулъ?
 Я въ роковомъ его просторѣ
 Высокихъ думъ не почерпнулъ.
 Болѣзнью жизни, скукой болѣзнь,
 (На зло былымъ и новымъ днямъ)
 Я не завидовалъ какъ прежде
 Его серебряной одеждѣ,
 Его бунтующимъ волнамъ.

За Лермонтовымъ слѣдовалъ Майковъ, его прямой наслѣдникъ, съ своимъ прекраснымъ стихотвореніемъ «Юношамъ», въ которомъ въ особенности двѣ послѣднія строфы дышатъ чисто эллинскою пластичностью:

Пить какъ мы, вы не сумѣли:
 Чуть за столъ—и охмѣли
 Чѣмъ и какъ—вамъ все равно!
 Мудрый пьетъ съ самосозаньемъ
 И на свѣтъ и обонянемъ
 Опѣнаетъ онъ вино.

Онъ, теряя тихо трезвость,
 Мысли блескъ даетъ и рѣзвость,
 Умиляется душой
 И владѣя страстью, гнѣвомъ,
 Старцамъ милъ, пріятенъ дѣвамъ
 И доволенъ самъ собой.

За Майковымъ шелъ Некрасовъ съ двумя стихотвореніями и Фетъ съ четырьмя. Одно изъ стихотвореній Некрасова, безукоризненно прекрасное, «Муза», было уже цитировано въ нашемъ журналѣ, въ статьѣ о Федотовѣ, другое: «Такъ это шутка, милая моя?» не прибавляетъ ровно ничего къ извѣстности поэта; послѣднее сравненіе любовника, получившаго сухое письмо отъ своей возлюбленной, съ ребенкомъ, отъ котораго нянька забьется въ кусты, пугая его, кажется намъ и неудачнымъ, и даже смѣшнымъ. Изъ стихотвореній Фета одно, переведенное изъ Горация, было цитировано нами въ статьѣ нашей о Рашели, второе: «Растутъ, растутъ причудливыя тѣни» довольно темно, и заключаетъ въ себѣ много неточныхъ, хотя и картинныхъ выраженій, напริมѣръ:

Уже позлатилъ послѣднія ступени (чего?)
Перебъжавшій день.

Третье: «На Днѣпрѣ, въ полноводье» чрезвычайно картинно, но неоконченно. Вотъ одна строфа изъ него:

И подъ лобзанія несмолкнувшей струи,
 Пѣвцы, которымъ лѣсъ да волны лишь внимали,
 Съ какой-то вѣгою задорной соловья
 Пустынный воздухъ раздражали.

Въ послѣднихъ двухъ строкахъ этой строфы, повидимому весьма обыкновенныхъ, есть какое-то странное обаяніе, въющее отъ многихъ стиховъ Фета и составляющее отличительный характеръ его произведеній. Трудно опредѣлить себѣ ясно и рѣзко то чувство, которое поднимается на сердце при чтеніи лучшихъ его стихотвореній, и между тѣмъ вы все-таки ощущаете, что проснулось въ васъ какое-то новое чувство, что оно сродни чувству, высказываемому поэтомъ. Это смутное, безсознательное стремленіе, это настроеніе души къ чему-то особенному, не подходящему къ разряду обыденныхъ явленій жизни, не есть-ли лучшее доказательство самобытнаго, поэтического таланта въ г. Фетѣ? Кто можетъ прочесть спокойно, безъ того, чтобъ не напомнило оно ему много, слѣдующее стихотвореніе Фета:

Люди спать; мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ,
 Люди спать; однѣ лишь звѣзды къ намъ глядятъ—
 Да и тѣ не видятъ насъ среди вѣтвей.
 И не слышатъ—слышитъ только соловей...
 Да и тотъ не слышитъ: пѣснь его громка.
 Развѣ слышатъ только сердце, да рука:
 Слышитъ сердце, сколько радостей земли,
 Сколько счастья сюда мы принесли;
 Да рука, услыша, сердцу говорить,
 Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ,
 Что и ей отъ этой дрожи горячо,
 Что къ плечу невольно клонится плечо...

Кто не скажетъ, что отъ этихъ простыхъ, но задушевныхъ стиховъ, согрѣтыхъ теплымъ чувствомъ, вѣетъ весною природы, весною жизни, весною любви и счастья?.. Надо не чувствовать въ себѣ никакой поэзіи, чтобъ оставаться равнодушнымъ къ стихамъ г. Фета.

Вѣроятно для круглаго счета десяти стихотвореній прибавлена къ этимъ прекраснымъ стихамъ «Старая дорога» г. Жемчужникова, въ которой онъ изъявляетъ сильное желаніе, что авось-деската прійдетъ пора и люди пойдутъ по старому пути, чего ему очень хочется, вѣроятно какъ ревнителю просвѣщенія, — и переводъ изъ Байрона какого-то господина Л., напечатанный вѣроятно, съ цѣлью, чтобъ показать, какъ не слѣдуетъ переводить Байрона, или для контраста со стихами Фета, Некрасова и Майкова, у которыхъ, конечно, не ходитъ «извилистой тропкою въ груди согрѣтая змѣя, какъ у г. Л.

Изъ прозаическихъ статей, первое мѣсто дано новому роману г. Станицкаго, этого усерднаго сотрудника Новаго Поэта. Мы поговоримъ о «Мелочахъ жизни» когда онъ окончатся, а теперь замѣтимъ только, что не бѣда не знать по-французски, но приводя съ какою-нибудь цѣлью французскія фразы въ своемъ романѣ, слѣдуетъ справиться по-крайней-мѣрѣ объ ихъ правоисаніи. Авторъ пишетъ вездѣ: *bel-soeur*, и это не опечатка, потому-что слово это встрѣчается нѣсколько разъ даже на одной и той же страницѣ. Это напомнило намъ старинный анекдотъ объ одной дамѣ, хотя и называвшей себя для благозвучія чѣмъ-то въ родѣ Эйдокси или Эйжени, но говорившей: *je ne veux pas se placer ici, laissez-moi se reposer* и т. п. Дама эта сильно преслѣдовала и желала интриговать въ маскарадѣ одного французскаго артиста, но жестокий чужеземецъ съ первыхъ словъ эксцентрической дамы оставилъ ее, замѣтивъ довольно громко и основательно, что для того, чтобъ выказывать свою любезность французу, слѣдуетъ прежде всего выучиться говорить по-французски.

Повѣсть И. С. Тургенева «Два пріятели», хотя и отодвинута на второй

планъ и помѣщена возлѣ романа г. Станицкаго, но принадлежитъ къ числу очень замѣчательныхъ разсказовъ. Содержаніе ея не богато. Въ свою деревню пріѣзжаетъ молодой помѣщикъ, характера довольно вялаго, непостояннаго, апатическаго. Онъ знакомится съ своимъ сосѣдомъ, стоящимъ гораздо ниже его по образованію, какимъ-то отставнымъ поручикомъ, и даже сдружается съ нимъ, отъ нечего дѣлать. Видя, что пріятель его скучаетъ, отставной поручикъ задумалъ его женить и возить по разнымъ уѣзднымъ невѣстамъ, сначала къ лихой вдовѣ Софьѣ Кириловнѣ, у которой, по словамъ автора, впрочемъ превосходно обрисовавшаго эту вдову, *мальчишескій* видъ; потомъ приводитъ онъ жениха въ семейство Тиходуевыхъ, дочка которыхъ Эмерансія Калимоновна немножко утрирована; наконецъ къ какому-то Степану Петровичу, на дочери котораго, Вѣрочкѣ, женится Борисъ Андреевичъ (имя перваго пріятеля), тоже не обдумавши хорошенько, не имѣя къ ней особенной привязанности, и скорѣе также отъ нечего дѣлать. Вѣрочка добрая, но необразованная дѣвушка, и Борисъ Андреевичу въ скоромъ же времени (или, какъ пишетъ авторъ, не совсѣмъ правильно—въ скорости) сдѣлалось очень скучно. Признаемся, что въ его характерѣ мы не видимъ объясненія причины этой скуки. Жилъ же онъ до женитьбы одинъ, съ своимъ не образованнымъ пріятелемъ, и не пытался вырваться изъ этой жизни. Но теперь почему-то сдѣлалась она ему невыносима, и чтобъ развлечься, онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда за границу, потомъ упалъ какъ-то съ парохода въ Штетинѣ и утонулъ. На вдовѣ его женился пріятель его, отставной поручикъ.

Особенной идеи, особенныхъ красотъ и достоинствъ нѣтъ въ повѣсти г. Тургенева, но она написана такъ просто и мило, сцены въ ней такъ вѣрны натурѣ, такъ безъискусственны, что она читается съ большимъ удовольствіемъ нежели иное болѣе глубокомысленное произведеніе.

Далѣе въ этой книгѣ «Современника» начатъ переводъ «Холоднаго дома» Диккенса; мы замѣтили, что начало это гораздо полнѣе, нежели въ «Отечественныхъ Запискахъ». Статья г. Дружинина о жизни и произведеніяхъ Шеридана, очень любопытна и хорошо составлена. Мы говорили уже, что подобныя статьи объ англійскихъ писателяхъ, которыхъ г. Дружининъ изучалъ, какъ видно, основательно, читаются всегда съ удовольствіемъ, лишь-бы онѣ не были такъ утомительно-длины, какъ статьи о Джонсонѣ и Босвелѣ, и не заключали-бы въ себѣ неумѣренныхъ и неумѣстныхъ восхваленій лицъ, подобныхъ этому надутому педанту Джонсону и приторному паразиту Босвелю. Во всякомъ случаѣ эти статьи г. Дружинина гораздо выше его повѣстей и неизмѣримо выше его фельетоновъ о русской литературѣ.

Въ высшей степени любопытна третья статья В. П. Гаевского о Дельвигѣ. Въ ней такое множество самыхъ богатыхъ и разнообразныхъ биографическихъ и библиографическихъ свѣдѣній, что намъ только остается удивляться трудолюбію и терпѣнію автора, собравшаго все эти свѣдѣнія. Половина ихъ, конечно, вовсе не относится къ Дельвигу а рисуетъ современную ему эпоху и писателей, и намъ отчасти жаль, что такъ много труда и знанія потрачено по поводу писателя, далеко не первокласснаго, какимъ былъ Дельвигъ. Русская литература вправе ожидать отъ Гаевского подобной же критической біографіи, но одного изъ ея главныхъ корифеевъ. Замѣтимъ также, что при множествѣ примѣчаній, сопровождающихъ статью, напрасно не сдѣлана отдѣльная послѣдовательная нумерація этимъ примѣчаніямъ; безъ этого легко спутаться въ безчисленныхъ выноскахъ испещряющихъ каждую страницу.

Въ разборѣ книгъ хорошія статьи стоятъ рядомъ съ весьма слабыми и несправедливыми. Такъ послѣ дѣльнаго разбора «Науки поэзіи» переведенной г. Дмитриевымъ, помѣщенъ странный разборъ «Деревенскаго случая», г-жи Хвоцинской. Рецензентъ доказываетъ негладкость стиховъ ея... чѣмъ бы вы думали? Тѣмъ, что переставивъ нѣсколько словъ въ одной строфѣ, ее можно прочесть легко какъ прозу. Но помилуйте! чѣмъ же замѣчательны лучшія стихотворенія Пушкина и Лермонтова, какъ не тою же прозаическою простотою склада этихъ стиховъ. Въ этомъ-то и заключается ихъ достоинство, что вы и въ прозѣ не выскажете проще и яснѣе мысль, выраженную стихами. Попробуйте сказать лучше прозою, на примѣръ, эти стихи:

Я васъ любилъ: любовь еще быть можетъ
 Въ моей душѣ угасла не совѣмъ,
 Но пусть она васъ больше не тревожитъ,
 Я не хочу печалить васъ ничѣмъ,

или слѣдующіе:

Вьются бѣлые султаны
 Какъ степной ковыль,
 Мчатся пестрые уланы
 Поднимаютъ пыль,
 Баттаренъ мѣднымъ строемъ
 Скачутъ и гремятъ,
 И дымясь какъ передъ боемъ,
 Фитили горятъ.

и вы убѣдитесь сами, что чѣмъ лучше стихи, тѣмъ они ближе подходятъ къ прозѣ конструкціею фразъ. Рецензентъ этой статьи совѣтуетъ также г-жѣ Хвоцинской не писать стихами потому, что она хорошо

пишетъ прозой, какъ будто всѣ наши лучшіе прозаики не пишутъ также хорошо стихами, и наоборотъ, всѣ поэты не владѣютъ хорошо перомъ и въ прозѣ.

Рецензія «Дамскаго Альбома» также очень замѣчательна. По поводу этой пустой компиляціи рецензентъ написалъ тринадцать страницъ въ формѣ письма къ самому себѣ (старая выдумка)! Главный предметъ письма сѣтованіе на упадокъ въ наше время поэзіи и на то, что на нее обращаютъ мало вниманія въ журналахъ. Первое—несправедливо, второе не относится къ Пантеону, всегда съ участіемъ слѣдившему за всѣми произведеніями нашей музы.

Рецензентъ съ пронику сожалеетъ даже объ умолкнувшихъ поэтахъ и говоритъ:

Мнѣ жаль, что нѣтъ теперь поэтовъ,

Какіе были въ прежніи дни

Нѣтъ Тимофѣевыхъ, Бернетовъ

(Ахъ, отчего молчатъ они?)

Съ семьей забвенныхъ старожиловъ,

Скорбю на склонѣ дней моихъ,

Что лирой пренебрегъ Стромилловъ,

Что Печенеговъ, приутихъ;

Что умеръ бѣдный Якубовичъ,

Что дремлетъ Константинъ Петровичъ,

Что о другихъ пропалъ и слѣдъ;

Что нѣту госпожи Падерной,

У коей былъ талантъ примѣрной

И Розена барона нѣтъ,

Что нѣтъ Туманскихъ и Трилуновыхъ,

Не пишетъ больше Бороздна,

И намъ отъ лиръ ихъ сладкострунныхъ

Осталась память лишь одна.

Не смотря на то, что въ этомъ стихотвореніи смѣшаны поэты разныхъ эпохъ и дарованій, что въ число ихъ попалъ г. Бернетъ, писатель съ талантомъ неподдѣльнымъ и не попали другіе, гораздо болѣе заслуживавшіе насмѣшки, все таки нельзя безъ улыбки прочесть эти стихи. Но слѣдующая за ними проза вся состоитъ изъ ложныхъ или странныхъ выводовъ. Такъ рецензентъ говоритъ, что Отечественныя Записки не замѣчаютъ въ нашей литературѣ Майкова, тогда какъ этотъ журналъ напечаталъ гораздо болѣе стиховъ этого поэта, чѣмъ Современникъ. Далѣе, говоря о лучшихъ русскихъ поэтахъ, Современникъ насчитываетъ ихъ семь: Майковъ, Фетъ, Полонскій, Щербина, Минъ... до сихъ поръ это вѣрно, но кого же присоединяетъ къ нимъ рецензентъ?

Г-на Жемчужникова, автора во-первыхъ, одноактной пьесы, выкроенной изъ французскаго водевиля, во-вторыхъ другой одноактной пьесы, выкроенной изъ записокъ доктора Крушова и въ-третьихъ *одного* плохаго стихотворенія, о которомъ мы говорили выше. Седьмой знаменитый поэтъ, по мнѣнiю Современника, какой-то безыменный господинъ Л. переводчикъ (и, прибавимъ мы, очень плохой) двухъ стихотвореній изъ Байрона и авторъ одного оригинальнаго *Дантъ въ Венеции*, о которомъ мы уже говорили. И за такія-то пустыя и малочисленныя произведенія, Современникъ ставитъ этихъ господъ Л. и Ж. подлѣ Майкова, Фета и проч. Дешево же можно приобрѣсть славу въ этомъ журналѣ! Правда, что еслибъ эти господа не писали въ Современникѣ, то конечно не были бы возведены въ званіе первыхъ изъ семи русскихъ поэтовъ.

Не понимаемъ также, что значить выноска при имени г. Фета, въ которой сказано, что онъ будетъ *постояннымъ* сотрудникомъ Современника (*постоянный* напечатано курсивомъ въ выноскѣ). Не думаемъ, чтобъ этимъ эпитетомъ хотѣли сказать, что онъ будетъ исключительно печататься въ Современникѣ, потому что уже въ мартовской книгѣ Отечественныхъ Записокъ помѣщены не только стихи, но и проза г. Фета, а съ мартовской же книги имя г. Фета уже исчезаетъ въ Современникѣ. Что же означаетъ эпитетъ *постоянный*?

Любопытны также въ этой рецензiи слѣдующія строки о поэзи: «поэзія лучшее украшеніе всякой литературы, поэзія—вѣнецъ возможно-го человѣку (т. е. для человѣка) творчества, поэзія—источникъ самыхъ высокихъ, прекрасныхъ и чистыхъ наслажденій, какія когда-либо испытывалъ и будетъ испытывать человѣкъ. Мы всегда давали и готовы давать ей первое мѣсто въ нашемъ журналѣ, какъ ей принадлежать наши самыя горячія и искреннія литературныя симпатіи». Мы сейчасъ видимъ, какъ Современникъ доказываетъ на дѣлѣ свое уваженіе къ поэзи.

Помѣщенное въ смѣси извлеченіе изъ лекцій Теккеря объ англійскихъ юмористахъ очень коротко, и самыя лекціи весьма не полны. Иностранныя новости составлены безъ системы и не новы; въ сужденіяхъ объ итальянской оперѣ есть много до того странныхъ сужденій, что какъ-то невѣрится, чтобы статьи эти писалъ человѣкъ знающій музыку. Такъ, на примѣръ, этотъ дилетантъ безъ церемоніи говоритъ, что въ Верди нѣтъ ни капли таланта, и что все, даже финалъ третьяго акта Эрнани, жалкая мелодія и нестерпимый шумъ. Какъ же послѣ этого назвать его мнѣніе о музыкѣ и о Верди? Не лучше-ли будутъ итти эти эпитеты къ статьѣ неизвѣстнаго рецензента?

О статьѣ г. Панаева, въ которой онъ восторгается Рашелью, мы уже говорили, разбирая игру этой *трагедіантки*. Онъ восхищается

всѣмъ и Роксаной, находя, что въ этой роли очень много истинно-человѣческихъ чувствъ, и Тизбой, говоря что въ этой роли Рашель была «ядовитой куртизанкой». Въ пафосѣ восторга г. Панаевъ даже фантазируетъ, увѣряя, что *Гоголю* давали послѣ *Партіи въ шапки*, чего никогда не было, и что въ этой роли Рашель вышла на сцену «кровавая и съ покосившимся ртомъ».

Наконецъ въ этой же книгѣ Современника явился снова иногородный подписчикъ съ своими письмами, вторично переѣхавшій изъ Библиотеки для Чтенія въ журналъ, впервые пріютившій его экстравагантности и джентльменство. Выходить, что мы слишкомъ рано порадовались исчезновенію этого подписчика, и должны говорить теперь о его возникновеніи. Впрочемъ, что же можемъ сказать мы новаго объ этомъ развязномъ фельетонистѣ? Онъ самъ, со свойственною ему любезною откровенностью, сообщаетъ о себѣ все, что намъ нужно и чего даже вовсе не нужно знать. Такъ онъ съ первыхъ строкъ увѣдомляетъ, что шесть мѣсяцевъ не читалъ ни одного журнала, что онъ самъ, иногородный подписчикъ—помѣщикъ Петербургской губерніи, и что около его *виллы* по берегамъ десятиверстныхъ озеръ растутъ строевые лѣса, что у него въ деревнѣ поселился пріятель, обязавшійся лично доставить фельетонъ подписчика въ редакцію Современника, что онъ (дѣло все идетъ о самомъ подписчикѣ) литераторъ, обязанный литературѣ именемъ, часами *несокрушимой* радости, умноженіемъ своихъ доходовъ, не хочетъ съ помощью легкой шуточки отдѣлаться отъ чтенія журнальныхъ статей или подкурить оиміамъ пріятелю. И послѣ всѣхъ этихъ признаній подписчикъ восклицаетъ: «Я самъ показался себѣ жалокъ и зловреденъ». Помилуйте! Какъ можно! За что такое униженіе? Мы бы никогда не рѣшились сказать этого.

Разсказавъ всѣ эти подробности, имѣющія такое прямое отношеніе къ журналистикѣ и такой интересъ для читателей, подписчикъ начинаетъ говорить... о журналахъ, думаете вы? Нѣтъ еще, погодите, торопиться некуда; онъ рассказываетъ прежде, какъ былъ «отчаянно влюбленъ въ женщину, имѣвшую нѣсколько глухой и утомленный голосъ, но въ то же время нѣжный, и какъ теперь «при одномъ воспоминаніи объ этомъ голосѣ, горячая кровь бѣжитъ отъ сердца къ лицу, выше и выше». Куда же бы это выше лица? не поясняется.

Подписчикъ самъ замѣтилъ, что это мѣсто въ его фельетонѣ — лирическое (позвольте однако же: развѣ лиризмъ синонимъ беземыслицы?) и хотѣлъ вычеркнуть его «по врожденной добросовѣстности», но «разсудивъ о десяти строкахъ печатныхъ, рѣшился оставить дѣло въ прежнемъ видѣ». По поводу этого откровеннаго признанія, онъ пишетъ

еще двадцать—четыре строки, что съ прежними десятью составитъ уже тридцать—четыре, и начинаетъ толковать о литературномъ трудѣ, о Дюма и Фудрастѣ, наполняя свои фразы русскими словами въ родѣ: *плагиатъ*, *грастификація*, и проч. Потомъ онъ переходитъ къ предмету, болѣе всего занимающему его, то есть къ самому себѣ, говорить, что онъ «по природѣ робокъ и гордъ», что онъ можетъ писать фельетоны не хуже Жюль-Жанена, и что если ему подарить кто—нибудь дачу или копию статуи Кановы, то онъ «не приметъ такого вниманія себѣ въ обиду.»

Этимъ оканчивается обзоръ русской журналистики за декабрь мѣсяца прошлаго года. Трудно повѣрить, чтобъ неперемонность съ публикою доходила до такой степени. Тринадцать страницъ, наполненныхъ самою пустою болтовнею, и ни слова о томъ, что должно было сказать. Не знаемъ какъ и назвать подобныя явленія!

Все это однакоже еще ничего въ сравненіи съ сюрпризами, которыми угостилъ Современникъ своихъ читателей во второй книгѣ.

Въ этой книгѣ прежде всего поражаетъ отдѣльный почти бѣлый листъ бумаги, на которомъ напечатано крупными буквами: *Литературный Ералашъ*, съ слѣдующимъ эпитафюмъ:

Кто видитъ жизнь съ одной карманной точки,

Кто тупъ и золъ и холоденъ какъ ледь,

Кто наровитъ съ печатной каждой строчки

Взывать такой или такой доходъ.

На этомъ стихѣ мы остановились и подумали, для чего же этотъ заглавный листокъ и такой приличный къ нему эпитафюмъ попали не въ начало, а въ конецъ книги? Что касается до насъ, мы думаемъ, что статьи, озаглавленные совершенно удачнымъ именемъ литературнаго ералаша, совершенно напрасно отдѣлены отъ прочихъ статей этого журнала, болѣе или менѣе подходящихъ къ этому отдѣлу. Исключенія, конечно, встрѣчаются, но извѣстно, что исключенія только подтверждаютъ правила.

Что же заключается прежде всего въ этомъ ералашѣ? Почему заботливость редакціи удѣлила нѣкоторымъ, очевидно любимымъ ея статьямъ, болѣе почетное мѣсто? Первое мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимаетъ споръ греческихъ философовъ объ изящномъ. Въ стихотвореніи этомъ нѣтъ никакого содержанія, но за то сохраненъ мѣстный колоритъ, едва ли не первый разъ являющійся на русскомъ языкѣ въ такихъ положительныхъ картинахъ.

Потомъ идутъ еще двѣ пародіи неизвѣстно на что и на кого, и семьдесятъ—пять афоризмовъ въ родѣ слѣдующихъ:

Нигдѣ жилья не видно на просторѣ,
 Вдали огня иль пѣсни и не ждешь,
 Все степь, да степь. Безбрежная какъ море
 Волнуется и наливаетъ рожь.

Покрылись нивы сѣтью золотистой;
 Тамъ перепелъ откликнулся вдали,
 И слышу я въ изложивѣ росистой
 Въ полголоса скрипятъ коростели.

Что же это такое, спрашиваете вы? Пародія на стихи г. Фета, помѣщенная въ той же книгѣ, гдѣ напечатано его стихотвореніе!.. Фактъ любопытный и первый разъ являющійся въ русской литературѣ; какъ послѣ этого не повѣрить, что «Современникъ» считаетъ поэзію лучшимъ украшеніемъ всякой литературы, и что ей, этой поэзіи, принадлежать все его симпатіи.

Далѣ въ этой книгѣ начинается опытъ біографіи Николая Васильевича Гоголя, продолжающійся и въ слѣдующей книгѣ и написанный какимъ-то неизвѣстнымъ лицомъ, господиномъ Николаемъ М***. Никто, конечно, не будетъ сомнѣваться въ томъ, что намъ любопытны подробности жизни и трудовъ нашего писателя, но никто, конечно, не скажетъ, чтобъ потомству любопытно было читать всякую записку, которую Гоголь писалъ къ своему лавочнику. А біографія эта набита именно большею частью подобными письмамъ и записками. Большая половина первой статьи была уже напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1852 году, остальная очень мало интересна. Но всего страннѣе въ этой статьѣ ея языкъ, до того насыщенный и неправильный, что отталкиваетъ отъ себя всякаго читателя, который захотѣлъ бы почерпнуть изъ этой статьи какія-нибудь свѣдѣнія о Гоголѣ. Примѣровъ множество на каждой страницѣ. Такъ, по словамъ біографа, въ Гоголѣ «скрывались высокія стремленія къ пользѣ ближняго, оказавшіяся въ послѣдствіи *подкладкою* его юмористическихъ произведеній». Великолѣпная метафора, выкроенная, кажется, изъ знаменитой драмы, гдѣ героемъ портной Петанлеръ! Біографъ очевидно страстно любитъ подобныя метафоры, такъ онъ пишетъ: «Пускай бы Гоголь родился въ самомъ *монотонномъ* уголкѣ Россіи, посреди какихъ-нибудь зырянъ или калмыковъ: онъ и тамъ высосалъ бы изъ родной почвы соки для цвѣтовъ воображенія и плодовъ мыслящаго духа». «Казакія войны — этотъ огонь, прицаявшій его родину къ крѣпкому, родственному ей *составу* сѣверной Россіи», «Гоголь ни противъ кого не оцетинивался жесткою стороною своей души». На которой же это сторо-

нѣ души растутъ щетины? «Въ этотъ-то *трепетный* жаръ къ поэзіи, который Пушкинъ и его блистательные спутники разнесли по всей Россіи, раскрылись первыя семена творчества Гоголя, но выражались сперва, разумѣется, бесплодными и безцвѣтными побѣгами, какъ и у всѣхъ дѣтей, которымъ предназначено быть замѣчательными писателями.» Что это за трепетный жаръ, который разнесли по Россіи? Не говоримъ уже о странности мнѣнія, будто всѣ замѣчательные писатели должны сначала писать вздоръ. Послѣ этого каждый пачкунъ бумаги, котораго наказываютъ въ классѣ за нелѣпое сочиненіе, вправѣ сказать, что онъ тоже будетъ въ послѣдствіи замѣчательнымъ писателемъ. Неправильныхъ и странныхъ выраженій въ этой статьѣ также не мало. Авторъ пишетъ: чужеземца, востосковался за друзьями и людьми, бралъ изъ себя недостатки и *отвергаясь ихъ*, предавалъ посмѣянію, и прочее. Литературныя мнѣнія біографа также очень странны. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что фантазія Гоголя родственна Вальтеру-Скотту, потому называетъ его прямо Вальтеръ-Скоттомъ, а наконецъ даже Гёте (!?)

Во второй статьѣ еще больше рѣдкостей. Сознаваясь, что для многихъ цитируемыя имъ писема будутъ будничною прозою, біографъ говоритъ, что ему «чудятся въ нихъ поэтическіе мотивы». Дальше этого увлекаться невозможно, и мы оставляемъ Николая М*** съ его біографіею, замѣтивъ только на прощаніи, что слова *стимуль* нѣтъ въ русскомъ языкѣ, и что писать *дата* вмѣсто число, болѣе чѣмъ странно.

Найдя, вѣроятно, что біографъ Гоголя не все высказалъ объ немъ, господинъ Михаилъ Лонгиновъ прибавляетъ отъ себя четыре странички, подъ громкимъ названіемъ: «Воспоминаніе о Гоголѣ», въ которомъ сообщаетъ читателямъ, что Гоголь училъ его, господина Лонгинова, русскому языку. Принимаемъ съ должнымъ почтеніемъ это важное извѣстіе, равно драгоценное для біографіи Гоголя и господина Лонгинова, но не можемъ не припомнить по этому случаю анекдотъ объ одномъ учителѣ каллиграфіи, который отвѣчалъ однажды на слова: какъ хорошо пишетъ Пушкинъ,—да! это я училъ его писать! Намъ не случилось еще встрѣчать имени господина Лонгинова ни подъ одной статьею, кромѣ этого «Воспоминанія», но не думаемъ, чтобъ Гоголь училъ его составлять фразы, въ родѣ слѣдующей, которую мы выписываемъ слово въ слово, отъ точки до точки, съ дипломатическою точностью:

«Но отъ такой попытки, доступной людямъ, уже знакомымъ съ предметомъ и ищущимъ только разсмотрѣнія его лекторомъ съ новой стороны, до возможности преподавать цѣлый ученый курсъ такъ же да-

леко, какъ и до умѣнья элементарнымъ образомъ передавать ученикамъ какія либо свѣдѣнія».

«Новаторство» говоритъ далѣе господинъ Лонгиновъ, было однимъ изъ отличительныхъ признаковъ характера Гоголя. «Если это *новаторство* состояло въ сочиненіи подобныхъ тяжелыхъ фразъ, мы не поздравляемъ съ нимъ ни ученика, ни учителя. Впрочемъ стоить ли писать легко и правильно, когда мы можемъ имѣть право на литературное безсмертіе какими-нибудь «Житейскими глупостями» или Ералашемъ!

Такимъ же надутымъ, тяжелымъ, неправильнымъ языкомъ написаны двѣ статьи г-на П. В. А-ва: «*по поводу* романовъ и рассказовъ изъ простонароднаго быта» (замѣтьте, что и новый поэтъ пишетъ тоже статьи *по поводу* русской журналистики. Это любимая фраза Современника). Господинъ А-въ сочиняетъ въ этой статьѣ такія фразы, которыя очень трудно понимать прилежному истолкователю литературныхъ иероглифовъ. На третьей же страницѣ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, слѣдующій періодъ: «Еще хуже бываетъ, когда коснется дѣло до выраженія нравственнаго достоинства, *присущаго такъ много* лицамъ простонародья. Здѣсь является опять литературное пониманіе его, *по часту расходящееся* съ простымъ, менѣе требовательнымъ пониманіемъ самаго круга (?) Часто ускользаетъ выводимый характеръ изъ-подъ пера автора, и послѣдній долженъ бѣжать за нимъ стремглавъ, чтобъ возратить его окольными путями опять къ своей должности достойнаго лица (??)». Въ извѣстной степени представленія эти не чужды никакому классу, но они никакъ не составляютъ тяжелой ноши для здоровыхъ плечъ, и авторъ иногда принужденъ гнуть постороннее лицо къ землѣ только силою своего произвола (???) Что же это такое? Гдѣ ключъ къ этимъ иероглифамъ, гдѣ смыслъ въ этомъ наборѣ тяжелыхъ фразъ? И все это на первыхъ страницахъ, и еще прежде есть въ ней и *открыватель* новаго міра, и романы, *скатывающіеся* по многимъ ступенямъ жизни, а потомъ попадаетея: гуца плюща, *тлетворное* господство, *легендарное* содержаніе, поприще *переталкиваній*, похвальба самимъ собою или заявленіе самого себя, легко *опознаться*, праздная *тупота*, рука, навыкшая держать руль повѣствованія, управитель, *подъ* собственными его глазами, похищаетъ дѣвushку, эскизъ *умаленъ*; предметъ описая стоять еще враждебно къ самому способу описанія его и проч., и проч. Мы не говоримъ уже о страсти къ метафорамъ, общей г. А-ву съ г. Николаемъ М*. Переведемъ для примѣра только двѣ, не желая утомлять вниманія читателя.

«Въ *манерѣ* представленія народнаго быта, словно отъ примѣся

какого-то ядовитого вещества, есть краски, подающія характерныя черты его облика, или въ крайнемъ случаѣ значительно ослабляющія ихъ.»

«Писателю остается выборъ изъ противорѣчащихъ подробностей, очистка ихъ и уже потомъ созданіе характера на основаніи кристалловъ, очутившихся въ ретортѣ послѣ этого процесса.»

Не Литературный ли Ералашъ вся эта дребедень?

Письмо Иногороднаго Подписчика во второй книгѣ «Современника» отличается отъ письма въ первой только тѣмъ, что въ немъ говорится немножко и о журналахъ. Какъ и что говорится, это вопросъ особый. Съ первыхъ страницъ читатель видитъ только, что подписчикъ желаетъ быть очень любезнымъ. На восьми строкахъ у него встрѣчается три раза эпитетъ *милый*; у него и Державинъ не чуждъ *милаго* направленія, и Карамзинъ съ *милой* душой, и Лермонтовъ съ *милыми* чертами; есть даже *милая* популярность. Неправда ли, какъ однимъ этимъ эпитетомъ подписчикъ удачно провелъ разницу между Державинимъ и Карамзинимъ, прекрасно характеризовалъ значеніе этихъ поэтовъ? Истинно *любезная* статья (тоже выраженіе подписчика *по поводу* одной статьи о Званкѣ). Мы чуть не забыли сказать, что говоря о статьѣ г. Яковлева «Помпея», подписчикъ и его называетъ уже подъ стать къ Державину и Карамзину *мильишимъ* изъ энтузіастовъ. По поводу статьи г. Яковлева подписчикъ употребляетъ также очень милое выраженіе: «Теккерей далъ мнѣ однажды запустить око въ Помпею.»

Въ иностранныхъ новостяхъ говорится какъ о новости объ Исторіи драматической литературы «Жюль-Жанена», вышедшей въ апрѣлѣ прошлаго года. Въ статьѣ г. Панаева о Рашели та же восторженность и наборъ громкихъ фразъ и общихъ мѣстъ. Есть у него и видъ *раздувающійся* до паюса, и даже какой-то трепеть, которымъ вѣетъ отъ «Гораціевъ» Корнеля; лице Рашели у него «озаряется крѣпкимъ свѣтомъ, какъ небо при занимающейся утренней зари, но этотъ свѣтъ вскорѣ разгорается и ярко вспыхиваетъ какъ-будто отъ появленія солнца». Подобныя же гиперболы есть и въ статьѣ объ итальянской оперѣ. Такъ голосъ г-жи Лагранжъ кажется рецензенту озареннымъ луннымъ свѣтомъ. Восторженность не извиняетъ однако же музыкальнаго незнанія. Можемъ увѣрить г. рецензента, что Нѣмецкой оперы «Возстаніе въ Сералѣ» вовсе не существуетъ, а есть «Похищеніе изъ Серала», что, конечно, не одно и тоже.

Но всѣ эти рѣдкости меркнутъ передъ Литературнымъ Ералашемъ третьей книги «Современника». Сознаемся, что мы никогда не встрѣчали ничего въ нашей литературѣ подобнаго статейкѣ «Литературныя гномы и знаменитая артистка.» Она наполнена такими выраженіями и

картинами, какихъ намъ давно не удавалось видѣть. Сцена эта названа фантастической, и дѣйствительно въ ней выведены такія лица, какія могутъ родиться только въ воображеніи самомъ разстроенномъ. Сколько разъ приходилось намъ повторять черезъ-чуръ усерднымъ сочинителямъ стихи Лермонтова:

Съ кого они портреты пишутъ,
Гдѣ разговоры эти слышатъ —
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ.

Всѣ увѣщанія были напрасны, и литературные ерешники продолжаютъ по-прежнему писать свои

Намеки темные на то,
Чего не вѣдаетъ никто.

Сочинить подобную исторію ничего не стоить. Набрать карикатуръ и заставить ихъ говорить мнимоостроумныя вещи или просто пошлости, дѣло очень легкое. Мы точно также могли бы представить подобную же фантастическую сцену, если не въ комнатѣ литературнаго гнома, то въ кабинетѣ какого нибудь стараго стихоплета, наполненномъ неразрѣзанными книгами, о которыхъ онъ пишетъ статьи окурками сигаръ, пробками съ изображеніемъ кометы, смятыми камеліями и другими литературными предметами. Но развѣ можно назвать литературой подобныя произведенія? Развѣ подобныя сцены доказываютъ уваженіе къ искусству? Нѣтъ, у насъ не поднимается рука на описаніе такихъ сценъ; мы не станемъ наполнять ими нашего журнала, изъ опасенія оскорбить эстетическій вкусъ нашихъ читателей. Литературный Ерешашъ. Но оставимъ этотъ Ерешашъ, о которомъ мы заговорили противъ нашей воли. Не разбирать же намъ, въ-самомъ-дѣлѣ, стихотвореній, начинающихся стихами:

У кого болитъ затылокъ,
Тотъ ужъ пятокъ не чеши

или оканчивающихся слѣдующими:

Стоитъ огородникъ угрюмо
И пальцемъ копаеть въ носу.

Скажемъ нѣсколько словъ о другихъ статьяхъ этой книги, приведа къ-ти лучшія строки изъ письма Иногороднаго Подписчика въ этой же книгѣ: «Сочувствіе столичныхъ жителей къ русской словесности растетъ не по днямъ, а по часамъ. Забывши наши крошечныя несогласія и братски

взявшись за руки, отблагодаримъ русскаго читателя за его любовь ко всему отечественному. Въ наше время, болѣе чѣмъ когда либо, стыдно будетъ тому, кто чѣмъ либо запятнаетъ почетное званіе литератора, кто примется сплетничать и вредить своимъ собратіямъ по искусству.»

Въ этой же книгѣ «Современника» помѣщены *девяносто два* стихотворенія г. Тютчева, съ особымъ заглавнымъ листомъ и нумераціей. Эта мода помѣщать въ одномъ и томъ же журналѣ статьи съ особенными заголовками, очень странна. Не означаетъ ли она прямо, что изъ всего журнала слѣдуетъ только сохранить страницы съ этой особой нумераціей, а остальные бросить? Изъ этихъ девяносто двухъ стихотвореній есть десятка два хорошихъ, десятка два посредственныхъ, остальные очень плохи. Вотъ, напримѣръ, первое стихотвореніе: *Утро въ горахъ*.

Лазурь небесная смѣется,
Ночной омытая грозой,
И между горъ *росисто* вьется
Долина свѣтлой полосой.
Лишь *высшихъ* горъ до половины
Туманы покрываютъ скать,
Какъ бы воздушныя руины
Волшебствомъ созданныхъ пагать.

Спрашиваемъ всѣхъ: что въ этомъ стихотвореніи? Такихъ можно написать десятковъ въ нѣсколько часовъ, безъ малѣйшаго труда. Есть впрочемъ у г. Тютчева стихотворенія, проникнутыя мыслию, но въ нихъ встрѣчается много неправильныхъ и изысканныхъ выраженій. Есть такія, въ которыхъ трудно доискаться смысла, какъ, напримѣръ, въ стихотвореніи: «*Не вѣрь, не вѣрь поэту*», *Видѣніе*, «Яркій свѣтъ сіялъ въ вершинѣ», и проч. Изъ хорошихъ стихотвореній назовемъ: «Душа хотѣла бъ быть звѣздой», «Я очи зналъ». «Въ іюль 1850 года». «Не говори, меня онъ какъ и прежде любить», «15 сентября». «Предопредѣленіе», «14 іюля». «Сіяетъ солнце, воды блещутъ», и др. Въ доказательство совершенно пустыхъ стихотвореній приведемъ еще слѣдующее:

Вечеръ мгlistый и ненастный
Чу, не жаворонка-ль гласъ?
Ты ли, утра гость прекрасный
Въ этотъ поздній, мертвый часъ.
Гибкій, рѣзвый, звучно-ясный
Въ этотъ мертвый, поздній часъ?
Какъ безумный смѣхъ ужасный
Онъ всю душу мнѣ потрясъ.

Въ примѣръ стихотворенія, хорошаго по мысли, но слабаго по выраженію, приведемъ слѣдующее:

О, не тревожь меня *укорой справедливой*:
 Повѣрь, *изъ насъ изъ двухъ* завиднѣй часть твоя:
 Ты любишь искренно и пламенно, а я—
 Я на тебя гляжу съ досадою ревнивой.
 И жалкій чародѣй передъ волшебнымъ міромъ
 Мною созданнымъ самимъ безъ вѣры я стою,
 И самаго себя краснѣя сознаю
 Живой души твоей безжизненнымъ кумиромъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ЛЮБОВЬ.

О какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ
 Нѣжнѣй мы любимъ, и суевѣрнѣй...
 Сіяй, сіяй прощальный свѣтъ
 Любви послѣдней, зари вечерней!
 Полнеба обхватила тѣнь,
 Лишь тамъ, на западѣ, бродитъ сіянье,
 Помедли, помедли послѣдній день
 Продлись, продлись очарованье.
 Пускай скудѣетъ въ жилахъ кровь,
 Но въ сердцѣ не скудѣетъ нѣжность...
 О ты, послѣдняя любовь,
 Ты и блаженство и безнадежность!

Князь Вяземскій подарилъ насъ опять удивительнымъ, чисто русскимъ стихотвореніемъ, напечатаннымъ въ этой же книжкѣ подъ названіемъ «Современныя Замѣтки». Не можемъ также не выписать изъ него нѣсколько строкъ:

Отдохнувъ отъ непогодъ
 Забывается Европа,
 Ей двѣнадцатый нашъ годъ
 Какъ преданье до потопа...

А не худо-бѣ господамъ
 Европейскимъ лицедѣямъ,
 Полководцамъ, мудрецамъ,
 Ротозеямъ, грамотѣямъ,

И французу изъ Бордо
 И заносчивому лорду,
 Всѣмъ въ орлиное гнѣздо
 Не спросясь уткнувшимъ морду, —

Всѣмъ не худо-бѣ затвердить
 Ту главу изъ русской были,
 Гдѣ вопросъ: быть или не быть
 Мы по-своему рѣшили...

Какъ по старымъ образцамъ
 И по-русскому уставу,
 Баню жаркую гостямъ
 Затопили мы на славу....

И кто вышелъ чуть живой
 Изъ припарки той свирѣпой,
 Вынесъ тѣло головней,
 Душу пареною рѣпой,

А потомъ на упокой,
 Чтобъ голубчики остыли,
 Мы березинской водой
 Студено ихъ окатили...

Онъ — вашъ маленькій капралъ, —
 (Вы жъ подъ ростъ его мизинцу)
 Да и тотъ не разжевалъ
 Всероссийскаго гостинцу.

И съ заправскимъ, хоть съ трудомъ,
 Мы сочлись, взыскавъ всѣ пени;
 Такъ управимся путемъ
 Съ блѣдной тѣвью славной тѣни...

И о прочемъ не въ укоръ
 Мы могли бѣ напомнить прочимъ,
 Но дальнѣйшій нашъ обзоръ
 Мы до времени отсрочимъ.

Есть еще два очень хорошихъ стихотворенія въ этомъ же родѣ, помѣщенные въ «Сѣверной Пчелѣ», но объ нихъ поговоримъ въ послѣдствіи, а теперь прощаясь съ «Современникомъ», поблагодаримъ его еще за помѣщеніе прекраснаго разсказа И. С. Тургенева *Муму*, простой исторіи о любви бѣднаго глухонѣмаго дворника къ собаченкѣ, погубленной злою и капризною старухой; спросимъ также этотъ журналъ, отчего третья книга сдѣлалась вдругъ короче первыхъ въ длину и ширину, и бумага въ ней замѣтно пострѣла; да посоветуемъ ему еще разъ, для него же самага, воздержаться отъ литературнаго ералашничества. Въ настоящую эпоху это вовсе не *современно*.

Намъ слѣдовало бы говорить теперь о «Москвитянинѣ», но статья наша вышла и безъ того длинна, и мы окончимъ бесѣду съ читателями въ этомъ мѣсяцѣ обзоромъ мартовской книги «Отечественныхъ Записокъ». Много сказать объ этой книгѣ нечего.

Книга начинается стихотвореніемъ г. Майкова «Встрѣча», нѣсколько темнымъ и не совсѣмъ отдѣланнымъ. За нимъ слѣдуетъ прозаическій рассказъ г. Фета «Каленикъ», также довольно незначительный, написанный весьма цвѣтисто. Такъ въ немъ встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «душа моя освѣтилась палевыми лучами заходящаго солнца» «очаровательно-насмѣшливые и свѣжо-задумчивые цвѣты, «лошади ошибаются ногами». Все это (кромѣ послѣдняго выраженія однако же) можетъ-быть очень хорошо въ стихахъ, но въ прозѣ немножко дико. Содержанія въ рассказѣ нѣтъ никакого. Два слѣдующія за нимъ, напечатанныя стихотворенія Дельвига — незамѣчательны. О Холодномъ домѣ поговоримъ, когда онъ кончится. Піеса г. Красовскаго «Женить изъ ножевой линіи», написанная прекраснымъ языкомъ, бѣдна содержаніемъ и еще бѣднѣе сценическимъ достоинствомъ. Дѣйствія въ ней очень мало. Это таже піеса Островскаго «Не въ свои сани не садись», только вывороченная на изнанку. Тамъ купеческая дочка влюбляется въ промотавшагося дворянина, здѣсь купецъ лезетъ съ своей любовью къ дочери отставнаго чиновника. Развязка пьесы видна съ первыхъ сценъ. Кромѣ героя Мордоплюева всѣ остальные лица очень блѣдны, а отецъ невѣсты, занимающійся химіею и фейерверками, цѣликомъ взятъ изъ одного романа Поль-де-Кока. Только при небогатствѣ нашей сцены оригинальными произведеніями, пьеса г. Красовскаго заслуживаетъ вниманія.

Стихотворенія Фета «Шарманщикъ», очень граціозно, но не ясно. Его же «Къ цвѣтамъ» изъ Шиллера, передаетъ хорошо слабый подлинникъ. Зато «Клермонтскій-соборъ» Майкова, замѣчательенъ своею картинностью и рельефностью стиха. Рѣчь Петра Пустынника на соборѣ передана прекрасно. Мы не совсѣмъ довольны только нѣкоторыми маленькими неправильностями стиха, какъ напримѣръ, употребленіемъ слова *пльту*; псалмы вмѣсто псалмы, разумъ *разнаститъ* матеріализмомъ, — изысканное и не точное выраженіе и проч. Въ стихѣ. «За то, что намъ досталось на долю», одна стопа лишняя, вѣроятно отъ опечатки.

Интересна статья г. Дружинина «Вальтеръ-Скоттъ и его современники», хотя въ ней есть нѣкоторыя излишнія и не совсѣмъ занимательныя подробности. Въ первый разъ встрѣтивъ имя г. Дружинина въ «Отечественныхъ Запискахъ», мы были довольны переселеніемъ его съ

дѣльными статьями объ англійской литературѣ въ журналъ, не допускающій на свои страницы литературнаго ералаша.

Послѣдняя статья о русской литературѣ въ 1853 году заключаетъ въ себѣ обзоръ произведеній по отдѣлу исторіи, географіи и статистики. Обзоръ историческихъ произведеній написанъ тѣмъ тяжелымъ и мнимо-ученымъ языкомъ, о которомъ мы уже говорили. Тутъ есть и «теоріи, принесенныя извнѣ», и процессъ, производящій продукты въ различныхъ «моментахъ своихъ» и фрагментарный періодъ и «изрѣченія, взаимно уясняющія и восполняющія другъ друга», и спартиаты вмѣсто спартанцевъ и наконецъ выраженіе: поименуемъ статьи, вмѣсто того, чтобъ сказать просто: назовемъ ихъ. Въ перечисленіи этнографическихъ статей замѣтимъ недосмотръ рецензента: въ «Пантеонѣ» помѣщено не краткое извлеченіе изъ Путешествія Кастрена, а огромная статья, рассказывающая почти все это путешествіе и помѣщенная не въ одной, а въ трехъ книгахъ.

Въ библиографіи хорошъ разборъ Слова о полку Игоревѣ въ переводѣ г. Гербеля. Рецензентъ между прочимъ прекрасно объяснилъ темную фразу подлинника «растекашеся мыслью по древу», хотя съ нимъ нельзя согласиться, чтобъ въ другой подобной фразѣ «скача славію по мысленному древу» слово *славію* было звательнымъ падежемъ.

Въ отдѣлѣ Журналистики рецензентъ недоволенъ статьею г. Толбина о Павлѣ Андреевичѣ Ѳедотовѣ, помѣщенной въ нашемъ журналѣ. Прежде всего замѣтимъ, что рецензентъ несправедливо говоритъ, будто январская книжка «Пантеона» вышла въ февралѣ, потомъ скажемъ, что странно говорить будто статья Толбина перепечатка статьи г. Дружинина, а потомъ выписывать изъ первой статьи нѣсколько страницъ стиховъ, которыхъ вовсе нѣтъ у г. Дружинина. Замѣтимъ ксати, что въ 58 номерѣ Петербургскихъ Вѣдомостей нашли мы такой же неблагоприятный отзывъ о статьѣ г. Толбина и такую же благодарность за помѣщеніе нѣкоторыхъ стихотвореній и отрывковъ изъ писемъ Ѳедотова. Какъ согласить эти похвалы и порицанія? Въ этой же статьѣ Вѣдомостей, приводя отзывъ нашъ объ «Отечественныхъ Запискахъ», фельетонистъ спрашиваетъ: Неужели въ этомъ журналѣ Словесность занимаетъ не первое мѣсто? Первое, но не главное. «Отечественныя Записки» въ роятно не забыли, что они называются *учено—литературнымъ* журналомъ, а Пантеонъ *литературно—художественнымъ*, и объ этомъ—то различіи мы говорили въ нашей статьѣ. Зачѣмъ же переиначивать наши слова? По тону фельетона Вѣдомостей, намъ даже показалось, что фельетонистъ недоволенъ тѣмъ, что мы похвалили «Отечественныя Записки»

и «Петербургскія Вѣдомости». Отрывистыя фразы его доказываютъ это; мы, впрочемъ, и не сожалѣемъ, что не угодили фельетонисту.

Въ Журналистикѣ О. Э. кромѣ отзыва о «Пантеонѣ» есть много и другихъ любопытныхъ вещей. Мы неговоримъ о не совсѣмъ правильномъ языкѣ, объ употребленіи слова *замыселъ* произведенія, вмѣсто *мысль*.

Иностранная Литература и Новости Литературы, Наукъ и Искусствъ занимательны по прежнему. Петербургскія Замѣтки напрасно начали прибѣгать, вѣроятно за неимѣніемъ матеріаловъ, къ извѣстнымъ уловкамъ фельетонистовъ въ затрудненіи, и наполнять статьи плохими стишками и повѣстями, случившимися будто бы гдѣ-то въ окрестностяхъ Петербурга.

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ. Повѣсти Т. Ч. Выпускъ I. Изданіе второе. С. Петербургъ, 1854. Въ типографіи Эдуарда Веймара. Въ 12-ю д. л. 271 стран. *

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ. Повѣсти Т. Ч. Выпускъ II. Одесса, 1849. Въ типографіи Л. Нитче. Въ 12-ю д. л. 307 стран. **

Соединяемъ оба выпуска, чтобъ представить по возможности полную и удовлетворительную оцѣнку литературной способности и производительности автора, избравшаго псевдонимомъ таинственныя буквы Т. Ч. Сверхъ того, почти всѣ повѣсти его имѣютъ между собою какую-то родственную связь, постоянно преслѣдуютъ едва ли не одни и тѣже сладостныя сожалѣнія нѣжнаго сердца, такъ что только при общемъ разсмотрѣніи обоихъ томиковъ можно вывести довольно положительныя заключенія о свойствахъ и направленіи прекраснаго таланта, около семи лѣтъ уже занимающаго видное мѣсто въ современной беллетристикѣ нашей...

Говоримъ около семи лѣтъ, потому-что о существованіи этого милого дарованія Петербургъ узналъ впервые весною 1847 года, когда Одесса выслала къ намъ уютную въ палевой оберткѣ книжечку, подъ заглавіемъ: «Путевыя Замѣтки», скрывавшимъ въ себѣ маленькую не-

* Въ книжныхъ магазинахъ издателя П. И. Крашенинникова, и Ю. А. Юнгмейстера — 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к. сер.

** Тамъ же: 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. сер.

винную мистификацію. Къ заглавію этому тогда не было прибавлено, какъ нынѣ, *повѣсти*; въ немъ значилось лишь: «соч. Т. Ч.» Но мистификація разоблачилась немедленно; изъ мгновеннаго заблужденія выводило читателя граціозное предисловіе слѣдующаго содержанія:

«Тысячи людей путешествуютъ, тысячи людей закидываютъ насъ описаніями городовъ и мѣстъ, обычаевъ и нравовъ, горъ и восхиительныхъ съ нихъ видовъ; заставляютъ насъ слѣдовать за собою на воды, рассказываютъ ходъ своихъ болѣзней и встрѣчу съ своими знакомыми, томятъ насъ жалобами на трактирщиковъ—и мы все это читаемъ, и многіе изъ насъ, читая, восхищаются. Какъ будто всѣ мы не тѣ же туристы! Широко стелется передъ каждымъ изъ насъ путь жизни, и на пути этомъ встрѣчаемъ мы не города, не полуразвалившіяся зданія—твореніе рукъ человѣческихъ—встрѣчаемъ другихъ людей, ближнихъ своихъ. Неужели не на чемъ остановиться наблюдательному взору? Или человѣкъ не стоитъ нашихъ наблюденій. Или сердце его такъ безцвѣтно, или душа такъ ничтожна, что ничего не прочтешь въ нихъ? Всѣ мы неблагоприятно судимъ родъ людской, забывая, что мы составляемъ незамѣтную частицу цѣлага. Каждый изъ насъ рѣзко судитъ о людяхъ, забывая, что онъ тотъ же человѣкъ; каждый, втаптывая всѣхъ другихъ въ грязь, считаетъ себя неприкосновенно чистымъ, и тѣшится этою мыслью, и радуется, бросая *подобную* пищу своему самолюбію!

«*Подобно* всѣмъ вамъ, я путешествую; подобно всѣмъ, встрѣчаю людей. Но, порой, въ этихъ лицахъ я доискиваюсь какого-то значенія, понятаго вами или пропущеннаго безъ вниманія. Невольно останавливаюсь я и слѣжу за ними: то тутъ неуволимо мелькнетъ что-то благородное, то тамъ, сквозь копоть и накипь смѣшнаго, вспыхнетъ искра прекраснаго—и душа освѣжится *явленіемъ* нежданнаго, но желаннаго *метеора* (метеоръ, т. е. воздушное явленіе—то ли хотѣлъ сказать авторъ?). Человѣкъ—вѣчный калейдоскопъ. Хорошъ ли, дурень ли, онъ всегда разнообразенъ. Внутреннимъ ли міромъ его дается ему это разнообразіе, обстоятельствами ли жизни покушается онъ—все равно. Добро и зло въ людяхъ одинаково, но проявленіе этихъ двухъ началъ въ каждомъ человѣкѣ разное. Тѣ, кого я *встрѣчала* или встрѣчаю, составляли для меня живой предметъ любопытства. Я *стала* писать свои «Путевыя Замѣтки» и вздумала печатать ихъ. Да не вмѣнится мнѣ въ грѣхъ эта общая слабость туристовъ!» (Стран. I—II).

Такимъ образомъ предисловіе разомъ дарило вамъ два открытія: во-первыхъ, вмѣсто описанія дѣйствительнаго, не въ переносномъ смыслѣ, путешествія по той или другой странѣ, по высямъ и доламъ, на воды

или у подошвы огнедышащихъ горъ, вамъ предлежало читать повѣсти, рассказы, или, пожалуй, замѣтки по пути жизни; во-вторыхъ, не безъ интереса и удовольствія, изъ приведенныхъ курсивомъ глаголовъ, вы вдругъ узнавали, что имѣете дѣло не съ авторомъ, а съ *авторшею*, если можно такъ выразиться, вопреки придирчивой грамматикѣ и безукоризненной устной рѣчи. Нѣкоторую изысканность въ заглавіи книжки и въ самомъ изложеніи предисловія, нѣкоторыя несовѣтъ вѣрныя мысли его и парадоксальность въ ихъ произвольныхъ оборотахъ, вы охотно простили ради симпатіи къ доброму и благородному, съ первыхъ строкъ обнаруженной, и еще ближе, совершенно мирились съ привлекательно-оригинальной книжечкой, по окончательномъ прочтеніи ея, доставившемъ сердцу вашему живое меланхолическое наслажденіе, вызвавшемъ изъ груди нѣсколько тихихъ, но задумевныхъ вздоховъ...

Въ первомъ изданіи перваго выпуска «Путевыхъ Замѣтокъ г-жи Т. Ч.» заключались два рассказа: *Три варіаціи на одну тему* и *Гувернантка*. Въ нынѣшнемъ второмъ изданіи этого выпуска, къ нимъ присоединена повѣсть «*Тѣни прошлаго*», которую и открываетъ красиво, на веленовой бумагѣ, напечатанный томикъ.

«Тѣни прошлаго» явились первоначально въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1850 года. Это исторія какого-то новѣйшаго полуловеласа, подъ конецъ своихъ похожденій или странствій по избранному имъ пути жизни, скучающаго, обременяемаго существованіемъ, неразсчитливо и горько растраченнымъ. Въ сумракѣ вечеровъ ежедневно подвергается онъ внутреннимъ угрызениямъ, быть можетъ, похожимъ нѣсколько на укору совѣсти. Память и воображеніе его возмущаются возникающими передъ нимъ *тѣнями прошлаго*, въ видѣ прелестныхъ дѣвушекъ, которыхъ нѣкогда любилъ, которыя еще больше любили его, и въ благодарность за то были имъ покинуты. Но судьба справедлива, и виновный, рано или поздно, испытываетъ заслуженное возмездіе. Герой повѣсти, эгоистъ Березовъ, оканчиваетъ свою вѣтрную карьеру странною женитьбой, избирая себѣ въ «подруги» пожилую, чопорную госпожу, которая мучитъ его не легче «тѣней прошлаго». Наибольше плѣнительная изъ этихъ тѣней—дочь управителя Березова, Ольга—характеръ очаровательный, художнически исполненный. Эпизодъ отношеній съ нею, лучшая, какъ намъ по крайней мѣрѣ, кажется, часть повѣсти, оставляющая сильное впечатлѣніе. Жребіи несчастной, послѣдняя ея встрѣча съ Березовымъ, долго тѣснятъ душу тронутаго читателя, крѣпко досаждующаго на великодушнаго героя повѣсти...

Обращаясь къ «Тремъ варіаціямъ на одну тему», которыми, вмѣстѣ съ «Гувернанткой», г-жа Т. Ч. дебютировала въ 1847 году,

начнемъ съ сознанія, что, по нашему личному мнѣнію, ни для кого впрочемъ не обязательному, повѣсть эта чуть ли не превосходѣйшее изъ всего, донынѣ написаннаго сочинительницею «Путевыхъ Запѣтокъ». То было, такъ сказать, первое изліяніе дѣтвеннаго сердца, первые, сладкозвучные аккорды элегическаго настроенія души, невольно вырвавшійся изъ нея неискуственный стонъ, собственное, независимое созданіе, или, если хотите, *первое сочиненіе*, на которое ни малѣйше не успѣло еще положить печати своей вліяніе и направленіе, болѣе или менѣе, надъ каждымъ новымъ дарованіемъ, господствующія въ современной литературѣ и нашей, и заморской. Сюда не примѣшивались ни Лермонтовъ съ его многочисленными подражателями, копистами и толкователями, ни манера послѣдователей Гоголя, которую тогда напрасно старались незамѣтно усвоивать себѣ даже нѣкоторыя дамы-писательницы, увлеченныя почти общею модою, едва ли шедшею къ модницамъ, ни новѣйшіе французскіе беллетристы, ни наконецъ отчасти Дюкель и вообще англійскіе повѣствователи. Короче, это было произведеніе чистое, какъ пустынный, одинокій источникъ, вода котораго совершенно безъ чуждой примѣси известковыхъ или болотистыхъ частицъ, произведеніе ни у кого не заимствованное, ни кѣмъ и ни чѣмъ не навѣянное, кромѣ собственнаго вдохновенія, въ глубинѣ сердечной. Неудобно ли послушать... если вы еще не знаете, или, въ теченіе семи лѣтъ, позабыли это наивное одесское сказаніе добраго стараго времени.

Въ двадцатыхъ годахъ, то-есть лѣтъ за тридцать предъ симъ, въ невѣдомомъ уѣздномъ городкѣ, цвѣла безвѣстно молоденькая и, всеконечно, прехорошенькая дѣвушка. Ей нравился прекрасный юноша, только-что переступившій пору почти ребяческую и слѣдственно не вполне понимавшій оказываемое ему предпочтеніе. Лѣлю — такъ звали юношу — отправили доучиваться въ университетъ, а mademoiselle Annette, тосковавшую по ловкомъ и граціозномъ другѣ дѣтства, «съ блестящими черными глазами, алыми щеками, смѣлою улыбкою и нѣдѣтскимъ умомъ», выдали за добрѣйшаго и честнѣйшаго человѣка. Ласки и попеченія его скоро снискиваютъ ему уваженіе и душевную привязанность признательной жены. Окончивъ курсъ высшихъ наукъ, Лѣля возвращается Алексисомъ. Онъ такъ хорошо выравнялся и сложился, приобрѣлъ столько познаній, что ни одна изъ уѣздныхъ барышень не могла бы не отдать полной справедливости его наружнымъ и нравственнымъ преимуществамъ. Воспоминанія и впечатлѣнія дѣвической поры взволновали Анну Федоровну при неожиданной встрѣчѣ съ давнимъ знакомцемъ, котораго она начинала почти забывать. Дмитрій Ивановичъ (мужъ ея) находился въ отлучкѣ, тяжелыя укоризны не пали на ея бу-

дшее. Волею—неволею, не смотря на взаимное влеченіе, старинные друзья дѣтства разстались, быть можетъ, горько и страстно сѣтуя на разлуку, но за то не отравляемые безошадными внутренними упреками. Суждено имъ встрѣтиться еще однажды—они встрѣтятся прямо, лицомъ къ лицу, смѣло глядя въ глаза другъ другу, потому—что выдержали трудную борьбу, не нарушили долга и добродѣтели. Не входимъ въ подробности: изящно—тонкое и теплое перо женское такъ обрисовало ихъ въ подлинникѣ, что сокращеніе—неизбѣжно вдесятеро—бы уменьшило прелесть драматическихъ сценъ разсказа.

Пронеслись новые годы. Мужъ Анны Федоровны хвораетъ, хирѣетъ, хмурится и молчитъ, вѣроятно, угадывая, что не составилъ полного счастья жены, которая, въ свою очередь, ухаживая за нимъ, напрасно старается отогнать сердечныя ощущенія, доставшіяся ей въ наслѣдство отъ времени дѣвчества и первыхъ лѣтъ замужства. Наконецъ «сидячая» жизнь до такой степени возростила давніе недуги Дмитрія Ивановича, что врачи посоветовали ему отправиться за границу, на теплыя воды. Онъ съ женою въ Баденѣ. А тутъ не вдалекѣ и Алексисъ, состоявшій при одномъ изъ посольствъ нашихъ въ Германіи...

До слуха Анны Федоровны доходить, что она не забыта Алексисомъ, и эта ласкающая сердце вѣсть жестоко пробуждаетъ все его подавленные ощущенія, безмолвныя страданія, и въ новой борьбѣ съ ними, она прибѣгаетъ къ признанію мужу. По тому ли, что послѣдній находился въ безпмятствѣ, и дѣйствительно не слышалъ этой довѣрчивой передачи долго таинныхъ чувствъ; по тому ли, что хотѣлъ прикинуться, будто бы ничего не слышитъ, не вѣдаетъ и не вѣдалъ,—мѣра, на которую рѣшилась Анна Федоровна, осталась безъ послѣдствія. А между тѣмъ возмужавшіе друзья дѣтства не сошлись и за границей, какъ на родинѣ. Имъ, кажется, не удалось и повидаться въ Баденѣ. Къ тому же Алексисъ былъ очень занятъ: онъ дѣлалъ себѣ карьеру.

Для нея, разумѣется, между прочимъ, нужно время—оно шло своимъ чередомъ, и, спустя мало ли, много ли лѣтъ, пришло однажды на балъ къ губернатору, въ провинціи. Описывать всехъ гостей нѣтъ надобности. Остановимся только на двухъ лицахъ. Одно изъ нихъ такъ само себя изобразило. «Я—говоритъ оно—была моложава, стройна, одѣвалась со вкусомъ, но безъ претензій на юные цвѣта. У меня было много поклонниковъ, пять партій и два пламенно влюбленныхъ»... только она оставалась ко всемъ равнодушною... потому—что «съ сердечнымъ замираніемъ» предавалась мечтамъ о предметѣ своей давней склонности. То была вдова тридцати пяти лѣтъ, но еще прекрасная.

Похоронивъ мужа за границей, поживъ нѣсколько во Флоренціи и Венеціи, она воротилась во-свояся, и вотъ блистаетъ на блистательномъ балѣ у перваго лица въ губерніи... Оно, въ минуту, которую мы беремъ, занято «разговоромъ съ какою-то молодою дамою». Но пусть вполне доскажетъ сочинительница:

«Лицо ея мнѣ было незнакомо, но прекрасно. Богатый, изысканный костюмъ, особенное вниманіе ея собесѣдника и замѣшательство, съ которымъ она, краснѣя, ему отвѣчала, заставили меня съ четверть часа слѣдить за говорящими. Губернаторъ скоро меня замѣтилъ.

— Вы что-то сегодня грустны? спросилъ онъ, подходя.

— *C'est que vous me faites des infidélités*, отвѣчала я, смѣясь, и такъ громко, что незнакомка меня услышала. Внимательно посмотрѣла она на меня, но, встрѣтивъ взоръ мой, покраснѣла и потушила глазки; мы остались одни, потому-что за ней пришелъ ея кавалеръ.

— Кто это? я ее не знаю.

— Жена одного важнаго человѣка, не столько по чину, какъ по связямъ. Впрочемъ, онъ статскій совѣтникъ, хотя еще молодъ; служилъ при посольствѣ, а теперь переходитъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Они здѣсь проѣздомъ, и имѣніе ея въ этой губерніи. Люди премилые оба, а особенно онъ: пойдеть далеко, если будетъ такъ продолжать. *C'est un vrai homme d'état*.

«Въ это время мы стояли у дверей игорной комнаты.

— Пойдите, продолжать онъ: будемъ наблюдать за игроками. Взгляните, какъ въ зеркалѣ отражатся умная фізіономія моего гостя.

«Я увидѣла въ зеркалѣ наклоненную слегка голову, опущенные глаза, полузакрытые черными рѣсницами, и черные волосы.

— «Играю въ красныхъ», произнесъ внятнѣй, спокойно-медленный голосъ.

«Въ звукѣ этого голоса было что-то знакомое; я вглядываюсь, онъ тоже взглядываетъ на зеркало и быстро оборачивается:

— Анна Ѳедоровна, вы ли? Здоровы ли? Я такъ радъ всегда васъ видѣть! Сколько лѣтъ какъ не видались!

— Да вы, какъ вижу, знакомы съ Алексѣемъ Петровичемъ, сказалъ губернаторъ:—очень-радъ вашей встрѣчѣ.

«Я была блѣдна, ноги подгибались; но я съ усиліемъ улыбнулась— и все прошло. Не стану повторять, о чемъ мы говорили: разговоръ былъ пустой, незначительный. Вниманіе Алексѣя Петровича почти исключительно было приковано къ словамъ хозяина. Я могла разсматривать его на-свободѣ. Онъ былъ хорошъ, но блѣденъ, даже губы блѣдны; въ глазахъ — заботливое выраженіе, какъ-будто онъ что-то соображаетъ;

возлѣ лба жиже волоса, чѣмъ были, да у бровей двѣ едва замѣтныя морщинки — вотъ вся перемѣна. Но это не былъ Алексисъ: это просто Алексѣй Петровичъ. Глядя на него, я ни о чемъ не думала и ничего не вспоминала; только мнѣ было горько, очень горько. Онъ смѣялся свободно и шутилъ свободно. Разсчитанно—умень разсчитанно—любезенъ; въ каждомъ словѣ его была пріятная лесть хозяину дома. Я слушала ихъ разговоръ безсознательно. Я видѣла, какъ просіяло лицо Алексѣя Петровича, когда они подъ-руку шли смотрѣть танцующихъ; слышала его восторженные похвалы балу. Кромѣ чинолюбія ничего не было въ этомъ сердцѣ. Въ эту минуту онъ былъ счастливъ, потому-что всѣ ему кланялись, видя вниманіе къ нему хозяина.

Уѣзжая съ бала, я увидѣла его на лѣстницѣ. Онъ велъ подъ-руку свою хорошенькую жену и зѣвалъ, завертываясь въ шубу.

— Le bal a été charmant, сказала она.

— Quel monde! отвѣчалъ онъ съ насмѣшкой; кромѣ хозяина, не на кого смотрѣть.

— Съ кѣмъ ты говорилъ, выхода.

— Отыскалъ какую-то допотопную знакомую; но если бы не она, такъ мнѣ не удалось бы ветать изъ-за-картъ, чтобъ поговорить съ губернаторомъ. Онъ человѣкъ нужный. Только ты вовсе не умѣешь быть любезной съ такими лицами.

«Послѣднія слова были почти заглушены стукомъ подножки и дверецъ.

« Съ-тѣхъ-поръ мы не встрѣчались. Въ душѣ моей нѣтъ оскорбленія или грусти. Все изгладилось, все ровно и мирно. Но если солнце горячо пригрѣетъ обновленную землю, если знойное дуновеніе весенняго вѣтерка зашевелитъ листьями сирени — мнѣ отраднo и грустно; голова склоняется къ груди и теплая слеза падаетъ на руку...» (Стран. 162—164).

Ни этотъ отрывокъ, ни еще менѣе, наше до невозможности сокращенное изложеніе содержанія повѣсти, не могутъ дать и приблизительнаго понятія о прелести подробностей и сценъ разсказа. Лѣля, Алексисъ и Алексѣй Петровичъ, то есть, одно и тоже лице въ трехъ возрастахъ, обрисованы безподобно, съ такою мягкостью, тонкостью и нѣжностью кисти, что нашему брату, грубіяну мужичиѣ и во снѣ не приснится дойти до равной степени искусства, ни отыскать такихъ прозрачныхъ, радужно-неуловимыхъ красокъ. Ирѣдко мужское перо доходитъ до порывовъ такой граціозной, обаятельной страстности, порывовъ, сдержанныхъ однакожъ восхитительнымъ цѣломудріемъ картинъ и выраженій...

Трудно рѣшить, какую пору сладостно-тяжелыхъ отношеній къ любимому человѣку Анна Федоровна изображаетъ удачѣе (весь рассказъ веденъ отъ ея лица), со всеми своими поэтическими томленіями. Для того, чтобъ могъ рѣшить самъ читатель, пришлось бы выписывать много страницъ... ограничиваемся, въ заключеніе полустраничкою, на поддержку изъ начала рассказа...

«Я его любила, какъ Дантъ любилъ Беатрису—съ другой любовью я не могу сравнить это чувство. Миѣ дорогъ былъ часъ, въ который, я знала, что увижу его; для него я умѣла быть снисходительной; моя воля прихотливая и, порой упорная гнула, принаравливалась къ его прихотямъ; я мучила себя, изобрѣтая средства нравиться, и приходила въ отчаяніе, если они были недостаточны. Въ моемъ чувствѣ былъ цѣлый міръ нѣжности, заботливости и снисхожденія. Я боялась ему надоѣсть предупредительностью или оскорбить его невниманіемъ. Чтобъ избѣжать этихъ двухъ крайностей, я ломала свой характеръ, перерабатывала манеру обращенія, которую усвоила себѣ съ самой колыбели. Какъ я умѣла щадить его дѣтское самолюбіе! какъ я боялась оскорбить его образъ мыслей! Молодость не позволяла ему отличить моего чувства отъ обыкновенныхъ льстивыхъ ласкъ, которыми все его окружали», (стр. 128).

А онъ, неблагодарный, такъ холодно и тупо обошелся съ нею въ послѣднюю встрѣчу. Единственно, чѣмъ отчасти можно оправдать Алексѣя Петровича—это неравенствомъ лѣтъ: милая *mademoiselle Annette* была постарше обольстительнаго Алексѣя, и потому не могла выйти за него: но въ противномъ случаѣ не вышло бы и одной изъ лучшихъ русскихъ повѣстей, гдѣ тончайшія и горьчайшія ощущенія женскія анализированы безхитростно, но вѣрно и очаровательно...

Длинно было-бы даже вкратцѣ рассказывать содержаніе третьей повѣсти: «Гувернантка», по многосложности и запутанности ея похождения. Изъ всего ихъ хаоса или смѣшенія, изъ множества дѣйствующихъ и не дѣйствующихъ лицъ, главныхъ и второстепенныхъ, необходимыхъ и лишнихъ, занимательныхъ и скучныхъ; изъ всей этой группы помѣщиковъ и помѣщицъ, у которыхъ въ разное время перебивала миловидная и умная «Гувернантка», изъ толпы гостей, посѣщавшихъ дома, гдѣ интересная особа эта поселялась въ качествѣ воспитательницы юношества обоего пола; изъ всей этой пестрой и не рѣдко утомительной игры калейдоскопа, не безъ нѣкотораго труда вы отдѣляете наконецъ три съ большою рачительностью отдѣланныя основныя фигуры: 1) самой гувернантки Елены Ленкевичъ; 2) прекраснаго и достойнѣйшаго молодаго человѣка, несчастливо въ нее влюбленнаго, всеми доказательствами и пожертвованіями постоянной привязанности своей не-

успѣвшаго ни тронуть сердца «жестокой», ни добиться ея руки, мягкой, нѣжной и горячей, и 3) наипустѣйшаго свѣтскаго человѣка, который, въ свою очередь, былъ довольно равнодушенъ къ Еленѣ, когда она съ ума сходила отъ него, некрасиваго и, право, не привлекательнаго, хотя и старательно описаннаго съ какою-то особенно-заботливою любовью. Дѣло вкуса. Такъ, наприимѣръ, нѣкоторымъ критикамъ больше правилась «Гувернантка», нежели «Три варьяціи», далеко ее превосходящія художественнымъ единствомъ, трогательною простотою и задушевностью разказа, конечно, находившаго живой отголосокъ въ сердцахъ многихъ читательницъ. Не скажемъ, чтобъ и въ «Гувернанткѣ» не было мѣстъ, положеній, сценъ и эпизодовъ, возбуждающихъ подобное сочувствіе: напротивъ, ихъ не мало въ этой повѣсти — но еще больше такихъ, которые растянувъ ее безъ крайней нужды, блѣдно и безцвѣтно прошли мимо вашего вниманія и впечатлѣнія. И произошло это оттого, что сочинительница, неоспоримо владѣя оригинальнымъ талантомъ, собственной мыслью и собственнымъ, порою глубокимъ чувствомъ, со-всѣмъ безъ надобности увлеклась подражаніемъ кой-кому, и, къ сожалѣнію, не первокласснымъ образцамъ, а второстепеннымъ, если не третьестепеннымъ авторитетамъ, мелькнувшимъ у насъ когда-то, обѣщавшимъ что-то, и теперь потускшимъ, почти позабытымъ...

Въ концѣ разказа читатель застаётъ гувернантку уже отцвѣтающею и чѣмъ-то въ родѣ классной надзирательницы въ какомъ-то частномъ провинціальномъ пансіонѣ, и здѣсь, безъ большой, правду сказать, грусти, прощается съ нею... но не навсегда...

Елена Ленкевичъ, совершенно неожиданно, снова предстаетъ ему въ первой повѣсти втораго выпуска «Путевыхъ Замѣтокъ» явившагося спустя два года. Но, увы, читатель видитъ передъ собою старую знакомку, не въ свѣжей роли героини, а въ «формѣ» смиренной слушательницы чужихъ похожденій, нѣсколько циническихъ. Ихъ разсказываетъ ей нѣкій «танцовальный учитель» (таково и заглавіе этой «новеллы»). Сѣтованія и жалобы его не доходятъ до участія со стороны читателей, потому-что онъ самъ кругомъ виноватъ въ причинахъ и послѣдствіяхъ своей горемычной жизни, не говоря уже, что исторія ея во многомъ невѣроятна и явно придумана, и вмѣстѣ съ тѣмъ мало обдумана какъ въ общемъ ходѣ, такъ и въ частностяхъ разказа. И танцовать-то учить бѣдняку не удобно становится: онъ еле держится на ногахъ, потому-что съ утра до вечера подъ хмелькомъ. На многое въ этой повѣсти читатель не понапрасну досадуетъ, не узнавая въ ней, большей-частью, того безукоризненно-чистаго и граціознаго пера, съ которымъ такъ пріятно познакомился года за два передъ тѣмъ.

Чтобъ не осуждать голословно, представимъ образчики небрежныхъ, неправильныхъ и неэстетическихъ фразъ или выражений...

«Рафаиль Омичъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ. Засаленный халатъ... туфли, всегда возвѣщавшія Раваила Омича громкимъ *шлепаніемъ*» (стран. 1). На слѣдующихъ двухъ страницахъ тотъ же господинъ опять *пошлепываетъ* туфлями, а «Марья Павловна унимаетъ крикъ (дѣтей) давъ по толчку безъ разбора веѣмъ воюющимъ. На стран. 8-й танцовальный учитель «*пятится назадъ*», хотя ему, какъ танцмейстеру, теоретически и практически, легко, казалось бы, понять, что *пятиться впередъ* невозможно... «Вытирая крупныя капли (,) выступившія на лбу, клѣтчатымъ бумажнымъ платкомъ» (20). Некрасиво выраженная и неправильно расположенная фраза, въ которой три послѣднія слова должны бы стоять впереди, а не «пятиться назадъ». На той же страницѣ неправильное сближеніе творительнаго падежа во фразѣ: почти *этимъ единственнымъ чувствомъ*, жилъ онъ *внутреннею жизнью*. Сообщаемъ дальнѣйшія указанія безъ поясненій. «Но вѣдь онъ не былъ таковъ, хотя давно тому назадъ... Прильнуть *бывало онъ тогда* къ свѣтлорусой головкѣ сына, а потомъ снова оттолкнетъ его; быстрыми шагами подойдетъ къ шкафу и хлѣбнетъ нѣсколько глотковъ изъ стоящаго въ немъ штофа» (25). — Спустя нѣсколько дней *послѣ* послѣдняго урока» (27). — «И чего только не даетъ намъ эта южная ночь? Человѣкъ сидитъ молча, какъ *подавленный* невыразимымъ блаженствомъ, а соловей *летѣтъ* для него свою томительно-страстную пѣснь, луна *летѣтъ* для него свой обаятельный свѣтъ, травы (и онъ *летѣтъ*?) своей упоительной, дышущій жизнью запахъ» (59). — «Я думалъ, что такой *вздохъ* можетъ *сорваться* съ вашихъ губъ, *независимо отъ васъ*» (61). — Увлекаясь «натуральностью» и полнотою подробностей, сочинительница не скрываетъ отъ читателя, что злополучный танцовальный учитель «слишкомъ часто мѣнялъ носовые платки» (63); въ другомъ мѣстѣ она не замѣчаетъ противорѣчія со стороны того же учителя, который одну и ту же даму надѣляетъ эпитетами «*незамѣчательной, ничтожной и неотъемлемо-образованной*» (64), и порою рисуетъ картины въ родѣ слѣдующихъ: танцовальный учитель «почти бессознательно прильнулъ губами къ флагъ и танулъ по каплѣ крѣпкое и кипрское... *благословной* рукой сорвалъ (съ дерева) нѣсколько листьевъ, *посыпалъ ими голову* и плакалъ (,) цѣлуя съ любовью землю, привѣтствуя несвязными словами мимолетную бабочку» (69)... Учитель и гувернантка, «оба, неподвижно, *вытянувъ шею*, глядѣли на спящаго ребенка» (70)... но, что всего забавнѣе, это сказаніе о томъ, будто бы *жену* учителя хоронили

съ полковою музыкою (74),—почесть, отдаваемая только усопшимъ воинамъ или ветеранамъ, но прекрасному полу отнюдь не подобающая.

Всѣ эти и многія другія, не выставляемыя здѣсь на показъ, описки, обмолвки, курьёзности слабо выкупаются со стороны занимательности и внутренняго содержанія повѣсти, за исключеніемъ нѣсколькихъ счастливыхъ мѣстъ, нѣсколькихъ прекрасныхъ страницъ. Къ числу такихъ мѣстъ должно отнести описаніе смерти двѣнадцатилѣтняго мальчика:

« Саша повернулся лицомъ къ окну, и закрывъ глаза вздохнулъ глубоко. Танцовальный учитель жалобно глядѣлъ на него. Елена не смѣла шевельнуться, поддерживая голову больного. Страдальческое лицо ребенка рѣзко отдѣлялось отъ ея темнаго платья. Вѣтеръ врвался въ отворенное окно, и шевелилъ листками левкоевъ и георжинъ. По ту сторону пруда плѣли жнецы, въ лодкѣ лѣнливо качался Ванька, сынъ садовника, искусно маня удочкой доврчиваго карася и красно-пѣраго окуня. Ясень дрожалъ въ саду пожелтѣлыми листьями, на нихъ трепетно догарали красноватые лучи солнца.

« Вдругъ Саша встрепенулся и быстро открылъ свои голубые глаза.

— Папа, подите въ садъ, я хочу знать поспѣли ли мои сливы. Принесите, если поспѣли. Поцѣлуй меня, папа.

« Танцовальный учитель поцѣловалъ его, и вышелъ повторяя: сейчасъ, сейчасъ.

« Саша безпокойно смотрѣлъ въ слѣдъ отцу, и когда тотъ скрылся въ темной аллеѣ, проговорилъ тихо: « теперь вы его долго, долго не зовите!...

« Онъ прижался къ плечу Елены и прошепталъ:

— Рассказывайте что нибудь!

Сердце Елены сжалось; горячая, невольная слеза капнула на худенькую руку Саши. Онъ посмотрѣлъ на гувернантку, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ и только махнулъ рукой. Грудь его дышала хрипло, тяжело. Снова онъ встрепенулся; и въ этотъ разъ гораздо сильнѣе прежняго; даже голова его упала съ плеча гувернантки на ея колѣни. Онъ вздохнулъ, потянулся. Голубые глаза опять открылись безмѣрно: мерцающая, вспыхивая гася постепенно огонь ихъ; бѣлокурые волосы прилипли къ поблѣднѣвшему лбу. Потомъ, еще разъ неясный трепетъ пробѣжалъ по холодѣющему тѣлу, и двѣ свинцовыя, медленныя, выжатая улетающей жизнью слезы, выкатились и застыли на впалыхъ щекахъ.

« Въ это время въ концѣ темной аллеи показался танцовальный учитель; онъ несъ съ торжествомъ на показъ сыну двѣ спѣлыя сливы.» (стр. 80—81).

О повѣсти подъ заглавіемъ: «Поздно!» распространяться нечего.

Что новаго въ приторной біографіи дѣвушки, покинутой женихомъ, предпочитавшимъ живыхъ вертушекъ высреннимъ красавицамъ? Въ этой повѣсти только и хорошаго, что ловкое изображеніе пожилаго фата.

Лучшее во второмъ выпускѣ «Путевыхъ Замѣтокъ» произведеніе: «Четверть жизни человѣческой», названное романомъ, содержаніе котораго, кажется, не требовало ни такого отвлеченнаго и неяснаго заглавія, ни такой длинной, запутанной завязки, сильно утомляющей читателя. За то повѣсть эта, со второй половины ея и въ концѣ, не можетъ не понравиться. Передъ вами двѣ нѣжныя подруги, вмѣстѣ воспитанныя, надѣленные сходными привычками, желаніями и даже *вкусами*. Впервые и впослѣдніе онѣ любили однихъ и тѣхъ же. Первый предметъ ихъ общей склонности былъ молодой гусарь, только-что выпущенный изъ корпуса въ полкъ, стоявшій въ провинціи. Онѣ премило соперничали между-собою, а онъ, въ простотѣ неопытнаго и чистаго юношескаго сердца не зналъ, которой отдать предпочтеніе, не умѣлъ или не хотѣлъ выбирать. Сцены наивной ревности дѣвушекъ, и робости ихъ поклонника исполнены прелести и граціи. Неизвѣстенъ результатъ, какой могъ-бы послѣдовать въ разрѣшеніе этихъ плѣнительныхъ отношеній, потому-что привлекательнаго корнета вдругъ не стало: онъ тихо угасъ, оплакиваемый полковыми товарищами и равно любившими его подругами. Злая простуда на охотѣ, въ нѣсколько дней свела его въ раннюю могилу, которую Катя и Вѣра долго убирали роскошнѣйшими цвѣтами. Но цвѣты могильные вянутъ, какъ и балныя, а слезы дѣвическія высыхаютъ скорѣе росы весенней. Въ вихрѣ и шумѣ свѣтскихъ развлеченій хотя и не исчезло вовсе печальное воспоминаніе о миломъ юношѣ, однакожь значительно притушилось временемъ и новыми встрѣчами или впечатлѣніями. Да что долго рассказывать, на то у васъ книга въ рукахъ. Подруги наши опять полюбили, и опять—одного. То былъ бѣдный уѣздный врачъ, питомецъ матушки-Москвы, молодой, красивый, умный, образованный, съ прекрасными приемами, увлекательною рѣчью на устахъ и притягательною силою во взорахъ. Трудно найти страницы, болѣе въ своемъ родѣ обольстительныя, какъ изображеніе обоюдной ревности пріятельницъ, ихъ бесѣды въ безмолвіи ночей, въ общей спальнѣ, ихъ взаимное вывѣдываніе. Кажется, слышишь эти тихіе, но пламенные голоса, томные вздохи; только-что не слышишь, не видишь, не угадываешь паденіе горькихъ слезъ на измятую въ бессонницѣ подушку... Кончается, разумѣется, тѣмъ, чѣмъ должно было кончиться, съ одной стороны, по условіямъ общественныхъ отношеній, съ другой въ слѣдствіе неодолимыхъ или капризныхъ движеній страсти. Мы забыли сказать, что Вѣра—дочь почтенныхъ и богатыхъ родителей, а

пріятельница ея, Катя—не болѣе какъ воспитанница, принятая въ домъ и великодушно въ немъ облагодѣтельствованная Первую выдаютъ за бригаднаго генерала Скачкова, послѣднюю за доктора Лиевскаго. Такимъ-образомъ обѣ подруги благополучно было устроились, каждая по своимъ правамъ и положенію въ свѣтѣ... только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, блистательной и великолѣпной Вѣрѣ, избалованной собственнымъ позлащеннымъ счастьемъ, вздумалось совершенно не кстати, и на этотъ разъ не великодушно, возобновить давнее совмѣстничество, нарушить скромное, безмятежное счастье старинной пріятельницы, докторши, любившей мужа безъ памяти, лелѣявшей его какъ лучшую, если не единственную свою драгоценность. Лиевскій уступилъ обольщеніямъ г-жи Скачковой, а бѣдная Катя умерла жертвою своей безграничной, жестоко обманутой привязанности къ мужу. Но «чувствительныя души» обратятся къ самой книгѣ, гдѣ катастрофа эта разсказана съ трогательными подробностями, сжимающими сердце и вызывающими слезы...

Такимъ-образомъ, по поводу выхода нынѣ втораго изданія перваго выпуска «Путевыхъ Записокъ», мы познакомили читателя съ содержаніемъ и отчасти характеромъ всѣхъ шести повѣстей, содержащихся въ обоихъ выпускахъ. Остается вывести общее заключеніе о свойствѣ и степени дорованія сочинительницы. Въ немъ нѣтъ ничего общаго, на примѣръ съ перомъ г-жи Евгени Туръ, которое, такъ-сказать, «мудрствуетъ лукаво», когда, напротивъ, г-жа Т. Ч. съ граціозною и не рѣдко восхитительною простотою предается изліяніямъ сердечнымъ, во всей ихъ несдерживаемой теплотѣ и нѣжности. Нѣтъ, быть-можетъ, въ повѣстяхъ ея мыслей слишкомъ глубокихъ, въ смыслѣ строго-философическомъ, не пускается она въ хитрое разъясненіе вопросовъ жизненныхъ, но за то какъ прелестны ея живыя поэтическія созерцанія, не чуждыя, въ свою очередь, мыслей возвышенныхъ и остроумныхъ, при нѣкоторой иногда парадоксальности и односторонности взгляда. Всѣ чувства, какія только, въ разныхъ положеніяхъ, семейныхъ и общественныхъ тѣнятся, пылаютъ и испаряются въ женской груди, близко и вѣрно изучены авторомъ «Трехъ варіацій на одну тему», и всѣ его, или ея, рассказы не что иное, какъ безчисленныя варіаціи на одну и ту же тему—любовь, любовь, и—любовь! Можно поблагодарить г-жу Т. Ч., между-прочимъ, и за то, что она, вмѣстѣ съ немногими изъ разсказчиковъ нашихъ, старалась вырвать повѣсть изъ этого грубо-очертаннаго круга, въ который «усиливалось» замкнуть ее современное прозаическое направленіе литературы, стремившееся замѣнить изображеніе движеній сердечныхъ мелкимъ, циническимъ анализомъ разныхъ пошлостей, или, по-крайней-мѣрѣ, очень мало привлекательныхъ сто-

ронъ жизни, любопытныхъ для немногихъ и ни для кого не поучительныхъ. Если г-жа Т. Ч. не сильна въ рисовкѣ собственно характеровъ, если ея дѣйствующія лица не рельефно отдѣляются одно отъ другаго, сливаясь, пожалуй, въ одинъ, два, много три портрета, если сцѣпле-ніе происшествій и внѣшняя драма не составляютъ главной ея заботы, то сколько внутренняго смысла и психологической занимательности въ ея задушевныхъ повѣствованіяхъ, исполненныхъ нѣги и тоски, страсти и томленія. Самое однообразіе лицъ и мѣста дѣйствія ея разсказовъ не лишаетъ ихъ интереса, не уменьшаетъ симпатіи читателя. Какъ милы всѣ эти ея неизбѣжныя гувернантки, компаньонки, музыкантши, учительницы, съ своими ученицами и учениками; какъ обворожительны ея молоденькія дѣвушки, — ея свѣженькіе мальчики, описываемые съ любовью матери, сестры и «можетъ—быть еще нѣжнѣй», по выраженію поэта, какъ при томъ цѣломудренны и неукоризненны ея картины, при всемъ ихъ огнѣ и яркости красокъ... Мужское перо непремѣнно-бы прибавило къ нимъ рѣзкихъ тѣней.

Провинція почти исключительное поприще юныхъ и другихъ героевъ и героинь «Путевыхъ Замѣтокъ»; провинціальныя нравы, помѣщички, весь губернскій и уѣздный бытъ, кажется, непосредственно знакомъ сочинительницѣ, и она умѣетъ пользоваться имъ въ совершенствѣ, съ новой, мало еще тронутой стороны его, почти забытой нашими юмористами, со стороны тѣхъ незамѣтныхъ грубымъ глазамъ проявленій его, которыя доказываютъ, что въ этой мнимой глуши, въ этой сосредоточенной тишинѣ, душа и сердце живутъ полнѣе, блаженствуютъ и страдаютъ продолжительнѣе, нежели въ шумной и разнообразной сферѣ большихъ городовъ. Г-жа Т. Ч. рѣдко и неохотно касается иныхъ вопросовъ, кромѣ душевныхъ и сердечныхъ, но это добровольное ограниченіе отнюдь не мѣшаетъ ей ясно и отчетливо высматривать соприкосновенное съ избранными ею предметами, оцѣнять его хотя мимоходомъ и вскользь. Мягкое перо ея не колько и не злобно, но иногда и изъ-подъ него какъ-будто нечаянно выпадаетъ эпиграмма, шевелится сарказмъ, выказывается провія. Удачнѣйшія ея страницы посвящены изображенію всѣхъ фазисовъ и оборотовъ нѣжной страсти, ея пыла, ревности, охлажденія, терзаній и счастья; цвѣтущія и отцвѣтшія дѣвы ея—дагерротипы, въ которыхъ неупущена свѣтописью ни одна черта, и всѣ оживлены не мертвою тушью, и, чтобъ не распространяться долѣе, оба томика «Путевыхъ Замѣтокъ», это хотя не систематическій, но довольно-полный словарикъ, почти цѣлая энциклопедія женскихъ ощущеній въ разныя эпохи возраста, въ различныхъ отношеніяхъ и положеніяхъ жизни. Есть немало книгъ, которыя больше говорятъ пытли-

вому уму: если въ чтеніи вы ищите забвенія сухихъ или тяжелыхъ вопросовъ, если вы утомлены борьбою жизненной, и хотѣли-бы живо перенестись въ давно-угасшіе дни вашего дѣтства, въ годы вашей первой кипучей молодости, съ ея увлеченіями и обаяніями,—разверните томики г-жи Т. Ч., и она волшебнo воскреситъ ваши воспоминанія, оторветъ васъ на время отъ посылкой дѣйствительности—воображеніе и сердце ваше будутъ удовлетворены, т. е. заняты и растроганы; добрѣе, снисходительнѣе выйдете вы изъ вашего кабинета, и, можетъ-быть, внимательный взоръ отыщетъ во впалыхъ глазахъ вашихъ слѣды слезинки, много лѣтъ ихъ не посѣщавшей, въ анатіи и какой-то одичалости сердечной...

Необильныя выписки наши, конечно, не могли ознакомить читателя со всею тонкою прелестію и граціей слога г-жи Т. Ч.: злорѣчивые и неблагодарные за множество очаровательныхъ страницъ, мы рачительнѣе выказали недостатки ея изложенія. Да, вѣрная своему неутомимому изслѣдованію и своей неутомимой обязанности, критика не можетъ не сознаться, что правильность языка не составляетъ отличительныхъ, въ числѣ прочихъ, качествъ разсмотрѣнныхъ томиковъ. И въ послѣдней втораго изъ нихъ повѣсти, которая такъ намъ нравится, есть предосадныя, неуклюжія фразы, которыя такъ легко было бы уничтожить или обработать въ корректурѣ. Не жаль-ли что «Катя *самоучкой выучилась* читать» (стр. 101), и прекрасной особѣ помогаютъ «взлѣсть на повозку» (104), вмѣсто того, чтобъ пособить сѣсть или взойти *въ* повозку? Не странно-ли, что кто-то присоединяетъ «свое *блѣдное*, еще болѣе *поблѣднѣвшее* лицо къ *толпѣ* пылавшихъ отъ долго удерживаемаго смѣха *лицъ*» (107), а Катя, «въ смѣлыхъ прогулкахъ, *предпринимаемыхъ* вопреки бдительному надзору Вѣрочкиной гувернантки, внимательно охраняла Вѣру отъ всѣхъ опасностей .. Перепрыгнуть ровъ, вскарабкаться первой на гору, чтобъ испытать трудность предпріятія и подать руку Вѣрѣ, отважно и искусно защищать ее отъ *собакъ*, было всегда дѣломъ предпріимчивой Кати» (123)... Равномѣрно дѣломъ вкуса и такта былобы поисправить подобныя мѣста, нерѣдко нарушающія цѣлость выгоднаго впечатлѣнія. Но когда же и гдѣ женщины писали совершенно правильно, безъ обмолвокъ въ томъ или другомъ смыслѣ?

Семилѣтняя литературная дѣятельность г-жи Т. Ч. не удовольствовалась двумя отдѣльными томиками. Ея «*Сердце съ перегородками*» (по вѣсть), «*Умная женщина*», «*Дина*», (романъ) помѣщены въ журналахъ. Эти произведенія, впредь до особаго ихъ изданія, вѣдѣнію библиографіи не подлежатъ, и притомъ о нихъ, въ свое время, говорилъ уже «Пантеонъ», въ отдѣлѣ «журналистики»...

Разсказъ Прѣзжаго. *Павла Небольсина*. С.-Петербургъ 1854. Въ 8-ю долю листа, стр. 343.

Давно уже имя г. Небольсина извѣстно читающему міру по тѣмъ прекраснымъ статьямъ, которыя онъ постоянно печатаетъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Разсказы прѣзжаго, читаемые всегда съ удовольствіемъ, вызывали также и печатныя мнѣнія, появившіеся въ свое время въ періодическихъ изданіяхъ, что, однако же, не лишаетъ насъ удовольствія поговорить о нихъ обстоятельнѣе, встрѣтя эти интересные разсказы въ отдѣльной книгѣ. Замѣтки Русскаго путешественника о Россіи, замѣтки такого умнаго и наблюдательнаго путешественника, какъ г. Небольсинъ, и въ настоящее время, когда начали появляться описанія подобнаго рода, еще большая рѣдкость. Въ самомъ дѣлѣ, если вспомнить нѣсколько статей, имѣвшихъ цѣлю познакомить читателей съ различными мѣстностями Россіи, и которыя, бывъ помѣщены въ фельетонахъ газетъ, давно забыты, да вспомнить весьма не много описаній городовъ и мѣстностей, помѣщаемыхъ въ журналахъ, то увидимъ, что литература наша не можетъ похвалиться изобиліемъ подобныхъ матеріаловъ. Не говоря уже о томъ, что грѣхъ намъ, Русскимъ, кто въ состояніи, не изучать отечества; но недостаточность подобныхъ свѣдѣній, — и иностранцевъ вводитъ въ ошибку. Посмотрите, въ особенности, нѣмецкія газеты и журналы: чуть только въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ появится какая нибудь этнографическая статья или просто путевыя замѣтки, Нѣмцы тотчасъ ее переводятъ и сообщаютъ какъ предметъ любопытный для просвѣщеннаго человѣка. И надо правду сказать, если бъ мы, Русскіе, посвящали хоть не много времени на изученіе своего отечества, да печатали бы свои наблюденія, тогда и иностранные туристы не писали бы о Россіи тѣхъ нелѣпостей, которыя за частую попадаютъ въ заграничныхъ журналахъ. Положимъ, что по обширности имперіи и по огромности переѣздовъ, путешествіе внутри Россіи не изобилуетъ удобствами для богатаго барича; положимъ, что не каждому же человѣку со средствами прійдетъ охота ѣздить для наблюденій, и наконецъ не всякій обладаетъ способностью передавать свои наблюденія на бумагѣ такъ, чтобы это могло быть интересно: но все же мало еще нашлось бы людей и со средствами — которые могли бы, еслибъ хотѣли, путешествовать по отечеству, съ какой нибудь полезной цѣлю. Не станемъ вдаваться въ предположенія, а скажемъ, что прѣмымъ и удобоисполнимымъ средствомъ для этого были бы гг. служащіе въ провинціи, а слѣдовательно болѣе другихъ знакомые съ извѣстной мѣстностью. Благодаря Русскому географическому обществу, которое съ каждымъ днемъ расширяетъ кругъ своихъ дѣйствій, и идетъ

къ просвѣщенной цѣли, теперь начинаютъ и у насъ появляться дѣльныя описанія того или другаго края; но все-таки, при помощи частныхъ лицъ, которыя предпринимали бы поѣздки по провинціи, знакомство съ отдѣльными мѣстностями было бы и тѣснѣе и полнѣе. Все это послужило-бы богатымъ запасомъ матеріаловъ для статистики, начавшей требовать многочисленныхъ и разнообразныхъ условій.

Кому неизвѣстно, что статистика недавно еще не составляла отдѣльной науки, а смиренно занимала уголокъ въ географіяхъ, что это былъ сводъ одиѣхъ цифръ, доставляемыхъ приблизительно, и какъ-бы служившій только роскошью въ учебникахъ. Наконецъ статистика, начала мало-по-малу свергать съ себя неуклюжія формы, и появляться на свѣтъ какъ познаніе любопытное, гораздо занимательнѣе всѣхъ землеописаній, и изученіе которой стало уже не говоломною работою для мальчиковъ, но предметомъ занятій для ученыхъ. И все еще не много сдѣлано на этомъ поприщѣ. У насъ собственно-статистика ждетъ еще своихъ дѣятелей, но правительство уже подготовило для этого обильную почву, а Русское географическое общество, въ нѣсколько лишь лѣтъ своего существованія, далеко подвинуло впередъ любознательность, указало пути для дѣятелей, и готовить богатый запасъ по всѣмъ отраслямъ науки. Только при глубокомъ изученіи внутренняго быта страны, этнографіи и хозяйства, можно написать что-нибудь дѣльное, а потому намъ и плохо вѣрится въ книгу, носящую громкое заглавіе: «Статистика такого-то государства». Какихъ же человѣческихъ силъ достанетъ на изученіе внутренней жизни цѣлаго государства, чтобъ написать не перечень цифръ, собранныхъ официально, а представить стройное, цѣльное описаніе края со всѣми его разнородными частями, со всѣми его особенностями, и показать соотношенія этихъ частей и этихъ особенностей.

И въ слѣдствіе этого, по нашему мнѣнію, не только полезны, но и необходимы различныя замѣтки и наблюденія путешественниковъ, которые, описывая свои личныя впечатлѣнія, излагали-бы также и что-нибудь по существеннѣе относительно положенія той или другой мѣстности, относительности этнографіи и мѣстнаго хозяйства. Опытный ученый выберетъ изъ подобныхъ записокъ все, что ему необходимо, а обыкновенный читатель проведетъ пріятно время за интересною статьею подобнаго рода.

Но пора приниматься намъ за книгу г. Небольсина. Занимательныя свои замѣтки и наблюденія авторъ облекъ въ форму разсказа и, перемѣшивая съ дѣломъ свои приключенія, написалъ книгу, которая отъ начала до конца читается съ удовольствіемъ. Господинъ Небольсинъ выѣхалъ изъ Петербурга съ однимъ туристомъ — человѣкомъ хорошимъ

и довольно оригинальнымъ. Путь ихъ отъ Москвы до Петербурга по шоссе (железной дороги тогда еще не было) описанъ гладко, но не представляетъ особаго интереса въ томъ смыслѣ, въ какомъ авторъ предпринялъ свое путешествіе. Есть мѣста, впрочемъ ихъ мало во всей книгѣ, написанныя съ одушевленіемъ:

«Но небо было чисто; ни одно облачко не пестрило собою его густой темносинею выси, и только купы невѣдомыхъ намъ міровъ звѣзднаго пространства, точно въ сладостной нѣгѣ, дрожали и проливали на нашъ міръ свое тихое мерцаніе. Издавна знакомы(я)е намъ, по своей крупнинѣ, планеты съ блескомъ горѣли въ зенитѣ и играли яркими красками; другія звѣзды, здѣсь и тамъ едва мелькавшія и казавшіяся только неуловимыми точками, теплились слабо; по временамъ они какъ будто мигали, по временамъ загорались съ новою силою, потомъ опять слабѣли, на мгновеніе, будто вовсе потухали, но еще мигъ — и изъ этой точки на насъ несся блестящій лучъ свѣта. А то, (!?) вниманіе почему-то устремится на одну какую-нибудь яркую звѣздочку, которая займетъ васъ разноцвѣтными своими переливами, то кидаетъ она серебристый лучъ, то вдругъ задрожитъ розовымъ блескомъ, то вспыхнетъ зеленоватымъ огнемъ, словно изумрудъ какой... Но вотъ неравномѣрное ея мерцаніе превращается въ едва замѣтное колебаніе... (фраза немного тяжеловата) она качнулась... высь озарилась продольною бѣлою струйкой. Звѣздочка полетѣла... разсыпалась... исчезла — и только впечатлѣніе, оставленное ея полетомъ въ нашемъ глазѣ, кажется намъ будто бы въ самомъ дѣлѣ видимымъ слѣдомъ»-(6—7).

Одно намъ кажется страннымъ, если авторъ позволитъ такъ выразиться: это описаніе довольно оригинальнаго лица, Меценатина, къ которому онъ имѣлъ рекомендательное письмо. Изъ разсказа о пакетикѣ, постепенно увеличивавшемся, очевидно, что Меценатинъ по мѣрѣ участія, принимаемаго имъ въ авторѣ, велѣлъ подбавлять въ этотъ пакетикъ тѣхъ тоненькихъ и разноцвѣтныхъ бумажекъ, безъ которыхъ трудно совершать даже самое маленькое путешествіе. Послѣ этого, право, какъ-то жаль смотрѣть на рельефно выставленнаго старика. Ясно, что Меценатинъ оказалъ большую услугу, и въ благодарность за это, казалось бы, можно не выставлять нѣкоторыхъ его странностей въ книгѣ, не только такого серьезнаго содержанія какъ «Разсказы проѣзжаго», но и во всякой другой... Впрочемъ это мы замѣтили такъ, мимоходомъ... Замѣчаніе это мы сдѣлали собственно для тѣхъ, которые читая занимательную книгу г. Небольсина, остановятся надъ прекрасно очерченной фигурой Меценатина, и подумаютъ: «Славный старикъ! жаль, что авторъ не съ особеннымъ уваженіемъ обрисовалъ подобную личность!» Хоть Меценатинъ и рѣдки,

однако они существуютъ; а прочтя о томъ какъ ихъ описываютъ, нвой изъ нихъ не предложитъ уже извѣстнаго пакетика путешественнику, изъ боязни увидѣть себя хоть бы и въ занимательныхъ путевыхъ запискахъ.

Обстоятельство это нисколько не отнимаетъ достоинствъ и интереса у «Разказовъ проѣзжаго». Читатели найдутъ въ книгѣ г. Небольсина чрезвычайно много любопытныхъ свѣдѣній относительно фабрикъ, заводовъ и промышленности жителей тѣхъ губерній, черезъ которыя онъ проѣхалъ. Сейчасъ видно, что авторъ обладаетъ богатымъ запасомъ познаній по этой части, и рѣчь его кратка, ясна и вразумительна. Вездѣ встрѣчаете вы данныя, цифры, почерпнутыя изъ официальныхъ источниковъ, а гдѣ нужно, авторъ приводитъ и ссылки изъ лѣтописей. Но въ особенности любопытно описаніе Оренбургскаго края, какъ по своей новости, такъ по прекрасному изложенію. Мы даже отказываемъ себѣ въ удовольствіи выписывать что-нибудь, потому что надо бы выписывать все. Прочтя книгу г. Небольсина по обязанности рецензента съ глубокимъ вниманіемъ, мы однако же отмѣтили нѣкоторыя мѣста, кажущіяся намъ немногочисленными, и, попросивъ позволенія у автора, укажемъ то, что, по нашему мнѣнію, несовсѣмъ вѣрно съ истиной.

...«въ свѣтлосѣромъ долгополонѣ бекешъ, на лисьемъ мѣху.» (7).

Бекешъ или бекеша женскаго рода.

«Ну, напримѣръ, въ Клинцахъ, *Кіевской губерніи*...» (33).

Клинцы огромная деревня или посаль, жители котораго выработываютъ сукна, не въ Кіевской, но въ Черниговской губерніи.

«Этотъ погребецъ, какъ я послѣ узналъ, принадлежалъ Мюрату. Я купилъ его за пятьдесятъ рублей у казака: тотъ, вѣрно, поднялъ его на полѣ сраженія и не зналъ куда съ нимъ дѣваться: въ ранецъ вещь-то не лѣзла, и проч. (52).

Авторъ, вѣроятно, позабылъ, что ранецъ принадлежность пѣхотнаго солдата, а кавалеристы, тѣмъ болѣе казаки—ранцевъ не имѣютъ.

«Пароходы я закажу на Луганскомъ литейномъ заводѣ въ *Бахмутѣ*». (60).

Луганскій литейный заводъ довольно далеко отъ Бахмута.

...«то были молодые карабинеры; послѣдніе лучи заходящаго солнца играли на ихъ новыхъ каскахъ и на ружьяхъ съ *замкнутыми* штыками». (65).

Говорится примкнутыми штыками.

Неестественнымъ и даже слишкомъ естественнымъ показался намъ разговоръ простаго купца Сидора Кузьмича; и хотя онъ переданъ языкомъ близкимъ къ натурѣ, однако такого рода купчикъ, по нашему мнѣнію, не можетъ такъ рассказывать. Приводимъ примѣръ. Разговоръ

идеть о кустарникахъ, не о тѣхъ, которые растутъ въ лѣсахъ или по дорогѣ, но о промышленникахъ особаго рода:

«— А оттого (отвѣчаетъ Сидоръ Кузьмичъ на вопросъ автора), видите ли, оно мнѣ и не нравится, что, работая на меня, они трудятся и на мою и на свою пользу. Смейните-ко вы вотъ что: я фабрикантъ; *въ промышленномъ-то мѣрѣ я составляю видную единицу*, ужъ по одному своему капиталу; а кустарники-то, что они такое сами по себѣ? нули, чисто нули! какъ у меня эти нули съ праваго боку, такъ ужъ я то изъ простой единицы *вонъ каково широко расплзаюсь*. Тутъ и самъ-то я до тысячей поднимаюсь, да и нули то при мнѣ *свое значеніе имѣютъ*. Поставьте же вы эти нули у меня съ лѣваго бока: чтó я такое стану? *Та же единица*, что и прежде было! ужъ никакъ не больше. *Тутъ только моя собственная цифирь и говоритъ сама за себя*. Ну а какъ если да при этомъ между мною, да между нулями, что съ лѣвой-то у меня стороны, да поставить *запятую* — тогда что? Я-то ужъ даже и не единицей сталъ, а *мелкотравчатой (?) дробью*, которая будетъ казаться тѣмъ *ничтожнѣе*, чѣмъ больше нулей навяжется мнѣ съ лѣвой стороны!» (68).

Право не станеть говорить подобнымъ образомъ Сидоръ Кузьмичъ, выведенный г. Небольсимымъ на сцену.

«Здѣсь (въ Богород. уѣздѣ на казенной лосиной фабрикѣ) готовится кожевенный товаръ *на всю Россійскую армію*» (70).

Не станемъ исчислять многихъ мѣстъ, гдѣ закупается для арміи кожевенный товаръ, но укажемъ на Болховъ, Орловской губерніи, гдѣ комисс. ком. закупаютъ огромное его количество.

«Мы приближались къ небольшому лѣску (,) и первое дерево, взглянувшее на меня по праздничному, было совершенно распустившаяся *еся въ цвѣту липа*, такъ и обдавшая меня благоуханнымъ запахомъ только что взглянувшихъ на божій мѣръ цвѣточковъ.»

Конечно, запахъ цвѣтущей липы очень пріятенъ путнику; но почтенный авторъ проѣзжалъ по Нижегородской губерніи въ первыхъ числахъ мая, когда еще и на югѣ липа не цвѣтетъ: можетъ быть, это было другое дерево.

— Что жъ ты замужъ не выходишь, вѣдь пора?

— Какъ можно замужъ? Я старка! сказала она такъ, какъ будто бы желала выразить недоконченную фразу: «какой ты, право, безтолковый!»

— А, старка?

— Старка!

— Значитъ ты хочешь состарѣться въ дѣвствѣ? спросилъ я, предположивъ, что здѣшняя *старка*, значитъ почти тоже, что въ юго-западной Россіи «покрытка». (140).

И авторъ не пояснилъ что такое старка, сдѣлавъ весьма неправильное предположеніе, что это должно быть малорусскія «покрытки». На востокъ Россіи, а слѣдовательно и въ Симбирской губерніи, въ особенности въ присурскихъ уѣздахъ— въ Алатырскомъ, Ардатовскомъ и Курмыжекомъ есть обычай у дѣвушекъ давать обѣтъ безбрачія. Молоденькая дѣвочка даетъ обѣтъ безбрачія и отказываясь отъ выгодныхъ партій, достигаетъ наконецъ возраста, въ который крестьянскія дѣвушки уже рѣдко выходятъ замужъ. Она называется *старкою*. Отцу семейства пріятно имѣть старку въ домѣ, какъ лишнюю и притомъ неусыпную работницу. Старка между тѣмъ пользуется у домашнихъ какимъ-то уваженіемъ, имѣетъ особенную горенку, гдѣ-нибудь въ глубинѣ двора, и сверхъ заботъ по хозяйству, какъ бы обязана отмаливать прегрѣшенія своего семейства. Вотъ что такое старка, и мы не знаемъ, почему авторъ предположилъ что дѣвушка, выполняющая эти условія имѣетъ сходство съ покрыткой югозападныхъ губерній. Или, г. Небольсинъ не узналъ подробно что именно заключается въ званіи старки, или не зналъ малорусскаго слова «покрытка». Покрыткой или правильнѣе «накрыткой» въ Малороссіи называется дѣвушка, которая, увлечшись страстью, производитъ на свѣтъ незаконно—рожденного младенца. Въ слѣдствіе этого событія она надѣваетъ чепецъ, и какъ уже потеряла право носить названіе дѣвушки, а женщиной называться не можетъ потому, что не замужемъ, то народъ и придумалъ мѣткое названье «накрытка». Производство этого слова очевидно: дѣвушки ходятъ съ открытыми волосами, а замужнія надѣваютъ чепецъ; но какъ накрытка незамужняя и не дѣвушка, и голова у нее покрыта, слѣдовательно она «накрытка». Это впрочемъ нисколько не обязываетъ къ безбрачію, и, по большей части, дѣвушки, подпавшія подобному проступку выходятъ замужъ или за своего обольстителя, или за другаго добраго человѣка. Слова нѣтъ, что и старки могутъ имѣть увлеченія свойственныя слабому человѣку, но это уже не будетъ правило, но — исключеніе. Невѣрнымъ немного показалось намъ также на 142 стран. описаніе паряда старки, встрѣченной авторомъ на другой день знакомства. По словамъ г. Небольсина она была пышно одѣта, между-тѣмъ какъ старки и, въ такомъ возрастѣ какъ описанная, тѣмъ и отличаются, что носятъ преимущественно черныя цвѣты, по которому ихъ и отличаютъ.

«Башкирцы, да впрочемъ не одни Башкирцы, а вся южная полоса Россіи отъ Новороссійскаго края, пожалуй до Дауріи, одѣвается нынѣ-

че въ хлопчатобумажныя матеріи, въ московскіе и владимірскіе ситцы, въ кинешемскія нанки и коломенки, въ казанскіе кумачи и китайки, и въ персидскія, хивинскія, бухарскія и проч. Бязи, выбойки, зеделі». (256).

Этого никакъ нельзя сказать обо всей южной полосѣ Россіи: въ Новороссіи, въ Харьковѣ, и частью въ Воронежской губ. однимъ словомъ вездѣ, гдѣ живутъ малороссы тамъ бѣлье *всегда полотняное*; изъ сотни малороссовъ развѣ у одного вы увидите цвѣтную рубашку, а у женщинъ ни у одной.

Но пора намъ кончить эти выписки, которыя, повторяемъ, нисколько не могутъ вредить интересной книгѣ г. Небольсина. Каждый любознательный человѣкъ прочтетъ съ удовольствіемъ «Разказы проѣзжаго» и въ особенности поблагодаритъ почтеннаго рассказчика за описанія Башкирцевъ и Киргизовъ; необыкновенно хорошъ также рассказъ и о Хивинцахъ, встрѣченныхъ авторомъ въ Оренбургѣ

II.

ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВА.

БАЛЕТЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(сезонъ 1853—1854 года).

Вліяніе моды на сценическія зрѣлища.—Бѣглый взглядъ на исторію нашего балета.—Новере и Дидло.—Марія Тальони.—Балеты ея отца.—Андреянова.—Новое направленіе балетовъ.—Фанин Эльслеръ.—Карлотта Гризи.—Мазилье.—Перро и его балеты.—Pas d'actions.—Танцорки прошлаго сезона.—Статистика балетныхъ спектаклей.—*Фаустъ*.—Содержаніе балета.—Сцены очарованія и семи главныхъ грѣховъ.—Драматическія сцены.—Шабашъ на Блоксбергѣ.—Послѣдняя сцена балета.—Г-жа Телла.—*Мефистофѣла*, программа балета, составленнаго Генрихомъ Гейне.—Будущность балетовъ.

Никто, конечно, не станетъ сомнѣваться, что сценическія зрѣлища составляютъ существенную потребность у народа, достигшаго извѣстной степени эстетическаго образованія, но никто не станетъ также отвергать и того, что на эти зрѣлища мода имѣетъ огромное вліяніе, и что часто отъ нея одной зависитъ успѣхъ или упадокъ извѣстнаго рода сценическихъ представленій. Определить причины этого вліянія въ данную эпоху—рѣшительно невозможно. Какъ всеъ человѣческіе капризы, мода не слѣдуетъ логическимъ основаніямъ и выводамъ. У моды одинъ двигатель—новость; худшее, но за то новое для нея часто лучшаго, но стараго. Эстетическій вкусъ въ противоположность вкусу, какъ фізіологическому чувству, отъ пресыщенія не притупляется, а напротивъ дѣлается взыскательнѣе и въ тоже время походитъ на фізіологическій вкусъ въ томъ

отношеніи, что однажды испытавъ хорошее, не можетъ довольствоваться посредственнымъ. Онъ не виноватъ, когда его избалуютъ.

Критическая исторія нашего балета составитъ со временемъ любопытную страницу въ исторіи русскаго театра. Почти въ самомъ началѣ появленія балета на нашей сценѣ, онъ достигъ возможной по тому времени, степени совершенства. Послѣ замѣчательныхъ программъ Новерре, балетмейстера времени Екатерины II, человѣка, обладавшаго огромнымъ талантомъ и совершенно забытаго потомками (о которомъ мы надѣемся когда нибудь поподробнѣе поговорить съ читателями) на нашей сценѣ явился другой, весьма даровитый хореграфъ—Дидло, нѣсколько лѣтъ господствовавшій на нашей сценѣ и поставившій балетъ нашъ на ряду съ высокими художественными произведеніями. Въ нашей молодости мы застали еще балеты Дидло, и сохранили объ нихъ самое пріятное воспоминаніе. Казалось, что великолѣпіе монтажки, декораций, костюмовъ, что самое искусство не могло итти дальше. Роскошныя группы, драматизмъ сюжета, пластическія позы все соединялось въ этихъ прекрасныхъ произведеніяхъ, сказавшихъ повидимому послѣднее слово хореграфическаго искусства, и если балетъ не падалъ послѣ Дидло, это можно было приписать тому, что однажды приведенная въ дѣйствіе машина продолжала итти своимъ путемъ по заранѣ проложенной колѣѣ, не требуя даже участія того, кто первый сообщилъ ей движеніе. Послѣ—дидловское время было, дѣйствительно, едвали не самымъ цвѣтущимъ въ лѣтописи балета, по-крайней-мѣрѣ никогда публика не посѣщала съ такимъ удовольствіемъ этотъ родъ зрѣлищъ, не смотря на то, что на сценѣ небыло ни европейскихъ знаменитостей, ни знаменитыхъ балетмейстеровъ. Театральное училище наше, отвѣчая заботливости и стараніямъ дирекціи, выпускало каждый годъ по нѣсколькимъ замѣчательныхъ танцовщицъ. Составился такой кордебалетъ, равнаго которому нѣтъ ни на одной европейской сценѣ, и когда знаменитая Тальони явилась въ Петербургъ, она нашла для себя въ нашемъ балетѣ такую рамку, которая значительно способствовала къ тому, чтобъ выставить въ блестящемъ свѣтѣ ея дарованіе. Мы должны однакоже сказать, что вліяніе этой танцовщицы на программы балетовъ было скорѣе вредное, нежели полезное. Отецъ ея былъ незамѣчательнымъ балетмейстеромъ. Онъ писалъ балеты только для того, чтобъ выказать въ лучшемъ свѣтѣ дарованіе своей дочери. Она была главною точкою, на которой сосредоточивался, къ которой стремился весь балетъ. Все остальное: сюжетъ, обстановка, ходъ балета были направлены только къ тому, чтобъ выставить Тальони. Очевидно, что это должно было имѣть вліяніе на идею, содержаніе балета, принесеннаго въ жертву одному лицу, и вотъ поче-

му, когда не стало этого лица, балеты эти упали, и публика, смотрѣвшая въ нихъ только одну Тальони, увидѣла, что они даже ниже балетовъ Титюса, послѣдователя и преемника Дидло. Но и сама Тальони, не смотря на ея несомнѣнное дарованіе, стала въ послѣднее время собирать гораздо менѣе публики на этотъ родъ сценическихъ зрѣлищъ, начавшій замѣтно упадать. Мода на него проходила; она стала требовать отъ балета не однихъ танцевъ; хореграфическое искусство, доведенное до послѣдней степени совершенства, уже не удовлетворяло ее; она стала по-прежнему требовать отъ балетовъ: идеи, жизни, даже драмы. Ей нуженъ былъ второй Дидло. Въ эту эпоху, хотя и на короткое время, вниманіемъ публики овладѣла г-жа Андреянова. Не обладая большимъ искусствомъ въ хореграфическомъ отношеніи, идя сначала по слѣдамъ даровитой, но односторонней танцовки г-жи Пейссаръ, Андреянова создала въ послѣдствіи, слѣдуя собственному внушенію, особый родъ танцевъ, извѣстный подъ названіемъ *характерныхъ*, полный жизни, огня, мысли. И надо было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ исполняла она эти танцы; съ какимъ удовольствіемъ публика встрѣчала ее въ болеро, сальтарелло, халео, хотѣ, запатеадо, во всѣхъ болѣе или менѣе характеристическихъ па, выходящихъ изъ разряда обыкновенныхъ, рутинныхъ танцевъ, начинающихъ надоедать своимъ однообразіемъ. Надо было вовсе не повинмать хореграфическаго искусства, чтобъ не видѣть дарованія и заслугъ г-жи Андреяновой, возставать противъ нее и отдавать предпочтеніе г-жѣ Смирновой-Неваховичъ, танцовкѣ старательной, но лишенной всякой граціи и жизни, — какъ это дѣлали въ цвѣтущее время г-жи Андреяновой слѣдые противники ея, увлекавшіеся въ странномъ удивленіи своемъ г-жѣ Смирновой причинами совершенно посторонними, немѣющими ничего общаго съ искусствомъ. Теперь, г-жа Андреянова сошла по-видимому со сцены, не являвшіеся на ней весь сезонъ, но мы искренно сожалѣемъ объ этомъ, потому-что даже въ самое послѣднее время, она оставалась по-прежнему замѣчательною талантливою артисткой и займетъ всегда почетное мѣсто въ исторіи балета, какъ даровитая представительница особаго рода танцевъ, тогда какъ имя г-жи Смирновой не выйдетъ изъ ряда полезной посредственности (*les utilités*).

Стремленіе къ новому роду, новому элементу въ балетѣ нашло свое осуществленіе въ Фанни Эльслеръ. Ниже Тальони, какъ танцовщица, она стоитъ несравненно выше ея какъ мимическая и драматическая артистка. Публика была въ восторгѣ отъ Эльслеръ, хотя она явилась къ намъ уже немного поздно, въ самомъ концѣ своего артистическаго поприща. Москва въ своемъ удивленіи Эльслеръ доходила даже до эк-

сцентричностей. Петербургъ былъ къ ней хладнокровнѣе, но усердно посѣщалъ балеты въ продолженіе двухъ-лѣтняго ея пребыванія на нашей сценѣ. Мы даже думаемъ, что Эльслеръ оставила ее немножко рано, и что еще годъ, два могла-бы пользоваться успѣхомъ и расположеніемъ публики. Но ясно было, что дальше Тальони и Эльслеръ искусство итти не можетъ, что публику можетъ увлечь только танцовщица, которая соединитъ въ себѣ воздушность и гибкость Тальони съ пластическою граціей и драматическимъ чувствомъ Эльслеръ.

Въ числѣ новостей, принесенныхъ Эльслеръ на нашу сцену былъ очень старый балетъ, принадлежавшій къ временамъ Дидло и имѣвшій едва-ли не больше успѣха, чѣмъ всѣ послѣдующія хореграфическія созданія. Балетъ этотъ, въ которомъ нѣкогда была такъ хороша Шле-фогтъ, прекрасная танцовка, рано похищенная смертью у искусства, произвелъ странное впечатлѣніе на публику. Бѣдный по содержанию, смѣшной по нѣкоторымъ устарѣлымъ и натянутымъ сторонамъ, онъ поразилъ публику простотою и граціозностью, художнически переданными Эльслеръ. Не менѣе *Тщетной предосторожности* (*La fille mal gardée*) имѣли успѣхъ три балета новаго молодого балетмейстера, въ первый разъ явившагося передъ нашею публикой. Балеты эти были: «Мечта художника», «Эсмеральда», «Катарина». Балетмейстеръ этотъ былъ Жюль Перро.

На слѣдующій сезонъ вмѣстѣ съ новою, замѣчательною танцовкою Корлоттою Гризи талантъ балетмейстера высказался во всей своей силѣ. Еще болѣе выигралъ онъ отъ сравненія съ Мазилье, бывшимъ годъ на нашей сценѣ, балетмейстеромъ старательнымъ, но не одареннымъ воображеніемъ, хотя многіе изъ его балетовъ не лишены достоинства и держатся до-сихъ-поръ на нашей сценѣ. Мы говоримъ конечно не о весьма неудачныхъ произведеніяхъ въ родѣ «Гентской красавицы», «Веръ-Вера» и «Питомицы фей», а о «Пахитѣ» и «Своенравной женѣ». Странно также, что программы лучшихъ парижскихъ балетовъ: «Сильфида», «Жизель», «Сатанилла»—составлены поэтами, а не балетмейстерами. Балеты Перро, написанные для Петербургской сцены: «Газельда», «Мечта художника», «Наяда и Рыбакъ», «Война женщинъ», замѣчательны занимательностью сюжета и въ особенности совершенно новою стороною танцевъ, составляющею отличительную черту дарованія Жюля Перро. Ему первому принадлежитъ честь изобрѣтенія такъ называемыхъ «*pas d'actions*» и мысль ввести въ самые танцы, обыкновенно составлявшіе только рамку балета,—цѣль, содержаніе, мимику. Перро первый осмыслилъ всѣ эти *pas de trois, de quatre, de cinq*, самую скучную и вмѣстѣ съ тѣмъ почти необходимую часть балета. Возьмите его па въ Эсме-

ралдѣ, послѣднѣе па d'actions, въ которомъ, pas de cinq съ весломъ въ Наядѣ, почти всѣ большіе па «Войны женщинъ»,—все это полно жизни и мысли. Въ этихъ па есть цѣль, смыслъ; вы понимаете, что хотятъ высказать этими танцами участвующіе въ нихъ лица, видите, что они не просто упражняются въ хореграфической гимнастикѣ, и что граціозныя аттитюды, всегда смѣшныя въ мужчинахъ, и волчкообразныя круженія—не конечная цѣль танцевъ, какъ это думали до Перро.

Но не смотря на новаго балетмейстера, не уступавшаго въ дарованіи Дилло, не смотря на танцовку, обладавшую большимъ искусствомъ, на новые балеты, великолѣпно поставленные, на удивительный кордебалетъ, мода на балетъ повидимому прошла рѣшительно, и сезонъ 1852—1853 года очень мало собиралъ публики. Тогда, думая разнообразіемъ привлечь зрителей, выписали изъ Парижа двухъ танцорокъ, основываясь на газетныхъ похвалахъ и удостовѣреніи лицъ, непосвященныхъ въ тайны хореграфіи. Оказалось, что и это средство не помогло, что слухи были преувеличены, и двѣ парижскія танцовки, Луиза Флери и Роза Гиро, впрочемъ очень милыя и старательныя, были не выше корифеекъ нашего кордебалета. Тогда дирекція, не жалѣя ничего, выписала, уже въ концѣ сезона, изъ Парижа еще одну новую танцовку, Ееллу и поставила новый балетъ, лучшее произведеніе неутомимаго Перро.]

Мы мало говорили о балетѣ прошлаго сезона въ нашемъ журналѣ, потому что многого сказать объ немъ нельзя. Балеты давались уже извѣстные, обстановка, кордебалетъ, декораціи все было прекрасно, какъ всегда. Вновь поставленъ былъ одинъ балетъ «Фаустъ», но балетъ до того замѣчательный, что мы сочли нужнымъ рассказать его читателямъ.

Сдѣлаемъ прежде статистическій очеркъ дѣятельности прошлаго балетнаго сезона. Дано было всего *десять* балетовъ. Вотъ всѣ они, по порядку числа представленій: «Фаустъ» данъ былъ 12 разъ; «Тщетная предосторожность» 9; «Газельда» и «Мечта художника» по 7 разъ; «Катарина» и «Крестьянская свадьба» 6; «Своенравная Жена» 5; «Эсмемальда», «Наяда и Рыбакъ», «Пахита» 4 раза. Сверхъ того игранъ былъ однажды второй актъ изъ балета «Сатанилла». Всѣ эти балеты были даны *шестьдесятъ пять* разъ въ теченіе сезона. Бенѣфисовъ было восемь: Смирновой, Гюге, Петипа, Югансона, Гиро, Флери, Перро и Ееллы.

Какъ ни разнообразны были эти балеты, публика мало посѣщала ихъ, и только «Фаустъ» дѣлалъ постоянно полные сборы, возбуждая единодушныя похвалы. Сознаемся, что выборъ сюжета казался намъ нѣсколь-

ко страннымъ а исполненіе его на сценѣ весьма затруднительнымъ. Заставить танцовать Фауста казалось намъ несоветѣмъ умѣстнымъ. Еслибъ балетмейстеръ взялъ содержаніе своего новаго произведенія изъ старинныхъ легендъ и кукольныхъ комедій, служившихъ основою легенды Фауста, но на программѣ балета было сказано, что онъ заимствованъ изъ знаменитаго произвенія Гёте (*tiré du chef d'oeuvre de Goethe*) и мы признаемся, что боялись за нашего балетмейстера, понимая какъ трудно было переложить въ балетъ этотъ громадный сюжетъ.

Первая картина балета происходитъ въ лабораторіи Фауста. Онъ учитъ Вагнера и другихъ учениковъ астрономіи. Оставшись одинъ, онъ говоритъ, ударяя себя по лбу: «Я чувствую здѣсь волю могущую, непреодолимую, способную совершить самыя великіе подвиги». Мы приводимъ слова французской програмы, сознаваясь, что все это довольно трудно выразить жестами. Въ эту минуту къ ногамъ доктора падаетъ съ полки его библіотеки старая книга. Это формулы для вызыванія духовъ, названіе которыхъ средніе вѣки произносили иначе, какъ со страхомъ. Фаустъ читаетъ заклинаніе. Одна изъ ретортъ, стоявшихъ на огнѣ, съ трескомъ лопается, изъ нея выходитъ Мефистофель, въ адекомъ костюмѣ. Фаустъ пугается его, хотя костюмъ г. Перро изъ золотого газета вовсе не страшень, и новыми заклинаніями заставляетъ удалиться. Приходитъ Вагнеръ, привлеченный шумомъ, садится подлѣ учителя, объясняющаго ему причину взрыва реторты и вдругъ проваливается, а на его мѣстѣ является Мефистофель въ костюмѣ Вагнера, съ тѣхъ поръ уже не являющагося болѣе въ балетѣ. Либретто не объясняетъ что сдѣлалось съ ученикомъ Фауста и на какомъ основаніи Мефистофель заставилъ его провалиться сквозь землю.

Злой духъ начинаетъ предлагать доктору все сокровища и удовольствія міра, обѣщается служить ему въ этой жизни усердно и исполнять его малѣйшія прихоти съ тѣмъ, чтобъ докторъ въ свою очередь служилъ ему въ жизни за гробомъ. Фаустъ колеблется, Мефистофель погружаетъ его въ *магнитическій* сонъ и показываетъ ему Маргариту въ ея скромной комнаткѣ; потомъ комната эта замѣняется кладбищемъ; духъ зла вызываетъ изъ гроба привидѣніе, заставляетъ его принять видъ Маргариты и служить средствомъ къ оболъщенію Фауста. Пустынное кладбище превращается въ волшебный садъ, мертвецы въ красавицы (что напоминаетъ немного знаменитую сцену въ Робертѣ). Ложная Маргарита съ толпою подвластныхъ ей духовъ совершенно очаровываетъ Фауста, заставляетъ его подписать договоръ съ демономъ и выпить заколдованный напитокъ, превращающій старика-доктора въ моло-

даго человѣка, полного жизни и силы, что онъ и доказываетъ тотчасъ же, пускаясь танцовать съ Маргаритой.]

Балетмейстеръ, хотя и оправдалъ эти танцы вліяніемъ напитка и волшебныхъ чаръ, но мы лично все-таки не могли примириться съ мыслью видѣть Фауста танцующимъ.

Сверхъестественныя существа исчезаютъ, когда договоръ подписанъ, и зритель переносится на площадь маленькой нѣмецкой деревни. Крестьяне готовятся къ празднику, на которомъ увѣнчиваютъ самую добродѣтельную изъ всѣхъ дѣвушекъ. Марта надѣется получить эту награду, не смотря на то что она порядочная кокетка. Въ это же время въ деревню возвращается, послѣ долгаго отсутствія, солдатъ Валентинъ, женихъ Маргариты. Перро передѣлалъ старуху Марту въ молоденькую дѣвушку, брата въ жениха—и придалъ этимъ еще болѣе жизни балету. Маргарита тоже рада возвращенію жениха. Вдругъ съ толпою цыганъ является Мефистофель въ костюмѣ шарлатана; ему сопутствуетъ Фаустъ. Злой духъ раздастъ жизненные элексиры, возбуждаетъ къ веселью крестьянъ. Бургомистръ вѣнчаетъ Маргариту, съ которой Фаустъ не можетъ свести глазъ. Онъ требуетъ у демона обладанія молодою дѣвушкой. Тотъ начинаетъ испытывать надъ нею свою силу, привлекаетъ ее къ себѣ вмѣстѣ съ другими подругами, заставляетъ танцовать и кружиться. Это *pas d'action* составлено превосходно и доказываетъ удивительное воображеніе и огромное дарованіе въ композиторѣ. Праздникъ оканчивается суматохой, возбужденной Мефистофелемъ. Занавѣсъ падаетъ.

Второе дѣйствіе начинается въ комнатѣ Маргариты. Во время ея сна, Мефистофель приноситъ ей богатые подарки, Фаустъ смотритъ на нее съ восхищеніемъ и едва соглашается удалиться. Молодая дѣвушка просыпается и видитъ дорогіе камни. Начинается удивительная, лучшая сцена въ балетѣ, полная граціи, смѣлаго воображенія, блестящей мысли. Мефистофель вызываетъ изъ ада семь главныхъ грѣховъ въ видѣ семи хорошенькихъ женщинъ; они начинаютъ по-очереди испытывать свою власть надъ дѣвушкой. *Льность* заставляетъ ее бросить съ отвращеніемъ прялку, *гордость* и *зависть* совѣтуютъ надѣть поскорѣе богатые уборы, *нлвз* заставляетъ бросить и разорвать ихъ, потому что они ей не въ пору. Мефистофель замѣняетъ ихъ другими, и тогда *скудость* приказываетъ дѣвушкѣ спрятать далеко отъ всѣхъ эти сокровища. *Пресыщеніе* заставляетъ ее съ жадностью срывать плоды очарованнаго сада, явившагося около нее, *нлга* увлекаетъ ее къ Фаусту... Этой лирической сцены, веденной съ неподражаемымъ искусствомъ и прекрасно исполняемой Г-жею Целлою, довольно для славы балетмейстера.

Приходъ матери прерываетъ грѣшныя мечтанія Маргариты и заставляеть демоновъ удалиться. Зритель переносится въ великолѣпную залу Фауста, на пиръ, на который приглашена вся деревня. Въ большомъ дивертиссементѣ замѣчательно новое *pas d'action* между главными дѣйствующими лицами балета и родъ краковяка—мазурки, превосходно исполняемый нашимъ кордебалетомъ. Балъ окончивается такою же суматохой какъ въ первомъ дѣйствіи, неизвѣстно для чего возбужденной Мефистофелемъ. Вообще, не смотря на прекрасныя танцы этой картины, намъ кажется она лишнею и безъ нужды растягивающею балетъ.

Въ третьемъ дѣйствіи мы видимъ передъ собою и комнату Маргариты, и садъ передъ ея домомъ. Въ комнатѣ и въ саду происходитъ попеременно свиданіе и разговоръ Фауста съ Маргаритой, Мефистофеля съ Мартой. Фаустъ даетъ своей возлюбленной стѣянку съ напиткомъ, который долженъ усыпить Бертю, мать Маргариты, чтобъ она не мѣшала ихъ свиданію. Бѣдная дѣвушка выливаетъ стѣянку въ питье матери. Старуха умираетъ. Въ это же время въ саду Фаустъ убиваетъ Валентина, подкараулившаго своего соперника. Умирая онъ проклинаетъ Маргариту. Судьи берутъ ее подъ стражу.

Зритель переносится въ тюрьму. Маргарита одна, вспоминаетъ прошедшее; она видитъ въ мечтахъ своихъ ребенка, котораго качаетъ и прижимаетъ къ груди. Потомъ ей кажется, что она сидитъ на берегу свѣтлаго ручья съ своимъ ребенкомъ. Неотразимою силою привлекаетъ ее къ себѣ этотъ ручей. Она наклоняется надъ нимъ, отнимаетъ руки отъ груди... и испускаетъ страшный крикъ... ребенокъ ея исчезъ въ волнахъ! Она хочетъ броситься за нимъ, когда ее схватываютъ... Приходъ Фауста прерываетъ страшныя мечты Маргариты. Онъ пришелъ спасти ее изъ тюрьмы. Она отвергаетъ его съ негодованіемъ, она видитъ на рукахъ его кровь Валентина. Солдаты увлекаютъ ее на казнь.

Послѣдняя сцена балета происходитъ на Блоксбергѣ. Фантастическій шабашъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ олицетворяется въ прекрасной картинѣ. Фаустъ встрѣчаетъ снова между этими духами ложную Маргариту. Онъ стремится къ ней въ то время, когда ихъ обхватываетъ вихрь адскаго галоппа. Вдругъ, вдали, на туманной вершинѣ Гарца Фаустъ видитъ толпу народа и Маргариту на эшафотѣ. Палачъ взмахиваетъ надъ нею топоромъ. Видѣніе исчезаетъ, и изъ густаго тумана вылетаетъ блѣдный огонекъ, стремящійся къ небу. Фаустъ въ отчаяніи упрекаетъ Мефистофеля въ неисполненіи данныхъ ему обѣщаній, тотъ отвѣчаетъ смѣхомъ и показываетъ ему договоръ, по которому Фаустъ съ этихъ поръ принадлежитъ аду... Вдругъ огонекъ, летавшій надъ вершиною горы, падаетъ на договоръ и превращаетъ въ пепель бумагу... Мефистофель

бросается, чтобъ овладѣть Фаустомъ, но горы съ трескомъ рушатся, подавляя все адское собраніе; тихій свѣтъ льется съ неба, и Маргарита, поддерживаемая свѣтлыми геніями, простираетъ руки къ Фаусту, стремящемуся къ ней въ кругу другихъ геніевъ.

Мы рассказали подробно содержаніе новаго балета Жюль Перро, и должно сказать, что онъ вышелъ побѣдителемъ изъ трудной борьбы съ этимъ громаднымъ сюжетомъ. Кромѣ небольшихъ отмѣченныхъ нами недостатковъ и одной немного длинной картины, весь балетъ составленъ прекрасно, и успѣхъ его былъ совершенно заслуженный. Исполненъ онъ былъ также хорошо. Г-жа Телла танцуетъ легко, смѣло и свободно, движенія ея роскошны, мимика выразительна и полна драматизма, какъ напримѣръ въ картинѣ тюрьмы. Талантъ ея, конечно, еще болѣе разовьется въ послѣдствіи. Г. Перро не совсѣмъ похожъ на Мефистофеля, и если не внушаетъ страха, то заставляетъ удивляться его ловкости. Кордебалетъ, декорации, монтировка, костюмы—превосходны какъ всегда.)

Когда мы смотрѣли этотъ балетъ, насъ занимала между прочимъ одна мысль: зналъ ли г. Перро, что Гейне написалъ программу балета на этотъ же самый сюжетъ, и что Лумлей, импрессарио Лондонскаго театра, хотѣлъ поставить этотъ балетъ въ 1851 году на Ковентгарденскомъ театрѣ. Программа Гейне не похожа на программу Перро. Юмористъ придумалъ вмѣсто Мефистофеля ввести въ свой балетъ демона женскаго рода *Мефистофелю*. Эта Мефистофела, являясь на призывъ доктора, въ первомъ дѣйствіи, заставляетъ сначала танцовать неповоротливаго ученаго, а потомъ показываетъ ему въ магическомъ зеркалѣ какую-то графиню, въ которую Фаустъ влюбляется. Во-второмъ дѣйствіи Фаустъ съ своей спутницей являются въ замкѣ этой графини, оказывающейся однако же колдуньей и прилетающей въ третьемъ дѣйствіи на блокбергскій шабашъ, гдѣ Фаустъ назначилъ ей свиданіе. Шабашъ это описанъ у Гейне удивительно; но Фаустъ разлюбливаетъ на немъ свою графиню и требуетъ у Мефистофелы осуществленія пластическихъ красотъ древней Греціи. Въ четвертомъ актѣ онъ уже перенесенъ услужливымъ демономъ въ женской юбкѣ на фантастическій островъ Эгейскаго моря, надъ которымъ вѣчно голубое небо, гдѣ царствуетъ вѣчная весна и подъ тѣнью миртъ и лавровъ, мраморныя статуи, образцы человѣческой красоты, гордо развиваютъ свои пластическія формы. Мефистофела оживляетъ эти статуи; они сходятъ съ своихъ пьедесталовъ, и Фаустъ находитъ между-ними типъ совершенства, Елену Спартанскую. Передъ влюбленною четою Мефистофела, въ костюмѣ вакханки пляшетъ древній пиррическій танецъ. Вдругъ въ классическій міръ древности вторгается романтическая колдунья графиня, прилетѣвшая на летучей мыши преслѣдовать

Фауста, покинувшего ее на шабашѣ вѣдьмъ. По знаку ея волшебной палочки, олицетворяющей горькій реализмъ, статуи разбиваются въ куски, деревья вынуты, храмы превращаются въ развалины; прекрасная Елена въ скелета, эллинекія дѣвы въ отвратительныхъ лемуровъ, и при раскатахъ грома и блескѣ молніи волны затопляютъ классическій островъ, въ то время какъ Фаустъ и Мефистофѣла улетаютъ на черныхъ коняхъ. Въ четвертомъ актѣ, на площади средневѣковаго города докторъ Фаустъ раздаетъ цѣлебныя лекарства и элексиры. Онъ видитъ на ярмаркѣ дочь бургомистра и влюбляется въ скромную пѣмку. Сердце его раскрывается всемъ сладостнымъ чувствомъ добра, всея поэзіи тихой семейной жизни. Онъ готовъ раскаяться во всехъ своихъ заблужденіяхъ, но Мефистофѣла ревнуетъ его къ этой истинной любви, къ этому святому раскаянію; она вынимаетъ роковой договоръ, и демоны увлекаютъ грѣшника въ адъ.

Теперь истощены почти все сюжеты для балетовъ, исчерпаны все міеологіи, выведены на сцену все преданія, все созданія фантазіи народовъ и поэтовъ, духи всехъ элементовъ: воздуха, земли, воды и огня. Легко можетъ быть, что въ скоромъ времени вернутся къ старымъ сюжетамъ и будутъ ихъ передѣлывать, чтобъ старое показалось новымъ. А до-тѣхъ-поръ мы обратимъ вниманіе нашего даровитаго балетмейстера на источникъ, еще совершенно нетронутый, русской міеологіи и сказочныхъ народныхъ преданій. Балетъ еще скорѣе, нежели опера, можетъ воспользоваться фантастическими легендами нашего народа.

В. 3.

2. ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Дѣятельность французской группы въ прошломъ сезонѣ. — Вліяніе Рашели на французскіе спектакли. — Замѣчательныя драмы и комедіи, данныя въ последнее время. — *Элоиза и Абелляръ*. — *Безприданницы*. — *Маріонетки доктора*. — *Невинныя игры*. — *Честь семейства*. — *Донъ Цезарь-де-Базанъ*. — Характеръ героя піесы въ драмѣ Гюго и у новыхъ авторовъ. — Страшныя заимствованія. — *Честь и деньги*, комедія Понсара. — Характеры и стихи этой піесы. — Другія комедіи. — *Мариво* и его піесы. — *Драматическія поговорки*. — *Октавъ Фелье* и его *Партія въ шашки*. — *Вальнежскія сиротки*. — Французскія піесы на Петербургской сценѣ. — Хорошіе водевили. — Водевили плохіе. — *Драматическія шалости* и успѣхъ этой пародіи. — Общій выводъ изъ французскихъ спектаклей прошлаго театральнаго года.

Мы давно не говорили ничего о спектакляхъ нашей французской труппы. Пріѣзжая гостья отвлекла вниманіе Петербурга отъ этихъ спектаклей, и мы должны были слѣдить за ея игрою; любопытство, воз-

бужденное европейскою извѣстностью странствующей артистки, было слишкомъ велико, и мы считали своимъ долгомъ разобрать подробно это замѣчательное, хотя и безплодное явленіе въ области искусства, доставившее намъ нѣсколько пріятныхъ минутъ, но обманувшее большую часть нашихъ ожиданій. Теперь, когда любопытство нашей публики удовлетворено, когда удивленіе, возбужденное искусствомъ или скорѣе искусственностью Рашели, охладѣло въ большей части благоразумныхъ зрителей, и ею восхищаются безусловно и фаватически только лица, желающія прикрыть этимъ восхищеніемъ безотчетность своихъ понятій, мы съ истиннымъ удовольствіемъ возвращаемся къ нашей прекрасной, постоянной труппѣ артистовъ, любящихъ свое искусство, видящихъ въ немъ цѣль, а не средство.

Мы остановились въ нашемъ отчетѣ о французскихъ спектакляхъ на половинѣ сентября. Съ-тѣхъ-поръ прошло много времени и окончился уже театралный годъ, поэтому мы поговоримъ прежде о результатѣ дѣятельности нашей французской труппы, а потомъ разберемъ отдѣльно замѣчательнѣйшія явленія этого года, о которыхъ еще не говорили.

Всѣхъ спектаклей было въ число абонементовъ 101; не въ число абонементовъ 21; бенефисовъ 12; всего 134 спектакля, въ которые было сыграно *семьдесятъ девять* новыхъ пьесъ и возобновленныхъ, не являвшихся въ прошломъ году. Въ этомъ числѣ мы ужъ говорили о 37 пьесахъ. Разкажемъ объ остальныхъ и сперва о драмахъ и комедіяхъ.

Элоиза и Абельяръ (Héloïse et Abailard) двухъ-актная комедія-водевиль Скриба, возобновленная въ прошломъ сезонѣ, принадлежитъ къ числу самыхъ живыхъ, веселыхъ пьесъ, но содержаніе которыхъ очень трудно передать. Мысль пьесы основана на томъ, что одного господина принимаютъ за сопраниста сикетинской капеллы, находящагося въ положеніи Абельяра, и надо было имѣть талантъ Скриба, чтобъ выпутаться изъ подобнаго сюжета, не переходя ни на минуту за границы свѣтскаго и сценическаго приличія. Въ особенности хорошъ въ этой пьесѣ Верне.

Безприданницы (Les filles sans dot), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ Лефрана и Лопеза. Пьеса съ нравственной цѣлью, но худо веденная, растянутая, склеенная вообще довольно неискусно. Изъ трехъ бѣдныхъ дѣвушекъ одна выходитъ за ремесленника, который ниже ея чувствами и образованіемъ, непонимаетъ ее и грубо съ нею обходится, другая выдаетъ себя за вдову какого-то португальца и живетъ подъ покровительствомъ одного виконта; третья служитъ гувернанткою въ разныхъ мѣстахъ, терпитъ обиды, несчастія, и наконецъ выходитъ замужъ за стараго профессора, въ самомъ концѣ пьесы. Все это не ново, скучно и длинно. Трехъ героинь играли: Плесси, Мейеръ и Валансъ.

О *Леди Тартюфъ*, игранный французскою труппою въ бенефиетъ Варле, мы уже говорили, разбирая эту пьесу по поводу игры Рашели. Здѣсь мы скажемъ только, что пьеса эта гораздо болѣе понравилась, разыгранная г-жею Плесси и нашею труппою, нежели Рашелью и ея соотечественниками.

Маріонетки доктора (Les marionettes du docteur), пьеса въ трехъ актахъ съ прологомъ и эпилогомъ въ стихахъ и прозѣ Мишеля Карре и Жюля Барбье, хорошая по цѣли, избитая по идеѣ, слабая по исполненію. У двухъ племянницъ стараго доктора, живущаго въ провинціи, есть два жениха, двое молодыхъ людей, бредящихъ Парижемъ. Чтобъ доказать имъ, что Парижъ городъ погибельный, докторъ наканунѣ отъѣзда молодыхъ людей въ этотъ городъ, устраиваетъ кукольный театръ, на которомъ маріонетки разыгрываютъ предполагаемую исторію несчастій молодыхъ людей и ихъ невѣсть. Въмѣсто маріонетокъ передъ зрителями играютъ конечно сами артисты, и въ послѣднемъ (третьемъ) актѣ театръ представляетъ сцену, раздѣленную на четыре части, и дѣйствіе происходитъ въ одно время въ четырехъ различныхъ мѣстахъ: одна изъ невѣсть идетъ въ монастырь, женихъ ея умираетъ изнуренный трудами, другая невѣста вышла замужъ не за того, кого любила и очень счастлива, что еще болѣе терзаетъ ея прежняго жениха потому, что онъ связалъ свою судьбу съ судьбою одной интригантки и страдаетъ отъ этой связи. Въ эпилогѣ женихи, испуганные ожидавшею ихъ участью, не ѣдутъ въ Парижъ и женятся на своихъ провинціалахъ. Успѣхъ пьесы былъ весьма незначительный, не смотря на участіе въ ней лучшихъ артистовъ и прекрасное исполненіе ролей. Авторы забыли одну очень простую истину: еслибъ намъ было заранѣе извѣстно, какія несчастія ожидаютъ насъ, то мы всегда могли бы отвратить ихъ.

Къ разряду пьесъ, имѣющихъ литературное достоинство и не принадлежащихъ къ водевилямъ, отнесемъ также небольшую комедію Эдуарда Фуссьера: *Невинныя игры* (Les jeux innocents), довольно пустую по содержанію, заключающемуся въ томъ, что во время невинныхъ игръ заставляютъ одного робкаго юношу признаться въ любви предмету своей страсти, но весьма замѣчательную по прекраснымъ, звучнымъ стихамъ, полнымъ остроумія и веселости.

Честъ семейства (L'honneur de la maison) пятиактная драма Леона Баттю и Мориса Девинья, весьма натянута, избитая по сюжету, но не лишенная эффекта. Мужъ узнаетъ случайно, что сынъ его принадлежитъ не ему, и скрываетъ это для чести своего дома, хотя и не можетъ уже любить молодаго человѣка. Тотъ встрѣчается съ настоящимъ отцемъ своимъ и не зная его, оскорбляетъ и вызываетъ на дуэль, которая ра-

зумѣется, не состоится, потому-что вмѣсто молодаго челоуѣка дерется тотъ, чье имя онъ носить и убиваетъ преступника. Вся эта путаница ведена впрочемъ довольно искусно, и добросовѣстные наши артисты употребили все свое стараніе, чтобъ поддержать это хилое и нездоровое чадо современной французской литературы. Усилія ихъ были напрасны. Драма имѣла весьма небольшой успѣхъ.

Остановимся теперь нѣсколько долѣе на лучшей драмѣ прошлаго сезона, игранный въ бенефицъ Мондидье и принадлежащей Дюмануару и Деннери. Драма эта называется *Донъ-Цезарь-де-Базанъ* и давно уже играна въ Парижѣ. Происхожденіе ея довольно странно. Въ ноябрѣ 1838 года на театрѣ «Возрожденія» шла драма Гюго «Руи-Блазъ», отъ которой классики приходили въ совершенное отчаяніе по поводу нѣкоторыхъ выраженій и сравненій, въ первый разъ осмѣлившись явиться на сценѣ и въ александрійскихъ стихахъ. Въ особенности отъ двухъ слѣдующихъ выраженій Вьенне и трое изъ его собратій-академиковъ чуть не упали въ обморокъ:

...Je suis émerveillé,
Comme l'eau qu'il secoue aveugle un chien mouillé.
...Horrible compagne
Dont le menton fleurit et dont le nez trogonne.

Въ этой пьесѣ, основанной на мщеніи Дона Саллустія де-Базанъ оскорбившей его женщины, есть второстепенное лице: племянникъ дона Саллустія—донъ Цезарь-де-Базанъ. Вотъ какъ описываетъ дядя этого племянника:

...ce brigand, qui là-bas, nez au vent,
Se carre, l'oeil au guet et la hanche en avant,
Drappant sa gueuserie avec son arrogance,
Ft qui, froissant du poing sous sa manche en haillons,
L'épée à lourd pommeau qui lui bat les talons,
Promène d'une mine altière et magistrale
Sa cape en dents de scie et ses bas en spirale.

Племянникъ говоритъ самъ о себѣ въ отвѣтъ на это описаніе:

Bah! mes vingt ans n'étaient pas encore révolus,
Que j'avais mangé tout! Il ne me restait plus
De mes prospérités ou réelles ou fausses
Qu'un tas de créanciers hurlant après mes chausses.

Но этотъ же гуляка, когда дядя предлагаетъ уплату его долговъ и не-

зависимое состояніе за то, чтобъ онъ служилъ орудіемъ мести женщины, — съ негодованіемъ отказывается отъ этого предложенія, говоря:

...je comprends qu'on vole, et qu'on tue et qu'on pille

но тотъ, кто

... bassement et tortueusement

Se venge, ayant le droit de porter une lame

N'est pour moi qu'un maraud sinistre et tenebreux;

потому онъ уходитъ, говоря:

Je vous laisse, et je reste avec mes chenapans;

Je vis avec les loups, non avec les serpents.

Боясь, чтобъ онъ не обнаружилъ его замысловъ, дочь Саллустій велитъ схватить его и продать корсарамъ въ Африку. Въ четвертомъ актѣ дочь Цезарь является однакожъ снова, убѣжавъ отъ корсаровъ и готовится помѣшать низкимъ планамъ донъ Саллустія, но тотъ снова находитъ средство засадить его подъ стражу, и Цезарь болѣе не является въ пьесѣ, наполнивъ своимъ появленіемъ весь четвертый актъ, вовсе не нужный для хода пьесы и не рѣдко даже выбрасываемый, когда «Руи-Блаза» давали въ другихъ земляхъ.

Этотъ типъ испанскаго гранда-гуляки поправился Дюмануару и Деннери, и они вздумали написать пятиактную драму, въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ бы Донъ Цезарь де Базанъ. Такимъ образомъ лице, принадлежащее одному автору, было присвоено другими авторами, навязавшими этому лицу множество приключеній, о которыхъ конечно и не думалъ Гюго. Подобнаго рода литературная рѣдкость едва-ли не въ первый разъ явилась на сценѣ. Случалось видѣть продолженіе понравившихся пьесъ, но присвоеніе себѣ одного лица изъ пьесы составило новый фактъ въ исторіи литературы. Драма *Донъ Цезарь де Базанъ* дана была въ 1843 году. На нашей сценѣ мы увидѣли ее только теперь, въ бенефисъ г. Мондидье. Дѣйствіе драмы происходитъ въ Неаполь въ 1646 году, во время владычества Испанцевъ надъ этою страной. Цезарь бѣжалъ туда отъ преслѣдованія кредиторовъ и встрѣчается съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ: Донъ Хозе де Сантаремъ, любимцемъ неаполитанскаго намѣстника, герцога д'Аркось. Первая новость, которую онъ узнаетъ отъ Дона Хозе, состоитъ въ запрещеніи дуэлей подъ смертною казнью. Какъ на бѣду, Цезарь встрѣчаетъ молодого мальчика оружейника, котораго капитанъ хочетъ наказать за неважный проступокъ. Гидальго вступаетъ за бѣдняка и проситъ ему про-

шенія у капитана, тотъ оскорбляетъ просителя, и Цезарь, вызвавъ на дуэль капитана, убиваетъ его. За это гранда осуждаютъ на смерть. За нѣсколько часовъ до казни въ темницу осужденнаго является донъ Хозе и предлагаетъ Донъ Цезарю не помилованіе, — законъ очень строгъ, — но смягченіе, или лучше сказать измѣненіе приговора: вмѣсто висѣлицы гранду предлагаютъ быть растрѣяннымъ, съ тѣмъ однако же, чтобы передъ смертью онъ оставилъ свое имя и титулъ одной дамѣ, на которой долженъ жениться не выдавъ даже ея лица. Цезарь соглашается и проситъ позволенія передъ смертью хорошенько поѣсть, а главное выпить, и угостить двѣнадцать солдатъ, которые должны его разстрѣлять. И вѣнчаніе и казнь происходятъ ночью. Намѣстникъ посылаетъ прощеніе виновному, но оно приходитъ поздно, по обычаю этой страны, какъ замѣчаетъ донъ Хозе. Въ то время какъ супруга Дона Цезаря, графиня де Гарафа, уѣзжаетъ въ свой замокъ, раздается залпъ, но такъ какъ это происходитъ во-второмъ актѣ, то зритель совершенно спокоенъ и не боится за жизнь героя драмы. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ тотъ самый мальчикъ-оружейникъ, котораго Цезарь спасъ отъ наказанія, въ свою очередь спасаетъ Цезаря отъ смерти, вынувъ пули изъ ружей солдатъ, порядочно подгулявшихъ съ Цезаремъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. Спасенный, прежде чѣмъ бѣжать изъ Неаполя, хочетъ узнать, на комъ онъ женился и отправляется къ своей женѣ. Донна де Базанъ была простою уличной пѣвицей. Ее увидѣлъ герцогъ д'Аркосъ и она очень понравилась ему. Донъ Хозе, чтобы сблизить его съ Маританой (имя пѣвицы), придумалъ выдать ее за Цезаря. Молодую увѣрили, что д'Аркосъ и есть Цезарь де Базанъ и ея мужъ. Къ счастью, для спасенія ея является настоящій Цезарь и встрѣчается съ своимъ соперникомъ въ ту самую минуту, когда онъ готовъ овладѣть его женою. Бѣдному гвидальго могло бы быть очень плохо, и вмѣшательство его въ любовь д'Аркоса кончилось бы невыгодно для Цезаря, хотя молодая и не любитъ герцога, а молодой самъ влюбляется въ нее. Но Цезарю удается оказать услугу герцогу: онъ застаётъ дону Хозе на колѣняхъ передъ герцогинею, признающагося ей въ любви и увѣдомляющаго въ тоже время о продѣлкахъ ея мужа. Цезарь убиваетъ бездѣльника, получаетъ прощеніе намѣстника и позволеніе уѣхать съ молодою женою въ отдаленное посольство.

Этотъ краткій очеркъ содержанія драмы, безспорно лучшей изъ цѣлаго сезона, не даетъ полнаго понятія о ея занимательности, прекрасно веденныхъ сценахъ, вѣрно очерченныхъ характерахъ. Самъ донъ Цезарь очень хорошо обрисованъ и выдержанъ отъ начала до конца пьесы, написанной сверхъ того прекраснымъ языкомъ. Онъ даже облагороженъ

болѣ чѣмъ въ драмѣ Гюго, и въ послѣднихъ актахъ благородствомъ поступковъ и характера заставляетъ забыть прежняго гуляку, не совсемъ строгой нравственности. Въ драмѣ вообще гораздо меньше натяжекъ и несообразностей, чѣмъ въ обыкновенныхъ пьесахъ; кромѣ этого брака въ потьмахъ, все въ ней весьма правдоподобно. Сьнграна она была превосходно. Мондидье, Мейеръ въ главныхъ роляхъ, Варле и Леменили (мужъ и жена) въ роляхъ второстепенныхъ не разъ вызывали самыя громкія одобренія.

Послѣ лучшей драмы обратимся къ лучшей комедіи нынѣшняго сезона *Честъ и деньги*, «Понсара», играна была въ первый разъ въ Парижѣ въ мартѣ 1853 года, и имѣла большой успѣхъ, хотя и не дѣлала большихъ сборовъ. У насъ также были довольны этою пьесою всѣ видѣвшіе ее, хотя надо признаться, что видѣли ее не очень многіе. Комедія Понсара не отличается ни новостью положенія, ни запутанностью происшествій. Идея ея стара и проста. Молодой человѣкъ, Жоржъ, жертвуетъ имѣніемъ матери, чтобы заплатить долги своего отца, хотя по закону и не обязанъ былъ сдѣлать этого. Видя, что онъ обѣднѣлъ, прежніе друзья отказываются отъ него, лица, облагодѣтельствованныя имъ, отворачиваются отъ него, капиталистъ, готовый выдать за него дочь свою, вдругъ прерываетъ съ нимъ всѣ сношенія и отдаетъ его невѣсту богатому бездѣльнику. Жоржъ вездѣ терпитъ незаслуженныя униженія. Онъ готовъ даже раскаяться въ томъ, что предпочелъ честь деньгамъ, готовъ поправить свои обстоятельства выгодною, но не весьма уважительною сдѣлкою. Къ счастью, его останавливаетъ другъ его Родольфъ и любовь къ Люсилѣ, сестрѣ его прежней невѣсты Лауры, дѣвушкѣ съ энергическимъ характеромъ и теплыми чувствами, чего вовсе не было въ Лаурѣ. Жоржъ начинаетъ трудиться, пріобрѣтаетъ небольшое состояніе и женится на Люсилѣ, между тѣмъ какъ Лауру обкрадываетъ и бросаетъ ея мужъ.

Вотъ и все содержаніе комедіи, составленной и веденной не весьма искусно. Дѣйствіе ея, растянутое на четыре года, вяло; общихъ мѣстъ много; нѣкоторые характеры очерчены слабо и не выдержаны, какъ напримѣръ характеръ Лауры. Намъ кажется, что Жоржъ не могъ полюбить такой дѣвушки, или долженъ былъ разлюбить ее тотчасъ же при видѣ ея безхарактерности. Родольфъ также порядочный резонеръ. За то всѣ остальные лица, говорящіе даже по нѣскольку стиховъ, обрисованы мастерски: и друзья, и кредиторы Жоржа, и капиталистъ, и государственный человѣкъ, и отецъ Люсилы, и старая дѣва съ богатымъ приданымъ, но что составляетъ отличительную черту комедіи, что доставляетъ ей успѣхъ это превосходные стихи, согрѣтые теплымъ чувствомъ, заключающіе

въ себѣ если не блистательную мысль, то меткій оборотъ или остроумное сравненіе. Въ этой пьесѣ по стиху Понсаръ сталъ гораздо выше прежнихъ своихъ произведеній, выше всѣхъ современныхъ ему писателей. Мы бы очень желали, чтобъ наши молодые поэты, хорошо владѣющіе стихомъ, взялись за переводъ этой пьесы на русскій языкъ, только конечно не рублеными стихами, а хотя бы и вольными, но рифмованными. Господинъ Фурманъ началъ переводить пьесу въ Полицейской газетѣ, но его тяжелая проза, полная германизмовъ, не передаетъ и со-той доли красотъ стиха Понсара. Вотъ для примѣра нѣсколько стиховъ изъ этой комедіи:

...Je ne puis pas admettre
 Qu'un importun m'oblige à répondre à sa lettre,
 Et parcequ'il lui plait de noircir le papier,
 Me condamne moi-même à ce fâcheux métier.
 Ma vie est occupée, et de mes jours rapides
 Je ne puis rien donner aux choses insipides...
 Mais aller chez les gens que l'on connaît à peine
 Pour échanger sans but quelques paroles vaines,
 Se parer, s'épuiser en efforts maladroits
 Pour enfoncer sa main dans des gants trop étroits
 Et pouvoir se montrer d'une façon civile,
 En deux salons placés aux deux bouts de la ville...
 Est-ce vivre? Et n'a-t-on pas droit de s'étonner,
 Que des hommes de sens veillent s'y condamner...
 La pire pauvreté, la misère profonde
 Est celle qu'on promène en gants blancs dans le monde.

Это говорить Родольфъ, строгій другъ Жоржа.

Намъ пришлось бы выписывать почти всю пьесу, если бы мы захотѣли цитировать лучшія мѣста изъ нея. Все выписанное нами взяли мы изъ первыхъ сценъ перваго акта. Въ остальныхъ есть мѣста еще лучше и сильнѣе. Сознаемся, что мы предпочитаемъ подобныя пьесы самымъ эффектнымъ и занимательнымъ драмамъ въ прозѣ. Пьесу, написанную хорошими стихами, можно смотрѣть нѣсколько разъ даже для однихъ стиховъ, а для чего пойдѣмъ мы смотрѣть въ третій и четвертый разъ знакомую намъ драму?..

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о другихъ комедіяхъ и драмахъ, игранныхъ въ последнее время:

Генеральскіе адъютанты. (Les aides-de-camp du général). Комедія водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ Кормона и Ев. Гранже. Будъ эта исторія въ одномъ дѣйствіи, ее можно было бы смотрѣть безъ скуки. Но зачѣмъ было растянуть на три дѣйствія очень несложный сюжетъ, состоящій

въ томъ, что старый генералъ хочетъ жениться на которой нибудь изъ двухъ сестеръ, а каждая изъ нихъ влюблена въ одного изъ двухъ его адъютантовъ и хочетъ жертвовать собою для счастья сестры. Роль стараго гусара, генеральскаго деньщика, съ неудовольствіемъ смотрящаго на женитьбу командира, придаетъ нѣсколько разнообразія и жизни этой пьесѣ. Его играетъ Лемениль и этого довольно, чтобы хототать отъ души при появленіи на сцену этого актера.

Также не весьма интересна и весьма стара по идеѣ двух-актная комедія: *Семейная жизнь въ троюмъ* (Un ménage en trois) сочиненіе Деннери и Декурселя. Надобно сказать, что эти авторы потратили не много воображенія на сочиненіе этой комедіи. Они взяли мысль, лежавшую въ основаніи старинной драмы: *Фанни или мать и дочь соперницы*, подновили немного ходъ пьесы, ввели нѣсколько новыхъ лицъ, и вышла пьеса, которую, пожалуй, можно смотрѣть, хоть въ ней немного новаго, хорошаго и занимательнаго. Мать уступаетъ своей дочери молодого человѣка, въ котораго влюблена сама, но живя съ ними мучаетъ ихъ, ревнуя его вмѣсто дочери. Ей открываетъ глаза одинъ старый другъ ея дома, за котораго она выходитъ потомъ замужъ. Любопытно было бы узнать, какое нравоченіе думали извлечь французскіе авторы изъ своей пьесы?

Г-жа Плесси возобновила въ свой бенефисъ старую трех-актную комедію Мариво, игранную нѣкогда и на нашей сценѣ подъ названіемъ: *Обманъ въ пользу любви* (Les fausses confidences) и дала новую драму: *Вальнежскія сиротки* (Les orphelines de Valneige). Комедія устарѣла до того, что смотрѣть ее—тоска невыносимая. Этоть гладкій, но безжизненный языкъ, эти натянутыя, неестественныя положенія, господинъ, переодѣвающийся управителемъ и вступающій въ услуженіе къ предмету своей страсти, эти слуги и служанки, играющіе такую важную роль въ сердечныхъ дѣлахъ ихъ господъ, эти дядюшки резонеры и почтительные женихи, остающіеся въ концѣ пьесы съ носомъ, — все это до того присмотрѣлось и надоѣло, что мы удивляемся, для чего г-жѣ Плесси вздумалось выкапывать изъ-подъ спуда театральнаго библіотеки такую пьесу. Пусть французскіе критики и дилетанты, въ главѣ которыхъ стоитъ Жюль-Жаненъ мѣютъ отъ восторга смотря пьесы Мариво, находя въ нихъ неизмѣримую глубину ума, тонкости, свѣтскости, наша публика видитъ во всей этой болтовнѣ съ претензіями — одно переливаніе изъ пустаго въ порожнее, и она совершенно права, потому что даже благоразумные французы, какъ ни мало ихъ, сами смѣются надъ этими *мариводажами*, которые могли нравиться только въ эпоху упадка истинной комедіи. Мы предпочитаемъ этимъ блѣднымъ неуклюжимъ

копіямъ съ высокихъ комедій великаго Мольера самую плохую драматическую поговорку нашего времени; въ ней если говорить вздоръ, то по крайней мѣрѣ веселымъ и живымъ языкомъ, если идетъ дѣло о пустякахъ, то по крайней мѣрѣ пустяки эти правдоподобны и естественны.

Такимъ образомъ мы просмотрѣли хоть и скучая, по крайней мѣрѣ слушая не дурные стихи, драматическую поговорку: *Свѣтъ на изворотѣ* (*Le monde renversé*) игранную въ бенефисъ г-жи Мейеръ, хотя все содержаніе этой поговорки основано на томъ, что она дама, которой страшно надоѣло волокитство за ней ея кузена, предлагаетъ сама волокнуться за нимъ и держитъ съ нимъ пари, что онъ не устоитъ противу ея любезностей. Содержаніе этой поговорки конечно пусто и странно, и если она лучше пьесы Мариво, то это еще не доказываетъ, чтобы была хороша. Къ извиненію автора ея, Борнье, служить то, что онъ не назначалъ своей пьесы на сцену, а скромно напечаталъ ее въ *Revue contemporaine*, откуда бенефицианткѣ вздумалось извлечь ее для своего бенефиса, совершенно напрасно. Если нѣсколько драматическихъ поговорокъ Альфреда-де-Мюссе и Октава Фелье, явившихся сначала въ печати, имѣли потомъ такой успѣхъ на сценѣ, этому причиной было огромное дарованіе этихъ писателей, глубокія мысли, прекрасный языкъ поговорокъ, тогда какъ писатель посредственный, котораго еще можно читать, на сценѣ потеряетъ все свое достоинство.

Упомянувъ объ Октавѣ Фелье, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сказать нѣсколько словъ о новой поговоркѣ его, очень короткой, также нигдѣ не игранной и явившейся въ первый разъ на нашей сценѣ изъ журнала *Revue des deux mondes*, въ бенефисъ Лемениля. Эта маленькая поговорка называется: *Партія въ шашки* (*La partie des dames*) играютъ въ ней только Мондидье и Вольнисъ; онъ—старая докторъ лѣтъ семидесяти, она—старую его пріятельницу, шестидесяти пяти лѣтъ. Уже нѣсколько лѣтъ старики ведутъ самую мирную, спокойную жизнь, каждый вечеръ проводятъ вмѣстѣ за шашками и кофеемъ. Вдругъ въ этой тихой жизни поднимается буря. Докторъ недоволенъ вниманіемъ, которое старушка оказываетъ другу, и сердится на это, почти ревнуетъ. Слово за слово, старички ссорятся, дружба нѣсколькихъ лѣтъ готова исчезнуть въ нѣсколько минутъ, но привычка и благоразуміе беретъ верхъ, и они опять мирятся, благодаря одной маленькой хитрости, почти кокетству доброй старушки.

Вотъ все содержаніе, вся канва поговорки Октава Фелье, но какіе богатые узоры вышиты по ней! Надо видѣть эту милую пьеску, чтобы вполне оцѣнить все дарованіе этого писателя, умѣющаго создавать такія глубокія произведенія изъ содержанія, повидимому самаго ничтожнаго.

Сколько мысли и чувства въ этой простой картинѣ, въ этомъ безъискусственномъ разговорѣ, сколько истины и знанія сердца въ малѣйшихъ подробностяхъ этой обыденной сцены! За одну сцену Фелье можнo отдать все комедіи Мариво. Но обратимся къ драмѣ Вальнежскія сиротки.

Драма Декурселя и Жема выкроена изъ романа Ламартина—Женеваева. Теперь изъ всякаго поправившагося разсказа драматическіе писатели считаютъ своею обязанностью сдѣлать пьесу; иногда пьесы эти выходятъ такія, что кромѣ имени дѣйствующихъ лицъ, въ нихъ ничего не остается отъ романа. Такъ и здѣсь передѣланъ совершенно конецъ романа и измѣнены многія обстоятельства; не смотря на это, пьеса вышла все-таки скучна и неестественна. Двѣ сестры живутъ въ деревнѣ Вальнежъ своими трудами, одна скромна и строга, другая умна и вѣтрена. Въ первую влюбляется сынъ зажиточнаго фермера. Отецъ согласенъ на свадьбу, несмотря на то, что у невѣсты нѣтъ ничего, но не хочетъ, чтобы ея сестра жила вмѣстѣ съ молодыми, которые должны переселиться въ семью тестя. Тогда Женеваева изъ любви къ сестрѣ отказывается отъ любимаго ею жениха. Первая ненужная жертва.

Во второмъ дѣйствіи вѣтренная сестра уже умерла и у нее оказался сверхъ того ребенокъ отъ одного солдата, стоявшаго у нихъ на постой, и не успѣвшаго на ней жениться. Прежній женихъ предлагаетъ опять Женеваевѣ свою руку, но узнаетъ случайно о ребенкѣ, и Женеваева, чтобы не покрыть позоромъ имя покойной сестры, говоритъ, что она мать этого ребенка,—вторая жертва еще болѣе ненужная, чѣмъ первая.

Въ третьемъ дѣйствіи Женеваева скитается нищей, усталой, голодной, по горамъ, занесеннымъ снѣгомъ и попадаетъ въ домъ своего жениха, собирающагося жениться между-тѣмъ на другой. Но одна женщина, знающая тайну покойной сестры Женеваевы, открываетъ наконецъ истину, которую легко могла бы открыть и во второмъ актѣ. Конечно, тогда не было бы третьяго акта, но зритель, какъ намъ кажется, не остался бы отъ этого въ проигрышѣ, и могъ бы актомъ раньше видѣть награжденіе невинности и благополучное окончаніе драмы. Въ ней въ особенности былъ очень хорошъ Дешанъ, совершенствующійся съ каждымъ годомъ.

Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ водевилямъ, играннымъ въ послѣднее время и которыхъ было не мало. Но мы хотимъ прежде сказать нѣсколько словъ о новомъ родѣ представленій, въ послѣднее время вторгнувшихся на нашу сцену, и по нашему мнѣнію, совершенно ей несвойственныхъ. Мы говоримъ о *пъсияхъ*, являвшихся чуть не каждый бенефисъ, начиная съ легкой руки г-на Пейссара. Такъ въ его бене-

фисъ была дана *Исторія Мальбрука*, пропѣтая Тетаромъ въ костюмѣ англичанина; за этимъ слѣдовали: *Пародія Луиіи Ламермурской*—лирическая мелодрама въ четырехъ проклятіяхъ, (en quatre anathèmes), спѣтая Дешаномъ; *Гадальщица* (Le tireuse des cartes), спѣтая г. Тетаромъ въ костюмѣ старухи (бенефисъ Мальвины); *Разнощикъ картинъ* (Le marchand d'images) спѣтая г. Невилемъ (бенефисъ Лемениля); *Сандрильона*, сюжетъ этой оперы, рассказанный и пропѣтый въ комическомъ видѣ Тетаромъ (бенефисъ Мила). *Женевьева Брабантская* (Genièvre de Brabant, NB Genièvre каламбуръ вмѣсто Gèneviève) пародія на извѣстную легенду среднихъ вѣковъ, пропѣта Невилемъ (бенефисъ Л. Мейеръ). *Сверхштатный чиновникъ* (Le surnuméraire) пѣсня, пропѣтая Тетаромъ; (бенефисъ г-жи Плесси) и того семь пѣсней съ безчисленнымъ множествомъ остротъ, каламбуровъ и еще болѣшихъ плоскостей и пустяковъ. На поприщѣ этихъ пародій подвизались гг. Тетаръ и Невиль, новоприбывшіе артисты, и если они привезли съ собою эту моду, то мы не весьма благодарны имъ за это. Въ Парижѣ эти пѣсни могутъ нравиться и имѣть интересъ; у насъ они рѣшительно лишнія. Лучшѣ просидѣть въ антрактѣ, смотря по ложама въ буфетъ или даже дремать, нежели слушать эти пошлые каламбуры и натапуганныя любезности съ публикой. Смѣшнѣе всѣхъ изъ этихъ пѣсень была *Исторія Мальбрука*. Въ *Сверхштатномъ чиновникѣ* раскрывается мало-извѣстный миръ французскихъ канцелярскихъ нравовъ, весьма любопытный *.

Обратимся теперь къ тому роду произведеній, который господствуетъ на французской сценѣ, и именно къ водевилямъ. Начнемъ съ лучшихъ.

Женщина въ моей кадкѣ (Une femme dans ma fontaine) смѣшной фарсъ, не изъ самыхъ пустыхъ. Одного любезника приетка хочетъ заставить жениться на ней и дѣлаетъ видъ, что утопилась отъ его жестокостей въ кадкѣ съ водою, опустивъ туда куклу отъ парикмахера, и являясь потомъ тѣнюю преслѣдовать виновника ея гибели. Превосходно разыгранный Леменилемъ, Тетаромъ и Невилемъ, изъ которыхъ послѣдній въ особенности хорошъ, переодѣвшись слѣдственнымъ судьей (juge d'instruction)—водевиль этотъ смѣшитъ до слезъ безъ всякихъ особенныхъ двусмысленностей и каламбуровъ.

Хорошенькая ножка (Une jolie jambe). Одинъ любитель хорошенькихъ ножекъ, преслѣдуя пару таковыхъ въ незнакомый ему домъ, находитъ случай не только оказать услугу владѣтелициѣ этихъ ножекъ, но и со-

* Луи-Деное очень хорошо изобразилъ французскихъ чиновниковъ въ своей статьѣ: Une place vacante, (одинъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала: L'Artiste). Мы представляемъ эту любопытную статью нашимъ читателямъ въ слѣдующей же книгѣ Пантеона.

ставить свое собственное счастье. Лемениль, Невиль, Тетаръ и г-жа Поль-Эрнестъ очень хорошо разыгрываютъ этотъ веселый водевиль.

Маленькія неприятности въ жизни (Les petites misères de la vie humaine) хорошенькій водевиль, возобновленный для г-жи Варле и основанный на извѣстной мысли, что въ жизни болѣе всего мучаютъ маленькія несчастія, нежели большія, — тема, которая была такъ хорошо описана и изслѣдована въ извѣстной книгѣ Жюль-Жанена, вышедшей подъ тѣмъ же названіемъ и имѣвшей такой блистательный успѣхъ.

Дурная ночь скоро пройдетъ (Une mauvaise nuit est bientôt passée) принадлежитъ также къ разряду тѣхъ пьесъ, содержаніе которыхъ очень трудно рассказать. Молодые супруги возвращаются прямо изъ—подъ вѣнца домой, и молодая хочетъ непременно расхотиться тотчасъ же, не дожидаясь даже утра, потому—что слышала, какъ супругъ говорилъ, что женится на ней не по любви. Дѣло, разумѣется, оканчивается однакоже мировою, послѣ разговора супруговъ. Авторъ этой пьески, написанной впрочемъ очень живо и весело, Оноре, взялъ однакоже почти цѣликомъ главную идею пьесы изъ поговорки Октава Фелье: *Золотой ключъ*, извѣстной читателямъ Пантеона.

Головорѣзъ (Le bougreau des canes) трехъактный, немного растянутый водевиль, основанный на смѣшной, хотя и не совѣмъ правдоподобной мысли. Одинъ господинъ, храбрый только на словахъ, поминутно есорится со всѣми въ публичныхъ мѣстахъ и не останавливаясь раздаетъ пощечины направо и налево. У него, разумѣется, требуютъ удовлетворенія за нанесенное оскорбленіе, и онъ очень спокойно даетъ оскорбляемому — визитную карточку, только не свою, а чужую, какая попадется изъ числа карточекъ, присылаемыхъ къ нему знакомыми. Это дешевое средство храбриться на чужой счетъ приводитъ ко множеству забавныхъ, хотя и не естественныхъ сценъ, въ которыхъ Лемениль и Верне заставляютъ смѣяться отъ всей души.

Оплеуха никогда не остается безъ вознагражденія (Un soufflet n'est jamais perdu). водевиль, написанный Баяромъ, и этого имени достаточно, чтобъ поручиться за его остроуміе и веселость. Если же мы прибавимъ къ этому, что Баяръ вывелъ въ этомъ водевилѣ маршала Субиза и маркизу Помпадуръ и заставилъ ее дать оплеуху одному молодому композитору, слишкомъ уже ухаживавшему за нею въ то время, когда она въ костюмѣ крестьянки скрывается отъ поисковъ ея поклонника, то поймемъ весь интересъ, заключенный въ этомъ маленькомъ водевилѣ, который очень удобно можно было бы растянуть на нѣсколько актовъ.

Бриллианты жены (Les diamants de Madame) очень хорошенькая

пьеса, прекрасно разыгранная. Мужъ занимается химіею въ то время, когда у жены его вѣтъ брилліантовъ ѣхать на балъ. Брилліанты эти предлагаетъ ей одинъ холостякъ, другъ дома, готовый предложить ей и еще больше, съ пѣлю, разумѣется, не совѣмъ безкорыстною. По счастью и мужъ и жена опомнятся во-время, и первый начинаетъ меньше заниматься химіею, а гораздо больше своею женою, а вторая постуцаетъ точно также въ отношеніи къ своимъ нарядамъ и своему мужу.

Служанка, которую отсылаютъ (Une bonne qu'on renvoie) недурной водевиль, основанный на мысли, сколько зла можетъ сдѣлать въ семействѣ служанка, которую господа вздумаютъ отослать, когда ей это не нравится. Г-жа Поль Эрнестъ была очень хороша въ роли этой служанки.

Улетѣвшая шляпа (Un chapeau qui s'envole). Какому-то фотографу хочется поскорѣе отдать замужъ свою племянницу. Для этого онъ отправляется въ Парижъ, гдѣ извѣстный negociateur en mariage обѣщаетъ ему прислать жениха въ отейль, гдѣ живетъ фотографъ. Въмѣсто законтракованнаго и заранѣе подряженнаго супруга является случайно другой господинъ, преслѣдующій свою шляпу, сорванную съ него вѣтромъ и занесенную въ садъ фотографа. Отъ этой ошибки происходитъ много смѣшныхъ сценъ, между которыми въ особенности забавна та, когда фотографъ нечаянно снимаетъ въ камеръ-обскурѣ новоприбывшаго, на колѣняхъ передъ его племянницей.

Три бала (Les trois bals) старинный трех-актный водевиль Баяра, имѣвшій нѣкогда большой успѣхъ при игрѣ Брессана, Эстеръ, Руже, Готи и Матильды. Оттого ли, что нынче онъ былъ обетавленъ иначе или вѣрнѣе оттого, что и водевиль и мы устарѣли, только при нынѣшнемъ его возобновленіи онъ не произвелъ на публику того веселаго впечатлѣнія, какъ прежде. Намъ кажется также, что г-жа Мальвина играя обожателя г-жи Милà, была скорѣе похожа на ея младшаго брата.

Для полноты нашей статьи намъ остается теперь назвать всѣ пустые или плохіе водевили, игранные въ послѣднее время. Перечень будетъ коротокъ. Вотъ всѣ они по порядку ихъ появленія на нашей сценѣ: *Мамзель Роза*, (Mamselle Rose) *Имущество Бомбоша* (Le mabillicier de Bamboche) фарсъ, разыгрываемый г. Невиль-solo; *Послѣдствія маскарада* (Les suites d'un bal masqué) старая, возобновленная комедія, которую совершенно напрасно было возобновлять; *Говорящія столы* (Les tables parlantes) пуетѣйшій фарсъ, пропеходящій въ Китаѣ; *Бабье лѣто* (L'été de st. Martin); *Балъ съ сильными ощущеніями* (Un bal à émotions), въ которомъ г. Невиль уже слишкомъ

фарситъ. *Какъ не должно живутъ розы* (Ce que vivent les roses) пустой водевилъ съ претензіями на сантиментальность. Живописецъ общаетъ любить гризетку пока будутъ цвѣсти подаренныя имъ розы, и потомъ, взявшись за умъ, покупаетъ горшокъ поддѣльныхъ цвѣтовъ; *Жизнь вдвойнѣ* (La vie en partie double) тоже возобновленная исторія; *Мпшайтесь въ свои дѣла* (Melez-vous des vos affaires) самая неправдоподобная и вздорная пьеса, и наконецъ *Спичка между двухъ огней* (Une allumette entre deux feux) водевилъ, въ которомъ одинъ легко воспламеняющійся юноша находится въ положеніи извѣстнаго осла басни, между двумя стогами сѣна или поэта между двумя хорошенькими женщинами, о которомъ Гейне говоритъ въ своемъ стихотвореніи *Volante und Marie*:

Es gleicht mein Herz dem grauen Freunde,
Der zwischen zwey Gebündel Geu
Nachsinnlich grübelt, welch' von beiden
Das allerbeste Futter sey.

Мы нарочно оставили на закуску разборъ пятиактнаго водевиля Дюмануара и Клервиля: *Драматическія шалости* (Les folies dramatiques) чтобъ окончить статью нашу и проститься съ прошлогоднимъ сезономъ пріятнымъ впечатлѣніемъ. Водевилъ этотъ имѣлъ успѣхъ огромный, не смотря на Рашель и даже отчасти напротивъ: смотря на Рашель. Находили даже, что четырехъ актовъ весьма немного (пятый былъ выброшенъ послѣ перваго же представленія водевиля въ бенефисъ Дешана, какъ неинтересный и безъ нужды растягивающій ходъ пьесы) и намъ рѣдко случалось видѣть, чтобъ весь театръ смѣялся такъ весело, такъ полно, какъ въ этотъ вечеръ. Содержаніе водевиля очень просто. Въ маленькомъ городкѣ Питивьерѣ, богатый провинціалъ ждетъ къ себѣ труппу актеровъ, для которыхъ онъ выстроилъ театръ, любя страстно драматическое искусство. Въместо ожидаемыхъ тридцати-двухъ человѣкъ, пріѣзжаютъ только четыре. По счастью въ этомъ же городкѣ живетъ въ трактирѣ молодая дѣвушка, у которой большія артистическія способности; она рѣшается вступить первымъ сюжетомъ въ эту труппу, и молодой человѣкъ, влюбленный въ нее, слѣдуетъ за нею. Тогда въ шестеромъ они разыгрываютъ трагедію, оперу, драму и балетъ. Послѣ перваго дѣйствія (собственно пролога) вмѣсто занавѣса падаетъ гигантская афиша, на которой напечатаны названія всѣхъ четырехъ пьесъ, играемыхъ труппою въ этотъ вечеръ. Два примѣчанія въ особенности хороши на этой афишѣ. Одно относится къ драмѣ «современной и гуманнытарной» *Вліяніе фатализма на семейство, раздѣленное несча-*

стиемъ и говорить: «попечительная дирекція, во вниманіи къ чувствительности зрителей, имѣеть честь предупредить публику, что въ касетѣ можно получать «носовыя платки». Другое примѣчаніе относится вообще къ цѣлому спектаклю: «Во вниманіи къ деликатному сложенію знаменитыхъ артистовъ, играющихъ въ этихъ различныхъ пьесахъ, каждый день они будутъ отдыхать, кромѣ субботы».

Спектакль начинается трагедіею почти въ стихахъ *Каракалла*. Это самая умная пародія на современныя драмы изъ древней исторіи въ родѣ *Калшуты* и *Катилины* Александра Дюма. На сцену выходитъ Ливія, (г-жа Милл) дочь преторіанскаго префекта Макрина. Съ первыхъ словъ ея театръ хохочетъ отъ души. Она говоритъ:

Hier Caracalla traversait le Forum
Et les yeux á demi cachés sous son peplum
Il m'a de ses regards bien longtemps poursuivie...

Этотъ костюмъ, этотъ голосъ, эти жесты, эта дикція такъ живо напомнили зрителямъ знаменитую Рашель, что можно было ошибиться. Мы говорили уже, что эта возможность такъ вѣрно скопировать трагическую артистку, доказываетъ всего лучше истину, не всеми сознаваемую: что талантъ Рашели чисто-искусственный, но нисколько не задушевный. Въ ней много изученія, и вовсе нѣтъ вдохновенія.

Стихи этой пародіи наполнены каламбурами. Ливія, слыша шумъ говорить:

...Oh ciel! c'est lui, c'est mon Géta!
Cet amant que le ciel sur mon chemin jeta.
Géta qui m'a jetée aux lieux ou je vegette!..
Courons sur la jetée où mon Géta se jette!

За Гетой (Тетаръ) входитъ солдатъ (г-жа Лемениль). Гета обращаясь къ нему говорить:

Cette vaillante armée, accourue á ma voix
Triomphe et des vaincus rapporte les bannières
Vainement ils s'étaient portés sur nos derrières...
Mais mon frère est absent... Hier, Caracalla
Sur un cheval fougeux, dit on, caracola.

LIVIA. Eh quoi! Caracalla, dis-tu, caracola?

GÉTA. Qui caracolerait, sinon Caracalla?

Ливія увѣдомляетъ его, что Каракалла влюбленъ въ нее. Между любовниками начинается отрывистый разговоръ, выражающій волненіе ихъ души.

ГѢТА. *Toi?*

ЛИВІА. *Oui!*

ГѢТА. *Non!*

ЛИВІА. *Si!*

ГѢТА. *Mais...*

ЛИВІА. *Quoi?*

ГѢТА. *Ciel!*

ЛИВІА. *Hein?*

ГѢТА. *Dieux! Lui!.. mon... frère!*

Выходя изъ себя, онъ предлагаетъ даже убить ее:

*Pour sauver ta vertu, lorsque je m'évertue,
Abattu, combattu, veux-tu que je te tue?*

ЛИВІА. *Pas encore!.. Essayons de quelque autre moyen,
Moins sur, mais plus adroit...*

Гета соглашается и уходитъ отъискивать это средство. Является Каракалла (Дешанъ) въ сопровожденіи того же самаго солдата, играющаго теперь роль ликторовъ. Каракалла изъясняется съ Ливіей не хуже любаго расиновскаго героя, говоря:

*Et pourquoi respecter la fille d'un rebelle,
Je vous respecterais, si vous étiez moins belle.*

Потомъ начинаются каламбуры:

*.. tout d'abord à moi Commode vient s'ouvrir.
Trouvant à mes projets Commode nécessaire,
De Commode longtems je fus le secrétaire.*

Ливія отвѣчаетъ также:

*Il serait comme un crin ce Macrin, que tu crains!
Tu me parles de Rome! oh! oui, se suis romaine!
Et se jure haine à Rome, oui, je jure à Rome haine!*

Гета возвращается и убиваетъ Ливію, чтобы она не досталась Каракаллѣ, за это Каракалла убиваетъ его; онъ падаетъ ничкомъ, она навзничъ въ разныя стороны. Мстителемъ за нихъ является Макринъ. (Невиль). Онъ говоритъ:

*Je te brave à mon tour, et j'ai pour combattants
Trois cent mille romains et deux cent mille francs! (Montrant Livia).
Voilà plus de quinze ans qu'en en forçant la porte
Ma fille en mon cachot seule à manger m'apporte (a mangé ma porte)*

потомъ Макринъ поражаетъ Каракаллу сзади кинжаломъ, тотъ падаетъ, вскричавъ:

Ah! quel coup je reçois! le traître! par derrière!
 Il m'a percé le sein!.. Déjà ma voix s'altère!
 Je ne puis dire un mot, c'est l'instant de parler.

поговоривъ еще немного, онъ умираетъ. Макринъ оканчиваетъ трагедию слѣдующимъ философскимъ размышленіемъ:

...Le voilà donc mort! sans espoir de renâitre!
 Qu'un grand homme est petit, quand il a cessé d'être!
 Mais quoi! tous ils sont morts, et, dans cet abandon
 Je survivrais à tous, moi, Macrin! ma foi, non!

Онъ закалывается и падаетъ. Только что онъ упалъ, солдатъ, оставшейся все это время неподвижнымъ, подходитъ къ трупамъ, закалывается своимъ копьемъ и падаетъ между ними. Занавѣсъ опускается.

Въ третьемъ актѣ передъ нами пародія на итальянскія оперы. *Гаргульда*. Выходитъ теноръ Ніазо (Дешанъ) и поетъ на француско-итальянскомъ языкѣ:

РЕЧИТАТИВЪ. O cielo!.. quittare Venezia la bella!
 Et mia maitressa, mia Cabriola.

КАВАТИНА.

O che dolor
 Per mio amor
 O che dolor
 Per il mio cor.
 Piu dormire,
 Piu mangiare,
 Piu polkare
 Et sempre chantare:
 O che dolor и проч.

потомъ приходитъ хоръ, состоящій изъ г-жи Лемениль и Невила. Они долго поютъ: andiamo! marchiamo! и уходятъ. Является Кабриола (г-жа Мила) и поетъ арію съ безконечнымъ ригурнелемъ:

Affroso tyranno!
 Tu n'auras pas mia mano.
 Per Niaso io l'ai jura,
 Mia mano, mio cor... et caetera.

входитъ Ніазо. Слѣдуетъ дуэтъ двухъ любовниковъ, прерываемый *Гаргульдою* (Тетаръ), говорящимъ очень спокойно: o furore! и послѣ тріо приказывающимъ своимъ воинамъ взять Ніазо:

Soldati presto!
 Qu'il soit saisito,
 Qu'il soit plongeato,

Précipitato
Dans oun cachoto.

Услышавъ это, Кабриола внезапно сходитъ съ ума. Соперники поютъ:

Ah! che folia!
Si jeune et si jolia.
Quel malheur pour sa familia!

Она бросается въ окно. Враги долго машутъ шпагами крича: en guarda! en guarda! Является хоръ и поетъ: andiamo! marchiamo! Занавѣсъ опускается.

Въ четвертомъ актѣ была пародія на драму: *Альпійская пастушка*. Мы говорили уже, что это дѣйствіе давали только одинъ разъ. Дѣйствительно, кромѣ нѣкоторыхъ выходовъ Невилы, (игравшаго роль стараго солдата) противъ злоупотребленій современнаго общества въ этомъ дѣйствіи было мало занимательнаго, и мы нисколько не сѣтуемъ за уничтоженіе этого дѣйствія и разговора, продолжавшагося въ ложахъ самого театра во время антракта, между гг. Леменилемъ, Дюссеромъ и г-жею Пельтье. Понятно, что эти разговоры введены въ пьесу для того, чтобъ дать время актерамъ отдохнуть и переодѣться, но сознаемъ, что мы предпочли бы простой антрактъ.

Въ пятомъ актѣ тѣ же самыя лица исполняютъ анacreонтическій балетъ, сюжетъ котораго: любовь четырехъ аркадскихъ пастушковъ къ нимфѣ Калисто. Всѣхъ смѣшите въ этомъ балетѣ г-жа Лемениль въ роли амура.

Повторяемъ еще разъ, что это одинъ изъ самыхъ умныхъ и веселыхъ водевилей, не только прошлаго сезона, но и всего послѣдняго времени. Нельзя достаточно удивляться игрѣ г-жи Мила въ этой пьесѣ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о дѣятельности и составѣ нашей труппы въ прошломъ 1853 году. Театральный годъ, какъ извѣстно, начинается со Святой недѣли и оканчивается первою недѣлею поста. Годъ этотъ, начавшійся 25 апрѣля 1853, окончился 23 февраля 1854 спектаклемъ для иностранцевъ, слѣдовательно продолжался только десять мѣсяцевъ (прошлый, — одиннадцать), за исключеніемъ двухъ недѣльнаго поста въ августѣ. Новыхъ пьесъ было сыграно, какъ мы уже сказали, семьдесятъ девять, менѣе нежели въ прошломъ сезонѣ — и именно сорока девятью. Мы считали новыми пьесами прошлаго сезона всѣ тѣ, которыя явились въ немъ въ первый разъ. Противъ прошлаго года въ этотъ было также менѣе тремя бенефисами. Составъ труппы былъ слѣдующій:

АКТРИСЫ. Вольнисъ, Плесси, Мейеръ, Мила, Мальвина, Лемениль,

Пельтье, Варле, Бра, Амели, Шамарандъ; Элиза. *Вновь вступившая на сцену*: Поль-Эрнестъ. *Выбывшіе*: Бурде и Валансъ.

АКТЕРЫ. Дешанъ, Мондидье, Лемениль, Верне, Давлуи, Варле, Дюссеръ, Пешена, Люго, Шамарандъ, Аликсъ, Викторъ, Феде, Франсисъ, Шарль, Роже, Люсьенъ, Теодоръ и Огюстъ. *Вновь вступившіе*: Тетаръ, Невиль, Леонъ, Мошера, Ами. *Выбывшіе въ этотъ сезонъ*: Бертоиъ, Руже, Готи.

Бенефисы были даны г-дамъ: Пейссару, (режиссеру) Верне, Варле, Леменилю, Дешану и Мондидье; г-жамъ: Бурде, Мальвинѣ, Мила, Мейеръ, Вольнисъ и Плесси.

О дарованіи этихъ артистовъ, удивительномъ согласіи ихъ и стараніи въ исполненіи самыхъ пустыхъ пьесъ, о знаніи ролей, любви къ своему искусству считаемъ излишнимъ повторять то, что уже было сказано нами при обзорѣ прошедшаго сезона. Можемъ только пожелать, чтобы другія труппы сравнились въ этомъ съ нашими превосходными французскими артистами.

3. НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Знакомы-ли вы, читатель, съ феями?.. Нѣтъ... Напрасно... Ну, а знаете-ли, по-крайней-мѣрѣ, геніевъ?.. Вы молчите?.. смóтрите на меня съ удивленіемъ... Чтобы это значило?.. Ага! понимаю, мой вопросъ вводитъ васъ въ недоумѣніе; я не опредѣлилъ, о какихъ именно геніяхъ спрашиваю... а ихъ столько на бѣломъ свѣтѣ! Благодаря музамъ, и еще болѣе утонченности промышленности, имъ счету не оберешься ни у насъ, ни въ чужихъ краяхъ... Каждая земля, каждый городъ, каждое семейство, каждый журналъ, имѣютъ своихъ крошечныхъ геніевъ, которыхъ показываютъ въ микроскопъ съ бенгальскимъ освѣщеніемъ, при трубныхъ звукахъ—en avant la musica, которыхъ лелѣютъ, балуютъ, окружаютъ лестью и похвалами, наряжаютъ въ модное платьѣ съ погремушками изъ громкихъ фразъ. Но, успокойтесь, читатель, здѣсь рѣчь идетъ не объ этихъ господахъ, сотканыхъ изъ снѣси, претензій, чванства, тщеславія, самонадѣянности и самохвальства. Вовсе нѣтъ, а о тѣхъ стихійныхъ, воздушныхъ, прозрачныхъ существахъ, которыя нисколько не хлопчутъ о славѣ, не нуждаются въ критикѣ и шампанскомъ, а дружбой своею доставляютъ людямъ много существенной пользы... Не сомнѣвайтесь въ этомъ читатель, — спросите только у Аладина, спросите у Роланда, спросите у двѣнадцати перовъ *круглаго стола*...

всѣ они засвидѣтельствуютъ, что за милыя и прекрасныя существа эти феи и гении, какъ мало они похожи на своихъ тяжелыхъ тесокъ и какъ выгодно сдружиться съ ними. Ужъ они васъ не оберутъ, не обонуютъ и не оклеветаютъ. Положимъ, напримѣръ, что вы знакомы съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ. Представьте себѣ, что вы сидите въ своемъ кабинетѣ... предъ вами лежитъ книга... вы читаете... но вашъ желудокъ не насыщается глубокими мыслями и выводами, наполняющими книгу, а требуетъ чего-нибудь посущественнѣе учености... Ваша душа, по особому средству, слушается внушенія желудка и произноситъ желаніе... Вы смотрите, книга превратилась во вкусный маіонезъ изъ дичи или въ сочную испанскую «olla-podrida» съ надлежащимъ аккомпаниментомъ горчицы и перца, чернилица-же въ бутылку съ виномъ... Чего-же лучше? и нехлопотливо, и дешево, и хорошо! Кушайте, пейте себѣ, сколько душѣ угодно и берегитесь только несваренія желудка. Но этого мало. Вы желаете видѣть какое-нибудь зрѣлище, быть свидѣтелемъ какого-нибудь происшествія, но вамъ нельзя лично посѣтить на мѣсто. И не нужно. Ложитесь преспокойно въ постель, укутайтесь хорошенько въ одѣяло и призовите на помощь знакомыхъ вамъ гениевъ или фей. Дѣло въ шляпѣ! Вы видите все желанное во снѣ. Можетъ даже случиться, что вы ничего не желали видѣть, а все-таки видѣте... Кому вы обязаны этими комфортами? Феямъ и гениямъ!.. А какъ часто бываетъ, что иной писатель садится за столъ, беретъ въ руки перо и ломаетъ себѣ голову, въ которой не находитъ ни одной мысли; а время между-тѣмъ идетъ своимъ чередомъ, и срокъ, когда надо сдать статью, приближается исполненными шагами. Что дѣлаетъ бѣдный писатель? Онъ отправляется на рынокъ, покупаетъ старенькія книги, роется въ ихъ пыли, выхватываетъ наудачу мысли и фразы, строитъ ихъ въ ранжиръ и изготавляетъ пренышнюю компіляцію, которую читающій міръ пренаивно принимаетъ за оригинальное произведеніе и громко восхищается глубокой ученостью и ясностью мыслей бѣднаго мозанчнаго труженика. Всего-бы этого не было, еслибъ писатель былъ знакомъ съ феями и гениями. При ихъ помощи ему не нужно-бы гоняться за мыслями и доискиваться ихъ въ пыли фоліантовъ,—мысли сами лились-бы изъ-подъ его пера, обращались-бы въ слова, фразы, періоды... Развѣ все это не выгодно и не приятно? Конечно, въ крайнемъ случаѣ, можно обойтись и безъ гениевъ и фей. Но феи и гении какъ-то лучше исполняютъ свои обязанности, и я вамъ серьезно совѣтую, читатель, познакомиться съ ними. Оно и не такъ трудно: существа эти совсѣмъ не нелюдимы. Напротивъ, они большіе филантропы и не упускаютъ изъ виду пользу человѣческую, и съ этой цѣлью собираются ежегодно на вершинахъ Тибетскихъ горъ. Прав-

да, тамъ немного холодно, но за то пренія ихъ бываютъ такъ жарки, что имъ вовсе не нужно собольихъ и горностаевыхъ мантий. Они даже не зажигаютъ костровъ, какъ дѣлаютъ это колдуны и вѣдьмы на Блоксбергѣ и на Лысой горѣ. Они не пляшутъ, не коверкаются, не безчинствуютъ, не варятъ зелий, не изготовляютъ чаръ,—они сидятъ и разсуждаютъ. Нѣкоторые, болѣе знакомые съ риторикой, произносятъ рѣчи, другіе дремлютъ, третьи спятъ, но всегда совѣщанія кончаются какимъ-нибудь благотворительнымъ актомъ.

Такимъ-образомъ случилось однажды, что собраніе положило откомандировать одного изъ своихъ членовъ на землю для возможнаго удовлетворенія нуждъ и потребностей людей. Выборъ палъ на молодую, прекрасную фею Херистану. Услышавъ приговоръ, красавица встала съ покорностью съ своего мѣста, медленно подошла къ своей верховной повелительницѣ, граціозно склонила колѣно и приняла жемчужное ожерелье. Каждый перлъ этого ожерелья заключалъ въ себѣ духа, обладающаго силою осыпать людей благодѣяніями. Снаряженная такимъ-образомъ въ дорогу, Херистана простилась съ своими подругами, спустилась на землю и поселилась близъ какого-то приморскаго городка въ Германіи. Съ той поры все измѣнилось въ этой окрестности,—жатвы стали обильны, вино зрѣло превосходное, торговля процвѣтала... однимъ словомъ, вездѣ было видно благодѣтельное вліяніе феи. Херистана не дремала, усердно навѣщала замки и фермы, хижины и дворцы и вездѣ разстачала свои волшебные дары. И вотъ случилось ей разъ побывать въ замкѣ барона Флотвеля. Пройдя анфиладу со вкусомъ и богато убранныхъ комнатъ, фея остановилась предъ кроваткою, въ которой спалъ Юлій, семилѣтній сынъ барона, живой, бѣлокуренькій мальчикъ. Она взглянула на спящаго ребенка и ощутила въ себѣ какое-то непонятное, до-тѣхъ-поръ неизвѣстное ей чувство. Сердце ея забилося тревожно, въ душу зачала первая искра любви...

Любовь? скажете вы, читатель. Любовь къ семилѣтнему мальчику? Это что-то страшно!.. Позвольте, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Для фей все возможно, да притомъ онѣ вѣдь безтѣлесны, слѣдовательно и не знаютъ различія возрастовъ. Я согласенъ, что это объясненіе отзывается немного софизмомъ, но кто, въ настоящее время не слѣдуетъ ученію Горгія и Ипократа?.. Къ тому же и не мое дѣло разсуждать. Я обязанъ передать содержаніе пьесы: «*Рассточитель*» (*Der Versehen der*) оригинальной волшебной сказки въ 3 дѣйствіяхъ и 13 картинахъ, соч. Фердинанда Раймунда, исполняю это въ точности, и за справками о попадающихся въ ней несообразностяхъ, прошу обращаться къ автору.

И такъ, Херистана влюбилась, точь въ точь какъ обыкновенная,

женщина. Это чувство возрастало въ одинаковой прогрессіи съ Юліемъ. невиннымъ его предметомъ, и совѣтъ помрачило разсудокъ бѣдной феи. Она забыла прочихъ людей, забыла свое назначеніе, данныя ей инструкціи, и всю свою власть, все могущество употребила на то, чтобъ осыпая всеми благодѣяніями барона Флотвеля. Счастіе полилось къ нему со всехъ сторонъ, удача слѣдовала за удачей и вскорѣ баронъ сдѣлался богатѣйшимъ помѣщикомъ Германіи.

Такъ протекли годы. Старый баронъ умеръ и оставилъ своему сыну колоссальное состояніе и ни чѣмъ не запятнанное имя. Окруженный съ дѣтства роскошью, избыткомъ, двадцати-семи-лѣтній Юлій не зналъ предѣловъ своимъ прихотямъ и затѣямъ. Въ его замкѣ пиршества начинались съ зарею, смѣнялись охотою, которая въ свою очередь уступала мѣсто баламъ, оканчивавшимся только съ появленіемъ на горизонтѣ первыхъ лучей солнца. Такъ проходилъ день за днемъ и каждый отличался какой-нибудь новой выдумкой. Юлій кутилъ, шумѣлъ, охотился, танцевалъ, строилъ, перестраивалъ, тратилъ страшныя суммы безъ счету и окружалъ себя сонмомъ паразитовъ, которые вращались около молодого барона, какъ планеты около своего солнца. Но Юлій не всегда раздѣлялъ увлеченія этой шумной и веселой молодежи. Природный нѣмецъ, онъ иногда впадалъ въ сентиментальность и, удалясь въ соседній лѣсъ, бродилъ по цѣлымъ часамъ въ его чащѣ и мечталъ. Его душа искала чего-то... она жаждала сочувствія... и наконецъ нашла его. Юлій встрѣтилъ однажды прекрасную молодую дѣвушку, бѣдную сироту, дочь угольщика. Ея наивный разговоръ восхитилъ барона. Пресыщенный модной болтовнею въ салонахъ, онъ невольно вслушивался въ ея простыя рѣчи, увлекался ея непринужденными, граціозными манерами... и скоро не могъ провестъ дня чтобъ не побесѣдовать съ нею. Юлій полюбилъ!.. но, увы!..

Чтобы вы думали, читатель, объ этомъ несчастномъ *увы*, поставленномъ въ концѣ предыдущаго періода? Какое значеніе придаете вы этому плачевному междометію? Конечно, зная отличительный характеръ нѣмецкихъ бароновъ, вы непременно отнесете его къ неравенству состояній. Такъ думаете вы. Юлій былъ на счетъ этого совершенно другаго мнѣнія. Онъ и не вспомнилъ о гордости, напротивъ, онъ твердо рѣшился сдѣлать изъ дочери угольщика баронессу Флотвель, но до поры до времени скрывалъ это отъ своихъ друзей. Препятствіе пришло совѣтъ не отъ него, а отъ самаго предмета его страсти. Извольте видѣть, дочь угольщика совѣтъ не была дочерью угольщика и того меньше сиротою. Подъ ея маскою скрывалась наша старая знакомка, фея Херистана. А фея, какъ бы она влюблена ни была, по законамъ фей, не можетъ соединить судьбу

свою съ смертнымъ, да къ тому еще и срокъ пребыванія Херистаны на землѣ скоро кончался,— она потратила на Флотвеля все свои жемчужины, ей оставалась только одна. Фея тосковала, томилась въ своихъ чувствахъ и, по справедливости, опасалась наступленія той минуты, когда ей придется отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Херистану мучилъ и легкомысленный, расточительный характеръ Юлія; въ книгѣ рока она прочла страшный приговоръ, угрожавшій ея любезному конечнымъ разореніемъ и бѣдственной будущностью, если при началѣ своего пятидесятаго года, онъ не будетъ находиться въ томъ же положеніи, въ которомъ находился при вступленіи въ пятидесятый... Бѣдная Херистана! Она должна разстаться съ Юліемъ и не смѣетъ даже намекнуть ему о грозящемъ ему несчастіи. Въ отчаяніи, она жертвуетъ послѣдней жемчужиной и поручаетъ явившемуся изъ нея духу Азуру заботиться о Флотвелѣ и отвратить предназначенное бѣдствіе... Едва успѣла она сдѣлаться съ Азуремъ, какъ приходитъ Юлій и умоляетъ ее соединиться съ нимъ бракомъ. Тогда Херистана сбрасываетъ съ себя простой крестьянскій нарядъ и, являясь предъ удивленнымъ барономъ во всемъ блескѣ своей волшебной красоты и власти, открываетъ ему всю истину и прощается съ нимъ на вѣки, взявъ однако обѣщаніе подарить ей одинъ годъ изъ его жизни, по ея выбору и востребованію. Херистана улетаетъ на вершины Тибетскихъ горъ, а Флотвель отправляется въ свой замокъ и забываетъ скоро и бѣдную угольщицу, и могучую фею.

Проходятъ три года. Флотвель кутитъ все еще по-прежнему. Онъ любить во второй разъ, но уже не крестьянку и не фею, а хорошенькую Амалію, дочь президета фонъ Клуггейма.

Амалія раздѣляетъ чувства бзрона, но президентъ не рѣшается дать свое согласіе на ихъ союзъ, его пугаетъ безмѣрная расточительность Юлія, и онъ прочитъ дочери въ женихи г. фонъ Флитерштейна, отъявленнаго врага Флотвеля. Да и въ-самомъ-дѣлѣ есть чего бояться. Расходы Юлія превышаютъ всякое воображеніе, онъ перестраиваетъ свой замокъ, и при этомъ архитекторы его выстраиваютъ себѣ огромные дома, а камердинеръ Вольфъ составляетъ прекруглый капиталецъ. Но этого мало. Къ Флотвелю повадился ходить одинъ нищій, котораго онъ осыпаетъ благодѣяніями. Вскорѣ нищій уже не довольствуется лудорами, то есть единицами, онъ требуетъ сотни, тысячи лудоровъ, преслѣдуетъ своего благодѣтеля и въ уединенныхъ прогулкахъ и въ веселомъ шумѣ пиршествъ и баловъ, и всегда уходитъ обогащенный новыми, безчисленными подаваніями. Гдѣ бы Флотвель ни находился, нищій отыскиваетъ его, молчаливо становится передъ нимъ и

поеть увѣдливую пѣсню. Одаренный чувствительною душою и порядочною порціею легкомыслія, не понимая цѣны денегъ, Флотвель постоянно отдаетъ нищему все, что имѣеть при себѣ. Наконецъ замокъ готовъ и Флотвель сзываетъ гостей на новоселье. Праздникъ этотъ имѣеть еще другую цѣль. Юлій рѣшается окончательно переговорить въ этотъ день съ президентомъ, и во что бы ни стало получить его согласіе на бракъ съ Амаліей. Но всѣ его старанія, всѣ его убѣжденія напрасны. Подстрекаемый наущеніями Флитерштейна, президентъ остается непреклоненъ и Флотвель прибѣгаетъ къ послѣдному средству, онъ уговариваетъ Амалію бѣжать съ нимъ въ Англію. Во время праздника случаются еще два эпизода: Юлій ссорится съ Флитерштейномъ и ранитъ его на дуэли, а Вольфъ, камердинеръ барона, возстановляетъ его противу горничной Розы. Легковѣрный баронъ выгоняетъ изъ замка бѣдную Розу и жениха ея Валентина, служившаго у него лакеемъ. Все готово къ побѣгу. Флотвель поручаетъ управленіе своимъ имѣніемъ Вольфу, и отправляется съ Амаліею въ Лондонъ...

Кажется все кончилось благополучно, увы! Флотвель велъ въ Англіи ту же жизнь какъ и въ Германіи, и вскорѣ состояніе его значительно уменьшилось и мало-помалу перешло въ руки Вольфа. Но этого не довольно, жестокая болѣзнь лишила Флотвеля жены и дѣтей. Осиротѣлый, одинокій, онъ вступается въ пятидесятый годъ. Но онъ не бѣденъ еще. Правда, онъ уже не тотъ богачъ, какимъ былъ прежде, но все обладаетъ прекраснымъ состояніемъ, заключающимся въ значительномъ капиталѣ. Гонимый, преслѣдуемый тоскою и грустію, онъ отправляется въ Парижъ, предается игрѣ и теряетъ въ одинъ вечеръ все свое имущество. Съ нѣсколькими лудорами въ карманѣ, Флотвель идетъ на родину и достигаетъ до бывшаго своего замка, нынѣ же принадлежащаго барону Вольфу, его бывшему камердинеру. Дорогою бѣдный Юлій истратилъ всѣ свои деньги, и является въ замокъ нищимъ. Отверженный, почти выгнанный новымъ владѣльцемъ, Флотвель сбирается итти далѣе хотя даже и не знаетъ, гдѣ утолить голодъ. Въ такомъ положеніи встрѣчаетъ его Валентинъ, который между тѣмъ женился на Розѣ и завелъ столярную мастерскую. Валентинъ узнаетъ въ нищемъ своего бывшаго господина и, движимый состраданіемъ и старой привязанностью, предлагаетъ Юлію поселиться у него въ домѣ. Но Валентинъ рассчитывалъ безъ своей жены. Роза помнитъ несправедливый поступокъ Флотвеля, принимаетъ его сухо, даже грубо, осыпаетъ его упреками и выгоняетъ вонъ. Сконфуженный, пристыженный Валентинъ ссорится съ женою и въ негодованіи своемъ рѣшается покинуть ее и слѣдовать за бѣднымъ Юліемъ. Супруги начинаютъ дѣлать имуществу и дѣтей, но мало-по-

малу мирятся. Роза начинаетъ понимать свой дурной поступокъ, она раскаивается и уговариваетъ мужа бѣжать съ ней и съ дѣтьми вѣлѣдъ за Флотвелемъ. Юлій между тѣмъ, въ отчаяніи, удалился въ лѣсъ. Здѣсь стоитъ часовня и фамильный склепъ его отца. Здѣсь онъ рѣшается искать убѣжища. Но каково его удивленіе, когда онъ встрѣчаетъ около часовни того же самаго нищаго, который нѣкогда преслѣдовалъ его повсюду.

— Ты поминишь ли, Флотвель, говорить ему торжественнымъ голосомъ нищій, всѣ тѣ богатства, всѣ тѣ сокровища, которыя передалъ мнѣ? Твое милосердіе вознаграждено! Ты не нищій, ты не бѣднякъ—ты опять богачъ! Взгляни на этотъ камень, на немъ лежатъ всѣ суммы, полученныя мною... я сохранилъ ихъ для тебя. Они твои!

— Возможно-ли?

— Да! они твои. Я не нищій, а духъ Азуръ, приставленный къ тебѣ Херистаномъ. Сегодня день твоего рожденія, тебѣ минуло пятьдесятъ лѣтъ и пятьдесятъ первый годъ ты начинаешь также какъ началъ пятидесятый. Я исполнилъ свое назначеніе! Прощай на вѣки!

Нищій исчезаетъ, и вмѣсто его является фея Хериссана, окруженная сонмомъ нимфъ, фей, геніевъ. Она напоминаетъ Флотвелю его обѣщаніе подарить ей годъ изъ его жизни и беретъ истекшій пятидесятый. На сцену вбѣгаютъ Валентинъ, Роза и толпа крестьянъ. Они вымаливаютъ у Флотвеля прощеніе. Занавѣсъ опускается.

Вотъ содержаніе этой пьесы, данной съ большимъ успѣхомъ на сценѣ Театра-Цирка. Право, я не понимаю, чему именно она обязана такимъ результатомъ, потому что написана довольно слабо, и не заключаетъ ничего такого, чтобы могло возбудить интересъ. Идея, что благодѣяніе никогда не пропадаетъ, конечно, одна изъ тѣхъ идей, которыя очень годятся для сценической разработки. Но къ чему для осуществленія ея прибѣгать къ волшебству и къ помощи геніевъ и фей, тогда какъ очень легко можно обойтись безъ этихъ фантастическихъ прикрасъ. Неестественные элементы, примѣшанные къ этой пьесѣ, служатъ только къ затрудненію ея хода, который становится натянутымъ и сухимъ. Дѣйствующія лица, болѣею частію, выходятъ на сцену и сходятъ съ нея почти безъ всякой причины; выйдутъ, поговорятъ себѣ о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, да и уйдутъ. Явленія почти всѣ эпизодическія и не имѣютъ тѣсной связи ни съ предъидущимъ, ни съ послѣдующимъ. Мы живемъ въ такое время, гдѣ во всякой пьесѣ требуется преобладаніе какой нибудь мысли; въ *Расточитель* основная мысль превосходная, но авторъ такъ ухитрился замаскировать ее, что до самаго конца зритель спрашиваетъ се-

бя, что все это значить и къ чему все клонится? Онъ съ трудомъ распутываетъ узелъ, съ трудомъ начинаетъ понимать. Да и то не всякій. Вся пьеса какъ будто написана нарочно для того, чтобъ дать возможность талантливому Вальцу щегольнуть своимъ искусствомъ, своими машинами, превращеніями, живыми картинами.

И дѣйствительно, Вальцъ при постановкѣ «Расточителя» исполнилъ свое дѣло превосходно. Но артисты отняли у этой пьесы послѣднюю ея живость. Г. Орловскій, въ роли Юлія Флотвеля, по обыкновенію красовался и болѣе заботился о томъ, какъ-бы высказать зрителямъ свои физическія достоинства, нежели о совѣтливомъ исполненіи. Г-жа Берндорфъ считала вѣроятно роль Христаны слишкомъ незначительной, что впрочемъ и основательно, и играла ее какъ-то небрежно. Г-жа Лина Гёфферъ (въ роли Розы), г. Замтъ (въ роли Валентина) были очень слабы. Но за то прекрасно исполнили свое дѣло г. Брюнингъ и г-жа Альбрехтъ. Первому досталась самая незначительная роль кавалера Дюмонда, одного изъ паразитовъ и друзей Флотвеля. Но онъ сдѣлалъ изъ нея самый замѣчательный типъ. Кавалеръ Дюмондъ, человѣкъ пылающій страстью къ природѣ; все его мысли сосредоточиваются только въ ея красотахъ. Онъ ихъ ищетъ вездѣ, и безпрестанно восхищается ими. Такъ встрѣчаетъ онъ оборванную старуху (г-жа Альбрехтъ), собирающую щепки. Кавалеръ внѣ себя, онъ никогда еще не видалъ предмета живописнѣе и болѣе напоминающаго собою природу.... онъ осматриваетъ старуху со всехъ сторонъ, любитъ, восхищается ею, а она приписываетъ все это своимъ физическимъ качествамъ и мало по малу увѣряется, что нравится кавалеру.... Этотъ эпизодъ и превосходные куплеты, вставленные въ пьесу, оживили немного ея монотонность и замѣнили всякое отсутствіе чувства и задушевной теплоты. Но здѣсь кетати сказать нѣсколько словъ о Нѣмецкомъ водевилѣ.

Нѣмцы рѣдко пишутъ такъ называемые водевили, эти чисто французскія произведенія. У Нѣмцевъ-же мѣсто ихъ занимаютъ Sing-spiele (оперетки), заключающія въ себѣ не только куплеты, но и дуэты, тріо, финалы, аріи, речитативы, интродукціи, увертюры, конечно все это въ маломъ размѣрѣ. Но не смотря на то, вкусъ публики требуетъ иногда и водевилей. Въ такомъ случаѣ, опытные режиссеры довольно удачно вставляютъ въ пьесы разные куплеты, взятые изъ нарочно для того составляемаго сборника. Такимъ образомъ случается, что публика часто встрѣчаетъ въ совершенно различныхъ пьесахъ одни и тѣ же куплеты, которые большей частію довольно длинны. Актеры никогда не поютъ куплетовъ до конца, два три сберегаются ими для запаса. Когда публика требуетъ повторенія и въ залѣ

раздаются шумные и громкіе *фора*, актеръ съ начала повторяетъ, потомъ пускаетъ въ ходъ слѣдующій куплетъ и повторяетъ этотъ манѣвръ столько разъ, сколько хватаетъ куплетовъ, соображаясь съ требованіями публики. Если же запасъ его кончился, а *бисы* все еще не смолкли, то иной актеръ импровизируетъ, и въ подобныхъ импровизаціяхъ болѣе всего отличаются у насъ гг. Брюнингъ и Моръ.

Все что сказано выше объ исполненіи пьесы «Расточитель», относится только къ первымъ двумъ дѣйствіямъ. Третье же было разыграно превосходно. Г. Орловскій явился здѣсь въ костюмѣ нищаго, слѣдовательно не имѣлъ возможности заниматься собою, а все вниманіе обратилъ на роль, которую передалъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ и теплою. Г. Замтъ прекрасно изобразилъ простую, но чистую привязанность Валентина въ Флотвелю и глубоко трогалъ зрителей. Г-жа Лина Гѣфферъ, непринужденностью и вѣрностью своей игры превзошла сама себя, однимъ словомъ, въ третьемъ дѣйствіи «Расточителя» нельзя узнать тѣхъ же артистовъ, которые такъ плохо играли въ двухъ первыхъ актахъ. А все это происходитъ отъ того, что третье дѣйствіе играется 20-ю годами позже, слѣдовательно Гг. артисты являются на сценѣ уже стариками.

Комедія: «*Донъ-Жуанъ противъ воли*» (Der Don Juan willer Willen) передѣланная Траутманомъ изъ Шведскаго романа, была прекрасно также разыграна.

Уже прежде было нами говорено о трудностяхъ, которыя встрѣчаются при такихъ передѣлкахъ, не смотря на то, комедія *Донъ-Жуанъ противъ воли*, новый примѣръ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго для совѣстливаго труда; г. Траутманъ прекрасно исполнилъ свою задачу. Комедія его полна жизни, интереса и несомнѣнно принадлежитъ къ числу лучшихъ пьесъ нынѣшняго сезона. Въ ней много остроумія, и по характеру своему она гораздо болѣе подходитъ къ нынѣшнимъ французскимъ комедіямъ, чѣмъ къ Нѣмецкимъ, отличающимся болѣею частію тяжелыми и грубыми фарсами. Въ Нѣмецкомъ театрѣ нѣкогда былъ главнымъ лицомъ *Гансвуртъ* (площадной шутъ, паясъ), Германцы сожгли его изображеніе публично, но все еще не совсѣмъ разстались съ нимъ; вліяніе Гансвурста до-сихъ-поръ еще замѣтно въ ихъ комедіяхъ и служить доказательствомъ испорченности вкуса. Но оно понятно. Нѣмецъ одаренъ тяжелою натурой, тонкая шутка рѣдко бываетъ въ состояніи разсмѣшить его, ему нужна не аттическая соль, но чистая буза. Французы выѣзжаютъ на каламбурахъ и двусмысленностяхъ, Нѣмцамъ же этого недостаточно; имъ нужно что нибудь положительнѣе. Но не смотря на это, въ послѣднее время, явились меж-

ду ними писатели, которые стремятся облагородить нѣмецкую комедію, избѣгая всѣхъ преувеличеній и основывая ее на истинно комическихъ началахъ. Первое мѣсто между этими писателями несомнѣнно принадлежитъ Бенедиксу, даровитому автору нѣсколькихъ весьма хорошихъ и интересныхъ пьесъ. Мы поговоримъ объ немъ въ послѣдствіи поподробнѣе.... къ тому же разряду нельзя не причислить и г. Траутмана, автора комедіи *Донъ-Жуанъ противъ воли*.

Ротмистръ Штернау женился на Герминіи, сестрѣ доктора Бургдорфа, признавшейся ему, что въ сердцѣ ея таятся еще любовь къ первому жениху, который ее оставилъ и уѣхалъ въ Америку. Докторъ женился между-тѣмъ на рѣзвой Юліи и пріѣхалъ навѣстить сестру въ ея деревнѣ. Однообразная деревенская жизнь не нравится Юліи, привыкшей къ шумнымъ и разнообразнымъ удовольствіямъ столицы. Для развлеченія она начинаетъ ухаживать за графомъ Тальгеймомъ, старымъ пріятелемъ доктора и страстнымъ гастрономомъ, и возбуждаетъ ревность своего мужа. Но недовольная этимъ, она поселяетъ еще подозрѣніе въ ротмистрѣ относительно связи графа съ его женою. Дѣйствуя изъ вѣтренности и легкомыслія, она очень удачно подбрасываетъ своему мужу записку, въ которой назначаетъ графу свиданіе и найдя другую записку Герминіи къ ея брату, кладетъ ее въ кувертъ съ адресомъ Тальгейма и подкидываетъ ротмистру. Мужья въ отчаяніи и хотятъ мстить бѣдному графу, который между-тѣмъ не зная ничего и не подозрѣвая даже объ угрожающей ему опасности, хлопочетъ только объ ѣдѣ, и восхищенный прекраснымъ обѣдомъ, обнимаетъ и цѣлуетъ старую экономку. Къ несчастію этотъ нѣжный порывъ благодарности имѣетъ свидѣтелемъ обоихъ мужей, которые еще болѣе убѣждаются въ безнравственности графа, осыпаютъ его упреками и намекаютъ на его преступную связь съ ихъ женами. Но графъ ничего не понимаетъ и въ своей невинности приписываетъ гнѣвъ доктора и ротмистра ревности ихъ относительно экономки.

— Неужели, говорилъ онъ, неужели они влюблены въ эту старую вѣдьму! О верхъ безнравственности! О бѣдныя жены!

Къ довершенію несчастія и суматохи, графу попадается въ руки письмо дочери пастора, которая пишетъ ротмистру, что ожидаетъ его къ себѣ и говоритъ о какомъ-то миломъ *ихъ* малюткѣ. Встревоженный этими открытіями и нежелая быть свидѣтелемъ семейныхъ раздоровъ, графъ въ негодованіи рѣшается уѣхать, приказываетъ заложить свой экипажъ и, пока готовятъ все къ отъѣзду, самъ уходитъ въ павильонъ, гдѣ засыпаетъ глубокимъ сномъ. На бѣду, павильонъ этотъ тотъ самый, о которомъ упоминала Юлія въ своемъ подложномъ письмѣ; въ павильонѣ-же этомъ назначила свиданіе брату своему Гер-

минія, желающая посоветоваться съ нимъ объ отношеніяхъ своихъ съ мужемъ.

Такимъ образомъ въ павильонъ сходятся: Герминія въ надеждѣ увидѣться съ братомъ, ротмистръ и докторъ, съ намѣреніемъ подкараулить преступныя свиданія своихъ жень, Юлія съ желаніемъ посмѣяться надъ затѣянной ею суматохой. Темнота препятствуетъ имъ видѣть другъ друга—вдругъ раздается сильное и могучее храпѣнье... всѣ бросаются къ канопе и находятъ на немъ графа, преспокойно покоящагося въ объятіяхъ Морфея и аккомпанирующаго свой сладкій сонъ премелодической пособой гармоникой. Мужья съ бѣшенствомъ кидаются на несчастнаго, рвутъ его на всѣ стороны, подымается страшный шумъ, наконецъ Юлія все объясняетъ. Мужья мирятся съ графомъ, ротмистръ проситъ прощенія у Герминіи, узнавшей между-тѣмъ что ея мужъ, изъ любви къ ней, не переставалъ заботиться объ участи одной изъ несчастныхъ, покровительствуемыхъ ею вдовъ, дочери пастора, брошенной имъ съ ребенкомъ на произволъ судьбы... Супруги мирятся и рѣшаются жить вмѣстѣ. Докторъ уѣзжаетъ съ графомъ въ городъ и, въ наказаніе за вѣтренность, оставляетъ Юлію въ деревнѣ.

Вся эта интрига—очень стара. Она напоминаетъ даже свадьбу Фигаро. А всѣ эти недоразумѣнія, основанныя на подложныхъ письмахъ, самомъ избитомъ рычагѣ сценическаго дѣйствія, ясно показываютъ, что у автора очень мало изобрѣтенія. Но у него покрайней мѣрѣ, есть живой разговоръ: а нѣмцу и за то спасибо. Излишне распространяться объ исполненіи г. Брюнингомъ роли графа Тальгейма. Этотъ даровитый артистъ никогда еще не испортилъ ни одной роли, напротивъ, часто выносилъ ихъ на своихъ плечахъ. Роль Герминіи была прекрасно разыграна г-жею Берндорфъ, первою и лучшею артисткой нашей нѣмецкой труппы. Г-жа Графъ употребила всѣ старанія, чтобъ передать роль Юліи со всей живостью, но все не достигла до того, чтобъ зритель позабылъ о страшномъ различіи между лѣтами артистки и лѣтами Юліи.

Умалчиваю о г. Орловскомъ: онъ игралъ роль доктора Бургдорфа, человѣка молодаго съ спокойнымъ характеромъ, а прибавлю только, что г. Толлертъ дѣлаетъ замѣтные успѣхи. Это тѣмъ пріятнѣе, что г. Толлертъ сверхъ-того талантливый писатель, который подарилъ нѣмецкой сценѣ нѣсколько очень хорошихъ, живыхъ и остроумныхъ пьесъ, и вѣроятно не остановится на первыхъ опытахъ.

Эдуардъ Литтонъ Больверъ одинъ изъ модныхъ и любимыхъ писателей; романы его переводятся на всѣ языки, читаются всѣми, а потому излишне было-бы рассказывать здѣсь содержаніе пьесы: *Nacht und Morgen*, заимствованной изъ его извѣстнаго романа «*Night and morning*»

(Ночь и Утро), и тѣмъ болѣе, что пьеса эта шла не такъ давно еще на русской сценѣ подъ названіемъ: «*Брачное Свидѣтельство*».

Исполненіе этой драмы на нѣмецкой сценѣ нужно отнести, къ сожалѣнію, къ самымъ неудачнымъ настоящаго сезона. За исключеніемъ г-жи Берндорфъ, ни одинъ артистъ не понялъ своей роли какъ слѣдуетъ, и пьеса успѣха не имѣла.

Почтенная Германія славится своими учеными поэтами. Она славится своей аккуратностью, положительностью, сентиментальностью, флегмою; она славится своимъ нивомъ и сливочнымъ масломъ, она славится своими лжецами. Кому не извѣстны имена Мюнхгаузена и Бароновъ Краковъ, имена, вошедшія во всеобщее употребленіе для обозначенія лгуновъ. Подъ именемъ перваго изъ нихъ появлялась на здѣшней сценѣ комедія съ куплетами, но къ счастью не долго игралась. Она пала, не смотря на прекрасную игру господъ Мора и Брюнинга, на красивую иллюминацію, устроенную г. Вальцемъ и напоминавшую праздникъ на Минеральныхъ водахъ и въ Павловскомъ воксалѣ, и какъ надо полагать, окунулась въ Лету, а потому и странно было-бы, еслибъ кому вздумалось передавать ея содержаніе. Умолчимъ объ этомъ неудавшемся вицѣ, а остальные затѣмъ новости оставимъ до слѣдующаго раза.

III.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Появленіе первой весны. — Послѣдніе отголоски Итальянской оперы, гг. Тамберликъ, Медори, Ронкони, Лаблашъ, г-жа де-Лагранжъ. — Развлеченія Петербурга. — Катанье на тройкахъ. — Загородные пикники. — Концерты Гг. Давида, г-жи Ингеборгъ-Штаркъ, Кавалини, Чіарди и Рубинштейна. — Бесплатный концертъ съ лотереей-аллегри и подобный же рауть. — Механическая кукла въ Пассажѣ. — Концертъ любителей въ Царскомъ Селѣ. — Концертъ въ пользу Инвалидовъ. — Живыя картины. — Профессоръ Эдуардъ Разини. — Нѣчто объ имени и названіи. — Нѣчто о лотерейномъ счастьи. — Артистическія ожиданія и утраты: С. В. Самойлова. — Г. Арну. — Г. Белингъ. — Музыкальныя и литературныя новости. — Изданіе новаго любопытнаго Сборника. — Учрежденіе новой полезной компаніи, или нѣтъ болѣе въ Петербургѣ холода. — Наряды.

Вѣтъ въ небѣ съ далью слитомъ,

Гостя Сѣвера, весна,

И цѣлуется съ гранитомъ

Темносиняя волна.

Ужъ росы прохладной слезы

Моютъ вѣнчики цвѣтовъ,

И колышатся березы
 Первой зеленым листовъ.
 Отъ проталины на нивахъ
 До чуть видныхъ облаковъ
 Вьются птицы, въ переливахъ
 Разновзвучныхъ голосовъ.
 Съ выси неба, синей, ясной,
 Ярко солнца лучъ скользить,
 И какой-то нѣгой страстной
 Сердце каждое дрожить.
 И какимъ-то ожиданьемъ
 Чувства всѣ упоены:
 Чуетъ каждое созданье
 Обаяніе весны!

Такимъ, хотя и слабымъ описаніемъ этой прекрасной поры началъ бы я Петербургскій Вѣстникъ Пантеона, еслибъ она могла вдругъ измѣниться и не походить на всѣхъ своихъ предшественницъ на нашемъ небѣ; но увы, не смотря на всю любовь мою къ этому времени года, нельзя не сознаться, что ни одна строфа въ этомъ извѣстіи о появленіи весны въ Петербургѣ не можетъ къ нему относиться. Къ сожалѣнію, приходится лишь сказать: среди лужъ мы встрѣчаемъ весну.

Снѣгъ на улицахъ уже исчезъ, но санн продолжаютъ еще куда ѣздить по какой-то желтобурой массѣ, составныя части которой трудно опредѣлять положительно, не подвергнувъ ихъ химическому изслѣдованію. Шубы съ каждымъ днемъ исчезаютъ, и замѣняются ватными пальто; въ окнахъ магазиновъ пестрѣютъ легкія женскія шляпки, весеннія бархатныя мантильи. На кровляхъ сильно воркуютъ голуби, а съ кровельныхъ жолобовъ брызжатъ на гуляющихъ потоки распускающагося снѣга. Обстановка очень бѣдная, какъ вы можете видѣть, но Петербургъ очень мало объ ней заботится; онъ еще проникнутъ воспоминаніями о своемъ зимнемъ сезонѣ, о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя онъ испытывалъ въ продолженіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ, на балахъ и маскарадахъ, и въ особенности воспоминаніемъ объ Итальянской оперѣ, блистательно закончившей свой представленія операми: Анна Болена, Сонамбула, Звонокъ, Отелло, Проба большой оперы (Prova d'un opera seria) и Пуритане. Всѣ онѣ были играны въ бенефисы нашихъ итальянскихъ артистовъ въ Петербургѣ, и уже знакомы нашимъ дилетантамъ; но такъ какъ главная важность заключается не въ новизнѣ, а въ исполненіи, то и не почитаемъ излишнимъ сообщить нашимъ читателямъ результаты успѣха cadaго бенефиса. Не смотря на то, что г. Тамбердикъ, третій уже годъ сряду, назначаетъ для своего

бенефиса оперу Отелло, прекрасные пѣвцы, ангажированные въ нынѣшнемъ году на нашу сцену, которыми можно было въ совершенствѣ обставить эту оперу, привлекли многочисленную публику, и бенефисъ имѣлъ успѣхъ блистательный. Публика петербургская, жаждущая все новаго и еще невиданнаго ею, любящая анализировать, тѣмъ болѣе осталась довольна выборомъ г. Тамберлика, что все артисты, участвовавшіе въ представленіи Отелло, кромѣ его самаго, были лица, совершенно новыя. Партію Родриго игралъ г. Кальцолари, Дездемоны г-жа де Лагранжъ, Яго г. Дебассини, отца г. Лаблашъ. Говорить много объ исполненіи роли Отелло г. Тамберликомъ въ этой оперѣ значило бы повторять зады, то есть, отзываться о немъ въ двадцатый разъ, что онъ производитъ фуроръ, особенно въ дуэтѣ втораго акта, и потому лучше распространиться побольше о прочихъ артистахъ, способствовавшихъ успѣху спектакля и выступавшихъ въ Отелло въ первый разъ предъ петербургскою музыкальною публикою. Начнемъ съ г-жи де Лагранжъ, общей любимицы нашихъ диллетантовъ, создавшей въ этотъ разъ новую роль для Дездемоны; она не пошла обветшалымъ путемъ своихъ предшественницъ, не старалась выступать впередъ изъ-за другихъ партій, не прибѣгала къ введенію въ свою партію новыхъ фіоритуръ и прочихъ украшеній, но единственно умѣла ее разнообразить одушевленною игрой. Нѣкоторые музыкальные критики замѣтили при этомъ, что г-жа де Лагранжъ нѣсколько измѣнила свою роль въ музыкальномъ отношеніи, не была пунктуально вѣрна партіи, написанной самимъ композиторомъ; но развѣ такое нововведеніе можетъ вредить, когда оно отличается изящнымъ вкусомъ, знаніемъ своего дѣла, и притомъ привело всехъ въ восторгъ? Дездемона, оклеветанная и страдающая, особенно въ третьемъ актѣ, явилась великой артисткой точно также, какъ явился великимъ артистомъ г. Лаблашъ, переходящій отъ чувства оскорбленнаго самолюбія, отъ порыва сильнаго гнѣва, къ глубокому родительскому чувству, въ сценѣ проклятія. Роль Яго, исполненная г. Дебассини, не смотря на свою отчетливость и выдержанность, нѣсколько между тѣмъ не заставила слушателей позабыть о г. Ронкони, который постоянно занималъ эту роль. Г. Кальцолари въ своей небольшой партіи (Родриго) былъ истинно прекрасенъ и, не довольствуясь нумерами, написанными въ оперѣ Отелло для роли втораго тенора, вставилъ во второмъ актѣ въ свою партію арію изъ оперы «Ricciardo e Zoraide». Артистъ этотъ вмѣстѣ съ прочими очень много способствовалъ къ огромному успѣху бенефиса г. Тамберлика. Опера Анна Болена, данная въ бенефисѣ г-жи Медори, не имѣла и вполнину подобнаго успѣха и была принята довольно холодно. Объяснить это явленіе очень не трудно. Въ музыкѣ

этой оперы нѣтъ глубокой мысли, нѣтъ жизни, нѣтъ оконченности. Увлеченный успѣхами Беллини, маэстро нѣжнаго и чувствительнаго, тронушаго до слезъ всю Италію, Донизетти вздумалъ подражать ему, и написалъ музыку еще нѣжнѣе, еще меланхоличнѣе, которая постоянно продолжается во всѣхъ трехъ длинныхъ актахъ. Для полнаго успѣха этой оперы нужно участіе въ ней огромныхъ талантовъ, каковы напримѣръ, Паста и Рубини, нуженъ верхъ совершенства игры и пѣнія, иначе, что за охота публикѣ изъ-за какихъ нибудь двухъ, трехъ, прекрасно исполненныхъ нумеровъ, скучать битыхъ три часа? Успѣшнѣе Анны Болень шла, при новой обстановкѣ, Сонамбула, и г Кальцолари (Эльвино) и г-жа де-Лагранжъ (Амина) своею прекрасною игрою, особенно финальнымъ дуэтомъ перваго акта, сценою прощанія влюбленныхъ, такъ трогательно переданномъ композиторомъ, очень много способствовали успѣху этой пьесы, и безъ усовершенствованной обстановки, любимой петербургскою музыкальною публикой. Комическая оперетта «Il campanello (Звонокъ) Донизетти, точно также, какъ и «Анна Болена», имѣла успѣхъ сомнительный. Желая развлечь слушателей, Донизетти взялся за эту попытку не совсѣмъ мастерски и съ знаніемъ дѣла. Звонокъ его, ни что иное, какъ предлинный фарсъ, заимствованный изъ неимѣющаго никакого достоинства французскаго фарса, съ тою только разницею, что онъ написанъ на итальянскомъ языкѣ, и что къ нему прибавлено нѣсколько нумеровъ музыки, и то не совсѣмъ щедрою рукою. Сюжетъ этой оперетты очень бѣденъ. Новобрачному старому аптекарю (г. Лаблашъ), нѣжностямъ съ его молоденькою супругою (г-жа Марай) и объясненіямъ вдвоемъ поминутно мѣшаетъ звонокъ, привѣшенный къ двери аптеки, которымъ изъ всѣхъ силъ звонить повѣса, племянникъ аптекаря (г. Ронкони). Раздраженный аптекарь поминутно подбѣгаетъ къ дверямъ, проклиная всѣхъ больныхъ и нуждающихся въ его помощи, и вмѣсто незнакомыхъ лицъ, сталкивается съ племянникомъ. Отъ этихъ столкновеній рождаются нескончаемые фарсы, шутки, шалости, но все онѣ, не смотря на прекрасную игру гг. Лаблаша и Ронкони, не могли удержать большую часть публику до окончанія этого длиннаго фарса. Въ половинѣ пьесы, театръ началъ мало-по-малу пустѣть. Многіе упрекали г. Лаблаша, выходя изъ театра послѣ представленія il campanello, въ томъ, что будто бы онъ уже слишкомъ утрированъ комизмомъ, и никакъ не могли простить ему его положеніе близъ опрокинутаго стола, однимъ словомъ, не хотѣли допустить никакихъ фарсовъ въ представленіи итальянской оперы, и допускали ихъ только въ водевиляхъ и легкихъ комедіяхъ. Мнѣніе подобныхъ критиковъ покажется не основательнымъ, если вспомнить, что фарсъ есть

достояніе чисто италіанское, и что обычай прибѣгать къ нимъ, начался еще отъ Панталона и Пулчинелли, комическихъ типовъ, созданныхъ Италіей и разошедшихся по цѣлому свѣту. Комическій оперный комизмъ, фарсъ, если то кому угодно, допускается на сценѣ самыхъ лучшихъ италіанскихъ театровъ, и даже гораздо въ большей степени, чѣмъ на нашей, такъ, что еслибъ данъ былъ въ какомъ-нибудь италіанскомъ театрѣ Севильскій цирюльникъ, какъ онъ дается у насъ, не смотря на всѣ шутки г. Лаблаша, которыми онъ вызываетъ общій смѣхъ, италіанцы нашли-бы артиста скучнымъ и утомительнымъ. Все, что только можетъ воображеніе выдумать болѣе смѣшнаго, все это приводится въ дѣйствіе, чтобы лучше; такъ сказать, обстановитъ комическое оперное представленіе; сцена уливается водою; дѣйствующіе поминутно сталкиваются и падаютъ, и т. п. Такъ, напримѣръ, извѣстный фортопянистъ Тальбергъ, находящійся въ родствѣ съ Лаблашемъ, во время представленія Севильскаго цирюльника въ Лондонѣ, чтобы больше разсмѣшить публику, вышелъ на сцену въ роли нотаріуса, и признанный ею былъ осыпанъ рукоплесканіями. Но, что городъ, то норовъ, что деревня то обычай, говоритъ пословица, и ей иногда по неволѣ нужно покоряться большинству. «*Prova d'un orega seria*», выбранная въ нынѣшнемъ году г. Лаблашемъ для своего бенефиса, есть такой же рядъ нескончаемыхъ фарсовъ, но только сошла гораздо счастливѣе «*il camponello*» и была прослушана публикою съ большимъ вниманіемъ. Г. Лаблашъ, любимецъ посѣтителей театра италіанской оперы, былъ осыпанъ рукоплесканіями; бенефисъ его можно было-бы назвать первымъ и самымъ блистательнымъ, еслибъ не было бенефиса г-жи де-Лагранжъ, назначившей оперу «*Пуритане*», въ которой она явилась еще въ первый разъ предъ петербургскими диллетантами. Опера эта, превосходно разыгранная, какъ въ музыкальномъ, такъ и въ собственно-драматическомъ отношеніи, поврнула новою славой нашу знаменитую иѣвицу. Театръ, полный съ низу до верху, не переставалъ дрожать отъ рукоплесканій, крики браво заглушали оркестръ; но этого казалось еще мало многочисленнымъ почитателямъ г-жи де-Лагранжъ за то наслажденіе, которымъ они были ей обязаны въ продолженіе всего нынѣшняго сезона. Проникнутые однимъ желаніемъ, поклонники ея таланта поднесли ей, по окончаніи бенефиса, драгоценный браслетъ. Наступившій великій постъ прекратилъ дальнѣйшія представленія Италіанской оперы.

Нынѣшнюю зимой горы показались Петербургу чѣмъ-то уже слишкомъ обветшалымъ, и онъ замѣнилъ быстроту горныхъ салазковъ быстротою саней тропичныхъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, что-то необъяснимо упокительное сокрыто для русскаго въ тропичномъ бѣгѣ, въ

заунывномъ звукѣ его колокольчиковъ, въ дребезжаніи бубенчиковъ, въ ухореконъ пѣснѣ ямщика, вытянувшагося или свѣщаго отважно бокомъ, чуть прилѣпясь къ козламъ на полномъ скаку. Какое-то особенно сладкое чувство овладѣваетъ горожаниномъ, привыкшимъ къ стройнымъ улицамъ, къ правильной ѣздѣ по нимъ, когда онъ очутится на широкомъ полотнѣ столбовой дороги, гдѣ и по сторонамъ и впереди такой просторъ русской удалы! Натура самая прозаическая тогда какъ-то поэтизируется, становится мечтательною, и вмѣсто отлетѣвшихъ на время городскихъ заботъ, въ головѣ бродятъ причудливыя мечты, въ воображеніи рисуются картинныя образы. Вотъ поле, покрытое матовымъ серебромъ снѣга, осыпанное огненными переливающимися искрами; вотъ сосновый лѣсъ, котораго чаща какъ-будто горитъ отъ широкихъ золотыхъ полосъ мѣсяца, проникающаго чрезъ пространство, не занятое деревьями; вотъ обозъ, тянущійся, Богъ вѣсть куда или откуда; вотъ новыя, нигдѣ не виданныя лица другихъ путешественниковъ—съ чѣмъ они? съ надеждами-ли, съ утратами-ли двигаются мелкой рысцой, или мчатся бѣшенымъ вихремъ? Въ городѣ ничто новое, ничто имѣющее какой-нибудь слабый оттѣнокъ не можетъ быть замѣчено и вызвать на мысль среди многолюдной толпы, въ городѣ все такъ чинно, такъ принужденно, и потому не удивительно, что съ размноженіемъ въ нынѣшнемъ году на всѣхъ биржахъ пошевной, запряженныхъ тройками, петербуржцы спѣшатъ ими пользоваться наперерывъ и ѣдутъ или на Среднюю Рогатку—мѣсто болѣе прочихъ посѣщаемое, или къ колонистамъ, живущимъ отъ нея по близости, или въ Стрѣльну, въ Парголово, въ Красный Кабачокъ, на Петергофской дорогѣ, или даже просто катаются по городскимъ улицамъ, большими поѣздами, только чтобы имѣть удовольствіе кататься на тройкахъ, и не отстать въ этомъ отъ другихъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, что за охота развлекаться такъ, какъ можетъ развлекаться большинство, по Невскому, по Дворцовой или Англійской набережной, или мѣрять шагами одну изъ аллей Лѣтняго сада? Все это такъ просто, такъ обыкновенно, не сопряжено ни съ какими хлопотами и жертвованіями. Нѣтъ намъ мало городскихъ гуляній: давайте намъ гулянья загородныя—пикники.

Есть у меня въ Петербургѣ знакомый, человекъ умный, достаточный, образованный, не нуждающійся ни въ чемъ; его можно представить образцомъ любителей пикниковъ, и по немъ судить о прочихъ. Не проходитъ недѣли, чтобъ голова его не была занята составленіемъ какого-нибудь загороднаго пикника, со всеми его требованіями и причудами. Объѣздивъ и Среднюю Рогатку, и Красный Кабачокъ, и всевозможныя загородныя мѣста, гдѣ можно танцовать и ужинать за деньги, собран-

няя въ складчину, онъ недавно объѣздилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, приглашая ѣхать къ колонистамъ за Стрѣльну, версты двадцать двѣ отъ Петербурга—и за чѣмъ-же? Чтобъ пить молоко прямо изъ погреба, изъ дойки, въ глиняныхъ кружкахъ.

Концертный сезонъ наступилъ у насъ еще недавно, а потому и нельзя сказать очень многого о томъ впечатлѣніи, которое вообще оставили о себѣ концертанты. Сколько помнится, то первый концертъ, который слушала петербургская публика—виновать! выраженіе это будетъ невѣрно, о которомъ повѣстивли петербургскую публику афиши, былъ данъ артистами и артистками нашей итальянской труппы въ пользу г. Давида, учителя пѣнія, пользовавшагося во время оно, въ Петербургѣ, большою извѣстностью, который концертомъ этимъ прощался съ Россіей. Но не смотря на полную готовность, съ которою явились наши итальянскіе артисты къ своему соотечественнику, несмотря на прекрасно составленную программу, концертъ г. Давида имѣлъ самую незавидную участь. Зала Большаго театра была почти пуста: въ ней собралось человѣкъ шестьдесятъ, семьдесятъ, изъ которыхъ, конечно, большая часть были друзья г. Давида.

Почти такая же участь постигла концертъ молодой любительницы-пѣянистки г-жи Ингеборгъ-Штаркъ, ученицы нашего извѣстнаго любителя-музыканта г. Мартынова, не смотря на то, что въ немъ также участвовали первоклассныя артисты нашей Итальянской оперы, въ залѣ не было тѣсно. Съ какою цѣлью давался этотъ концертъ: для пріобрѣтенія-ли матеріальныхъ выгодъ, или для пріобрѣтенія себѣ первой извѣстности, положительно сказать нельзя, но во всякомъ случаѣ, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ, дѣвицу Ингеборгъ-Штаркъ, которая еще почти ребенокъ, стоило послушать, и она своимъ концертомъ какъ нельзя лучше отрекомендовала себя петербургскимъ любителямъ музыки, избалованнымъ знаменитыми талантами. Игра ея правильна, отчетлива, бѣгла и чиста. Подъ ея маленькими пальчиками каждая пьеса принимаетъ пріличные ей оттѣнки, выражаетъ мысль скрытую въ звукахъ, и каждый пассажъ передается съ большимъ сознаниемъ и отчетливостью. Незвѣстно давно ли дѣвица Ингеборгъ-Штаркъ развиваетъ талантъ свой, но только онъ, при развитіи той энергіи и чувства, которыми и теперь отличается, представляетъ вѣрное ручательство за прекрасную будущность. Первые концерты, привлекшіе въ залу Дворянскаго собранія достаточное для начала число слушателей, были даны гг. кларнетистомъ Кавалини и флейтистомъ Чіарди.

Талантъ г. Кавалини, о которомъ такъ восторженно отзывались иностранныя газеты, нисколько не преувеличенъ этими похвалами, и можно сказать утвердительно, что такихъ кларнетистовъ, какъ онъ, разумѣется, послѣ

Блаза не много найдется въ Европѣ. Образцовая техника, удивительный механизмъ, бравурная игра, блескъ, нѣжность и мягкость звуковъ и удивительное *santabile*, доходящее до подражанія человѣческому голосу со всеми оттѣнками *pianissimo* и *molto*, отличаютъ игру г. Кавалини, невозможную и недоступную таланту второстепенному. Въ послѣднемъ концертѣ, данномъ имъ, онъ нисколько не уменьшилъ въ слушателяхъ того высокаго мнѣнія, какое они составили о немъ при первомъ его дебютѣ у насъ. Между прочими пьесами, выслушанными публикой съ полнымъ одобреніемъ, особенно привелъ всѣхъ въ восторгъ дуэтъ изъ Нормы, исполненный г. Кавалини вмѣстѣ съ г-жею де Лагранжъ, въ которомъ онъ долженъ былъ *изображать* своимъ кларнетомъ Адалгизу. Совершенно правильная гармонія инструмента съ голосомъ, глубина чувства и страсти, ровность и блескъ пассажей и особенно каденцы, дѣлаемые кларнетомъ и голосомъ съ изумительнымъ совершенствомъ, произвели общій фуроръ, и единодушныя рукоплесканія привѣтствовали исполнителя, или лучше сказать, композитора этого дуэта, для сопрано и кларнета г. Кавалини. Прочія пьесы, сыгранныя концертантомъ: фантазія на мотивы изъ оперы «Любвнны напштокъ», прекрасно разработанная, «Венеціанскій Карнавалъ», бравурныя варіаціи на мотивъ Меркаданте и фантазія на мотивы Россіи, хотя только салонныя композиціи, не свойственныя кларнету, котораго настоящее мѣсто въ полномъ оркестрѣ, были выслушаны съ тѣмъ же наслажденіемъ, какъ и дуэтъ. Не менѣе г. Кавалини заслужилъ одобреніе публики флейтистъ г. Чіарди, и отзывъ о немъ, какъ о превосходномъ исполнителѣ, подтвердился. Въ послѣднемъ концертѣ своемъ г. Чіарди выказалъ талантъ свой во всемъ блескѣ. Отчетливость въ бравурныхъ пассажахъ, необыкновенная нѣжность и мягкость *santabile*, сила чувства, которой нѣкоторые цѣнители музыки не признаютъ въ г. Чіарди, и главное, обиліе вкуса и умѣнье пользоваться всеми эффектами, возможными для флейты,—вотъ главныя достоинства игры Чіарди. Московская музыкальная публика легко можетъ повѣрить справедливость мнѣнія объ этихъ двухъ артистахъ петербургскихъ любителей, потому—что оба они уже были въ Москвѣ, гдѣ дали нѣсколько концертовъ. Московскіе любители музыки вѣроятно долго не услышатъ послѣ нихъ такихъ прекрасныхъ артистовъ, инструменты которыхъ рѣдко раздаются, какъ *solo*, въ концертахъ, большею частію завоеванныхъ роялями, скрипками и віолончелями.

Второго марта, въ залѣ Лихтеналея давалъ концертъ извѣстный нашъ петербургскій виртуозъ г. Рубинштейнъ, композиторскій огромный талантъ котораго все болѣе и болѣе совершенствующійся съ каждымъ годомъ, давно уже обратилъ на него общее вниманіе петербургской пу-

блики. Концертъ этотъ былъ весь составленъ изъ композицій г. Рубинштейна, какъ для фортепьяно, такъ и для оркестра, отличающихся оригинальными, живыми и увлекательными мотивами. Всѣ пьесы, какъ салонныя Nocturne, Improvptu, Paghiera и Galop, такъ и аранжированныя для оркестра: концертъ (sol-majeur), трепакъ, танецъ изъ оперы «Оомка-дурачекъ» и Лезгинка, танецъ изъ новой оперы г. Рубинштейна «Месть» были исполнены съ рѣдкимъ совершенствомъ особенно Трепакъ и Лезгинка, подъ управленіемъ хоромъ самаго композитора.

За удовольствіе слушать музыку въ этихъ концертахъ должно было платить деньги, это такъ старо и обыкновенно, что Петербургъ выдумалъ нѣчто новое, и далъ въ залѣ Дворянскаго собранія концертъ безъ платы за входъ и притомъ еще съ лотереєю-аллегри. Концертъ этотъ, данный съ благотворительною цѣлью доставить помощь немущимъ, вѣроятно наполнилъ бы огромную залу собранія до того слушателями, очень охотно являющимися всюду, если только можно сдѣлать это, какъ говорится, на chѣg ami, что въ ней нельзя было бы не только слушать, но даже и дышать, если бы предусмотрительные распорядители не оградили подобнаго вторженія. Каждый, желавшій быть на этомъ бесплатномъ концертѣ, долженъ былъ взять извѣстное число билетовъ на лотерею-аллегри, большее или меньшее, смотря по мѣсту, которое онъ желалъ занять въ рядахъ разставленныхъ кресель. Въ концертѣ этомъ, составленномъ по большей части изъ благотворительныхъ любителей музыки, участвовалъ также одинъ артистъ ex professo, скрипачъ г. Эдуардъ Франкенштейнъ, уже знакомый отчасти петербургской публикѣ, и заслужившій себѣ нѣкоторую извѣстность, года три тому назадъ, нѣсколькими концертами. Правильная, отчетливая игра этого молодого артиста, особенно отличается большою энергіею, выразительностью и чувствомъ.

Успѣхъ этого концерта побудилъ благотворителей повторить его, но только, чтобы не повторяться, подъ немного измѣненнымъ названіемъ бесплатнаго раута съ концертомъ и лотереєю-аллегри, въ пользу Рукодѣльной дѣвицы недостаточнаго состоянія. Это бесплатное удовольствіе, въ составѣ котораго участвовали лица общества, продолжалось почти цѣлый день — рауть съ 12 часовъ до 5-ти, концертъ съ половины осьмага вечера. Лучшею приманкою въ лотерею-аллегри этого раута-концерта были бронзовые часы «съ механическою куклою, танцующею подъ музыку на канатѣ съ необыкновенною точностью». Еще за долго до настоящаго дня раута, кукла эта была выставлена въ Пассажѣ и танцую съ двухъ до четырехъ и съ семи до девяти часовъ вечера, привлекала къ себѣ огромную толпу любопытныхъ.

Сколько бы человекъ, не имѣя случая видѣть ее въ Пассаждъ, непременно взяли бы билеты, чтобы если даже не выиграть, такъ посмотрѣть на нее въ залѣ Дворянскаго собранія и попытаться имя счастливца, которому жребій вынулъ ее изъ стекляннаго колеса аллегри. Иные ѣздить куда-нибудь вовсе не затѣмъ, чтобъ насладиться объявленнымъ въ программѣ или на афишахъ, а просто для того только, чтобъ *быть*.

У меня есть въ Петербургѣ одинъ знакомый человекъ не танцующій, потому-что онъ не много хромъ, человекъ не диллетантъ, потому-что онъ врядъ ли не также равно сочувствуетъ звукамъ турецкаго барабана, какъ и звукамъ арфы, не находя въ нихъ никакой слишкомъ опредѣлительной разницы, а между-тѣмъ человекъ этотъ бываетъ всюду; онъ страстный любитель чего-нибудь, имъ еще невиданнаго или не слыханнаго, и не похожъ въ этомъ отношеніи на тѣхъ, которые бываютъ для того, чтобъ посмотрѣть другихъ и показать себя.

— Вчера я былъ въ концертѣ, сказалъ онъ мнѣ однажды, сопровождая слова своимъ самымъ недовольнымъ зѣвкомъ.

— Поздравляю — что жъ, вѣроятно веселились?

— Какъ! смертельно соскучился.

— Такъ зачѣмъ же вы послѣ этого ѣздили?

— Зашелъ въ кондитерскую, прочиталъ афишу, что г-жа де Мерикъ будетъ въ немъ пѣть аріи.

— Но вѣдь вы много разъ слышали эту пѣвицу, замѣтилъ я ему.

— Слышалъ-то слышалъ, только все не то; во вчерашнемъ концертѣ было объявлено, что она будетъ пѣть арію изъ Сепирамиды.

— И что же?

— Даромъ деньги заплатилъ, пѣла точно прекрасно, только свое вѣчное *il secreto felice*, а для него бы я не поѣхалъ, я его уже наслаждался.

Я увѣренъ, что мой знакомый, не надѣясь на счастье выиграть механическую куклу, а только бъ посмотрѣть на нее, какъ на новизну, поѣхалъ бы на раутъ еслибъ не имѣлъ случая видѣть ее даромъ безъ всякихъ условій.

И точно, механическая кукла возбудила таки не мало толковъ и удивленія, по-крайней мѣрѣ, между привычными и случайными посѣтителями Пассажа. По обязанности, принятой предъ читателями «Пантеона, особенно иногородными, удовлетворять ихъ перечнемъ всѣхъ петербургскихъ новостей и впечатлѣній, я тоже отправился въ Пассаждъ посмотрѣть куклу, и едва могъ пробиться сквозь густую толпу, чтобъ тоже полюбоваться этимъ произведеніемъ механики. Многіе изъ зрите-

лей стояли просто въ нѣмомъ созерцаніи, а иные изумительно ахали и перекидывались различными замѣчаніями.

— Глядите-ка, глядите, Миронъ Петровичъ, говорилъ какой-то зритель другому, какъ откалываетъ, почище иной барышни-съ.

— Куда барышни такъ на канатѣ пролясать, отозвался тотъ, къ которому относились эти слова, давно бы, чай, разъ десять упала; а эта ужъ на томъ виднѣ поставлена.

— А вѣдь все, чай, нѣмецъ какой-нибудь, такъ ее къ тому пристроилъ.

— Разумѣется, кому же, какъ не нѣмцу; имъ только такіе фокусы и выдѣлывать.

— А я полагаю, Микита Иванычъ, что можетъ-быть точно, при-мѣрно оно, куклу нѣмецъ дѣлалъ, но вѣрно ему въ плясательной-то машинѣ и французъ маненько помогалъ; вѣдь нѣмцы, сколько по слухамъ извѣстно, не больно таки мастаки плясать.

— Французъ не могъ, воля ваша, помогать, отвѣчалъ остря Микита Иванычъ, ему теперь не до плясу, чай спохватился да матушку рѣпку поетъ. Этотъ отвѣтъ возбудилъ всеобщій самодовольный хохотъ. И въ-самомъ дѣлѣ, никогда еще такъ сильно не проявлялось негодованіе къ западнымъ народамъ, даже въ самыхъ низшихъ слояхъ общества, какъ въ настоящее время. Съ каждымъ днемъ, все живѣе, и живѣе оживаютъ преданія о славной порѣ двѣнадцатаго года, съ каждымъ днемъ растетъ въ народѣ сознаніе своихъ огромныхъ средствъ и силъ, увеличивается патріотическій энтузіазмъ, и громче раздаются звуки патріотической Музы во славу, въ вспомошествованіе и для одушевленія защитниковъ русскихъ правъ и русскаго величія, Такъ, напримѣръ, даже приглашеніе на концертъ, данный 16 марта, благородными любителями въ Царскомъ Селѣ, въ пользу семействъ безсрочно отпускныхъ царско-сельскихъ чиновъ, было написано стихами, съ искреннимъ, чистосердечнымъ чувствомъ, а это одно можетъ замѣнить и метръ, и выдержанность, и богатство рифмъ.

Чтобъ лепта Царскаго села (пишутъ учредители)

Безсрочнымъ пользу принесла,

Затѣялся концертъ чудесный

И въ полномъ смыслѣ полнобѣсный.

Концертъ начнется ровно въ часъ

Въ собраньи дружескомъ у насъ.

Чего жъ можно было еще требовать большаго отъ лицъ, которыя съ такою готовностью желали своими музыкальными способностями слѣ-

латься полезными семействамъ заслуженныхъ воиновъ. Какъ бы ни бѣдна была лепта, отданная въ благородномъ порывѣ души, она все-таки будетъ блестять многоцѣннымъ капиталомъ на жертвенникѣ отечества, и вотъ почему концертъ этотъ не былъ совсѣмъ оставленъ безъ сочувствія нашею публикою. Не смотря на мокрый снѣгъ, падавшій съ сѣраго неба, таявшій на улицахъ, на неудобство отправленія изъ царскосельскаго дебаркадера на мѣсто концерта, зала царскосельскаго Благороднаго собранія была удовлетворительно полна. Чтобъ дать полное понятіе о томъ, съ какою добросовѣстностью исполнили любители артисты свое благородное патріотическое предіріятіе, считаю не лишнимъ выписать программу этого концерта, состоявшаго изъ двухъ частей. Онъ открылся большой увертюрой В. К. Маурера, исполненной оркестромъ Императорскаго Большаго Театра, которымъ дирижировалъ самъ композиторъ, за увертюрою — концертъ Гуммеля съ акомпаниментомъ оркестра, исполненный любительницею.

Г-жа Леонова пѣла три піесы: въ первой части концерта «*Ахъ не мнѣ бѣдному сиротинушкѣ*», во второй «*Гаданье*», романсъ г. Гурилева, и «*Душечка двѣица*» романсъ г. Даргомыжекаго. Г. Шубертъ сыгралъ на виолончели solo, а г. Вурмъ на своемъ cornet à piston салонную піесу (pièce du salon) изъ оперы Гвельфы. Г. Дмитріевъ-Свѣчинъ исполнилъ на скрипкѣ двѣ піесы: фантазію изъ Лучія, сочиненіе Арто, въ первой части концерта и «*Рондино á la Clochette*», сочиненіе Вильмерса, во второй части, въ которой участвовали: артистъ-любитель г. Кашевскій, исполнившій двѣ піесы, одну въ четыре руки, съ любительницею Е. Д. Цыловой (блистательное рондо изъ Мошелеса), а другую одинъ, написанную имъ для фортепіано—варіаціи на русскія пѣсни, заключавшіеся народнымъ гимномъ: «*Боже, Царя храни*», съ акомпаниментомъ оркестра Большаго театра и хора трубачей лейбъ-гвардіи гусарскаго полка. Въ промежуткѣ двухъ частей, сыграна была оркестромъ Большаго театра «*Чародѣйка-полька*», артиста-любителя г. Цылова. Г. Дмитріевъ-Свѣчинъ, котораго талантъ, какъ исполнителя, давно извѣстенъ нашей публикѣ, игралъ, какъ и всегда, съ большимъ одушевленіемъ и нѣжностью, болѣе прочихъ музыкальныхъ особенностей отличающими его игру. Г-жа Леонова, которой замѣчательный голосъ совершенствуется все болѣе и болѣе, заслужила единодушныя рукоплесканія; что же касается до г. Кашевскаго, то отдавая полную справедливость его искусству, многіе любители музыки, слѣдящіе за ходомъ концертовъ, замѣтили, будто этотъ артистъ-любитель уже черезъ-чуръ постояненъ и почти всегда ограничивается одними и тѣми же пьесами, особенно своими варіаціями, которыя давно уже всѣ слышали въ концертахъ,

въ которыхъ онъ принималъ участіе. Этою особенностью г. Кашевскій очень похожъ на г-жу де-Мерикъ съ ея постояннымъ «il secreto». Жаль, право жаль, тѣмъ болѣе, что съ мѣсяцъ тому назадъ, фельетонъ С.-Петербургскихъ вѣдомостей поставилъ его чуть-ли не на ряду самыхъ лучшихъ и плодovitыхъ композиторовъ; впрочемъ, на оваціяхъ и на безпристрастїи фельетона С.-Петербургскихъ вѣдомостей основываться не слѣдуетъ; убѣжденія его очень часто мѣняются. Но не въ этомъ главнодѣло; все дѣло въ упрекѣ г. Кашевскому, почему онъ, обладая такимъ замѣчательнымъ дарованіемъ, не сочинилъ чего-нибудь новаго, приличнаго этому концерту. Конечно, варіаціи его на русскія пѣсни никто не соскучится слушать даже десятки разъ: всѣ онѣ глубоко прочувствованы и полны мысли, но развѣ не могъ онъ написать варіаціи на русскія солдатскія пѣсни, которыхъ множество, которыхъ мотивы дышатъ удалью, молодечествомъ, неподдѣльною веселостью, и глубоко западаютъ на сердце. Подобнымъ сочиненіемъ г. Кашевскій заслужилъ бы тѣмъ большую благодарность, что ни одинъ еще мотивъ ни одной солдатской пѣсни, кромѣ пѣсни: «То-ли дѣло егеря» П. А. Фодотова, не переложень пока на музыку съ приличной обстановкой.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого концерта, данъ былъ въ Большомъ театрѣ, концертъ въ пользу инвалидовъ, въ которомъ участвовали придворные пѣвчіе и музыканты и пѣвчіе полковъ лейбъ-гвардіи. Концертъ этотъ, даваемый всегда 19 марта, въ день шествія въ 1814 году россійскихъ войскъ въ Парижъ, и исполняемый въ совершенствѣ, всегда привлекалъ многочисленную публику, въ настоящемъ же году, при всеобщемъ сочувствіи къ этимъ заслуженнымъ ветеранамъ, можно безъ преувеличенія сказать, что театръ чуть не ломился отъ огромной массы присутствовавшихъ.

Въ этомъ концертѣ, кромѣ прочихъ пьесъ, былъ исполненъ народный патріотическій гимнъ, сочиненный однимъ молодымъ композиторомъ, еще недавно вступившимъ на музыкальное поприще. Вотъ онъ:

Слався Русскій ЦАРЬ во вѣки!
 Полонъ міръ ТВОЕЙ хвалою:
 Отъ ТЕБЯ намъ счастья рѣки,
 Милость, правда и покой!

Славенъ ЦАРЬ! Отецъ любимый
 Силенъ вѣрностью дѣтей:
 Повелить—непобѣдимы
 Двинуть моремъ и землей!

Слышать Небо гласъ сыновъ:
 «Съ твердой волей и душою

«Правь полночною страню,
«Буди славой всѣхъ вѣковъ!»

*Гласъ сыновъ нелицемѣрной —
Хоть не громокъ, не умретъ,
И въ глуши время безмѣрной,
Благодарность въкъ живетъ!*

Вмѣстѣ съ умноженіемъ концертовъ, съ каждою недѣлей умножаются и представленія живыхъ картинъ. Эти представленія отличаются собственно отъ концертовъ, тѣмъ, что въ нихъ главную роль играютъ не звуки, остающіеся на второмъ планѣ, а граціозныя историческія, міеологическія изображенія, представляемыя людьми. Составителей подобныхъ живыхъ изображеній, которыхъ можно назвать въ этомъ отношеніи истинными художниками, не много, и если наименовать гг. Сѣркова, Перро, Шаффера, Вальца и Роллера, то перечень будетъ уже окончень. Такихъ представленийъ было очень много, въ пользу г-жи Леоновой, Каратыгина, помощника режиссера оперной труппы, Вальца, капельмейстера Императорскихъ театровъ Дютша и Шаффера, машиниста Михайловскаго театра. Было бы очень утомительно для читателей, если бѣ описывать ему содержаніе всѣхъ этихъ представленийъ, и потому ограничусь лучшимъ, къ которымъ принадлежать живыя картины, данныя г. Шафферомъ, (въ которыхъ участвовали почти всѣ артисты и артистки французскаго и нѣмецкаго театровъ и семнадцать воспитаницъ Императорскаго театральнаго училища); живыя картины г. Дютша съ большимъ вокальнымъ и инструментальнымъ концертомъ, и картины гг. Роллера и Перро. Г. Шафферъ поставилъ восемь картинъ. Цѣнители вина (г. Шаффера.), Прощаніе Пери (г. Сѣркова.), Живойбарометръ (г. Шаффера.) Фаустъ и Маргарита (г. Перро.) Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро (г. Шаффера.) Гиласъ, увлекаемый наядами (г. Сѣркова) и Последняя лепта на олтарь отчизны (г. Журделя), въ которой участвовали лучшіе артисты нашего французскаго театра: г-жа Вольнисъ, Луиза Мейеръ, Давлуи, Мондидье, Дешанъ и проч. Кромѣ этой, прекрасно обставленной картины, нельзя было не смотрѣть безъ удовольствія на картину—Прощенная Пери; смотря на нее такъ и припоминались прекрасныя стихи В. А. Жуковскаго, такъ и чудилось, что воскликнувъ: прости земля, Пери поднимется къ облакамъ. «Цѣнители вина» особенно хороша была естественнымъ выраженіемъ лицъ.

Большая часть читающей петербургской публики вѣроятно уже сколько нибудь знакома съ прекрасно-литературнымъ очеркомъ «Солдатъ», изданнымъ г. художникомъ Васильевымъ, текстъ котораго мастерски

написанъ В. М. Савиновымъ. Главное содержаніе этого очерка русскаго служаки и было изображено артистами въ картинахъ: Отдача рекрута, Родная изба, Ретивое просится, и Битва. Прекрасная музыкальная баллада Die Walpurgis-Nacht для четырехъ голосовъ и хора съ аккомпаниментомъ оркестра, сочиненія Мендельсона-Бартольди, служила увертюрою представленія, и музыка антрактовъ между каждой картиной была нарочно для нихъ написана самимъ бенефициантомъ г. Дютшемъ. Живыя картины, представленныя въ пользу гг Вальца своимъ разнообразнымъ и интереснымъ содержаніемъ вѣроятно на долго останутся въ памяти посѣтителей; гг. Вальць и Перро не поскупились ни на издержки, ни на изобрѣтательность, чтобы угодить публикѣ. Взятіе Красной Пушки, данной Султаномъ въ знакъ его убѣжденія въ непобѣдимости его войскъ и Сонъ на бивуакѣ, имѣли для всѣхъ такой интересъ, что нельзя не поблагодарить г. Вальца за мысль поставить ихъ вмѣстѣ съ картиной Ополченіе двѣнадцатаго года. Эти живыя страницы изъ лѣтописи народной славы и народной преданности престолу не могли не найти живаго сочувствія въ зрителяхъ въ настоящее время, когда по единому слову Царя готова возстать, забывая все на свѣтѣ,

Отъ стѣнъ недвижнаго Китая
До потрясеннаго Кремля,
Стальной щетиною сверкая,
Святая русская земля.

Эти немного перифразированные, незабвенные стихи Пушкина вѣроятно многимъ напоминали въ тѣ минуты другіе, которые не прійдется по вкусу Французамъ или Англичанамъ:

Да кипить фіалъ заздравной
Нашей родинѣ святой,
Нашей Руси православной
Броненосицѣ стальной.
Широка она, родная,
Ростомъ міру по плечо,
Вся одежда ледяная,
Только сердце горячо!..

Пусть намъ дають побольше такихъ живыхъ картинъ, и вѣроятно каждый не пожалѣетъ послѣднихъ своихъ средствъ, чтобы хоть посмотреть на то, что другіе исполнили словомъ и дѣломъ; а подобныхъ картинъ наберется не малый рядъ, и изобрѣтателямъ подобныхъ представ-

лений не много будет стоить труда дополнить нагую истину воображеніемъ. Кромѣ этихъ картинъ очень повеселила посѣтителей картина въ шести отдѣленіяхъ: «Обманутый женихъ.» Сюжетъ ея взятъ изъ простой обыкновенной жизни, обстановка ея не отличается ни роскошью, ни многочисленностью лицъ; въ ней только было всего два главныхъ дѣйствующихъ лица, но одно изъ нихъ «Обманутаго жениха» игралъ г. Мартыновъ, и этого было довольно, чтобъ веселый смѣхъ оглашалъ весь театръ. При поднятіи занавѣсы въ первой перементъ, вамъ представляется женихъ веселый, самодовольный, стоящій передъ своею невестой, занятой пряжей; по приему молодой дѣвушки вы можете догадаться, что его не слишкомъ-то жалуютъ и почитаютъ за большаго простака; вмѣсто того, чтобы любезничать и говорить объ удовольствіяхъ будущаго, его прямо усаживаютъ на стулъ и обращаютъ въ живое мотовило; и вотъ онъ сидитъ съ распростертыми руками, не смѣя шевельнуться, не смѣя промолвить слова, однимъ только жаднымъ взоромъ вливаясь въ прекрасное личико жестокосердой кокетки; работа не легкая; ему нужно смотать съ себя огромное количество пряжи, и вотъ онъ начинаетъ дремать, голова его клонится все болѣе и болѣе къ столу. При этомъ лукавая улыбка мелькаетъ на губахъ красавицы; она приподняла какъ-то пояснительно руку, и въ дверяхъ появился другой счастливецъ, къ которому красавица кажется болѣе благосклонна, чѣмъ къ бѣдному труженику, совершенно уже распростертому надъ столомъ, служащимъ ему подушкой. Того только и дождалась лукавая невеста; бросая на соннаго насмѣшливый взглядъ, она чуть слышными шагами выходитъ изъ комнаты, оставляя влюбленнаго простака наединѣ съ его грезами. Но сонъ не можетъ продолжаться долго: женихъ протираетъ наконецъ глаза и пугливо обводитъ ими кругомъ, вспоминая свою невѣжливость; но комната пуста: птичка улетѣла и онъ, полный ревности, стыда, отчаянія, нахлобучивъ шляпу, бросается отыскивать невѣрную. Рядъ этихъ шести перементъ есть цѣлый пантомимный водевиль, въ которомъ г. Мартыновъ, безъ словъ, одною своею разнообразною мимикою выразилъ очень ясно все содержаніе. Нельзя также не похвалить и прочихъ картинъ: Шашечную игру и Мужъ и любовникъ. Учредители сдѣлали все, что могли. Честь изобрѣтенія этихъ, такъ сказать подвижныхъ картинъ, въ которыхъ зрители, не прибѣгая ни къ истолкованію, ни къ историческимъ свѣдѣніямъ и другимъ воспоминаніямъ, сами могутъ понять сюжетъ каждой живой картины, принадлежитъ г. Перро. Онъ понялъ, что если картина называется живою, то въ ней должна-же быть какая-нибудь жизнь, какое нибудь дѣйствіе, отличающее ее отъ без-

душнаго мертвaго полотна, и придумалъ перемѣны, въ которыхъ вполнѣ сомкнуть какой нибудь эпизодъ изъ частной или общественной жизни. Отдавая вполнѣ справедливость трудамъ г. Вальца, можно упрекнуть его только въ одномъ неловкомъ заднемъ освѣщеніи картинъ. Не смотря на всю роскошь обстановки и глубоко обдуманную композицію, онѣ много потеряли отъ этого ложнаго и нехудожественнаго освѣщенія.

Отдавъ отчетъ о живыхъ картинахъ, нельзя не упомянуть о большомъ вокальномъ и инструментальномъ концертѣ съ живыми картинами, поставленными декораторами гг. Стрковымъ и Вальцомъ, въ пользу артистки Императорскихъ театровъ Д. М. Леоновой. Общее сочувствіе петербургской публики къ этой пѣвицѣ, обладающей голосомъ сильнымъ и рѣдко встрѣчаемымъ, меццо-сопрано, привлекло многочисленныхъ посѣтителей, тѣмъ болѣе, что между прочими пьесами г-жа Леонова должна была пропѣть «Не называй ее небесной», «Въ крови горитъ огонь желанья», соч. М. И. Глинки, «Не о томъ скорблю, подруженьки», его же и романсъ А. С. Даргомыжскаго «Дѣвица, красавица». Однѣхъ этихъ пьесъ, исполняемыхъ г-жею Леоновой съ рѣдкимъ совершенствомъ, достаточно было бы для полнаго и блестящаго успѣха ея бенефиса. Публика, послѣ каждой пьесы, по нѣскольку разъ сряду вызывала даровитую исполнительницу. Изъ живыхъ картинъ особенно были хороши картины, аранжированныя г. Стрковымъ: «Рыбакъ очарованный Русалкою» и «Старый рыбакъ и русалка», сюжеты которыхъ заимствованы изъ стихотворной пьесы того же имени, А. С. Пушкина. Что же касается до живой картины, поставленной Вальцомъ и названной имъ «Львица», то вѣроятно никто бы изъ зрителей, не имѣвшій въ рукахъ афиши, не понялъ ее содержанія, и возвратясь домой сказалъ бы, что видѣлъ лишь живую картину изображавшую женщину въ сорочкѣ, ухватившуюся руками за канатъ и опускающуюся въ воду, однимъ словомъ купальщицу. Г. Вальцъ, какъ кажется, не понимаетъ вовсе значенія львицы. Подъ этимъ названіемъ привыкли мы разумѣть женщину, утратившую все прекрасное женственное, женщину, которая:

Пьетъ вино, куритъ табакъ, и проч.

и которой недостаетъ только усовъ и включенныхъ бакенбардъ, чтобъ быть трактирнымъ трибуномъ. Къ счастью, наши львицы не возвысились еще въ этомъ отношеніи до перла созданія и ограничиваются лишь куреніемъ крѣпкихъ папиросъ и нѣкоторою вольностью об-

рашенія. Что хуже: кокетство, которое не вышло еще изъ моды, или *львицество*—рѣшить трудно!

Посреди такой дѣятельности театровъ и концертныхъ залъ не оставался пустымъ и Театръ-Циркъ. Въ немъ помѣстился г. Эдуардъ Разими, *профессоръ мимовоздушныхъ представленій, съ своимъ воспитанникомъ*. Впрочемъ г. Разими вправѣ почти принимать на себя подобное названіе, потому что эквилибрическія представленія его такъ усовершенствованы, что врядъ ли когда видѣлъ кто подобныя въ Петербургѣ, не смотря на то, что наша публика уже избалована изумительными штуками Виоля, Леклера и знаменитаго Рислея. Особенно обращаетъ на себя вниманіе ученикъ его, или какъ г. Разими называетъ его *воспитанникъ*, Карлъ, мальчикъ лѣтъ семи, обладающій гибкостью членовъ и ловкостью изумительною въ его лѣта. Представленія, названныя г. Разими *мимовоздушными*, также нѣчто особенное, еще невиданное; икарійскія его игры оживлены прекрасною мимикою, и если г. Разими не со всѣмъ можетъ назвать себя профессоромъ, то уже во всякомъ случаѣ великимъ артистомъ своего искусства. Иное дѣло другіе, также именовавшіе себя подобнымъ же именемъ.—Какъ все измѣняется да бѣломъ свѣтѣ, и какъ все дѣлаетъ въ немъ исполинскіе шаги! Сперва артисты подобнаго рода назывались просто акробатами, фокусниками и тому подобнымъ; теперь имъ показалось мало такого простаго и понятнаго всѣмъ названія, и вотъ они возвысили себя до наименованія профессора, опредѣляющаго всю глубину и совокупность какихъ-либо спеціальныхъ свѣдѣній. Пройдетъ нѣсколько времени, и какойнибудь преимчивый нѣмецъ будетъ выдѣлывать такія же штуки *мимовоздушныя и классическія*, какъ и г. Разими, гдѣнибудь на Крестовскомъ или Петровскомъ острову, въ Марьиной рошѣ или въ Екатерингофѣ, но ему не будетъ уже такого почета, хоть сломилъ онъ себя кувыркою шею, потому что онъ не придалъ себѣ такого громкаго названія и остался предъ лицомъ своихъ обычныхъ зрителей все тѣмъ же самымъ Осьюкой или Карлушкой, какимъ былъ и до вновь перенятыхъ имъ фокусовъ. Во многомъ успѣхъ зависитъ отъ ловко-придуманнаго названія и отъ любопытства, которое оно можетъ возбудить своею новизною на нѣкоторое время. Такъ парикмахерамъ показалось уже устарѣлымъ это всѣмъ извѣстное названіе, и многіе изъ нихъ начали именовать себя *артистами относительно волосъ* (*artiste en fait de cheveux*).

Напрасно нѣкоторые поэты утверждаютъ что имя—«звукъ пустой.» Съ этимъ вполне никакъ нельзя согласиться и всякому какъ-то легче выговорить и даже кажется почетнѣе: мнѣ готовить *кухмистерша*,

чѣмъ кухарка; за мною ходить *каммеръ-юнгферъ*, чѣмъ горничная. Даже негоціантъ изъ лоскутнаго ряда звучитъ почетнѣе простаго лоскутника. Нѣтъ, воля ваша, а имя звукъ не пустой, во всякомъ отношеніи, а особливо заслуженное чѣмъ нибудь имя. Пусть даже при жизни будетъ оно позабыто и исчезнетъ за другими новыми именами, обращающими на себя общее современное вниманіе. Пыль забвенія, которою оно покрылось оттого, что человѣкъ, носившій его, сошелъ съ поля дѣятельности, непремѣнно слетитъ послѣ его смерти, и повсюду повторится въ громкихъ отголоскахъ. На это разсужденіе неволью навело извѣстіе о кончинѣ Софьи Васильевны Самойловой, жены даровитаго артиста Петербургскаго театра, Василья Михайловича Самойлова, отличнаго пѣвца и актера, котораго до-сихъ-поръ никто еще не могъ замѣнить, утонувшаго въ Финскомъ заливѣ 11 іюля 1839 года, во время бури. Она была мать В. В. Самойлова и двухъ сестеръ Самойловыхъ, и дочь Василья Михайловича Черникова, тоже артиста, хорошаго пѣвца, преимущественно отличавшагося въ роляхъ слугъ. Воспитанная въ Императорскомъ театральномъ училищѣ, Софья Васильевна сама въ свое время была хорошею актрисой. Не долго спустя по выходѣ своемъ изъ училища, она познакомилась съ Василемъ Михайловичемъ Самойловымъ, и пѣла съ нимъ въ 1803 году дуэтъ въ драмѣ, въ которой дебютировалъ въ первый разъ будущій мужъ ея. Оригинальная красота дебютанта, его прекрасный голосъ, успѣхъ, который имѣлъ онъ на сценѣ, не могли не произвести глубокаго впечатлѣнія на сердце осемнадцатилѣтней дѣвушки, и они оба скоро полюбили другъ друга со всею страстію молодости. Не смотря на всѣ препятствія, на выгодное предложеніе богатаго композитора Давыдова, за котораго желали выдать ее родители, и на бѣдность Самойлова, не имѣвшаго ничего кромѣ своего таланта, Софья Васильевна осталась вѣрна своему чувству, и въ 1805 году вышла замужъ за того, который первый познакомилъ ее съ чувствомъ любви. Тридцати-четырехъ-лѣтнее счастливое супружество ея помрачилось только смертію мужа. Всѣ, знавшіе покойную, отзываются о ней, какъ объ артисткѣ талантливой и добросовѣстной, и какъ о женщинѣ самыхъ строгихъ нравовъ.

Въ непродолжительномъ времени по кончинѣ г-жи Самойловой, 24 февраля, умеръ здѣсь г. Огюсть Арну, мужъ извѣстной артистки нашей французской труппы, г-жи Арну-Плесси, на пятьдесятъ второмъ году своей жизни отъ воспаленія, послѣ мучительной семидневной болѣзни. Г. Арну (Auguste-Jean-François Arnould), женившійся на дѣвицѣ Плесси, бывшей артисткѣ перваго Французскаго театра въ Парижѣ, и

послѣдовавшій за нею въ Россію, былъ замѣчательнъ какъ даровитый литераторъ, писавшій впрочемъ мало одинъ, а всегда съ кѣмъ-нибудь въ товариществѣ, съ Маркомъ Фурнье, съ Александромъ де Лаверномъ, съ Локруа и съ Фредерикомъ Сулье. Изъ литературныхъ его произведеній болѣе прочихъ заслуживаютъ вниманія романы: Струэнзе, датскій министръ, (переведенный въ 1846 году въ Финскомъ вѣстникѣ,) написанной имъ съ Маркомъ Фурнье; *Les trois aveugles* (Три слѣпца) написанный имъ съ Александромъ де-Лаверномъ; *A la belle étoile* (Подъ открытымъ небомъ) романъ, который принадлежитъ вполне одному ему. Кромѣ того, онъ написалъ предисловіе къ сочиненію объ іезуитахъ, изданному съ иллюстраціями. Драматическія пьесы его очень многочисленны и также писаны съ кѣмъ-нибудь въ сообществѣ. Съ Фредерикомъ Сулье написалъ онъ, въ 1835 году, комическую оперу *Les deux Reines* (Двѣ королевы); съ Фурнье, *La poupée* (Кукла), *Secrets de la cour* (Придворныя тайны) и *La vieille fille et la jeune veuve* (Старая дѣва и молодая вдова). Изъ этихъ пьесъ три или четыре были написаны въ продолженіе одного года. *La soeur cadette* (Младшая сестра), *La reute viagere* (Пожизненный доходъ), *L'homme au masque de fer* (Желѣзная Маска), *Un mariage á rompre* (Разстроенный бракъ), *L'interprete* (Переводчикъ) *Huit ans de plus* (Восемью годами старше), *Suits d'une faute* (Послѣдствія вины). Въ сотрудничествѣ съ Локруа г. Арну написалъ *Catherine II* (Екатерина II), *Les jours gras sous Charles IX* (Мясоедъ въ царствованіе Карла IX), *La vieillesse d'un grand roi* (Старость великаго короля), *Mariage Corse* (Корсиканская свадьба), *Le frere de Piron* (Братъ Пирона), *C'est encore du bonheur* (Еще счастливо), и сверхъ всего этого пьесу *Un secret* (Тайна), игранную въ одинъ изъ первыхъ дебютовъ его жены на петербургской французской сценѣ. Изъ пьесъ, передѣланныхъ имъ, можно указать на «Черное Домино», написанное имъ для одного изъ бенефисовъ г-жи Арну Плесси. По прибытіи своемъ въ Петербургъ, г. Арну совершенно оставилъ литературу и написалъ только одну повѣсть *Lamais!* (Никогда!) напечатанную въ одномъ изъ французскихъ журналовъ и «Три письма о Финляндіи», которыя скоро должны быть напечатаны во французской Иллюстраціи. Г. Арну умеръ бездѣтенъ, и не задолго предъ своей кончиной собирался ѣхать во Францію, для свиданія съ своимъ отцемъ и матерью. Г. Арну похороненъ на Волковскомъ кладбище.

Извѣстивъ нашихъ читателей объ утратѣ г-жи Самойловой и г. Арну, скажемъ также нѣсколько словъ о человѣкѣ, котораго имя давно перестало раздаваться въ Петербургѣ, но который между тѣмъ много

сдѣлалъ для музыки, хотя рѣдко появлялся на концертной сценѣ, по крайней мѣрѣ, въ послѣднія восемь лѣтъ, именно о г. Белингѣ. Онъ родился въ Германіи, въ молодости переселился въ Россію, въ одинъ изъ южныхъ городовъ, и почти безвыѣздно сорокъ лѣтъ жилъ потомъ въ Петербургѣ, преподавая уроки музыки на фортепьяно и занимая въ то же время должность церковнаго органиста. Болѣе всего покойный былъ замѣчательнъ основаніемъ въ Петербургѣ Академіи пѣнія (Sing-Académie), въ которую собиралось разъ въ каждую недѣлю общество любителей и любительницъ пѣнія для разучиванія и исполненія замѣчательнѣйшихъ музыкальныхъ произведеній, и которая оставалась подъ его управленіемъ до дня его смерти, не смотря на всю трудность поддержать подобное учрежденіе и принаровиться къ разнообразнымъ вкусамъ и требованіямъ многочисленныхъ посѣтителей. При печальной церемоніи погребенія почитатели заслугъ и стараній г. Белинга, какъ прекраснаго учителя, согласились исполнить въ Лютеранской Евангелической церкви Св. Петра и Павла знаменитый Requiem Моцарта, съ аккомпаниментомъ церковнаго органа, и исполнили его очень отчетливо, если принять въ соображеніе, что эта трудная духовная пьеса была разобрана и пропѣта не настоящими артистами, а только любителями. Хоры шли очень согласно, соло сѣты правильно и по той гармоніи, которою отличалось выполненіе цѣлаго, можно было замѣтить, что сороко-лѣтніе труды опытнаго учителя не пали даромъ на каменную почву.

Впрочемъ, грустныя петербургскія впечатлѣнія, даже между самыми близкими знакомыми продолжаются не долго: поговорять, потолковать, отыщутъ нѣсколько добрыхъ качествъ, которыхъ не замѣчали при жизни—и все пойдетъ опять своимъ чередомъ. Живое требуетъ жизни, а гдѣ же больше искать жизни, какъ не въ Петербургѣ, для котораго четырнадцатаго марта наставалъ день полный ожиданія, надеждъ, волненій тревожнаго сомнѣнія—назначенъ былъ розыгрышъ лоттереи серебряныхъ вещей, давно ужъ ожидаемый, и снова отложенный до апрѣля мѣсяца по многимъ вновь поступившимъ требованіямъ билетовъ, даже изъ отдаленныхъ провинцій. Сколько людей берутъ на послѣдній деньги лотерейный билетъ, опираясь на отрадное слово *авось*, съ которымъ русскій пускается иногда на семь смертей, и очень часто минуетъ всѣ ихъ прелюбополучно; главное дѣло—увѣренность, а прочее придетъ само собою. И въ-самомъ-дѣлѣ, какъ не соблазниться, когда предъ глазами сверкаетъ такая чудесная бронза, которую иному не удастся имѣть даже и подъ конецъ своей жизни, собственными средствами, безъ помощи утѣшительнаго *авось*, цвѣтистыя ковры, на которые и выигравши

ихъ, иной не рѣшится ступить дерзновенною ногою, изъ опасенія повредить свѣжесть и яркость красокъ. Какъ не пожелать какому-нибудь недостаточному артисту выиграть себѣ рояль, когда онъ постоянно приходитъ въ отчаяніе отъ пронзительныхъ звуковъ своего инструмента, походяго болѣе на какіе-то гусли, чѣмъ на фортепьяно. И притомъ у многихъ вертится въ головѣ своя собственная домашняя лотерейка выигранныхъ вещей или выгодная ихъ перепродажа. Оригинальный типъ Пеппо, который очертилъ Гоголь въ своемъ описаніи Рима, не рѣдокъ и у насъ. Сколько людей, приготавливающихъ взять себѣ лотерейный билетъ, приступаютъ къ гаданью, припоминаютъ и толкуютъ сны, берутъ билеты на свое и на чужое счастье, и даже, чтобъ имѣть больше вѣроятія на непремѣнную удачу, прибѣгаютъ, какъ древніе римляне, къ пособію лицъ и вещей, окруженныхъ благоприятными *ауспиціями*. По большей части въ этомъ случаѣ играютъ важную роль дѣти. Я зналъ одну старушку, которая не смотря на постоянныя лотерейныя неудачи, не имѣя собственныхъ дѣтей, прибѣгала при каждой новой попыткѣ съ просьбой къ другимъ семействамъ. Она оставляла свою далекую окраину, на которой нанимала квартиру, и отправлялась на другую противоположную, причемъ, грязь, слякоть, дождь, буря и морозъ были ей ни по чемъ. Запыхавшись вбѣгала она къ матери или отцу семейства и говорила:

— А я къ вамъ съ просьбой, съ *преужаснѣйшею* просьбой.

— Съ какой?

— Да ужъ съ такой, что и выговорить страшно!

— Ахъ, матушки, чтобъ это могло быть? Не мучьте, скажите поскорѣе, ради самаго Бога.

— Составить мое благополучіе.

— Только-то! Ахъ, какъ же вамъ не стыдно было такъ пугать изъ подобной ничтожности. Сдѣлайте одолженіе, все готова сдѣлать.

— Одолжите мнѣ, на полчаса времени, вашего Сашеньку.

— Зачѣмъ?

— Да ужъ нужно; зачѣмъ—это мой секретъ, иначе, пожалуй, вы можете какъ нибудь позавидовать: лукавый силенъ, и тогда всѣ мои планы должны разстроиться.

— Что же вы затѣваете? меня это пугаетъ.

— Да вѣдь вы знаете, что я вашего Сашеньку люблю, слѣдовательно худаго ничего не будетъ. Повѣрьте, что онъ отъ этого ничего не потеряетъ, а еще можетъ выиграть; я благодарной быть умѣю.

Послѣ многихъ клятвъ и увѣреній, среди которыхъ старушка не измѣняла своей таинственности, ей вручали ребенка, и она принимаясь цѣловать его, спрашивала:

— А что, душенька, ты нынче умывался?

— Умывался.

— Нѣтъ, умойся, душечка, при мнѣ еще разикъ, я тебѣ пряникъ дамъ, рыбку; посмотри, какая хорошенькая рыбка, на два раза тебѣ станетъ; нынче скушай хвостикъ, а завтра головку.

— Ребенокъ умывался, но и этого не было достаточно для искальницы лоттерейнаго счастья; она упрасивала, чтобъ его одѣли во все чистое, и отправлялась, прося дитя вынуть ей изъ кучи билетовъ какой нибудь одинъ или два. Ребенокъ протягивалъ руку, но и этого повиненія не было достаточно старушкѣ, она пріостанавливала его и замѣчала:

— Постой, постой, куда ты такъ рвешься; ты сперва хорошенько подумай, а потомъ ужъ и бери.

— Да объ чемъ же думать-то? возражалъ ребенокъ.

Вопросъ этотъ ставилъ на минуту старушку въ тупикъ, но она скоро находилась и отвѣчала:

— Ну, напримѣръ, какой молъ мнѣ изъ этихъ билетовъ брать и какой не брать; потомъ и *цапни*, ничего не думая, по одному твоему вдохновенію.

Ребенокъ *цапалъ* по вдохновенію; лоттерея разыгрывалась, моя старушка, не смотря на вдохновеніе и на думы, оставалась ни съ чѣмъ. Она начинала охатъ, удивлялась своему примѣрному несчастью, не смотря на всѣ принятія противъ него мѣры, и снова пускалась съ своей окраины къ другимъ, чтобы знакомые могли растолковать ей, почему могла произойти подобная невзгода?

— И представьте себѣ, какъ-бы кажется не выиграть, — добавляла она: — брала на младенческое счастье!

— Младенецъ младенцу рознь, — замѣчали ей ея пріятельницы.

— Какъ такъ?

— Да такъ, можетъ быть, у него глазъ не хорошъ.

— Напротивъ, прекрасные черные глаза.

— Вотъ въ этомъ-то все и дѣло, — объясняли ей пріятельницы, чер-

ные глаза никуда негодятся, нужно голубые,—цвѣтъ неба; черной цвѣтъ—цвѣтъ тьмы. Да притомъ, можетъ быть, этотъ ребенокъ и поругиваться умѣетъ; сообразили-ли вы все это? Это условія важныя...

— Ахъ, скажите, вѣдь кажется, точно, поругиваться умѣетъ, такой постреленокъ, капризный,—воскликнула сожалительно старушка и принималась искать какихъ нибудь новыхъ средствъ. Не извѣстно, посчастливилось-ли ей хотя разъ, потому-что счастье все-таки выпадаетъ каждому хоть разъ въ жизни, хотя иногда удача бываетъ болѣе похожа на ѣдкую насмѣшку, чѣмъ на его благосклонность.

По примѣру прошлыхъ годовъ, основываясь на извѣстіяхъ заграничныхъ газетъ, мы надѣялись слышать пѣанистку Вильгельмину Клаусъ, пѣанистовъ Прюдана и Вильмерса, скрипачку Миланолло, двухъ сестеръ Ферни, играющихъ на томъ же инструментѣ, віолончелиста Ботта и многихъ другихъ, но теперь слухи о нихъ замолкли, и мы должны будемъ ограничиться тѣми артистами, которые даютъ свои концерты въ настоящее время. Музыкальныхъ пьесъ, изданныхъ въ Петербургѣ также не очень много, а изъ нихъ, какъ на лучшія можно указать на вальсъ, сочиненный г. Фохтомъ, замѣчательнымъ композиторомъ и пѣанистомъ; вальсъ граціозный, проникнутый чувствомъ; на пьесу подъ названіемъ: «На нынѣшнюю войну (Вотъ въ воинственномъ азартѣ и проч.) посвященную русскимъ патриотамъ Эдуардомъ Бавари; на русскія національныя пѣсни, изданныя г. Бернардомъ и на граціозную пьесу—Nadine-polca, сочиненную талантиливымъ молодымъ композиторомъ г. Гупманомъ, извѣстнымъ многими сочиненіями въ подобномъ родѣ, польку вполне прекрасную—Литературныхъ новостей также очень мало, и лучшія изъ нихъ ограничиваются перечнемъ, помѣщеннымъ въ этомъ номерѣ Пантеона, за то является каждый день все болѣе и болѣе стихотворныхъ произведеній, выражающихъ національное наше сочувствіе, увѣренность въ себѣ и готовность жертвовать всѣмъ по первому слову Монарха. Многіе изъ нихъ ходятъ по рукамъ и имѣютъ неоспоримое художественное достоинство. Предлагаю для примѣра, читателямъ Пантеона одно изъ такихъ, подъ названіемъ:

ВОСПОМИНАНІЕ О СЛАВѢ РУССКАГО ОРУЖІЯ

въ 1828 и 1829 году. *

За честь Россіи шли мы дружно,
Побѣда намъ была вѣрна,

* Кушеты изъ патриотическаго водевиля 1829 года.

Отъ насъ далеко вѣтеръ южный
Ледяяъ наши знамена.

Ни горы дикаго Кавказа,
Ни Грузіи палящій зной,
Ни мусульмане, ни зараза
Не воротили насъ домой.

Впервые Русскаго солдата
Балканъ надменный увидалъ,
Святые берега Евфрата
Впервые русскій занималъ.

Гдѣ надъ землею едва рожденной
Намъ пышно первый день разцвѣлъ,
Тамъ горстью Русскихъ занесенный
Напомнилъ Римлянъ нашъ Орёлъ

Я видѣлъ Карсъ, гдѣ свистъ картечный
Сулилъ могилы намъ однѣ,
Гдѣ Русскіе пошли безопасно
По мосту страшному къ стѣнѣ.

И гдѣ усыялъ врагъ готовый
Рядами пушекъ высоту,
Гдѣ новый шагъ велъ къ смерти новой,
Мы пѣли: «По посту мосту.»

И слышны были пѣсни эти
Въ Адрианопольскихъ лугахъ:
Тамъ полумѣсяцъ на мечети,
Тамъ наши ружья на стѣнахъ.

Тамъ кончились труды похода;
Но скажутъ слово, мы пойдѣмъ,
И пѣсню Русскаго народа
Въ стѣнахъ Царьграда запоёмъ.

Нѣз новыхъ изданій, любопытныхъ и интересныхъ въ настоящее время, когда общее вниманіе обращено на Востокъ, людямъ, не получающимъ газеты и желающимъ слѣдить за ходомъ всѣхъ событій, въ систематическомъ порядкѣ, можно указать на Сборникъ извѣстій, относящихся до настоящей войны, издаваемый г. Путиловымъ. Сборникъ этотъ имѣетъ цѣлю представить въ совокупности всѣ дѣла нынѣшней войны, быть живой современной исторіей, служить отголоскомъ чувствъ народа и составить портфель портретовъ, плановъ, политапажей, достопримѣчательнѣйшихъ мѣстностей. Цѣль Сборника указана и руководима мыслью, что и въ отдаленныхъ углахъ Россіи, русскіе, въ семейномъ кружку, съ гордостью и радостью прочтутъ великія и славныя страницы, которыми Государь украшаетъ исторію своей вѣрнопобезной Россіи. Имена отличившихся съ уваженіемъ будутъ повторяться во всѣхъ концахъ обширной Руси, запечатлѣются въ народной памяти; отцы, матери, братья и сестры героевъ будутъ искать въ Сборникѣ именъ, близкихъ ихъ сердцу, порадуются царскими милостями и возгордятся, если родная ихъ кровь будетъ пролита за Вѣру, Царя и Отечество. Двѣ книги этого любопытнаго Сборника, состоящаго изъ шести отдѣловъ, уже готовы съ портретами князя Меншикова, князя Воронцова и съ двумя планами сраженій на Синопскомъ рейдѣ и взятіе парохода Первасъ—Бахри. Кромѣ этихъ портретовъ приготовлены издателемъ г. Путиловымъ слѣдующіе, искусными художниками исполненные портреты: князя Горчакова, Андроникова, Сакена, Лидерса, Баумгартена, Соймонова, Хрулева, Баговута, Даненберга, Гуріеля, Нахимова, Новосильскаго, Корнилова и маіора Петрова, поднятаго на штыкахъ вмѣстѣ съ лошадыю и, какимъ-то чудомъ избавившагося отъ вѣрной смерти. Чтобы имѣть самыя вѣрныя изображенія, издатель вошелъ въ сношенія съ Тифлисомъ, завелъ тамъ корреспондентовъ, которые высылаютъ ему дагеротипы всѣхъ лицъ чѣмъ-либо особеннымъ себя ознаменовавшихъ. Умѣренная цѣна, назначенная издателемъ, 7 руб. 50 коп. сер., съ пересылкою 9 руб. сер., можетъ быть доступна очень многимъ, и нѣтъ сомнѣнія, что это патріотическое изданіе найдетъ многочисленныхъ подписчиковъ.—Сколько подвиговъ отдѣльной храбрости, разбросанныхъ на страницахъ различныхъ газетъ, которые бы истребились изъ памяти, со временемъ будутъ сохранены этимъ Сборникомъ!

Сказавъ о любопытномъ, закончимъ этотъ отдѣлъ Петербургскихъ новостей извѣстіемъ о вновь Высочайше утвержденномъ уставѣ Компаніи русской лѣсной торговли на акціяхъ. Благая мысль объ этомъ учрежденіи, равно полезномъ и для богатыхъ, и для недостаточныхъ, принад-

лежитъ инженеръ-капитану С. Е. Анненкову. Желая основательно изучить отрасль лѣсоводства и лѣсовѣдѣнія, г. Анненковъ во время долговременнаго путешествія своего по Германіи, Швейцаріи, Италіи, Франціи, Англіи и Бельгіи вполне посвятилъ себя избранной имъ спеціальной цѣли, заслужилъ одобреніе извѣстѣйшихъ европейскихъ лѣсовѣдовъ, Смаліана, Котта, Фейля, Фейсмантеля, Гартига, Парода и многихъ другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта полезная компанія, имѣющая цѣлю обезпечивать по самымъ дешевымъ цѣнамъ лѣсомъ и дровами въ части Россіи, преимущественно же столицы и большіе города, и препятствовать неправильной порубкѣ лѣсовъ, найдетъ себѣ сочувствіе публики, если обратитъ вниманіе на то, какъ уничтожались досихъ-поръ лѣса, этотъ главный источникъ нашего народнаго благосостоянія, и какъ иногда цѣнность ихъ вдругъ возвышалась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ ихъ истощенія. Въ Россіи считается подъ лѣсомъ 180 милліоновъ десятинъ; лѣса малолюдныхъ уѣздовъ: Архангельской, Вологодской и Олонекской губерній составляютъ половину всего лѣснаго пространства Россіи, а число жителей $\frac{1}{40}$ часть народонаселенія всего государства. Въ Бѣлорусскихъ и Литовскихъ губерніяхъ лѣса чрезвычайно истощены, особенно въ мѣстахъ, ближайшихъ къ сплавнымъ рѣкамъ. Лѣсной торгъ въ этомъ краѣ, нѣкогда покрытомъ обширными лѣсами, угрожаетъ въ настоящее время совершеннымъ истощеніемъ этого источника въ помѣщичьихъ земляхъ. Южная Россія покрыта безлѣсными степями; по берегамъ Чернаго моря, кромѣ нѣкоторыхъ частей Крыма и въ мѣстахъ, лежащихъ по Днѣстру, вовсе нѣтъ лѣсовъ; весь обширный край между Днѣстромъ и Дономъ, заключающій въ себѣ губерніи: Херсонскую, Полтавскую, Екатеринославскую и землю Войска Донскаго, терпитъ недостатокъ въ лѣсѣ. Въ Астраханской и Саратовской губерніяхъ и въ Кавказской области значительное пространство, по большей части, занимаютъ безлѣсныя равнины. Правительство наше неуспѣшно заботясь объ улучшеніи лѣснаго хозяйства въ Россіи, часто встрѣчаетъ затрудненіе не только въ правильномъ распредѣленіи лѣсовъ, но даже и въ отвращеніи дальнѣйшаго ихъ истребленія, потому что устроиваемыя, по правиламъ лѣсоводства, казенныя лѣсныя дачи, лежатъ преимущественно въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, призывающихъ лѣсомъ, тогда какъ западный край Россіи, наиболѣе нуждающійся въ пособіи лѣсоводства, находится почти исключительно въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ, которые, иногда по безпечности, иногда по недостатку средствъ къ охраненію, а часто и въ видахъ полученія болѣе высокой прибыли, позволяютъ своимъ крестьянамъ пользоваться лѣсомъ не-

ограниченно, или что еще хуже, стараясь выручить отъ продажи въ скорѣйшее время наибольшую сумму денегъ, обращаются къ лѣсопромышленникамъ, которые истребляютъ все имъ годное, нимало не заботясь о гибельныхъ послѣдствіяхъ такого оустошенія. Это испытали всѣ помѣщики, сколько-нибудь заглядывавшіе въ свои лѣсныя владѣнія, не полагаясь на однѣ слова своихъ управляющихъ и старость.

Лучшее, и можно сказать единственное средство, чтобы уравнивать количество вырубокъ въ лѣсенныхъ и малолѣсныхъ губерніяхъ, а равно и для доставленія необходимаго сбыта лѣсу въ первыхъ и огражденія отъ истребленія его во вторыхъ, представляется въ учрежденіи Компаніи Русской лѣсной торговли, имѣющей назначеніемъ—содѣйствовать стройному развитію лѣсной торговли и промышленности въ Россіи, къ общей выгодѣ частныхъ лицъ и въ видахъ пользы государственной, не препятствуя никому производить ее на общемъ основаніи. Для достиженія этой цѣли, компанія, составивъ чрезъ выпускъ акцій значительный капиталъ въ 4,000,000 р. сер., употребить его на покушку лѣсныхъ дачъ, правильное устройство ихъ, на заведеніе лѣсныхъ магазиновъ, дворовъ, складочныхъ мѣстъ и различныхъ лѣсотехническихъ заводовъ, на улучшеніе способовъ лѣснаго транспорта, на постройку судовъ и на открытіе сбыта всѣмъ лѣснымъ матеріаламъ, продуктамъ и издѣліямъ, какъ внутри Россіи, такъ и за границу. Такимъ образомъ, мало по малу, начнетъ водворяться у насъ систематическая разработка лѣсовъ на обширныхъ пространствахъ. Лѣса, устроенные по правиламъ лѣсоводства, приближенные такъ сказать, новыми удобствами доставки къ потребителямъ, станутъ окупать съ избыткомъ капиталы, употребленные на ихъ устройство, находя постоянный сбытъ каждому сорту деревъ и различнымъ лѣсотехническимъ продуктамъ, какъ то: поташу, терпентину, дегтю и т. п. для добыванія которыхъ истребляются въ настоящее время лучшія насажденія лѣсовъ, между тѣмъ, какъ при хоршемъ устройствѣ лѣсной промышленности, они получатся въ достаточномъ количествѣ изъ теряющихся нынѣ частей деревъ. Изъ множества мелкихъ лѣсныхъ дачъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, которыя отдѣльно взятыя, какъ не заслуживающія вниманія, погибли бы одна за другою, въ слѣдствіе неправильныхъ порубокъ, составятся, подѣ въдѣніемъ компаніи, значительные будутъ хорошо разсортированы и обезпечатъ навсегда мѣстныя въ нихъ потребности. Этими и подобными мѣрами оградятся въ Россіи отъ истребленія лѣса частныхъ владѣльцовъ, чего при всемъ стараніи не достигли донынѣ еще ни въ одномъ государствѣ. Однимъ словомъ то, что неудобноиспол-

нимо для частныхъ промышленниковъ, компанія осуществить въ выгодныхъ оборотахъ правильной торговли. Понятно, что дѣйствуя въ кругу столь обширномъ и предположивъ себѣ достиженіе многихъ отдѣльныхъ, къ одному концу приравненныхъ цѣлей, компанія не можетъ, съ начала существованія своего, совершить ни даже предпринять всего, разомъ. Самое стремленіе ея къ конечной цѣли должно соблюдать ту необходимую послѣдовательность, которая заключается въ сущности дѣла и въ возрастающихъ по времени средствахъ ея. Потому, дѣйствуя осторожно, компанія открываетъ свои дѣйствія съ весьма значительнымъ капиталомъ, и будетъ распространять ихъ по мѣрѣ увеличенія средствъ, что дастъ ей возможность зрѣло обсудить свои предпріятія и заблаговременно приискывать надежныхъ людей, для приведенія ихъ въ исполненіе. Нѣтъ сомнѣнія, что такими мѣрами эта новая компанія найдетъ возможность составить со временемъ для этого дѣла, основательнаго и прибыльнаго въ лѣсной торговлѣ, значительный капиталъ.

Вотъ почти все, что можно сообщить читателямъ Пантеона за нынѣшній мѣсяць, за исключеніемъ концерта г. Франкенштейна, о которомъ будетъ сказано въ будущей разѣ.

Область моды. Это царство прихоти, вкуса, роскоши, кокетства остается непричастнымъ ничему, что происходитъ вокругъ него, и по прежнему идетъ своимъ путемъ. Одинъ вымыселъ смѣняетъ другой, одинъ капризъ уступаетъ мѣсто другому, и иглы и утюги художниковъ и художницъ костюма работаютъ безъ отдыха и устали. Дамы по-прежнему восхитительны и нарядны, и даже вдвое наряднѣе, чѣмъ когда-либо. Способъ выказать весь ихъ вкусъ, умѣнье принарядить себя

Тафтицей, бархатцемъ и дымкой...

онѣ имѣли въ этотъ послѣдній мѣсяць въ концертахъ и живыхъ картинахъ. Изъ костюмовъ, появившихся въ это время, замѣчательнѣйшіе слѣдующіе:

ПЕРВЫЙ НАРЯДЪ. Прическа à l'Eugénie, съ бархатною сѣткою, оканчивающеюся около косы, страусовыми перьями. Платье à la Помпадуръ, атласное, съ кофтой, внизу зубчатую. Рукава до локтя. Юбка въ три тюники, изъ которыхъ каждая, равно какъ и рукавчики, низъ

и наплечная часть кофты обшита небольшими бѣлыми страусовыми перьями. Кофточка на груди скрѣплена двумя большими бантами изъ атласныхъ лентъ. Такіе-же банты находятся и на передней части рукавовъ. Никакихъ украшеній, кромѣ двухъ нитокъ жемчугу, вмѣсто браслетъ. Костюмъ великолѣпный, но чрезвычайно цѣнный. Другой, гораздо скромнѣйшій, который легко можетъ замѣнить его, слѣдующій:

ВТОРОЙ НАРЯДЪ. Наколка изъ мелкихъ цвѣтовъ и висячей зелени. Платье гласе. Корсажъ съ мыскомъ и короткими рукавчиками, весь украшенъ розовой гирляндой, ниспадающей даже на юбку. Юбка состоитъ изъ трехъ косыхъ тюникъ, такъ, что съ лѣваго бока онѣ короткія, а съ праваго длинныя. Съ лѣвой стороны каждая тюника прихвачена букетомъ розъ съ зеленью. По одной браслеткѣ на каждой рукѣ и маленькій вѣеръ—дополняютъ уборъ.

ТРЕТИЙ НАРЯДЪ. Для утреннихъ концертовъ и выѣздовъ. — Шляпка—смѣсь атласа, кружевъ и перьевъ: все въ самой фантастической перетасовкѣ. Ленты у шляпки чрезвычайно широкія. Платье изъ чернаго моара или затканной матеріи. Кофта чрезвычайно длинная, въ родѣ визитки, съ талією. Низъ кофты зубчатый, какъ равно отвороты ея и рукава. Зубцы обшиты атласною лентой. Напередѣ кофта въ двухъ мѣстахъ перехвачена атласными бантиками. Юбка съ однимъ воланомъ, начинающимся тотчасъ-же подъ кофтою и также зубчатымъ. Внизу юбки нашиты изъ атласной ленты зубчатые фестоны. Подрукавники кисейные, очень широкіе, полуздернутые, оканчивающіеся двумя рядами англійскаго шитья. Золотые часы съ цѣпочкою—отъ моднаго Петербургскаго часовщика Рейма. * Перчатки подъ цвѣтъ лентъ на шляпкѣ.

ЧЕТВЕРТЫЙ НАРЯДЪ. (Для того-же употребленія.) Шляпка изъ неразрѣзнаго бархата, отдѣланная мелкимъ кружевомъ. Платье шелковое; кофта съ легко-означенной талією, круглая, напередѣ совершенно открытая. Рукава спереди достигаютъ только до сгиба руки, сзади они немного пониже локтя. Вся кофта кругомъ обшита широкой полушелковой, полу-бархатной лентой. Спереди, съ каждой стороны, и на разрѣзахъ рукавовъ по широкому атласному банту. Юбка гладкая, только отъ пояса до подола, она украшена въ два разбѣгающіеся напередѣ ряда, бантами изъ атласной ленты. Подрукавники открытые, вышитые. Шемизетка пюенная, до самой шеи, гдѣ оканчивается отложнымъ вышитымъ воротничкомъ.

* На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Рогова.

Мужчины стали носить весенніе венгерскіе пальто, съ стоячимъ воротникомъ, отороченные мѣхомъ или мѣхообразнымъ плюшемъ, а иногда сибирскимъ котикомъ. Воротникъ и обшлага также мѣховые. Все пальто, начиная отъ самой шеи и до низу украшено по-венгерски шнурами, которыми и застегивается. Это родъ прежней венгерки. Рукава по-прежнему носятъ широкіе. Шляпы прямыя, съ плоскими полями, не слишкомъ большими. Панталоны внизу очень узкіе, съ лампасами. Вообще, въ мужской одеждѣ замѣчается болѣе солидности; пестрота рѣшительно изгнана и считается теперь признакомъ безвкусія. За то сюртуки и модные пальто безобразны до-нельзя: они доходятъ почти до самыхъ пятъ, талію имѣютъ высокую и сзади разрѣзъ отъ пуговицъ до низу, такъ что, когда путешествуешь франтъ, то невольно вспоминаешь русскую пѣсню:

Какъ шель, прошелъ дѣтина,
Голубой на немъ кафтанъ,
Пола машутся, раздуваются... и проч.

Эту моду французы переняли у друзей своихъ, англичей, а у насъ то ее, вѣроятно, кромѣ записныхъ франтовъ-англомановъ или ходячихъ модныхъ вывѣсокъ—никто не перейметъ.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

Еще Рашель, — Митнія pro и contra — Русскій театр. — Содержаніе комедіи «Бѣдность не порокъ.» — Благотворительный концертъ. — Картина Синопскаго сраженія. — «О позанъ», сочиненіе Аристотеля — въ переводѣ г. Ордынскаго. — Митнія Лессинга объ Аристотелѣ. — «Раугъ», сборникъ г. Сушкова. — «Проѣздъ черезъ Ковно.» — Новинское на масляницѣ. — Канцертиные гости.

Вы, вѣроятно, угадываете, что я опять начну мой вѣстникъ съ Рашели и съ ея огромнаго успѣха. Въ сферѣ искусства въ послѣднія недѣли сезона она болѣе всего интересовала образованный и мыслящій кружокъ нашего города. Съ каждымъ представленіемъ, съ каждою новою ролью, Рашель пріобрѣтала себѣ и восторженныхъ поклонниковъ, и строгихъ цѣнителей. Въ гулѣ похвалъ и громѣ рукоплесканій слышались иногда (и къ чести Москвы, надобно сказать, очень не рѣдко) и невыгодные отзывы... Для любителей старой декламациі, для любителей классическихъ стиховъ пребываніе Рашели въ Москвѣ такая счастливая эпоха, что воспоминаніе объ ней изгладится не скоро. Впечатлѣніе, произведенное ея игрою на многихъ дѣйствовало довольно сильно, но за то другіе, не смотря на моду, на громкое, во Франціи отчеканенное имя, на восторги кругомъ, никакъ не могли подчиниться общему обаянію этого своеобразнаго таланта. Но чѣмъ выше талантъ, тѣмъ менѣе оцъ имѣеть нужды въ похвалахъ, чѣмъ выше поставленъ артистъ, тѣмъ дороже для него искреннее мнѣніе...

Рашель играла въ первый разъ 27-го января. Большая часть театра была обонирована: ложи разобраны за мѣсяцъ до ея пріѣзда; потомъ достать билета нельзя было на вѣсь золота; прибавили два ряда креселъ, заняли оркестръ, а мѣсть все недоставало. По первому спектаклю можно было уже судить и о публикѣ, и объ интересѣ, который возбуждаетъ артистка. За полчаса до представленія зала была полна зрителями, одни съ тревожнымъ ожиданіемъ спѣшили познакомиться съ громкою заграничною славой, другіе хотѣли провѣрить прошедшія впечатлѣнія; партеръ былъ оживленъ, любопытство было сильно затронуто. Завѣса взвилась, вотъ показалась Федра, истомленная сокрушающею страстію; все вниманіе устремлено на сцену; Рашель начинаетъ читать—всѣ обращаются въ слухъ; въ залѣ водворяется тишина. На партеръ, непривык-

шій къ неестественности классическихъ трагедій, ея пѣвучая дикція производитъ впечатлѣніе странное, почти непріятное... Всѣхъ поражаетъ и ея сильный голосъ, и ея размашистый жестъ... но, по мѣрѣ того, какъ зритель привыкаетъ къ новому для него зрѣлищу, въ партерѣ показывается сочувствіе; сцена съ Ипполитомъ, гдѣ такъ неподражаемо передана любовь языческой женщины со всѣми ея порывами, возбуждаетъ рукоплесканія; сцена ревности и конецъ IV-го акта производятъ эффектъ. Зритель потрясенъ и мирится нѣкоторымъ образомъ и съ манерой, и со школой, для насъ чуждой и несвоевременной. Кто изучалъ исторію французской драмы, тотъ знаетъ, какъ сильно живутъ во Франціи сценическія преданія: тамъ совершенно освободиться отъ нихъ рѣшительно невозможно. Рашель, представляя древнія трагедіи, не смотря на всю силу своихъ физическихъ выгодъ и на талантъ, платитъ дань школѣ, какъ платила ту же дань Марсъ, играя въ комедіяхъ Мольера и Мариво. Въ классическихъ трагедіяхъ удивительно мастерство, съ которымъ Рашель умѣетъ воспользоваться самыми бѣдными данными. Знакомая сцена, извѣстный стихъ, при ея дикціи получаютъ и новую силу, и прелесть. Оно и не мудрено: природа богато надѣлила эту богатую натуру; лицо ея способно передавать всѣ малѣйшіе оттѣнки рѣзкаго чувства. Мимика, поза и слово находятся у нея постоянно въ стройной гармоніи... но самое это искусство или *искусственность*, если угодно, доведенная до возможнаго совершенства, имѣетъ свои границы, которыхъ переступать не должно. Первое представленіе Федры не вполне удовлетворило насъ: Рашель слишкомъ много играла своими средствами, слишкомъ торопилась выказать всѣ стороны своего таланта; въ Парижѣ она играла эту роль несравненно воздержнѣе, и была лучше. Третьимъ актомъ Маріи Стюартъ она произвела больше впечатлѣнія, хотя роль несчастной королевы, очень невѣрно созданная, далеко не лучшая роль ея разнообразнаго репертуара. Безъ обстановки, безъ поддержки, въ переводной пьесѣ она одна выносила пьесу на своихъ деликатныхъ плечахъ. Роль Полины очаровала всѣхъ. Тутъ много прелести и граціи, много художественности. Камилла произвела совершенный фуроръ. Здѣсь апогея ея игры, и кто знаетъ, не апогея ли самого искусства, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его Рашель. Камилла, Герміона, Электра и прежде были ея лучшими ролями; но никогда она не производила такого впечатлѣнія, какъ во второе представленіе «Горация» въ Москвѣ. Это было что-то выходящее изъ обыкновеннаго порядка... она превзошла сама себя. Я умалчиваю о *Венеціанской актрисѣ* и объ *Андріеннѣ Лекуверрѣ*; въ этихъ драмахъ великая трагедіянка ниже самой себя... ей тѣсно въ простыхъ, естественныхъ положеніяхъ жизни, ея игра должна сжиматься. Для

меня лично, въ Лекуврёръ лучшая сцена не послѣдняя, изъ которой вносишь какое-то физическое страданіе, а сцена 2-го дѣйствія, сцена съ Морицомъ, полная простоты и граціи. Я люблю Рашель въ римской одеждѣ, не въ живыхъ, а въ идеальныхъ лицахъ, въ страстяхъ большаго размѣра, такъ сказать, перелитыхъ черезъ край. Хотѣлось бы видѣть ее въ Леди Макбетъ, въ Кассандрѣ и въ другихъ роляхъ, созданныхъ великими мастерами всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Но до сихъ поръ современные французскіе поэты очень мало сдѣлали для средствъ и свойства таланта этой замѣчательной женщины: Виргинія, Лукреція—и только. Я не говорю о комедіяхъ и *пословицахъ*, все это хорошо для таланта новѣйшей натуральной школы, но талантъ Рашели *hors ligne*. А во Франціи были поэты, постигавшіе древнюю красоту и умѣвшіе передавать стихами то, что въ ней истинно высоко. Одинъ изъ лучшихъ между ними Казимиръ Делавинь.

Этотъ поэтъ могъ бы перевести превосходными стихами трагедію Эсхила или трагедію Софокла, и тогда-бы мы увидѣли, что Рашель сдѣлаетъ изъ такой пьесы.

Но довольно о Рашели, я не разбираю ея игру, я высказалъ только нѣсколько мнѣній, общихъ и извѣстныхъ. Никто не сомнѣвается, что эта артистка составила эпоху въ исторіи французскаго театра, и что имя ея въ лѣтописяхъ сцены будетъ красоваться наравнѣ съ именами Лекёна, Тальмы, Дюшенуа и Жоржъ. Для насъ, у которыхъ классическая трагедія была чуждымъ, прививнымъ элементомъ и не могла оставить преданій въ свѣжемъ, самобытномъ, трезво-развивающемся искусствѣ, Рашель всегда будетъ имѣть значеніе относительное и останется—анахронизмомъ.

Спустимся въ другую сферу, перейдемъ къ вечернимъ спектаклямъ.

Послѣднее время театръ наполняется и утромъ и вечеромъ; до объѣда является одна публика, вечеромъ другая; то Рашель съ произведеніями напудренныхъ и раскрашенныхъ поэтовъ, то наши артисты съ новыми русскими пьесами. «*Разставанье*» и «*Бѣдность не порокъ*» пользовались особеннымъ успѣхомъ, хотя литературныя достоинства ихъ далеко не одинаковы. Одна пьеса обязана успѣхомъ обстановкѣ и содержанию, взятому изъ русскаго народнаго быта, другая имѣетъ и внутреннюю достоинства. Жаль, что г. Островскій упорно привязался къ одному кружку и почти къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, т. е. идетъ по *одной линіи и вертится около одной точки*. Въ новой комедіи этого писателя на сценѣ опять купцы, прикащики и *tutti quanti*. Два брата, купцы Гардей и Любимъ Торцевы, наследовавъ имѣніе своего родителя, разошлись въ разные стороны. Одинъ началъ торговать въ уѣздномъ город-

къ и разбогатѣлъ, другой отправился въ Москву и, проживъ все состояніе, дошелъ до нищеты. Бѣдный, оборванный Любимъ Торцевъ, приходитъ просить помощи у родственнаго чувства и, разумѣется, ничего не находитъ, кромѣ упрековъ и брани; его стыдятся, его выгоняютъ. Молодой прикащикъ, человѣкъ грамотный, добрый и влюбленный въ дочь хозяина, приютилъ бѣднягу и далъ ему денегъ *опохмѣлиться*. Святки. Въ домѣ богатаго купца начинаются игры и пѣсни, являются ражение, съ ними медвѣдь и коза. Между гостями есть и пьяный купеческій сынѣкъ, и старикъ Коршуновъ, московскій фабрикантъ, котораго Гардей Торцевъ прочитъ въ мужа своей дочери. Хитрый старикъ, умѣвшій овладѣть умомъ разбогатѣвшаго торговца, старается прельстить и молодую дѣвушку; но старикъ поетъ одно, а молодость говорить другое. Старуха мать и вся родня противъ неровнаго брака; но всѣ они люди безъ голоса, привыкшіе повиноваться, а не разсуждать; поэтому бракъ готовъ состояться, какъ вдругъ является пропившійся дядюшка и разстроиваетъ бракъ, выгоняя гостей и обличая, въ неясныхъ фразахъ, безчестный нравъ Коршунова. Старики ссорятся. Коршуновъ отказывается отъ руки Любви Гардеевны, а растроганный родитель, сперва по капризу, а потомъ и по убѣжденію, выдаетъ ее за бѣднаго прикащика. Окончаніе поучительное, но неправдоподобное. Комедія, кромѣ вводной сцены съ медвѣдемъ и козою, хорошо задумана и прекрасно выполнена нашими актерами. Лучшее лицо пьесы Любимъ Торцевъ; оно рельефно и истинно. Г. Садовскій выполняетъ эту роль съ замѣчательнымъ совершенствомъ. Между переводными пьесками очень была замѣчена комедія-водевиль г. Тарновскаго: «Какъ аукнется, такъ и откликнется.» Въ пьескѣ двѣ хорошія роли, одну играетъ г. Щепкинъ, другую г. Шумскій. Въ бенефисѣ г. Щепкина поставили на сцену «*Моцартъ и Сальери*,» Пушкина. Ни прекрасные стихи, ни громкое имя поэта не спасли этотъ драматическій отрывокъ отъ паденія, впрочемъ, и исполненіе было слабо до-нельзя.

Последнее время театръ нашъ былъ богатъ новостями, а городъ балами. Подъ конецъ зимняго сезона танцеванія овладѣла всею: вездѣ балы да вечера, балки да вечеринки: танцуютъ подъ оркестръ Сакса, танцуютъ подъ оркестръ Эрлангера, подъ фортепяно, подъ органъ, танцуютъ вездѣ, гдѣ есть только просторная зала, удобный полъ и молодые люди въ бѣлыхъ перчаткахъ. Концерты начинаются, и концертанты съѣзжаются къ намъ со всѣхъ сторонъ. Увы, сколько нынѣшнюю зиму будетъ обманутыхъ надеждъ и пустыхъ концертовъ!.. На дняхъ былъ благотворительный концертъ съ Рашелью. Аматеры пѣли, играли на фортепяно, а Рашель декламировала сцену 4-го акта изъ *Виргиніи*

и спеву изъ Мизантропа. Вечеръ окончился народнымъ гимномъ: Боже, Царя Храни, который былъ повторенъ по требованію публики. Зала Благороднаго Собранія была полна. Картина Синопскаго сраженія, выставленная для публики, привлекаетъ большое число посѣтителей, картина не замѣчательна, но она сильно говоритъ патриотическому чувству, а гдѣ-же этому чувству и быть такъ развиту, какъ не въ сердцѣ Россіи?..

Теперь, когда по поводу Рашели все заговорили объ искусствѣ, очень кстати явилась книга г. Ордынскаго: «*О поэзій*», сочиненіе Аристотеля. Книга г. Ордынскаго—ученое сочиненіе, написанное для полученія степени магистра. Имя г. Ордынскаго не въ первый разъ является въ печати. Статьи этого замѣчательнаго эллиниста въ продолженіе пяти лѣтъ печатались въ различныхъ журналахъ и всегда читались съ живымъ интересомъ, (кромѣ, разумѣется, неудачнаго перевода Иліады, напечатаннаго въ Отечеств. Запискахъ.) Въ нихъ для большинства читателей было высказано много новаго и высказано специалистомъ, на мнѣніе котораго можно положиться. Но оставимъ прежніе труды почтеннаго автора и обратимся къ піитикѣ Аристотеля, которую онъ намъ перевелъ, изложилъ и объяснилъ.

Въ литературѣ есть писатели и сочиненія, пользующіяся большою извѣстностью только по имени, близко же знакомы съ ними немногіе. Кто не слыхалъ про Гомера, Овидія, Аристотеля, Платона, Данта, Петрарку, Клопштока и пр? Слышали объ этихъ поэтахъ и философахъ все образованные люди, а читали ихъ немногіе, а если и читали, то большею частію въ школахъ ex officio, а такого чтенія недостаточно. Добросовѣстные переводы произведеній, признанныхъ вѣками за образцовые, обогащаютъ литературу и остаются ея капитальнымъ пріобрѣтеніемъ. Каждому нельзя заниматься древними языками и древнею литературой; обязанность ученыхъ знакомить читателей съ произведеніями, распространяющими въ массѣ читателей вѣрныя понятія и объ искусствѣ, и объ наукѣ. Выборъ, сдѣланный г. Ордынскимъ, очень удаченъ: его книга не останется въ замкнутомъ кругу, а разоидется между образованными читателями.

Всякое искусство имѣетъ свои вѣчные и непреложные законы, противъ которыхъ безсилны и современный вкусъ, и современное направленіе. Искусство можетъ блуждать, уклоняться отъ своихъ законовъ; но рано или поздно опять къ нимъ возвращается. Въ 1768 году Лессингъ въ Гамбургской Драматургіи писалъ о Піитикѣ Аристотеля слѣдующія строки: «Если я не ошибаюсь въ сущности драматическаго искусства, то потому, что признаю его совершенно такъ, какъ вывелъ

Аристотель изъ безчисленныхъ образцовъ греческой сцены. О происхожденіи, объ основаніяхъ пштики я имѣю свое собственное мнѣніе, которое теперь, не пускаясь въ подробности, выразить не могу. Но нисколько не колеблюсь признаться—пусть смѣются надо мною въ эти просвѣщенные времена, что я считаю ее непогрѣшимымъ произведеніемъ. Основанія ея истины и вѣрны, только не такъ понятны, и потому особенно, что они подвержены кривому толкованію. Особенно, во всемъ, что касается трагедіи, я берусь несомнѣнно доказать, что она не можетъ отступить ни на шагъ отъ Аристотелевой мѣрки, не удалясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ своего совершенства.» При составленіи критическаго обзора, молодой ученый пользовался сочиненіями Дюнцера, Гартунга, Раумера и Эгжера, и очень заботился о чистотѣ и ясности изложенія самаго текста. Вотъ, что говоритъ онъ о своемъ переводѣ. «Въ переводѣ главное вниманіе обращалъ я на возможно-точное выраженіе не только мыслей Аристотеля, но и оттѣнковъ ихъ.»—Къ тексту приложены необходимыя объясненія. Предѣлы нашего Вѣстника не позволяютъ помѣстить подробный разборъ книги г. Ордынскаго; но мы увѣрены, что съ нею вскорѣ познакомятся наши читатели поближе. Наше дѣло было указать на сочиненіе о древней поэзіи, какъ на пріятное и полезное приобрѣтеніе.

Неутомимый литераторъ И. В. Сушковъ издалъ еще «Рауть» № 3-й. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ г. Сушковъ издаетъ историческій и литературный сборникъ въ пользу пріютовъ. Прошедшій годъ Рауть не вышелъ, за то теперь лежитъ предъ нами полновѣсная книга въ 500 стр., это сборникъ г. Сушкова за 1854 годъ. Сборникъ состоитъ изъ двухъ частей изъ исторической и литературной. Историческій отдѣлъ наполненъ очень интересными реляціями, письмами и замѣтками; въ литературномъ отдѣлѣ помѣщены рассказы, повѣсти, стихотворенія. *Добротныхъ дателей* очень много. Между ними г-жи Ростопчина, Павлова и Жадовская, гг. Тютчевъ, Бергъ, Миллеръ, Лизандеръ, Колошинъ, Кушперевъ, и пр. и пр. Сборникъ открывается статьею г-жи Драшусовой: «О благотворительныхъ и учебныхъ учрежденіяхъ дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ.» Въ древней столицѣ, гдѣ общественная благотворительность такъ развита, очень много благотворительныхъ учрежденій, но въ понятіяхъ большинства, дѣтскіе пріюты, частныя школы и прочія учрежденія сливаются въ одно; по этому г-жа Драшусова представила исторію этихъ учрежденій и объяснила ихъ цѣль и значеніе. Большая часть книги занята произведеніями самаго издателя; здѣсь помѣщены: его лирическая трагедія *Сафо*, напечатанная въ первый разъ въ 1823 году, очень занимательныя воспоминанія о А. В. Храповицкомъ, его письма и его стихотверенія и «Обозъ къ потомству», юмористическо-

политическая статья, преоригинальная и куріозная до-нельзя. Изъ стихотвореній намъ лучше всего понравилось: «Провѣздъ чрезъ Ковно» Э. И. Тютчева, которое мы и рѣшили выписать:

Ты ль это Нѣманъ величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты, столько лѣтъ, съ такою славой,
Россіи вѣрной часовой?
Одинъ лишь разъ, по волѣ Бога,
Ты супостата къ ней впустилъ—
И цѣлость русскаго порога
Ты тѣмъ на вѣки утвердилъ.

Ты помнишь ли бывшее, Нѣманъ,—
Тотъ день години роковой,
Когда стоялъ онъ надъ тобой—
Онъ самъ—могучій, южный демонъ?
И ты какъ нынѣ протекалъ,
Шумя подъ вражьими мостами,—
И онъ струю твою ласкалъ
Своими чудными очами?
Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли,
—Казалось онъ парилъ надъ ними
И двигалъ всеѣмъ, и все стерегъ
Очами чудными своими!

Лишь одного онъ не видалъ—
Не видѣлъ онъ, ваятель дивный,
Что тамъ—на сторонѣ противной
Стоялъ другой... стоялъ и ждалъ...
И мимо проходила рать...
Все грозно-боевыя лица!
И неизбѣжная десница
Клала на нихъ свою печать!

А тамъ побѣдно шли полки,
Знамена гордо развѣвались,

Стремилась молніей штыки,
И барабаны заливались!..
Несмѣтно было ихъ число—
И въ этомъ безконечномъ строѣ,
Едваль десятое число
Клеймо минуло роковое.

Лирическая сторона Раута представляетъ много хорошаго, даже кромѣ стихотворенія, нами приведеннаго, здѣсь есть прекрасные стихи г. Мея и переводныя пѣсни Берга. Изъ разсказовъ очень легко читается небольшая пьеска г. Колошина. Сборникъ изданъ очень опрятно.

Обратимся опять къ общественной жизни. На масляницѣ, какъ всегда, Новинское было застроено балаганами. Но эта забава падаетъ годъ отъ году, бѣднѣе и рѣжѣ строятся подвижные театры, малочисленнѣе становится толпа. Счастливая пора Новинскаго прошла. Различныя панорамы, косморамы и фокусники очень разсчитывали на карнавалъ; чаще и чаще являются объявленія объ ихъ представленіяхъ. Но въ настоящее время социальное положеніе ихъ очень измѣнилось. Прежде, по приздникамъ, къ нимъ заглядывало иногда юное поколѣніе Москвы, теперь за ними посылаютъ, и за небольшую плату профессора магіи даютъ свои представленія въ домахъ, и дешево и удобно. Артисты высшаго полета тоже собрались въ Москву для музыкальнаго сезона. Къ намъ уже пріѣхали Гг. Чарди, Мортъе-де-Фонтень, Контекіе, г-жа Де-ла-Гранжъ. Пріѣзд послѣдней былъ истиннымъ наслажденіемъ для любителей пѣнія.

КОРРЕСПОНДЕНТЪ.

ВѢСТИ ИЗЪ ВНУТРЕННЕЙ РОССИИ.

Красная пушка. — Саранскія увеселенія. — Открытіе театра въ Симбирскѣ. — Новый театр и клубъ въ Черниговѣ. — Собранія въ Самарѣ и Житомирѣ. — Театральныя, промышленныя и литературныя новости Одессы. — Митавскія ученые новости. — Новое филантропическое заведеніе въ Ригѣ. — Замѣчательное извѣстіе изъ области естественной исторіи. — Змѣиная яма и медвѣжьей корень. — Папорама Кіева во время контрактовъ и крещенской ярмарки. — Лица, лавки, движеніе. — Кіевскій театр. Балетъ. Русская и польская группы. — Спектакли въ Пензѣ.

Семнадцатое января было днемъ особеннаго торжества для Тифлиса. При многочисленномъ стеченіи народа, въ сопровожденіи взвода линійныхъ казаковъ, двухъ ротъ пѣхоты и военной музыки провезли по всѣмъ улицамъ и поставили на платформу главной гауптвахты турецкую красную пушку, почетный подарокъ султана Абдуль-Меджида анатолійской арміи, отбитую нашими храбрыми войсками. Другую такую же пушку султанъ подарилъ балканской арміи. Та пока еще находится въ распоряженіи Омеръ-паши. Красная пушка очень красива, вылита съ искусствомъ и отдѣлана съ замѣчательнымъ тщаніемъ. На казенной ея части слѣдующая турецкая надпись: *«Пушку эту можно назвать Падишахскимъ курьеромъ, громогласно возвѣщающимъ о славу и справедливости Абдуль-Меджидъ-Хана»*, подъ нею султанскій гербъ. Другая надпись гласитъ, что пушка эта вылита въ 1269 г. гиджры, т. е. въ прошедшемъ 1853 году. Не долго же она послужила курьеромъ султана и плохо возвѣщала о славу властителя Порты, возимая на показъ Тифлисскимъ жителямъ! Оковка лафета и передка (ящикъ котораго пробить нашимъ ядромъ) грубы, и не соотвѣтствуютъ тщательности отдѣлки самой пушки. Выкрашена же она въ красный цвѣтъ, въ ознаменованіе того, что пушка султанская: такъ какъ красный цвѣтъ на востокъ принадлежитъ одному падишаху или владѣтельнымъ лицамъ. Она отправляется, по Высочайшему повелѣнію, въ С.

Петербургъ, и, измѣняя своему призванію, возвѣститъ, по совершаемой ею дорогѣ, не о славѣ турецкаго падишаха, а про славу Царя русскаго, про славу русскаго войска, отбившаго у непріятеля знакъ дарованнаго ему отличія. (Р. И.)

Въ Саранскѣ (Пензинской губерніи) устроены благородные спектакли. Помѣщеніе выбрано удобное, сцена достаточная и чистенькая, зала удовлетворительная; есть ложи, кресла, стулья, диваны и лавки. Декораціи не безъ вкуса, о костюмахъ и говорить нечего: вездѣ видна заботливость, которая сдѣлала бы честь всякому директору театра. Представленія начались 10-го января и продолжались до великаго поста. Цѣны мѣстамъ не дешевы, но и не дороги. Комедія Островскаго: «Не въ свои сани не садись», сыграна искусно. Г. Кузминъ, къ довершенію удовольствія публики, представилъ оркестръ музыкантовъ изъ десяти человѣкъ, и поэтому во время антрактовъ въ театрѣ играла музыка. Спектакли эти давались въ пользу бѣдныхъ, и зала театра всегда бывала полна. Кромѣ многихъ водевилей разыграны и дѣтскіе балеты.

Въ Харьковѣ тоже данъ былъ благородный спектакль въ пользу бѣдныхъ, призрѣваемыхъ харьковскимъ благотворительнымъ обществомъ; три русскія пьесы, изъ которыхъ одна комедія «Голубая долина», соч. студента харьковскаго Университета Кокоскина, и одна французская составляли весь репертуаръ.

Давно уже въ Симбирскѣ задумывали устроить постоянный театръ, но эта мысль не многихъ, слабо поддерживаемая обществомъ, едва ли не исчезала съ тою же поспѣшностью, съ какою зародилась. Все какъ-то не ладилось; недоставало человѣка, который бы этимъ серьезно занялся если не для себя, такъ для другихъ. Наконецъ онъ нашелся... Н. П. Шишовъ одинъ совершилъ то, о чемъ такъ долго мечтали другіе. Изъ чего-то въ родѣ балагана, наскоро выстроеннаго, неудобнаго, въ короткое время возникло зданіе, которое смѣло можетъ назваться театромъ. Прошлаго года, въ началѣ сентября начались первыя представленія. Труппа актеровъ сформирована частью изъ артистовъ, отдѣлившихся отъ казанской сцены, частью изъ такихъ, которые впервые рѣшились испытать сценическія свои способности. Особеннымъ расположеніемъ симбирской публики пользуется г. Бергъ, комикъ съ дарованіемъ, принадлежавшій одно время казанской сценѣ, гдѣ оставилъ по себѣ хорошую память, и г-жа Новикова 1-я, тоже изъ Казани, которая съ особеннымъ успѣхомъ играетъ роли старушекъ—нянекъ, мѣщанокъ, деревенскихъ барынь и женщинъ средняго круга. За этими представителями симбирской сцены слѣдуютъ и другіе, которые, въ свою очередь, пользуются благосклоннымъ вниманіемъ публики:

Афанасьевъ, братья Ивановы, г-жа Бергъ, Степановъ и г-жа Новикова 2-я. Труппа, конечно, малочисленна и нуждается въ пополненіи. Не рѣдко бываетъ явный недостатокъ въ артистахъ для комедіи, а о драмѣ ужъ и говорить нечего: она очень слаба. Оркестръ также не совсѣмъ удовлетворяетъ вкусу публики. Съ тѣми удобствами и средствами, какими располагаетъ симбирскій театръ, слишкомъ далеко не уйдешь. Но если примѣръ Н. П. Шипова найдетъ себѣ достойныхъ послѣдователей, тогда, конечно, можно надѣяться, что симбирскій театръ будетъ постоянно улучшаться, на пользу и удовольствіе симбирской публики!

Пріѣзжалъ въ Симбирскъ и балетъ изъ Казани. Дѣвица Люція Шмидгофъ и Балдинъ своими танцами, исполненными легкости и граціи, доставили много пріятныхъ вечеровъ Симбирской публикѣ. Что касается до остальныхъ лицъ балетной труппы, то они во всемъ далеко уступаютъ своимъ представителямъ. Одинъ Татариновъ не дурень, и то въ комическихъ только роляхъ, такъ, напримѣръ, въ Мельникахъ, въ Пери; за то характерные танцы ему вовсе *не по ногамъ*: въ нихъ онъ настоящій труженикъ. 10-го января, въ воскресенье, былъ послѣдній бенефисъ Люціи Шмидгофъ, передъ отъѣздомъ балета въ Казань. Театръ былъ болѣе, чѣмъ полонъ, со всѣхъ сторонъ рукоплесканія слышались на бенефициантку и къ ногамъ ея падали букеты, какіе только могла доставить симбирская флора. Въ этотъ спектакль Люція Шмидгофъ участвовала, кромѣ танцевъ, въ роли Вареньки, въ водевилѣ: «Новички въ любви»; роль эта была сыграна ею мило, натурально; весь театръ аплодировалъ. Люціи Шмидгофъ, въ этотъ вечеръ, отъ имени публики, признательной къ молодому ея таланту, поднесенъ золотой браслетъ съ надписью изъ брильянтовъ.

Въ Черниговѣ жители веселятся безъ устали. Въ одномъ театрѣ, съ 6 декабря по Крещеніе, было пятнадцать представлений. Вообще, прошлый годъ очень памятенъ для Чернигова; въ 1853 году городъ пріобрѣлъ собственное зданіе театра и учредилъ клубъ, съ разрѣшенія г. Министра внутреннихъ дѣлъ. Съ 25 ноября клубъ открытъ ежедневно, съ 6 часовъ вечера, для всѣхъ постоянныхъ своихъ членовъ (числомъ до 70) и для платящихъ за входъ (по 30 коп. сер.). Само-собою разумѣется, что въ черниговскомъ клубѣ есть все, что и во всѣхъ возможныхъ клубахъ, только въ миниатюрѣ. По недавности своей, онъ даже не могъ еще вполне организоваться, тѣмъ болѣе, что все это время мѣшалъ ему театръ. Двухъ развлеченій для города много, а одного мало.

Зданіе театра окончено въ февралѣ прошлаго года. Спектакли на

чались съ масляницы. Сначала дали три представленія любители. Въ день заговѣнья, на Черниговскомъ театрѣ былъ quasi балетъ, выполненный воспитанниками Сиротскаго Дома, подъ руководствомъ Петриковского, назвавшего себя балетмейстеромъ Варшавскаго театра. Вышла пародія—и панъ Петриковскій уѣхалъ въ Нѣжинъ, гдѣ собралъ труппу и пожинаетъ лавры. Лѣтомъ довольно долго забавлялъ публику театръ *Метаморфозъ* изъ восковыхъ фигуръ. Два или три представленія мимико-эквилибрическія далъ на сценѣ извѣстный г. Разими. Наконецъ въ іюлѣ или въ августѣ явился старый знакомый Чернигова, артистъ московскаго театра, Т. М. Домбровскій, съ труппою актеровъ, и началъ постоянныя представленія, до-сихъ-поръ продолжающіяся. Составъ труппы Домбровскаго не великъ: не болѣе 15 лицъ обоего пола; но всѣ они очень трудолюбивы, и публика черниговская достаточно благодаритъ ихъ своими посѣщеніями. Отъ излишне частыхъ представленій, самые спектакли бывають жиденькіе; особенно неприятное впечатлѣніе производять большіе пропуски въ пьесахъ, такъ, что смыслъ ихъ трудно понять, и худое заучиванье ролей, отчего суфлеръ слышенъ прежде актеровъ, и вся пьеса исполняется двойнѣ: въ чтеніи и въ лицахъ. Впрочемъ, есть двѣ знаменитости, по-крайней-мѣрѣ по именамъ, которыя печатаются большими буквами и даже въ каемкѣ: это—актеръ московскаго театра Васильевъ, то есть, не настоящій московскій комикъ С. В. Васильевъ, а братъ его Павелъ, и состоявшій при столичныхъ театрахъ Петръ Самойловъ, тоже, какъ говорятъ, братъ петербургскаго Самойлова. Васильевъ комикъ, правда, довольно порядочный; Самойловъ трагикъ, иногда невольно сносный, но тутъ и оканчивается ихъ громкая слава. 6-го января объявленъ былъ, послѣ спектакля, маскарадъ. Чтобы не позже десяти часовъ открыть его, на сценѣ давали маленькіе водевили, какую-то передѣлку французскую; участвовали въ ней два лица: Васильевъ и г-жа Дробикова, лучшая наша актриса. При окончаніи пьесы, Дробикова подошла къ аван-сценѣ, чтобъ проѣтъ заключительный куплетъ. На ней было какое-то очень легкое платье. По неосторожности она стала близко къ свѣчкѣ суфлера, и вдругъ платье загорѣлось. Въ испугѣ, бѣдняжка съ пронзительнымъ крикомъ бросилась бѣжать за кулисы. Вся публика была поражена; нѣкоторые мужчины бросились прямо на сцену спасать несчастную. Къ счастью, служанка Дробиковой, бывшая за кулисами, нашлась довольно удачно: она набросила на нее большой шерстяной платокъ и быстро ее окутала. Пламя, угрожавшее пожаромъ кулисамъ, было остановлено, но жертва его сильно обожглась. Зрители такъ были тронуты несчастіемъ г-жи Дробиковой, что тотчасъ же составили под-

писку, и около 200 руб. сер. были отосланы чрезъ часъ къ ней на квартиру. Печальный случай съ любимую черниговскою актрисою набросилъ тѣнь и на маскарадъ: онъ былъ вялъ и малолюдень.

(Корреспонд.)

Самарское дворянство открыло въ Самарѣ собраніе, въ которомъ сосредоточиваются почти все зимнія увеселенія этого города. Въ залѣ собранія даются балы и маскарады, каждую среду бывають тамъ семейные танцевальные вечера, и наконецъ тамъ же даются благородные спектакли. 10-го января былъ данъ первый такой спектакль въ пользу учреждаемаго въ Самарѣ дѣтскаго пріюта.

(С. В.)

Почти такое же приобрѣтеніе сдѣлано дворянствомъ Волынской губерніи, которое устроило въ Житомирѣ домъ для Благороднаго Собранія, открытаго въ концѣ прошедшаго года. Тамъ собираются гости четыре раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ съ дамами, а по вторникамъ и субботамъ безъ дамъ. Фельетонистъ Волынскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, по этому поводу, съ большою похвалою отзывается о дамахъ, посѣщающихъ новое собраніе, замѣчая, что онѣ съѣзжаются съ благороднѣйшею цѣлю: работать въ пользу бѣдныхъ, украшая свои занятія блестками ума и любезности.

Въ Вяткѣ недавно давали свои концерты два итальянскіе пѣвца: гг. Джордани и Феррари. О послѣднемъ пѣвцѣ очень неблагоприятно отзываются въ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, и между прочимъ пренаивно упрекають его за то, что онъ все пѣсы, и даже свои родныя аріи пѣлъ постоянно *по раскрытымъ нотамъ*... Мы приводимъ слова мѣстныхъ фельетонистовъ, потому-что они очень характерны.

Въ Одессѣ, какъ и вездѣ, г-жа Андреянова плѣняла публику своими танцами и игрой; особенно понравилась она въ балетѣ «Пахита.» Г. Фридерикъ въ роли Пьетро и Кузнецовъ въ роли Сенъ-Леона были тоже хороши. Но особенное впечатлѣніе произвели хорошенькія танцовщицы коръ-де-балета. Жаль только, что музыка идетъ плохо, впрочемъ, одесскій театръ надѣется, что со временемъ и она будетъ лучше, Вотъ, что пишутъ о г-жѣ Андреяновой изъ Одессы:

«Мимическое искусство есть одно изъ труднѣйшихъ: выразить безъ словъ, одними только взорами и тѣлодвиженіями чувства, волнующія душу, выразить ихъ такъ пластично, чтобъ они сдѣлались доступны понятію каждаго,—вотъ высшая задача мимики. Взоръ, высказывающій чувство и тѣлодвиженіе, придающее, такъ сказать, жизнь выраженію чувства,—вотъ исключительныя два средства, которыми можетъ рас-

полагать мимикъ. Изъ этого видно, какіе тѣсныя предѣлы, какія ограниченныя средства выраженія имѣетъ мимика, и какъ велика сила таланта, покорившаго совершенно своей волѣ и взоръ, и жестъ, и вполнѣ замѣняющаго ими слово. Артисты, сопровождающіе мимикой свою рѣчь, мимикой вполнѣ согласной съ этою рѣчью, полной душевнаго жара и чувства, никогда не могутъ быть сравниваемы съ мимикомъ, въ собственномъ значеніи этого слова: талантъ послѣдняго будетъ всегда выше. Отсюда легко объясняется рѣдкое появленіе талантовъ мимическихъ, между тѣмъ, какъ таланты первыхъ появляются довольно часто. Мимика требуетъ только выраженія, словесное искусство—выраженія и слова. И такъ «безъ словъ сказать много» составляетъ сущность мимическаго выполненія,—умѣнье же выполненія—сущность мимическаго таланта.

«Обратимся къ нашей знаменитой танцовщицѣ Е. И. Андреяновой— Кто не отзывался восторженно о выполненіи ею всѣхъ тѣхъ ролей, въ которыхъ она такъ художественно прекрасна, такъ безукоризненно—художественна; кто, выходя изъ театра, не выносилъ впечатлѣнія самаго отраднаго, впечатлѣнія сильнаго, которое не скоро позабудется, которое не скоро покинетъ душу. И долго, долго еще помнится движеніе, проникнутое граціозностью, долго представляется взглядъ нѣмой, но отъ того не менѣе краснорѣчивый;—и перенесъ бы, кажется, и взглядъ и жестъ этотъ на холстъ, но краски не передадутъ всей прелести, всего очарованія. Помните ли сцену втораго акта изъ Пахиты, когда Пахита предостерегаетъ пришедшаго гостя отъ замысловъ цыгана; помните ли, какъ умоляетъ она его скорѣе удалиться; но входитъ цыганъ,—и кастаньеты громче прежняго гремятъ въ воздухъ, и Пахита быстрѣе носится въ танцъ: признайтесь, не чувствовали ль вы тогда какого-то особеннаго состоянія духа, не пробѣгалъ ли по васъ мгновенно какой-то трепетъ и не вздрагивали ли вы, словно отъ прикосновенія электрической искры?—Уходить цыганъ; Пахита на колѣнахъ передъ пришельцемъ; глухо и рѣдко звучатъ кастаньеты; сколько во взорѣ ея мольбы и вмѣстѣ тревоги; какъ краснорѣчива она въ своемъ безмолвіи, какъ художественна въ своей позѣ! И снова быстрѣе прежняго танцуетъ Пахита, слышавъ шаги цыгана. Но какъ хорошо выражается въ этомъ танцѣ ея притворное веселье, сколько опасенія во взорахъ, и сколько беззаботности въ ея восторженныхъ движеніяхъ! Вотъ минута, въ которую высказывается вся художественность таланта Андреяновой; довольно одной этой сцены, чтобы понять впечатлѣніе, которое можетъ произвести на душу только истинный талантъ.—Но улетаетъ уже отъ насъ наша гостья, и долго, долго будетъ она жить въ памяти Одесситовъ.

«Излишне было бы распространяться въ похвалахъ нашей артисткѣ,

но какъ не выразить восторга, и словомъ не почтить *безмолвія*? Если мы, полные восторга, останавливаемся передъ картиною или статуею художника, и дивимся ихъ творчеству, неужели не произведетъ на нашу душу никакого впечатлѣнія оригиналь, полный жизни, давшій пищу дарованіямъ и живописца и ваятеля? Неужели не проникнется душа бѣльшимъ восторгомъ при взглядѣ на то, что могло пробудить художественное творчество, что могло послужить къ созданію и геніяльнаго рисунка и геніяльнаго изваянія? И Одесса въ восторгѣ дивилась чудному таланту знаменитой танцовщицы, рукоплескала ея появленію на сценѣ, рукоплескала ея воздушнымъ танцамъ, и, когда упалъ занавѣсъ, восторженно вызывала ее, и снова рукоплесканія потрясали театр.»

23-го января въ Одессѣ данъ былъ благотворительный балъ, о которомъ между прочимъ пишутъ слѣдующее:

«Балъ, данный въ Биржѣ въ прошлую субботу, былъ однимъ изъ самыхъ блистательныхъ и многочисленныхъ, какіе когда-либо бывали въ Одессѣ. За успѣхъ напередъ ручалась цѣль бала: доставить вспомошествованіе семействамъ убитыхъ и раненыхъ воиновъ. А Одесса умѣетъ отзываться на подобныя призывы: балъ 23 января доставилъ свыше 6,000 руб. сер. Здѣшнее коммерческое сословіе особенно выразило въ этомъ случаѣ тѣ похвальные чувства, которыя всегда обнаруживаетъ оно въ подобныхъ обстоятельствахъ: многіе изъ членовъ его вносили по 100, другіе по 150, по 200 и по 250 руб. сер. за билетъ. И не удивительно, когда подумаешь, что подобныя приношенія дѣлались для семействъ тѣхъ, о чьихъ подвигахъ мы еженедѣльно читаемъ въ газетахъ.»

Въ Одессѣ, въ магазинѣ Краузе, на Дерibasовской улицѣ, появились въ продажѣ Нахимовскія папирсы. Изыщная пачка, на одной сторонѣ которой изображенъ съ совершенною вѣрностью планъ Синопскаго сраженія, заключаетъ въ себѣ 25 чрезвычайно крупныхъ папирсовъ, крѣпкаго, средняго и легкаго турецкаго табаку, съ клеймомъ Синопъ на каждой штукѣ, и продается по 20, 37½ и 80 коп. сер., смотря по достоинству табака. Благодаря имени, которымъ украшены эти папирсы, ихъ разбираютъ на расхватъ.

Въ Одессѣ вышелъ Новороссійскій Календарь на 1854 годъ съ значительными дополненіями противъ прежнихъ годовъ. Въ четвертомъ его отдѣленіи помѣщены четыре статьи: О вѣншей торговлѣ Новороссійскаго края и Бессарабіи въ 1851 году г. Н. С.—Островъ св. Эверія, Г. Ф. Б.—Одесская лечебница для проходящихъ, д-ра Линка и Статистика Одессы. Эта статья, занимающая всего три страницы, первая привлекаетъ къ себѣ вниманіе читателя. Изъ нея мы видимъ, что въ Одессѣ въ 1852 году жителей было свыше 97 тысячъ (52,732 м.

44,292 ж.); родилось 5,064 (2,457 м. 2,607 ж.), въ томъ числѣ 26 близнецовъ; умерло 4,851 (2,954 м. 1,897 ж.), въ томъ числѣ младенцевъ, недостигшихъ одного года—1,094, отъ 1 до 5 лѣтъ—256, стариковъ свыше 60 лѣтъ—263, отъ 90 до 95 лѣтъ—9, отъ 101 до 110 лѣтъ одинъ. Казенныхъ и частныхъ домовъ и торговыхъ лавокъ въ 1853 году было всего 6,273; изъ всѣхъ этихъ зданій только три деревянные (казенные) дома. Церквей въ Одессѣ 22, не считая домовыхъ и при заведеніяхъ, именно православныхъ 19, римско-католическая 1, лютеранская 1, армяно-григоріанская 1. Казенные доходы по городу въ 1852 году простирались на 2,790,652 руб. 72 коп. Эта любопытная статистическая статья доставлена для календаря г. одесскимъ градоначальникомъ.

Въ митавскомъ Ветеринарномъ Училищѣ на дняхъ происходило защищеніе диссертациі «О породахъ лошадей съ острова Эзеля, г. Вейдеманомъ, ищущимъ степень магистра ветеринарныхъ наукъ. Это еще первая диссертациія въ училищѣ.

Въ Митавѣ же вышла книга: «Эстоно-русскій словарь», составленный по Бунелю Ив. Луинымъ, 250 стр.

Преподаватель рижскаго Института Глухонѣмыхъ, г. Фридрихъ Плацъ, намѣренъ учредить въ Ригѣ врачебное воспитательное заведеніе для тупоумныхъ и слабоумныхъ, и уже получилъ на это разрѣшеніе высшаго начальства.

Вотъ замѣчательное извѣстіе изъ области естественной исторіи, именно: изъ Якобштата (Вазаской губ.) пишутъ: «Недавно нѣсколько чловѣкъ, собирая въ лѣсу олений мохъ, нашли зимовище змѣй, изъ которыхъ нѣкоторыя ползали на глубинѣ двухъ аршинъ отъ поверхности земли. Въ первый день убили этихъ гадюкъ до 180 штукъ. На другой день, народъ уже изъ любопытства собрался на тоже самое мѣсто, и перебилъ тамъ множество змѣй, такъ-что всего убито ихъ до 440. Это извѣстіе отчасти подтверждаетъ неправдоподобный анекдотъ, помѣщенный, не помню, въ какомъ-то журналѣ, о женщинѣ, провалившейся въ змѣиную яму и прожившей цѣлую зиму между змѣями. Почти такой же анекдотъ, только о медвѣдѣ, сообщаютъ намъ изъ Самары.

Жилъ былъ старикъ полѣсовщикъ, Иванъ Толкачъ. Толкачемъ назывался онъ потому, что никакъ угомонилъ съ полтора десятка французовъ въ 1812 году толкачемъ, чѣмъ лень толкутъ. Этотъ Иванъ Толкачъ пошелъ разъ осенью въ лѣсъ пострѣлять, а онъ хорошо стрѣлялъ, зналъ всѣ притоны въ лѣсу, и шелъ туда, гдѣ дичи привадка. Шелъ, шелъ—вдругъ видитъ, огромный медвѣдъ, полъ дубомъ роется и не слышитъ, что чловѣкъ идетъ. Толкачъ струхнулъ: не товарищъ

моль медведь, но не потерялся: какъ крикнетъ, что есть мочи,—медведь вздрѣвалъ да и бѣжать, а изъ лапъ что-то съ испугу выронилъ. Толкачъ подошелъ, посмотрѣлъ, что такое, и видитъ какой-то желтоватый корень; онъ поднялъ его и положилъ себѣ въ карманъ. Идучи домой, вспомнилъ объ немъ: дай моль, попробую, что за корень? Откусилъ, пожевалъ: сладко, понравилось, и ну его ѣсть дорогой, отъ нечего дѣлать. И вообразите, что съ нимъ сдѣлалось. Какъ поѣлъ, такъ и слегъ въ постель—болѣнь не болѣнь, а лежитъ да только пухнетъ веѣмъ тѣломъ; ни ѣсть, ни пить охоты нѣтъ. Да такъ и пролежалъ до самыхъ водъ. А какъ рѣки прошли, куда дѣвалась овухоля: всталъ, какъ ветрепанный, и пошелъ себѣ жить по-прежнему.

Никогда Кіевъ не живетъ такою полною жизнью, пожалуй, похожую на столичную, какъ въ январѣ. Въ это время открываются благородные спектакли въ пользу бѣдныхъ, или дѣтскихъ пріютовъ; пріѣзжаютъ знаменитые артисты, въ театрѣ замѣчаешь новые костюмы на актерахъ, ставятся новыя декорации; о вечерахъ, обѣдахъ приходится слышать каждый день. «Гдѣ вы сегодня обѣдаете, mon cher?»—спрашиваетъ молодой пріятель въ безъукоризненномъ платьѣ другаго пріятеля.—«У графа N.—«А завтра?» у графини X.—«А послѣ завтра?» у господина W. Такъ въ январѣ мѣсяцѣ молодые люди преимущественно живутъ на счетъ семейныхъ. Я не знаю, почему до-сихъ-поръ ни одинъ статистикъ не займется этими выводами, не вычислить: сколько молодые люди потребляютъ различной живности и продуктовъ у семейныхъ людей, выкуриваютъ сигаръ и папирсъ, а это былъ-бы фактъ довольно замѣчательный, особенно для почтенныхъ маменекъ, которыхъ-бы огромная цифра испугала, если бъ онѣ узнали итогъ во что обходится имъ ловля жениховъ... На фонарныхъ столбахъ и на заборахъ часто приходится видѣть приклеенную афишу, голубую, бѣлую, желтую, или пунцовую съ золотыми буквами, особенно послѣднимъ цвѣтомъ отличаются бенефисныя афиши актрисъ. Что же это за веселая пора въ Кіевѣ? Какой сказочный чародѣй, по мановенію магическаго жезла, заставляетъ всѣхъ веселиться въ Кіевѣ? Смотрите: на улицахъ вездѣ народъ; кареты, коляски, лихіе сани несутся на Подоль, опережая другъ друга. Въ Лихахъ народъ, на Крещатикѣ народъ, на Подоль народъ, одинъ только Печерскъ не увлекается общею суматохой: на Печерскѣ тишина на улицахъ, только лаврскіе часы гармонически отбиваютъ четверти, полчаса и часы, и какъ-будто въ ихъ боѣ заключается разумная рѣчь memento mori: «Веселитесь, добрые люди, веселитесь, а думаете-ли вы, что для нѣкоторыхъ насталъ часъ проститься съ землею? Но народъ привыкъ къ этимъ звукамъ, онъ шумитъ, веселится, торопится жить! Онъ слы-

шить на Подоль—тамъ театр Мориса, а главное: тамъ Крещенская ярмарка Всѣхъ больше экипажей стоитъ около контрактнаго дома.

Въ нынѣшнемъ году для нашей ярмарки много удобствъ, много благоприятныхъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, у насъ прекрасная зима, снѣгъ покрываетъ улицы вмѣсто прошлогодней грязи; во-вторыхъ, новый красивый цѣпной мостъ черезъ Днѣпръ доставилъ намъ купцовъ съ товарами ранѣе обыкновеннаго; въ-третьихъ, въ Киевской губерніи былъ урожай хлѣба въ 1853 г. довольно удовлетворительный, значить, надо было ожидать, что помѣщики пріѣдутъ не съ тощими карманами, въ тяжелыхъ рыдванахъ и возкахъ. И дѣйствительно, помѣщиковъ много съѣхалось на ярмарку. На Подоль всѣ квартиры были заняты. Но вотъ толпа на Подоль становится все тѣснѣе, все сжатѣе.

Прислушайтесь къ говору, сколько отчаянія, томленія, неудовольствія выражается въ разныхъ отрывчатыхъ фразахъ.—«Боже мой! вы меня сдавили!»—кричитъ сзади стоящему мужчинѣ одна барышня въ бѣлой шляпкѣ, у которой лицо все открыто по новой модѣ, а помада течетъ по вискамъ.—«Что же дѣлать, madame, меня самого давятъ сзади. Войдите въ мое несчастное положеніе!»

— Но все же съ дамами надо быть поделикатнѣе.

— Душенька, подними немного платье,—кричитъ нѣжная мать своей дочкѣ, а не то оторвутъ подолъ эти неучи!—Дѣвушка краснѣетъ за неожиданныя слова маменьки и тихо шепчетъ: «Полноте, маманъ, услышать, стыдно!» Въ это время бѣлокурый мужчина, какихъ рѣдко встрѣчаешь въ Киевѣ, толкается впередъ, такъ-что онъ успѣлъ ловкимъ маневромъ оставить въ арьергардѣ маменьку, въ авангардѣ пустить дочку, а самъ очутиться въ центрѣ. Но одинъ толстякъ, который свои колѣна, можетъ-быть, видѣлъ въ послѣдній разъ въ 1829 г., положительно взглянулъ на него и, казалось, говорилъ глазами: «Э! молодой человѣкъ, умѣръ свой жаръ!» Бѣлокурый юноша отвернулся отъ толстяка и бросился впередъ стрѣлой, разчищать дорогу для хорошенькой дѣвушки съ матерью. Впереди раздался крикъ предъ неожиданнымъ натискомъ молодого рыцаря, но все-таки толпа раздалась, и юноша своихъ дорогихъ спутницъ ввелъ съ торжествомъ въ контрактную залу. Послѣдуемъ и мы за ними. Вотъ мы поднялись по широкой лѣстницѣ въ верхній этажъ. Налѣво продаютъ картины, и сколько тутъ всегда бываетъ покупателей и зрителей! Вотъ этотъ франтъ, что стоитъ въ енотовой шубѣ, покупаетъ картину «Десять безъ козырей». Видно, что ему очень нравится эта поучительная сцена; онъ отъ умиленія оскалилъ зубы. И дѣйствительно, надо быть картежникомъ, чтобъ понимать всю цѣну счастья, когда пріѣдетъ десять безъ

kozyрей. А вотъ другой франтъ держитъ въ рукахъ красавицу-турчанку.

— Прелесть красота! говоритъ онъ своему пріятелю. Но у картинъ тѣснятся и дамы. Онѣ что покупаютъ? Изволите ли видѣть: папешки, мужья и братцы купили имъ на ярмаркѣ, въ видѣ сюрпризовъ, матеріи на платье, модные бурнусы, такъ онѣ, движимыя похвальными чувствами благодарности, хотѣтъ купить узоровъ для вышиванья, и за какіе нибудь 15, 10 или 50 руб. вышить шерстями къ масляницѣ или Пасхѣ тифельки, или подушечки для часовъ. Не правда ли, вознагражденіе приличное и достойное женскаго пола, сотвореннаго природою для однихъ нѣжныхъ и деликатныхъ занятій. Прямо отъ лѣстницы магазинъ Эмме съ серебромъ. Тутъ покупатели помѣщики, или люди солидные, которые счастливо живутъ домкомъ съ незапамятныхъ временъ. Въ самомъ дѣлѣ, серебряный сервизъ придаетъ больше аппетита гостямъ и нѣкоторымъ образомъ даетъ понятіе о состояніи хозяина. Въ нашъ вѣкъ семейному человѣку не имѣть на столѣ серебра, все равно, что одѣваться въ лохмотье. Все, что есть у хозяина хорошаго, онъ долженъ показать на лицо. Таковъ нашъ вѣкъ, который запрещаетъ скрывать сокровища подъ спудомъ, да и можно ли образованному человѣку касаться благородныхъ устъ какой нибудь деревянной ложкой? Фи! это вандализмъ было хорошо во времена гомерическія, когда Ахиллы, Патроклы, Несторы, Діомеды кушали мясо просто руками. Нѣтъ! мы далеко ушли въ образованіи отъ древнихъ народовъ. Взгляните на одинъ нашъ нарядъ, сшитый по прихотливой модѣ: онъ, можно сказать, по дороговизнѣ разоряетъ мужчину, а о женщинахъ и говорить нечего! Одна муфта благородной, образованной женщины въ нашъ вѣкъ стоитъ 300, 400, 500 руб. сер. А между тѣмъ, въ древнія времена какая-нибудь Андромаха, супруга знаменитаго Гектора, носила льняную туннику, и была любима своимъ мужемъ, и была счастлива, что доказывается самою Илліадою, гдѣ представлены трогательно и живо ея проводы любезнаго мужа на войну, для защиты Трои. Попробуйте теперь жену свою увѣрить, что ей ненужно шелковаго платья, мантильи—что она вамъ на это скажетъ? «Мужъ чудакъ, неучъ, скряга,» вотъ что подумаетъ ваша прекрасная Элеонора, Лаура, Татьяна, Мери. «На Марьѣ Ивановнѣ бархатная мантилья, а я-то чѣмъ хуже ее?» добавитъ она, надувъ хорошенькія губки. Мужчина доброе созданіе, и вотъ онъ, для утѣшенія супруги, для поддержанія ея самолюбія, покупаетъ въ магазинѣ купца Гайдукова * бархатную ман-

* Купецъ Гайдуковъ пріѣзжаетъ каждую ярмарку въ Кіевъ изъ Москвы съ дамскими вещами.

тлю, еще лучше мантильи Марьи Ивановны! Знай нашихъ, въ грязь не ударимъ лицомъ! Иной мужъ начинаетъ умничать передъ женой, доказываетъ, что при дѣтяхъ мотовство непростительно; но супруга опровергаетъ, что дѣти еще малы, а выростутъ да будутъ умны, сами наживутъ. — «Мы еще не стары съ тобою, мой другъ, говорить двадцати-семилѣтняя супруга сороколѣтнему съ хвостикомъ мужу съ лукавою улыбкой: намъ надо жить и веселиться.» Логика—какъ и всякая, но я все еще васъ не довелъ до контрактной залы. И такъ войдемте въ *оную*. Вы не хмурьтесь, что я употребилъ мѣстоименіе *оную*, это чудное мѣстоименіе, служащее для елико-возможнаго сокращенія рѣчи. Контрактная зала довольно примѣчательна по своей архитектурѣ. Она со всѣхъ сторонъ украшена колоннами, въ ея архитектурѣ есть что-то средневѣковое, готическое. На лѣвой сторонѣ залы торгуютъ въ національномъ костюмѣ грузины и армяне. Направо продаютъ фарфоръ, хрусталь, часы, которые стукомъ маятника какъ будто отсчитываютъ сколько верстъ они проѣхали съ своимъ хозяиномъ. У армянскихъ лавокъ всегда много покупателей, но преимущественно толнится прекрасный полъ. Канаусъ, платки въ восточномъ вкусѣ, съ яркими цвѣтами, прельщаютъ зрѣніе. Подлѣ армянскихъ лавокъ помѣстился англійскій магазинъ съ шляпами, тростями, золотыми кольцами, серьгами, браслетами, ножичками, ножницами и разными затѣйливыми вещами прихотливой моды. Пройдя англійскій магазинъ, вы войдете въ небольшую комнату, гдѣ налѣво буфетъ, и гдѣ играетъ довольно порядочно чешская музыка для посѣтителей, а направо выставка картинъ Бреульона. Зайдемте на выставку. Мы заплатили 50 коп. сер., и предъ нами отворятся ширмы для лицезрѣнія художественной выставки. Видно мало заглядываетъ туда взоръ любопытныхъ, даже при большемъ стеченіи народа въ контрактной залѣ. Мы никого невидимъ около себя, кромѣ одного джентльмена, разсматривающаго сначала въ стеклышко, а потомъ въ кулакъ прекрасную Сусанну. Картины написаны масляными красками и нѣкоторыя изъ нихъ съ большими достоинствами, напримѣръ, *Школа стариковъ*, *Сусанна*, *Золотой вѣкъ*. Съ художественной выставки входимъ въ крайнюю залу, гдѣ выставлены вещи, пожертвованныя для лоттерей въ пользу Дѣтскихъ пріютовъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ вещей довольно большой цѣнности. Смотря на нихъ радуешься сердцемъ за благотворительность общества, какъ-то дѣлается легко на душѣ! Нынѣ въ Кіевѣ два дѣтскіе пріюта, общество для помощи бѣднымъ и нѣсколько заведеній отъ правительства. Супруга главнаго начальника нашего края, княгиня Екатерина Алексѣ-

евна Васильчикова носить званіе попечительницы пріютовъ и предѣлательницы общества для помощи бѣднымъ. Ея материнскими попеченіями денежныя капиталы постоянно увеличиваются; кіевское общество всегда съ радушіемъ и готовностью встрѣчаетъ всякое предпріятіе, клонящееся къ благу бѣдныхъ дѣтей, или несчастныхъ семействъ.

Позвольте же, читатель, благотворительностью и кончить эту статью. Въ слѣдующій разъ я буду говорить о томъ, что продавалось внизу контрактובהго дома, какіе пріѣзжали артисты на ярмарку, какое они оставили послѣ себя впечатлѣніе въ обществѣ, однимъ словомъ, я намѣренъ развить предъ читателемъ всю картину кіевской крещенской ярмарки. А теперь пока перейдемъ къ театру.

Одинъ изъ 50,000 кіевскихъ жителей.

Принимаю за перо съ тѣмъ, чтобъ сообщить всѣ новости, какія только были въ послѣднее время на кіевской сценѣ; начну съ балета. Вновь было поставлено пять балетовъ, а именно: «Танцманія или любовь и вѣтренность», «Адскій пиръ», *La fille mal gardé*, «Два вора» и «Жизель или Виллисы.»—Балетъ «Танцманія» удержался на сценѣ только потому, что въ немъ дѣвица Риза была очень интересна.—Балетъ «*La fille mal gardé*,» извѣстный Петербургу подъ именемъ «Тщетная предосторожность,» упалъ на нашей сценѣ, потому-что главную роль исполняла д-ца Климовская, которой надобно еще много учиться, прежде чѣмъ браться за значительныя роли. Балетъ «Адскій пиръ» былъ данъ только нѣсколько разъ, и не понравился—въ особенности дамамъ—по слишкомъ свободнымъ своимъ картинамъ.

За то «Жизель» имѣла значительный успѣхъ. Онъ былъ данъ въ первый разъ 16 февраля. Постановка его, не смотря на миниатюрную сцену, была очень удовлетворительна; д-ца Риза въ роли Жизель, начиная съ перваго ея выхода до послѣдней сцены втораго дѣйствія, была очень мила, а въ сценѣ сумасшествія и смерти привела зрителей въ содроганіе. Адольфъ Піонъ въ роли Альберта былъ-бы очень хорошъ, если бы показывалъ побольше чувства; но истинно хорошъ былъ Владиславъ Піонъ въ роли Иларіона; намъ постоянно случается его видѣть въ комическихъ роляхъ, въ которыхъ онъ безукоризненно хорошъ, но въ Жизели онъ взялъ на себя драматическую, и вполнѣ доказалъ, что человекъ съ талантомъ—всегда и во всемъ будетъ удовлетворителенъ.

Въ 1-мъ дѣйствіи исполнены были слѣдующіе танцы: 1. *Valse dansante*—дѣвицею Ризою, Адель Піонъ и кордебалетомъ, 2. Праздникъ винодѣловъ—кордебалетомъ, 3. *Pas de deux*—дѣвицею Царевою и

г. Морисомъ Піономъ, 4. Grand pas de trois—дѣвицами Ризою, Катулинскою и Климовскою. Во 2-мъ дѣйствіи: 1. Большое соло — дѣвицею Катулинскою, 2. Pas des échos—дѣвицами Катулинскою, Царевой, Климовскою и кордебалетомъ, 3. Вакхическій танецъ Виллисъ и смерть Пларіона, 4. Большое Pas de deux— дѣвицею Ризою и г. А. Піонъ. Всѣ танцы были исполнены всѣми лицами прекрасно, балетъ шелъ такъ хорошо, что публика въ общій голосъ благодарила г. Мориса Піона за его постановку, и въ тоже время всѣ просили, чтобъ онъ избавилъ публику отъ балетовъ въ родѣ: «Полемонъ и Феона», «Аполлонъ и девять музъ», «Адекаго пира», «Волшебной флейты», и проч., которые современны вѣку и давно всѣмъ надоѣли. За то всѣ душевно рады по десяти разъ смотрѣть «Акбара», «Швейцарскую молочницу», «Мимили», «Крестьянскую свадьбу», «Розовый геній», «Мечту художника», и наконецъ очаровательную «Жизель». Распространился слухъ, что дѣвица Риза навсегда покидаетъ Кіевъ; это всѣхъ огорчило, потому что подобной танцовщицы Кіевъ нескоро дождется. Впрочемъ поговариваютъ, что и самъ антрепренеръ балетной труппы, г. Морисъ Піонъ, оставляетъ Кіевъ, тогда театръ здѣсь совершенно осиротѣетъ. Въ теченіе этого театральнаго года балетъ понесъ значительную утрату въ дѣвицѣ Станкевичъ, прекрасной молодой танцовщицѣ; также жаль дѣвицы Гейбовичъ, которая хоть не такъ легка, какъ дѣвица Станкевичъ, но за то была граціозна; кордебалетъ многого лишился въ этихъ двухъ корифеяхъ, въ замѣнъ которыхъ выставляютъ теперь отцвѣтшихъ г-жъ Засимовичъ и Кейль, которымъ всѣ отъ души совѣтуютъ ограничиться игрою въ однихъ водевиляхъ.

Русская труппа по-прежнему осталась довольно бѣдна. Одинъ Зубовичъ на своихъ плечахъ выносилъ пьесы; не будь его, русскій репертуаръ погибъ—бы безвозвратно. Г-жа Кравченкова хороша въ драмѣ, но въ водевилѣ она теряется, исключая нѣкоторыхъ, напримѣръ, «Барская спѣсь», «Сиротка Сусанна», и тому подобныхъ, что же касается до г-жи Звѣревой, то на нее можно смотрѣть только въ реляхъ субретокъ, потому-что въ прочихъ она все-таки не перестаетъ быть субреткою. Польская труппа приобрѣла дѣвицу Шатинскую, но объ ея талантѣ; нечего сказать нельзя. Дѣвица Скворская постоянно совершенствуется. Со времени открытія театра послѣ Великаго Поста, т. е. съ 21 апрѣля до закрытія его 23 февраля, дано 104 представленія. Если г. Морисъ Піонъ намѣренъ остаться въ Кіевѣ, то совѣтуемъ ему увеличить русскую труппу хорошими актерами и ставить новыя пьесы: старые балеты наскучили, новые трудно ставить, особенно лѣтомъ; польскія пьесы не всякій понимаетъ, отъ этого театръ бываетъ пустъ. Лѣто гибель для

провинціальной сцены! Чтобъ возбудить сочувствіе къ театру, надо его непременно оживлять какимъ-нибудь столичнымъ талантомъ.

И. Л—въ.

Городъ Пенза, пишетъ къ намъ П. Н. Араповъ, съ давнихъ временъ сохраняетъ привычку и любовь къ сценическимъ представленіямъ, но постоянного театра въ Пензѣ нѣтъ. Отрывки разныхъ труппъ, сюда прїѣзжавшихъ по временамъ, изъ сосѣдственныхъ губерній, въ которыхъ являлись иногда по одному или по два сюжета, довольно сносному, очень мало привлекали въ театръ; ложи и кресла бывали пустыя, и игра, по совѣсти сказать, не стоила свѣчь. Одни спектакли благородныхъ любителей, которые истинно всегда хорошо были слажены, удовлетворяли требованію публики. Нынѣшней же зимою Пенза пользуется, сверхъ ожиданія, очень хорошимъ публичнымъ спектаклемъ. Г. Соловьевъ, испытавшій, какъ содержатель, выгоды и невыгоды сценическаго счастья во многихъ губерніяхъ, веселившій и Кострому, и Вологду, собралъ намъ труппу изъ молодыхъ артистовъ, отпущенныхъ для усовершенствованія талантовъ изъ труппъ столичныхъ; за это пензенцы очень ему благодарны. Сожалѣемъ объ одномъ, что небольшой театръ И. Н. Гореткина, гдѣ даются представленія, заключаетъ всего 25 ложъ и не представляетъ возможности помѣщаться значительному числу публики которая всегда охотно посѣщаетъ болѣе интересные спектакли. Ложи здѣсь все абонированы людьми семейными, а на кресла и стулья мало потребителей, потому что преимущественно однѣ дворяне ѣздятъ въ театръ, а купцы пензинскіе, которыхъ число весьма не велико, и прочія сословія къ этого рода развлеченію не привычны, что называется не вошли еще во вкусъ; они только изрѣдка бываютъ въ театрѣ.

Труппа г. Соловьева въ Пензѣ невелика, она держится вся шестью артистами: г. Докучаевъ и его жена, Алинская—Докучаева, артисты истинно хорошіе, ихъ таланты очень разнообразны; талантъ мужа Докучаева даже самобытенъ; во всехъ пьесахъ онъ самъ создаетъ себѣ типы; голосъ его въ пѣніи пріятенъ, красивая его наружность способствуетъ ему исполнять роли молодыхъ любовниковъ и повѣсь. Его игра исполнена истины, даже въ роляхъ патетическихъ. Съ большимъ искусствомъ онъ выполняетъ здѣсь роль *Симона-сиротинки* и отчетливо хорошъ въ драмѣ *Хохотъ* или *Сыновняя любовь*, занимая роль Андре; въ особенности Докучаевъ выказалъ много таланта въ сценѣ сумасшествія.

Г-жа Алинская—Докучаева, актриса весьма полезная, съ знаніемъ сцены, поетъ хорошо, обладаетъ тоже искусствомъ создавать роли; въ

игрѣ ея много ума и облуманности; въ роляхъ переодѣваній она увлекательна. Г-жа Алинская-Докучаева занимаетъ всѣ роли Самойловой.

Въ Парижѣ извѣстная актриса Дежазе, нынѣ играющая въ Водевильномъ театрѣ, создала это уродливое амплуа переодѣваній въ драматическомъ искусствѣ; она играетъ переодѣванья очень давно и достигла въ нихъ уже старости; но довѣрчивые французы и до сей еще поры восхищаются своею любимцею-ветеранкою въ разныхъ энергическихъ роляхъ, полагая, что время ничего у нея не отняло; но намъ, временнымъ пришельцамъ, при всемъ уваженіи къ таланту Дежазе, довольно было странно видѣть молодящуюся вертлявую старуху въ роли gentil Bergard, въ свѣтло-розовомъ атласномъ кафтанѣ и въ букляхъ съ пудрою.

Продолжимъ нашу повѣсть о Пензинскомъ театрѣ.

Комическія роли (Мартынова) исполняетъ г. Башкировъ, молодой артистъ изъ Императорской Московской труппы. Онъ превосходно копируетъ г. Мартынова; талантъ Башкирова, сопровождаемый комическою серьезностью и счастливою мимикою, весьма замѣчателенъ. Въ короткое время онъ сдѣлался любимцемъ здѣшней публики.

Къ числу даровитыхъ артистовъ принадлежатъ г. Бѣляевъ и г-жа Смирнова. Бѣляевъ со сцены московской, актеръ болѣе патетическій, во многихъ роляхъ очень удовлетворителенъ и въ особенности въ роляхъ, проникнутыхъ чувствомъ. Голосъ его довольно сильный баритонъ, но къ сожалѣнію, музыкально не обработанъ; впрочемъ г. Бѣляевъ во всякой труппѣ, какъ актеръ хорошо играющій разные амплуа, могъ бы быть признанъ необходимымъ.

Въ игрѣ г-жи Смирновой есть достоинство; она играетъ роли благородныхъ матерей и драматическихъ героинь. Характеръ русской боярыни выраженъ ею былъ отчетливо. Жена артиста Башкирова довольно красивая собою, до-сихъ-поръ участвовала только въ хорахъ итальянской оперы въ Петербургѣ, и случайно въ Пензѣ сдѣлалась актрисою; она занимаетъ небольшія роли. Ея дикція очень натуральна, голосъ звученъ. Все что можно сказать, Башкирова мила на сценѣ; простодушная ея игра нравится; она поетъ и въ дивертисеманахъ.

Двѣ сестры Златопольскія, актрисы московскаго театра, съ призваніемъ къ искусству; старшая изъ нихъ находится на Пензинской сценѣ въ амплуа комическихъ старухъ, эта актриса полезная въ драмѣ, комедіи и водевилѣ. Златопольская 2-я имѣетъ нѣсколько ролей и исполняетъ очень удачно.

Г-жа Легошина, гг. Гусевъ, Савеловъ, сынъ антрепренера Со-

ловьевъ и двѣ танцовщицы г-жи Асѣва и Смирнова, составляютъ всю нашу сценическую обстановку.

Въ провинціи нельзя быть требовательнымъ на счетъ хореграфическаго искусства. Одни и тѣже характерныя танцы, безпрестанно повторяемые, конечно наскучаютъ, но все же танцы въ антрактахъ и дивертисманахъ составляютъ нѣкоторое разнообразіе. Двѣ означенныя корифейки съ московской сцены, хорошей школы, танцуютъ граціозно и всегда старательно.

Спектакли нынѣшней зимы открылись 17 ноября. Въ началѣ репертуаръ былъ не замѣчательнъ, по большей части представляли новые водевили съ пустословіемъ, безъ сюжетовъ, которые, натурально, облегчаютъ актеровъ, потому что въ нихъ можно неучить ролей, а играть по импровизации, съ помощью суфлера. Между-тѣмъ однакожъ хорошо были разыграны и пьесы, всегда отличающіяся успѣхомъ: *Женщина лунатикъ*, *Дезертеръ*, *Любовное зелье*, *Два купца и два отца*, *Дядюшка болтушка*, *Азъ и фертъ* (тріумфъ г. Башкирова), *Водевиль съ перодъваньемъ*, *Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ*, *Дѣвица-отшельница*, *Бѣда отъ нѣжнаго сердца*, *Русская боярыня*, *Филиппъ и Студентъ-артистъ*, прекрасно исполняемый г. Докучаевымъ.

11 января давали давно ожидаемую оперетту: *Дочь втораго полка*. Въ ней роль Маріи исполнила г-жа Алинская-Докучаева съ большимъ искусствомъ. Въ ея игрѣ мы видѣли много живости, граціи, энергіи; любимую пѣсню, «Это онъ! нашъ полкъ родной!» она пѣла съ одушевленіемъ, была многократно вызываема послѣ каждаго акта. Въ роли Антуана, молодаго фермера г. Докучаевъ былъ очень хорошъ, прекрасно пропѣлъ съ своею женою (Маріей) дуэтъ перваго акта, не менѣе хорошо исполнилъ свою роль фельдwebеля Трульона. Г. Бѣляевъ мастерски олицетворилъ ветерана солдата; г. Башкировъ, въ трусѣ дворецкомъ былъ уморителенъ. Вообще пьеса имѣла большую совокупность въ постановкѣ, даже въ соображеніи костюмовъ, что на провинціальныхъ сценахъ случается рѣдко. Ко всему этому слѣдуетъ присоединить стройный и превосходный оркестръ А. А. Панчулидзева, управляемый г. Гильманомъ. Стало-быть, при такихъ музыкальныхъ средствахъ, не только оперетта *Дочь втораго полка*, но и любая опера, еслибъ только побольше было стройныхъ музыкальныхъ голосовъ, могла бы быть исполнена съ успѣхомъ.

23 и 28 декабря (1853 г.), давалъ въ Пензѣ концерты г. Аполлинарій Контекій, благодаря постояннымъ, дружескимъ, подогрѣвательнымъ статейкамъ съ тѣмъ же успѣхомъ, какой сопровождалъ его по всѣмъ городамъ, гдѣ только разсылались его афишки.

Возвращаясь къ Пензійской труппѣ г. Соловьева, не можемъ не отдать ей заслуженной справедливости и согласиться, что она изъ лучшихъ провинціальныхъ труппъ.

Не можемъ при этомъ случаѣ не изъявить нашу благодарность Императорской Театральной Дирекціи, доставляющей намъ и въ провинціи возможность пользоваться такими сюжетами, которые бы очень были замѣтны и на сценѣ столичной. Одно можемъ сказать въ невыгоду нашей труппы, что она слишкомъ мала, не можетъ поддерживать хорошій репертуаръ, въ особенности, при постоянномъ требованіи публики новаго, занимательнаго; къ тому же физическія силы и память шести, не въ состояніи отвѣтствовать за двѣнадцать артистовъ. Плохіе же водевили, основанные на плоскостяхъ, здѣсь нравятся не могутъ потому, что театръ въ Пензѣ посѣщаетъ исключительно только образованное общество дворянства.»

12

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 5.

ВЪРОЧКА.

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

М. П. ЯЦЕВИЧА.

РАССКОИ СЧЕНІА.

ДѢЙСТВУЮЩІА ЛІЦА:

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ НЕВѢРОВЪ (58 лѣтъ).

ЕЛЕНА СЕДОРОВНА, его жена (25 лѣтъ).

ВЪРОЧКА дочь его отъ первой жены (18 лѣтъ).

АРТЕМІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЗОРСКІЙ, молодой художникъ, учитель **ВЪРОЧКИ**.

НАДЕЖДА ШАРКОВНА КРАСОТКИНА, перезрѣлая дѣвица.

ПЕРОНЪ ЕЛИСЕВІИЧЪ ДУДКА.

ПАРАШОНЪ, слуга Невѣрова.

Театръ представляетъ богато-убранную но небольшую комнату съ тремя дверьми.

I.

НЕВЪРОВЪ, НЕВЪРОВА И ВЪРОЧКА, всѣ трое выходятъ изъ двери, которая отъ актера налѣво.

НЕВЪРОВА. А скоро ли воротитесь?

НЕВЪРОВЪ (съ палкою и шляпой). Что, душенька?

НЕВЪРОВА. Скоро ли воротитесь?

НЕВЪРОВЪ. Да, мой ангелочикъ, сейчасъ и ворочусь; я забѣду только за Нерономъ Елисейчемъ и вмѣстѣ съ нимъ побѣду, съ позволенія сказать, къ Артемію Михайловичу: онъ окончилъ большую картину, а вы знаете, что я страхъ люблю, съ позволенія сказать, все изящное!

ВЪРОЧКА. А которую картину онъ окончилъ, папаша?

НЕВЪРОВЪ. Что, душенька?

ВЪРОЧКА. Которую картину кончилъ Артеміи Михайлычъ?

НЕВЪРОВЪ. Которую картину? Кажется Амура и Психею, мой ангелочикъ.

НЕВЪРОВА. Сегодня опять вы дурно слышите?

НЕВЪРОВЪ. Что, душенька?

НЕВЪРОВА. Вы опять дурно слышите?

НЕВЪРОВЪ. Дурно, мой ангелочикъ, сегодня, съ позволенія сказать, ничего не слышу.

ВЪРОЧКА. Вѣрно вы вчера опять голову простудили!

НЕВЪРОВЪ. Ходилъ?.. Куда, душенька?

ВЪРОЧКА. Я говорю, что вы вчера голову простудили.

НЕВЪРОВЪ. Можетъ быть, мой ангелочикъ, съ позволенія сказать, теперь на меня всякій вѣтерокъ дѣйствуетъ.

Теперь не то, что прежде было, —

Зефиръ теперь мнѣ вреденъ сталъ;

А помню, прежде, очень мило

Стишки къ зефиру я писалъ!

Когда я въ Соничку влюбился,
То, помню, къ ней писалъ тогда,
Что я въ зефиръ бы превратился
Чтобъ съ нею вмѣстѣ быть всегда.

Она въ стихахъ мнѣ отвѣчала,
Чтобъ я въ зефиры не ходилъ,
Что и съ конца я и съ начала
Милѣ ей, чѣмъ вѣтеръ былъ.

Тогда-то выкинуть я штуку,
И, съ позволенія сказать,
Не думалъ долго: прямо руку
Любезной Сони сталъ искать.

Мы жили счастливо! О, Соня!
Ты съ неба видишь-ли, что я
Еще люблю тебя все помня,
Что ты была жена моя!

Я съ нашей дочкой долго бился,
Но, съ позволенія сказать,
Въ другой разъ для того женился,
Чтобъ друга ей найти и мать!

Ну, прощайте же, ангелочки мои!.. я буду къ обѣду, вмѣстѣ
съ Нерономъ Елисиичемъ...

НЕВЪРОВА. Прощайте, мой другъ!

ВЪРОЧКА. Прощайте, папаша!

НЕВЪРОВЪ (*Надвѣз шляпу и ощупывая карманы*) Экая досада!..
ѣду а забылъ, съ позволенія сказать... табакерку!.. Принеси, Вѣрочка:
платокъ и табакерка лежатъ у меня тамъ, съ позволенія ска-
зать, на письменномъ столѣ.

ВЪРОЧКА. Сейчасъ принесу, папаша! (*Убѣгаетъ*).

НЕВЪРОВА. Зачѣмъ вы, мой другъ, ѣдете къ Артемію Михай-
ловичу... Онъ сегодня къ намъ будетъ, а теперь, вѣроятно, его и
дома нѣтъ.

НЕВЪРОВЪ. Какъ, душенька?

НЕВЪРОВА. Сегодня Зорскій къ намъ будетъ, а теперь вы
не застанете его дома.

НЕВЪРОВЪ. Отчего, мой ангелочикъ?

НЕВЪРОВА. Сегодня вторникъ, онъ занятъ уроками.

НЕВЪРОВЪ. Слышу, Делинька, слышу! Стало быть, онъ сегодня
пріѣдетъ учить Вѣрочку?

НЕВЪРОВА. Я вамъ объ этомъ и говорю.

НЕВЪРОВЪ. Слышу, мой ангелочикъ! Да въдь намъ его и не нужно, мы хотимъ посмотрѣть картину, а ее намъ покажутъ и безъ него.

ВЪРОЧКА (*приноситъ платокъ и табакерку*). Извольте, папаша!

НЕВЪРОВЪ. Благодарю, мой ангелочикъ!.. Ну, прощайте же, прощайте!.. (*Цѣлуетъ обѣихъ и уходитъ*).

II.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ НЕВЪРОВА.

ВЪРОЧКА. Ахъ, сѣге папаша, какъ бы я желала посмотрѣть картину Артемья Михайлыча!

НЕВЪРОВА. Да, это интересно!.. Только послушай, Вѣрочка, я замѣчаю, что ты нынче что-то слишкомъ часто говоришь и о картинахъ Артемія Михайлыча, и даже о немъ самомъ!

ВЪРОЧКА. Что же тутъ удивительнаго, онъ мой учитель!

НЕВЪРОВА. Все это хорошо, только, кажется, онъ толкуетъ тебѣ не объ одной живописи.

ВЪРОЧКА. Разумѣется, вообще обо всемъ... изящномъ.

НЕВЪРОВА. Въ томъ числѣ и о чувствахъ, и о любви?

ВЪРОЧКА. Ну, вотъ ужъ совсѣмъ неправда! О любви-то онъ ни слова мнѣ не говорилъ!

НЕВЪРОВА. И хорошо сдѣлалъ. Во-первыхъ, потому, что папа давно уже нашелъ тебѣ жениха...

ВЪРОЧКА. Это Неронъ Елисейчъ? Ну, ужъ женихъ! Нѣтъ мамаша, я скорѣе соглашусь въ дѣвкахъ весь вѣкъ просидѣть... И имя-то какое!

НЕВЪРОВА. Неронъ, очень звучное имя!

ВЪРОЧКА. Неронъ-Дудка! Правда, очень звучно!.. Вотъ, въ-самомъ-дѣлѣ, прекрасно было бы получить эту звучную фамилию! Все стали бы называть меня: Вѣра Петровна—Дудка!.. дудка, ха, ха, ха!

Поѣдуль съ мужемъ я куда на балъ,
Тамъ встрѣтится со мной подруга—институтка
"Ахъ, здравствуй, Вѣрочка!.. мнѣ паненка сказалъ,
Что вышла за-мужъ ты, и стала нынче—Дудка!"

Пойду ли танцовать, ужъ про меня тотчасъ
У всѣхъ на языкѣ готова будетъ шутка:
«Смотрите, скажутъ всѣ,—вотъ скачетъ мимо насъ,
Въ вѣночкѣ розовомъ молоденькая Дудка!»

Нѣтъ, этому не быть! Чтобъ стала я для всѣхъ
Игрушкою смѣшной! Нѣтъ,—я лишусь разсудка,
Когда безъ шутокъ мнѣ, знакомымъ всѣмъ на смѣхъ,
Придется вѣкъ носить прозвание: Вѣра Дудка!

НЕВѢРОВА. Ну, хорошо, Вѣрочка, это въ сторону.

Положимъ,—Дудку мы надуемъ!

ВѢРОЧКА.

Нѣтъ, Дудка хочетъ насъ надуть!

НЕВѢРОВА.

Объ этомъ послѣ потолкуемъ
Съ папашей вмѣстѣ какъ-нибудь!

ВѢРОЧКА.

Папаша Дудку слишкомъ любитъ,
И не захочетъ надувать!

НЕВѢРОВА.

Мой другъ, тебя онъ не погубитъ,
Не станетъ силой выдавать!
Но впрочемъ, Вѣра, негодится
Такъ рано о мужьяхъ мечтать,
Въ твои лѣта должна бѣ стыдиться
Ты о замужствѣ разсуждать!

ВѢРОЧКА. Въ мои лѣта, это еще милѣ!.. Да, что вы важни-
чаете съ вашими—то лѣтами?.. Двадцать пять лѣтъ, экая старость!
Семь лѣтъ разницы!..

НЕВѢРОВА. Послушай, Вѣрочка, смѣяться тутъ нечего, я тебя
же предостерегаю, потому что я знаю этихъ учителей!

Сперва и тихи и скромны,
Толкуютъ только объ искусствахъ,
Рисуютъ мишѣ старины
И говорить слегка о чувствахъ!

Потомъ ужъ волю давъ рѣчамъ
Твердить начнутъ, что наше счастье
Мы встрѣтить можемъ только тамъ,
Гдѣ за любовь даримъ участь!

А мы, хоть будь любовь плоха,
Мы всѣ любовь ужасно любимъ,
И въ ней невѣдая грѣха,
Себя не рѣдко ею губимъ.

ВЪРОЧКА. Да съ чего вы это взяли?.. Онъ, право, такъ скромнень, что иногда даже досадно!.. И вѣдь чѣмъ дальше, тѣмъ хуже... Прежде, бывало, говорить, шутить, а теперь едва добьешься отъ него слова!

НЕВЪРОВА. Такъ онъ все молчитъ, сидя съ тобою?.. Это забавно!

ВЪРОЧКА. Вы знаете, что я люблю васъ, какъ сестру, и потому всегда откровенна съ вами. Ну, такъ я вамъ признаюсь, что онъ все на меня смотритъ, да такъ, что меня иногда въ жаръ бросаетъ!

НЕВЪРОВА. Вотъ этотъ-то жаръ и опасенъ! Это означаетъ неравнодушіе...

ВЪРОЧКА. Сейчасъ и заключеніе, я ужъ это знала! А отчего мнѣ быть равнодушною, позвольте спросить?

НЕВЪРОВА. Ужъ не хитри, сдѣлай милость! Скрывать подобныя дѣла не всѣмъ удается!..

ВЪРОЧКА. А вамъ удавалось?.. А что, въ-самомъ-дѣлѣ, влюблялись-ли вы?

НЕВЪРОВА (*всторону*). Боже, неужели она замѣтила? (*ей*). Прошу покорно не дурачиться! Вы, кажется, должны-бы помнить, что я ваша мачиха!

ВЪРОЧКА. Мачиха!.. Какое страшное слово!.. Полно вамъ, какая вы мачиха?.. Мы живемъ, какъ родныя сестры,—вы первый мой другъ, а не мачиха!

НЕВЪРОВА. Ну, и какъ другъ, я тоже скажу тебѣ, что ты вѣтренничаешь, а это тебѣ не къ лицу!.. Поди-ка, лучше, приготовь свои рисунки,—придетъ Артемій Михайлычъ, такъ чтобъ не бѣгать тогда, ты и безъ того сконфузишься!

ВЪРОЧКА. Сегодня вы на меня просто нападаете!

НЕВЪРОВА. Какіе нападки?.. Ты сама признаешься, что онъ тебѣ нравится?

ВЪРОЧКА. Разумѣется, нравится. Онъ такой хорошенькій, добрый!.. Я отъ васъ этого и не скрываю!

НЕВЪРОВА. И отъ него скрыть не умѣешь!.. А ты еще не знаешь, что мужчины такіе насмѣшники, что даже самый скромный изъ нихъ не откажетъ себѣ въ удовольствіи посмѣяться надъ нами, если только къ этому представится случай!

III.

ТЪ ЖЕ и ПАРАМОНЪ.

ПАРАМОНЪ. Надежда Марковна изволили пожаловать!.. Что прикажете?

НЕВЪРОВА. Проси сюда.

ПАРАМОНЪ. Слушаю, сударыня. (*уходитъ*).

ВЪРОЧКА (*уходя*). Я пойду готовить рисунки.

НЕВЪРОВА. Только выходи скорѣе, Вѣрочка.

IV.

НЕВЪРОВА и КРАСОТКИНА.

КРАСОТКИНА (*протягивая къ ней руки*). Елена Федоровна!

НЕВЪРОВА. Милости просимъ, Надежда Марковна!

КРАСОТКИНА. Ахъ, я такъ много виновата передъ вами, милая Елена Федоровна, простите меня! Право, не было времени!.. Я, знаете, гостила у Кокеткиныхъ. Что за очаровательное семейство!.. Мы тамъ свой кругъ составили, все молодья дѣвицы!.. такъ, знаете, мило, интересно!

НЕВЪРОВА. Прошу садиться!.. да снимите шляпку!

КРАСОТКИНА (*снимая шляпку*). Благодарю!.. Ну, какъ вы время проводите, здоровы-ли?

НЕВЪРОВА. Мы съ Вѣрочкой здоровы!.. Только вотъ Петръ Ивановичъ опять дурно слышитъ.

КРАСОТКИНА. Съ нимъ это, знаете, всегда было, еще съ молодыхъ лѣтъ!.. А что, кстати, дома онъ?

НЕВЪРОВА. Уѣхалъ къ Нерону Елисейчу!

КРАСОТКИНА. А Вѣрочка гдѣ?

НЕВЪРОВА. Она готовится свои рисунки, сегодня учитель будетъ.

КРАСОТКИНА. Это не тотъ-ли молоденькій мальчикъ, котораго я какъ-то видѣла у васъ, знаете, по прїездѣ изъ деревни?

НЕВЪРОВА. Не знаю, видѣли-ли вы его!.. Г. Зорскій, очень умный молодой человекъ, прекрасный художникъ!..

КРАСОТКИНА (всторону). Какъ подхваливаетъ, должно быть не даромъ!.. (ей). Что же, Вѣрочка подъ руководствомъ этого г. Зорскаго дѣлаетъ успѣхи?

НЕВЪРОВА. Благодаря его старанію, она поняла и полюбила художество!

КРАСОТКИНА (всторону). А ты, кажется, художника. (ей). Меня, знаете, это чрезвычайно радуетъ!.. Какъ подруга покойной ея матери, я, знаете, принимаю сердечное участіе во всемъ, что касается до Вѣрочки!.. Она же такая добрая дѣвушка, такое, знаете, милое дитя!..

НЕВЪРОВА. Да, я сама очень люблю ее! Мы давно уже подружились съ нею!

КРАСОТКИНА. Съ Вѣрочкой?.. Но можетъ-ли она понимать вашу дружбу? Вы—дама, а Вѣрочка—дитя!

V.

ТЪ ЖЕ И ВѢРОЧКА.

ВѢРОЧКА (внося папку съ рисунками). Я дитя?.. Ошибаетесь, Надежда Марковна!.. (кладетъ папку на столъ). Извините,—здравствуйте!

КРАСОТКИНА. Здравствуй, Вѣрочка! (цѣлуетъ ее). Такъ ты сердишься, что я назвала тебя ребенкомъ,—развѣ это не правда?

ВѢРОЧКА. Такъ неужели же правда?.. Передъ вами, разумѣется, я дитя, потому что вы были ровесница моей матушкѣ, но сама по себѣ—я давно уже не дитя!

КРАСОТКИНА. Дѣвочка!

ВѢРОЧКА. Дѣвица, Надежда Марковна!

НЕВЪРОВА. Вѣрочка, перестань!..

ВѢРОЧКА. А зачѣмъ же меня обижаютъ?

КРАСОТКИНА. Какъ она, знаете, амбиціонна, слова не скажи!

VI.

ТЪ ЖЕ И ПАРАМОНЪ.

ПАРАМОНЪ. Артемій Михайлычъ пожаловали.

НЕВЪРОВА. Проси сюда.

ВЪРОЧКА. Проси подождать немножко... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. проси пожаловать!

ПАРАМОНЪ (*уходитъ*). Слушаю-сь!

КРАСОТКИНА (*всторону*). Да они обѣ встревожились, — хорошо!.. (*Невъровой*). Какъ вы радушно его принимаете!..

НЕВЪРОВА. Да, мы всегда... Онъ короткій знакомый!.. то-есть, мы привыкли часто видѣть его... (*всторону*). Она меня ужасно кофюзить!

КРАСОТКИНА. Это и видно!.. (*всторону*). Обѣ краснѣютъ! (*Върочка идетъ къ двери*).

НЕВЪРОВА. Куда-жъ ты, Върочка?

ВЪРОЧКА. Карандаши взять. (*уходитъ*).

КРАСОТНИКА. Ну, та совершенно сконфузилась!

Какъ это мило, — вотъ потѣха:

Бѣдняжки обѣ влюблены!

Жаль, мужа нѣтъ, — хоть бы для смѣха

Взглянуть онъ на лицо жены!

НЕВЪРОВА.

Ахъ, какъ неловко, какъ мнѣ жарко, —

Я чувствую — лицо горитъ!

КРАСОТКИНА.

Трусиха, — какъ ее мнѣ жалко,

Она какъ дѣвочка дрожить!

Ужъ если плодъ любви вкусили,

Чего тутъ трусить пустяковъ?

НЕВЪРОВА.

О Боже, Боже! дай мнѣ силы,

Чтобъ угасить мою любовь!

VII.

НЕВЪРОВА, КРАСОТКИНА и ЗОРСКІЙ.

ЗОРСКІЙ (*съ рисункомъ, свернутымъ въ трубочку; раскланивается*). Мое почтеніе, Елена Ѳедоровна! (*Красоткиной*). Здравствуй-те, сударыня!

КРАСОТКИНА. Здравствуйте

НЕВЪРОВА. Милости просимъ, Артемій Михайлыч!

ЗОРСКИЙ. Что съ вами, Елена Федоровна? Здоровы-ли вы?

НЕВЪРОВА. Ничего!.. Благодарю покорно!..

ЗОРСКИЙ. Извините!.. Но, право, судя по вашему лицу, предположить этого нельзя!.. Петръ Иванычъ дома?

НЕВЪРОВА. Онъ побѣхалъ къ вамъ, — посмотрѣть вашего Амура и Психею!

ЗОРСКИЙ (съ испугомъ) Неужели?.. (всторону). Вотъ исторія!

КРАСОТКИНА. А вы написали Амура и Психею?

ЗОРСКИЙ. Точно такъ. Но картины этой я никому не показывалъ и въ особенности Петръ Ивановичъ не долженъ бы видѣть ее!.. Боже мой, что мнѣ дѣлать?.. Извините меня, — я ворочусь домой: это необходимо!.. Давно ли Петръ Иванычъ уѣхалъ?

НЕВЪРОВА. Вѣроятно онъ успѣлъ уже быть у васъ, или теперь тамъ!..

ЗОРСКИЙ. Значить, незачѣмъ и ѣхать, — поздно!.. все кончено!..

Старикъ меня возненавидитъ,

Когда не вникнетъ въ мысль мою;

Въ моей картинѣ онъ увидитъ

И дочку и жену свою!

КРАСОТКИНА.

Что это такъ онъ суетится,

Къ чему заводитъ тутъ содомъ?

ЗОРСКИЙ.

Сегодня жъ должно объясниться,

Или оставить этотъ домъ!

Но, Боже! Если это чувство,

Что выражалъ мнѣ взоръ ее,

Былъ только блескъ любви къ искусству?!

КРАСОТКИНА.

Вѣдь и не взглянетъ на нее!

ЗОРСКИЙ.

Но нѣтъ, смѣйсь, — чего бояться?

Мнѣ тайный голосъ говорить,

Что я любимъ!..

КРАСОТКИНА.

Какъ не смѣяться, —

Лицо-то какъ у нихъ горитъ!

НЕВЪРОВА.

Я не пойму, зачѣмъ боится
Онъ намъ картину показать?

КРАСОТКИНА.

Она глаза поднять стыдится,—
Что значить—мужу измѣнять!

ЗОРСКІЙ.

Да, я любимъ, любимъ!.. Предъ нею
Я смѣло стану и скажу:
Дай руку мнѣ и будь моею!

КРАСОТКИНА.

Пріѣдетъ мужъ,—все разкажу!

VIII.

ТѢ ЖЕ и ВЪРОЧКА

ВЪРОЧКА. Здравствуйте, Артемій Михайлычъ!

ЗОРСКІЙ, (*ракланиваясь*). Ахъ, Вѣра Петровна! (*всторону*).
Какъ она хороша!

ВЪРОЧКА. Видите, какая у васъ исправная ученица: вы въ
дверь, и она передъ вами... и даже съ карандашами!

ЗОРСКІЙ. Да, вы правы,—я счастливъ!.. Судьба не всѣмъ по-
сылаетъ такихъ прекрасныхъ учениць!..

ВЪРОЧКА. Подите, вы—насмѣшникъ!.. Вотъ, другое дѣло, если
вы, взглянувши на мой рисунокъ, скажете, что я ученица сно-
сная, такъ это меня порадуетъ!.. Не угодно ли? (*развертываетъ*
папку съ рисунками).

ЗОРСКІЙ (*смотритъ рисунокъ*). Очень, очень вѣрно!.. Вы ско-
пировали прекрасно!

ВЪРОЧКА. Это оттого, что мнѣ немножко помогали.

ЗОРСКІЙ. Кто же это? (*Вѣрочка указываетъ на Невпрову*).

НЕВЪРОВА. Ахъ, не вѣрьте ей, Артемій Михайлычъ, — я тутъ
почти ничего не рисовала!..

ЗОРСКІЙ. Это для меня новость!.. Такъ вы рисуете?

ВЪРОЧКА. Да еще какъ!.. Еслибъ видѣли вы, какъ нарисованъ
вашъ портретъ, — прелесть, какое сходство, — какъ двѣ капли
воды!..

КРАСОТКИНА (*в сторону*). Вотъ какъ, моя голубушка, — портретъ!..

НЕВЪРОВА. Перестань, Вѣрочка!.. Не вѣрьте ей, Артемій Михайлычъ, право, портретъ этотъ не то, что на кого-нибудь, а просто ни на что не похожъ!

ВѢРОЧКА. Скромничаєте, снѣге татаи!

ЗОРСКІЙ. Будьте такъ добры, покажите мнѣ этотъ портретъ.

НЕВЪРОВА. Его давно уже нѣтъ!.. Это было такое неудачное произведеніе, что я тогда же и разорвала!.. (*в сторону*). Пойду и разорву сейчасъ!

ВѢРОЧКА. Да я еще вчера видѣла его!

НЕВЪРОВА. Во снѣ, можетъ быть...

ВѢРОЧКА. Какъ во снѣ?

НЕВЪРОВА. Просто во снѣ, развѣ этого быть не можетъ?.. (*тихо Вѣрочкѣ*) Болтушка!

ВѢРОЧКА. Не спорю, можетъ быть!..

КРАСОТКИНА (*в сторону*). Еще и хитрятъ обѣ!

ЗОРСКІЙ. Мнѣ чрезвычайно жаль, что я не могу имѣть удовольствія видѣть этотъ портретъ, но я надѣюсь, что вы когда-нибудь позволите мнѣ взглянуть, хотя на другіе ваши рисунки...

НЕВЪРОВА. Съ удовольствіемъ, только не теперь... Петръ Ивановичъ вѣроятно скоро воротится, а я еще ничѣмъ не распорядилась, и потому прошу извинить меня, если я васъ оставлю... Милая Надежда Марковна, будьте такъ добры, посидите здѣсь, пока я распоряджусь по хозяйству!. Надѣюсь, это васъ не стѣснить...

КРАСОТКИНА. Нисколько, мой добрый другъ, мнѣ пріятно взглянуть на урокъ рисованья!

НЕВЪРОВА. Благодарю... Я долго ждать себя не заставлю!.. (*уходитъ*).

IX.

ТѢ ЖЕ, кромѣ НЕВЪРОВОЙ.

ЗОРСКІЙ (*в сторону*). Опять помѣшаетъ эта толстая рожа!.. Разсѣлась тутъ, такъ не скоро выживешь!..

ВѢРОЧКА. Ну, Артемій Михайлычъ, что же мы теперь рисовать будемъ?.. Вы привезли съ собою какой-то свертокъ!..

ЗОРСКІЙ. Это «Поцѣлуй Моллера», прекрасная литографія! (*развертываетъ*). Нравится ли вамъ?

ВЪРОЧКА. Ахъ, какъ хорошъ, чудо!.. Какое выраженіе въ лицахъ, сколько жизни!

КРАСОТКИНА. Интересно, дѣйствительно, и нѣжно, то-есть, съ чувствомъ написано!

ЗОРСКІЙ. И съ умомъ, сударыня!.. Еслибъ вы знали, сколько нужно труда, сколько знанія для подобной вещи!..

КРАСОТКИНА. О, я вполнѣ этому вѣрю!

ВЪРОЧКА. (*садится къ столу*). Артемій Михайлычъ, я начинаю!

ЗОРСКІЙ. Очень радъ!.. Только постоитъ, положите рисунокъ вотъ такъ, лучше видно и освѣщеніе вѣрнѣе... Ну, теперь можно!..

ВЪРОЧКА. Смотрите же, показывайте!.. (*рисуетъ*).

ЗОРСКІЙ. О, съ удовольствіемъ!

КРАСОТКИНА. Э, да какая же, знаете, у нея рука-то бойкая!

ЗОРСКІЙ. Да, они многое обѣщаютъ!

КРАСОТКИНА. Что же обѣщаютъ, сударь?

ЗОРСКІЙ. Какъ что?.. Обѣщаютъ быть хорошею художницею!

КРАСОТКИНА. (*протяжно*). Да, это!..

ВЪРОЧКА (*продолжая рисовать*). А что же вы думали, Надежда Марковна?

КРАСОТКИНА. Нѣтъ, такъ!.. я думала что-нибудь другое!

ЗОРСКІЙ (*всторону*). Этакая деревяшка!

ВЪРОЧКА. Что же, напрімѣръ?

КРАСОТКИНА. Фу, какая ты задорная!.. Такъ и лѣзетъ: что, да что?

ВЪРОЧКА. Да вѣдь интересно знать, что вы подумали?

КРАСОТКИНА. Не писать же тебѣ всего на носъ, что думать можно! Молода еще для этого, мать моя!..

ВЪРОЧКА. Однако-же это обидно, Надежда Марковна!

КРАСОТКИНА. Пожалуй, матушка моя, хоть и обижайся!.. На всякое чиханье не наздравствуешься!

ЗОРСКІЙ. Что-же вы это нарисовали, Вѣра Петровна,—это со всѣмъ не такъ!.. Видите, обѣ эти линіи нужно пустить гораздо мягче!..

ВЪРОЧКА. Это Надежда Марковна своими разговорами помѣшала, — она и виновата!..

КРАСОТКИНА. Вотъ такъ и есть!.. Не придумаешь-ли еще чегонибудь?..

Мнѣ кажется во всемъ ты, Вѣра,

Меня готова обвинять,—
Какая глупая манера!

ВЪРОЧКА И ЗОРСКІЙ.

Ахъ, не мѣшайте рисовать!

КРАСОТКИНА.

Я рисовать вамъ не мѣшаю,
Позвольте слова два сказать:
За что вы сердитесь,—я знаю!

ВЪРОЧКА.

Ахъ, не мѣшайте рисовать!

КРАСОТКИНА (на ухо Въръ).

Тебѣ не слѣдуетъ сердиться,
Что я мѣшаю вамъ мечтать,—
Вдвоемъ сидѣть вамъ не годится.

ВЪРОЧКА.

Ахъ, не мѣшайте рисовать.

КРАСОТКИНА (Въръ).

Сидѣть съ учителемъ ты рада,—
Но безъ надзора оставлять
Васъ никогда нигдѣ не надо!

ЗОРСКІЙ И ВЪРОЧКА.

Да не мѣшайте жъ рисовать!

КРАСОТКИНА (отходя).

И въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ въ этомъ,
Мое ли дѣло имъ мѣшать?!.
Вгляну я лучше, та,—съ портретомъ
Какъ тамъ изволить поживать?

(Уходитъ.)

X.

ЗОРСКІЙ и ВЪРОЧКА.

ЗОРСКІЙ (въ сторону). Слава Богу,—наконецъ мы одни!.. Какъ бы начать?.. Глупо будетъ, если сказать ей прямо: «я васъ лю-

блю!» а вѣдь ничего другаго не выдумаешь!... Что значить не
упражняться!

Иной такъ ловко, смѣло скажетъ,
Что онъ у ногъ отвѣта ждетъ,—
Рукою на сердце укажетъ,
И на колѣна упадетъ.
Ему—счастливицу удается,
Межъ тѣмъ признанье—клевета!
Надъ чувствомъ онъ всегда смѣется,
Всегда душа его пуста!
А я,—душа моя въ смущеньи,
Любовь волнуешь эту грудь,
Но я безъ страха и сомнѣнья
Въ глаза не смѣю ей взглянуть!..

ВЪРОЧКА. О чемъ это вы задумались, Артемій Михайлычъ?

ЗОРСКІЙ. Задумался о томъ, что я несчастливъ... очень не-
счастливъ!

ВЪРОЧКА. Вы, чѣмъ—же это?

ЗОРСКІЙ. Вотъ, видите... какъ бы вамъ сказать... Ну, просто,
несчастливъ тѣмъ, что не умѣю говорить.

ВЪРОЧКА. Вы не умѣете говорить?... Вотъ это мило!

ЗОРСКІЙ. Да, да, я не умѣю говорить!.. Вы насмѣшница, вы
не понимаете, не хотите меня понять!

Вы не знаете несчастья,—
Ваша доля такъ легка!
Вы смотрите безъ участья,
На страданье бѣдняка!

Вы спросить не догадались,
Чѣмъ томится грудь моя?
Вы бѣ, быть можетъ, засмѣялись
Если бѣ вдругъ заплакалъ я!

Ну, такъ смѣйтесь,—я открою,
Я скажу вамъ, почему
Такъ задумчивъ я порою,—
Вѣрите слову моему!

Я—люблю! Въ моей богинѣ
Видю счастье жизни всей,
Но я ей еще донинѣ
Не открылъ любви моей!

ВЪРОЧКА.

Ахъ, напрасно жъ вы молчите,

Вы бѣ рѣшилися хоть разъ:

На картину вотъ взгляните:

Поцѣлуй—примѣръ для васъ!

ЗОРСКІЙ. А если она отвернется?.. Если она... Кто-то идетъ!
(встопону) Всегда помѣшаютъ!

XI.

ТѢЖЕ, НЕВѢРОВЪ и ДУДКА.

ДУДКА (входя говоритъ съ Невъровымъ). Того — оно, по словицѣ: гдѣ рука, тутъ голова, того!.. Помилуйте, сдѣлайте милость, оно совсѣмъ того, сдѣлайте милость, негоже!

НЕВѢРОВЪ. Да, похоже, душенька, съ позволенія сказать, — очень похоже!

ДУДКА. Помилуйте, сдѣлайте милость, того—оно не годится!

НЕВѢРОВЪ. Что, душенька?

ДУДКА. То есть, я говорю: негодится!

НЕВѢРОВЪ. Загордится?.. Нѣтъ, мой ангелочикъ, ты его, съ позволенія сказать, не знаешь,—онъ не такой человѣкъ!

ДУДКА (встопону). Экой глухарь, того!

НЕВѢРОВЪ (увидя Зорскаго). А, здравствуйте, Артемій Михайлычъ!.. Здравствуй Вѣрочка!.. (Зорскому) Вотъ Неронъ Елисеичъ говоритъ, что вы, батюшка, съ позволенія сказать, загордитесь!

ЗОРСКІЙ. Отчего такъ?

НЕВѢРОВЪ. Чудакъ, истинно чудакъ!.. Вы не такой человѣкъ, я васъ знаю!.. А ужъ потѣшили, съ позволенія сказать,—этотъ будочникъ что у васъ тамъ на картинѣ...

ДУДКА (Зорскому). Только вы, сдѣлайте милость, того!..

ЗОРСКІЙ. Извините,—это не мой рисунокъ!.. быть можетъ, случайное сходство... (встопону) Вотъ попался!..

НЕВѢРОВЪ. Уморительный будочникъ, вотъ, съ позволенія сказать, живой Неронъ Елисеичъ!..

ДУДКА. Маленько—то смахиваетъ того!..

ВѢРОЧКА. Какъ, папаша, будочникъ похожъ на Нерона Елисеича,

НЕВѢРОВЪ. Нѣтъ, мой ангелочикъ, съ позволенія сказать, Неронъ Елисеичъ похожъ на будочника, что стоитъ тамъ на углу, то есть, на картинѣ!

ДУДКА. Однако-же это, сдѣлайте милость, неприлично!

НЕВЪРОВЪ. Отлично, ужь правда, что отлично!.. Другая-то картина тоже отличная, только то уже, съ позволенія сказать, со всѣмъ другое!..

ЗОРСКІЙ (*всторону*). Я счастливъ, онъ не сердится!

НЕВЪРОВЪ. И Вѣрочка, точно амуръ, то есть, тотъ амуръ, вотъ точно Вѣрочка!..

ВѢРОЧКА. Какой амуръ, папаша?

ДУДКА. Да тамъ у нихъ на картинѣ!.. И все, знаете, только портреты, того!.. Другая, сдѣлайте милость, на Елену Ѳедоровну смахиваетъ!..

НЕВЪРОВЪ. Да, съ позволенія сказать, другая вотъ точно будто написана съ Елены Ѳедоровны!.. Кстати, гдѣ это она, мой ангелочикъ?..

ВѢРОЧКА. Въ своемъ кабинетѣ,—у нея гостя!

НЕВЪРОВЪ (*съ испугомъ*). Что, Костя?.. Какой это, съ позволенія сказать, Костя?

ВѢРОЧКА. Не Костя,—гостя!.. Надежда Марковна.

НЕВЪРОВЪ. А такъ ты-бы такъ и говорила!.. Ну, Неронъ Елисвичъ, пойдѣмъ и мы къ нимъ... (*Впрочкѣ и Зорскому*) А вы тутъ, съ позволенія сказать, занимайтесь!.. (*Дудкѣ*) Пойдѣмъ, мой ангелочикъ!

ДУДКА. Сдѣлайте милость, того!..

(*Уходятъ.*)

XII.

ВѢРОЧКА и ЗОРСКІЙ.

ВѢРОЧКА. Ну, Артемій Михайлычъ, давайте опять вашъ поцѣлуй.

ЗОРСКІЙ. Мой поцѣлуй?.. моего вы не примите!

ВѢРОЧКА. Пожалуйста, не дурачьтесь!.. (*рисуетъ*).

ЗОРСКІЙ (*всторону*). Какъ она мила!..

ВѢРОЧКА (*продолжая рисовать*). Артемій Михайлычъ, вы давеча начали что-то говорить...

ЗОРСКІЙ. Такъ вы позволяете, чтобъ я кончилъ?.. О, я счастливъ!.. Знайте, я долго молчалъ, долго томился, но нѣтъ силъ томиться долѣ!.. Вѣра — я люблю васъ.

(*схватываетъ ее за руку и цѣлуетъ.*)

ВѢРОЧКА. Что вы, что вы?

ЗОРСКІЙ. Не оскорбляйся этимъ! ты сама вынудила признанье, ты вырвала мою тайну!

Любовь къ тебѣ скрывать—нѣтъ силы,
Она въ душѣ моей—давно!
Твои черты, твой образъ милый
Я перенесъ на полотно!
И передъ милымъ мнѣ портретомъ
Я часто плакалъ и грустилъ,
На грусть и слезы мнѣ отвѣтомъ
Лишь взоръ съ моей картины былъ.
Будь ты моею,—взоръ твой ясный
Живою прелестью горить!
Мечта моя, мой другъ прекрасный
Пойми, что сердце говорить,
И награди меня привѣтомъ,
Сердечной лаской подари,
Любви твоей отраднымъ свѣтомъ
Печальный путь мой озари!

ВЪРОЧКА. Артемій!

(продолжительный поцѣлуй, во время котораго входитъ Дудка).

XIII.

ТѢЖЕ П ДУДКА.

ДУДКА. Вѣра Петровна, того!.. *(увидя что они цѣлуются).*
Эвона!

ВЪРОЧКА *(въ испуг).* Ахъ!

ДУДКА. Тятенька кличетъ того!..

(Върочка, закрывъ лицо руками, убѣгаетъ).

XIV.

ЗОРСКІЙ П ДУДКА.

ДУДКА. А помилюйте, того, сдѣлайте милость... то есть, какъ вы смѣете того?..

ЗОРСКІЙ. Того, того,—чего того?..

ДУДКА. То есть, вы здѣсь учитель того, а не цѣловальникъ!

ЗОРСКІЙ. А вы цѣловальникъ? Поздравляю!

ДУДКА. То есть, я говорю: зачѣмъ вы цѣлуетесь?

ЗОРСКІЙ. А вамъ какое до этого дѣло?

ДУДКА. Такое дѣло того, что Вѣра—то Петровна моя невѣста!..
И позвольте вамъ сказать того, сдѣлайте милость, — чего вы, то
есть, отъ меня хотите?.. Тамъ, сдѣлайте милость, рисуete меня,
то есть, будочникомъ!.. тутъ мою невѣсту того!..

Звали васъ давать уроки
Вѣрѣ рисовать,
А вы стали вдругъ пороки
Ей преподавать:
Цѣловать ее безбожно,
Какъ вамъ не грѣшно?
Это только мнѣ лишь можно!

ЗОРСКІЙ.

Вамъ?.. Ей, ей,—смѣшно!
По какому жъ это праву,
Кто вамъ далъ его?

ДУДКА.

Это, то-есть, по уставу,
Я—женихъ, того!..
И женихъ-то я задорный,
Вамъ меня не смочь,
Потому прошу покорно,
Убирайтесь прочь!
А не то, не тратя рѣчи
Я васъ провожу.
Да ужъ только въ спину, въ плечи
Вотъ какъ удружу!

ЗОРСКІЙ.

Милый Дудка не сердитесь...

ДУДКА.

Знаемъ васъ теперь,
Не финтите, не вертитесь!..
Вотъ вамъ, сударь, дверь!

ЗОРСКІЙ. Дверь-то я вижу, только выдти въ эту дверь, знаете, совсѣмъ выдти, кажется, придется скорѣе вамъ, нежели мнѣ!

ДУДКА. Помилуйте, сдѣлайте милость, это уже слишкомъ того!

ЗОРСКІЙ. Да, оно не совсѣмъ пріятно,—я съ вами согласенъ... сожалѣю о вашей участи...

ДУДКА. Не жалуйте, сдѣлайте милость, того...

ЗОРСКІЙ. Но вы напрасно сердитесь, — вы должны знать, что Вѣра Петровна не любить васъ, да и любить не можетъ!..

ДУДКА. Да вамъ-то, сдѣлайте милость, что за дѣло, того?.. Помилуйте, сдѣлайте милость, вы, то есть, хотите лишить меня

счастія и того, то есть, приданаго!... Вы, то есть, хотите мою дорогу того!..

ЗОРСКІЙ. Не кричите, выслушайте меня!

ДУДКА. А что оно, сдѣлайте милость, чего, то есть, я не слыхаль?.. Я собственными глазами видѣлъ ваше поведеніе!.. Вы цѣлуетесь, вы, то есть, рисуете обидныя каррикатуры,—стыдно то го, стыдно!..

ЗОРСКІЙ. Уйметесь-ли вы наконецъ, выслушаете-ли меня?..

ДУДКА. Нечего, сдѣлайте милость, слушать!.. Вы, то есть, не имѣли никакого права рисовать меня въ видѣ будочника!.. Я никогда, то есть, не позволю вамъ, сдѣлайте милость, того!..

ЗОРСКІЙ. Однако, я вижу, съ вами поладить мудрено!

ДУДКА. Оно, сдѣлайте милость, и не нужно!

ЗОРСКІЙ. Въ такомъ случаѣ, я приму свои мѣры!..

ДУДКА. Какія угодно, того!.. Ваши мѣры, сдѣлайте милость, меня, то есть, не испугаютъ!..

ЗОРСКІЙ (*уходя*). А вотъ увидимъ!

XV.

ДУДКА, ПОТОМЪ ПАРАМОНЪ и КРАСОТКИНА.

ДУДКА. Какой оно, сдѣлайте милость, фертикъ того! . И рисуетъ того, и цѣлуетъ!.. Да и Вѣра-то Петровна тоже!.. А что, сдѣлайте милость, коли она и давно такъ уже того!.. Это-то есть, благодарю покорно!..

Я готовъ проститься съ вѣкомъ
Холостымъ, не тратя словъ,
Быть солиднымъ человѣкомъ
И жениться—я готовъ!

Но себѣ въ подруги душку
Надо съ толкомъ выбирать,
А кокетку да вертушку
Не подѣ статью уже мнѣ брать!

Жизнь съ кокеткою—мученье!
У кокетокъ нѣтъ мужей,
У нихъ мужъ, мое почтенье,
Просто только казначей!

До долговъ ей нѣтъ и дѣла,
Мужъ у ней не разсуждай:
Чтобъ она ни захотѣла,
Хоть умри тутъ, а подай!

Оно какъ ни того, а все, сдѣайте милость, лучше по разспросить у людей!... (*Идетъ къ двери*) Парамонъ, подика ты сюда!...

ПАРАМОНЪ (*входя*). Чего изволите-съ?

ДУДКА. Вотъ что, скажи ты мнѣ, сдѣлай милость, того.... да только говори правду.... Пстой, вотъ тебѣ!... (*даетъ денегъ*).

ПАРАМОНЪ. Благодарю покорно! (*Въ это время Красоткина растворяетъ дверь, но видя разговаривающихъ, останавливается и подслушиваетъ*).

ДУДКА. Скажи, то есть, не видалъ ли ты этакъ чего нибудь, чтобъ Вѣра Петровна съ этимъ вотъ учителемъ того.... то есть, цѣловалась, или что, а?

ПАРАМОНЪ. Нѣтъ, сударь, что вы! Артемій Михайлычъ, кажись, такой хорошій, смиренный баринъ!... да и барышня-то наша не позволить,—она вѣдь не свой братъ!

ДУДКА. Какое не позволить!... Я самъ засталъ того, то есть, цѣловалась!

ПАРАМОНЪ. Эва? .. Ну, да правда, что же тутъ и мудреного, дѣло барское: сидятъ вдвоемъ!... Неровень часъ: лукавый, сударь, хитеръ!... А вѣдь на грѣхъ-то мастера нѣтъ!

ДУДКА. Вотъ то-то оно и есть, того!...

ПАРАМОНЪ. Да какимъ же это манеромъ, сударь?... Вѣдь барышня-то, кажись, ваша невѣста.

ДУДКА. За тѣмъ-то я тебя, то есть, и спрашиваю.

ПАРАМОНЪ. А знаете ли что, сударь,—по моему простому сужденію, такъ право, наша барышня вамъ не пара!

ДУДКА. Отчего же оно того?... Скажи, то есть, сдѣлай милость!...

ПАРАМОНЪ. Вотъ изволите видѣть:

Она поджарая такая,
А вы забористый такой,
Такъ вамъ нужна бѣ жена другая,
А ей бы нуженъ мужъ другой.

Она прехуденькая въ тѣлѣ
И тоньше шейки перехватъ;
Вѣдь страшно тронуть въ-самомъ-дѣлѣ!
А вы, такъ просто, сударь,—хватъ!

Она и ѣсть-то какъ цыпленокъ,
А вы ѣдите такъ, какъ я,
А мнѣ отъ самыхъ отъ пеленокъ
Ѣда—любимая статья!

Такъ вы супружницу сыщите
Себѣ потолще, поплотнѣй,
Съ такой сытнѣ поѣдите,
Да и обвинитесь сильнѣй!

На мой скусъ, баринъ, вотъ невѣста,
Надежда Марковна—король!
Сама какъ-будто вся изъ тѣста,
И денегъ—сколько хошь—изволь!

ДУДКА. А что, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ оно того!... то есть, Надежда Марковна!... Говорять, что у нея и денежки-то водятся, послѣ дяди тамъ, что ли того!...

ПАРАМОНЪ. Да право, сударь, такъ!... Она же и не закобь-нится, дѣвка староватая!

КРАСОТКИНА (*тихо*). Экой глупый мужикъ!

ПАРАМОНЪ. То есть, оно не то, чтобъ совсѣмъ старая, а только давно уже пора пристроиться.

ДУДКА. То есть оно, сдѣлайте милость, и правда, надобно подумать того....

ПАРАМОНЪ. Эхъ, сударь, да чего тутъ долго думать? На вшемъ мѣстѣ, такъ я бы просто по-нашенски:

Ты-де хорошая моя
Выди за-мужъ за меня!

Право, сударь, такъ,—а вѣдь невѣста-то знатная!

КРАСОТКИНА (*подходя къ нимъ*). О комъ это вы говорите, кто это знатная невѣста?

ДУДКА. Это, то есть, сдѣлайте милость, того!... оно то есть, я спрашивалъ у Парамона на счетъ Вѣры Петровны!...

ПАРАМОНЪ. Эхъ, сударь, что тутъ нести околесную?.. Сказали бы прямо.

КРАСОТКИНА. Что же такое прямо, что это значить?

ДУДКА. Онъ, сдѣлайте милость, то есть, просто того....

ПАРАМОНЪ. Ну, ужъ коли на то пошло, такъ я же вамъ помогу.

ДУДКА. Пстой, Парамонъ, сдѣлай милость не того!...

ПАРАМОНЪ. Да что же на пустякахъ-то останавливаться, время по пустому тратить?.. Вотъ, изволите видѣть, сударыня, вотъ баринъ собирается жениться!

КРАСОТКИНА. Прекрасно!

ПАРАМОНЪ. Вотъ и говорятъ, ка-бы Надежда Марковна.... а я, то есть, этакъ и говорю....

ДУДКА. То есть оно того!.. Только помилуйте, сдѣлайте милость, а я не совсѣмъ того!..

КРАСОТКИНА. Чего же, — я рада: мнѣ пріятно предложеніе такого солиднаго человѣка. Я очень согласна!

ПАРАМОНЪ. Вѣдь я вамъ, сударь, говорилъ, что они не того...

ДУДКА. Это, сдѣлайте милость, то есть, когда только Вѣра Петровна не того!..

КРАСОТКИНА. Вы не конфузьтесь, Неронъ Елисейчъ, я все слышала. Вѣрочка цѣловалась съ учителемъ, и вы это видѣли... Это, знаете, ваше счастье, что вы ихъ застали!.. Какъ благородный человѣкъ, вы должны теперь оставить, отступить отъ нея!.. Вы должны этакъ, знаете, сказать Петру Иванычу, что не можете жениться на такой дѣвчонкѣ, которая рада броситься на шею встрѣчному-поперечному!..

ДУДКА. Оно и дѣйствительно того!....

КРАСОТКИНА. Вы, знаете, скажите этакъ, что нашли себѣ подругу солидную, достойную!..

ДУДКА. То есть оно, сдѣлайте милость, и справедливо!..

КРАСОТКИНА. Разумѣется!.. Признаться, — я сама рада вашему выбору. (*нѣжно*). Знаете, я давно думала объ васъ!..

ДУДКА. Неужели, того?..

КРАСОТКИНА. Право!.. И никогда, знаете, не надѣялась, чтобъ съ Вѣрочкой вы могли быть счастливы!.. А теперь, — ну, поцѣлуйте же меня, мой милый Неронъ!

ДУДКА. Помилуйте, то есть, сдѣлайте милость! (*цѣлуются*).

ПАРАМОНЪ. Ай да Парамонъ, — состряпалъ дѣло!

ДУДКА. Да какія же у васъ губки, того!..

КРАСОТКИНА. Объ этомъ цосль, милый Неронъ, а теперь надо, знаете, объясниться съ Петромъ Иванычемъ на счетъ вашего отказа отъ руки его дочери...

ДУДКА. То есть, какъ же это того?

КРАСОТКИНА (*береть его подъ руку*). Да пойдѣте вмѣстѣ, — какъ ваша невѣста, я имѣю теперь полное право говорить за васъ.

ДУДКА. Сдѣлайте милость, того!..

КРАСОТКИНА (*тащитъ его*). Пойдѣте, пойдѣте!.. А тебя, добрый Парамонъ, я не забуду!

ПАРАМОНЪ. Благодарствую, сударыня!

(*Красоткина и Дудка уходятъ.*)

XVI.

ПАРАМОНЪ, потомъ ЗОРСКІЙ.

ПАРАМОНЪ. Дѣло, Парамонъ, право дѣло,—скрутиль да и концы въ воду!.. И благодарность еще получишь!.. А вѣдь любо взглянуть, что за парочка,—два, три слова—и поладили!.. то есть, какъ говорится: рыбакъ рыбака видитъ издалека!.. А то этакой здоровенный, да къ нашей барыниѣ подбивается,—и что за скусь такой!.. Право, эти бары пречудной народъ!

Иной какъ тросточка во фракѣ,
Весь ростъ—аршина полтора,
Щелчкомъ въ порядочной-бы дракѣ
Пришибли-бъ—словно комара!
А вѣдь финтить и лѣзеть въ гору:
Подлипнетъ къ барыниѣ такой,
Что великану было-бъ въ пору,—
И важенъ такъ, что ой, ой, ой!

Другой, тяжелъ какъ быкъ дородный,
Едва ногами шевелить,
А смотришь: онъ какъ фертикъ модный
Танцуетъ, съ дамами шалить...
И вѣдь нарочно, какъ для сраму
Себѣ подъ пару не беретъ,
А выберетъ такую даму,
Что вся въ карманъ къ нему взойдетъ!

На счетъ кармановъ тожъ различно,—
У нихъ на всё порядокъ свой:
Иной франтить, живетъ отлично,
А гроша вѣту за душой!
Другой милыоны накопивши,
Порядочно ни ѣсть, ни пьеть!
Такъ право скажешь, разсудивши,
Что бары пречудной народъ!

ЗОРСКІЙ (входя). Парамонъ, скажи пожалуйста, не знаешь ли ты, гдѣ Елена Федоровна?

ПАРАМОНЪ. Не могу знать, сударь!

ЗОРСКІЙ. Поищи ихъ и попроси сюда на одну минуту, — скажи, что очень нужное дѣло!..

ПАРАМОНЪ. Да они, должно быть, у себя въ кабинетѣ.

ЗОРСКІЙ. Нѣтъ, я тамъ былъ.

ПАРАМОНЪ. Ну, такъ они у Петра Иваныча, вы туда и пожайте.

ЗОРСКІЙ. Мнѣ туда нельзя!.. Ты попроси Елену Федоровну выйти сюда, скажи, что на одну только минуту.

ПАРАМОНЪ. Такъ вы и ждать будете?

ЗОРСКІЙ. Разумѣется!

ПАРАМОНЪ. Очень хорошо—съ.

XVII.

ЗОРСКІЙ и потомъ ВЪРОЧКА.

ЗОРСКІЙ. Ахъ, если бы она согласилась вступить за меня, я былъ бы счастливъ!.. Да, я вижу, Вѣра любитъ меня!

ВЪРОЧКА (*вбѣгая*). Вы здѣсь, а я васъ ищу!.. Скажите, ради Бога, что вы тутъ надѣлали?

ЗОРСКІЙ. Я?.. рѣшительно ничего!

ВЪРОЧКА. Надежда Марковна съ Нерономъ Елисаичемъ за что-то на васъ жалуются... Папа выслалъ меня изъ кабинета.

ЗОРСКІЙ. Это ничего, надо только поговорить съ Еленой Федоровной, и попросить ее объясниться съ Петромъ Иванычемъ...

ВЪРОЧКА. О чемъ объясниться?

ЗОРСКІЙ. Это мой секретъ.

ВЪРОЧКА. Секретъ?.. а, понимаю!

ЗОРСКІЙ. И позволяете?

ВЪРОЧКА (*шутя*). Нѣтъ—съ, не позволяю!

ЗОРСКІЙ. Вы прелесть! (*цѣлуетъ ея руку*).

ВЪРОЧКА. Пустите, кто-то идетъ!.. (*убѣгаетъ*).

ЗОРСКІЙ. Она съ каждымъ часомъ становится милѣе!

XVIII.

ЗОРСКІЙ и НЕВЪРОВА.

НЕВЪРОВА. Вы желали меня видѣть. Что вамъ угодно?

ЗОРСКІЙ. Простите, что я потревожилъ васъ, но я долженъ съ вами говорить, говорить откровенно, отъ души!.. Мое сердце такъ переполнено, что я наконецъ долженъ высказаться!.. Притомъ же, извините за откровенность, я люблю васъ, и потому могу предъ вами раскрыть свою душу.

НЕВЪРОВА. Я что-то не совсѣмъ понимаю васъ...

ЗОРСКІЙ. Между тѣмъ это очень просто, очень понятно... Бы-

вая здѣсь такъ часто, безпрестанно любуюсь, удивительно ли, что я не могъ остаться равнодушнымъ, что я невольно увлекся!..

НЕВЪРОВА (*въ сторону*). Боже!.. Что онъ говоритъ!

ЗОРСКІЙ. Вы женщина; вамъ должно быть понятно это чувство; вы знаете, какъ томительна безнадежная любовь, какъ мучительна неизвѣстность!

НЕВЪРОВА. Если все это относится ко мнѣ, то вы, кажется, забываете, что я замужемъ!..

ЗОРСКІЙ. О, нисколько!.. И тѣмъ болѣе вы должны понимать меня!

НЕВЪРОВА. Вы ошибаетесь, я не могу и не должна понимать васъ!.. И если вы звали меня только за тѣмъ, чтобъ оскорблять этими объясненіями, то прошу васъ оставьте это!.. Я всегда считала васъ человѣкомъ благороднымъ... Петръ Ивановичъ любилъ васъ, принималъ, какъ роднаго!.. А вы, послѣ этого, рѣшаетесь такъ оскорбительно говорить со мною!..

ЗОРСКІЙ. Но, ради Бога, скажите, чѣмъ я могъ оскорбить васъ?

НЕВЪРОВА. А ваши слова, ваше объясненіе развѣ не обида для благородной женщины?.. Теперь я могу быть откровенной, скрываться не зачѣмъ; я невольно увлеклась вами, я начинала васъ любить, какъ друга... какъ брата!.. Но послѣ того, что я отъ васъ слышала, я вижу, вы этого не стоите!.. и мнѣ обидно, что я могла такъ жестоко ошибаться!

ЗОРСКІЙ. Но позвольте спросить, въ чемъ же вы ошиблись?..

НЕВЪРОВА. И вы еще можете спрашивать?

ЗОРСКІЙ. Я не понимаю однако, почему такъ оскорбило васъ мое объясненіе? Неужели родство со мною для васъ такъ позорно?

НЕВЪРОВА (*удивленная*). Родство? О какомъ же родствѣ это вы говорите?

ЗОРСКІЙ. Да вѣдь если Вѣра Петровна выйдетъ за меня, то мы не можемъ не породниться.

НЕВЪРОВА. Такъ вы развѣ о ней хлопочите?

ЗОРСКІЙ. Я васъ объ этомъ только и прошу, и кажется, ничего другаго не говорилъ...

НЕВЪРОВА. Извините, я васъ не поняла!.. (*всторону*). Опять сдѣлала глупость!

ЗОРСКІЙ. Да, Елена Ѳедоровна, умоляю васъ, уговорите Петра Ивановича согласиться на мое предложеніе, тѣмъ болѣе, что Вѣра Петровна знаетъ объ этомъ...

НЕВЪРОВА. Вы спрашивали ее?

ЗОРСКИЙ. Да, сегодня... Теперь нужно только согласіе Петра Ивановича, а въ этомъ мы полагаемся на ваше заступничество: отъ васъ зависить все наше счастье!

НЕВЪРОВА. О, за это я возьмусь охотно! (*всторону*) самъ Богъ спасаетъ меня!

ЗОРСКИЙ. Ахъ, Елена Федоровна, если вы это для насъ сдѣлаете, я буду васъ вѣчно любить, и вѣчно благодарить. (*Цѣлуетъ ея руку; въ это время входятъ Невъровъ Дудка и Красоткина.*)

XIX.

НЕВЪРОВЪ, НЕВЪРОВА, ЗОРСКИЙ, ДУДКА И КРАСОТКИНА.

НЕВЪРОВЪ (*увидя, что Зорскій цѣлуетъ руку его жены*). Господи!.. Артемій Михайлычъ, ангелочикъ мой!

Что же это тутъ за штуки,

Съ позволенія сказать,—

Вы цѣлуете ей руки!..

КРАСОТКИНА.

Онъ цѣлуетъ дочь и мать!

ДУДКА.

Этакое развратъ заводить,—

Прогоните его прочь!

НЕВЪРОВЪ.

Онъ меня совсѣмъ уходитъ!

ДУДКА И КРАСОТКИНА.

Васъ, жену и вашу дочь!

НЕВЪРОВЪ. Разодолжилъ, мой ангелочикъ, съ позволенія сказать, очень разодолжилъ!.. Я отъ васъ этого никогда не ожидалъ, то есть рѣшительно никогда!.. Я васъ, мой ангелочикъ, считалъ добрымъ, смиреннымъ человѣкомъ, а вы, какъ я вижу, человѣкъ опасный!.. человѣкъ, съ позволенія сказать... неблагонамѣренный! (*женя*). А вамъ—то Лѣля какъ не стыдно,

Вы были круглой сиротою,

И я васъ страстно полюбилъ,

А вы смѣтаете надо мною...

Ахъ, лучше бъ я себя убилъ!

(съ плачемъ.) На голову мою сѣдую

Вы навлекаете позоръ,

Постой-де, я его надую!..

(сердясь.) А я поставлю вотъ надзоръ!

Я вотъ запрю васъ просто въ кѣтку,

И съ позволенія сказать,

Ходить къ вамъ буду очень рѣдко,

Чтобъ васъ порядкомъ наказать!

ЗОРСКІЙ. Петръ Ивановичъ, вы напрасно сердитесь, я просилъ Елену Федоровну...

НЕВЪРОВЪ. Что, съ позволенія сказать?

ЗОРСКІЙ. Я просилъ Елену Федоровну поговорить...

НЕВЪРОВЪ. Да какъ же вы смѣете, съ позволенія сказать...

НЕВЪРОВА. Г. Зорскій просить у васъ Вѣрочкину руку, и потому сначала адресовался ко мнѣ...

НЕВЪРОВЪ. Что такое?

НЕВЪРОВА. Артемій Михайлычъ ко мнѣ адресовался, чтобъ просить...

НЕВЪРОВЪ. Тьфу!.. Интересовался, онъ въ тебѣ интересовался, да мнѣ-то тутъ, съ позволенія сказать, что за польза такая?..

НЕВЪРОВА. Я говорю: адресовался.

НЕВЪРОВЪ. Зачѣмъ?

НЕВЪРОВА. Просить Вѣрочкину руку.

НЕВЪРОВЪ. Да вотъ еще, и Вѣрочкину-то руку цѣловали тоже... (указывая на Дудку). Вотъ и они видѣли.

ДУДКА. Оно не руку, а просто, то-есть, въ губы, того!

НЕВЪРОВЪ. Что, душенька?

ДУДКА. Въ губы цѣловаль, въ губы.

НЕВЪРОВЪ. Въ зубы, напаваль, кого, мой ангелочикъ?

ДУДКА. Экой глухарь, того!

НЕВЪРОВЪ. Ты, душенька, непонятно говоришь!

КРАСОТКИНА. Онъ говоритъ, что Вѣрочку цѣловали въ лицо!

НЕВЪРОВЪ. Вотъ что!.. Да какъ же это Вѣрочка-то смѣла позволить, вѣдь этакъ цѣлуются одни только, съ позволенія сказать, женихи!

НЕВЪРОВА. Онъ и просить, чтобъ вы благословили его быть женихомъ Вѣрочки.

НЕВЪРОВЪ. Да, да, да! рассказывайте!.. А васъ-то, душенька, зачѣмъ же онъ цѣловалъ?

НЕВЪРОВА. Чтобъ я за него вступилась и поговорила съ вами.

НЕВЪРОВЪ. Вотъ что! (*Обращаясь къ Дудкѣ и Красоткиной*). А какъ же вы, ангелочки мои, говорите, что онъ, съ позволенія сказать, развратникъ?

ДУДКА. Не знали, то-есть, что онъ сватается того!..

ЗОРСКІЙ. Что же, Петръ Ивановичъ, согласны ли вы на мое предложеніе?

НЕВЪРОВЪ. Я, душенька, ничего не знаю, надо спросить Вѣрочку, она не дитя... А принуждать я не стану!.. Впрочемъ, все-таки вы цѣловали жену мою... поэтому, можетъ-быть, на счетъ Вѣрочки вы только такъ, съ позволенія сказать, для отвода!..

ЗОРСКІЙ (*идетъ къ двери*). Парамонъ, поди, попроси сюда Вѣру Петровна.

XX.

ТЪ ЖЕ, ПАРАМОНЪ и потомъ ВѢРОЧКА.

ПАРАМОНЪ (*входя*). Они, должно быть, въ оранжерею пошли.

НЕВЪРОВА. Такъ сбѣгай туда и попроси ее сюда.

ПАРАМОНЪ. Слушаю-съ! (*идя къ двери*). Кажись, другая свадьба!.. Да вотъ они и сами. (*входитъ Вѣрочка*).

НЕВЪРОВЪ. А! поди-ка сюда, мой ангелочикъ!

ВѢРОЧКА. Что прикажете, папá.

НЕВЪРОВЪ. Вотъ видишь, давеча ты цѣловала своего учителя, а теперь отъ тебя за это отказался женихъ, — вотъ Неронъ Елисейчъ отказался, и уже нашелъ себѣ, съ позволенія сказать, другую невѣсту!

ВѢРОЧКА. Я очень рада, папаша!.. Поздравляю васъ, Неронъ Елисейчъ!.. А какую же вы нашли себѣ невѣсту, кто эта счастливица?

ДУДКА (*указываетъ*). Вотъ, сдѣлайте милость!..

ВѢРОЧКА. Надежда Марковна?.. Имѣю честь поздравить!

КРАСОТКИНА. Благодарю, душечка!

НЕВЪРОВА. Какъ, Надежда Марковна, такъ и вы тоже выходите замужъ?

КРАСОТКИНА. Что-жъ тутъ удивительнаго, развѣ я не такая же дѣвица?

ДУДКА. Помилуйте, сдѣлайте милость, совершенно такая-же того!

НЕВЪРОВА (*Красоткиной*). Я изъ участія спрашиваю, я рада васъ поздравить! (*подходитъ къ ней и подаетъ руку*).

НЕВЪРОВЪ (*Впрочкѣ*). Такъ что же, мой ангелочикъ, это не огорчаетъ тебя, что женихъ-то отказался?

ВЪРОЧКА. Нисколько!

НЕВЪРОВЪ. Такъ значить, ты замужъ выходить и не хочешь?

ВЪРОЧКА. Нѣтъ, папаша, хочу.

НЕВЪРОВЪ. Да за кого же ты выйдешь?

ВЪРОЧКА. А вы какъ-бы желали, папаша?

НЕВЪРОВЪ. Я, мой ангелочикъ, ничего, съ позволенія сказать, не знаю! Ты сама не дитя, ты понимаешь, мой ангелочикъ, что въдъ замужъ-то выходить надо тебѣ, а не мнѣ!.. такъ ты и должна сама высмотрѣть и выбрать жениха, а потомъ и скажи мнѣ, а я только благословлю и все тутъ!.. Мое дѣло—сторона, мнѣ только благословить надо!..

ВЪРОЧКА. Если такъ, благословите, папаша!

НЕВЪРОВЪ. Что, душечка?

ВЪРОЧКА. Благословите!

НЕВЪРОВЪ. Какъ, мой ангелочикъ, а женихъ-то гдѣ?

ВЪРОЧКА. Женихъ?.. (*беретъ Зорскаго за руку*). Вотъ, папаша!.. благословите-же!

НЕВЪРОВЪ (*Зорскому*). Такъ вы, съ позволенія сказать, женихъ серьезно? Ну, дѣло, мои ангелочки, дѣло! (*соединяя*). Богъ васъ благословить!.. Вотъ теперь, мои ангелочки, цѣлуйтесь во всю ивановскую, теперь можно!..

ДУДКА. Да-съ, сдѣлайте милость, теперь, то-есть, можно того!..

(*Впрочка и Зорскій цѣлуются*).

ПАРАМОНЪ (*Дудкѣ*). А все съ моей легкой руки, сударь!

НЕВЪРОВЪ. Ну, теперь у насъ, кажется, дѣло слажено, а вотъ, съ позволенія сказать, какъ мы съ толками-то поладимъ?

Вы знаете—отец я нѣжный,
Такъ, съ позволенія сказать,
Мои гуть просьбы неизбѣжны,
Чтобъ нашу Вѣру поддержать.
Гуть нужно только больше грому,
Вѣдь право всё здѣсь иногда
Стучать, ей-Богу, по пустому!..
Не разсердитесь, господа!

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, 20-го числа. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 нумерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, *фото-литографическіе портреты* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА НА 1854 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

исключительно

Въ С. Петербургъ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ П. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она ответственности на себя не принимаетъ.*

Все лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ въ теченіе года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ** слѣдующими къ нимъ приложеніями.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ФЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, у Чернышева моста, въ домъ *Лыткина.*»